

БРЕНДОН
САНДЕРСОН

BOOKTRAN

Сокрушитель
Войн

«Сокрушитель Войн» – история о двух сестрах-принцессах, Вивенне и Сири; о короле-боге, который должен жениться на одной из них; о боге, не верящем в собственную божественность; и о загадочном Вашере, стремящемся исправить совершенные им некогда ошибки.

В этом мире умершие славною смертью возвращаются, чтобы стать богами в пантеоне Халландрена, а биохроматическая магия основывается на использовании дыхания – особой жизненной силы, имеющейся у каждого человека. Источником энергии для магии служит цвет. С этой магией становятся возможны любые чудеса и злодеяния. И те и другие во множестве встретятся на пути героев романа.

Информация о переводчиках

Перевод: с пролога по 45 гл. Василий Зеленков, Anahitta, E.W.;
с 46 гл. по эпилог Anahitta
Редактура и вычитка: Anahitta, E.W., marmax, paloozer и др.
Booktran, 2015-2016 гг.

Интересные новости о творчестве Брендона Сандерсона в нашей группе:
www.vk.com/b.sanderson.

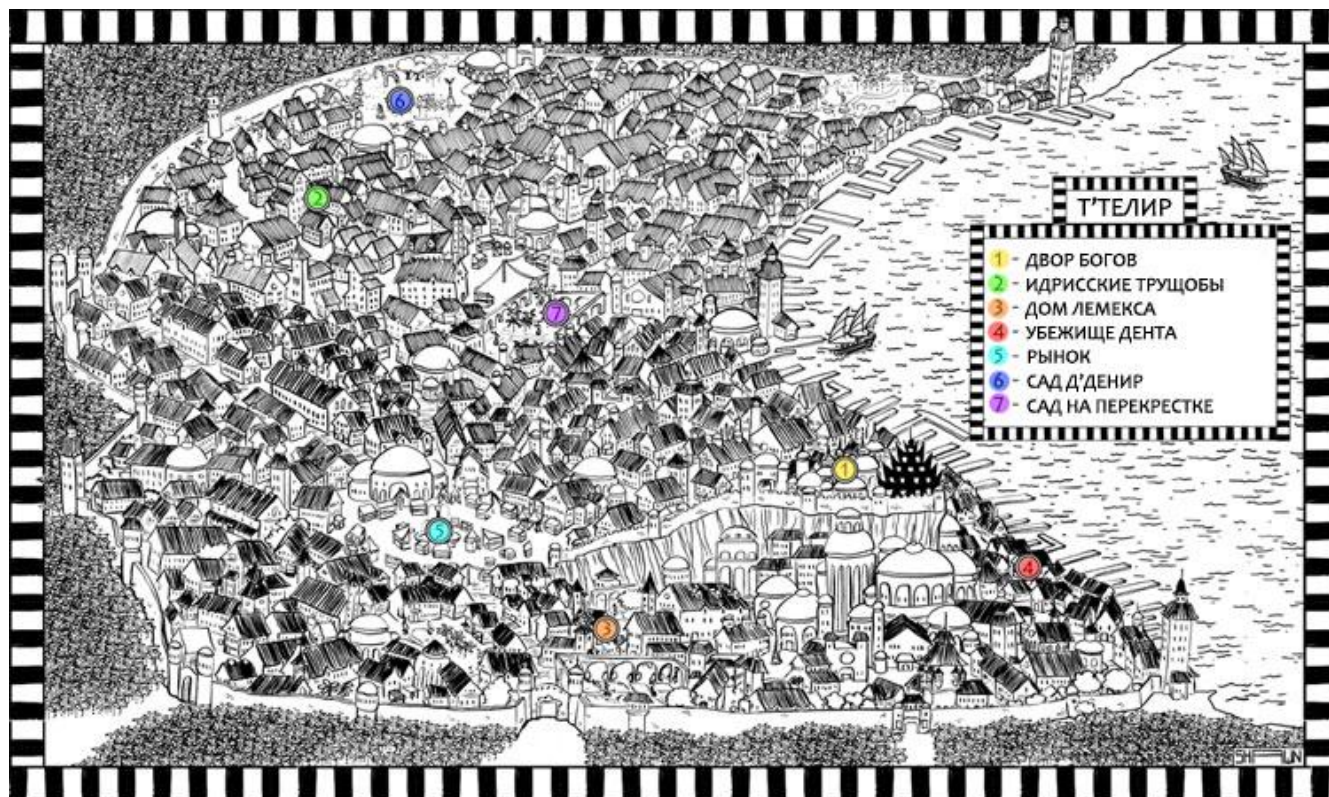
Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект, добро пожаловать на www.booktran.ru.

Оглавление

Карта Т'Телира	9
Благодарности	10
Пролог	11
Глава 1	17
Глава 2	25
Глава 3	31
Глава 4	39
Глава 5	42
Глава 6	50
Глава 7	59
Глава 8	67
Глава 9	73
Глава 10	80
Глава 11	85
Глава 12	91
Глава 13	97
Глава 14	104
Глава 15	114
Глава 16	119
Глава 17	127
Глава 18	133
Глава 19	139
Глава 20	148
Глава 21	152
Глава 22	157
Глава 23	177
Глава 24	186
Глава 25	193
Глава 26	200
Глава 27	213
Глава 28	222
Глава 29	231
Глава 30	239
Глава 31	247
Глава 32	257
Глава 33	268
Глава 34	275
Глава 35	283
Глава 36	292
Глава 37	300

Глава 38	303
Глава 39	309
Глава 40	312
Глава 41	318
Глава 42	321
Глава 43	326
Глава 44	339
Глава 45	344
Глава 46	344
Глава 47	354
Глава 48	359
Глава 49	363
Глава 50	376
Глава 51	386
Глава 52	393
Глава 53	401
Глава 54	408
Глава 55	415
Глава 56	423
Глава 57	429
Глава 58	436
Эпилог	446
Arg Arcanum	451

Карта Т'Телира

*Карта Т'Телира, скопированная с гобелена во дворце возвращенного бога Тимна Света Смелого, примерно 321 г.
Изображение схематичное, но по нему можно определить взаимное расположение основных объектов.*

Благодарности

Работа над «Сокрушителем Войн» была необычной сразу в нескольких отношениях. Подробнее об этом вы можете прочитать на моем сайте. Достаточно сказать, что альфа-ридеров у меня было больше обычного, и со многими из них я впервые столкнулся на форуме. Я постарался упомянуть здесь их всех, но уверен, что некоторых пропустил. Если вы входите в их число, не стесняйтесь, напишите мне на электронную почту, и мы добавим вас в следующее издание.

Прежде всех хочу поблагодарить мою любимую жену Эмили Сандерсон. Мы поженились во время работы над этой книгой. Это мой первый роман, к которому она приложила руку, высказывая пожелания и советы, и ее помощь очень ценна. Кроме того, как всегда, выражаю благодарность моему агенту Джошуа Билмсу и редактору Моше Федеру, колоссально потрудившемуся над рукописью и поднявшему ее со второго или третьего возвышения как минимум на восьмое.

В издательстве «Тор» несколько человек проделали работу, выходящую за рамки их служебных обязанностей. Первый из них Дот Лин, мой рекламный агент, который был особенно бесподобен. Спасибо, Дот! Как всегда, упоминания заслуживают неустанные старания Ларри Йодера, равно как и превосходная работа арт-директора «Тора», гениальной Ирен Галло. Дэн Дос Сантос сделал для этой книги обложку, и я настоятельно советую посетить его сайт и посмотреть другие его работы, поскольку считаю его на данный момент одним из лучших в этом деле. Также слова благодарности заслужил Пол Стивенс за то, что поддерживал корпоративную связь для моих книг.

В разделе особых благодарностей у нас Joevans3 и Dreamking47, Луиза Симард, Джефф Крип, Меган Кауффман, thelsdj, Меган Хатчинс, Иззи Уайтинг, Дженси Олдс, Дрю Олдс, Карла Беньон, Эрик Джеймс Стоун, Дэн Уэллс, Айзек Стюарт, Бен Ольсен, Greyhound, Demented Yam, D.Demille, Loryn, Kuntry Bumpken, Vadia, U-boat, Tjaeden, Dragon Fly, pterath, BarbaraJ, Шир Хасирим, Digitalbias, Spink Longfellow, amyface, Ричард «капитан Горадель» Гордон, Swiggly, Дон Коули, Drerio, David B, Мишель Трамел, Мэтью Р. Карлин, Олли Табугер, Джон Палмер, Хенрик Ник, и невероятный Питер Альстром.

Брендон Сандерсон

«Сокрушитель Войн»

Посвящается Эмили, ответившей «да»

Пролог

«Занятно, – подумал Вашер, – сколько всего начинается с того, что я попадаю в тюрьму».

Смеющиеся стражники с лязгом захлопнули дверь камеры. Вашер поднялся, отряхнул пыль и, поморщившись, потер плечо. В верхней части деревянной двери имелась решетка. Сквозь нее Вашер видел, как трое стражников открыли его сумку и принялись в ней копать.

Один из стражников – звероподобный здоровяк с бритой головой, форма которого оказалась настолько грязной, что яркие желто-синие цвета т'телирской городской стражи были едва различимы, перехватил взгляд Вашера.

«Яркие цвета, – подумал Вашер. – Придется снова привыкать к ним».

В любой другой стране солдаты в мундирах сочной желто-синей расцветки выглядели бы смешно. Но это Халландрен – страна возвращенных богов, безжизненных слуг, биохроматических исследований и, конечно же, красок.

Здоровяк оставил своих дружков, роющихся в пожитках Вашера, и медленно приблизился к двери камеры.

– А ты, говорят, не слабак, – сказал он, смерив Вашера оценивающим взглядом.

Вашер не ответил.

– Трактирщик сказал, ты в драке два десятка человек уложил. – Стражник потер подбородок. – Хотя по виду не скажешь. Но все равно не стоило бить жреца. Другие отсидят ночь в тюрьге, а вот тебя... тебя повесят. Придурок бесцветный.

Вашер отвернулся. Камера ему досталась надежная, но обычная. По верху одной из стен шла тонкая щель, пропускавшая свет. Влажные каменные стены поросли мхом, а в углу гнила куча грязной соломы.

– Чего молчишь? – спросил стражник, подходя ближе к двери.

Цвета его формы стали ярче, будто он ступил в полосу света. Изменения были слабыми. У Вашера осталось не так много дыхания, и его аура не слишком сильно воздействовала на цвета вокруг. Сам стражник перемен не заметил, как не заметил их и в трактире, когда с приятелями оторвал Вашера от пола и швырнул в повозку. Конечно, столь незначительную разницу почти невозможно уловить невооруженным глазом.

– Эй, глянь-ка, – произнес один из стражников, перебирающих пожитки Вашера.

– Это что такое?

Вашеру всегда казалось занятным, что стражники в тюрьмах, как правило, были настолько же безнравственны, как и те, кого они стерегли. А то и похуже. Возможно, это

делалось намеренно. Обществу все равно, по какую сторону решетки такие люди; главное, чтобы они оставались подальше от более честных граждан.

Если такие вообще существуют.

Стражник вытащил из сумки Вашера длинный, завернутый в белое полотно предмет, развернул ткань и, присвистнув, показал остальным длинный меч с узким лезвием в серебристых ножнах. Его рукоять была абсолютно черной.

– Как думаете, у кого он его спер?

Главный стражник смерил Вашера взглядом, явно прикидывая, не из знати ли тот. Хотя в Халландрене аристократия отсутствовала, во многих соседних королевствах были лорды и леди. Но какой лорд наденет невзрачный рваный коричневый плащ? Разве у лорда могут быть синяки после трактирной драки, неухоженная борода и сапоги, сношенные годами странствий? Стражник отвернулся, заключив, что Вашер никакой не лорд.

Он был прав. И ошибался.

– Дай-ка посмотреть, – сказал главный стражник, беря меч в руки.

Взвесив его в руке и удивленно хмыкнув, он повернул клинок и, разглядев застежку, которая скрепляла ножны с рукоятью и не давала вытянуть лезвие, расстегнул ее.

Цвета в комнате стали более насыщенными. Они не прибавили в яркости, как куртка стражника, когда он подошел к Вашеру. Они сгустились. Потемнели. В красных тонах возобладал бордовый. Желтизна обернулась золотом. Синий превратился в иссиня-черный.

– Поосторожнее, приятель, – тихо сказал Вашер. – Этот меч опасен.

Стражник поднял голову, и все замерли. Потом он фыркнул и пошел прочь от камеры Вашера, сжимая меч в руке. Остальные двое, прихватив сумку Вашера, двинулись следом и скрылись в караулке в конце коридора.

Дверь захлопнулась. Вашер немедля опустился на колени возле кучи соломы и выбрал несколько крепких прутьев. Выдернув пару нитей из обтрепанного плаща, он связал соломинки так, что получился человечек трех дюймов ростом, с разломаченными на концах ножками и ручками. Вашер выдернул волосок из брови, закрепил его на голове фигурки и вытащил из сапога ярко-красный шелковый шарф.

Затем выдохнул.

Энергия вытекла из него, клубясь в воздухе, – полупрозрачная и переливающаяся, словно масло на освещенной солнцем воде. Вашер чувствовал, как его покидает то, что ученые называли биохроматическим дыханием, а большинство людей – просто дыханием. Одно дыхание было у каждого. По крайней мере, обычно. Один человек – одно дыхание.

У Вашера их было около пятидесяти, как раз чтобы достичь первого возвышения. Такая малость по сравнению с тем, чем он обладал когда-то, но многие посчитали бы пятьдесят дыханий великим сокровищем. К несчастью, пробуждение даже небольшого предмета из органического материала с частичкой своего тела в качестве фокуса потребовало почти половины дыханий.

Соломенный человечек дернулся, впитывая энергию. Половина ярко-красного шарфа в руке Вашера потускнела и стала серой. Он наклонился вперед, представляя то, что должна сделать фигурка, и завершил процесс, отдав приказ:

– Принеси ключи.

Соломенный человечек взглянул на Вашера и поднял единственную бровь. Вашер указал в сторону караулки. Оттуда внезапно донеслись изумленные крики.

«Времени мало», – подумал он.

Соломенный человечек пробежал по полу, подпрыгнул и протиснулся меж прутьев решетки.

Вашер сдернул плащ и разложил его на полу. Плащ очень напоминал человеческую фигуру: прорехи совпадали со шрамами на теле Вашера, в капюшоне были прорезаны дыры на уровне глаз хозяина. Чем больше форма и внешний вид предмета совпадали с человеческими, тем меньше дыханий уходило на пробуждение.

Вашер наклонился, стараясь не думать о днях, когда у него хватало дыханий, чтобы пробуждать, не обращая внимания на форму и фокус. Тогда было иное время.

Поморщившись, он вырвал прядь волос и разбросал их по капюшону плаща.

И снова выдохнул, истратив остатки дыхания. Плащ тут же задержался, а шарф совсем лишился цвета. Вашер ощутил себя... потускневшим. Потеря дыхания не была смертельна; собственно, лишние дыхания, которые он пустил в ход, некогда принадлежали другим людям. Вашер не знал, кому именно, – он не сам их собрал. Их ему передали. А как иначе? Так все и устроено: дыхание нельзя отобрать силой.

Однако потеря дыхания все же изменила его. Цвета не казались столь яркими. Он больше не ощущал присутствия людей в городе наверху, хотя раньше принимал эту связь как должное. Все люди ощущали друг друга: во сне чутье подсказывало им, когда кто-то входил в комнату. У Вашера это чутье было в пятьдесят раз сильнее.

А теперь оно исчезло. Дыхание втянулось в плащ и соломенного человечка, наделив их силой.

Плащ шевельнулся. Вашер наклонился и отдал приказ:

– Защищай меня.

Плащ застыл. Вашер поднялся и накинул его на плечи.

В окошке показался соломенный человечек, тащивший большую связку ключей. На соломенных ножках виднелись красные пятна. Теперь ярко-алая кровь казалась Вашеру тусклой.

– Спасибо, – сказал он, взяв ключи.

Вашер всегда благодарил их. Он не знал почему, особенно принимая во внимание то, как поступал с ними после.

– Дыхание твое – ко мне, – приказал Вашер, коснувшись груди соломенной фигурки.

Та мгновенно обмякла, жизнь покинула ее, и дыхание снова влилось в Вашера. Вернулось знакомое чувство восприятия, осознание взаимосвязей и соответствий. Он мог забрать дыхание лишь потому, что сам пробудил это существо – собственно, такие

пробуждения редко бывали постоянными. Вашер не тратил дыхание зря, он выдавал его малыми порциями и забирал обратно.

По сравнению с тем, чем он когда-то владел, запас в двадцать пять дыханий был невероятно мал. Однако по сравнению с его полным отсутствием и это казалось бесконечным. Вашер затрепетал от удовольствия.

Крики в караулке прекратились, в подземелье наступила тишина. Пришло время выбираться.

Вашер просунул руку сквозь прутья решетки и отпер камеру. Оставив соломенную фигурку, он толкнул тяжелую дверь и выбежал в коридор. Он не пошел ни в караулку, ни к расположенному за ней выходу, а повернул на юг, вглубь подземелья.

С этого момента в дальнейшем его плане не было определенности. Найти таверну, куда часто навевывались жрецы Радужных Тонов, оказалось довольно просто. И ничуть не сложнее – ввязаться в трактирную драку и ударить одного из этих жрецов. Халландренцы очень серьезно относились к религии, и Вашер заработал не обычное заключение в местной тюрьме, а пропуск в подземелья короля-бога.

Зная, что за люди обычно охраняют подобные подземелья, он был уверен в том, что они попытаются вынуть Кровь Ночи из ножен. Отвлекающий маневр удался, и он смог добыть ключи.

Но теперь начиналась самая непредсказуемая часть.

Вашер остановился. Пробужденный плащ затрепетал. Найти нужную камеру оказалось несложно: значительный участок камня вокруг нее был лишен цвета, а стены и двери казались тускло-серыми. Камера предназначалась для пробуждающих, ибо без цвета пробуждать невозможно. Вашер подошел к двери и заглянул сквозь решетку. Закованный в цепи обнаженный человек был подвешен за руки к потолку. По глазам Вашера ударили цвета: смуглая кожа, яркие пятна сине-фиолетовых кровоподтеков.

Рот узника был заткнут кляпом. Еще одна мера предосторожности. Чтобы пробуждать, требовалось три условия: дыхание, цвет и приказ. Обертоне и оттенки, как говорили некоторые, – Радужные Тона, связь между цветом и звуком. Приказ надо было отдать ясно и четко, на родном языке пробуждающего. Любая запинка, любая ошибка в произношении лишала пробуждение силы: дыхание выплескивалось, но объект не мог действовать.

Отперев дверь тюремным ключом, Вашер вошел в камеру. Аура узника усиливала цвета всего, что к нему приближалось. Такой мощный ореол мог заметить любой, но достигшему первого возвышения это было намного проще.

Не самая сильная биохрома из тех, что доводилось видеть Вашеру, – ауры Возвращенных, которых в Халландрене считали богами, гораздо сильнее. И все же мощь узника впечатляла и значительно превосходила мощь самого Вашера. Заключенный владел множеством дыханий. Сотнями и сотнями дыханий.

Пленник качнулся в оковах, изучая Вашера. Его пересохшие губы потрескались и кровоточили. Мгновение помедлив, Вашер подошел, чтобы вытащить кляп.

– Ты, – прошептал узник, слабо закашлявшись. – Ты пришел меня освободить?

– Нет, Вар, – тихо ответил Вашер. – Я пришел тебя убить.

Вар фыркнул. Заключение сильно отразилось на нем. Когда Вашер видел его в последний раз, мужчина был полным. Теперь же, судя по истощенному телу, он уже долгое время голодал. Кожу покрывали свежие порезы, синяки и ожоги.

Следы пыток, затравленный взгляд и мешки под глазами выдавали мрачную истину. Дыхание передавалось лишь намеренным, добровольным приказом. Но к этому приказу можно было принудить.

– И так, – прохрипел Вар, – ты осуждаешь меня, как и все остальные.

– Мне нет дела до провала твоего восстания. Я просто хочу забрать твое дыхание.

– Весь халландренский двор хочет того же.

– Да. Но ты не отдашь его одному из возвращенных, ты отдашь его мне. Взамен я тебя убью.

– Не слишком выгодная сделка.

В лишенном эмоций голосе Вара появилась твердость, которой во время предыдущей встречи много лет назад Вашер не заметил.

«Странно, – подумал Вашер. – Спустя столько времени у нас наконец нашлось что-то общее».

Вашер держался от Вара на безопасном расстоянии. Теперь узник обрел голос и мог приказывать. Однако он не касался ничего, кроме металлических цепей, а пробуждать металл очень трудно. Цепи никогда не были живыми и формой совсем не напоминали человека. Сам Вашер даже на пике силы смог пробудить металл только в нескольких исключительных случаях. Конечно, некоторые особо могучие пробуждающие могли вдохнуть жизнь в предметы, которых не касались, ибо сила пребывала в их голосе. Но это умение требовало девятого возвышения. Даже Вар не обладал таким количеством дыханий. Собственно, Вашер знал только одного ныне живущего человека, способного на нечто подобное, – короля-бога.

Это означало, что Вашеру, скорее всего, ничего не грозило. В распоряжении Вара имелось огромное количество дыханий, но пробуждать ему было нечего. Вашер обошел скованного пленника и понял, что едва ли испытывает сочувствие. Вар получил по заслугам. И все же жрецы не дадут ему умереть с таким запасом дыханий. Умри он – и дыхание пропадет напрасно. Исчезнет. Навсегда.

Даже власти Халландрена, в котором были очень строгие законы о покупке и передаче дыхания, не могли упустить такое сокровище. Его хотели заполучить настолько сильно, что отложили казнь такого опасного преступника, как Вар. Наверное, впоследствии они будут проклинать себя за то, что не приставили больше стражи.

Но, с другой стороны, Вашер два года ждал этой возможности.

– Ну так что? – спросил Вар.

– Отдай мне дыхание, Вар, – сказал Вашер, шагнув к нему.

Вар фыркнул.

– Сомневаюсь, что ты справишься мастерством с палачами короля-бога, Вашер. А их пытки я терплю уже две недели.

– Ты бы удивился тому, что я умею. Но не важно – ты отдашь мне свое дыхание. Ты знаешь, что можешь выбрать лишь одно из двух: отдать его или мне, или им.

Подвешенный за руки Вар медленно покачивался. И молчал.

– У тебя не так много времени, – добавил Вашер. – В любой момент кто-нибудь может заметить мертвых стражников. Поднимется тревога. Я уйду, а тебя снова будут пытаться, и в конце концов ты все-таки сломаешься. И вся собранная тобой сила попадет в руки тех самых людей, которых ты поклялся уничтожить.

Вар уставился в пол. Вашер дал ему несколько секунд на размышление и понял, что мятежник полностью осознал ситуацию. Наконец Вар перевел взгляд на Вашера:

– Тот... твой предмет. Он здесь, в городе?

Вашер кивнул.

– Я слышал крики... это из-за него?

Вашер снова кивнул.

– Сколько еще ты пробудешь в Т'Телире?

– Какое-то время. Возможно, год.

– Ты направишь его против них?

– Мои цели – мое дело, Вар. Ты примешь мое предложение? Быстрая смерть в обмен на дыхание. Я обещаю одно: твои враги его не получат.

Помолчав, Вар наконец прошептал:

– Оно твое.

Вашер потянулся вперед, положив ладонь на лоб узника и стараясь не коснуться его кожи ни единым клочком одежды, чтобы не дать Вару вытянуть цвет для пробуждения.

Вар не шевелился, будто оцепенев. Когда Вашер уже забеспокоился, что узник передумал, Вар выдохнул. Цвет покинул его. Прекрасное сияние, аура, придававшая величие, несмотря на раны и цепи, вытекла изо рта, повисла в воздухе переливающимся туманом. Закрыв глаза, Вашер вдохнул ее.

– Жизнь моя – тебе, – приказал Вар с ноткой отчаяния в голосе. – Дыхание мое – тебе.

Дыхание затопило Вашера, и все вокруг налилось красками жизни. Коричневый цвет плаща казался теперь глубоким и насыщенным. Кровь на полу вспыхнула ярко-красным, словно загоревшись. Даже тело Вара показалось шедевром: угольно-черные волосы, фиолетовые синяки и алые порезы. Уже много лет Вашер не чувствовал себя таким... живым.

Поддавшись затопившей его силе, Вашер задохнулся и рухнул на колени. Пришлось даже упереться ладонью в каменный пол, чтобы не упасть.

«Как я жил без этого?»

Он знал, что его чувства на самом деле не изменились, но ощущал теперь все иначе, восприятие непередаваемо обострилось. Коснувшись каменного пола, он поразился его шероховатости. Свист ветра, проникавшего сквозь маленькое окно подземелья вверху... Он всегда был столь мелодичным? Как он раньше не замечал?

– Выполни свою часть сделки, – проронил Вар.

Вашер уловил оттенки в его голосе, красоту каждого из них, их близость к обертонам. Сейчас у него был абсолютный слух – дар любому, кто достиг второго возвышения. Приятно иметь его снова.

Конечно, при желании Вашер мог в любой момент достичь пятого возвышения. Но это потребовало бы определенных жертв, которые он не хотел приносить. И потому он заставил себя пойти старым путем – собирать дыхания у людей вроде Вара.

Вашер встал, вытащил уже послуживший чуть раньше бесцветный шелковый шарф, набросил его на плечо узника и выдохнул.

Он не стал придавать шарфу форму человека и не воспользовался волосами или кожей для концентрации, хотя пришлось вытянуть цвет из рубашки.

Вашер взглянул в полные смирения глаза Вара.

– Задуши его, – приказал он, коснувшись дрожащего шарфа кончиками пальцев.

Тот мгновенно дернулся, вбирая множество дыханий, но сейчас их количество казалось Вашеру ничтожным. Быстро обернувшись вокруг шеи Вара, шарф начал его душить. Вар не боролся и не ловил ртом воздух, просто с ненавистью смотрел на Вашера, пока его глаза не вылезли из орбит и жизнь не покинула его.

Ненависть. Вашер достаточно повидал ее за свою жизнь. Он осторожно коснулся шарфа, забрал из него дыхание и оставил Вара висеть в камере. Затем бесшумно прошел по тюрьме, поражаясь оттенкам дерева и камня. Через несколько секунд он заметил, что в коридоре прибавился еще один цвет. Красный.

Он обогнул образовавшуюся на наклонном полу подземелья лужу крови и вошел в караулку. Трое стражников оказались мертвы. Один из них сидел на стуле. Кровь Ночи, прямо в ножнах, торчал из его груди. Над краем серебристых ножен виднелось около дюйма черного лезвия.

Вашер аккуратно задвинул оружие в ножны до упора и застегнул пряжку.

«Я сегодня отлично справился», – прозвучал голос у него в голове.

Он не ответил мечу.

«Я их всех убил, – продолжил Кровь Ночи. – Ты что, не гордишься мной?»

Вашер поднял оружие. Он привык к его необычному весу и держал меч одной рукой. Затем подхватил сумку и забросил ее на плечо.

«Я знал, что тебе понравится», – с явным удовольствием сказал Кровь Ночи.

Глава 1

У незначительности множество преимуществ.

Конечно, по меркам многих людей Сири вовсе не была «незначительной». Она все же дочь короля. К счастью, ее отец имел четверых ныне здравствующих детей, и семнадцатилетняя Сири была самой младшей. Фафен, следующая по старшинству, исполнила семейный долг и стала монахиней. Перед ней шел Риджер, старший сын, наследник трона.

А еще была Вивенна. Вздохнув, Сири продолжила путь по тропе, ведущей к городу. Вивенна, первенец короля... ну, она просто Вивенна. Прекрасная,

уравновешенная, совершенная почти во всем. И это хорошо, поскольку она обручена с богом. Так или иначе, Сири, четвертый ребенок – лишняя. Вивенна и Риджер полностью сосредоточились на учебе. Фафен помогала людям пасти скот и вести домашние дела. А незначительная Сири могла позволить себе куда больше – к примеру, постоянно исчезать и часами пропадать в окрестностях.

Конечно, ее отсутствие замечали, и, само собой, возникали проблемы. Но даже отцу приходилось признавать, что ее отсутствие не причиняет особых неудобств. Город прекрасно существовал и без Сири... Собственно, даже лучше, когда она не крутилась поблизости.

Незначительность. Для других это слово звучало оскорблением. Для Сири – благословением.

Сири с улыбкой вошла в город и, как всегда, приковала к себе взгляды. Хотя формально Бевалис считался столицей Идриса, он был не так уж велик, и все знали ее в лицо. Судя по рассказам захаживающих к ним странников, ее родной город казался деревней по сравнению с крупными городами других стран.

Но Сири он все равно нравился, несмотря на невзрачные улочки, крытые соломой крыши и унылые, но крепкие каменные стены. Здесь женщины гонялись за отбившимися от стаи гусями, мужчины вели ослов, нагруженных мешками с зерном для посева, а дети гнали овец на пастбища. Более экзотичные виды открывались в огромных городах Заки, Хадреса или даже наводящего страх Халландрена, но эти города были переполнены гомоном, снующими повсюду безликими толпами и надменной знатью. Все это не нравилось Сири, которая даже Бевалис считала чересчур оживленным.

«И все же, – подумала она, посмотрев на свое строгое серое платье, – могу поспорить, что красок в тех городах больше. Вот на что мне и правда хотелось бы взглянуть».

Там ее волосы не бросались бы в глаза. Как и всегда после прогулки по полям ее длинные локоны посветлели от радости. Она сосредоточилась, стараясь заставить их повиноваться, но смогла изменить цвет лишь на тускло-каштановый. Стоило на миг потерять концентрацию, как волосы тут же обретали прежний оттенок. В отличие от Вивенны, Сири никогда толком не удавалось их контролировать.

Пока Сири шла по городу, за ней увязалась стайка детишек. Улыбнувшись, она притворилась, что не замечает их, пока одна девчушка не набралась храбрости подбежать и дернуть ее за платье. Вот тогда Сири с улыбкой обернулась. Ее встретили серьезные лица. Идрисских детей с раннего возраста учили избегать позорных проявлений эмоций. Учение Остре гласило, что в проявлении чувств нет ничего дурного, но не следует с их помощью обращать на себя внимание.

Сири никогда не отличалась особенным благочестием. Она считала, что в этом не было ее вины, раз уж Остре наделил ее явной неспособностью к послушанию.

Дети терпеливо ждали, пока Сири наконец не выудила из складок юбки несколько ярких цветков. При виде живых красок глаза ребяташек широко распахнулись. Три голубых цветка и один желтый. Они отчетливо выделялись среди

беспроглядной серости города, в котором отсутствовали любые оттенки, за исключением тонов кожи и глаз жителей. Камни покрывали известью, одежду шили из серой или коричневой ткани. Все ради того, чтобы избавиться от цвета.

Ибо без цвета не бывает пробуждающих.

Девочка, дернувшая Сири за юбку, схватила цветы и побежала прочь, остальные дети кинулись за ней. Сири поймала несколько неодобрительных взглядов прохожих. Никто из них, впрочем, не возразил. В положении принцессы, пусть и незначительной, были свои преимущества.

Она двинулась дальше, в сторону дворца. Это было низкое одноэтажное строение с просторным утоптаным двором. Сири проскользнула мимо торговцев у ворот, обогнула угол и вошла на кухню. Когда открылась дверь, главная кухарка Маб, на полуслове оборвав песню, взглянула на Сири.

– Твой отец тебя ищет, дитя. – Отвернувшись, Маб принялась крошить лук, снова замурлыкав что-то себе под нос.

– Не сомневаюсь. – Сири подошла к котлу и принялась к ароматному пару от кипящей картошки.

– Опять сбежала в холмы? Могу поспорить, чтобы прогулять занятия.

Сири улыбнулась, а затем достала еще два ярко-желтых цветка и покрутила их между пальцами.

Маб закатила глаза.

– И снова развращала городскую детвору. Нет, ну в самом деле, девочка, пора повзрослеть. Ух, отец еще поговорит с тобой о твоей безответственности.

– А я люблю поговорить, – заметила Сири. – И всегда столько нового узнаю, когда отец злится. Нельзя же упускать шанс поучиться?

Маб фыркнула и добавила к луку немного соленых огурцов.

– В самом деле, Маб, – продолжила Сири, помахивая цветком и чувствуя, как ее волосы слегка краснеют. – Не вижу здесь никакой проблемы. Остре сотворил цветы, верно? Он даровал им цвет, так что они не могут нести зло. Да во имя всего святого – мы его называем Богом Цвета!

– В цветках зла нет, – ответила Маб, положив в варево немного зелени, – если только они остаются там, куда Остре их поместил. Нельзя использовать красоту Остре, чтобы придавать себе значимости!

– Цветок не придает мне значимости.

– Разве? – Маб кинула в один из кипящих котлов зелень, огурцы и лук.

Она постучала по стенке котелка плоской стороной ножа, прислушалась и, кивнув, полезла под стол за другими овощами.

– Вот скажи мне, – приглушенно спросила она, – ты и впрямь думаешь, что не привлекаешь внимание, гуляя по городу с этими цветками?

– Это потому, что сам город слишком тусклый. Будь он чуть более красочным, на цветы бы никто не обращал внимания.

Маб выпрямилась, ставя на стол коробку с клубнями.

– Ты бы предпочла, чтобы мы раскрасили его подобно Халландрену? Может, нам еще и пробуждающих в город пригласить? Как тебе это? Демонов, которые высасывают души у детей и душат людей их же одеждой? Поднимают трупы из могил и заставляют их делать черную работу? Режут женщин на нечестивых алтарях?

Сири почувствовала, как ее волосы белеют от беспокойства.

«Хватит уже!» – подумала она. Кажется, у волос был собственный разум, реагирующий на малейшие эмоции.

– Рассказы про приносимых в жертву девушек – всего лишь небылицы, – сказала Сири. – На самом деле никто ничего подобного не делает.

– Истории откуда-то берутся.

– Да, от старух, которые устраивают зимой посиделки у каминов. Не думаю, что нам надо бояться. По мне, пока халландренцы нас не трогают, пусть делают что хотят.

Маб, не поднимая головы, принялась крошить клубни.

– У нас соглашение, Маб, – продолжила Сири. – Отец и Вивенна позаботятся о том, чтобы ничего не случилось и чтобы халландренцы оставили нас в покое.

– А если не оставят?

– Оставят. Не волнуйся.

– У них армия лучше, – сказала Маб, не отвлекаясь от резки овощей. – Сталь лучше. Еды больше. И эти... эти создания. Народ беспокоится. Может, тебе все равно, но те, у кого с головой в порядке, волнуются.

Кухарка была права, от этого никуда не деться. У Маб хватало мудрости, чтобы разбираться не только в специях и бульонах. Однако она легко поддавалась панике.

– Ты зря волнуешься, Маб. Вот увидишь.

– Я просто хочу сказать, что сейчас неподходящее время для того, чтобы принцесса бегала с цветками, выделяясь в толпе и навлекая неодобрение Остре.

– Ну хорошо, – вздохнула Сири и кинула цветок в котел. – Теперь будем выделяться все вместе.

Маб на мгновение замерла, закатив глаза, затем продолжила нарезать клубень.

– Надеюсь, это был ванапель?

– Конечно! – ответила Сири, принявываясь. – Я не стала бы портить еду. И все равно я считаю, что ты преувеличиваешь.

Маб тоже принялась.

– Держи, – сказала она, доставая второй нож. – Займись хоть чем-то полезным. Нужно покрошить эти корни.

– А я разве не должна идти к отцу? – Сири принялась нарезать изогнутый корень ванаделя.

– Он же тебя сюда и пошлет, заставит работать на кухне в наказание! – отозвалась Маб, снова постучав ножом по котелку. Кухарка твердо верила, что может оценить готовность блюда по звону.

– Да поможет мне Остре, если отец когда-нибудь узнает, что мне здесь нравится.

– Тебе просто нравится вертеться рядом с едой, – заметила Маб, выловив цветок Сири из варева и отбросив его в сторону. – В любом случае, к королю сейчас нельзя. Он совещается с Ярдой.

Сама Сири никак не отреагировала и продолжила крошить коренья, но ее волосы внезапно посветлели от волнения.

«Обычно отец совещается с Ярдой часами, – подумала она. – Что толку сидеть тут и ждать, пока он закончит...»

Маб отвернулась, чтобы взять что-то из шкафчика, а когда перевела взгляд на Сири, та уже вылетела за дверь и бросилась к королевским конюшням. Спустя пару минут она в своем любимом коричневом плаще вовсю неслась на лошади прочь из дворца. Радость отозвалась ярким теплым цветом в волосах. Быстрая скачка – отличное завершение дня.

В конце концов, ее в любом случае накажут.

***

Король Идриса Деделин положил письмо на стол. Он уже достаточно на него посмотрелся. Пришло время решать, отправлять старшую дочь на смерть или нет.

Несмотря на приближение весны, в покоях было холодно. Идрис был расположен в горах, и тепло сюда приходило редко; его ценили и ему радовались, но каждое лето оно длилось недолго. Покои были строгими, но прекрасными в своей простоте. Даже король не мог позволить себе помпезности.

Деделин подошел к окну и посмотрел на двор. Для некоторых стран такой дворец считался бы скромным: один этаж, остроконечная деревянная крыша, невысокие каменные стены. Но для Идриса он казался большим и граничил с излишеством. Этому было объяснение: дворец служил еще и залом заседаний, и штабом армии для всего королевства.

Король перевел взгляд на генерала Ярду. Кроме них в комнате никого не было. Дородный мужчина ждал, сцепив руки за спиной. Его борода была перевязана в трех местах.

Деделин снова посмотрел на письмо. Кричащий ярко-розовый цвет бумаги выделялся на его столе подобно капле крови на снегу. Розовый был невиданным цветом для Идриса. Но в Халландрене – центре мирового производства красок – такие безвкусные оттенки считались обычными.

– Итак, дружище, – произнес Деделин. – Что ты мне посоветуешь?

Генерал Ярда покачал головой.

– Близится война, ваше величество. Я чувствую ее в воздухе и читаю это в донесениях наших шпионов. Халландрен по-прежнему считает нас мятежниками, а наши перевалы на севере слишком соблазнительны. Они нападут.

– Тогда я не буду ее отсылать, – ответил Деделин, снова поглядев в окно.

По двору сновали приехавшие на торг люди в плащах и мехах.

– Не в наших силах предотвратить войну, ваше величество, – сказал Ярда. – Но... мы можем ее отсрочить.

Деделин повернулся.

Ярда шагнул вперед и тихо произнес:

– Время неподходящее. Наши войска не оправились от нападений вендийцев прошлой осенью, да еще сгоревшие зимой амбары... – Генерал покачал головой. – Мы не можем позволить себе ввязаться в оборонительную войну летом. Наш лучший союзник против Халландрена – снег. Нельзя, чтобы конфликт разразился на их условиях. Иначе мы погибнем.

Эти доводы были разумны.

– Ваше величество, – продолжил Ярда, – они только и ждут, когда мы нарушим соглашение, тем самым дав им повод напасть. Если мы сделаем шаг первыми, они точно нападут.

– Но если мы выполним условия соглашения, они все равно нападут, – заметил Деделин.

– Но позже. Может, через несколько месяцев. Вы знаете, как медленно решаются политические вопросы в Халландрене. Если мы выполним договоренность, то начнутся дебаты и споры. Если они затянутся до зимы, мы получим время... которое нам так необходимо.

И опять его слова были разумны. Жестокие, но честные. Все эти годы Деделин тянул время и наблюдал за тем, как двор Халландрена все сильнее распаляется, не скрывая агрессии. Каждый год раздавались новые призывы к нападению на «мятежных идрисцев», обосновавшихся в горах. С каждым годом их голоса становились все более громкими и многочисленными. Каждый год благодаря дипломатии Деделину удавалось сдерживать армии от нападения. Он надеялся, что, возможно, лидер мятежников Вар и его пан-кальские сторонники отвлекут внимание от Идриса, но Вара схватили, а так называемую армию разбили. Его действия заставили Халландрен повысить бдительность по отношению к своим врагам.

Мир долго не продержится. Идрис с его ценными торговыми путями был слишком лакомым кусочком. Нынешнее поколение халландренских богов оказалось крайне непостоянным по сравнению со своими предшественниками. Король знал об этом, как и о том, что нарушать соглашение глупо. Если угодил в пещеру зверя, не стоит его злить.

Ярда встал рядом с королем и облокотился на подоконник. Суровый человек, рожденный суровыми зимами. Но он был также лучшим из известных Деделину людей, и в глубине души король хотел выдать Вивенну за сына генерала.

Глупая идея. Деделин всегда знал, что этот день настанет. Он сам составил соглашение, по которому обязался отдать дочь в жены королю-богу. Халландренцам требовалась принцесса, чтобы вернуть в свою династию кровь старинного королевского рода. Именно к этому давно стремились тщеславные и развращенные жители долин, и только это особое условие спасало Идрис последние двадцать лет.

Соглашение стало первым официальным документом после восшествия Деделина на престол. Он заключил его практически сразу после того, как убили его отца. Деделин стиснул зубы. Быстро же он склонился перед требованиями врага. И это

придется сделать вновь: идрисский монарх обязан пойти на все ради своего народа. В этом и было отличие Идриса от Халландрена.

– Отправив Вивенну в Халландрен, – прошептал Деделин, – мы пошлем ее на верную смерть, Ярда.

– Может, они не причинят ей вреда, – наконец ответил Ярда.

– Ты знаешь, что это не так. Когда начнется война, первое, что они сделают, – используют Вивенну против меня. Это же халландренцы! Во имя Остре, да они приглашают во дворцы пробуждающих!

Ярда помолчал, затем покачал головой:

– Согласно последним рапортам, их армия безжизненных выросла до сорока тысяч.

«Владыка Цвета», – подумал Деделин, в очередной раз поглядев на письмо. Формулировка была четкой. Двадцать второй день рождения Вивенны уже миновал, и по условиям соглашения Деделин не мог больше оттягивать неизбежное.

– Отдать Вивенну – плохая идея, – сказал Ярда. – Но нам ничего другого не остается. Будь у нас больше времени, я бы смог привлечь на нашу сторону Тедрадель – они ненавидят Халландрен со времен Всеобщей войны. Возможно, я нашел бы способ заново собрать остатки подавленных мятежных группировок Вара в самом Халландрене. По крайней мере, мы сможем отстроиться, собрать припасы, прожить еще год.

Ярда повернулся к королю.

– Если мы не пошлем принцессу в Халландрен, все сочтут, что мы сами виноваты в войне. Кто нас поддержит? Они потребуют ответа: почему мы отказываемся следовать соглашению, подписанному нашим же королем?!

– А если мы отправим им Вивенну, то в их династию вольется королевская кровь и у них появятся еще более законные притязания на горные территории!

– Может быть. Но если мы оба знаем, что они все равно нападут, то какое нам дело до их притязаний? По крайней мере, они подождут, пока родится наследник, и лишь после этого начнут войну.

Еще немного времени. Генерал всегда просил об отсрочке. Но почему ценой этой отсрочки должно стать собственное дитя Деделина?

«Ярда не колеблясь пошлет одного солдата на смерть, если это даст время остальным войскам подготовиться к атаке, – подумал Деделин. – Мы – идрисцы. Как я могу просить от дочери меньшего, чем требую от своих солдат?»

Но только представить Вивенну в руках короля-бога, представить, что ее заставят вынашивать ребенка этого существа... От мрачных мыслей волосы короля чуть не побелели. Ребенок окажется мертворожденным чудовищем и станет новым возвращенным богом Халландрена.

«Есть другой выход, – прошептал его внутренний голос. – Не обязательно посылать Вивенну...»

Раздался стук в дверь. Мужчины разом обернулись, и Деделин позволил гостю войти. Он догадывался, кто это может быть.

На Вивенне было скромное серое платье. Она до сих пор казалась ему очень юной, но при этом была совершенным воплощением идрисской женщины: волосы стянуты в узел, никакой притягивающей взгляды косметики. Не робкая и мягкая, как некоторые знатные дамы из северных королевств, а сдержанная. Сдержанная, простая, строгая и одаренная. Истинная дочь Идриса.

– Вы совещаетесь уже несколько часов, отец, – сказала Вивенна, уважительно поклонившись Ярде. – Слуги шепчутся о цветном конверте, который принес генерал. Я догадываюсь, что в нем.

Деделин поймал ее взгляд и жестом пригласил сесть. Вивенна бесшумно закрыла дверь и опустилась на один из деревянных стульев у стены. Ярда, как и подобало мужчине, остался стоять. Вивенна посмотрела на письмо. Ничто не нарушило ее внешнего спокойствия, волосы оставались достойного черного цвета. Старшая дочь Деделина была вдвое благочестивее его самого и, в отличие от Сири, никогда не привлекала к себе внимание вспышками чувств.

– Значит, я должна готовиться к путешествию, – произнесла Вивенна, смиренно сложив руки на коленях.

Деделин открыл было рот, но не нашел, что возразить. Он перевел взгляд на Ярду, но тот лишь покорно кивнул головой.

– Я готовилась к этому всю жизнь, отец, – продолжила Вивенна. – И теперь я готова. Однако Сири вряд ли спокойно это воспримет, она ускакала около часа назад. Мне нужно уехать прежде, чем она вернется. Так мы избежим скандала, который она может закатить.

– Поздно, – поморщился Ярда, указав за окно.

Как раз в этот момент люди шарахнулись в стороны: через ворота промчалась всадница с распущенными волосами, одетая в плащ, темно-коричневая расцветка которого была почти вызывающей.

Ее волосы были медово-желтого цвета.

Деделин ощутил нарастающий гнев и раздражение. Лишь Сири могла вынудить его потерять контроль над собой, и, как это ни иронично, его волосы тоже начали менять цвет. Несколько прядей из черных превратились в рыжие. Такова была особенность королевской семьи, бежавшей в горы Идриса в разгар Всеобщей войны. Если другие люди могли скрывать эмоции, то чувства членов королевской семьи отражались в их волосах.

Вивенна, неизменно спокойная, наблюдала за ним, и ее сдержанность придала Деделину силы заставить волосы снова почернеть. Обычный человек даже не представлял, сколько волевых усилий требовал контроль над Королевскими Локонами. Деделин не знал, как Вивенне удавалось так хорошо с ними справляться.

«Бедная девочка никогда не знала настоящего детства», – подумал он.

С самого рождения жизнь Вивенны была подготовкой к грядущему событию. Его первенец, девочка, которую он всегда чувствовал частью себя самого. Та, кем он всегда гордился: молодая женщина, уже завоевавшая любовь и уважение народа. Деделин в

своих мыслях представлял, какой королевой она могла стать – даже сильнее, чем он. Королевой, способной провести народ через будущие темные времена.

Только если она останется жива.

– Пойду готовиться к путешествию, – сказала Вивенна, поднимаясь.

– Нет, – ответил Деделин.

Ярда и Вивенна повернулись к нему.

– Отец, – заметила Вивенна, – если мы нарушим соглашение, начнется война. Я готова пожертвовать собой ради нашего народа. Ты меня этому научил.

– Ты не поедешь, – твердо сказал Деделин, снова повернувшись к окну.

За окном Сири смеялась с каким-то конюхом. Деделин мог распознать ее чувства даже на расстоянии: волосы дочери стали пламенно-рыжими.

«Владыка Цвета, прости меня, – подумал он. – Что за ужасный выбор для отца. В условии четко сказано: когда Вивенне исполнится двадцать два года, я должен отправить свою дочь в Халландрен. Но в нем не оговорено, которую из дочерей».

Если он не пошлет халландренцам одну из дочерей, они сразу нападут. Если он отдаст им не ту дочь, они могут разозлиться, но не нападут – это Деделин знал. Они будут ждать появления наследника. Идрис получит как минимум девять месяцев.

«И... – подумал он, – если они попытаются использовать Вивенну, чтобы повлиять на меня, я знаю, что не смогу сопротивляться и сдамся».

Признавать это было позорно. Но в конце концов именно этот довод и стал решающим.

Деделин отвернулся от окна.

– Вивенна, ты не станешь женой бога-тирана наших врагов. Вместо тебя поедет Сири.

Глава 2

Потрясенная Сири сидела в дребезжащем экипаже, с каждым ухабом и рытвиной все больше удаляясь от родины.

Прошло уже два дня, но она по-прежнему ничего не понимала. Это было предназначение Вивенны. Все это знали. Идрисцы праздновали ее рождение. Король приступил к ее подготовке, как только она начала ходить: вводил в курс придворной жизни и политики. Фафен, вторая дочь, также училась – на случай, если Вивенна умрет до свадьбы. Но не Сири. Она всегда была лишней. Незначительной.

До недавних пор.

Сири выглянула из окна. Отец отправил ее на юг в лучшем экипаже королевства с почетной стражей из двадцати солдат. А еще были стюард и несколько мальчиков-слуг. Сири в жизни не видела такого роскошного кортежа. Почти что помпезного, и это привело бы ее в восторг, не увози вся эта роскошь ее прочь от Идриса.

«Все неправильно, – подумала она. – Этого вообще не должно было случиться!»

И все же случилось.

Происходящее казалось лишенным всякой логики. Экипаж подскочил, но Сири даже не обратила на это внимания.

«Хотя бы позволили мне ехать верхом, – подумала она, – а не запихивали в экипаж».

К сожалению, принцессе не подобало въезжать в Халландрен верхом.
В Халландрен!

Сири почувствовала, как ее волосы белеют от страха. Ее отправили в королевство, которое ее соотечественники проклинали через слово. Она не скоро увидит отца, если вообще увидит. Больше не будет разговоров с Вивенной, поучений наставников, упреков Маб, катания на королевских лошадях, сборов луговых цветов, работы на кухне. Она...

Станет женой короля-бога. Этого ужасного халландренского монстра, который никогда не имел живого дыхания. В Халландрене его власть была абсолютной. Он мог приказывать казнить кого угодно просто из прихоти.

«Но со мной все будет в порядке, – подумала она. – Я стану его женой. Женой. Я выхожу замуж. О Остре, Владыка Цвета...»

Одна эта мысль вызывала головокружение. Сири прижала колени к груди и, свернувшись калачиком, улеглась на сидение. Ее волосы побелели настолько, что казалось, будто они излучают сияние. Она дрожала, не понимая, это ее собственная дрожь или она передается ей от неумолимо движущегося на юг экипажа.

***

– Я полагаю, тебе стоит пересмотреть свое решение, отец, – спокойно сказала Вивенна. Она сидела, как ее учили, – благопристойно сложив руки на коленях.

– Я его не раз обдумывал и пересматривал, Вивенна, – отмахнулся король Деделин. – Решение принято.

– Сири не подходит для этой задачи.

– Она справится, – ответил отец, перебирая бумаги на столе. – Все, что от нее нужно, – это ребенок. Я уверен, что для этой задачи она подходит.

«Зачем же тогда готовили меня? – подумала Вивенна. – Зачем нужно было обучаться двадцать два года, если единственное, что нужно, – подходящее чрево?»

Волосы ее оставались черными, голос – сдержанным, лицо – невозмутимым.

– Сири, должно быть, сходит с ума от беспокойства, – сказала она. – Я не думаю, что она эмоционально способна с этим справиться.

Отец взглянул на нее, и его волосы слегка порыжели, черный цвет отступил, словно слезающая с холста краска. Так проявлялось его раздражение.

«Ее отъезд огорчает его куда больше, чем он согласен признать».

– Это ради блага нашего народа, Вивенна, – проговорил король, с явным усилием возвращая волосам черный цвет. – Если разразится война, ты понадобишься Идрису здесь.

– Если разразится война, что будет с Сири?

Отец замолчал.

– Возможно, войны не будет, – наконец произнес он.

«Острее! – с ужасом подумала Вивенна. – Он сам в это не верит. Считает, что послал Сири на смерть».

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал отец, и она снова обратила внимание на его глаза – такие серьезные. – Как я мог предпочесть одну дочь другой? Как мог послать Сири на смерть, а тебя оставить дома? Что бы там ни говорили, я сделал это не из личных соображений. Мой выбор обернется благом для Идриса, когда придет война.

Когда придет война.

Вивенна посмотрела ему в глаза.

– Я собиралась предотвратить войну, отец. Я должна была стать женой короля-бога! Я собиралась поговорить с ним, убедить его. Меня обучали разбираться в политике, обычаях, и...

– Предотвратить войну? – перебил ее отец.

Только тогда Вивенна отвела взгляд, поняв, насколько дерзко прозвучали ее слова.

– Вивенна, дитя мое, эту войну нельзя предотвратить. Лишь обещание отдать дочь королевского рода так долго держало их в узде, и Сири может купить нам время. И... возможно, я отправил ее в безопасное место, даже учитывая войну. Может, наша кровь столь ценна, что они оставят ее в живых – на случай, если наследник умрет.

Взгляд короля устремился вдаль.

– Да, – продолжил он, – возможно, надо бояться не за Сири, а...

«За нас», – мысленно закончила Вивенна. Она не знала всех военных планов отца, но ей было известно достаточно. Война будет губительна для Идриса, в битве с Халландреном у ее королевства мало шансов на победу. Война разорит ее народ и разрушит их образ жизни.

– Отец, я...

– Прощу тебя, Вивенна, – тихо произнес Деделин. – Я больше не могу говорить на эту тему. Прощу, оставь меня, побеседуем позже.

Позже. Когда Сири уедет еще дальше и вернуть ее будет еще труднее. Но Вивенна встала. Она была послушна – так ее воспитывали. Этим она всегда отличалась от младшей сестры.

Вивенна покинула отцовский кабинет и закрыла за собой дверь. Она шла по дощатым полам дворцовых коридоров, делая вид, что не замечает взглядов и не слышит перешептываний. Дойдя до своей комнаты, маленькой и лишенной украшений, Вивенна села на кровать и сложила руки на коленях.

Она была не согласна с мнением отца. У нее был шанс что-то сделать. Она стала бы женой короля-бога и получила бы влияние при дворе. Все знали, что сам король-бог не слишком интересуется политикой, но его супруга могла бы сыграть роль в защите интересов своего народа.

И ее отец так просто отказался от этой возможности?

«Он действительно считает, что предотвратить вторжение невозможно».

Решение отправить дочь было очередным политическим маневром, направленным на то, чтобы купить время, – этим Идрис занимался уже не первое

десятилетие. В любом случае, если так важно пожертвовать Халладрену дочь короля, то следовало отдать Вивенну. Это ее долгом было готовиться к браку с королем-богом. Не Сири, не Фафен. А Вивенны.

Она не испытывала благодарности за избавление. Вряд ли она будет полезнее Идрису, оставшись в Бевализе. Если отец умрет, Ярда гораздо лучше нее управится со страной в военное время. Вдобавок Риджера – ее младшего брата – долгие годы готовили в наследники.

Зря ее спасли. Для нее это было как наказание. Она слушала наставников, училась и практиковалась. Все говорили, что она – совершенство. Но почему тогда она не подошла для назначенной миссии?

У Вивенны не было подходящего ответа. Ей оставалось лишь смиренно сидеть сложа руки и терзаться перед лицом страшной правды. У нее отняли и передали другой цель всей ее жизни. Теперь лишней стала она. Бесполезной.

Незначительной.

***

– Да о чем он думал?! – взорвалась Сири, наполовину высунувшись из окна экипажа, подсакивающего на грунтовой дороге.

Рядом с экипажем шел молодой солдат, и даже в свете угасающего дня было заметно, как ему стало неловко.

– Ну в самом деле, – продолжила Сири, – отправить меня в жены королю Халландрена. Меня! Что за глупость? Ты же слышал о том, что я вытворяю. Сбегаю, когда за мной никто не присматривает, прогуливаю уроки. Цвета благие, я так легко выхожу из себя!

Гвардеец покосился на нее, но ничего не сказал. Сири было все равно. Она кричала не столько на него, сколько чтобы просто покричать. Опасно высунувшись из окна и позволив ветру трепать волосы – длинные, прямые, красные, – она злилась все больше. Ярость не позволяла ей расплакаться.

С каждым днем облаченные в весеннюю зелень холмы Идрисских гор медленно отступали вдаль. Наверное, это уже Халландрен – между королевствами не было четкой границы. И неудивительно, поскольку до Всеобщей войны они составляли единое государство.

Она смерила взглядом бедного гвардейца – тому ничего не оставалось, кроме как игнорировать негодующую принцессу. Затем резко отодвинулась вглубь экипажа. Ей не следовало так с ним обращаться, но ее попросту продали, как кусок баранины, согласно документу, подписанному за годы до ее рождения. Если кто-то и имел право на истерику, так это Сири.

«Может, в этом все дело, – подумала она, прислонившись к окну экипажа. – Наверное, отцу надоели мои истерики, и он пожелал от меня избавиться».

Такое предположение казалось слишком уж притянутым за уши. Справиться с Сири можно было и другими способами, не посылая ее представлять Идрис при чужеземном дворе. Но в чем тогда дело? Или он и правда решил, что ей это по силам? Сири задумалась. Но вскоре поняла, насколько смешна подобная мысль. Ее отцу просто

не могло прийти в голову, что она справится лучше Вивенны. Никто ничего не делал лучше Вивенны.

Сири вздохнула, и от задумчивости ее волосы изменили цвет на каштановый. Хорошо хоть пейзаж стал интересным, и, чтобы успокоиться, она ненадолго сосредоточилась на нем. Халландрен располагался в заросших тропическими лесами низинах, где обитали странные пестрые животные. Сири слышала рассказы странников, и некоторые книги, которые ее заставляли читать, подтверждали их слова. Она думала, что знает, чего ожидать. И все же, когда холмы уступили место поросшим травой лугам, а вдоль дороги начали появляться деревья, Сири поняла, что в мире есть то, чего никакие слова или книги не могут передать по-настоящему.

Цвета.

В горах цветочные поляны встречались нечасто и располагались далеко друг от друга, словно сами растения понимали, как плохо они вписываются в идрисскую философию. Но здесь они, похоже, росли повсюду. Крошечные цветочки покрывали огромные участки земли. Огромные розовые соцветия свисали с деревьев, будто гроздь винограда, а некоторые росли большими кистями почти друг на друге. Цвели даже сорняки! Сири захотелось нарвать цветов, но солдаты смотрели на них с такой неприязнью, что она передумала.

«Если я сама так волнуюсь, – вдруг подумала она, – то гвардейцы наверняка переживают гораздо больше».

Не только ее услали прочь от семьи и друзей. Позволят ли им вернуться домой? Внезапно она ощутила еще большую вину перед молодым солдатом за свою выходку.

«Когда приедем, я отправлю их обратно», – подумала Сири и сразу же ощутила, как белеют ее волосы.

Отослав солдат, она останется одна в городе, полном безжизненных, пробуждающих и язычников.

Но чем ей помогут двадцать солдат? Пусть хоть кто-то вернется домой.

***

– Вообще-то, тебе следует радоваться, – заметила Фафен. – В конце концов, тебе теперь не придется выходить замуж за тирана.

Вивенна бросила в корзинку синеватую ягоду и перешла к следующему кусту. Фафен трудилась рядом. Она носила белые одежды монахини и коротко стригла волосы. Фафен была средней во всем – по росту между Сири и Вивенной, не такой благочестивой, как Вивенна, но гораздо менее беспечной, чем Сири. Фигура Фафен, более округлая, чем у сестер, привлекала взгляды некоторых молодых людей в городе. Но желающему жениться на ней пришлось бы тоже стать монахом, и это их сдерживало. Если Фафен и замечала свою популярность, то никогда этого не показывала. Она решила стать монахиней еще до десятого дня рождения, и отец всем сердцем одобрил ее идею. Каждая знатная или богатая семья по традиции была обязана отдать в монастырь одного человека. Эгоизм, даже когда дело касалось родственников, противоречил Пяти Видениям.

Сестры собирали ягоды, которые Фафен потом раздаст нуждающимся. Пальцы монахини слегка окрасились их фиолетовым соком, Вивенна же носила перчатки. Цвет на ее руках был бы неприемлем.

– Да, – продолжила Фафен, – думаю, тебе стоит изменить отношение. Ты ведешь себя так, словно хочешь спуститься с гор и выйти замуж за безжизненное чудовище.

– Он не безжизненный, – поправила Вивенна. – Сезеброн – возвращенный, а это огромная разница.

– И все же он – ложный бог. Вдобавок все знают, какой он монстр.

– Но брак с ним был моим долгом. Он делал меня той, кто я есть, Фафен. Без него я – ничто.

– Что за ерунда. Теперь ты наследуешь трон вместо Риджера.

«Тем самым еще больше подрывая сложившийся порядок, – подумала Вивенна. – По какому праву я отбираю его место?»

Однако она не стала произносить это вслух. Она отстаивала свою позицию уже достаточно долго, и упорствовать далее было бы неприлично. Неподобающе. Раньше Вивенна редко так сильно раздражалась из-за соблюдения приличий. Сдерживать эмоции становилось все труднее.

– А что с Сири? – неожиданно для себя спросила она. – Ты рада, что это случилось с ней?

Посмотрев на нее, Фафен слегка нахмурилась. Она старалась не задумываться над некоторыми вещами, пока не сталкивалась с ними напрямую. Вивенне было немного стыдно за такую прямооту, но зачастую при общении с Фафен иначе нельзя.

– Я с тобой согласна, – ответила Фафен. – Не понимаю, зачем вообще надо было кого-то посылать.

– Это из-за соглашения, – сказала Вивенна. – Оно защищает наш народ.

– Острее защищает наш народ, – возразила Фафен, переходя к другому кусту.

«А защитит ли он Сири?» – подумала Вивенна.

Бедную, невинную, капризную Сири. Она так и не научилась контролировать себя, в халландренском Дворе Богов ее съедят заживо. Сири не разбирается в политике, интригах, лжи и притворстве. Ей придется вынашивать нового короля-бога. Нельзя сказать, что исполнения этого долга Вивенна ожидала с нетерпением. Это была бы ее жертва, но жертва, добровольно принесенная во благо своего народа.

Эти мысли продолжали преследовать ее даже по пути в деревню, когда они с Фафен закончили собирать ягоды. Фафен, как и все монахи, посвящала свою работу людям. Она пасла овец, помогала селянам на полях и занималась уборкой в жилищах тех, кто не мог делать это сам.

Лишившись своего предназначения, Вивенна потеряла и цель. И все же, как ей казалось, кое-кто в ней по-прежнему нуждался. Та, которая неделю назад уезжала напуганная, со слезами на глазах, с отчаянием глядя на старшую сестру.

Вивенна не нужна в Идрисе, что бы ни говорил отец. Здесь она бесполезна. Но она знала народ, культуру и общество Халландрена. И, пока они с Фафен шли по деревенской дороге, в уме Вивенны начала зарождаться идея.

Но даже с большой натяжкой ее нельзя было назвать приличной.

Глава 3

Гимн Света не помнил своей смерти.

Однако жрецы говорили, что его смерть была впечатляющей. Благородной. Великой. Героической. Для возвращения нужно умереть так, чтобы воплотить одну из великих человеческих добродетелей. Вот почему Радужные Тона возвращали людей – те становились богами и служили примером для живых.

Каждый бог был неким воплощением идеала, олицетворяющего то героическое качество, которое он проявил в момент смерти. Сам Гимн Света погиб, проявив высшую отвагу. По крайней мере, так говорили жрецы. Гимн не помнил ничего из своей жизни до того, как стал богом.

Он тихо застонал, пробуждаясь от тяжелого сна, перевернулся, чувствуя слабость в теле, и сел на огромной кровати. В мозгу продолжали роиться видения и воспоминания. Гимн потряс головой, стараясь отогнать пелену сна.

Вошли слуги, готовые безропотно исполнить любую прихоть своего бога. Он был одним из младших божеств, поскольку был возвращен лишь пять лет назад. При Дворе насчитывалось около двадцати богов. Многие из них, куда более значимые, лучше разбирались в политике, чем Гимн Света. И над всеми царил Сезеброн, король-бог Халландрена.

Несмотря на молодость, Гимн владел огромным дворцом и спал в покоях, задрапированных яркими желтыми и красными шелками. Во дворце были десятки покоев, обставленных и украшенных по вкусу хозяина. Сотни слуг и жрецов следили за его нуждами, хотел он того или нет.

«И все это потому, – подумал он, вставая, – что я не мог умереть нормально».

Поднявшись, Гимн почувствовал легкое головокружение. Сегодня день насыщения, и ему будет недоставать сил, пока он не поест.

Слуги принесли сверкающие красные с золотом одеяния, и, как только они вошли в поле его ауры, их кожа, волосы, одежда и украшения вспыхнули ярчайшими красками. Эти оттенки были насыщеннее, чем любые красители. Таково действие присущей ему биохромы: его дыхания хватит, чтобы наполнить тысячи людей. Но он не видел в нем проку. Гимн не мог оживлять с его помощью ни предметы, ни тела мертвых, он был богом, а не пробуждающим. Он не мог передать или хотя бы одолжить свое божественное дыхание.

Точнее, мог передать только один раз. И это бы его убило.

Слуги продолжали исполнять свои обязанности, облакая его в великолепные одежды. Широкоплечий Гимн Света возвышался над присутствующими более чем на полголовы. Ведя праздный образ жизни, он не заслуживал такого телосложения.

– Вы хорошо спали, ваша милость? – прозвучал голос.

Гимн обернулся. Лларимар, его верховный жрец, был высоким дородным мужчиной в очках, со сдержанными манерами. На нем была красная с золотом мантия

с широкими рукавами, а в руках он держал толстую книгу. И мантия, и книга вспыхнули яркими цветами, попав в ауру Гимна Света.

– Превосходно спал, Тушкан, – зевнул Гимн. – Ночь, как всегда полная кошмаров и загадочных снов. Потрясающе освежает.

Жрец поднял бровь:

– Тушкан?

– Да, – подтвердил Гимн. – Я решил дать тебе новое прозвище. Тушкан. Подходит тебе, ты всегда бегаешь, всюду суешь свой нос, как этот зверек.

– Это честь для меня, ваша милость, – ответил Лларимар, устраиваясь на стуле.

«О Цвета! – подумал Гимн. – Его вообще хоть что-нибудь может вывести из себя?»

Лларимар открыл книгу.

– Можно начинать?

– Если нужно, – ответил Гимн.

Слуги как раз закончили завязывать ленты, застегивать пряжки и расправлять шелка. Они поклонились и отошли к стене.

Лларимар приготовил перо.

– Итак, что вы помните из сновидений?

– О, знаешь. – Гимн Света плюхнулся на один из диванов и потянулся. – Ничего особенно важного.

Лларимар недовольно поджал губы. Другие слуги стали вносить в комнату разнообразные блюда. Обычная, человеческая еда. На самом деле Гимн, как и все возвращенные, не нуждался в такой пище – она не давала ему сил и не прогоняла усталость. Это была всего лишь его прихоть. Вскоре он насытится кое-чем более... божественным. И получит достаточно сил, чтобы прожить еще неделю.

– Пожалуйста, попробуйте вспомнить сны, ваша милость, – вежливо, но твердо попросил Лларимар. – Неважно, насколько незначительными они кажутся.

Вздохнув, Гимн перевел взгляд на потолок, украшенный фреской, на которой были изображены три поля, окруженные каменными стенами. Видение одного из его предшественников. Он закрыл глаза, стараясь сосредоточиться.

– Я... шел по пляжу, – сказал он. – Корабль отплывал без меня. Я не знаю, куда он направлялся.

Перо Лларимара забегало по бумаге. Вероятно, он увидел в этом воспоминании множество знаков.

– Там были цвета? – спросил жрец.

– Красный парус корабля, – ответил Гимн. – Бурый песок, зеленые деревья. Океан почему-то казался красным, как и корабль.

Лларимар быстро записывал: он всегда волновался, когда его бог вспоминал цвета. Гимн Света открыл глаза и уставился на ярко расписанный потолок, затем лениво потянулся и взял несколько вишен с тарелки в руках слуги.

Зачем вообще забивать другим голову своими снами? Но, даже считая предсказания глупостью, Гимн не имел права жаловаться. Ему очень повезло. У него

была божественная биохроматическая аура, телосложение, какому позавидовал бы любой мужчина, а роскоши хватало на десяток королей. Именно ему, из всех людей мира, не стоило жаловаться.

Просто... вероятно, он был единственным богом в мире, который не верил в свою божественность.

– А еще что-нибудь было во сне, ваша милость? – спросил Лларимар, поднимая взгляд от книги.

– Там был ты, Тушкан.

Тот помедлил и чуть побледнел:

– Я?

Гимн кивнул:

– Ты извинился за то, что все время мне докучаешь и отвлекаешь от распутства. Затем принес большую бутылку вина и станцевал. Весьма неплохо, должен сказать.

Лларимар посмотрел на него в упор. Гимн вздохнул:

– Нет, больше никого не было. Просто корабль. И то словно в тумане.

Жрец встал, жестом велел слугам отойти, и те переместились в глубину комнаты, готовые мгновенно поднести орехи, вино и фрукты.

– Можем ли мы перейти к следующей обязанности, ваша милость? – спросил Лларимар.

Гимн Света испустил вздох и устало поднялся. Мигом подбежал слуга: когда Гимн садился, одна из пряжек расстегнулась, и ее надо было поправить.

Гимн двинулся за Лларимаром, возвышаясь над ним почти на фут. Однако мебель и двери были рассчитаны на рост бога, так что несуразными здесь казались слуги и жрецы. Бог и жрец шли из комнаты в комнату, не пользуясь коридорами. Коридоры предназначались для слуг и тянулись по периметру внешних стен здания. Гимн ступал по роскошным коврам из северных стран, шествовал мимо прекрасной керамики, привезенной из-за Внутреннего моря. В каждой комнате висели картины и каллиграфически начертанные стихи – творения лучших художников Халландрена.

В самом центре дворца находилась маленькая квадратная комната, расцветка которой не совпадала с привычным красно-золотым оформлением остальных помещений. Здесь преобладали густые тона: синий, зеленый и кроваво-красный. Это были истинные цвета, идеальную чистоту которых могли различить только достигшие третьего возвышения.

Когда Гимн вошел в комнату, цвета налились жизнью. Стали ярче и насыщеннее, но все же не утратили своей густоты. Бордовый стал более ярким, синий – более глубоким. Темные, но сочные. Контраст, который могло дать лишь дыхание.

В центре комнаты стоял ребенок.

«Почему всегда ребенок?» – подумал Гимн.

Лларимар и слуги остались позади. Гимн шагнул вперед, и девочка покосилась на пару жрецов в красном и золотом. Они ободряюще кивнули, и она перевела нервный взгляд на Гимна Света.

– Не волнуйся, – сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал успокаивающе. – Тебе нечего бояться.

И все же девочка дрожала.

В голове Гимна пронеслось множество наставлений Лларимара, утверждавшего, что это не наставления – богам не читают наставлений. Не нужно бояться возвращенных богов Халландрена. Боги были благословением. Они вели народ, дарили мудрость и предвидели будущее. И для существования им требовалось лишь одно.

Дыхание.

Гимн Света медлил, но слабость уже затуманила разум, вызывая головокружение. Тихо обругав себя, он опустил на одно колено и обхватил лицо девочки громадными ладонями. Она всхлинула, но произнесла слова так, как ее учили, ясно и четко:

– Жизнь моя – тебе. Дыхание мое – тебе.

Ее дыхание вытекло, заглотившись в воздухе, устремилось по руке Гимна – касание было необходимо, – и он втянул его. Слабость исчезла, головокружение прошло. Эти ощущения сменились кристальной ясностью. Он почувствовал себя окрепшим, возрожденным, живым.

Девочка же потускнела. Цвет губ и глаз померк. Темные волосы утратили часть блеска, щеки стали бледнее.

«Это ничего, – подумал он. – Большинство людей говорят, что даже не могут понять, что их дыхание ушло. Она будет жить полной жизнью. Счастливой жизнью. Ее семью щедро вознаградят за принесенную жертву».

А Гимн Света проживет еще неделю¹. Его аура не усилилась от поглощенного дыхания – таково было еще одно различие между возвращенными и пробуждающими. Последних иногда называли низшими, искусственно созданными подобиями возвращенных.

Гимн умрет, если не получит новое дыхание. За пределами Халландрена многие возвращенные жили лишь восемь дней. Однако, если возвращенному давали по одному дыханию в неделю, он мог жить не старея, а по ночам к нему приходили видения, которые предположительно показывали будущее. Так возник Двор Богов, в котором боги жили во дворцах, где о них заботились, защищали и, что важнее всего, подпитывали дыханием.

Жрецы поспешили к девочке, чтобы увести ее.

«С ней ничего не случилось, – снова сказал себе Гимн. – Вообще ничего...»

Когда девочка уходила, бог встретился с ней взглядом и не увидел былого огонька в глазах. Она превратилась в тусклую. Утратила цвет, стала блеклой. Человеком без дыхания. Оно никогда не восстановится. Жрецы вывели девочку.

Гимн повернулся к Лларимару, стыдясь внезапно наполнившей его энергии.

– Ну ладно, – сказал он. – Пойдем посмотрим подношения.

Лларимар поднял брови над очками.

---

¹ Неделя в мире Налтис составляет восемь дней. – Здесь и далее прим. пер.

– Откуда вдруг такое рвение?

«Я должен давать что-то взамен, – подумал Гимн. – Даже если это нечто бесполезное».

Миновав еще несколько красно-золотых комнат, большинство из которых представляли собой квадраты с дверьми в каждой стене, у восточной стороны дворца они вошли в длинную узкую комнату – полностью белую, что для Халландрена было необычным. На стенах висели картины и таблички со стихами. Слуги остались снаружи, а Лларимар сопровождал Гимна Света к первой картине.

– Итак? – спросил жрец.

Перед ними оказалась пасторальная картина джунглей, со склоненными пальмами и яркими цветами. В садах Двора Богов росли некоторые из этих растений, и поэтому Гимн их узнал. Сам он никогда не бывал в джунглях, по крайней мере, в этой жизни.

– Картина хороша, – сказал он. – Но не в моем вкусе. Заставляет меня думать о внешнем мире. Хочется там побывать.

Лларимар вопросительно поглядел на него.

– Что? – спросил Гимн. – Иногда Двор надоедает.

– В джунглях не подают вино, ваша милость.

– Я бы и сам мог его приготовить. Из... чего-нибудь.

– Не сомневаюсь, – ответил Лларимар, кивнув одному из помощников в смежном помещении.

Младший жрец записал то, что Гимн сказал о картине. Это было подношение богатого просителя, искавшего благословения Гимна Света. Вероятно, ему нужно набраться храбрости, чтобы сделать предложение руки и сердца, или же он – купец, намеревающийся заключить рискованную сделку. Жрецы истолкуют мнение бога о картине и сообщат просителю предсказание – благоприятное или нет, вместе с точными словами Гимна. В любом случае само подношение картины обеспечит просителю некоторую долю удачи.

Предположительно.

Гимн отошел от картины. К ней поспешил младший жрец и снял холст со стены. Скорее всего, проситель не сам написал ее, а заказал художнику. Чем лучше картина, тем более благоприятный отзыв даст бог. Похоже, будущее человека зависело от того, сколько он мог заплатить художнику.

«Не стоит быть таким циничным, – подумал Гимн. – Не будь этой традиции, я бы умер пять лет назад».

Он действительно умер пять лет назад, хотя до сих пор не знал, что его убило. Правда ли его смерть была героической? Может быть, никому не разрешалось говорить о его прошлой жизни, чтобы никто не узнал о том, что Гимн Света Смелый на самом деле умер от желудочных колик.

Мимо прошмыгнул младший жрец, уносивший картину с джунглями. Ее сожгут. Такие подношения создавались для конкретного бога, и только ему и некоторым его жрецам дозволялось на них смотреть. Гимн перешел к следующему произведению

искусства. Перед ним висело стихотворение, начертанное художественным письмом. Когда Гимн приблизился, цветные точки вспыхнули. Халландренское художественное письмо было особой письменностью, основанной не на форме, а на цвете. Каждая цветная точка отражала отдельный звук в языке Халландрена. Комбинации из двух точек разных цветов составляли алфавит, который стал бы кошмаром для дальтоника.

Не всякий страдающий этим недугом решался признаться в нем. По крайней мере, так слышал Гимн. Иногда он размышлял, знают ли жрецы, как часто их боги сплетничают о внешнем мире?

Стихотворение вышло не очень хорошим, его явно сочинил простолюдин, который заплатил кому-то за перевод в художественное письмо. Простые точки были тому подтверждением. Поэты пользовались более сложными символами, непрерывными линиями, плавно меняющими цвет, или яркими глифами, слагавшими изображения. Используя символы, способные изменять контуры не теряя значения, можно сделать очень многое.

Правильное расположение цветов было тонким искусством: чтобы достичь в нем совершенства, требовалось возвышение не ниже третьего. На этом уровне человек обретал способность идеально воспринимать оттенки цвета, подобно тому, как получал абсолютный слух на втором возвышении. Возвращенные обретали пятое. Гимн не знал, как можно жить без способности мгновенно распознавать точные тона цвета и звука. Он даже мог отличить идеально-красный цвет от того, который смешался с одной каплей белого.

Он дал стихотворению как можно более хороший отзыв, хотя обычно, глядя на подношения, стремился говорить откровенно. Он считал это своим долгом. По какой-то причине долг оказался у него среди тех ценностей, к которым он относился серьезно.

Они двинулись дальше по галерее, и Гимн продолжил оценивать различные картины и стихотворения. Сегодня стена была на удивление плотно увешана подношениями. Неужели он пропустил праздник или какое-то знаменательное событие? К концу осмотра он уже устал от лицемерия живописи, хотя его насытившееся дыханием ребенка тело оставалось по-прежнему сильным и полным жизни.

У последней картины он остановился. Это было абстрактное полотно – такой стиль в последнее время становился все более популярным, особенно среди предлагаемых ему подношений, после того, как он однажды одобрил подобные работы. Из чувства противоречия он чуть было не отозвался об этой картине плохо. Как говорили некоторые боги, не помешает заставить жрецов гадать насчет того, что может понравиться их богам. Гимн подозревал, что остальные давали отзывы куда более расчетливо, намеренно добавляя неоднозначности.

Гимну не хватало терпения на такие ухищрения, особенно когда все, похоже, ожидали от него честности. И он решил, что следует уделить этой картине больше внимания. Холст был покрыт толстым слоем краски: каждый дюйм закрашен крупными, широкими мазками кисти. Преобладал темно-красный, почти багровый, и Гимн мгновенно понял, что это красный с небольшим добавлением синего и черного.

Разноцветные мазки накладывались друг на друга, создавая постепенный переход цвета. Похоже на... волны. Гимн нахмурился. Если смотреть под определенным углом, это было похоже на море. А там, в центре, не корабль ли?

Снова мелькнули неясные образы из сна. Красное море. Уходящий под парусом корабль.

«Померещилось», – сказал он себе, а вслух произнес:

– Удачное сочетание цветов. Приятные линии. Эта картина умиротворяет, но в ней есть напряжение. Я одобряю.

Похоже, ответ удовлетворил Лларимара. Он кивнул, и стоящий неподалеку младший жрец записал слова Гимна Света.

– На этом, – спросил Гимн, – полагаю, все?

– Да, ваша милость.

«Осталась последняя обязанность», – подумал он.

С подношениями было покончено, пришло время переходить к последнему, наименее привлекательному ежедневному делу – прошениям. Еще немного потерпеть – и можно заняться чем-нибудь поважнее: например, вздремнуть.

Однако Лларимар повел его не к залу прошений. Он жестом отослал младшего жреца и принялся перелистывать страницы книги на пюпитре.

– Ну? – спросил Гимн.

– Что «ну», ваша милость?

– Прощения.

Лларимар покачал головой:

– Сегодня у вас не будет прошений, ваша милость. Помните?

– Нет. У меня есть ты, чтобы помнить о таких вещах.

– Что ж, – сказал Лларимар, переворачивая страницу, – считайте, что вам официально напомнили: сегодня прошений не будет. Ваши жрецы заняты другим делом.

– Другим делом? – спросил Гимн. – И чем же?

– С почтением преклоняют колени во внутреннем дворе, ваша милость. Сегодня приезжает наша новая королева.

Гимн замер.

«Надо бы побольше времени уделять политике».

– Сегодня?

– Да, ваша милость. Наш повелитель король-бог женится.

– Как скоро?

– Как только она прибудет, ваша милость.

«Любопытно, – подумал Гимн. – Сезеброн женится».

Из всех возвращенных только король-бог мог жениться. Боги были неспособны иметь детей. Разумеется, за исключением короля, у которого никогда не было живого дыхания. Гимн всегда находил странным это различие.

– Ваша милость, – сказал Лларимар. – Нам потребуются приказы для безжизненных, чтобы расположить на поле за городом войска и достойно встретить королеву.

Бог удивленно воззрился на него:

– Мы собираемся на нее напасть?

Лларимар осадил его строгим взглядом.

Гимн хохотнул.

– Незрелый фрукт, – озвучил он один из приказов, которые позволяли контролировать городских безжизненных.

Конечно, это был не главный приказ. Эта фраза позволяла управлять безжизненными лишь в мирных ситуациях и переставала действовать через день после первого использования. Гимн часто думал, что сложная система приказов для контроля безжизненных слишком уж запутанная. Однако он был одним из четверых богов, владевших приказами для безжизненных, и потому иногда оказывался действительно важной фигурой.

Жрецы принялись тихо обсуждать подготовку. Гимн ждал, продолжая размышлять о Сезеброне и приближающейся свадьбе. Скрестив руки на груди, он прислонился к дверному косяку.

– Тушкан, – позвал он.

– Да, ваша милость?

– У меня была жена? В смысле, до того, как я умер.

Лларимар замялся.

– Вы знаете, что я не могу говорить о вашей жизни до возвращения, Гимн Света. Знание о прошлом не принесет добра.

Гимн запрокинул голову и, коснувшись затылком стены, перевел взгляд на белый потолок.

– Иногда... я вспоминаю лицо, – тихо сказал он. – Прекрасное юное лицо. Думаю, это могла быть она.

Жрецы зашептались.

– Чарующий блеск каштановых волос, – продолжил Гимн. – Алые губы, на три оттенка меньше седьмой гармоники, такие сочные. Смуглая кожа.

Подбежал жрец с красной книгой, и Лларимар принялся лихорадочно записывать. Он не спрашивал у Гимна дополнительных подробностей, а просто фиксировал слова, льющиеся из уст бога.

Гимн замолчал, отвернувшись от людей и их писанины.

«Какая теперь разница? – подумал он. – Та жизнь прошла. Взамен я стал богом. Что бы я ни думал о самой религии, привилегии она дает неплохие».

Он пошел прочь, сопровождаемый свитой слуг и младших жрецов, готовых позаботиться о его нуждах. С подношениями покончено, сны записаны, прошения отменены. Наконец Гимн мог заняться личными делами.

Вместо того чтобы вернуться в свои покои, он направился на террасу и жестом приказал установить шатер. Если сегодня прибывает новая королева, к ней стоит присмотреться повнимательнее.

Глава 4

Экипаж остановился за стенами Т'Телира, столицы Халландрена. Сири уставилась в окно и осознала нечто очень и очень пугающее: ее народ понятия не имел о том, что такое демонстративность. Цветы не были демонстративными. Десяток солдат, сопровождающих экипаж, не были демонстративными. Прилюдная вспышка раздражения не была демонстративной.

Выстроившиеся на поле сорок тысяч воинов в яркой синей с золотом форме стояли ровными рядами, на высоко поднятых копьях трепетали на ветру голубые кисти... Вот она – демонстративность. Два ряда кавалеристов на огромных лошадях с мощными копытами. И люди, и животные облачены в мерцающую под солнцем золотую ткань. Вот она – демонстративность. Громадный город так сильно поражал монументальностью, что при попытке оценить его размеры разум Сири цепенел. Купола, шпили и даже расписные стены пытались приковать к себе ее взгляд. Истинная демонстративность!

Сири думала, что готова. На пути к Т'Телиру экипаж проезжал разные города. Сири видела окрашенные дома, яркие цвета и узоры. Она останавливалась в гостиницах с роскошными кроватями. Она пробовала еду с пряностями, от которых чихала.

Но она не была готова к такому приему в Т'Телире. Совершенно.

«Благословенный Владыка Цвета...» – подумала она.

Ее солдаты старались держаться поближе к экипажу, словно желали забраться внутрь и скрыться от ошеломляющего зрелища. Т'Телир стоял на побережье Яркого моря, огромного внутриматерикового водоема. Оно виднелось вдалеке, поблескивая на солнце, и полностью оправдывало свое название.

К экипажу подъехал человек в синей с серебром мантии. Его замысловатое облачение отличалось от простых одеяний идрисских монахов. Массивные заостренные наплечники придавали сходство с доспехом. Как и головной убор. Такое зрелище в сочетании с яркими цветами и многослойностью заставило волосы Сири побелеть от испуга.

Незнакомец поклонился и произнес низким голосом:

– Леди Сизирин Идрисская. Я Треледис, верховный жрец Его Бессмертного Величества Сезеброна Великого, Возвращенного Бога и Короля Халландрена. Позвольте этой символической почетной страже сопроводить вас ко Двору Богов.

«Символической?» – подумала Сири.

Жрец не стал ждать ответа, просто повернул коня и направился по дороге обратно к городу. Экипаж покатился следом, а солдаты неуверенно замаршировали рядом. Джунгли уступили место отдельным пальмовым рощицам, и Сири с удивлением

заметила, как много в почве песка. Вскоре пейзаж заслонили ряды солдат, стоящих навтыжку по обе стороны дороги.

– Остре, Бог Цвета! – прошептал один из стражников Сири. – Это безжизненные!

Волосы Сири, только начавшие рыжеть, от страха мгновенно вернулись к белому цвету. Солдат оказался прав: у облаченных в яркую форму халландренцев была бесцветная серая кожа. Даже глаза и волосы – все полностью утратило цвет, став монохромным.

«Не могут они быть безжизненными! – подумала она. – Они выглядят как люди!»

Она представляла безжизненных скелетами, с которых слезает гниющая плоть, ведь они были мертвецами, которых вернули к жизни в качестве неразумных солдат. Но те, мимо которых проезжала Сири, походили на людей. Их отличало только отсутствие цвета, застывшее выражение лиц и неестественная неподвижность. Ни жеста, ни дыхания, ни малейшего сокращения мышц. Застыли даже глаза. Они казались статуями, а серая кожа только усиливала сходство.

«И... я выйду за одно из таких созданий?» – подумала Сири.

Но нет, возвращенные отличались от безжизненных, и ни те, ни другие не имели ничего общего с тусклыми – людьми, утратившими дыхание. Она смутно помнила случай, когда в Бевалисе кто-то возвратился. Это было почти десять лет назад, и отец не разрешил посетить этого человека. Сири помнила, что он мог говорить и общаться с семьей, хотя никого из них не узнавал.

Он снова умер через неделю.

В конце концов экипаж оставил ряды безжизненных позади. Приближались городские стены – огромные и устрашающие, но возведенные скорее для красоты, чем для защиты. Вверху они изгибались огромными, похожими на цепь холмов полукружиями с позолоченными краями. Ворота представляли собой двух морских тварей, изогнувшихся в виде арки. Сири миновала их в сопровождении халландренских кавалеристов, которые, похоже, были живыми людьми.

Она всегда считала Халландрен обителью смерти. Это впечатление основывалось на рассказах странников и сплетничающих зимними вечерами у камина старух. Они болтали о городских стенах, сложенных из черепов и покрытых неряшливыми и уродливыми цветными мазками. Сири представляла здания, заляпанные несочетаемыми красками. Отвратительно.

Она ошибалась. Нет, в Т'Телире и правда хватало высокомерия. Казалось, что каждое новое чудо жаждет привлечь ее внимание, и у нее уже глаза разбегались. На улицах толпилось больше людей, чем Сири видела за всю свою жизнь. Они теснили друг друга, чтобы посмотреть на экипаж. Возможно, тут попадались и бедняки, но она их не различала – все носили яркую цветную одежду. Некоторые одевались более помпезно – вероятно, купцы, поскольку в Халландрене не было знати, за исключением богов. Но даже самая простая одежда пестрила разнообразием красок.

Многие здания не сочетались по цвету, но ни одно из них не казалось безвкусным. Все вокруг носило отпечаток ремесленного мастерства и искусства: фасады

лавок, люди, статуи могучих воинов, часто попадавшие на перекрестках. Все это очень бросалось в глаза. Ослепляло пестротой. Эффектная, потрясающая пестрота. Сири поймала себя на том, что улыбается – оттенок ее волос стал чуть теплее, – хотя чувствовала, как начинает болеть голова.

«Может... может, потому отец отправил именно меня, – подумала Сири. – Как бы ни готовили Вивенну, она сюда никогда бы не вписалась. А я всегда слишком интересовалась цветом».

Ее отец был хорошим королем, с развитым чутьем. А вдруг он, двадцать лет воспитывая и наставляя Вивенну, пришел к выводу, что она не годится на то, чтобы помочь Идрису? Неужели именно поэтому впервые в жизни отец предпочел Сири Вивенне?

«Но если это правда, то что я должна делать?»

Она знала, что идрисцы боятся халландренского вторжения, но не представляла, что отец мог отдать одну из дочерей, полагая, что близится война. Вероятно, он уповал на то, что она сможет ослабить напряжение между государствами?

Эти домыслы лишь усилили беспокойство. Для Сири долг был чем-то чуждым и определенно сбивал с толку. Отец вверил ей судьбу и жизнь народа. Она не могла сбежать, исчезнуть или спрятаться.

Тем более от собственной свадьбы.

От страха перед будущим ее волосы опять начали белеть, и Сири постаралась снова переключить внимание на город. Это было нетрудно. Громадный город расположился на холмах подобно свернувшемуся клубком усталому зверю. Когда экипаж добрался до южного квартала, она увидела сквозь просветы между зданиями залив Яркого моря. Т'Телир полумесяцем раскинулся вокруг залива, спускаясь прямо к воде. Городская стена, ограждающая столицу, описывала полукруг и упиралась в море.

Город не казался тесным. В нем хватало открытого пространства – аллеи, сады и обширные пустоши незанятой земли. В городе было много зелени, вдоль улиц росли пальмы. Дующий с моря свежий бриз смягчал жару куда сильнее, чем ожидала Сири. Дорога привела к небольшому плато, с которого открывался бы прекрасный вид... если бы его не окружала высокая глухая стена. Сири с нарастающей тревогой следила за тем, как отворяются ворота в этот маленький город-в-городе, впуская экипаж, солдат и жрецов.

Горожане остались снаружи.

Внутри оказалась еще одна стена, не позволяющая никому заглянуть за ворота. Процессия повернула налево и, обогнув эту стену, въехала в халландренский Двор Богов – огороженный, поросший травой внутренний двор. Здесь высилось несколько десятков огромных дворцов, и каждый был окрашен в определенный цвет. В самом дальнем конце находилось массивное черное здание, гораздо выше остальных.

В огражденном стеной дворе было тихо и спокойно. Сири увидела на балконах фигуры; обитатели домов наблюдали за тем, как ее экипаж катится по лужайке. Перед каждым дворцом простерлись ниц группы мужчин и женщин. Их одежда совпадала по

цвету со зданиями, но Сири не обратила на них особого внимания. Она нервно уставилась на большое черное здание – пирамиду из громадных блоков-ступеней.

«Черный, – подумала она. – В разноцветном городе».

Волосы Сири побелели еще сильнее. Ей внезапно захотелось быть более благочестивой. Она сомневалась, что Остре угодны ее всплески эмоций, и часто она с трудом могла перечислить Пять Видений. Но он же присмотрит за ней ради ее народа?

Кортеж остановился у подножия огромной пирамиды. Сири выглянула в окно, заметив на вершине выступы и лепнину, визуальнo утяжеляющие строение. На мгновение ей показалось, что сейчас темные блоки обрушатся и похоронят ее под собой. Жрец снова подъехал к окну ее экипажа. Кавалеристы молча ждали приказов, и только перестук копыт лошадей нарушал тишину просторного открытого двора.

– Мы прибыли, Сосуд, – сказал жрец. – Когда мы войдем в здание, вас подготовят и отведут к мужу.

– Мужу? – неуверенно переспросила Сири. – А брачной церемонии не будет?

Жрец самодовольно улыбнулся:

– Король-бог не нуждается в церемониях. Вы стали его женой, как только он того пожелал.

Сири поежилась:

– Я просто надеялась, что, возможно, увижу его до того, как... ну...

Жрец окинул ее строгим взглядом:

– Король-бог не потакает женским капризам. Вы благословлены превыше всех, ибо вам будет дозволено коснуться бога, но лишь по его собственной воле. Не притворяйтесь той, кем не являетесь на самом деле. Вы прибыли, потому что он того пожелал, и будете повиноваться. В противном случае от вас избавятся и изберут другую – что, я полагаю, негативно скажется на ваших мятежных друзьях в горах.

Жрец развернул коня и направился к широкому каменному пандусу, ведущему к зданию. Экипаж снова пришел в движение, увлекая Сири навстречу ее судьбе.

Глава 5

«Это все осложнит», – подумал Вашер. Он стоял в тени на стене, окружающей Двор Богов.

«А в чем дело? – спросил Кровь Ночи. – Ну да, мятежники и впрямь прислали принцессу. Это не меняет твои планы».

Застыв, Вашер смотрел, как экипаж новой королевы поднимается по пандусу и исчезает в пасти дворца.

«Ну?» – требовательно спросил Кровь Ночи. Даже спустя столько лет меч все еще вел себя как ребенок.

«Ее используют, – подумал Вашер. – Сомневаюсь, что мы сможем добиться успеха, не беря ее в расчет».

Ему не верилось, что идриисцы действительно прислали в Т'Телир принцессу королевской крови. Они пожертвовали важной фигурой.

Вашер отвернулся от двора и зацепился ногой в сандалиии за одно из свисающих со стены полотнищ. Затем направил в него дыхание и отдал приказ:

– Опустименя.

Сотканное из шерстяных нитей большое полотнище вытянуло из него сотни дыханий. Оно было просто огромным и не обладало человеческой формой, но теперь у Вашера хватало дыхания на такие расточительные пробуждения.

Полотнище ожило и, скрутившись в форме руки, подхватило Вашера. Как всегда, пробужденный предмет старался имитировать человека: присмотревшись к изгибам и складкам ткани, Вашер увидел очертания мускулов и даже вен. Они были не нужны; дыхание оживляло ткань, и ей не требовались мускулы, чтобы двигаться.

Полотнище осторожно опускало Вашера, придерживая за плечо, пока тот не коснулся ногами земли.

– Дыхание твое – ко мне, – приказал Вашер.

Огромное полотнище мгновенно обмякло, утратив жизнь, и опять затрепетало на стене.

Несколько прохожих замедлили шаг, но их лица выражали интерес, а не благоговение. Все-таки это был Т'Телир, обитель богов. Обладатели тысяч дыханий встречались не часто, но не были чем-то уникальным. Горожане глазели на Вашера – так селяне задерживались и провожали взглядом экипаж лорда, – но затем возвращались к повседневным делам.

Внимания было не избежать. Вашер оделся как обычно: потертые штаны, поношенный плащ, несмотря на жару, вместо пояса веревка, несколько раз обернутая вокруг талии, но теперь все вблизи него наливалось красками. Эту перемену улавливали даже обычные люди, а обладателям первого возвышения она бросалась в глаза.

Дням, когда он мог спрятаться или незаметно подкрасться, пришел конец. Теперь придется снова привыкать к тому, что его замечают. Это была одна из причин радоваться тому, что он находится в Т'Телире. В таком крупном городе хватало диковин. На фоне безжизненных солдат и пробужденных предметов, используемых в повседневных делах, Вашер выделялся не слишком сильно.

Разумеется, если не брать в расчет Кровь Ночи. Вашер пробирался сквозь толпу, держа в одной руке чересчур тяжелый меч, ножны которого чуть не волочились по земле. Некоторые прохожие шарахались от меча, другие задерживали на нем взгляд. Наверное, пора опять засунуть его в сумку.

«О нет, не смей, – возмутился меч. – Даже не думай. Я слишком много времени провел взаперти».

«Тебе-то что?» – подумал Вашер.

«Мне нужен свежий воздух, – отозвался Кровь Ночи. – И солнечный свет».

«Ты меч, – мысленно ответил Вашер, – а не пальма».

Кровь Ночи замолчал. Ему хватало ума понять, что он не человек, но он не любил, когда ему об этом напоминали, и обычно становился угрюмым. Что вполне устраивало хозяина меча.

Вашер добрался до ресторана, расположенного через пару улиц от Двора Богов. Если он и скучал по Т'Телиру, то именно из-за ресторанов. Другие города не отличались большим выбором мест, где можно пообедать. Тому, кто намеревался остановиться в городе надолго, приходилось ходить есть к какой-нибудь местной женщине. На время краткого визита можно было питаться и в гостинице.

Но в Т'Телире хватало богачей, благодаря которым процветали те, кто полностью посвятил себя ресторанному делу. Рестораны еще не завоевали популярность в остальном мире, однако в Т'Телире уже никого не удивляли. У Вашера была заказана кабинка, и официант кивнул на нее. Вашер сел, прислонив Кровь Ночи к стене.

Не прошло и минуты, как меч украли.

Погруженный в свои мысли, Вашер даже не обратил внимания на кражу и принял у официанта теплую чашку цитрусового чая. Отхлебнув подслащенной жидкости, он пососал кусочек кожуры, удивляясь тому, что жители тропической долины любят горячий чай. Через несколько минут ощущение жизни подсказало, что за ним наблюдают, а потом предупредило, что кто-то приближается. Попивая чай, Вашер свободной рукой извлек из-за пояса кинжал.

Напротив Вашера уселся жрец. Вместо подходящего облачения на нем была мирская одежда. Однако – может, неосознанно, – он все равно выбрал бело-зеленые цвета своего божества. Вашер вернул кинжал в ножны, заглушив щелчок громким глотком.

Жрец по имени Бебид нервно огляделся. Судя по его биохроматической ауре, он достиг первого возвышения, на котором останавливалось большинство людей, способных позволить себе покупку дыхания. Такое количество дыханий давало лишние десять лет жизни и наделяло усиленным ощущением жизни. Кроме того, оно позволяло видеть ауру и отличать пробуждающих, а также самую малость пробуждать самим. Неплохая покупка за деньги, которых хватило бы полвека кормить семью простолюдинов.

– Итак... – произнес Вашер.

Бебид аж подскочил при звуке его голоса. Вздохнув, Вашер закрыл глаза. Жрец не привык к тайным встречам. Он бы вообще не пришел, если бы Вашер немного... не надавил на него.

Открыв глаза, Вашер взглянул на жреца, как раз когда официант принес две тарелки пряного риса. В ресторане подавали блюда тектийской кухни – халландренцы любили чужеземные специи не меньше необычных красок. Вашер сделал заказ заранее, заплатив и за то, чтобы окружающие кабинки оставались свободными.

– Итак? – повторил он.

– Я... – промямлил Бебид. – Ничего не знаю. Я мало что смог узнать.

Вашер смерил его суровым взглядом.

– Мне нужно больше времени.

– Вспомни о своей неосмотрительности, приятель. – Вашер допил чай и почувствовал укол раздражения. – Ты же не хочешь, чтобы разошлись слухи? Нам опять придется это обсуждать?

Бибид помолчал.

– Ты не знаешь, о чем просишь, Вашер, – сказал он, подавшись вперед. – Я служитель Провидицы Ясности Искренней. Я не могу предать свои обеты!

– Вот и радуйся, что я об этом не прошу.

– Мы не должны разглашать информацию о политике двора.

– Да ну? – фыркнул Вашер. – Стоит только возвращенным обменяться парочкой взглядов, как через час об этом знает весь город!

– Ты же не намекаешь, что... – начал Бибид.

Вашер заскрежетал зубами и со злостью согнул ложку.

– Хватит, Бибид! Мы оба знаем, что твои обеты – лишь часть игры. – Он подался вперед. – А я терпеть не могу игры.

Бибид побледнел. К еде он так и не притронулся. Вашер раздраженно оглядел ложку, затем разогнул ее, успокаиваясь, и зачерпнул риса. Рот обожгли специи. Вашер считал, что, раз уж еда на столе, не стоит откладывать трапезу, ведь никогда не знаешь, не придется ли ее спешно прервать.

– Гуляют определенные... слухи, – наконец выдавил Бибид. – Они выходят за пределы обычной политики двора, Вашер, за пределы игр богов. Творится что-то серьезное, причем очень тихо. Настолько тихо, что даже до внимательных жрецов доходят лишь намеки.

Вашер продолжал есть.

– Одна из придворных фракций подталкивает к войне с Идрисом, – сказал Бибид. – Хотя я не представляю почему.

– Не будь идиотом, – отозвался Вашер. Ему хотелось еще чая, чтобы запить рис.

– Мы оба знаем, что у Халландрена есть веские причины перебить всех жителей гор.

– Королевская кровь, – сказал Бибид.

Вашер кивнул. Идрисцев называли мятежниками, но эти «мятежники» были истинной королевской династией Халландрена. Пусть они и смертны, их кровь бросала вызов Двору Богов. Любой разумный монарх знал, что, заняв трон, первым делом следовало казнить всех, у кого на него больше прав. А потом – тех, кто мог хотя бы помыслить о том, что имеет подобные права.

– Значит, – продолжил Вашер, – вы сражаетесь, Халландрен побеждает. В чем проблема?

– В том, что это плохая идея, – заявил Бибид. – Ужасная. Фантомы Калада! Идрис так просто не сдастся, что бы ни говорили при Дворе. Их не раздавят, как этого идиота Вара. У идрисцев есть союзники в горах, им симпатизируют десятки королевств. Это называется «простое усмирение мятежников», но дело может обернуться второй Всеобщей войной. Нам это нужно? Тысячи и тысячи смертей? Окончательная гибель королевств? И все ради того, чтобы мы смогли захватить кусочек мерзлой и никому не нужной земли?

– Торговые пути имеют большое значение, – заметил Вашер.

Бибид фыркнул:

– Идрисцы не дураки и не станут завышать пошлину. Дело не в деньгах. Дело в страхе. Придворные говорят о том, что может случиться, если идрисцы закроют перевалы или если позволят своим союзникам пройти через них и осадить Т’Телир. Будь дело в деньгах, никто бы и не думал о войне. Халландрен процветает благодаря торговле красками и тканями. Думаешь, это продолжится во время войны? Будет чудом, если мы избежим полного экономического краха.

– Так ты считаешь, что меня волнует экономика Халландрена? – поинтересовался Вашер.

– Ах да, – сухо ответил Бебид. – Я и забыл, с кем говорю. Тогда чего ты хочешь? Скажи мне, и покончим с этим.

– Расскажи о мятежниках, – предложил Вашер, жуя рис.

– Об идрисцах? Но мы только что...

– Не о них, – поправил Вашер. – О тех, кто в столице.

– После смерти Вара о них можно забыть, – отмахнулся жрец. – Кстати, никто не знает, кто его убил. Может, сами мятежники. Наверняка они не обрадовались его пленению.

Вашер ничего не сказал.

– Это все, что тебе нужно? – нетерпеливо спросил Бебид.

– Мне нужно связаться с фракциями, о которых ты говорил, – сказал Вашер. – Теми, кто подстрекает к войне с Идрисом.

– Я не стану помогать тебе разжигать...

– Не пытайся указывать мне, что делать, Бебид. Просто предоставь обещанную информацию – и будешь свободен.

– Вашер. – Бебид наклонился еще ближе. – Я не в силах помочь. Моей госпоже не интересна такая политика, и я вращаюсь не в тех кругах.

Вашер проглотил рис, оценивая искренность собеседника.

– Хорошо. А кто может помочь?

Бебид расслабился и промокнул лоб салфеткой.

– Не знаю, – сказал он. – Может, один из жрецов Звезды Милосердия? Полагаю, также можно обратиться к Синепалому.

– Синепалый? Странное имя для бога.

– Синепалый – не бог, – рассмеялся Бебид. – Это всего лишь прозвище. Он управляющий королевского дворца и глава писцов. В его ведении все дела Двора, если кто и знает что-либо о фракциях – только он. Разумеется, он весьма непреклонен и честен, так что тебе будет трудно его сломить.

– О, ты удивишься тому, на что я способен, – ответил Вашер, отправляя в рот последнюю ложку риса. – К тебе же я нашел подход?

– Да уж.

Вашер поднялся.

– Заплати официанту, когда будешь уходить. – Он снял плащ с крючка и направился к выходу.

Справа ощущалась... тьма. Пройдя по улице, Вашер свернул в переулок и обнаружил Кровь Ночи. Меч прямо в ножнах торчал из груди похитителя. Другой карманник лежал рядом мертвый.

Меч вытащили из ножен меньше чем на дюйм. Вашер выдернул его из трупа, загнал полностью в ножны и защелкнул пряжку.

«Ты там слегка вышел из себя, – упрекнул его Кровь Ночи. – Я думал, ты работаешь над собой».

«Видимо, сорвался», – подумал Вашер.

Меч помолчал и возразил:

«А ты разве висел?»

«Не в том смысле», – ответил Вашер, выходя из переулочка.

«Какая разница? – спросил Кровь Ночи. – Ты слишком дергаешься из-за слов. Как с тем жрецом – ты потратил на него столько слов, а потом отпустил. Я бы разобрался с ним иначе».

«Да, знаю, – отозвался Вашер. – Ты бы оставил больше трупов».

«Так и есть, я же все-таки меч, – мысленно фыркнул Кровь Ночи. – Надо заниматься тем, что умеешь лучше всего...»

***

Со своей террасы Гимн Света наблюдал за тем, как экипаж новой королевы исчезает в глубине дворца.

– Приятный выдался день, – заметил он.

Несколько бокалов вина помогли ему выбросить из головы мысли о детях, лишенных дыхания, и он наконец почувствовал себя как обычно.

– Вы так рады появлению королевы? – спросил Лларимар.

– Я так радуюсь потому, что сегодня благодаря ее прибытию избежал прошений. Что мы о ней знаем?

– Не много, ваша милость. – Лларимар стоял рядом со стулом Гимна и смотрел на дворец короля-бога. – Идрисцы нас удивили. Вместо старшей дочери прибыла младшая.

– Любопытно, – отозвался Гимн, принимая из рук слуги очередной кубок вина.

– Ей всего семнадцать лет, – продолжил Лларимар. – Не могу представить, каково это – стать женой короля-бога в таком возрасте.

– Я не могу представить тебя женой короля-бога в любом возрасте, Тушкан, – сказал Гимн и тут же нарочито скривился. – Хотя, вообще-то, могу, и платье на тебе сидело бы просто ужасно. Запиши, что мое воображение следует выпороть за такой дерзкий образ.

– Я занесу это в список сразу после пункта о несоблюдении вами правил приличия, ваша милость, – сухо заметил Лларимар.

– Глупости, – ответил Гимн, отпивая вина. – Я их уже много лет не соблюдаю.

Откинувшись назад, он стал размышлять над тем, что идрисцы хотели сказать, послав не ту принцессу. Две пальмы в кадках закачались на ветру, и его отвлек принесенный бризом запах моря.

«Интересно, плавал ли я по этому морю? – подумал он. – Был ли моряком? Так я умер? Поэтому мне приснился корабль?»

От сна остались только смутные воспоминания. Красное море...

Огонь. Смерть, убийства и битва.

Вздвогнув, он внезапно вспомнил сон во всех деталях. Море было красным, потому что в нем отражался объятый пламенем великий Т'Телир. Он почти слышал кричащих от боли людей, почти слышал... что? Как солдаты маршируют и сражаются на улицах?

Гимн потряс головой, стараясь развеять призрачные видения. Теперь он вспомнил, что корабль в сновидении тоже горел. Это не обязательно что-то значило: всем снятся кошмары. Но мысль о том, что его кошмары считались пророческими, была неприятна.

Лларимар все так же стоял у кресла Гимна Света и смотрел на дворец короля-бога.

– Слушай, сядь и не стой над душой, – сказал Гимн. – А то стервятники обзавидуются.

Лларимар поднял бровь:

– О каких стервятниках вы говорите, ваша милость?

– О тех, что по-прежнему толкают нас к войне, – махнул рукой Гимн.

Жрец сел в одно из деревянных кресел и, расслабившись, снял с головы громоздкую митру. Его темные волосы прилипли от пота к голове. Он провел по ним ладонью. Первые несколько лет Лларимар все время держался чопорно и церемонно. Но в конце концов Гимн взял его измором. Все-таки он был богом. По его мнению, если бог мог бездельничать на работе, то и его жрецы тоже.

– Не знаю, ваша милость, – протянул Лларимар, потирая подбородок. – Мне это не нравится.

– Прибытие королевы? – уточнил Гимн.

Лларимар кивнул:

– При дворе не было королевы уже лет тридцать. Я даже не знаю, как отреагируют на нее фракции.

Гимн Света потер лоб:

– Политические интриги, Лларимар? Ты знаешь, я не одобряю таких вещей.

Лларимар смерил его взглядом:

– Ваша милость, вы политик по определению.

– Прошу тебя, не напоминай. Мне очень не хотелось бы туда влезать. Как думаешь, могу я подкупить кого-то из богов, чтобы они забрали у меня власть над безжизненными?

– Сомневаюсь, что это мудрый поступок, – заметил Лларимар.

– Это все часть моего главного плана – убедиться в том, что я стану целиком и полностью бесполезным для города ко времени моей смерти. Окончательной смерти.

Лларимар склонил голову набок:

– Целиком и полностью бесполезным?

– Конечно. Обычной бесполезности не хватит – я же все-таки бог.

Он взял гроздь винограда с подноса, все еще стараясь забыть о тревожных образах из снов. Они ничего не значат. Это всего лишь сны.

Он все равно решил, что завтра утром расскажет о них Лларимару. Может, тот сумеет использовать сны, чтобы помочь другим продвинуть идею о мире с Идрисом. Если бы старик Деделин не прислал свою старшую дочь, дебатов при дворе было бы не избежать. Начались бы очередные разговоры о войне. Сегодняшнее прибытие принцессы должно было их погасить, но Гимн знал, что сторонникам войны так просто рот не заткнуть.

– И все же, – произнес Лларимар, словно разговаривая сам с собой, – они хоть кого-то прислали. Это определенно добрый знак. Прямой отказ наверняка привел бы к войне.

– Кем бы ни был Наверняк, сомневаюсь, что мы из-за него должны воевать, – лениво отозвался Гимн, разглядывая виноградину. – Война, по моему божественному мнению, еще хуже политики.

– Говорят, что это одно и то же, ваша милость.

– Ерунда. Война куда хуже. По крайней мере, на политических заседаниях подают отличные закуски.

Как и обычно, Лларимар обошел вниманием остроумное замечание своего бога. Это задело бы Гимна, если бы он не знал, что в глубине террасы еще три младших жреца записывают его слова, выискивая в них мудрость и глубокий смысл.

– Каков будет следующий шаг идрисских мятежников, как по-вашему? – спросил Лларимар.

– Вот в чем фокус, Тушкан. – Гимн откинулся на спинку кресла, закрыв глаза и ощущая на лице тепло солнца. – Идрисцы не считают себя мятежниками. Они вовсе не затаились в своих горах в ожидании того дня, когда триумфально вернутся в Халландрен. Это больше не их дом.

– Их горы едва ли можно назвать королевством.

– Они достаточно обширные, чтобы контролировать территорию с богатыми минеральными месторождениями, четыре жизненно важных перевала, ведущих на север, и королевскую кровь истинной династии Халландрена. Мы им не нужны, друг мой.

– А что насчет разговоров об идрисских подстрекателях в столице, поднимающих народ против Двора Богов?

– Всего лишь слухи, – ответил Гимн. – Хотя, когда я окажусь неправ и толпы бедняков возьмут штурмом мой дворец и сожгут меня на костре, я им обязательно скажу, что ты не ошибся. Ты будешь смеяться последним. Ну... или кричать последним – потому что тебя, скорее всего, сожгут вместе со мной.

Лларимар вздохнул. Гимн открыл глаза и обнаружил, что жрец задумчиво смотрит на него. Лларимар не стал упрекать его за легкомыслие, а просто наклонился за митрой и водрузил ее обратно на голову. Он был жрецом, Гимн Света – богом.

Мотивы бога не ставили под сомнение, его никогда не порицали. Если Гимн отдавал приказ, все поступали в точности по его слову.

Иногда эта мысль ужасала Гимна.

Но не сегодня. Сегодня он чувствовал раздражение. Приезд королевы каким-то образом заставил его заговорить о политике – а ведь до этого день был таким прекрасным.

– Еще вина, – распорядился Гимн, протягивая кубок.

– Вы не сможете опьянеть, ваша милость, – заметил Лларимар. – Ваше тело наделено иммунитетом ко всем отравляющим веществам.

– Знаю, – отозвался Гимн, пока слуга наполнял кубок. – Но уж поверь, я очень хорошо умею притворяться.

Глава 6

Не успела Сири выйти из экипажа, как ее роем окружили служанки в синих с серебром одеждах и увлекли за собой. Она с испугом оглянулась на своих солдат. Те шагнули к ней, но Треледис предупреждающе поднял руку.

– Дальше Сосуд проследует одна, – объявил жрец.

На Сири накатил страх. Вот и все.

– Возвращайтесь в Идрис, – велела она солдатам.

– Но, госпожа... – начал командир.

– Нет, – перебила Сири. – Вы больше ничего не можете для меня сделать. Прошу, возвращайтесь и сообщите отцу, что я доехала благополучно.

Командир неуверенно оглянулся на солдат. Сири так и не увидела, подчинились ли они, потому что служанки увели ее за угол, в длинный черный коридор. Она изо всех сил старалась не показывать страх. Она прибыла во дворец, чтобы выйти замуж, и собиралась произвести на короля-бога благоприятное впечатление. Но на самом деле ее охватил самый настоящий ужас. Ну почему она не удрала? Почему не сумела каким-нибудь образом этого избежать? Почему бы им просто не оставить ее в покое?

Теперь уже не сбежишь. Служанки вели ее вглубь черного дворца, и прошлая жизнь исчезала позади.

Теперь она осталась одна.

На стенах висели лампы с цветными стеклами. Сири провели по изгибам и поворотам темных переходов. Она попыталась запомнить дорогу, но вскоре безнадежно запуталась. Служанки разного возраста окружили ее подобно почетному караулу. Все носили синие шапочки на распушенных, откинутых за спину волосах и стояли, потупив взгляды. Их мерцающие синие одеяния отличались свободным покроем. При виде низких вырезов Сири покраснела. В Идрисе женщины полностью прикрывали даже шеи.

Темный коридор наконец привел в большую комнату, и Сири задержалась на пороге. Черные каменные стены покрывал темно-бордовый шелк. Собственно, здесь все было бордовым: ковры, мебель, облицованные керамикой ванны в центре комнаты.

Служанки начали снимать с Сири одежду. Подскочив, она стала отбиваться от их рук, и женщины на мгновение застыли от удивления. Затем они принялись за дело с удвоенным рвением, и Сири поняла, что ей остается лишь терпеть стиснув зубы. Она подняла руки, позволяя служанкам стянуть платье и нижнее белье, и ощутила, как ее волосы краснеют от смущения. По крайней мере, в комнате было тепло.

Но ее все равно передернуло. Ей пришлось стоять обнаженной, пока не подошли другие служанки с измерительными лентами. Они всю ее ощупали и истыкали, снимая всевозможные мерки: талии, груди, плеч, бедер. Закончив, женщины отступили, и в комнате воцарилась тишина. От ванны в центре комнаты поднимался пар, и несколько служанок указали на нее.

«Похоже, теперь мне дозволено искупаться», – с облегчением подумала Сири, поднимаясь по керамическим ступеням. Осторожно шагнув в большую ванну, она ощутила приятное тепло воды и погрузилась в нее, позволяя себе немного расслабиться.

Позади раздался всплеск, и Сири обернулась. Несколько служанок в коричневых платьях забрались в ванну прямо в одежде, с мочалками и мылом в руках. Сири вздохнула, сдаваясь их заботе, и женщины принялись энергично тереть ее тело и волосы. Сири закрыла глаза, стараясь держаться со всем возможным достоинством.

Купание дало ей время на размышления, но ничего хорошего они не принесли – она могла думать только о том, что с ней случилось. Тревога тут же вернулась.

«Безжизненные оказались не такими страшными, как в историях, – подумала она, стараясь успокоиться. – А краски города гораздо симпатичнее, чем я думала. Может... может, и король-бог не такой ужасный, как говорят».

– А, хорошо, – прозвучал голос. – Мы укладываемся в график. Отлично.

Сири похолодела. Мужской голос! Она распахнула глаза и увидела рядом с ванной пожилого человека в коричневом одеянии, что-то пишущего в учетной книге. Он был лысым, с приятным круглым лицом. Возле него стоял мальчик с несколькими листами и маленькой чернильницей, в которую незнакомец макал перо.

Вскрикнув и резко взмахнув руками, Сири попыталась прикрыться, и несколько служанок отшатнулись от фонтана брызг.

Человек с книгой, прекратив записывать, опустил взгляд:

– Что-то не так, Сосуд?

– Я моюсь! – взорвалась Сири.

– Да, – ответил незнакомец. – Я заметил.

– Так почему вы подсматриваете?

Незнакомец наклонил голову:

– Но я всего лишь королевский слуга и гораздо ниже вас по положению... – Он помедлил. – Ах, да. Идрисская стеснительность. Совсем о ней забыл. Дамы, пожалуйста, взбейте побольше пены.

Служанки так и поступили, быстро взболтав мыльную воду.

– Ну вот, – сказал мужчина, снова уткнувшись в учетную книгу. – Теперь я ничего не вижу. Прошу, давайте поторопимся. Не нужно заставлять короля-бога ждать в день его свадьбы!

Сири с неохотой продолжила купание, но постаралась держать определенные части тела глубоко под водой. Женщины скребли ее так яростно и старательно, что Сири начала опасаться, как бы с нее не содрали кожу.

– Как вы, должно быть, понимаете, – говорил мужчина, – у нас очень плотный график. Еще многое предстоит сделать, и я бы хотел, чтобы все прошло настолько гладко, насколько это возможно.

Сири нахмурилась:

– А вы... кто вообще такой?

Незнакомец поглядел на нее, и Сири поспешно зарылась в пену. Ее волосы стали как никогда ярко-красными.

– Мое имя Гаварсет, но все зовут меня просто Синепалым. – Он поднял руку и пошевелил пальцами, покрытыми темно-синими пятнами от чернил. – Я управляющий дворца и глава писцов его сиятельной милости Сезебронна, короля-бога Халландрена. Проще говоря, я ведаю посетителями дворца и присматриваю за слугами при Дворе Богов.

Помедлив, он окинул взглядом Сири:

– А также я слежу за тем, чтобы все придерживались графика и делали то, что должно.

Несколько служанок помоложе, одетых в коричневое, как и те, что купали Сири, начали подносить к ванне кувшины воды, и женщины принялись ополаскивать волосы Сири. Она повернулась так, чтобы им было удобнее, но не сводила застилаемых водой глаз с Синепалого и мальчика-слуги.

– В настоящее время, – продолжил Синепалый, – дворцовые портные работают над вашим платьем. Мы довольно точно оценили ваши размеры, но для завершения требовалось снять окончательные мерки. Наряд будет готов в кратчайшие сроки.

Служанки еще раз промыли ее волосы.

– Нужно обсудить еще кое-что, – продолжил Синепалый. Его голос искажала вода, попавшая в уши Сири. – Полагаю, вас учили тому, как вести себя в присутствии его бессмертного величества?

Сири бросила на Синепалого взгляд и отвернулась. Может, ее и учили, но она не помнила и в любом случае не могла сейчас сосредоточиться.

– Ага. – Синепалый, похоже, все понял по выражению ее лица. – Что ж, это будет... интересно. Позвольте дать вам несколько советов.

Сири кивнула.

– Во-первых, прошу вас понять, что воля короля-бога – закон. Он не обязан оправдывать или обосновывать свои поступки. Ваша жизнь, как и жизни всех нас, – в его руках. Во-вторых, запомните, что король-бог не говорит с людьми вроде вас или меня. Вы не будете с ним разговаривать, когда предстанете перед ним. Понимаете?

Сири выплюнула мыльную воду:

– Хотите сказать, что я даже не смогу поговорить со своим мужем?

– Боюсь, что нет, – ответил Синепалый. – Никто из нас не может.

– А как он тогда принимает решения и постановления? – поинтересовалась Сири, вытирая глаза.

– Об обыденных нуждах королевства заботится Совет Богов, – объяснил Синепалый. – Король-бог выше повседневных забот. Когда он желает о чем-то сообщить, он изрекает свою волю жрецам, и те передают ее миру.

«Чудесно», – подумала Сири.

– Необычно уже то, что вам дозволено прикасаться к нему, – продолжил Синепалый. – Отцовство для него вынужденная необходимость. Наша задача – представить вас самым благоприятным образом и ни в коем случае не вызвать его раздражения.

«Остре, Владыка Цвета, – подумала она. – Что же он за существо?»

Синепалый смерил ее взглядом:

– Я слышан о вашем темпераменте, Сосуд. Разумеется, мы собрали сведения о детях идрисского монарха. Позвольте мне быть немного более откровенным и, вероятно, немного более прямолинейным, чем я бы хотел. Если вы напрямую обратитесь к королю-богу, он прикажет вас казнить. В отличие от вашего отца он не обладает терпением. Я не знаю, как еще подчеркнуть это. Я понимаю, что вы привыкли быть значительной персоной. Собственно, вы по-прежнему значительны, возможно, даже стали еще значительнее. Ваше положение намного выше моего и всех присутствующих. Тем не менее король-бог выше всех нас. Его бессмертное величество... особенный. Согласно учению сама земля слишком низменна для него. Он достиг божественности еще до рождения, но потом стал возвращенным, чтобы даровать людям благословения и видения. Вас удостоили особого доверия. Прошу, оправдайте это доверие и, умоляю, не вызывайте его гнев. Вы понимаете?

Сири медленно кивнула, чувствуя, как ее волосы снова белеют. Она постаралась взять себя в руки, но вся храбрость, которую она смогла собрать, казалась притворной. Нет, она не в состоянии принять это существо так же легко, как безжизненных или краски города. Идрисцы не преувеличивали его репутацию. Очень скоро он получит власть над ее телом и сделает с ним все, что захочет. В глубине ее души вспыхнул гнев, но это был гнев отчаяния, пришедший от понимания того, что близится нечто ужасное и она ничего не сможет сделать.

Служанки отошли, оставив ее по шею в пене. Одна из женщин взглянула на Синепалого и с уважением склонила голову.

– А, мы закончили? – уточнил он. – Прекрасно. Вы и ваши дамы, как всегда, проворны, Джлан. Тогда продолжим.

– Они что, не могут говорить? – тихо спросила Сири.

– Конечно могут, – ответил Синепалый. – Но они – преданные слуги его бессмертного величества. Во время работы они обязаны быть предельно полезными и незаметными. Итак, прошу...

Сири осталась в воде, даже когда молчаливые женщины попытались ее оттуда вытащить. Синепалый со вздохом повернулся к ней спиной и заставил отвернуться мальчика-слугу.

Только после этого Сири наконец позволила вывести себя из ванны. Вымокшие служанки исчезли в соседней комнате, очевидно, чтобы переодеться, а остальные подвели ее к ванне меньших размеров для ополаскивания. Ступив в воду, она ахнула – вода здесь оказалась гораздо прохладнее, чем в большой ванне. Женщины жестами велели ей окунуться. Она съежилась, но подчинилась, смыв большую часть мыла. После этого наступил черед последней, третьей, ванны. Приблизившись к ней, дрожащая Сири ощутила исходивший от воды сильный цветочный аромат.

– Что это? – спросила она.

– Ароматизированная ванна, – объяснил все еще стоявший к ней спиной Синепалый. – Если хотите, вместо нее один из массажистов дворца умастит ваше тело благовониями. Однако я бы не советовал, учитывая недостаток времени...

Сири покраснела, представив, как кто-то – неважно, мужчина или женщина – натирает ее благовониями.

– Сойдет и ванна, – сказала она, забираясь в воду. Та оказалась теплой, а цветочный запах был столь сильным, что пришлось дышать через рот.

Женщины окружили ее, и Сири со вздохом погрузилась в ароматную воду. После того как она вылезла, служанки наконец принесли пушистые полотенца и принялись ее вытирать. Их прикосновения были столь же деликатными и мягкими, сколь жестким было предшествующее мытье. Это немного смягчило силу аромата, чему Сири была рада. Другие женщины поднесли темно-синий халат, и Сири, вытянув руки, позволила облачить себя в него и завязать пояс.

– Можете повернуться, – сказала она управляющему.

– Прекрасно. – Обернувшись, Синепалый прошел к другой двери и жестом пригласил следовать за ним. – Поторопитесь. Нам еще многое нужно сделать.

Сири и служанки покинули бордовую комнату и последовали за ним в другую – ярко-желтую. Здесь было гораздо больше мебели, ванны отсутствовали, а в центре стояло большое роскошное кресло.

– Его величество не соотносят с каким-то одним определенным оттенком. – Синепалый обвел жестом яркую комнату, пока служанки вели Сири к креслу. – Он олицетворяет собой все цвета и каждый из Радужных Тонов. И потому все комнаты здесь оформлены в разных цветах.

Сири уселась, и одни женщины занялись ее ногтями, а другие попытались расчесать волосы, спутанные во время энергичного мытья.

Сири нахмурилась и приказала:

– Просто состригите.

Служанки медлили.

– Сосуд? – переспросила одна из них.

– Состригите их, – повторила Сири.

Синепалый разрешил, и после нескольких взмахов ножниц волосы упали на пол. Сири закрыла глаза и сосредоточилась.

Она точно не знала, как ей это удавалось. Королевские Локоны всегда были частью ее жизни, менять их было не намного труднее, чем управлять мышцами. Через несколько секунд ей удалось заставить волосы расти.

Служанки тихо ахнули, когда волосы Сири отросли до плеч. От приложенных усилий она устала и проголодалась, но лучше так, чем позволить женщинам сражаться со спутанными прядями. Закончив, она открыла глаза.

Синепалый с любопытством наблюдал за ней, чуть не выпустив из рук книгу.

– Это... впечатляет, – сказал он. – Королевские Локоны. Мы давно ждали, когда они снова удостоят дворец своим присутствием, Сосуд. Вы можете менять цвет по желанию?

– Да, – ответила Сири.

«Ну, по крайней мере, иногда».

– Они не слишком длинные?

– Госпожа, в Халландрене длинные волосы – признак красоты, – заметил Синепалый. – Знаю, что в Идрисе их убирают в узел, но здесь многие женщины предпочитают распущенные волосы. Особенно богини.

Сири хотела было оставить короткие волосы – просто из вредности, но она уже начала понимать, что в Халландрене такие поступки могут ее погубить. Так что она закрыла глаза и опять сосредоточилась. Ее волосы уже были до плеч, но она заставила их расти еще несколько минут, пока они не закрыли всю спину.

Сири открыла глаза.

– Красота! – прошептала одна из служанок помоложе, зардевшись, и тут же вернулась к работе над ногтями на ногах Сири.

– Очень хорошо, – согласился Синепалый. – Мне нужно ненадолго оставить вас, чтобы кое-что сделать, но я скоро вернусь.

Сири кивнула ему вслед, и несколько женщин принялись накладывать макияж. Пока они занимались ее внешним видом, она погрузилась в задумчивость. Не так она представляла свою свадьбу. Брак всегда казался ей чем-то далеким, чем-то, что случится лишь после свадеб ее брата и сестер. В детстве она всегда говорила, что намерена разводить лошадей, а не становиться чьей-то женой.

Она выросла из этой идеи, но все еще немного тосковала по былым временам. Ей не хотелось выходить замуж. Пока. Сири все еще чувствовала себя ребенком, несмотря на то, что ее тело стало телом женщины. Она хотела играть среди холмов, собирать цветы и досаждать отцу. Она хотела взять от жизни как можно больше, прежде чем на нее обрушится обязанность деторождения.

Судьба отняла эту возможность. Теперь она столкнулась с неотвратимой перспективой отправиться в постель мужчины. Мужчины, который не будет с ней разговаривать и которого не волнуют ни она сама, ни ее желания. Сири знала, что должно произойти в постели между мужчиной и женщиной, – спасибо кухарке Маб за

откровенные беседы на эту тему, – но эмоционально она словно оцепенела. Хотелось исчезнуть, спрятаться, сбежать как можно дальше.

Интересно, так себя чувствуют все женщины или только те, кого выкупали, нарядили и отправили улаживать божество, наделенное властью уничтожать народы?

Наконец вернулся Синепалый. С ним пришел еще один человек – пожилой, в синем с серебром одеянии. Сири уже начала соотносить эти цвета с теми, кто служил королю-богу.

«Но... Синепалый носит коричневое, – подумала Сири, нахмурившись. – Почему?»

– А, вижу, я идеально рассчитал время, – сказал Синепалый, как только женщины закончили и, склонив головы, отошли в сторону.

Синепалый кивнул на своего спутника:

– Сосуд, это один из дворцовых целителей. Прежде чем вас отведут к королю-богу, необходимо провести осмотр и установить, девственница ли вы, и убедиться, что у вас нет определенных болезней. Собственно, это всего лишь формальность, но, боюсь, я должен на ней настоять. Дабы пощадить вашу застенчивость, я решил не приводить молодого целителя, которого назначил для осмотра поначалу. Полагаю, с пожилым вам будет удобнее?

Сири вздохнула, но согласилась. Синепалый указал на обитый тканью стол у стены, затем они с мальчиком-службой отвернулись. Сири распахнула халат, подошла к столу и легла; продолжался самый неловкий день в ее жизни.

«Дальше будет еще хуже», – подумала она, когда целитель начал осмотр.

Сезеброн, король-бог. Потрясающий, ужасный, святой, величественный. Родился мертвым, но был возвращен. Что при этом происходит с человеком? Он вообще человек или некий ужасный монстр? Говорили, что он вечен, но, видимо, его правление рано или поздно завершится, иначе не понадобился бы наследник.

Она дрожала, желая, чтобы все поскорее закончилось, но благодарила судьбу за любую отсрочку, хотя бы ненадолго отодвигающую то, что ее ожидает, пусть даже столь унижительную, как осмотр целителя. Однако вскоре все закончилось, и Сири встала, поспешно запахивая халат.

– Она совершенно здорова, – сказал целитель Синепалому. – И почти наверняка девственна. Кроме того, у нее очень мощное дыхание.

Сири замерла. Как он мог определить...

А затем поняла. Пришлось приглядеться внимательнее, но желтый пол у ног целителя казался чуть ярче. Сири почувствовала, что бледнеет, хотя из-за волнения ее волосы и так уже совсем побелели.

«Целитель – пробуждающий, – пронеслось у нее в голове. – Пробуждающий здесь, в этой комнате. И он ко мне прикасался».

Она сжалась, по коже побежали мурашки. Неправильно забирать дыхание у другого человека. Это была высшая степень гордыни, полная противоположность идрисской философии. Другие халландренцы просто носили яркую одежду, чтобы

привлечь к себе внимание, но пробуждающие... они похищали у людей жизнь, чтобы выделиться из толпы.

Извращенное применение дыхания стало одной из главных причин, по которой королевская династия ушла в горы. Современный Халландрен существовал за счет того, что вымогал дыхания у собственного народа. Сири почувствовала себя еще более обнаженной, чем когда была раздета. Что этот пробуждающий мог узнать о ней при помощи своей неестественной жизненной силы? Не возникло ли у него искушения украсть биохрому Сири? На всякий случай она попыталась дышать как можно реже.

Наконец Синепалый и ужасный целитель вышли из комнаты. Снова появились служанки, на этот раз с нижним бельем, и сняли с Сири халат.

«Он будет хуже, – поняла Сири. – Король. Он не просто пробуждающий, он возвращенный. Чтобы жить, ему надо вытягивать из людей дыхание».

А ее дыхание он тоже заберет?

«Нет, этого не будет, – твердо сказала она себе. – Я ему нужна, чтобы родить наследника королевской крови. Он не станет рисковать ребенком. Он оставит мне дыхание, хотя бы до родов».

Но... что случится с ней, когда она станет больше не нужна?

От невеселых мыслей ее отвлекли служанки с ворохом ткани, и она переключила внимание на них. Платье. Не просто платье, а роскошный синий с серебром наряд. Лучше уж сосредоточиться на нем, чем думать о том, что король-бог сделает с ней после рождения сына.

Сири спокойно ждала, пока женщины ее одевали. Ткань удивительно мягко касалась кожи, бархат был гладким как лепестки горного цветка. Служанки поправили платье, и она с удивлением заметила, что шнуровка находится сбоку, а не сзади. У платья был очень длинный шлейф и такие длинные рукава, что манжеты, если опустить руки, свешивались на добрый фут ниже ладоней. Служанкам понадобилось несколько минут, чтобы позаботиться обо всех завязках, расправить складки и ровно расстелить позади шлейф.

«И все только ради того, чтобы снять его через несколько минут», – с мрачной иронией подумала Сири, когда подошла служанка с зеркалом.

Сири застыла.

Откуда взялись все эти цвета? Нежный румянец на щеках, таинственная поволока глаз, синие тени на веках? Ярко-алые губы, почти сияющая кожа? Платье, громоздкое, но прекрасное, мерцало серебром и синевой и ниспадало волнами темного бархата.

В Идрисе она такого никогда не видела. Это зрелище было даже более потрясающим, чем ярко разодетые горожане. Сири почти удалось справиться с волнением, пока она рассматривала себя в зеркале.

– Спасибо, – прошептала она.

Судя по всему, реакция была правильной – служанки переглянулись с улыбками. Две из них взяли ее за руки, проявляя больше уважения, чем когда уводили от экипажа.

Шурша шлейфом, Сири пошла с ними. Прочие служанки остались на месте. Сири оглянулась, и женщины, склонив головы, по очереди присели в реверансе.

Служанки открыли дверь и мягко подтолкнули ее в коридор, а сами остались в комнате.

Коридор был абсолютно черным. Она уже почти забыла, насколько темны каменные стены дворца. И здесь не было никого, кроме ожидавшего ее с книгой в руках Синепалого. Улыбнувшись, он учтиво склонил голову.

– Король-бог будет доволен, Сосуд, – сказал он. – Мы уложились точно в срок – солнце только что зашло.

Сири отвернулась от Синепалого. Прямо перед ней была огромная внушительная дверь, полностью покрытая позолотой. Блестящая поверхность отражала свет четырех ламп, не закрытых цветными стеклами. Не стоило спрашивать о том, кто находится за такой величественной дверью.

– Это спальня короля-бога, – сообщил Синепалый. – Точнее, одна из его спален. А теперь, госпожа, вы должны снова меня выслушать. Не делайте ничего, что может оскорбить короля. Вы здесь по его дозволению и чтобы удовлетворить его нужды. Не мои, не ваши и даже не нашего королевства.

– Понимаю, – тихо ответила она, чувствуя, как сердце бьется все чаще и чаще.

– Спасибо, – сказал Синепалый. – Пора вам предстать перед ним. Войдите в комнату, снимите платье и нижнее белье. Падите ниц перед кроватью короля, коснувшись пола лбом. Когда он пожелает, чтобы вы приблизились, то постучит по спинке кровати, и вы сможете поднять взгляд. Затем он подаст вам знак подойти.

Сири кивнула.

– Просто... постарайтесь поменьше к нему прикасаться.

Сири нахмурилась, сжимая и разжимая кулаки и нервничая все больше.

– И как именно я должна это сделать? У нас ведь... должен быть секс?

Синепалый покраснел.

– Да, полагаю, что так. Госпожа, для меня это тоже в новинку. Король-бог... к нему разрешено прикасаться лишь особо приближенным слугам. Могу посоветовать вам не целовать его, не ласкать и не делать ничего, что может его оскорбить. Просто позвольте ему поступать с вами так, как он пожелает, и все будет в порядке.

Глубоко вздохнув, Сири кивнула.

– Когда вы закончите, – продолжил Синепалый, – король покинет спальню. Соберите простыни и сожгите их в камине. Вы – Сосуд, и только вам дозволено это сделать. Вы понимаете?

– Да, – ответила Сири, нервничая все больше.

– Что ж, хорошо. – Синепалый, казалось, беспокоился не меньше нее. – Удачи вам.

С этими словами он открыл дверь.

«О Остре, Владыка Цвета», – подумала Сири. Сердце выпрыгивало у нее из груди, ладони вспотели, тело онемело.

Синепалый легонько подтолкнул ее в спину, и она шагнула в комнату.

Глава 7

Дверь за спиной Сири захлопнулась.

Слева в камине рычало пламя, и его оранжевые отсветы метались по просторной комнате. Черные стены, казалось, притягивали и поглощали свет, а в углах затаились глубокие тени.

Облаченная в изысканное бархатное платье Сири стояла неподвижно, ее сердце бешено колотилось, на лбу выступил пот. Справа она увидела огромную кровать с черными под стать всей комнате простынями и покрывалами. Кровать оказалась пуста. Сири вглядывалась, пока глаза не привыкли к темноте.

Огонь потрескивал в камине, бросая отсветы на массивное кресло у кровати, напоминающее трон. Его занимала погруженная во мрак фигура в черном. Бог не мигая смотрел на Сири, в его глазах отражалось пламя.

Ахнув, она поспешно опустила голову, и ее сердце забилось еще сильнее, когда она припомнила предостережения Синепалого.

«На моем месте должна быть Вивенна! – с отчаянием подумала Сири. – Я не справлюсь! Отец ошибся, послав меня!»

Она зажмурилась, ее дыхание участилось. Дрожащими пальцами она начала развязывать шнуровку на боку. Ладони вспотели. Не слишком ли долго она раздевается? Не разозлится ли он? Не убьют ли ее еще до конца первой ночи?

Может, так будет даже лучше?

«Нет, – твердо подумала она. – Нет. Я должна это сделать. Ради Идриса. Ради его полей и ради детей, которым я дарила цветы. Ради отца, Маб и всех остальных во дворце».

Наконец она справилась с завязками, и платье соскользнуло с удивительной легкостью – она запоздало поняла, что его и шили с таким расчетом. Сири помедлила, глядя на нижнюю рубашку. Белый цвет ткани распался на спектр цветов, подобно свету, проходящему через призму. Сири потрясенно смотрела на это, пытаясь понять, что стало причиной такой странности.

Но неважно. Она слишком нервничала, чтобы об этом думать. Стиснув зубы, Сири заставила себя снять рубашку и осталась обнаженной. После чего быстро опустилась на колени и коснулась лбом холодного каменного пола. Сердце стучало в ушах.

Комната погрузилась в тишину, нарушаемую только треском дров в камине. В теплом климате Халландрена не было необходимости разводить огонь, но раздетая Сири была за него благодарна.

Обнаженная душой и телом, она ждала. Ее волосы полностью побелели, гордыня и упрямство исчезли. Вот так все и закончилось – вся эта ее «независимость», ощущение свободы. Что бы она ни говорила, как бы себя ни чувствовала, ей пришлось склониться перед властью. Как и всем остальным.

Сири стиснула зубы, представляя, как король-бог сидит там и смотрит на нее – покорную и обнаженную. Его самого Сири плохо рассмотрела, но заметила, что он на

добрый фут выше любого известного ей мужчины. Он также превосходил других шириной плеч и был внушительнее обычных людей.

Он был возвращенным.

Само по себе возвращение не считалось грехом. В конце концов, возвращенные появлялись и в Идрисе. Но халландренцы поддерживали их жизнь, скармливали им души простолюдинов, каждый год вырывая дыхание у сотен людей...

«Не думай об этом», – приказала себе Сири. И все же, как только она попыталась очистить разум, сразу вспомнила глаза короля-бога – черные, словно светящиеся в отблесках пламени. Она до сих пор ощущала на себе его неподвижный взгляд, столь же холодный, как и каменный пол, на котором она лежала.

Потрескивал огонь. Синепалый сказал, что король постучит. Что, если она пропустила стук? Сири не осмеливалась поднять голову. Один раз она уже встретила с ним взглядом, пусть и случайно. Нельзя провоцировать его на еще большее недовольство. Она все так же стояла на коленях, упираясь локтями в пол. Спина заныла.

«Почему он бездействует?»

Она ему не понравилась? Она недостаточно красива, или он недоволен тем, что она посмотрела на него, а потом слишком долго раздевалась? Будет весьма иронично, если она оскорбила его тем, что пыталась вести себя не так легкомысленно, как всегда. Или что-то еще не так? Ему обещали старшую дочь идрисского короля, но прислали Сири. Заметил ли он разницу? Имеет ли это для него значение?

Минуты текли, и в комнате становилось темнее по мере того, как огонь пожирал поленья.

«Он играет со мной, – подумала Сири. – Из прихоти заставляет меня ждать».

Вероятно, оставляя ее в таком неудобном положении, он давал понять, у кого тут власть. Он возьмет ее тогда, когда сам пожелает, не раньше.

Время шло, Сири сжала зубы. Сколько она стоит на коленях? Час, может, дольше. До сих пор не раздалось ни единого звука – ни стука, ни кашля, ни даже шороха; король-бог не двигался. Возможно, он ее испытывает, проверяя, сколько времени она так простоит. А может, это всего лишь ее домыслы. Как бы то ни было, Сири заставляла себя оставаться неподвижной, шевелясь только при крайней необходимости.

Вивенну готовили. Вивенна уравновешенная и утонченная. А Сири всегда была упрямой. Стоит только вспомнить, как она регулярно пропускала уроки и бегала от обязанностей. Со временем она совладала даже с отцом. Он стал разрешать ей поступать как хочется, лишь бы она не выводила его из себя.

И она продолжала ждать, обнаженная, освещенная тлеющими углями, а ночь все длилась и длилась.

***

Фейерверк взмыл ввысь и взорвался, окрасив небо фонтаном света. Несколько искр упали неподалеку от Гимна, вспыхнули яростным цветом и угасли.

Он расположился на диване под открытым небом, любуясь зрелищем. Вокруг ждали слуги – с зонтиками, тележкой с напитками, с нагретыми и охлажденными

полотенцами, чтобы при необходимости протирать лицо и руки, и множеством других атрибутов роскоши, привычных для Гимна Света.

Он наблюдал за огненным представлением со сдержанным интересом. Мастера фейерверков, нервничая, сгруппировались поблизости. Позади них ждала группа менестрелей, которых Гимн позвал, но еще не просил выступить. При Дворе Богов всегда хватало артистов, готовых развлечь возвращенных, но сегодня – в первую брачную ночь короля-бога – их собралось чересчур много.

Конечно, сам Сезеброн не присутствовал. Такие праздники были ниже его достоинства. Гимн Света посмотрел на королевский дворец, угрюмо возвышающийся над двором. Затем покачал головой и перевел взгляд на Двор Богов. Здания выстроились кольцом, в каждом имелись терраса внизу и балкон наверху, выходящие на центральную площадь. Гимн сидел недалеко от своей террасы, посреди заросшего густой травой просторного внутреннего двора.

В воздух взвился новый залп огня, и по двору заметались тени. Вздохнув, Гимн принял у слуги очередной бокал фруктового напитка. Ночь выдалась прохладной и приятной, просто божественной. Гимн видел, что его соседи-боги тоже сидят перед своими дворцами. Группы артистов толпились у стен, ожидая возможности угодить кому-нибудь из возвращенных.

Фонтан искр рассыпался, и мастера фейерверков, с надеждой улыбаясь в свете факелов, обернулись к Гимну. Тот кивнул с самым благожелательным выражением.

– Еще, – сказал он. – Мне очень понравилось.

Три мастера возбужденно зашептались и подозвали помощников.

Когда они принялись за дело, в круг факелов вошла знакомая фигура. Лларимар, как и обычно, был в жреческом облачении. Даже выходя в город, где он и должен был находиться этим вечером, он представлял Гимна Света и его жрецов.

– Тушкан? – обратился к нему Гимн, поднимаясь.

– Ваша милость, – поклонился Лларимар, – вам нравится праздник?

– Определенно. Ты разве не видишь, какой я праздный? Но ты-то что здесь делаешь? Ты должен быть со своей семьей.

– Я просто хотел удостовериться, что все отвечает вашему вкусу.

Гимн потер лоб.

– У меня от тебя голова болит, Тушкан.

– У вас не может болеть голова, ваша милость.

– Ты так любишь об этом напоминать. Я полагаю, что веселье за стенами Святой Тюрьмы так же чудесно, как внутри?

Лларимар нахмурился, когда Гимн так пренебрежительно отозвался об обители богов.

– Праздник в городе просто потрясающий, ваша милость. Такого великого торжества в Т"Телире не случалось уже несколько десятилетий.

– Тогда я повторяю, что тебе следует быть там и радоваться празднику.

– Я просто...

– Тушкан, – перебил Гимн, в упор поглядев на жреца, – если ты что-то и можешь доверить мне делать самостоятельно, так это развлекаться. Торжественно обещаю, что я восхитительно проведу время, напиваясь до посинения и наблюдая за тем, как эти милые люди поджигают фейерверки. Иди к своей семье.

Лларимар помедлил, затем встал, поклонился и ушел.

«Этот человек, – подумал Гимн, потягивая фруктовый напиток, – слишком серьезно относится к работе».

Эта мысль его позабавила, и он развалился на диване, наслаждаясь зрелищем. Однако вскоре его отвлекло появление еще одной особы. Вернее, одной важной особы в сопровождении нескольких менее важных особ. Гимн снова пригубил напиток.

Новоприбывшая поражала красотой – богиня все-таки. Блестящие черные волосы, светлая кожа, роскошные изгибы тела. Одежды на ней оказалось гораздо меньше, чем на Гимне Света, что, впрочем, было свойственно богиням Двора. Разрезы по бокам тонкого одеяния из зеленого с серебром шелка открывали бедра, а вырез был столь глубок, что оставлял очень мало простора воображению.

Аврора Соблазна Прекрасная, богиня честности.

«А вот это уже интересно», – подумал Гимн, улыбнувшись самому себе.

За женщиной следовало десятка три слуг, не считая верховной жрицы и шести младших жрецов. Мастера фейерверков засуетились, поняв, что у них теперь не один, а два божественных зрителя. Их помощники забегали, торопливо готовя очередную порцию огненных фонтанов. Несколько слуг Авроры выскочили вперед с разукрашенным диванчиком и поставили его на траву рядом с Гимном Света.

Богиня расположилась на диванчике со свойственной ей грацией: скрестила совершенные ноги и улеглась на бок в соблазнительной, но благопристойной позе. При желании она могла повернуть голову к зрелищу в небе, но ее внимание было явно сосредоточено на Гимне.

– Мой дорогой Гимн, – промолвила она, принимая от слуги кисть винограда. – Ты даже не поприветствуешь меня?

«Ну, началось», – подумал Гимн.

– Моя дорогая Аврора. – Он отставил кубок и сплел перед собой пальцы. – Разве могу я быть таким грубияном?

– Грубияном? – изумленно переспросила она.

– Конечно. Опять эти твои ухищрения, чтобы привлечь внимание к своей персоне... кстати, эти твои штучки великолепны. У тебя что, макияж на бедрах?

Аврора улыбнулась и положила в рот виноградину.

– Что-то вроде рисунка. Эскиз создали самые талантливые художники из числа моих жрецов.

– Мои им поздравления, – кивнул Гимн. – Как бы там ни было, ты спросила, почему я тебя не поприветствовал. Давай предположим, что я поступил так, как мне, по твоему мнению, следовало. Ты бы хотела, чтобы при твоём приближении я разразился восторгом?

– Естественно.

– Чтобы я отметил, как ты потрясающе выглядишь в этом платье?

– Я не отказалась бы.

– Чтобы я упомянул, как твои завораживающие глаза сверкают в свете фейерверка подобно раскаленным углям?

– Было бы неплохо.

– Чтобы сказал, что твои губы такие притягательные и сочные, что у любого мужчины перехватит от них дух, но он все равно при каждом воспоминании будет пытаться восхвалять тебя в гениальных стихах?

– Мне бы это польстило.

– Значит, такой реакции ты от меня ждешь?

– Ну конечно!

– Проклятие, женщина! – воскликнул Гимн, поднимая кубок. – Если я буду потрясен, заморожен и не смогу дышать – то как, к Фантомам Калада, я смогу тебя поприветствовать? Я же должен по определению потерять дар речи!

Она рассмеялась:

– Что ж, вижу, сейчас ты явно его обрел.

– Ты удивишься, но он всегда при мне, – парировал Гимн. – Просто иногда забываю полезть за словом в карман.

– А разве ты держишь слова в карманах?

– Дорогая моя, ты так плохо меня знаешь? Мои слова редко находятся там, где нужно.

Аврора улыбнулась, когда вспыхнул очередной огненный залп. В ауре двух богов искры заиграли невероятными красками. Те искры, что падали далеко от их биохроматической ауры, на контрасте казались тусклыми, слабыми и такими холодными, будто их можно было спокойно собирать руками.

Богиня повернулась к Гимну:

– Так ты считаешь меня красивой?

– Конечно. Дорогая моя, ты безусловно имеешь отношение к красоте. Ты ее часть в буквальном смысле – это есть где-то в твоём титуле, если не ошибаюсь.

– Дорогой мой Гимн Света, да ты насмехаешься надо мной.

– Я никогда не насмехаюсь над дамами, Аврора, – отозвался он, снова взяв бокал. – Посмеяться над женщиной – все равно что переусердствовать с вином. Поначалу забавно, но похмелье кошмарное.

Богиня помедлила.

– Но у нас не бывает похмелья – мы не способны напиться.

– Не способны? – переспросил Гимн. – Тогда почему я пью так много вина, пропади оно пропадом?!

Аврора подняла бровь.

– Порой, Гимн, – заметила она наконец, – я не понимаю, когда ты ведешь себя серьезно, а когда дурачишься.

– Ну, тут я тебе могу легко помочь, – отозвался он. – Если ты когда-нибудь решишь, что я поступаю серьезно, то будь уверена – ты слишком стараешься вникнуть в проблему.

– Ясно. – Она перевернулась на живот и оперлась на локти, привлекая внимание к груди. Отблески фейерверка заиграли на ее обнаженной спине и легли цветными тенями между лопатками. – Значит, ты все-таки признаешь, что я сногшибательна и красива. Не хочешь ли тогда удалиться с этого праздника? Развлекись как-нибудь иначе?

Гимн заколебался. Неспособность к зачатию не мешала богам предаваться любовным утехам, особенно с другими возвращенными. Насколько он понимал, невозможность появления детей лишь поощряла свободу нравов Двора. Многие боги брали в любовники смертных – Аврора Соблазна завела нескольких из числа своих жрецов. Среди богов интрижки со смертными никогда не считались проявлением неверности.

Аврора раскинулась на диванчике, уступчивая и притягательная. Гимн открыл было рот, но внезапно перед ним возникло... лицо другой женщины. Той самой, из снов, о которой он рассказывал Лларимару. Кто же она такая?

Возможно, никто. Проблеск прошлой жизни или просто образ из подсознания. Может быть, даже, если верить жрецам, некий пророческий символ. Это лицо не должно было привести его в замешательство – только не при встрече с совершенством.

Гимн понял, что с его губ уже слетают слова:

– Я... вынужден отказаться. Я наслаждаюсь фейерверком.

– Он что, настолько восхитительнее меня?

– Вовсе нет. Просто он кажется менее обжигающим.

Она рассмеялась.

– Что ж, тогда, может, подождем, пока он угаснет, а потом удалимся?

– Увы, – ответил Гимн, – я все равно отказываюсь. Я слишком ленив.

– Слишком ленив для секса? – поинтересовалась Аврора, перекатившись обратно на бок и оценивающе глядя на него.

– Да, я и правда очень ленив. Не самый удачный пример бога, о чем я постоянно твержу своему верховному жрецу. Похоже, никто меня не слушает, поэтому приходится неустанно доказывать свою правоту. К несчастью, интрижка с тобой подорвет саму основу моих доводов.

Аврора покачала головой.

– Временами ты меня озадачиваешь, Гимн. Если бы не твоя репутация, я бы просто решила, что ты робок. Как ты мог спать с Безмятежной Пророчицей, а меня постоянно обходить вниманием?

«Пророчица была последней поистине достойной возвращенной, которую знал этот город, – подумал Гимн, пригубив напиток. – Ни у кого из оставшихся в живых богов нет и крупицы ее порядочности. В том числе и у меня».

Аврора замолчала, наблюдая за зрелищем в небе, которое становилось все более изощренным, и Гимн уже прикидывал, не стоит ли ему остановить мастеров, иначе они потратят все свои запасы и другим богам ничего не останется.

Аврора не собиралась уходить к своему дворцу, но Гимн больше ничего не сказал. Он догадывался, что она пришла не только ради словесной перепалки или чтобы попробовать затащить его в постель. У Авроры всегда было что-то на уме. Гимн знал, что за броской внешностью этой женщины скрывается гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

В конце концов его подозрения оправдались. Богиня отвернулась от фейерверка и посмотрела на темный дворец короля-бога.

– У нас новая королева.

– Я заметил, – отозвался Гимн. – Хотя, признаю, только после того, как мне несколько раз напомнили.

Они замолчали.

– Какие у тебя мысли на этот счет? – нарушила тишину Аврора.

– Я стараюсь избегать мыслей. Одни мысли вызывают другие, а те при неосторожности приводят к действиям. Действия утомляют. По крайней мере, так считает один весьма уважаемый человек, прочитавший это в какой-то книге.

Аврора вздохнула.

– Ты избегаешь мыслей, избегаешь меня, избегаешь действий... Гимн, чего ты не избегаешь?

– Завтрака.

Богиня никак на это не отреагировала, разочаровав Гимна Света. Она слишком сосредоточилась на королевском дворце. Обычно Гимн старался игнорировать огромное черное здание; ему не нравилось, как дворец нависал над ним.

– Может, тебе следует сделать исключение, – сказала Аврора, – и уделить внимание этой конкретной ситуации. Новая королева кое-что значит.

Гимн покрутил бокал в пальцах. Он знал, что жрецы Авроры были среди тех, кто в Придворной Ассамблее активнее всего призывал к войне. Он не забыл кошмарные сны и видение объятого огнем Т'Телира. Этот образ отказывался исчезать из памяти. Сам Гимн никогда не выступал ни за войну, ни против. Просто не хотел вмешиваться.

– У нас были королевы и раньше, – наконец заметил он.

– Но не из королевской династии, – ответила Аврора. – По крайней мере, со времен Калада Узурпатора.

Калад. Тот, кто развязал Всеобщую войну. Тот, кто использовал знания о биохроматическом дыхании, чтобы создать огромное войско безжизненных и захватить власть в Халландрене. Своей армией он защитил королевство, но при этом расколол его на части и вынудил представителей правящей династии бежать в горы.

Теперь же они вернулись. Точнее, одна из них.

– Опасные времена, Гимн, – тихо сказала Аврора. – Что произойдет, если эта женщина выносит ребенка, но он не будет возвращенным?

– Невозможно, – ответил Гимн.

– Да ну? Ты так уверен?

Он кивнул.

– Из всех возвращенных только король-бог способен к зачатию, и дети всегда мертворожденные.

Аврора покачала головой:

– Мы знаем об этом только со слов дворцовых жрецов. Однако я слышала о... расхождении в записях. И даже если забыть об этом, есть и другие обстоятельства. Зачем нам королевская кровь, чтобы «узаконить» право на трон? Разве трехсот лет недостаточно, чтобы правление Двора Богов считалось законным?

Гимн Света не ответил.

– Этот брак подразумевает, что мы по-прежнему признаем власть королевской семьи, – продолжила Аврора. – Что произойдет, если этот горный король решит вернуть свои земли? Что произойдет, если наша королева родит ребенка от другого мужчины? Кто тогда наследник? Кто будет править?

– Правит король-бог. Это всем известно.

– Триста лет назад он не правил, – напомнила богиня. – Правила королевская династия. После них на престол взошел Калад, а за ним – Даритель Мира. Ситуация может быстро измениться. Возможно, пригласив в наш город эту женщину, мы своими руками приблизили конец правления возвращенных в Халландрене.

Она погрузилась в задумчивое молчание. Гимн изучал прекрасную богиню. С ее возвращения прошло пятнадцать лет, и по меркам возвращенных она была старой. Старой, мудрой и невероятно хитрой.

Аврора Соблазна бросила на него взгляд.

– Я не позволю, чтобы меня застали врасплох, как случилось с королевской династией, когда Калад захватил трон. Некоторые из нас строят планы, Гимн. Ты можешь присоединиться к нам, если пожелаешь.

– Политика... – вздохнул он. – Моя дорогая, ты же знаешь, как я ее ненавижу.

– Ты же бог смелости. Нам пригодится твоя уверенность.

– Сейчас я уверен лишь в том, что буду для вас бесполезен.

Ее лицо застыло: Аврора постаралась не выдать разочарования. Вздохнув, она потянулась и встала, еще раз продемонстрировав безупречную фигуру.

– Рано или поздно тебе придется принять одну из сторон, Гимн, – сказала она. – Ты – бог этого народа.

– Не по своей воле, дорогая моя.

Улыбнувшись, она наклонилась к нему и нежно поцеловала.

– Просто поразмысли над моим предложением. Ты лучше, чем сам считаешь. Думаешь, я бы предложила себя первому встречному?

Нахмурившись, он задумался.

– Ну, на самом деле... думаю, да.

Она звонко рассмеялась и отвернулась; слуги подхватили диванчик.

– О, да брось! При Дворе есть как минимум три бога, которым я бы и прикоснуться к себе не позволила. Наслаждайся вечером и постарайся представить, чем

именно сейчас занимается король в своих покоях ради нашего наследия. – Аврора оглянулась на него. – Особенно если эти образы напомнят тебе, чего лишаешься ты сам.

Она подмигнула и ушла, плавно покачивая бедрами.

Гимн откинулся назад и, поблагодарив, отослал мастеров фейерверков. Когда заиграли менестрели, он постарался выкинуть из головы зловещие слова Авроры и преследующие его во снах образы войны.

Но ему не удалось ни то, ни другое.

Глава 8

Сири со стоном перевернулась. Спина ныла, руки затекли, а голова раскалывалась. Ей было так неудобно, что она не могла спать, невзирая на усталость. Она выпрямилась, держась за голову.

Она провела ночь в полудреме на полу спальни короля-бога. В комнату лился солнечный свет, отражаясь от мрамора там, где пол не покрывали ковры.

«Черные ковры, – подумала она, усаживаясь на помятом синем платье, заменившем и одеяло, и подушку. – Черные ковры на черном полу в комнате с черной мебелью. Халландренцы определенно знают, как сочетать цвета».

Короля-бога в комнате не было. Сири бросила взгляд на огромное обитое черной кожей кресло, в котором он провел большую часть ночи. Она не заметила его ухода.

Зевнув, она встала, вытащила из вороха одежды рубашку и натянула ее через голову. Высвободив волосы, откинула их назад: понадобится некоторое время, чтобы привыкнуть к такой их длине. По спине рассыпался белокурый каскад.

Каким-то образом она пережила ночь нетронутой.

Сири босиком подошла к креслу и пробежалась пальцами по гладкой кожаной поверхности. Она проявила не слишком много почтительности. Задремала. Свернулась калачиком и подтянула к себе платье. Она даже несколько раз взглянула на кресло. Не из-за непокорности или желания бросить вызов – ей просто так хотелось спать, что она забыла о запрете смотреть на короля-бога. Но он не приказал ее казнить. Синепалый уверял ее, что король-бог непостоянен и скор на расправу, но даже если это так, то на этот раз он решил придержать свой гнев. А что еще ему оставалось делать? Халландрен много лет ждал принцессу, чья королевская кровь должна была слиться с кровью королей-богов.

«Все же я обладаю некоторой властью», – улыбнулась Сири. Он не может ее убить, пока не получит желаемого.

Пусть и немного, но эта мысль придала ей уверенности. Сири обошла кресло, оценивая его размеры. Мебель в комнате была немного крупнее, чем обычно, и это искажало восприятие, заставляя чувствовать себя маленькой. Задержав ладонь на подлокотнике кресла, она задумалась о том, почему он ее не взял. Что с ней не так? Она не вызывает желания?

«Глупая девчонка! – сказала она себе, покачав головой, и направилась к нетронутой кровати. – Ты всю дорогу думала о том, что случится в первую брачную ночь, а когда ничего не произошло, все равно недовольна?»

Сири знала, что не свободна. Рано или поздно он ее возьмет – это был один из пунктов соглашения. Но прошлой ночью ничего не случилось. Она улыбнулась, зевнув, забралась в кровать и, свернувшись под одеялом, погрузилась в сон.

***

Следующее пробуждение оказалось намного приятнее предыдущего. Сири потянулась и заметила нечто странное.

Сброшенное на пол платье исчезло. Огонь в камине снова горел, хотя она и не понимала зачем. День был теплым, и она во сне сбросила одеяло.

«Я должна сжечь простыни, – вспомнила Сири. – Вот для чего развели огонь».

Одетая только в рубашку, она села на кровати, одна в черной комнате. Жрецы и прислуга не узнают о том, что она провела всю ночь на полу, если король-бог им не скажет. Будет ли обладатель такой власти, как он, делиться со своими жрецами интимными подробностями?

Сири медленно выбралась из постели и стянула простыни. Скомкав их, она подошла к камину, швырнула их в огонь и стала смотреть на пламя. Она по-прежнему не понимала, почему король-бог ее не тронул. Пока она не выяснит, в чем дело, пусть все считают, что первая брачная ночь прошла удачно.

Как только простыни сгорели, Сири осмотрела комнату в поисках одежды, но ничего не нашла. Вздохнув, она в одной рубашке направилась к двери и, открыв ее, едва не подпрыгнула. За порогом ее ожидали на коленях два десятка служанок разного возраста.

«Владыка Цвета! Сколько времени они тут стоят?» – пронеслось в голове у Сири. Возмущение от того, что ей самой из прихоти короля-бога пришлось провести ночь в ожидании, тут же испарилось.

Женщины встали и со склоненными головами прошли в комнату. Сири шагнула назад, вытянув шею, когда заметила, что несколько служанок заносят большие сундуки.

«Сегодня на них другие цвета», – подумала она. Покрой одежды был тем же: широкие юбки-брюки, блузки без рукавов и маленькие шапочки, волосы откинута на спины. Но теперь их форма была не синей с серебром, а желтой с медью.

Женщины внесли сундуки, открыли их и вытащили множество ярких одеяний разного покроя. Разложив их на полу перед Сири, они снова опустились на колени в ожидании.

Сири замерла в нерешительности. Она росла дочерью короля и никогда ни в чем не нуждалась. Тем не менее жизнь в Идрисе отличалась аскетичностью. Там у нее было пять платьев, и то считалось, что их слишком много: одно белое, остальные бледно-голубые.

Такое разнообразие фасонов и расцветок потрясло Сири. Она попыталась представить себя в каждом из платьев. У большинства был до неприличия глубокий

вырез, даже больше, чем у блуз служанок, а ведь даже их вырезы по идрисским меркам казались скандальными.

Наконец Сири неуверенно показала на одеяние, состоящее из красной юбки и блузки в тон. Служанки сразу поднялись. Одни принялись убирать остальные платья, а другие – осторожно снимать с Сири рубашку.

Через несколько минут Сири была одета. Наряд сидел на ней идеально, но Сири смутило то, что блуза оголяет живот. По крайней мере, вырез был не настолько глубоким, как у остальных платьев, а юбка достигала икр. Шелковистая красная ткань оказалась намного легче привычных ей шерсти и льна. Свободная юбка развевалась при движении, и Сири не была уверена, что ткань не прозрачна. В ней она чувствовала себя почти такой же обнаженной, как и ночью.

«Кажется, это уже входит в привычку», – скривившись подумала она. Одни служанки отошли, а другие поднесли кресло. Сири села и позволила им протереть ей мягким теплым полотенцем лицо и руки. После этого они обновили ей макияж, расчесали волосы и побрызгали духами.

Открыв глаза, она сквозь оседающие капельки духов увидела Синепалого.

– А, прекрасно! – сказал он. За его спиной послушно застыл мальчик-слуга с чернильницей, пером и бумагой. – Вы уже встали.

«Уже? – изумилась Сири. – Время перевалило за полдень!»

Синепалый оглядел ее, кивнул самому себе и посмотрел на кровать, очевидно, проверяя, уничтожены ли простыни.

– Что ж, – сказал он, – ваши слуги предоставят вам все необходимое, Сосуд.

Он пошел прочь деловой походкой человека, у которого много забот.

– Подождите! – вскочила Сири, отталкивая служанок.

Синепалый остановился.

– Сосуд?

Сири с трудом могла выразить то, что чувствует:

– Вы знаете... что я должна делать?

– Делать, Сосуд? – переспросил писец. – Вы имеете в виду, касательно...

Он поглядел на постель.

Сири зарделась.

– Нет, не это. Я имею в виду – как мне распоряжаться своим временем? Каковы мои обязанности? Что от меня ожидают?

– Наследника.

– А помимо этого?

Синепалый нахмурился.

– Я... хм, буду с вами честен, Сосуд. Не знаю. Должен сказать, ваше прибытие вызвало большое волнение при Дворе Богов.

«И в моей жизни тоже», – подумала она, залившись румянцем. Волосы тоже стали красными.

– Это не ваша вина, конечно, – поспешно добавил Синепалый. – Но с другой стороны... я искренне хотел бы, чтобы меня предупредили заранее.

– Заранее?! – переспросила Сири. – Этот брак был оговорен более двадцати лет назад!

– Да, конечно, но никто не рассчитывал... – Он умолк. – Кхм. В любом случае, мы сделаем все возможное, чтобы вы чувствовали себя комфортно в королевском дворце.

«Что это значит? – задумалась Сири. – Никто не рассчитывал... что брак действительно будет заключен? Но почему? Они считали, что Идрис не выполнит свою часть соглашения?»

Так или иначе, Синепалый все еще не ответил на ее вопрос.

– Хорошо, но чем мне заниматься-то? – спросила она, опустившись обратно на стул. – Сидеть во дворце и весь день смотреть на огонь?

Синепалый усмехнулся.

– О Цвета, нет! Госпожа, это же Двор Богов! Здесь можно много чем заняться. Ежедневно ко Двору приглашаются артисты, дабы они блистали своими талантами перед богами. Вы можете выбрать любого из них для частного представления.

– А, – сказала Сири. – Тогда могу ли я кататься верхом?

Синепалый потер подбородок.

– Полагаю, мы можем доставить вам несколько лошадей. Конечно, придется подождать окончания Свадебных Торжеств.

– Свадебные Торжества? – переспросила она.

– Вы... не знали? Вас не подготовили к этому?

Сири снова вспыхнула.

– Я не хотел вас обидеть, Сосуд, – заметил Синепалый. – Свадебные Торжества длятся неделю, в течение которой мы празднуем брак короля-бога. Все это время вы не сможете покинуть дворец. С окончанием празднеств вас официально представят Двору Богов.

– О, – сказала она. – И после я смогу выходить из города?

– Из города?! – воскликнул Синепалый. – Сосуд, вы не можете покинуть Двор Богов!

– Что?!

– Вы хоть и не богиня, – продолжил Синепалый, – но супруга короля-бога. Выпускать вас слишком опасно. Но не волнуйтесь – вам предоставят все, что пожелаете.

«Все, кроме свободы», – подавленно подумала Сири.

– Уверю вас, как только окончатся Свадебные Торжества, вам не на что будет жаловаться. Здесь найдется все, что вам потребуется: удовольствия, предметы роскоши, любые развлечения.

Сири вяло кивнула, ощущая себя в ловушке.

– Кроме того, – продолжил Синепалый, подняв испачканный чернилами палец, – если желаете, можете посетить Придворную Ассамблею, которая регулярно собирается и принимает решения для народа. Полная ассамблея собирается еженедельно, но каждый день бывает малый совет. Конечно, вы не будете заседать в самой ассамблее, но по окончании Торжеств вам несомненно позволят там присутствовать. Если это вам не подходит, вы можете позвать артистов из числа жрецов

короля-бога. Среди них есть искусные, преданные своему делу мастера любых жанров: музыканты, живописцы, танцоры, поэты, скульпторы, кукольники, драматурги, рисовальщики на песке и прочие.

Сири моргнула.

«Владыка Цвета! – подумала она. – Тут даже безделье ошеломляет».

– Но ничего из этого я посещать не обязана?

– Нет, не думаю, – ответил Синепалый. – Сосуд, вы выглядите недовольной.

– Я...

Как она могла это объяснить? От Сири всю жизнь чего-нибудь ожидали, и большую часть жизни она намеренно этого избегала. Теперь все изменилось. Если она проявит неповиновение, то ее убьют и она втянет Идрис в войну. В кои-то веки она желала служить, старалась быть послушной. Но по иронии судьбы, похоже, заняться ей нечем. Кроме рождения ребенка, конечно.

– Ладно, – вздохнула Сири. – А где мои покои? Пойду туда устраиваться.

– Ваши покои, Сосуд?

– Да. Полагаю, я не буду жить в этой комнате?

– Нет, – хихикнул Синепалый. – В комнате для зачатия? Конечно нет.

– Тогда где? – уточнила Сири.

– Сосуд, в некотором смысле весь дворец принадлежит вам, – объяснил Синепалый. – Не понимаю, зачем вам нужны особые покои. Попросите еды – и ваши слуги накроют стол. Если пожелаете отдохнуть, они принесут диван или кресло. Захотите развлечься – к вам приведут артистов.

Внезапно для нее обрели смысл странные действия служанок – когда те просто разложили перед ней на выбор цветные наряды, а затем нанесли макияж и причесали.

– Понимаю, – сказала она, обращаясь скорее к себе. – А что с солдатами, которые приехали со мной? Они последовали моему приказу?

– Да, Сосуд, – ответил Синепалый. – Отбыли этим утром. Мудрое решение: они не из числа посвященных слуг Тонов, и им бы не разрешили остаться при дворе. Они не могли больше служить вам.

Сири кивнула.

– Сосуд, могу ли я удалиться? – спросил Синепалый.

Сири рассеянно кивнула, и Синепалый поспешил уйти, оставив ее размышлять о том, как она ужасно одинока.

«Не стоит заострять на этом внимание», – подумала она и повернулась к одной из служанок – совсем юной, своей ровеснице.

– Что ж, я так и не выяснила, как мне проводить время.

Служанка слегка покраснела, склонив голову.

– То есть, для меня тут много занятий, – продолжила Сири. – Даже слишком много.

Девушка снова поклонилась.

«Так, меня это скоро начнет раздражать», – подумала Сири, стиснув зубы. В глубине души ей хотелось выкинуть что-нибудь шокирующее, чтобы добиться реакции

от служанки, но она понимала, что это глупо. Судя по всему, ее обычное поведение в Халландрене не сработает. Чтобы удержать себя от какой-либо глупости, Сири встала и отправилась изучать свой новый дом. Выйдя из черной-пречерной комнаты, она оглядела коридор и повернулась к послушно выстроившимся в линию служанкам.

– Есть места, куда мне запрещено ходить? – спросила она.

Одна из служанок покачала головой.

«Прекрасно, – подумала Сири. – Надеюсь, я не вломлюсь прямо к принимающему ванну королю-богу».

Она пересекла коридор, открыла дверь и оказалась в желтой комнате, где побывала накануне. Кресло и скамья исчезли, их заменили желтые диваны. Сири подняла бровь и прошла в смежную ванную комнату.

Ванны исчезли. Сири вздрогнула. Комната была той же, в тех же красных тонах, но облицованных керамической плиткой возвышений с установленными ваннами не оказалось на месте. Вероятно, хитроумные конструкции были переносными, их доставили для купания, а потом убрали.

«Они и правда могут переделать любую комнату, – восхищенно подумала Сири. – Наверное, у них есть помещения, забитые мебелью, ваннами и тканями разных цветов, ожидающих любого каприза бога».

Заинтригованная, она вышла из опустевшей комнаты и двинулась наугад. Похоже, здесь все помещения имели по четыре двери – по одной в каждой стене. Комнаты были разных размеров. Одни выходили окнами наружу, другие располагались в глубине дворца. Каждая комната отличалась по цвету, но в остальном они казались одинаковыми. Бесконечные залы разных цветов, но при этом каждая выдержана в единой цветовой гамме. Вскоре Сири безнадежно заблудилась, но это не имело значения. Каждая комната походила на предыдущую.

Сири повернулась к прислуге:

– Я бы хотела позавтракать.

Она даже не предполагала, что все можно устроить настолько быстро. Несколько служанок исчезли и тут же вернулись с мягким зеленым креслом в тон комнате. Сири села, и будто из ниоткуда появился стол, а потом и еда. Горячий завтрак оказался перед ней менее чем через пятнадцать минут.

Сири нерешительно взяла вилку и попробовала кусочек. Только сейчас она осознала, насколько проголодалась. Завтрак состоял в основном из колбасок и овощей, а вкус оказался более выраженным, чем она привыкла. Однако чем больше пряной халландренской пищи она ела, тем больше она ей нравилась.

Но голод – не голод, а принимать пищу в молчании было странно. Сири привыкла есть на кухне со слугами или за одним столом с отцом, генералами и местными жителями или монахами, приглашенными на ужин. Такие трапезы всегда проходили шумно, но здесь, в Халландрене, стране красок, звуков и демонстративности, она ела одна, в тишине, посреди комнаты, казавшейся унылой, невзирая на яркую обстановку.

Служанки наблюдали за ней, но никто из них не заговорил. Сири знала, что их молчание считалось знаком уважения, но оно вызывало у нее неловкость. Несколько раз она попыталась втянуть женщин в разговор, но получила лишь краткие ответы.

Сири прожевала пряный каперс и задумалась:

«Такой теперь будет моя жизнь? Проводить ночи, чувствуя себя наполовину использованной, наполовину брошенной мужем... и дни в окружении людей, но все же в одиночестве?»

Она поежилась, аппетит пропал. Сири отложила вилку, и еда начала медленно остывать. Она воззрилась на нее, отчасти жалея о том, что вообще выбралась из удобной, громадной черной кровати.

Глава 9

Вивенна, первенец идрисского короля Деделина, смотрела на великий город Т'Телир. Это было самое отвратительное место, какое она когда-либо видела.

Улицы кишели облаченными в чудовищные цвета людьми: они перекрикивали друг друга, кашляли, толкались и распространяли вокруг себя неприятные ароматы. Вивенна сделала волосы седыми и натянула платок, стараясь придерживаться образа пожилой женщины. Она боялась, что будет выделяться, но эти опасения оказались беспочвенными. Как можно выделиться в таком хаосе?

Как бы то ни было, лучше соблюдать осторожность. Она прибыла в Т'Телир пару часов назад, чтобы вызволить сестру, а не затем, чтобы похитили ее саму.

План был смелым. Вивенна с трудом верила, что могла придумать такое. Ее учили многому, но прежде всего тому, что лидером может быть лишь тот, кто действует. Больше никто не поможет Сири, поэтому Вивенна решила сделать все сама.

Она понимала, что у нее не хватает опыта, и надеялась, что осознание этого удержит ее от излишнего безрассудства. Вивенна получила лучшее образование, какое могла дать ее страна, и основное обучение было сосредоточено на укладе жизни в Халландрене. Придерживаясь заветов Остре, она всю жизнь старалась не выделяться. У нее получится спрятаться в таком огромном и беспорядочном городе, как Т'Телир.

А он и правда был огромным. Вивенна изучила карты, но они не подготовили ее к звукам, запахам и краскам города в базарный день. Даже на домашний скот повязывали яркие ленты. Она стояла на обочине дороги, прислонившись к стене здания, на котором трепетали вымпелы. Прямо перед ней пастух гнал к рыночной площади несколько овец – и все были окрашены в разные цвета.

«Разве от этого не испортится шерсть?» – кисло подумала Вивенна.

Мешанина расцветок овец была настолько ужасной, что Вивенна невольно отвернулась.

«Бедная Сири, – подумала она. – Окруженная всем этим, запертая во Дворе Богов, вероятно, она так потрясена, что почти не соображает».

Вивенну учили, как справляться с ужасами Халландрена. Хотя пестрота вокруг вызывала у нее тошноту, ей хватало стойкости терпеть. Но как справится малышка Сири?

«Ну где же он?» – притопнула Вивенна, стоя в тени огромной каменной статуи. Парлин никак не возвращался из разведки.

Ей оставалось только ждать. Вивенна поглядела на статую – это оказалось одно из знаменитых изваяний Д’Денир Селабрин. Большинство из них изображали воинов и встречались по всему городу – застывшие во всех мыслимых позах, с оружием и обычно в ярких одеждах. Ей рассказывали, что т’телирцы забавлялись тем, что одевали статуи. По слухам, первые такие изваяния заказал Даритель Мира Благословенный – возвращенный, захвативший власть в Халландрене в конце Всеобщей войны. Число статуй росло с каждым годом – за них платили возвращенные, но деньги, разумеется, шли от народа.

«Неумеренность и расточительность», – покачала головой Вивенна.

Наконец она заметила идущего по улице Парлина и нахмурилась при виде его нелепой ярко-зеленой шапки, немного похожей на носок, только очень большой. Шапка свисала с одной стороны его квадратного лица и совершенно не сочеталась с тускло-коричневой дорожной одеждой, какую носили в Идрисе. Высокий, но не худой, Парлин был всего на несколько лет старше Вивенны. Она знала его почти всю жизнь; сын генерала Ярды практически вырос во дворце. До недавних пор он либо пропадал в лесах, патрулируя границу с Халландреном, либо охранял один из северных перевалов.

– Парлин? – позвала она парня, когда тот приблизился. Она тщательно скрывала раздражение, не давая ему проявиться ни в голосе, ни в волосах. – Что у тебя на голове?

– Шапка, – ответил он со свойственной ему лаконичностью. Парлин не был грубияном, просто не отличался многословием.

– Я вижу, что шапка, Парлин. Где ты ее достал?

– Продавец на рынке сказал, что они сейчас в моде.

Вивенна вздохнула. Она сомневалась, братъ ли Парлина в город. Он был хорошим человеком, самым надежным и верным из всех, кого она знала, но он привык жить в лесу или на дальних форпостах. Вероятно, город ошеломил его.

– Эта шапка смотрится нелепо, Парлин, – заметила Вивенна, не позволяя волосам покраснеть. – И ты в ней выделяешься.

Парлин снял и сунул шапку в карман. Он больше ничего не сказал, только отвернулся и стал наблюдать за многочисленными прохожими. Похоже, они его нервировали не меньше, чем Вивенну. Может, даже больше. Но она была рада, что Парлин с ней. Он был одним из немногих, кому она доверяла. Вивенна знала, что он не выдаст ее отцу, знала, что нравится ему. В детстве он часто приносил ей из леса подарки. Обычно это были его охотничьи трофеи.

С точки зрения Парлина, ничто так не доказывало симпатию, как какая-нибудь окровавленная тушка.

– Странное место, – заметил Парлин. – Люди тут ходят стадами.

Он проводил взглядом симпатичную халландренскую девушку. На ней, как и на большинстве женщин Т'Телира, было мало что надето. Халландренки носили блузы с очень глубокими вырезами, юбки выше колен, а некоторые даже штаны, как мужчины.

– Что тебе удалось выяснить на рынке? – спросила Вивенна, переводя внимание Парлина на себя.

– Здесь много идрисцев, – ответил он.

– Что?! – воскликнула Вивенна, забывшись и выдав свое изумление.

– Идрисцев, – повторил Парлин. – На рынке. Некоторые чем-то торгуют, многие выглядят как простые рабочие. Я за ними понаблюдал.

Вивенна нахмурилась, скрестив руки на груди.

– А ресторан? – спросила она. – Ты его разведал, как я просила?

Он кивнул:

– Кажется чистым. Странно, что люди едят то, что готовят незнакомцы.

– Там был кто-нибудь подозрительный?

– Что в этом городе значит «подозрительный»?

– Не знаю. Это ты настоял на разведке.

– На охоте без разведки никуда. Меньше шансов спугнуть зверя.

– К несчастью, Парлин, – заметила Вивенна, – люди – не звери.

– Я знаю, – ответил он. – Со зверями все понятнее.

Вивенна вздохнула. Однако тут же получила подтверждение правоты Парлина по крайней мере в одном: по улице двигалась группа идрисцев. Один из них толкал тележку, в которой раньше, видимо, лежали товары на продажу. Соотечественников было легко отличить по приглушенным цветам одежды и легкому акценту. Вивенна удивилась тому, что они отправились торговать в такую даль. Хотя, надо признать, в последнее время торговля в Идрисе не процветала.

Она неохотно закрыла глаза, набросила платок, чтобы скрыть превращение, и изменила волосы с седых на каштановые. Если в городе есть и другие идрисцы, то она не будет выделяться. Попытка притвориться старухой вызовет больше подозрений.

И все равно так выставить себя напоказ казалось неправильным. В Бевалисе ее бы сразу узнали. Правда, в ее родном городке всего несколько тысяч человек. Не просто привыкнуть к такому густонаселенному месту, как Т'Телир.

Она жестом подозвала Парлина, стиснув зубы, слилась с толпой и направилась к рынку.

Все дело было в расположении Т'Телира на побережье Внутреннего моря. Т'Телир был в первую очередь портом. Продажа красок, изготовленных из местного цветка под названием слезы Эдгли², делала его центром торговли. Вивенна повсюду видела свидетельства этому: экзотические шелка и одежда; темнокожие торговцы из Тедраделя с черными цилиндрическими бородами, перевязанными кожаными шнурками; свежие продукты из прибрежных городов. Население Идриса было рассеяно по фермам и пастбищам. Но в Халландрене, контролировавшем добрую треть побережья, все оказалось иначе. Город мог развиваться, расти.

---

² Эдгли – держательница Осколка Дарования на Налтисе.

Быть ярким.

Вдалеке Вивенна различила плато, на котором находился Двор Богов, самое нечестивое место под красочным взором Остре. За этими стенами, в ужасном дворце короля-бога томилась Сири, плененная самим Сезеброном. Умом Вивенна понимала, почему отец принял такое решение. С точки зрения беспристрастной политики, старшая дочь ценнее для Идриса. Если война неизбежна, то логично отправить младшую принцессу и потянуть время.

Но у Вивенны не получалось считать Сири менее ценной. Сестра была общительной и улыбалась, даже когда ее окружали угрюмые лица. Именно она дарила подарки, когда их никто не ждал. Она могла взбесить, но отличалась простодушием. Она была младшей сестренкой Вивенны, и кто-то должен о ней позаботиться.

Королю-богу необходим наследник. Предполагалось, что это станет обязанностью Вивенны, ее жертвой ради своего народа. Она была готова и хотела этого. Казалось неправильным, что Сири должна пойти на что-то столь ужасное.

Отец принял решение – лучшее для Идриса. Вивенна приняла собственное. Она намеревалась вытащить сестру из города до того, как станет опасно. Вивенна чувствовала, что необходимо найти способ спасти Сири до того, как разразится война – как-то одурачить халландренцев, заставить их счесть ее мертвой. Способ спасти сестру, не спровоцировав войны.

Отец никогда бы этого не одобрил, поэтому она ему ничего не сказала. Если что-то пойдет не так, он сможет отрицать свою причастность.

Вивенна шла по улице, опустив глаза и стараясь не привлекать к себе внимания. Выбраться из Идриса оказалось удивительно легко. Кто мог ожидать такого рискованного шага от Вивенны, которая всегда вела себя безупречно? Никто ничего не заподозрил, когда она попросила еду и необходимое снаряжение, чтобы пополнить запасы наборов первой помощи. Никто не стал задавать вопросы, когда она предложила экспедицию в горы за ценными кореньями, чтобы оправдать свое отсутствие на первые несколько недель.

Убедить Парлина оказалось довольно просто. Он ей доверял, возможно, даже слишком, и прекрасно знал все горные тропы и перевалы, ведущие в Халландрен. Год назад в одной из вылазок он почти добрался до городских стен. С его помощью Вивенне удалось нанять нескольких его друзей, тоже лесных разведчиков. Они должны были принять участие в «экспедиции» и защищать ее. Ранним утром она отправила их обратно. В городе от них будет мало пользы, к тому же она договорилась о защите с другими союзниками. Друзья Парлина доставят весть отцу, который к тому времени уже прознает об ее исчезновении. Перед отъездом Вивенна велела служанке передать ему письмо. По ее подсчетам послание должны вручить королю как раз этим вечером.

Вивенна не знала, как отреагирует отец. Может, он тайно пошлет солдат, чтобы вернуть ее. А может, не станет ей мешать. Она предупредила, что если увидит разыскивающих ее идрисских солдат, то просто отправится ко Двору Богов, объяснит ошибку и поменяется с сестрой местами.

Вивенна искренне надеялась, что до этого не дойдет. Королю-богу нельзя доверять. Он мог, захватив Вивенну и не отпустив Сири, получить для развлечений двух принцесс вместо одной.

«Не думай об этом», – приказала она себе, сильнее натянув платок, несмотря на жару.

Лучше найти другой способ. Первый шаг – отыскать Лемекса, главного шпиона отца в Халландрене. Вивенна несколько раз писала ему. Отец хотел, чтобы она была осведомлена о его лучшем разведчике в Т'Телире, и теперь его предусмотрительность сработала против него же. Лемекс знал Вивенну, и ему было велено повиноваться ее приказам. В день побега из Идриса она отправила шпиону письмо, и посланец взял с собой нескольких сменных лошадей, чтобы доставить его побыстрее. Если письмо благополучно добралось до адресата, Лемекс встретит ее в назначенном ресторане.

План казался толковым. Она подготовилась. Почему же, попав на рынок, она почувствовала себя такой обескураженной?

Вивенна застыла на месте, как скала, омываемая текущим по улице людским потоком. Перед ней раскинулось огромное пространство, занятое палатками, загонами, постройками и людьми. Здесь не было мостовой, только земля и песок. Кое-где пробивалась трава, а дома, похоже, строили беспорядочно, без предварительной планировки. Улицы, возникшие спонтанно, протянулись вкривь и вкось. Торговцы громко зазывали покупателей, реяли на ветру знамена, артисты соперничали друг с другом за внимание зрителей. Это было торжество цвета и движения.

– Ого, – тихо сказал Парлин.

Вивенна повернулась к нему, выйдя из ступора:

– Ты же только что отсюда.

– Да, – ответил Парлин. Его глаза слегка остекленели. – Но все равно – ого!

Вивенна покачала головой.

– Пошли к ресторану.

Парлин кивнул:

– Сюда.

Раздраженная Вивенна последовала за ним. Это же Халландрен, незачем так восторгаться. Она должна испытывать отвращение. И все же зрелище настолько ее ошеломило, что ей стало даже чуточку дурно. Вивенна и не задумывалась, что воспринимала непритязательную красоту Идриса как само собой разумеющееся.

Среди этой лавины запахов, звуков и образов, готовой вот-вот поглотить ее, присутствие Парлина успокаивало. Иногда толпа становилась такой плотной, что приходилось протискиваться. Вивенна чувствовала себя на грани паники, когда ее сдавливали грязные, отвратительно разноцветные тела. К счастью, ресторан находился недалеко, и они добрались до него, как раз когда она уже была готова закричать от избытка впечатлений. На вывеске ресторана красовался весело плывущий по волнам кораблик. Судя по доносящимся изнутри запахам, суденышко символизировало рыбную кухню ресторана. Вивенну чуть не стошнило. Она не раз ела рыбу, готовясь к жизни в Халландрене, но так и не смогла ее полюбить.

Парлин вошел первым, сразу отступил в сторону и пригнулся, словно волк, привыкая к полумраку. Вивенна назвалась хозяину ресторана вымышленным именем, по которому ее мог узнать Лемекс. Оглядев Парлина, хозяин пожал плечами и провел их к столикам у дальней стены. Вивенна опустила на стул. Несмотря на обучение, она все еще не была уверена в том, как вести себя в подобном месте. Ей казалось символичным, что в Халландрене существуют такие заведения, как рестораны, где кормят не путешественников, а местных, которые не утруждаются готовить дома.

Парлин, оставшийся стоять за ее стулом, наблюдал за залом. Похоже, он был так же напряжен, как и она.

– Вивенна, – тихо сказал он, наклонившись к ней. – Волосы.

Вздрыгнув, она осознала, что ее волосы посветлели, пока она в ужасе проталкивалась сквозь толпу. Не побелели полностью – для этого она была слишком хорошо обучена, – но стали изрядно светлее, словно их присыпали пудрой.

Ощувив нарастающую паранойю, Вивенна поспешно накинула на голову платок и отвернулась, когда хозяин ресторана подошел принять заказ. Краткий перечень блюд был нацарапан прямо на столе. Парлин наконец сел, отвлекая внимание хозяина от Вивенны.

«Ты справишься, – твердо сказала она себе. – Ты всю жизнь изучала Халландрен».

Ее волосы потемнели, снова став каштановыми. Изменение было таким незначительным, что любой заметивший его счел бы, что обманут игрой света. Но Вивенна оставила платок на голове, пристыдив саму себя. Стоило раз пройти по рынку – и она тут же потеряла над собой контроль?

«Думай о Сири», – велела она себе, и эта мысль придала сил. Ее затея была спонтанной, даже безрассудной, но важной. Успокоившись, она сняла платок и подождала, пока Парлин выберет блюдо – похлебку из морепродуктов, – а хозяин уйдет.

– Что теперь? – спросил Парлин.

– Подождем, – ответила Вивенна. – В письме я велела Лемексу ежедневно навещать в ресторан в полдень. Мы его дождемся.

Парлин беспокойно кивнул.

– В чем дело? – спокойно спросила Вивенна.

Он метнул взгляд на дверь.

– Я не доверяю этому месту, Вивенна. Я ничего не чувствую, кроме запахов тел и специй, не могу ничего слышать из-за болтовни. Здесь нет ни ветра, ни деревьев, ни рек, только... люди.

– Я знаю.

– Я хочу выйти.

– Что? Зачем?

– Если ты в незнакомом месте, – неловко сказал Парлин, – нужно с ним познакомиться.

Другого объяснения не последовало. На Вивенну накатила паника при одной мысли о том, что она останется одна. Но она не хотела требовать от Парлина, чтобы тот не уходил.

– Обещаешь быть поблизости?

Парень кивнул.

– Тогда иди.

Он покинул помещение. Парлин двигался не как халландронец, а плавно, словно крадущийся зверь. Наверное, стоило отправить его домой вместе с остальными. Но полное одиночество ужасало. Ей был нужен хоть кто-то, чтобы найти Лемекса. Она и так подверглась опасности, войдя в город всего с одним охранником, пусть даже таким умелым, как Парлин.

Но дело сделано. Волноваться нет смысла. Сложив руки перед собой, Вивенна погрузилась в размышления. В Идрисе план по спасению Сири представлялся проще. Но теперь она понимала, что на самом деле все иначе. В любом случае нужно как-то пробраться в Двор Богов и выкрасть сестру. Как осуществить нечто настолько дерзкое? Несомненно, Двор хорошо охраняется.

«Лемекс что-нибудь придумает, – сказала она себе. – Нам пока что ничего не надо делать. Я...»

За ее столик сел мужчина. Он был одет не так пестро, как остальные халландренцы, в коричневую кожу, хотя сверху накинул броский красный жилет. Это был не Лемекс. Лемекс – пожилой мужчина чуть старше пятидесяти, а незнакомец с продолговатым лицом и тщательно причесанными волосами выглядел не старше тридцати пяти.

– Ненавижу работу наемника, – заявил он. – Знаете, почему?

Потрясенная Вивенна застыла, приоткрыв рот.

– Предубеждения, – продолжил он. – Все остальные делают свое дело, требуют плату, и их за это уважают. Но не наемников. Из-за особенностей нашей работы у нас дурная репутация. Разве плюют в менестрелей за то, что они поют для тех, кто заплатит больше? Разве пекари чувствуют вину, когда продают выпечку сначала одному покупателю, а потом его недругу?

Он окинул Вивенну взглядом.

– Нет. Виноваты одни наемники. Несправедливо, а?

– Кто вы? – наконец смогла выдать Вивенна. Она подскочила, когда по другую сторону от нее плюхнулся на стул еще один мужчина – здоровенный детина с дубинкой за спиной. На вершине дубинки сидела пестрая птичка.

– Я Дент, – сообщил первый незнакомец, энергично пожимая ей руку. – А это Тонк Фа.

– Рад знакомству, – отозвался Тонк Фа, схватив руку Вивенны, как только Дент ее выпустил.

– К несчастью, принцесса, – добавил Дент, – мы здесь, чтобы вас убить.

Глава 10

В одно мгновение волосы Вивенны абсолютно побелели.

«Думай! – приказала она себе. – Тебя учили политике! Учили вести переговоры, когда кого-то берут в плен. Но что делать, если этот кто-то – ты?»

Внезапно оба незнакомца расхохотались. Здоровяк стал дубасить кулаком по столу, отчего птица пронзительно заклекотала.

– Извините, принцесса, – покачал головой худощавый Дент. – Юмор наемников.

– Иногда мы убиваем, но не умышленно, – добавил Тонк Фа. – Это дело наемных убийц.

– Убийцы по найму, – поднял палец Дент. – Вот кого уважают. Как думаете, почему? Они такие же наемники, только называются посолднее.

Вивенна моргнула, стараясь взять себя в руки.

– Вы здесь не для того, чтобы меня убить, – напряженно сказала она. – Значит, вы собираетесь меня похитить?

– Боги, да нет, конечно! – воскликнул Дент. – Плохая затея. Какая выгода? Каждый раз, когда похищаешь кого-то, достойного выкупа, лишь гораздо более влиятельных людей.

– Не стоит злить важных людей, – зевнул Тонк Фа. – Если только тебе не платят еще более влиятельные.

Дент кивнул:

– И это еще не считая кормежки и содержания пленников, переговоров о выкупе и обмене. Сплошная головная боль, скажу я вам. Ужасный способ заработка.

За столом воцарилось молчание. Вивенна положила руки на стол, чтобы они не дрожали.

«Они знают, кто я, – подумала она, заставляя себя мыслить логически. – Или узнали меня, или...»

– Вы работаете на Лемекса, – вырвалось у нее.

Дент расплылся в улыбке:

– Видишь, Тонк? Он же сказал, что она умница.

– Поэтому она – принцесса, а мы – всего лишь наемники, – отозвался Тонк Фа.

Вивенна нахмурилась.

«Они что, смеются надо мной?»

– Где Лемекс? Почему он не пришел сам?

Снова улыбнувшись, Дент кивнул владельцу заведения, принесшему к столу большую миску с дымящейся похлебкой. От нее пахло острыми пряностями, а внутри плавало что-то похожее на клешни крабов. Хозяин положил на стол деревянные ложки и удалился.

Дент и Тонк Фа, не спрашивая позволения, принялись за ее обед.

– Ваш друг, – сообщил Дент, схватив ложку, – то есть Лемекс, наш наниматель, немного приболел.

– Лихорадка, – пояснил, прихлебывая, Тонк Фа.

– Он попросил, чтобы мы привели вас к нему, – добавил Дент.

Одной рукой он вытащил и передал ей сложенную бумажку, а тремя пальцами другой раздавил клешню. Вивенну передернуло, когда мужчина, причмокнув, проглотил содержимое.

«Принцесса, – гласило письмо. – Прошу, доверьтесь этим людям. Дент служит мне на протяжении некоторого срока, и он надежен, насколько это можно сказать про наемника. Ему и его людям заплатили, и я уверен, что, пока действует контракт, он будет его соблюдать. Я подтверждаю подлинность письма паролем: синяя маска».

Почерк принадлежал Лемексу. Более того, пароль был верный. Истинным паролем была не «синяя маска», а слово «срок» вместо «время». Вивенна посмотрела на Дента, который как раз принялся за другую клешню.

– Ну вот, – отозвался наемник, отбрасывая пустую оболочку. – Теперь самое сложное – она должна принять решение. Говорим мы правду или обманываем? Может, мы подделали письмо? Или же взяли старого шпиона в плен и под пытками заставили его написать все это?

– Принести его пальцы в подтверждение? – поинтересовался Тонк Фа. – Это поможет?

– Юмор наемников? – подняла бровь Вивенна.

– Он самый, – вздохнул Дент. – Мы, в общем-то, умом не блещем. Иначе выбрали бы профессию, где смертность пониже.

– Вроде вашей, принцесса, – добавил Тонк Фа. – Обычно при такой работе живут долго. Я не раз задумывался, а не выучиться ли мне на принцессу?

Мужчины снова расхохотались. Вивенна нахмурилась.

«Пытки не сломят такого, как Лемекс, – подумала она. – Он достаточно подготовлен. Но даже если это случится, он не станет писать в одном письме оба пароля: и настоящий, и ложный».

– Пойдемте, – сказала она, вставая.

– Постойте, – возразил Тонк Фа с застывшей у рта ложкой, – мы не закончим обед?

Вивенна оглядела красную похлебку и плавающие в ней клешни ракообразных.

– Конечно нет.

***

Лемекс тихо закашлялся. По его морщинистому лицу стекал пот, кожа была бледной и липкой, временами он бормотал что-то в бреду.

Вивенна сидела на стуле у его кровати, сложив руки на коленях. Оба наемника и Парлин ждали в глубине комнаты. Кроме них тут была только угрюмая сиделка, тихо сообщившая Вивенне, что сделать уже ничего нельзя.

Лемекс умирал. Он вряд ли дотянет до вечера.

Вивенна часто переписывалась с Лемексом, но впервые встретила с ним лично. И что-то с ним было не так. Она знала, что Лемекс стареет, но это шло на пользу делу – немногие подозревали в шпионаже пожилых людей. И все же она не ожидала увидеть

ослабевшего, трясущегося и кашляющего старца. Предполагалось, что он – бодрый и остроумный пожилой мужчина. Таким она его представляла.

Вивенне казалось, что она теряет близкого друга, хотя никогда его толком не знала. Вместе с ним она лишалась своего тайного преимущества – убежища в Халландрене. Именно Лемексу предстояло воплотить в жизнь ее безумный план. Она рассчитывала на то, что рядом будет умелый, опытный наставник.

Лемекс снова закашлялся. Сиделка посмотрела на Вивенну:

– Его разум то проясняется, то снова затуманивается, госпожа. Этим утром он говорил о вас, но сейчас ему все хуже и хуже...

– Спасибо, – тихо сказала Вивенна. – Вы свободны.

Женщина поклонилась и вышла.

«Сейчас я должна вести себя как принцесса», – подумала Вивенна, вставая и наклоняясь над кроватью.

– Лемекс, – сказала она. – Мне понадобятся ваши знания. Как мне связаться с вашей шпионской сетью? Где искать других идрисских агентов? По каким паролям они узнают меня?

Он закашлялся, уставившись на нее невидящим взором, и что-то зашептал. Вивенна придвинулась ближе.

– ...никогда не скажу, – прохрипел он. – Попробуйте меня сколько хотите, я не сдамся.

Вивенна выпрямилась. Идрисская шпионская сеть распространилась по всему Халландрену. Отец знал всех агентов, но Вивенна общалась только с Лемексом – лидером и координатором. Она стиснула зубы и снова наклонилась. Она почувствовала себя грабительницей могил, когда легонько встряхнула голову Лемекса.

– Лемекс, посмотрите на меня. Я здесь не для того, чтобы вас пытаться. Я принцесса. Вы недавно получили от меня письмо. И вот я пришла.

– Меня не одурачить, – прошептал старик. – Попытки – ничто. Я не сдамся. Только не вам.

Глубоко вздохнув, Вивенна отвернулась.

Внезапно Лемекс содрогнулся, из его тела вырвалась волна цвета, пронеслась по кровати, по Вивенне и, прежде чем угаснуть, запульсировала на полу. Вивенна не совладала с собой и испуганно отшатнулась.

Прокатилась еще одна волна, подчеркнув и усилив оттенки в комнате. Пол, простыни, ее платье – все на миг вспыхнуло яркими и живыми красками, а затем потухло, приняв прежние цвета.

– Во имя Остре, что это было?! – воскликнула Вивенна.

– Биохрома, принцесса, – отозвался прислонившийся к косяку Дент. – У старины Лемекса много дыханий. Пара сотен, не меньше.

– Невозможно, – ответила Вивенна. – Он идрисец. Он бы никогда их не принял.

Дент бросил взгляд на Тонк Фа, почесывавшего шею попугаю. Здоровяк лишь пожал плечами.

Из Лемекса вырвалась новая волна цвета.

– Он умирает, принцесса, – заметил Дент. – Биохрома становится нестабильной. Вивенна впиалась в наемника взглядом:

– У него нет...

Что-то сжало ее запястье. Вивенна подскочила и повернулась к Лемексу – тот сумел дотянуться и схватить ее. Взгляд шпиона сфокусировался на ее лице.

– Принцесса Вивенна, – выдохнул он. Его глаза наконец прояснились.

– Лемекс! – выпалила она. – Ваши контакты. Вы должны передать их мне!

– Я совершил нечто ужасное, принцесса.

Она похолодела.

– Дыхание, принцесса, – продолжил шпион. – Я унаследовал его от предшественника и купил еще. Еще больше...

«Владыка Цвета...» – подумала Вивенна, ощущая, как все внутри нее сжалось.

– Я знаю, что это плохо, – прошептал Лемекс. – Но... я чувствовал себя таким могущественным. Я мог заставить прах земной повиноваться моему приказу. Это во благо Идриса! В Халландрене уважают тех, у кого много дыханий. Я мог посещать приемы, на которые бы меня раньше не пригласили. Я мог пойти в Двор Богов, когда захочется, и присутствовать на Придворной Ассамблее. Дыхание продлевало мою жизнь, придавало энергии, невзирая на возраст. Я...

Он моргнул, и его взгляд расфокусировался.

– О Остре... – прошептал он. – Я проклял себя. Я добился влияния, надругавшись над душами других. Теперь я умираю.

– Лемекс! – выдохнула Вивенна. – Сейчас не до этого! Имена! Мне нужны имена и пароли. Не оставляйте меня одну!

– Проклял, – прошептал он. – Кто-нибудь, заберите его. Пожалуйста, заберите его у меня!

Вивенна попыталась отстраниться, но Лемекс все еще сжимал ее руку. Она содрогнулась, подумав о заключенном в нем дыхании.

– Знаете, принцесса, – заметил позади Дент. – С наемниками обычно не советуются. Это плачевный, но очень жизненный недостаток нашей профессии. Нам не доверяют. Нас не спрашивают.

Вивенна взглянула на него. Дент прислонился к двери, Тонк Фа стоял неподалеку. Парлин застыл рядом, сжимая в пальцах нелепую зеленую шапку.

– Так вот, если бы кто-нибудь поинтересовался моим мнением, – продолжил Дент, – я бы указал, насколько ценно дыхание. Продайте его, и получите столько денег, что сможете купить собственную шпионскую сеть... да и вообще все, что пожелаете.

Вивенна снова обернулась к умирающему. Он что-то бормотал.

– Если он умрет, – заметил Дент, – дыхание умрет вместе с ним. Все до последней капли.

– Какая досада! – добавил Тонк Фа.

Вивенна побледнела.

– Я не стану торговать человеческими душами! Мне все равно, сколько оно стоит.

– Решать вам, – отозвался Дент. – Но, надеюсь, никто не пострадает, если ваша затея провалится.

«Сири...»

– Нет, – сказала Вивенна скорее самой себе. – Я не могу его принять.

Так и было. От мысли о том, чтобы слить свое дыхание с чужим – втянуть чью-то душу в собственное тело, – ей становилось не по себе.

Вивенна снова повернулась к шпиону. Его биохрома теперь ярко пылала, а простыни почти сияли. Пусть лучше дыхание умрет вместе с ним.

И все же без Лемекса никто в городе не поможет ей, никто не направит ее и не предоставит убежище. Имеющихся у нее денег едва хватит на жилье и еду, не говоря уже о взятках и прочих расходах. Она сказала себе, что принять дыхание – все равно что присвоить добро, найденное в пещере грабителей. Не отказываться же от него только потому, что оно было добыто нечестным путем. Ее знания подсказывали, что ей отчаянно нужны ресурсы и что урон и так уже нанесен...

«Нет! – снова пронеслось у нее в голове. – Это неправильно! Я не могу его принять. Не могу!»

Возможно, мудрым решением станет отдать на время это дыхание кому-то другому. Тогда она бы придумала, что с ним делать. Может, даже найти тех, у кого его забрали, и вернуть. Вивенна оглянулась на наемников.

– Не смотрите на меня так, принцесса, – усмехнулся Дент. – У вас аж глаза заблестели. Я не стану хранить в себе дыхание. Такая биохрома делает человека слишком важным.

Тонк Фа согласно кивнул:

– Все равно что ходить по городу с мешком золота за плечами.

– Мне нравится мое дыхание таким, как оно есть, – сказал Дент. – Мне хватает одного, и оно вполне себе работает: сохраняет мне жизнь, не притягивает внимания и ждет своего часа, если мне понадобится его продать.

Вивенна перевела взгляд на Парлина. Но... нет, она не могла заставить его принять дыхание.

Она снова посмотрела на Дента:

– Что конкретно вы обязаны делать по контракту с Лемексом?

Дент переглянулся с Тонк Фа, снова посмотрел на нее. Выражение его глаз говорило само за себя. Ему платили за повиновение. Он примет дыхание, если она прикажет.

– Подойди, – сказала она, кивнув на ближайший стул.

Дент неохотно приблизился.

– Знаете, принцесса, – заметил он, опускаясь на стул, – если вы отдадите мне все это дыхание, то я могу просто сбежать с ним. Я разбогатею. Вы же не хотите подвергнуть беспринципного наемника такому соблазну?

Она заколебалась.

«Если он сбежит, то что я теряю?»

Это бы решило немало проблем.

– Забери его, – приказала Вивенна.

Дент покачал головой:

– Все не так просто. Наш друг должен сам отдать его мне.

Вивенна покосилась на старика:

– Я...

Она чуть было не приказала Лемексу так и сделать, но засомневалась. Остре не захотел бы, чтобы она приняла дыхание, вне зависимости от обстоятельств. Тот, кто забирает дыхание у других, хуже работорговца.

– Нет, – сказала она. – Нет, я передумала. Никто из нас его не примет.

В этот самый момент Лемекс перестал бормотать и впился взглядом в Вивенну.

Шпион так и не отпустил ее руку.

– Жизнь моя – тебе, – произнес он до жути ясным голосом, усилив хватку, когда Вивенна попыталась вырваться. – Дыхание мое – тебе!

Из его рта вырвалось и устремилось к Вивенне дрожащее, переливающееся всеми цветами радуги облачко. Она сжала губы, ее глаза расширились, волосы побелели. Резким движением она вырвала руку из пальцев Лемекса. Лицо шпиона посерело, глаза потеряли блеск, цвета вокруг угасли.

Дыхание добралось до Вивенны. Сжатые губы не стали для него помехой. Дыхание ударило в нее словно кулаком, омыв все тело. Вивенна задохнулась и рухнула на колени, содрогаясь от извращенного удовольствия. Она внезапно ощутила других людей в комнате, почувствовала на себе их взгляды. И, словно от яркой вспышки, все вокруг стало более красочным, реальным и живым.

Ахнув, она затрепетала. Словно издалека донесся голос Парлина – он бросился к ней, повторяя ее имя. Странно, но единственное, о чем она сейчас думала, – это как мелодичен его голос. Вивенна различала тона каждого произносимого слова, угадывая их инстинктивно.

«Остре, Владыка Цвета! – подумала она, упираясь одной рукой в дощатый пол и чувствуя, как дрожь ослабевает. – Что я наделала?»

Глава 11

– Разве нельзя сделать небольшое исключение из правил? – спросила Сири, догоняя Треледиса.

Треледис оглядел ее. Верховный жрец короля-бога был высоким даже без громоздкой митры на голове. А с ней он возвышался над Сири почти как возвращенный.

Долговязый, несносный, надменный возвращенный.

– Сделать исключение? – певуче протянул он с халландренским выговором. – Нет, полагаю, это невозможно, Сосуд.

– Не понимаю почему, – сказала Сири, когда слуга открыл перед ними дверь из зеленой комнаты в синюю. Треледис вежливо пропустил ее вперед, хотя она чувствовала, что ему это не нравится.

Сири стиснула зубы и попыталась зайти с другой стороны.

«Вивенна действовала бы спокойно и руководствовалась логикой, – подумала она. – Она бы объяснила, почему ей нужно выйти из дворца, и ее доводы были бы настолько разумными, что жрец бы ее послушался».

Глубоко вздохнув, Сири постаралась избавиться от красного оттенка волос и разочарования в голосе.

– Послушайте! Может, я все-таки могу хоть разок выйти наружу? Просто пройти по двору?

– Невозможно, – ответил Треледис. – Если вам не хватает развлечений, вы можете отправить слуг за менестрелями или жонглерами. Я уверен, что они смогут занять вас.

«И вы оставите меня в покое», – подразумевалось в его тоне.

Как же ему объяснить? Развлечений ей хватало, просто она не могла увидеть небо, не могла вырваться из-под гнета стен, запоров и правил. Кроме того, она нуждалась в общении.

– Хотя бы позвольте мне встретиться с кем-нибудь из богов. Я серьезно – зачем держать меня взаперти?

– Вы не «взаперти», Сосуд, – ответил верховный жрец. – Вы сейчас соблюдаете период уединения, который можете посвятить осмыслению своего нового места в жизни. Это древний и достойный обычай, являющий уважение к королю-богу и его божественной монархии.

– Да, но мы в Халландрене, – возразила Сири. – Стране фривольности и распушенности! Уверена, что вы найдете способ сделать исключение.

Треледис резко остановился:

– В вопросах религии мы не делаем исключений, Сосуд. Полагаю, вы таким образом испытываете меня, ибо я не могу поверить, что у удостоенной права касаться короля-бога могли возникнуть столь вульгарные идеи.

Сири сжалась.

«Я в городе меньше недели, а мой язык уже доставляет мне проблемы».

Сири не питала неприязни к людям, ей нравилось проводить с ними время, разговаривать, смеяться. Однако у нее не получалось добиваться от них того, чего она хотела – для этого требовались дипломатические способности. Этому следовало учиться у Вивенны.

Они пошли дальше. На Сири была широкая коричневая юбка до пят с длинным шлейфом. Жрец был облачен в золотое с бордовым одеяние – тех же цветов, что и у слуг. Сири по-прежнему поражало, что у всех во дворце столько нарядов, пусть даже и одинаковых во всем, кроме цвета.

Она знала, что не должна злиться на жрецов. Они, похоже, и так ее не любили, и лучше с ними не пререкаться – будет только хуже. Просто последние несколько дней были такими скучными. Запертая во дворце, безо всякой возможности покинуть его или хотя бы поговорить с кем-нибудь, Сири чувствовала, что сходит с ума.

Но исключений не будет. Судя по всему.

– Это все, Сосуд? – поинтересовался Треледис, остановившись у двери. Казалось, что жрецу с трудом удается сохранять вежливый тон.

Сири со вздохом кивнула. Жрец поклонился, открыл дверь и поспешно удалился. Сири проводила его взглядом, постукивая ногой по полу и скрестив руки на груди. Как всегда молчаливые служанки выстроились позади нее. Сири задумалась над тем, чтобы поискать Синепалого, но... нет. У него всегда куча дел, и она чувствовала себя неловко, когда отвлекала его.

Снова вздохнув, она знаком велела служанкам подавать вечернюю трапезу. Две женщины поднесли кресло. Сири села и расслабилась, пока сервировали стол. Кресло было мягким, но все равно ей с трудом удалось расположиться так, чтобы ничего не болело. Последние шесть ночей ей приходилось стоять обнаженной на коленях и ждать. В конце концов ее одолевала сонливость, но после ночи на каменном полу болели спина и шея.

Каждое утро после ухода короля-бога она перебиралась в кровать. Проснувшись во второй раз, сжигала простыни, а потом выбирала одежду. Каждый раз ей предлагали новые платья, наряды не повторялись. Сири не представляла, откуда служанки берут столько одежды ее размера, поэтому каждый раз долго колебалась, зная почти наверняка, что этих платьев больше не увидит.

После этого она могла заниматься чем угодно, но только в пределах дворца. С наступлением вечера ее купали, облачали в новое роскошное платье и провожали к спальне. Стремясь к удобству, она стала выбирать все более пышные наряды – чем больше ткани пошло на пошив платья, тем удобнее было на нем спать. Сири часто размышляла о том, что подумали бы портные, узнай они, что их творения носят лишь несколько минут, а потом скидывают на пол и используют как одеяло.

У нее не было ничего своего, но она могла получить все, что пожелает: экзотическую еду, мебель, артистов, книги, картины... стоило только попросить. Но все это сразу исчезало, как только ее внимание переключалось на что-то другое. У Сири было все и в то же время ничего.

Она зевнула. Из-за недосыпа она все время чувствовала себя усталой, глаза слипались. В течение заполненных бездельем дней тоже не удавалось отдохнуть.

«Если бы я хоть с кем-то могла поговорить!»

Но слуги, жрецы и писцы никогда не выходили за рамки своих обязанностей. Это относилось ко всем, с кем она общалась.

Ну, кроме него.

Но разве это можно назвать общением? Королю-богу, похоже, нравилось просто смотреть на ее тело, но он ни разу не подал виду, что хочет большего. Он только наблюдал, как она опускается на колени, и изучал ее своим неподвижным взглядом. Вот и весь брак.

Служанки закончили накрывать на стол и выстроились у стены. Сумерки стужались, близилось время вечернего купания.

«Надо поесть быстро, – подумала Сири, садясь за стол. – Я же не хочу опоздать на очередное разглядывание».

Несколько часов спустя выкупанная, благоухающая духами и разодетая Сири стояла перед огромной золотой дверью спальни короля-бога. Она глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, но из-за волнения волосы все равно стали светло-каштановыми. Она никак не могла привыкнуть к тому, что ждало ее за дверью.

Это было глупо. Она знала, что произойдет, и все же опасения и страх никуда не девались. Своим поведением король-бог дал понять, что она в его власти. Однажды он ее возьмет, и это может случиться в любой момент. Сири даже немного хотелось, чтобы он наконец перестал тянуть. Постоянная боязнь была гораздо хуже ужаса первого вечера.

Сири поежилась. Синепалый посмотрел на нее. Возможно, когда-нибудь он будет полагаться на ее пунктуальность, но пока что сопровождал ее каждый вечер.

«По крайней мере, он больше не заявляется, когда я купаюсь».

Теплая вода и приятные ароматы должны были ее расслаблять – но, увы, она каждый раз беспокоилась о предстоящем визите к королю-богу и о том, что во время купания может войти слуга-мужчина.

Она взглянула на Синепалого.

– Еще несколько минут, Сосуд, – сказал он.

«Откуда он знает?» – подумала Сири. Похоже, у этого человека было сверхъестественное чувство времени. Она не заметила во дворце ничего, что показывает время: ни солнечных часов, ни водяных, ни измерительных свеч. Судя по всему, боги и королевы Халландрена не интересовались временем. Обо всем им напоминали слуги.

Синепалый посмотрел на дверь, потом на Сири. Поймав ее взгляд, он поспешно отвернулся и принялся переминаться с ноги на ногу.

«Он-то из-за чего нервничает? – раздраженно подумала Сири, изучая замысловатые золотые узоры. – Не он проходит через это каждую ночь».

– Все ли... хорошо у вас с королем-богом? – вдруг спросил Синепалый.

Сири нахмурилась.

– У вас все время утомленный вид, – пояснил Синепалый. – Я полагаю, что вы очень... активны ночью.

– Но ведь это хорошо? Все хотят поскорее получить наследника.

– Да, конечно, – согласился Синепалый, заломив руки. – Просто... – Он осекся на полуслове и посмотрел ей прямо в глаза. – Просто будьте внимательны, Сосуд. Старайтесь не терять головы и сохранять бдительность.

Ее волосы полностью побелели.

– Вы говорите так, будто я в опасности, – тихо сказала она.

– Опасности? Какой еще опасности? – Синепалый отвел взгляд. – Ерунда. Чего вам бояться? Я просто советовал вам быть осмотрительнее на случай, если у короля-бога появится желание, которое вам придется удовлетворить. А, вот теперь пора. Приятного вечера, Сосуд.

С этими словами он открыл дверь и подтолкнул Сири вперед, но в последний момент наклонил к ней голову и шепнул:

– Будь осторожна, дитя. Во дворце многое – не то, чем кажется.

Сири снова нахмурилась и обернулась, но Синепалый нацепил фальшивую улыбку и закрыл дверь.

«Во имя Остре, что это было?» – подумала она. Задержавшись в дверях дольше, чем следовало, она наконец вздохнула и отвернулась. Огонь как обычно потрескивал в камине, но пламя горело не так ярко, как раньше.

Он сидел в глубине комнаты. Сири не требовалось вглядываться, чтобы его увидеть. Когда глаза привыкли к темноте, она заметила, что цвета огня – синий, оранжевый, даже черный – были слишком живыми, слишком яркими. Ее платье из блестящего золотистого атласа словно пылало внутренним светом. Кружева и другие белые детали платья слегка искажались, сияя всеми цветами радуги, будто проходящий через призму луч света. В глубине души Сири хотела оказаться в хорошо освещенной комнате, чтобы в полной мере насладиться всей красотой биохромы.

Но, конечно, это неправильно. Дыхание короля-бога было извращением. Монарх питался душами людей, и цвета вокруг него пробуждались за их счет.

Дрожа, Сири распустила шнуровку на боку, и платье рассыпалось на части вокруг нее: соскользнули вниз рукава, упал корсаж, с шелестом опустилась у ног юбка. Она завершила ритуал, спустив с плеч бретельки рубашки, и та легла рядом с платьем. Затем Сири переступила через ворох одежды и привычно пала ниц.

Спина заныла, и Сири мрачно представила очередную полную неудобств ночь.

«Могли бы развести огонь посильнее», – подумала она.

Несмотря на тропический климат Халландрена, ночью в огромном каменном дворце было холодно. Особенно без одежды.

«Подумай о словах Синепалого, – сказала она себе, стараясь отвлечься. – Что он имел в виду, когда говорил, что во дворце многое не то, чем кажется?»

Что король-бог способен ее убить? Сири и так осознавала его власть. Как она могла забыть, когда он сидел не далее чем в пятнадцати футах и смотрел на нее из темноты? Нет, дело не в этом. «Будь осторожна». Синепалый посчитал, что надо сказать это тихо, чтобы никто, кроме нее, его не услышал.

Здесь пахло политикой. Сири стиснула зубы. Может, если бы она больше слушала наставников, то смогла бы уловить смысл в предостережении Синепалого?

«Я и без того сбита с толку», – подумала она. Если Синепалый хотел ей что-то сообщить, почему тогда не сказал прямо? Время шло, слова управляющего крутились в голове, как назойливое сновидение, но ей было слишком неудобно и холодно, чтобы рассуждать. Это только еще больше раздражало.

Вивенна бы все поняла. Скорее всего, Вивенна сама бы догадалась, почему король-бог не стал с ней спать. Она бы все уладила в первую же ночь.

Сири же ничего не умела. Она всеми силами старалась вести себя так, как на ее месте вела бы себя Вивенна: быть примерной женой ради блага Идриса, быть той женщиной, какой от нее все ждали, но ничего не получалось.

Она просто не могла больше так жить. Дворец казался ловушкой, жрецы в ответ на ее просьбы лишь закатывали глаза. Она даже не сумела соблазнить короля-бога. К

тому же, ей наверняка угрожала опасность, но она не понимала, какая именно и почему.

Проще говоря, ее все окончательно достало.

Застонав от боли, Сири выпрямилась и метнула яростный взгляд на мрачный силуэт в углу.

– Может, просто сделаешь это?! – выпалила она.

Молчание.

Осознав, что она только что натворила, Сири ощутила, что ее волосы полностью побелели. Она напряглась, потупив взгляд. Внезапный страх прогнал усталость.

О чем она только думала? Король-бог может призвать слуг, чтобы казнить ее. Собственно, ему даже не нужно никого звать. Он может пробудить ее платье и велеть удушить хозяйку. Может приказать сделать это коври. Наверное, он и потолок может на нее обрушить, даже не вставая с кресла.

Едва дыша, Сири ждала гнева и наказания. Но... ничего не последовало. Время шло.

Наконец Сири осмелилась поднять взгляд. Король-бог, сменив позу, сел прямее и смотрел на нее из темного кресла у кровати. В его глазах отражался свет камина. Она с трудом могла различить черты его лица, но король-бог не казался рассерженным. Только холодным и отстраненным.

Она чуть было снова не отвела глаза, но помедлила. Если уж ее вспышка не вызвала отклика, то взгляд тем более не вызовет. Сири вздернула подбородок и посмотрела мужу в глаза, прекрасно понимая, что совершает глупость. Вивенна никогда бы не стала его провоцировать. Она бы осталась тихой и покорной, решила бы проблему или, если решения не существовало, падала бы ниц каждую ночь, пока ее терпение не впечатлило бы даже короля-бога Халландрена.

Но Сири не была Вивенной. Пора наконец это признать.

Король-бог продолжал ее разглядывать, и Сири поняла, что краснеет. Шесть ночей подряд она простиралась перед ним обнаженной, но смотреть ему в глаза, когда она не одета... это смущало гораздо больше. И все же Сири не отступилась. Она не двигалась с места, не отводя взгляда и пытаясь не заснуть.

Это было трудно. Она очень устала, и находиться в таком положении было далеко не так удобно, как лежать на полу. Она все равно смотрела и ждала. Час проходил за часом.

В конце концов король-бог поднялся из кресла примерно в то же время, когда он уходил из комнаты каждую ночь. Сири застыла. Однако он просто прошел к двери и тихо постучал. Снаружи ждали слуги. Король-бог вышел, и дверь закрылась.

Сири напряженно ждала. Но никто не пришел. Ни солдаты, чтобы арестовать ее, ни жрецы, чтобы наказать. Подождав еще немного, она забралась в кровать и зарылась в одеяла, наслаждаясь теплом.

«Гнев короля-бога, – сонно подумала Сири, – определенно не так ужасен, как о нем говорят».

И с этой мыслью она заснула.

Глава 12

В конце концов Гимну Света пришлось заняться прошениями.

Это раздражало, так как осталось всего лишь несколько дней Свадебных Торжеств. Однако люди нуждались в богах. Гимн знал, что ему не следует злиться. Он и так провел большую часть недели ничего не делая, наслаждаясь свадебными празднествами, которые, разумеется, не посетили ни жених, ни невеста. Пора и честь знать. Все, что от него требовалось, – это ежедневно тратить несколько часов на просмотр картин и выслушивание жалоб простого народа. Только и всего. Даже если это выводило его из себя.

Вздыхнув, он откинулся на спинку трона. На голове Гимна Света красовался расшитый убор в тон свободному красному с золотом одеянию. Оно охватывало плечи, оборачивалось вокруг тела и было украшено по подолу золотистой бахромой. Как и весь гардероб Гимна, надевать это было сложнее, чем казалось.

«Если вдруг мои слуги меня покинут, – весело подумал он, – я даже не смогу сам одеться».

Он подпер голову кулаком. Эта комната дворца выходила прямо на ухоженную лужайку. В Халландрене редко случалась непогода, прохладный бриз приносил запах моря. Гимн закрыл глаза, наслаждаясь.

Прошлой ночью ему снова снилась война. Лларимар счел это особенно значимым, а Гимн лишь немного обеспокоился. Все говорили, что в случае войны Халландрен победит с легкостью. Но если так, то почему ему вечно снился горящий Т'Телир? Не какой-то далекий идрисский город, а его дом.

«Это ничего не значит, – сказал он себе. – Просто отражение моих же тревог».

– Следующее прошение, ваша милость, – раздался шепот Лларимара.

Вздыхнув, Гимн открыл глаза. Вдоль стен выстроились жрецы в торжественных облачениях и головных уборах. Неужели у него столько жрецов? Разве боги нуждаются в такой заботе?

Он заметил, что очередь просителей тянулась через всю лужайку. Жалкие, отчаявшиеся люди. Некоторые из них кашляли от разных недугов.

«Их так много, – подумал он, когда в зал ввели женщину. Он принимал просителей уже больше часа. – Этого следовало ожидать. Прошла почти неделя».

– Тушкан, – сказал он, поворачиваясь к Лларимару. – Скажи ожидающим, чтобы они присели на травку. Нечего им стоять, это надолго.

Лларимар замялся – конечно, оставаясь на ногах, просители проявляли уважение, – но затем кивнул и жестом отослал с поручением младшего жреца.

«Такая толпа желает меня лицезреть, – подумал Гимн Света. – Как убедить этих людей в моей бесполезности?»

Что сделать, чтобы они перестали приходить? Он пять лет принимал прошения и сомневался, что выдержит еще хотя бы столько же.

К трону приблизилась новая просительница с ребенком на руках.

«Только не ребенок...» – мысленно поморщился Гимн.

– О великий! – Женщина упала на колени. – Повелитель смелости!

Он не ответил.

– Это мой сын Халан, – протянула она ребенка.

Попав в ауру бога, одеяльце тут же вспыхнуло яркой синевой, на два с половиной оттенка не достигая чистого синего. Гимн сразу увидел, что ребенок страдает от страшной болезни – он потерял столько веса, что его кожа сморщилась. Биохрома его была слабой, как мерцание почти догоревшей свечи. Он умрет до вечера. Может, даже в течение часа.

– Целители говорят, что у него смертельная лихорадка, – продолжила женщина.

– Я знаю, что он умрет.

Ребенок издал тихий звук, вроде кашля – на плач он уже был не способен.

– Молю, великий, – сказала она, всхлипнув и склонив голову. – Пожалуйста. Он был смелым, как вы. Я отдам вам свое дыхание. Дыхания всей моей семьи. Мы будем служить сотню лет, сделаем что угодно. Умоляю, только исцелите его.

Гимн Света закрыл глаза.

– Умоляю, – прошептала женщина.

– Я не могу.

Наступило молчание.

– Я не могу, – повторил он.

– Благодарю, господин, – наконец прошептала она.

Гимн открыл глаза и увидел, как женщину уводят, а она тихо плачет, крепко прижимая ребенка к груди. Ожидающие проводили ее взглядами, полными сожаления и надежды. Еще одна просительница не преуспела, значит, остальные получили шанс.

Шанс умолить бога убить самого себя.

Внезапно Гимн Света вскочил, сорвал головной убор и отшвырнул его. Затем бросился в заднюю часть комнаты и, громко хлопнув дверью, убежал прочь.

Слуги и жрецы устремились за ним. Он развернулся в их сторону.

– Прочь! – рявкнул он, отмахнувшись.

Многие выглядели потрясенными – такое неистовство было не свойственно их господину.

– Оставьте меня! – закричал Гимн Света, возвышаясь над слугами.

Цвета комнаты ярко вспыхнули в ответ на его эмоции, а смущенные слуги отшатнулись и поспешили обратно в зал прошений, закрыв за собой дверь.

Гимн остался один. Тяжело дыша, он прижал одну ладонь к стене, а другую – ко лбу. Почему он так вспотел? Он выслушал уже тысячи прошений, и многие были куда хуже этого. Он посылал на смерть беременных женщин, детей и родителей, обрекал на страдания невинных и верующих в него.

Незачем так остро реагировать. Он мог с этим справиться. Это ведь такая малость. Как еженедельное поглощение дыхания у очередного человека. Малая цена...

Открылась дверь, и на пороге возникла знакомая фигура.

Гимн не обернулся.

– Чего они от меня хотят, Лларимар? – бросил он. – Они действительно считают, что я это сделаю? Гимн Света, эгоист? Они на самом деле думают, что я отдам жизнь за кого-то из них?

Лларимар немного помолчал.

– Вы даруете надежду, ваша милость, – наконец сказал он. – Последнюю, отчаянную надежду. Надежда – часть веры, часть знания о том, что однажды кто-то из ваших последователей обретет чудо.

– А если они не правы? – спросил Гимн. – Я не горю желанием умереть. Я лентяй и любитель роскоши. Такие, как я, не отказываются от жизни, даже если им довелось стать богами.

Лларимар не ответил.

– Все хорошие боги уже умерли, Тушкан. Безмятежная Пророчица и Яркость Цвета – эти богини пожертвовали собой. Остались эгоисты. Прощения не удовлетворялись... сколько? Года три?

– Примерно так, ваша милость, – тихо подтвердил Лларимар.

– А почему должно быть иначе? – хохотнул Гимн. – Чтобы исцелить одного из них, мы должны умереть. Тебе это не кажется смешным? Какая религия поощряет верующих идти и просить своего бога умереть? – Он покачал головой. – Какая ирония. Мы – их боги до тех пор, пока они нас не убьют. И, кажется, я знаю, почему боги сдаются. Изю дня в день ты сидишь и выслушиваешь прощения, зная, что можешь спасти кого-то из них... что, вероятно, должен спасти, поскольку твоя жизнь на самом деле ничего не стоит. Этого достаточно, чтобы сойти с ума. Достаточно, чтобы совершить самоубийство!

Он улыбнулся и перевел взгляд на верховного жреца:

– Самоубийство как проявление божественности. Как драматично.

– Отослать оставшихся просителей, ваша милость? – Лларимар не подал виду, что его обеспокоила эта эмоциональная вспышка.

– Конечно, почему нет, – махнул рукой Гимн. – Им не помешает урок теологии. Они должны уже понять, насколько я бесполезный бог. отошли их и скажи явиться завтра – если они настолько глупы, то придут снова.

– Да, ваша милость, – с поклоном ответил Лларимар.

«Неужели я не вывожу его из себя? – подумал Гимн. – Он как никто другой должен знать, что на меня нельзя полагаться!»

Лларимар направился в зал прощений, а Гимн Света повернулся и зашагал прочь. Никто из слуг за ним не последовал. Он миновал несколько комнат в красных тонах и поднялся по лестнице на второй этаж. Это была открытая со всех сторон площадка, похожая на большую террасу под навесом. Гимн прошел к дальнему краю, на противоположную от просителей сторону.

Здесь бриз дул сильнее, развевая одежду. Ветер был наполнен запахами, которые неслись через сотни миль с океана, миновали пальмовые деревья и наконец достигали Двора Богов. Гимн Света долго стоял, обозревая город и море на горизонте. Несмотря

на свои заявления, он не желал покидать уютный дом при дворе. Ему были больше по душе пиры, а не джунгли.

Но иногда он жалел, что ему даже не хочется стать кем-то другим. Слова Авроры по-прежнему давили на него: «Рано или поздно тебе придется принять одну из сторон. Ты – бог этого народа».

И Гимн Света был им, хотел он того или нет. Это обескураживало. Он изо всех сил старался казаться самодовольным и бесполезным... но люди продолжали приходить.

«Нам пригодится твоя уверенность... ты лучше, чем сам считаешь».

Почему так вышло, что чем больше он старался казаться идиотом, тем сильнее люди верили, что у него есть скрытые достоинства? Выходит, они обвиняли его во лжи и в то же время восхваляли его воображаемые добродетели? Неужели никто не понимал, что можно быть одновременно и располагающим к себе, и бесполезным? Далеко не всегда под маской острого на язык глупца скрывается герой.

Ощущение жизни предупредило Гимна о приближении Лларимара раньше, чем он услышал шаги. Жрец поднялся по лестнице, присоединился к Гимну и положил руки на перила. Они были сконструированы для богов и оказались высоковаты жрецу на целый фут.

– Они ушли, – сообщил Лларимар.

– Вот и хорошо, – отозвался Гимн Света. – Несомненно, сегодня мы кое-чего добились. Я сбежал от своих обязанностей, наорал на слуг и разобиделся на весь свет. Наверняка это убедит всех, что я еще более благороден и честен, чем они думали. Завтра придет вдвое больше просителей, и я продолжу неотвратимо сходить с ума.

– Вы не можете сойти с ума, – тихо заметил Лларимар. – Это невозможно.

– Еще как возможно! – возразил Гимн. – Надо только хорошенько сконцентрироваться. Видишь ли, безумие прекрасно тем, что существует только в твоей голове.

Лларимар покачал головой:

– Вижу, к вам вернулось нормальное чувство юмора.

– Тушкан, ты меня обижаешь. Мое чувство юмора никогда не было нормальным.

Несколько минут они просто молчали. Лларимар не позволил себе порицать или комментировать действия своего бога. Как и положено достойному жрецу.

Это навело Гимна на мысль.

– Тушкан, ты – мой верховный жрец.

– Да, ваша милость.

Гимн вздохнул:

– Ты должен обращать внимание на мои намеки, Тушкан. Тебе сейчас стоило изречь что-нибудь многозначительное.

– Приношу извинения, ваша милость.

– В другой раз просто будь внимательнее. Ты же разбираешься в теологии и тому подобном?

– Я изучил все, что мне необходимо знать, ваша милость.

– Хорошо, тогда, если боги могут исцелить только одного человека, а потом умирают, какой в этом религиозный смысл? По мне – как-то непродуктивно. Так можно с легкостью лишиться всего пантеона.

Лларимар подался вперед, глядя на город:

– Все не так просто, ваша милость. Возвращенные – не просто боги, это люди, которые умерли, но решили вернуться и предложить нам благословения и знания. В конце концов, только тому, кто умер, есть что сказать о другой стороне.

– Пожалуй, это логично.

– Дело в том, ваша милость, что предназначение возвращенных не в том, чтобы остаться. Мы продлеваем их жизнь, даем им время благословить нас. Но на самом деле они должны оставаться в живых, только пока не выполнят предназначение.

– Предназначение? – переспросил Гимн. – Звучит довольно туманно.

Лларимар пожал плечами:

– У возвращенных есть... цели. Их собственные стремления. Вы знали о своей цели, прежде чем решили возвратиться, но прыжок через Радужную Волну разбивает память. Оставайтесь подольше – и вы вспомните, для чего вернулись. А прошения... прошения – способ помочь вам вспомнить.

– Так я вернулся, чтобы спасти одну человеческую жизнь? – нахмурился Гимн Света, испытывая неловкость. Все пять лет он почти не уделял внимания собственной теологии. Ну так для этого и существовали жрецы.

– Не обязательно, ваша милость, – ответил Лларимар. – Может, вы действительно вернулись, чтобы спасти кого-то одного. Но более вероятно то, что вы владеете знаниями о будущем или загробной жизни, которые вам нужно явить миру. А может, близится великое событие, в котором вы сочли нужным принять участие. Помните – прежде всего именно героическая смерть дала вам силу для возвращения. Ваше предназначение может как-то соотноситься с этим.

Лларимар помедлил, его взгляд стал рассеянным.

– Вы что-то видели, Гимн Света. На той стороне будущее предстает ясным, подобно свитку, растянутому по вечным гармоникам космоса. И это что-то встревожило вас. Вместо того чтобы покоиться с миром, вы воспользовались возможностью, дарованной вам храброй смертью, и возвратились в этот мир. Чтобы разобраться с проблемой, поделиться мудростью или как-то помочь тем, кто еще живет. Однажды, когда вы поймете, что достигли цели, вы сможете выбрать из просителей того, кто заслуживает вашего дыхания, и продолжите странствие по Радужной Волне. Мы как ваши последователи обязаны обеспечивать вас дыханием и поддерживать жизнь, пока вы не исполните предназначение, каким бы оно ни было. Вместе с тем мы молимся о пророчествах и благословениях, которые может дать лишь тот, кто коснулся будущего, – такой, как вы.

Гимн ответил не сразу.

– А если я не верю?

– Во что, ваша милость?

– Во все это, – пояснил он. – Что возвращенные – боги, что все эти видения – не просто плод моего воображения. Если я не верю, что у моего возвращения есть цель или замысел?

– Вероятно, вы вернулись как раз для того, чтобы это понять.

– Тогда... погоди. Ты говоришь, что на другой стороне – где я, очевидно, верил в другую сторону, – я понял, что, вернувшись, не буду верить в другую сторону, так что воскрес, намереваясь обрести веру в другую сторону, которую утратил именно потому, что вернулся?

Лларимар помедлил, потом улыбнулся:

– Последний тезис оказывается несколько хрупок перед лицом логики, не так ли?

– Да, немного, – улыбнулся в ответ Гимн Света. Он посмотрел на дворец короля-бога, возвышающийся над другими зданиями подобно памятнику. – Что ты о ней думаешь?

– О новой королеве? – уточнил Лларимар. – Я ее еще не видел, ваша милость. Ее представят через несколько дней.

– Не о ней самой. О последствиях.

Лларимар уставился на него:

– Ваша милость, это пахнет интересом к политике!

– Да-да, знаю, Гимн Света – лицемер. Я искуплю этот недостаток позже. А теперь ответь на проклятый вопрос.

Лларимар улыбнулся:

– Не знаю, что и думать о ней, ваша милость. Двадцать лет назад Двор Богов решил, что заполучить представительницу королевской крови – хорошая идея.

«Да, – подумал Гимн. – Но того Двора больше нет».

Боги решили, что было бы неплохо вернуть в Халландрен королевскую кровь. Но те боги, которые считали, что смогут разобраться с прибытием идрисской девочки, уже умерли, оставив после себя неудачную замену.

Если Лларимар был прав, то в видениях Гимна Света – войнах и страшных знаменьях – крылось нечто важное. Он не мог объяснить почему, но чувствовал, что его народ очертя голову несется вниз по склону, не замечая впереди бездонной пропасти.

– Полная Придворная Ассамблея собирается завтра? – спросил он, все еще глядя на черный дворец.

– Да, ваша милость.

– Свяжись с Авророй Соблазна. Спроси, можно ли присоединиться к ней в ложе. Возможно, она меня отвлечет. Ты же знаешь, какую головную боль вызывает у меня политика.

– У вас не может болеть голова, ваша милость.

Гимн наблюдал за тем, как просители выходят из ворот и возвращаются в город, оставляя в покое своих богов.

– Мог бы и соврать, – едва слышно сказал он.

Сири в одной рубашке стояла у окна в черной спальне. Дворец короля-бога возвышался над городскими стенами. Окна спальни выходили на восток – на море. Она смотрела на далекие волны, чувствуя жар полуденного солнца. Она была очень легко одета, и зной даже казался приятным, к тому же его смягчал прохладный бриз с моря. Ветер играл с ее длинными волосами и колыхал ткань рубашки.

Она должна была умереть. Она заговорила с королем-богом, выпрямилась с колен и накричала на него. Она все утро ждала наказания, но ничего не произошло.

Сири облокотилась на каменный подоконник, скрестив руки на груди, и зажмурилась, наслаждаясь бризом. В глубине души она все еще ужасалась своему поступку, но страх стремительно таял.

«Здесь все совсем не так, как я думала, – поняла Сири. – Я позволила страху и волнению управлять собой».

Обычно она не забивала голову страхом и волнением, а просто делала то, что казалось правильным. Следовало взглянуть королю-богу в лицо еще несколько дней назад. Возможно, она поступила опрометчиво, и ее все-таки ждет наказание. Однако теперь ее не покидало ощущение, что она кое-чего добилась.

Улыбнувшись, Сири открыла глаза, и цвет ее волос сменился на золотистый.

Пора перестать бояться.

Глава 13

– Я от него избавлюсь, – твердо сказала Вивенна.

Она сидела с наемниками в доме Лемекса. После того как в Вивенну насильно влили дыхание, она провела бессонную ночь, предоставив заботу о теле Лемекса наемникам и сиделке. Днем Вивенна не заметила, как заснула от переутомления и переживаний, в памяти осталось только то, как она прилегла ненадолго отдохнуть в спальне этажом выше. Проснувшись, она с удивлением обнаружила, что наемники по-прежнему в доме. Очевидно, они и Парлин спали на первом этаже.

Ночные раздумья не слишком помогли ей разобраться с проблемами. Нечестивое дыхание никуда не исчезло, и она по-прежнему не представляла, что делать в Халландрене без Лемекса. Зато понимала, как поступить с дыханием – его можно отдать.

Они находились в гостиной. Как и повсюду в Халландрене, комнату переполняли цвета: стены из тонких древесных планок похожего на тростник растения были выкрашены в желтый и зеленый. Вивенна не могла не признать, что все цвета теперь кажутся более яркими. Она обрела невероятно отчетливое понимание цвета и могла выделить оттенки и тона, инстинктивно улавливая, насколько каждый из них близок к идеалу. Словно абсолютный слух, но только для зрения.

И было очень, очень трудно не замечать в этих оттенках красоты.

Дент прислонился к дальней стене. Тонк Фа развалился на диване, время от времени зевая, яркая птичка устроилась на его ноге. Парлин нес стражу снаружи.

– Избавитесь, принцесса? – переспросил наемник.

– От дыхания, – уточнила Вивенна. Неподобающе мягкому креслу или дивану она предпочла кухонный табурет. – Мы пройдем по улицам города и найдем несчастных, которых коснулось насилие. Тех, у кого из-за вашего жизненного уклада украли дыхание. Я раздам каждому по одному.

Дент взглянул на Тонк Фа; тот отделался зевком.

– Принцесса, – заметил Дент, – дыхания нельзя отдавать по одному. Вам придется отдать их все сразу.

– Включая ваше собственное, – добавил Тонк Фа.

Дент кивнул:

– И тогда вы станете тусклой.

У Вивенны засосало под ложечкой. От мысли о потере не только нового восприятия красоты и цвета, но и собственного дыхания, своей души ее волосы едва не побелели.

– Нет, – сказала она. – Тогда это не выход.

В комнате воцарилось молчание.

– Она может пробуждать вещи, – заметил Тонк Фа и дернул ногой, из-за чего птица вскрикнула. – Штаны, например.

– Верно подмечено, – согласился Дент.

– Что... что это значит? – спросила Вивенна.

– Вы можете что-нибудь оживить, принцесса, – пояснил Дент. – Неодушевленный предмет. Потратите часть дыхания, и предмет станет вроде как живым. Большинство пробуждающих оживляют предметы на время, но почему бы вам не оставить в них дыхание насовсем?

Пробуждение. Использование человеческих душ для создания неживых монстров. Вивенне вдруг показалось, что Остре сочтет это еще большим грехом, чем просто владение чужой биохромой. Она вздохнула и покачала головой. Проблема с дыханием была лишь поводом отвлечься – она боялась возвращаться к размышлениям о том, что делать без Лемекса. Как же быть?

Дент сел в кресло рядом с ней и закинул ноги на столик. Он тщательнее следил за собой, чем Тонк Фа: темные волосы собраны в аккуратный хвост, лицо чисто выбрито.

– Ненавижу работу наемника, – сказал он. – Знаете, почему?

Вивенна вопросительно уставилась на собеседника.

– Никакой надежности, – сообщил Дент, откидываясь в кресле. – Как правило, то, чем мы занимаемся, опасно и непредсказуемо. У наших нанимателей есть дурная привычка умирать.

– Хотя обычно не от болезней, – заметил Тонк Фа. – В основном от мечеприкладства.

– Возьмем нынешнюю ситуацию, – продолжил Дент. – Нанимателя больше нет. Мы остались без руководства.

Вивенна замерла.

«То есть контракт расторгнут? И они знают, что я идрисская принцесса. Как они поступят? Именно поэтому они остались на ночь и не ушли? Они собираются меня шантажировать?»

Дент смерил ее взглядом.

– Видишь? – спросил он, поворачиваясь к напарнику.

– Ага, – ответил Тонк Фа. – Обдумывает.

Дент поудобнее устроился в кресле.

– Об этом я и говорю. Почему все считают, что наемник предаст, как только истечет срок контракта? Вы думаете, что мы режем людей ради забавы? Почему у хирургов нет таких проблем? Разве пациент беспокоится о том, что, как только он перестанет платить врачу, тот с маниакальным хохотом отрежет ему пальцы на ногах?

– Мне нравится отрезать пальцы, – заметил Тонк Фа.

– Это другое, – отозвался Дент. – Ты же не станешь так поступать просто потому, что контракт истек?

– Не, – махнул рукой Тонк Фа. – Пальцы есть пальцы.

Вивенна закатила глаза:

– О чем вы вообще толкуете?

– Дело в том, принцесса, – объяснил Дент, – что вы только что подумали, будто мы собираемся вас предать. Может, нагло ограбить, продать в рабство или еще что.

– Ерунда, – ответила Вивенна. – Ни о чем таком я не думала.

– Ну конечно, – сказал Дент. – Работа наемника – дело уважаемое и законное почти во всех известных мне королевствах. Мы такие же трудяги, как пекари или торговцы рыбой.

– Правда, мы не платим сборщикам налогов, – добавил Тонк Фа. – Обычно мы их просто приканчиваем ради забавы.

Вивенна только покачала головой.

Дент наклонился вперед, тон его стал серьезнее:

– Принцесса, я хочу сказать, что мы не преступники. Мы наемные работники. Ваш друг Лемекс был нашим начальником. Теперь он мертв. Полагаю, наш контракт переходит к вам, если вы захотите.

Вивенна почувствовала проблеск надежды. Но можно ли им доверять? Несмотря на слова Дента, было трудно поверить в благородные побуждения и самоотверженность тех, кто сражается за деньги. Однако они не воспользовались болезнью Лемекса и остались, хотя могли бы ограбить дом и исчезнуть, пока она спала.

– Хорошо, – сказала она. – Когда истекает контракт?

– Понятия не имею, – ответил Дент. – Эти дела ведет Золотце.

– Золотце? – недоуменно переспросила Вивенна.

– Третий член нашей команды, – пояснил Тонк Фа. – Ее сейчас нет, ушла по своим делам.

Вивенна нахмурилась.

– И сколько вас всего?

– Трое, – пожал плечами Дент.

– Не считая питомцев, – уточнил Тонк Фа, покачивая птицу на ноге.

– Она скоро вернется, – сказал Дент. – Она заходила вчера вечером, но вы спали.

В любом случае у нас по контракту остается еще несколько месяцев, и нам заплатили половину вперед. Даже если вы решите не платить остальное, наверное, мы все равно должны вам еще пару-тройку недель.

Тонк Фа кивнул:

– Так что, если хотите кого-нибудь убить, – как раз самое время.

Вивенна мрачно взглянула на него, и наемник загоготал.

– Вам пора бы привыкнуть к нашему черному юмору, принцесса, – усмехнулся Дент. – Если, конечно, вы оставите нас при себе.

– Я уже дала понять, что оставляю, – заметила Вивенна.

– Отлично, – ответил Дент. – Но чем мы займемся? Зачем вы вообще прибыли в город?

Вивенна ответила не сразу.

«Нет смысла ничего скрывать, – подумала она. – Они и так уже знают самую опасную тайну – кто я такая».

– Я приехала спасти сестру, – сказала она. – Вызволить ее из дворца короля-бога и вернуть в Идрис невредимой.

Наемники замолчали. Потом Тонк Фа присвистнул, а попугай его передразнил.

– Нехило, – сказал Тонк Фа.

– Она же принцесса, – заметил Дент. – Обычно у них нехилые запросы.

– Сири не подготовлена к Халландрену, – подалась вперед Вивенна. – Отец отправил ее вместо меня, но мне невыносима мысль, что она станет женой короля-бога. К несчастью, если мы просто похитим ее и скроемся, то Халландрен, скорее всего, нападет на мою родину. Нужно помочь ей исчезнуть так, чтобы никто не заподозрил причастность Идриса. При необходимости ее могу заменить я.

Дент почесал затылок.

– Ну? – спросила Вивенна.

– Это немного не наш профиль, – признал он.

– Обычно мы просто бьем кого-нибудь, – пояснил Тонк Фа.

Дент кивнул:

– Или уберігаем от побоев. Лемекс нанял нас отчасти и как телохранителей.

– А почему он просто не послал за парой идрисских солдат для защиты?

Дент и Тонк Фа переглянулись.

– Как бы это поделикатнее сказать... – протянул Дент. – Принцесса, Лемекс присваивал деньги вашего короля и тратил их на дыхание.

– Лемекс был патриотом! – возмутилась Вивенна.

– Может, и так, – согласился Дент. – Но, как говорится, даже набожный жрец тянет лапу в ларец. Думаю, Лемекс решил, что ему лучше быть под защитой наемных мышц, а не соратников.

Вивенна замолчала. Было трудно представить, что знакомый ей по письмам вдумчивый, умный и деятельный человек – вор. Но так же трудно было представить, что у него столько дыханий. А ведь так и оказалось.

Но присваивание денег? Хищение у самого Идриса?

– Работая наемником, многое узнаешь, – сказал Дент, закинув руки за голову. – Когда повидаешь многих людей, начинаешь их понимать. Остаешься жив, потому что умеешь предугадывать их действия. Дело в том, что люди не такие простые, какими кажутся. Даже идрисцы.

– Скучные, да, – добавил Тонк Фа. – Но не простые.

– Ваш Лемекс был замешан в кое-чем серьезном, – продолжил Дент. – Я искренне считаю, что он и впрямь был патриотом. В этом городе плетется немало интриг, принцесса. Некоторые проекты, к которым нас привлекал Лемекс, имели грандиозный размах и, насколько я могу судить, шли на благо Идриса. Думаю, он просто решил, что ему не помешает небольшая компенсация за патриотизм.

– Вообще-то он был довольно неплохим парнем, – сказал Тонк Фа. – Не хотел беспокоить вашего отца. Поэтому вел собственные расчеты, назначал себе прибавку и указывал в докладах, что расходы больше, чем на самом деле.

Вивенна молчала, пытаясь переварить услышанное. Как мог тот, кто крал деньги у Идриса, одновременно быть патриотом? Как мог тот, кто веровал в Остре, обзавестись несколькими сотнями биохроматических дыханий?

Она мрачно покачала головой.

«Я узрел тех, кто поставил себя выше других, и узрел их падение», – мысленно процитировала она одно из Пяти Видений. Ей не следует судить Лемекса, особенно теперь, когда он умер.

– Минуточку, – сказала Вивенна, глядя на наемников. – Вы утверждаете, что были простыми телохранителями. Тогда как вы помогли Лемексу с «проектами»?

Мужчины переглянулись.

– Я же говорил, что она умная, – сказал Тонк Фа. – Наверное, потому что она не наемник.

– Мы и есть телохранители, принцесса, – пояснил Дент. – Однако мы не лишены... определенных талантов. Умеем обтяпывать разные делишки.

– Делишки? – переспросила Вивенна.

Дент пожал плечами.

– У нас обширные связи. Отчасти поэтому мы полезны. Я обдумываю проблему с вашей сестрой. Может, у меня появятся какие-то идеи. Это немного похоже на похищение...

– А похищения, – добавил Тонк Фа, – нам не слишком нравятся. Мы это упоминали?

– Да, – ответила Вивенна. – Плохая затея. Никакой выгоды. Над какими «проектами» работал Лемекс?

– Я не знаю всего, – признал Дент. – В основном мы бегали с поручениями, устраивали встречи, запугивали людей. Это как-то было связано с работой на вашего отца. Можем выяснить, если хотите.

– Хочу, – кивнула Вивенна.

– Отлично, – сказал Дент, вставая. Проходя мимо дивана, он хлопнул напарника по ноге, отчего птица недовольно вскрикнула. – Подъем, Тонк. Пора обыскать дом.

Тонк Фа зевнул и сел.

– Погодите-ка! – вскричала Вивенна. – Обыскать дом?

– Конечно, – ответил Дент, поднимаясь по лестнице. – Взломать скрытые сейфы. Просмотреть бумаги. Выяснить, чем занимался старина Лемекс.

– Он не обидится, – сообщил Тонк Фа, вставая. – Он же покойник.

Вивенна содрогнулась. Ей по-прежнему хотелось достойно похоронить старика по идрисским обычаям, а не отсылать его в халландренский склеп. Казалось кощунством позволить паре бандитов рыться в его вещах.

Дент, видимо, заметил ее колебания.

– Можем и не обыскивать, если не хотите.

– Без проблем, – добавил Тонк Фа. – Но тогда мы так и не узнаем, чем он занимался.

– Продолжайте, – решила Вивенна. – Но под моим надзором.

– Вряд ли вам захочется этим заниматься, – заметил Дент.

– И почему же?

– Потому что... – начал Дент. – Да, я знаю, что никто не спрашивает мнения наемников. Но, видите ли...

– Ой, да говори уже! – раздраженно воскликнула Вивенна, но тут же упрекнула себя за несдержанность. Что с ней такое? Видимо, последние несколько дней совсем ее измотали.

Дент ухмыльнулся, словно ее вспышка показалась ему невероятно забавной.

– Сегодня заседает Придворная Ассамблея возвращенных, принцесса.

– Ну и что? – спросила Вивенна, стараясь сдерживаться.

– А то, – ответил Дент, – что сегодня вашу сестру представят богам. Подозреваю, вам хотелось бы увидеть ее, посмотреть, как она держится. Если собираетесь туда пойти, вам следует поторопиться. Заседание скоро начнется.

Вивенна скрестила руки на груди и не двинулась с места.

– Я все об этом знаю, Дент. Обычные люди не могут просто взять и заявиться ко Двору Богов. Если кто-то желает посетить заседание Ассамблеи, необходимо или заручиться покровительством одного из богов, или быть очень влиятельным, или выиграть в лотерею.

– Верно, – сказал Дент, прислоняясь к перилам. – Вот если бы у нас был человек с таким числом дыханий, чтобы его сразу сочли достойным посещения Двора без лишних вопросов...

– Эх, Дент, – подыграл Тонк Фа. – Чтобы человека сочли достойным, ему нужно хотя бы пятьдесят дыханий! А это жуть как много.

Вивенна помедлила.

– А... сколько у меня дыханий?

– О, сотен пять, – прикинул Дент. – По крайней мере, так утверждал Лемекс. Я склонен ему верить. Только посмотрите, рядом с вами даже ковер сияет!

Вивенна огляделась и впервые обнаружила, что цвета вокруг нее становятся насыщеннее. Это не слишком бросалось в глаза, но было заметно.

– Вам лучше поспешить, принцесса. – Дент продолжил подниматься по лестнице. – А то опоздаете.

***

С посветлевшими от волнения волосами, Сири нервно ерзала на стуле и старалась взять себя в руки, пока служанки занимались ее прической. Свадебные Торжества – название им определенно не подходило – наконец закончились, и пришло время официально предстать перед богами Халландрена.

Наверное, не стоит слишком волноваться. Не так уж долго она сидела взаперти. Но перспектива наконец-то выйти из дворца, пусть даже только на заседание Ассамблеи, почти кружила голову. Наконец-то она встретится с кем-то еще, кроме жрецов, писцов и слуг. Наконец-то она познакомится с богами, о которых столько слышала.

И вдобавок, там будет он. Во время ночных игр в гляделки король-бог скрывался в тени. Но сегодня она наконец увидит мужа при свете дня.

Рассматривая себя в большом зеркале, Сири улыбнулась. Служанки соорудили ей замысловатую прическу, заплетя часть волос в косы, а остальные оставив распущенными. И в косы, и в свободные пряди вплели несколько лент. Когда она поворачивала голову, ленты переливались. Ее семья ужаснулась бы таким кричащим цветам. Сири лукаво улыбнулась и придала волосам ярко-золотой оттенок, чтобы они лучше контрастировали с лентами.

Служанки одобрительно заулыбались, две из них тихо ахнули. Сири выпрямилась, сложив руки на коленях, и принялась изучать платья, подобранные для придворного выхода. Все наряды были богато украшенными – не настолько затейливо, как те, которые она надевала в спальню, но более торжественно, чем повседневная одежда.

Сегодня и жрецы, и служанки были облачены в красное, поэтому Сири решила остановиться на чем-то ином. В конце концов она выбрала золотистый цвет и указала на пару платьев, чтобы служанки поднесли их поближе. К несчастью, заметив ее интерес, женщины добавили еще три золотистых платья из переносного гардероба.

Сири вздохнула. Такое ощущение, что они специально усложняют ей выбор. Невыносимо было каждый день видеть, как такое разнообразие пропадает зря. А что, если?..

Она помедлила.

– А могу я примерить их все?

Служанки озадаченно переглянулись. Потом закивали, на их лицах читалось: «Конечно можете!» Сири чувствовала себя глупо: в Идрисе ей никогда не приходилось

выбирать. Улыбнувшись, она поднялась, позволила служанкам снять с себя халат и облачить в первое платье так, чтобы не испортить прическу. Сири оглядела себя, отметив, что вырез слишком низкий. Она собиралась покрасоваться ярким нарядом, однако обилие выставяемого напоказ обнаженного тела, которое в Халландрене считалось нормой, все еще казалось ей постыдным.

Она кивнула служанкам, и те сняли с нее платье и надели следующий наряд – юбку и корсет. Как только служанки закончили, Сири снова посмотрелась в зеркало. Ей понравилось, но хотелось примерить и другие. Повертевшись перед зеркалом и взглянув на себя со спины, она кивнула и перешла к следующему платью.

Это было легкомысленно. Но почему ее должна волновать легкомысленность? Отец далеко и не может одарить ее суровым неодобрительным взглядом. Вивенны здесь тоже нет. Сири стала королевой Халландрена. Разве она не должна изучить местные обычаи? Нелепое оправдание заставило ее улыбнуться, но она все равно продолжила примерку.

Глава 14

– Дождь идет, – заметил Гимн Света.

– Проницательное замечание, ваша милость, – ответил шагающий рядом Лларимар.

– Не люблю дождь.

– Вы часто об этом говорите, ваша милость.

– Я бог, – произнес Гимн. – Почему мне не подвластна погода? Как может идти дождь, если я этого не хочу?

– Сейчас при дворе двадцать пять богов, ваша милость. Возможно, тех, кто хочет, чтобы шел дождь, больше.

Красное с золотым одеяние Гимна шуршало при движении. Обутый в открытые сандалии, он шел по прохладной сырой траве, но слуги несли над ним широкий полог. Капли дождя тихонько стучали по ткани. В Т’Телире дожди шли часто, но никогда не бывали слишком сильными.

Гимну хотелось бы увидеть настоящую бурю, какие бушевали в джунглях.

– Тогда я проведу опрос среди богов, – сказал он. – Выясню, сколько из них хотели, чтобы сегодня шел дождь.

– Если пожелаете, ваша милость, – ответил Лларимар. – Но это мало что докажет.

– Это докажет, кто виноват в дожде, – возразил Гимн Света. – И... если выяснится, что большинство из нас не хотели дождя, то, возможно, разразится теологический кризис.

Разумеется, Лларимара не озаботила идея о боге, пытающемся подорвать веру в самого себя.

– Ваша милость, – сказал он, – уверяю вас, наше вероучение весьма основательное.

– А если боги не желают, чтобы дождь шел, но он идет?

– Вы бы хотели, чтобы всегда светило солнце, ваша милость?

Гимн пожал плечами:

– Конечно.

– А как же земледельцы? – уточнил Лларимар. – Без дождя их посевы погибнут.

– Вот пусть и проливается на посевы, – парировал Гимн, – а не на город. Бог должен уметь с легкостью повелевать погодой.

– Людям нужна вода для питья, ваша милость, – напомнил Лларимар. – Дождь моет улицы. А что насчет растений в городе? Прекрасные деревья и даже трава, по которой вы так любите гулять, просто умрут без дождя.

– Ну, – сказал Гимн Света, – я мог бы просто пожелать, чтобы они жили.

– Вы так и поступаете, ваша милость, – проговорил Лларимар. – Ваша душа знает, что дождь необходим городу, и потому он идет. Несмотря на то, что ваше сознание думает иначе.

Гимн Света нахмурился.

– По твоей логике богом можно объявить кого попало, Лларимар.

– Кто попало не воскресает из мертвых, ваша милость. У них нет способности исцелять недуги и уж точно нет дара предвидеть будущее.

«И не поспоришь», – признал Гимн, когда они приблизились к арене. Огромное круглое строение располагалось в дальней части Двора Богов, за пределами кольца дворцов. Гимн Света вошел внутрь, свита по-прежнему несла над ним красный полог. Они оказались на посыпанной песком площадке, а затем поднялись к местам для зрителей.

Над площадкой возвышались четыре ряда каменных скамеек для обычных жителей Т'Телира – тех, кто был достаточно близок к богам, удачлив или богат, чтобы попасть на заседание. Верхние места отводились для возвращенных. Там находились ложи – довольно близко от площадки, чтобы слышать все, что говорят, но при этом на подобающем божественному статусу отдалении. В высеченных в камне изысканных ложах хватало места для всей свиты бога.

По ярким пологам над ложами Гимн Света понял, что некоторые из богов уже заняли свои места. Он увидел Восславляющего Жизнь и Звезду Милосердия. Гимн и его свита миновали пустую ложу, в которой он обычно сидел, прошли к противоположному краю арены и приблизились к ложе с зеленым навесом. Внутри восседала Аврора, как всегда облаченная в весьма откровенное роскошное зеленое с серебром платье. Несмотря на богатую отделку и вышивку, наряд был не более чем длинным куском ткани с завязками и отверстием для головы. Платье открывало бока от плеч до икр и выставляло напоказ соблазнительные бедра Авроры. Заметив гостя, она улыбнулась и приподнялась на диванчике.

Гимн Света глубоко вздохнул. Аврора Соблазна всегда относилась к нему дружелюбно и, определенно, была о нем высокого мнения, но ему казалось, что рядом с ней всегда надо оставаться настороже. Мужчина легко мог попасть в сети такой женщины.

И никогда из них не выпутаться.

– Гимн, дорогой, – протянула она, расплываясь в улыбке.

Слуги засуетились, ставя кресло, скамеечку для ног и столик для закусок.

– Аврора, – отозвался он. – Мой верховный жрец говорит, что это ты виновата в такой унылой погоде.

Бровь богини медленно поползла вверх. Стоявший с другими жрецами Лларимар залился румянцем.

– Мне нравится дождь, – наконец сказала она, лениво откинувшись обратно на диван. – Он... другой. Я люблю разнообразие.

– Тогда тебе должно быть невероятно скучно со мной, дорогая.

Гимн сел и взял из чаши на столике пригоршню очищенных от кожицы виноградин.

– Скучно? – переспросила Аврора.

– Я стремлюсь к абсолютной посредственности, а посредственность едва ли можно назвать разнообразной. Собственно, я бы сказал, что при дворе она вошла в моду.

– Не стоит так говорить, – заметила богиня. – А то народ еще тебе поверит.

– Ты меня не поняла. Для того я это и говорю. Я решил, что раз уж не в силах творить божественные чудеса вроде изменения погоды, то можно удовольствоваться и меньшим чудом – говорить правду.

Хмыкнув в ответ, Аврора потянулась и довольно вздохнула, пошевелив кончиками пальцев.

– Наши жрецы говорят, что предназначение богов – не играть с погодой или предотвращать бедствия, а видеть будущее и служить людям. Твое отношение не слишком этому соответствует.

– Конечно, ты права, – отозвался Гимн. – На меня только что снизошло откровение. Быть посредственным – не лучший способ служить нашему народу.

– А что же тогда лучше?

– Подать среднепрожаренный стейк с гарниром из батата, – сообщил он, отправляя в рот очередную виноградину. – Приправленный чесноком и легким соусом из белого вина.

– Ты не исправим, – заметила богиня, переворачиваясь на бок.

– Я таков, каким меня сотворила вселенная, моя дорогая.

– То есть ты склоняешься перед капризами вселенной?

– А что еще делать?

– Бороться, – ответила Аврора. Она прищурилась и рассеянно взяла виноградину с ладони Гимна. – Бороться со всеми, чтобы заставить вселенную склониться перед тобой.

– Прелестная идея, Аврора. Но мне кажется, что у нас с вселенной несколько разные весовые категории.

– Боюсь, ты ошибаешься.

– Ты хочешь сказать, что я толстый?

Она посмотрела на него в упор.

– Я хочу сказать, что нельзя быть таким покорным, Гимн. Ведь ты бог!

– Бог, который даже не может остановить дождь.

– А я хочу грозу и бурю. Может, эта морось – компромисс между нами.

Гимн отправил в рот еще одну виноградину, прокусил ее, ощутив, как в небо брызнул сладкий сок. Пережевывая ягоду, он на мгновение задумался.

– Аврора, дорогая, – сказал он наконец. – В нашей беседе есть скрытый смысл? Ибо, как ты знаешь, я не дружу со скрытым смыслом. У меня от него голова болит.

– У тебя не может болеть голова, – заметила богиня.

– Ну, скрытый смысл я тоже не могу уловить. Он для меня слишком «скрытый». Чтобы докопаться до сути, требуется приложить усилие, а усилия, увы, противоречат моей вере.

Аврора выгнула бровь.

– Новая догма для тех, кто тебе поклоняется?

– О, не этой веры, – отмахнулся Гимн Света. – Я тайно поклоняюсь Остре. У него такая восхитительно прямолинейная теология – черное, белое, никаких сложностей. Вера без заморочек.

Богиня стащила еще одну виноградину.

– Ты слишком плохо знаешь острейзм. Это сложная вера. Если ищешь что-то действительно простое, попробуй веру пан-кальцев.

Гимн нахмурился.

– Разве они не поклоняются возвращенным, как все остальные?

– Нет. У них своя религия.

– Но все знают, что у пан-кальцев вера почти такая же, как и у халландренцев.

Аврора пожала плечами, глядя на арену.

– А как мы вообще свернули на эту тему? – удивился Гимн Света. – Клянусь, дорогая моя, иногда наши беседы напоминают мне сломанный меч.

Она снова подняла бровь.

– Ужасно острые, – пояснил Гимн Света, – но толку никакого.

Аврора Соблазна фыркнула.

– Гимн, это ты попросил о встрече.

– Да, но мы оба знаем, что этого хотела ты. Что ты задумала, Аврора?

Богиня покрутила виноградину в пальцах.

– Позже.

Гимн Света вздохнул и жестом велел слугам принести орехов. Один из них поставил на стол чашу, а другой принялся колоть орехи.

– Сперва ты намекаешь, что я должен с тобой объединиться, а теперь не говоришь, что задумала? Женщина, клянусь, однажды твоя склонность к театральности вызовет катастрофу – например, твои товарищи заскучают.

– Это не театральность, – возразила она. – Это проявление уважения.

Она кивком указала на противоположную часть арены, где все еще пустовало место короля-бога. Золотой трон возвышался на каменном выступе над самой ложей.

- А, мы сегодня патриотичны?
- Скорее исполнены любопытства.
- Насчет?
- Нее.
- Королевы?

Аврора снова одарила его многозначительным взглядом.

- Конечно. О ком еще я могу говорить?!

Гимн Света посчитал дни. Да, как раз неделя.

- Хм, – сказал он себе. – Так период ее уединения подошел к концу?
- Дорогой, тебе надо быть внимательнее.

Он пожал плечами.

– Когда не обращаешь внимания на время, оно уходит быстрее, дорогая моя. В этом оно удивительно похоже на большинство знакомых мне женщин.

С этими словами он взял пригоршню орехов и принялся ждать.

***

Жители Т'Телира определенно недолюбливали перемещаться в экипажах, даже боги. Несколько озадаченная Сири сидела в кресле, которое слуги несли через лужайку к огромному округлому строению в дальней части Двора Богов. Шел дождь, но Сири было все равно. Она слишком долго просидела взаперти.

Она оглянулась на служанок, несущих над мокрой травой шлейф ее золотистого платья. Их окружали другие женщины с большим пологом, защищающим Сири от дождя.

– Не могли бы вы... это убрать? – поинтересовалась Сири. – Чтобы дождь попадал на меня?

Служанки переглянулись.

- Совсем ненадолго, – добавила Сири. – Обещаю.

Женщины нахмурились, но замедлили шаг, позволив носильщикам уйти вперед под дождь. Сири вскинула голову, улыбаясь падающим на лицо каплям.

«Семь дней в четырех стенах – это чересчур», – решила она.

Одно долгое мгновение она наслаждалась влажной прохладой капель на коже и одежде. Трава так и манила к себе, и Сири снова оглянулась:

- А знаете, я могла бы пройтись пешком.

«Почувствовать под ногами эти зеленые травинки...»

Служанки выглядели очень и очень смущенными таким предложением.

- Или нет, – передумала Сири.

Женщины с пологом догнали носильщиков и снова закрыли небо. Наверное, пешая прогулка в платье с таким длинным шлейфом и правда была не самой удачной идеей. После долгих колебаний она предпочла гораздо более смелый наряд, чем все, что носила прежде, – с низким вырезом и без рукавов. Отчасти ее выбор объяснялся необычным покроем: спереди юбка была короткой, зато сзади достигала пола. Каждый раз при мысли о выставленных напоказ ногах Сири краснела.

Вскоре процессия добралась до арены, и Сири занесли внутрь. Она с интересом заметила, что у арены отсутствовал потолок, а пол был посыпан песком. На нижних трибунах люди в ярких одеждах рассаживались согласно своему положению. Некоторые сидели под зонтиками, но большинство не обращали внимания на морось, непринужденно болтая друг с другом. Сири улыбнулась, глядя на толпу: сотня самых разных цветов, да и фасонов не меньше. Было приятно снова наблюдать разнообразие, пусть и немного броское.

Носильщики доставили ее к большой каменной нише в стене строения. Служанки поместили опоры полога в каменные углубления, и тот укрыл всю ложу. Женщины засуетились, подготавливая место, после чего носильщики опустили кресло. Сири встала и нахмурилась. Она наконец вырвалась из дворца, но, судя по всему, ей придется сидеть, возвышаясь над всеми. Даже боги, расположившиеся, насколько она поняла, под пологами других лож, оказались далеко и скрывались за перегородками.

«Как у них получается заставлять меня чувствовать себя одинокой даже в окружении сотен людей?!»

Она повернулась к одной из служанок:

– Где король-бог?

Служанка указала на ложи вроде той, где сидела Сири.

– Он в одной из них? – уточнила Сири.

– Нет, Сосуд, – ответила женщина, не поднимая глаз. – Он прибудет только тогда, когда соберутся все боги.

«А, – подумала Сири. – Логично».

Она села обратно в кресло, и несколько служанок занялись едой. Поблизости заиграл на флейте менестрель, чтобы заглушить шум толпы, хотя Сири предпочла бы послушать, о чем говорят люди. Как бы то ни было, она решила не поддаваться мрачному настроению. Она наконец-то оказалась на свежем воздухе и видела других людей, пусть и не могла с ними общаться. Так что Сири улыбнулась самой себе, подалась вперед, уперев локти в колени, и принялась рассматривать экзотические расцветки внизу.

Что можно было сказать о жителях Т'Телира? Все они очень сильно отличались друг от друга. Некоторые были темнокожими, явно с окраин Халландренского королевства, другие – светловолосыми, встречались шевелюры даже более странного цвета – синие и зеленые. Сири предположила, что тут не обошлось без краски.

Все они носили великолепную одежду, как будто другой не существовало вовсе. Популярностью у обоих полов пользовались богато украшенные шляпы. Среди нарядов можно было встретить что угодно от жилетов и коротких брюк до длинных мантий и платьев.

«Сколько же времени они проводят за покупками?»

Ей было трудно выбрать из десятка платьев всего одно, а ведь она еще головных уборов не носит. После того как ей показали несколько шляп и она все отвергла, ей перестали их предлагать.

Процессии прибывали одна за другой, у каждой были свои цвета, как правило – сочетание основного цвета и какого-нибудь металла. Сири сосчитала ложи: места хватало для полусотни богов, но при дворе жило всего десятка два. Точнее, двадцать пять. В каждой процессии одна из фигур возвышалась над всеми остальными. Некоторых, в основном женщин, несли на креслах или диванах. Мужчины предпочитали идти сами. Одни были в замысловатых одеяниях, другие же обходились только сандалиями и юбкой. Сири наклонилась, разглядывая бога, проходящего мимо ее ложи. Его обнаженный торс заставил ее зардеться, однако это не помешало ей рассмотреть рельефные мускулы и загорелую кожу.

Он взглянул на нее и слегка склонил голову в знак уважения. Его слуги и жрецы согнулись почти до земли. Бог прошел мимо, ничего не сказав.

Сири откинулась на спинку кресла. Один из слуг предложил закуски, но она отрицательно покачала головой. Ожидали еще четверых или пятерых богов. По всей видимости, халландренские божества, в противоположность Синепалому, не отличались пунктуальностью.

***

Вивенна прошла сквозь ворота в халландренский Двор Богов, окруженный огромными дворцами. Она замешкалась, и с обеих сторон ее обогнал поток людей, хотя народу было не так уж и много.

Дент оказался прав: Вивенне не составило труда попасть во Двор. Жрецы у ворот пропустили ее без единого вопроса, как и Парлина, сочтя его слугой. Вивенна оглянулась на жрецов в синих одеждах. Цвета вокруг них становились красочнее, что указывало на сильную биохрому.

Она вспомнила, чему ее учили. У жрецов на воротах было достаточно дыхания для обретения первого возвышения, при котором человек получал способность определять силу дыхания других. Вивенна тоже так могла. Это не означало, что ауры или цвета выглядели для нее иначе. Способность распознавать силу биохромы была схожа с обретенным ею абсолютным слухом. Другие слышали те же звуки, что и она, но Вивенна могла очень четко выделить каждый из них.

Она видела, как близко человеку надо подойти к жрецу, чтобы цвета усилились, и насколько насыщеннее становились оттенки. Это позволяло ей интуитивно определить, что каждый из жрецов достиг первого возвышения. У Парлина было одно дыхание, как и у обычных жителей города, которым приходилось для прохода предъявлять документы. Вивенна могла сказать, насколько сильно дыхание и болен ли человек.

У жрецов было ровно по пятьдесят дыханий, как и у большинства богачей, проходивших через ворота. Некоторые имели не меньше двухсот дыханий, чего хватало для второго возвышения и обретения абсолютного слуха. Только у пары человек было больше дыханий, чем у Вивенны, достигшей третьего возвышения с его совершенным восприятием цвета.

Вивенна отвернулась от толпы. Ей рассказывали о возвышениях, но она никогда не думала, что испытает их на себе. Она чувствовала себя запятнанной. Порочной. В особенности из-за того, что цвета были такими прекрасными.

Ее наставники рассказывали, что двор представляет собой широкое кольцо дворцов, но не упомянули, что все они невероятно гармоничны по цвету. Каждый был произведением искусства, раскрывающим тончайшие оттенки градиента, которые обычные люди не способны оценить. Между дворцами раскинулась великолепная зеленая лужайка с аккуратно подстриженной травой, не нарушенная ни дорожками, ни аллеями. Вивенна и Парлин ступили на лужайку, и ей отчаянно захотелось скинуть туфли и пройтись босиком по влажной от росы траве. Но такое поведение было совершенно неподобающим, и она подавила порыв.

Морозящий дождь наконец прекратился, и Парлин опустил недавно купленный зонт.

– Так вот он какой, – сказал он, отряхивая зонт. – Двор Богов.

Вивенна кивнула.

– Неплохое местечко, чтобы пасти овец.

– Сомневаюсь, – тихо ответила она.

Парлин нахмурился:

– Тогда коз?

Вивенна вздохнула, и они присоединились к небольшому потоку людей, устремившемуся по лужайке к большому строению за пределами кольца дворцов. Она опасалась, что будет выделяться – на ней по-прежнему было закрытое идрисское платье, простое, из практичной ткани приглушенных цветов. Но Вивенна начала понимать, что в Т’Телире вообще невозможно выделиться.

Наряды горожан настолько поражали разнообразием, что Вивенна изумлялась фантазии их создателей. Некоторые были одеты так же скромно, как и она, другие носили приглушенные цвета, хотя и оживляли их яркими шарфами или шляпами. Сдержанные фасоны и расцветки были явно не в моде, но изредка встречались и они.

«Так тоже можно привлечь внимание, – поняла она. – Белый цвет и приглушенные тона – ответ на аляповатость. Но, так как тут каждый старается выделиться, не выделяется никто!»

Почувствовав себя немного увереннее, она взглянула на Парлина, который, похоже, немного успокоился, когда они выбрались из городской толпы.

– Интересные здания, – сказал он. – Люди одеваются очень пестро, но этот дворец одноцветный. Странно. Почему так?

– Он не одноцветный. Здесь много разных оттенков одного и того же цвета.

– Красный и есть красный, – пожал плечами Парлин.

Как это объяснить? Оттенки красного отличались подобно нотам в музыкальной гамме. Стены были чисто красными. Черепицу, боковые колонны и лепнину намеренно окрасили в слегка отличающиеся тона, каждый из которых отчетливо выделялся. К примеру, колонны оформили последовательными цветовыми квинтами, гармонирующими с основным цветом стен.

Казалось, перед ней разлилась симфония оттенков. Дворец явно строили для того, кто достиг третьего возвышения, потому что только такой человек мог увидеть идеальный резонанс. Для остальных же... все было просто красным.

Они прошли мимо красного дворца по дороге к арене. В жизни халландренских богов развлечения занимали центральное место. Нельзя ожидать от высших существ, что они будут тратить свое время на что-то полезное. Для них часто устраивали представления во дворцах или на лужайке внутреннего двора, но для особенно значительных событий предназначалась арена, которая также служила местом законодательных дебатов. Сегодня жрецы устроят диспут, чтобы развлечь своих богов.

Вивенна и Парлин ожидали своей очереди в толпе у входа. Вивенна бросила взгляд на другие ворота. Почему через них никто не проходит. Ответом ей стала фигура мужчины, появившегося у ворот. Он шел в окружении слуг, несколько из них несли над ним полог. Все были одеты в синее с серебром, как и их господин, на голову возвышавшийся над остальными. От него исходила такая мощная биохроматическая аура, какую Вивенне еще не доводилось видеть, хотя, надо признать, она обрела способность замечать ее всего несколько часов назад. Окружавший его ореол усиленного цвета был огромным и простирался почти на тридцать футов. Для достигших первого возвышения такое количество дыханий казалось несметным. Неизмеримым. Впервые Вивенна своими глазами увидела, что возвращенные и правда отличаются от всех остальных. Они были не просто мощными пробуждающими – казалось, что у них только одно дыхание, но настолько сильное, что им открывались высшие возвышения.

Бог вошел в арену через открытые ворота. Вивенна проводила его взглядом, и восхищение рассеялось. Сколько презрения и высокомерия было в осанке бога, когда он беспрепятственно прошел мимо людей, ожидающих своей очереди у входа.

«Чтобы сохранить жизнь, – подумала Вивенна, – он должен каждую неделю поглощать чужое дыхание».

Она позволила себе расслабиться и теперь ощутила, как возвращается отвращение. Цвета и великолепие не могли скрыть его огромное тщеславие, равно как и нечестивое существование в качестве паразита, живущего за счет простых людей.

Бог исчез внутри арены. Вивенна подождала, размышляя о собственной биохроме и ее значении. К ее изумлению стоящий рядом человек внезапно оторвался от земли.

Он взмыл ввысь с помощью необычно длинного плаща. Ткань затвердела, приобрела некоторое сходство с рукой и удерживала хозяина на такой высоте, чтобы он мог смотреть поверх толпы.

«Как он это делает?»

Вивенна знала, что дыхание может оживлять предметы, но что входило в понятие «оживлять»? Казалось, что волокна ткани напряглись, как мускулы. Но как плащ мог поднять нечто намного тяжелее его самого?

Человек опустился на землю, пробормотал что-то, чего Вивенна не расслышала, и его биохроматическая аура усилилась, когда он втянул дыхание из плаща.

– Скоро опять начнем продвигаться, – сообщил он своим приятелям. – Толпа впереди рассасывается.

Толпа и в самом деле начала продвигаться, и вскоре Вивенна с Парлином оказались внутри арены. Они прошли между каменными скамьями, выбирая место, где поменьше народу. Вивенна пробежалась взглядом по ложам наверху. Строение было богато украшенным, но не слишком большим, и она почти сразу отыскала Сири.

Когда она увидела сестру, ее сердце сжалось.

«Сестренка! – Вивенну прошиб холодный пот. – Моя бедная сестренка!»

Сири была одета в непристойное золотистое платье с подолом выше колен и глубоким вырезом. Даже Сири всегда удавалось сохранять волосы темно-каштановыми, но теперь они светились от радости золотом и пестрели красными лентами. Ее окружала толпа служанок.

– Посмотри, что с ней сделали! – произнесла Вивенна. – Должно быть, ее запугали до бесчувствия! Заставили надеть это платье и изменить цвет волос в тон к нему...

«Заставили стать рабыней короля-бога».

Парлин сжал квадратные челюсти. Он редко злился, но сейчас весь пылал от гнева, и Вивенна была с ним солидарна. Сири использовали, выставляли как некий трофей. Вивенне это показалось символичным: халландренцы дали понять, что могут помыкать скромной и невинной идрисской девушкой как им вздумается.

«Я поступаю правильно, – подумала Вивенна с растущей уверенностью. – Приезд в Халландрен был верным решением. Лемекс умер, но мне нужно двигаться вперед. Я должна найти способ. Должна спасти сестру».

– Вивенна? – окликнул Парлин.

– Да? – рассеянно отозвалась она.

– Почему все начали кланяться?

***

Сири лениво поигрывала кисточкой на платье. Последний бог занял место в своей ложе.

«Двадцать пять, – подумала она. – Вроде бы все».

Внезапно все зрители поднялись и начали опускаться на колени. Сири вскочила, изумленно оглядываясь. Что она пропустила? Прибыл король-бог или случилось еще что-то? Даже боги преклоняли колена, хотя и не простирались ниц, как обычные смертные. Казалось, они все кланяются Сири.

«Какой-нибудь ритуал приветствия новой королевы?»

А затем она поняла. Ее платье взорвалось цветом, камень под ногами заблестел, сама кожа засияла. Белый кубок перед ней ослепительно вспыхнул, и струящийся свет будто преломился, заиграв всеми цветами радуги.

Простершаяся ниц служанка дернула Сири за рукав.

– Сосуд, – прошептала она, – позади вас!

Глава 15

Затаив дыхание, Сири повернулась. Он стоял прямо за ней, но она понятия не имела, как он прибыл. Позади не было входа, только каменная стена.

Он был облачен в белое. Этого Сири не ожидала. Белый цвет под действием его биохромы каким-то образом преломлялся подобно свету, проходящему через призму. Сири видела это и раньше, но теперь, при дневном освещении, наконец могла рассмотреть все как следует. Вокруг его одежды сформировался радужный ореол.

И он был молод. Намного моложе, чем ей показалось во время их встреч в полумраке. Король-бог правил в Халландрене уже несколько десятков лет, но стоящий перед ней человек выглядел не старше двадцати. Она с благоговением уставилась на него, приоткрыв рот и растеряв все слова, которые собиралась произнести. Этот человек и правда был богом. Даже воздух вокруг него искажался. Как она могла этого не видеть? Как посмела так себя вести? Сири почувствовала себя дурой.

Он изучал ее с непроницаемым выражением лица и своей выдержкой напомнил Сири Вивенну. Вивенна не стала бы вести себя так воинственно. Вивенна по праву заслуживала брака с таким величественным существом.

Служанка шикнула и снова дернула Сири за платье. Сири запоздало коснулась коленями каменного пола. Длинный шлейф ее платья тихонько колыхался на ветру.

***

Аврора Соблазна послушно преклонила колени на подушечке. Гимн, однако, остался стоять, глядя на едва различимого человека на противоположной стороне арены. Король-бог облачился в белое, как и всегда, когда хотел добиться драматического эффекта. Он единственный во всем мире достиг десятого возвышения, и у него была такая сильная аура, что он мог вытягивать цвет даже из бесцветных предметов.

Аврора взглянула на Гимна.

– Зачем мы преклоняем колени? – спросил он.

– Это наш король! – прошипела богиня. – Опустись, глупец.

– А что будет, если не опущусь? – отозвался он. – Меня нельзя казнить. Я бог.

– Ты повредишь нашему делу!

«Нашему делу? – подумал Гимн Света. – Всего один разговор, и я уже часть ее планов?»

Однако он не был настолько глуп, чтобы без необходимости навлекать на себя гнев короля-бога. Зачем рисковать замечательной жизнью, в которой тебя носят в кресле, чтобы ты не промочил ноги под дождем, и колют для тебя орехи? Гимн опустился на колени на подушечку. Превосходство короля-бога было так же условно, как и божественность самого Гимна. И то, и другое – часть великой игры в притворство.

Но он знал, что воображаемые вещи часто становятся единственной реальностью в человеческой жизни.

Учащенно дыша, Сири стояла на коленях перед мужем. Вся арена замерла. Взгляд Сири был направлен в пол, но перед глазами все равно маячили белые сандалии Сезеброна. Даже ремешки на обуви распространяли вокруг радужную ауру.

По обе стороны от короля-бога упали два клубка пестрой веревки. На глазах Сири они размотались сами по себе, осторожно обвили Сезеброна и подняли его в воздух. Белые одежды короля развевались на ветру. Подавшись вперед, Сири наблюдала за тем, как веревки доставили ее мужа на каменный выступ. Сезеброн расположился на золотом троне. Стоящие рядом с ним два пробуждающих жреца приказали живым веревкам обернуться вокруг своих рук и плеч.

Король-бог вскинул руку. Люди поднялись с колен, расселись по местам и вернулись к прерванным разговорам.

«Так значит... он не собирается сидеть рядом со мной», – подумала Сири, вставая.

С одной стороны, она испытала облегчение, с другой – разочарование. Она только начала преодолевать благоговейный страх перед Халландреном и своим браком с богом. А теперь он появляется, и она снова испытывает потрясение. Взбудораженная Сири села и невидящим взором уставилась на толпу, не замечая вышедших на арену жрецов.

Что она думала о Сезеброне? Он не мог быть богом. Настоящим богом. Или же мог?

Остре – истинный Бог людей, тот, кто посылает возвращенных. Халландренцы тоже веровали в него до Всеобщей войны и изгнания королевской семьи. Только после этого они совершили грехопадение, став язычниками, поклоняющимися Радужным Тонам: биохроматическому дыханию, возвращенным и искусству в целом.

И все же Сири никогда не видела Остре. Ей преподавали его учение, но что подумали бы люди о существовании вроде короля-бога? Она не могла игнорировать божественный ореол цвета. Сири начала понимать, почему народ Халландрена обратил взоры к возвращенным, ища у них божественного руководства после того, как их самих чуть не уничтожили враги и спасло только дипломатическое мастерство Дарителя Мира Благословенного.

Со вздохом она отвела взгляд в сторону и увидела поднимавшегося к ней в ложу человека. Это был Синепалый с перепачканными чернилами руками. Как всегда, он что-то писал на ходу. Подняв взгляд на короля-бога, писец кивнул самому себе и сделал в книге очередную пометку.

– Вижу, его бессмертное величество занял свое место, а вас все могут рассмотреть как следует, Сосуд.

– Рассмотреть?

– Конечно, – ответил Синепалый. – Это главная цель вашего присутствия. Когда вы прибыли, у возвращенных не было возможности вас увидеть.

Сири пошевелилась, выпрямляя спину.

– А разве они не должны следить за жрецами на арене? Я имею в виду, вместо того чтобы разглядывать меня.

– Возможно, – ответил Синепалый, не поднимая взгляда от книги. – Но мой опыт подсказывает, что они редко делают то, что должны.

Его слова прозвучали без особого почтения.

Сири замолчала, задумавшись. Синепалый так и не объяснил странное предупреждение, сказанное в ту ночь.

«Здесь многое не то, чем кажется».

– Синепалый, – произнесла она. – Помните, что вы мне сказали тогда вечером? То преду...

Он бросил на нее быстрый настойчивый взгляд, заставляя замолчать, и вернулся к книге. Намек был предельно ясен – не сейчас.

Сири вздохнула, подавив желание развалиться в кресле. Внизу, на небольших помостах стояли жрецы в одеждах разных цветов и о чем-то спорили, не обращая внимания на морозящий дождь. Она хорошо их слышала, но мало что понимала: обсуждали что-то связанное с городским мусором и сточными водами.

– Синепалый, они и правда боги? – спросила она.

Управляющий помедлил, но все же оторвал взгляд от книги:

– Сосуд?

– Возвращенные. Вы действительно думаете, что они божества? Что они могут видеть будущее?

– Я... думаю, не меня об этом спрашивать, Сосуд. Давайте я позову кого-нибудь из жрецов. Он ответит на все ваши вопросы. Минутку...

– Нет, – остановила его Сири. – Мне не нужно мнение жреца. Я хочу послушать обычного человека вроде вас. Простого верующего.

Синепалый нахмурился.

– Прошу прощения, Сосуд, но я не верую в возвращенных.

– Но вы работаете во дворце.

– А вы в нем живете, Сосуд. Но оба мы не поклоняемся Радужным Тонам. Вы из Идриса, я – из Пан-Каля.

– Пан-Каль – то же самое, что Халландрен.

Синепалый поднял бровь и поджал губы.

– На самом деле, Сосуд, они сильно различаются.

– Но вами правит король-бог.

– Мы приняли его как короля, но не поклоняемся как богу. Это одна из причин, почему я дворцовый управляющий, а не жрец.

«Его одежда, – поняла Сири. – Наверное, поэтому он всегда носит коричневое».

Она повернулась к жрецам на песке. На них были одежды разных цветов, и она решила, что каждый представляет кого-то из возвращенных.

– Так что вы о них думаете?

– Хорошие люди, – ответил Синепалый, – но сбились с пути. Примерно как и вы, Сосуд.

Она посмотрела на управляющего, но тот уже снова уткнулся в свою книгу. Он был не из тех, с кем легко вести беседы.

– Но как вы объясните сияние короля-бога?

– Биохрома, – отозвался Синепалый без тени раздражения в голосе, продолжая писать. Очевидно, он привык к тому, что его отвлекают.

– Остальные возвращенные не умеют преломлять белый цвет, как он?

– Нет, – подтвердил Синепалый, – не умеют. Однако у них нет такого количества дыханий.

– Так он все же отличается, – кивнула Сири. – Почему он таким родился?

– Он таким не родился, Сосуд. Сила короля-бога исходит не от присущей возвращенным биохромы – в этом он не отличается от остальных. У него есть нечто иное – Свет Мира. Этим поэтичным словом называют кладезь дыханий, исчисляемых десятками тысяч.

«Десятками тысяч?» – изумилась Сири.

– Так много?

Синепалый рассеянно кивнул.

– Говорят, что только короли-боги достигают десятого возвышения. Именно это заставляет свет преломляться вокруг них и дает им другие способности. Например, они могут отменять приказы безжизненных и пробуждать предметы одним голосом, не прикасаясь к ним. Эти силы исходят не столько от божественности, сколько просто от огромного количества дыханий.

– Но откуда он их получил?

– Большая часть изначально принадлежала Дарителю Мира Благословенному, – пояснил Синепалый. – Он собрал тысячи дыханий в дни Всеобщей войны и передал их первому королю-богу Халландрена. Веками сокровище переходило от отца к сыну и росло, поскольку король-бог каждую неделю получает два дыхания, а не одно, как другие возвращенные.

– Вот как, – вырвалось у Сири. Она откинулась на спинку, чувствуя странное разочарование. Оказывается, Сезеброн не бог, а просто человек с очень большим количеством дыханий.

Но... кто же тогда эти возвращенные? Сири озадаченно скрестила руки. Ей никогда не приходилось объективно оценивать свою веру. Остре был просто... ну, Богом. Когда речь заходит о Боге, не до расспросов. Возвращенные были не настоящими божествами, а узурпаторами, изгнавшими из Халландрена последователей Остре.

Но все равно такими величественными. Почему королевская семья бежала из Халландрена? Сири помнила официальную версию, которой учили в Идрисе: правители не поддержали конфликты, которые в итоге привели к Всеобщей войне, и потому народ взбунтовался. Восстание возглавил Калад Узурпатор.

Калад. Сири пропустила большинство уроков, но даже ей было известно, кто это такой. Именно Калад вверг халландренцев в ересь и научил создавать безжизненных. Он собрал из них могущественную армию, равной которой не было на свете. Легенды

гласили, что новые безжизненные Калада были намного более опасными и необычными. Жестокие существа, несущие разрушение. В конце концов Даритель Мира покончил с Каладом и завершил Всеобщую войну дипломатическим путем.

Говорили, что армия Калада все еще существует. Что она где-то затаилась и ждет, чтобы снова приняться сеять смерть и разрушения. Сири знала, что это просто одна из тех легенд, которые рассказывают у камина, но сама мысль о них вызывала дрожь.

Так или иначе, Даритель Мира захватил власть и остановил Всеобщую войну. Однако он не вернул Халландрен законным правителям. В идрисских летописях речь шла о предательстве. Монахи говорили о ереси, слишком глубоко укоренившейся в Халландрене.

Конечно, у халландренцев была своя версия этой истории. Глядя на возвращенных в ложах, Сири задумалась. Одно было очевидно: Халландрен определенно не настолько ужасен, как ее учили.

***

Вивенна сжалась, когда вокруг нее сгрудились люди в пестрой одежде.

«Здесь еще хуже, чем говорили наставники», – решила она, ерзая на скамье. Похоже, толпа уже не так сильно пугала Парлина, и он сосредоточенно слушал жрецов на арене.

Она так и не определилась, считать ли свое дыхание ужасным или чудесным. Постепенно Вивенна склонялась к тому, что оно ужасно именно потому, что кажется ей чудесным. Чем больше была толпа вокруг, тем сильнее ее ошеломляло обостренное дыханием восприятие людей. Если бы Парлин мог ощутить всю безграничность этих красок, он бы так не пялился на наряды. Если бы он мог чувствовать людей, то ощущал бы себя зажатым со всех сторон и не смог дышать.

«Ну все, – решила Вивенна. – Я увидела Сири и знаю, что с ней сделали. Пора уходить».

Она встала, повернулась и застыла.

Двумя рядами выше стоял мужчина. Он не сводил с нее глаз. В обычном состоянии она бы не обратила на него внимания. На нем была потрепанная коричневая одежда, свободные штаны подпоясаны простой веревкой. Лицо заросло то ли щетиной, то ли уже короткой бородой, а спутанные волосы достигали плеч.

Ореол цвета вокруг него был таким ярким, что это указывало на пятое возвышение. Мужчина встретился с ней взглядом, и Вивенну затопила паника: ей вдруг показалось, что ему точно известно, кто она такая.

Она отшатнулась, но странный незнакомец не отвел взгляда. Шевельнувшись, он откинул плащ. На его поясе висел большой меч с черным эфесом. В Халландрене мало кто носил оружие, но незнакомца это не волновало. Как он пронес эту штуку во Двор? Люди обходили его стороной, и Вивенна могла поклясться, что с этим мечом что-то не так. Казалось, он затемняет цвета. Делает их гуще. Превращает бежевый в коричневый, красный в бордовый, синий в темно-синий. Словно он обладает собственной биохромой...

– Парлин, – бросила она более резко, чем хотела, – мы уходим.

– Но...

– Сейчас же. – Вивенна развернулась и бросилась прочь.

Ее новообретенные биохроматические чувства подсказали, что незнакомец все еще смотрит на нее. Теперь она поняла, что ей было не по себе именно от его взгляда.

«Наставники об этом говорили, – вспомнила Вивенна, пока они с Парлином пробирались к одному из ведущих к выходу каменных коридоров. – Ощущение жизни – способность чувствовать присутствие людей и замечать слежку. Оно есть у всех, но биохрома его усиливает».

Когда они вошли в коридор, ощущение взгляда исчезло, и Вивенна облегченно вздохнула.

– Не понимаю, почему ты решила уйти, – сказал Парлин.

– Мы увидели то, что нужно, – ответила Вивенна.

– А я думал, ты захочешь послушать, что там жрецы говорят про Идрис.

Вивенна похолодела.

– Что?!

Парлин нахмурился с явным недоумением.

– Кажется, они сказали, что объявляют войну. Разве мы не заключили соглашение?

«Владыка Цвета!» – пронеслось в голове у Вивенны, и она бросилась обратно к арене.

Глава 16

– ...по-прежнему говорю, что мы никак не сможем оправдать военные действия против Идриса! – кричал выступающий.

Он был облачен в синее с золотом – верховный жрец Наблюдателя Спокойствия. Гимн Света попытался припомнить его имя. Нанрова?

Выступление жреца не стало неожиданностью. Гимн подался вперед. Нанрова и его господин Наблюдатель Спокойствия были убежденными традиционалистами. Обычно они оспаривали любое предложение, но их уважали. Наблюдатель был почти так же стар, как Аврора, и его считали мудрым. Гимн потер подбородок.

Против Нанровы выступала Инханна, верховная жрица Авроры Соблазна.

– Да неужто? – воскликнула женщина, расхаживая по песку. – К чему опять этот спор? Идрис – всего лишь анклав мятежников внутри нашего королевства!

– Они никого не трогают, – напомнил Нанрова. – И нам не нужны их земли.

– Не нужны?! – вскричала Инханна, брызжа слюной. – Они контролируют все перевалы, ведущие к северным королевствам! Все действующие медные рудники! Их военные гарнизоны расположены на расстоянии возможного удара от Т’Телира! И они по-прежнему утверждают, что ими правят законные короли Халландрена!

Нанрова замолчал, а слушающие жрецы отозвались неожиданно громким одобрительным шумом. Гимн оглядел их.

– Ты заслала туда своих сторонников? – спросил он.

– Конечно, – ответила Аврора. – Как и другие. Я просто справилась получше.

Дебаты продолжились. Выступающие по очереди поднимались на помост и высказывались за или против нападения на Идрис. Жрецы выражали интересы народа: в их обязанности входило прислушиваться к людям и изучать вопросы государственной важности, а потом обсуждать их, чтобы держать в курсе дел богов, которые не имели возможности покидать Двор и общаться с горожанами. Если возникал спор, боги могли его рассудить. Боги делились на группы, отвечающие за определенные сферы. Одни занимались городскими проблемами, другие – соглашениями и переговорами.

Идрис не впервые становился темой обсуждения, однако Гимн не мог припомнить такой прямолинейной и жесткой дискуссии. Говорили об ограничениях. Блокаде. Даже о военном давлении. Но война? Никто еще не произнес этого слова, но все понимали, о чем ведут спор жрецы.

Гимн не мог прогнать образы из снов – видения о смерти и боли. Он не считал их пророчествами, но признавал, что они могли быть как-то связаны с тем, что волнует подсознание. Он боялся последствий войны. Наверное, он просто трус. Похоже, подавление Идриса решит множество проблем.

– Это ты стоишь за этим спором? – спросил он, поворачиваясь к Авроре.

– За этим спором? – сладко проговорила она. – Гимн, дорогой, жрецы сами решают, что обсуждать. Боги не утруждают себя такими приземленными вещами.

– Не сомневаюсь, – ответил он, откидываясь назад. – Тебе нужны мои приказы для безжизненных.

– Я бы так не сказала, – заметила Аврора. – Я просто хочу, чтобы ты знал, на случай...

Она осеклась, заметив, что Гимн сидит со скучающим видом.

– А, Цвета! – выругалась она. – Конечно, мне нужны твои приказы, Гимн. Иначе зачем я так стремилась затащить тебя сюда? Знаешь, тобой очень трудно манипулировать.

– Ерунда, – сказал он. – Достаточно пообещать, что мне не придется ничего делать, и я сделаю все, что ты хочешь.

– Все?

– Все, если не придется ничего делать.

– Но тогда твоя помощь – ничто.

– Правда?

– Да.

– Ну это уже хоть что-то!

Аврора закатила глаза.

Гимн был встревожен сильнее, чем показывал. Никогда еще аргументы в пользу войны не звучали так убедительно. Нашлись доказательства того, что в Идрисе наращивают армию, и в последнее время горцы ужесточили пропуск через перевалы. Кроме того, в народе крепло убеждение в том, что новые поколения возвращенных стали слабее предыдущих. Не слабее в отношении биохромы, просто менее... божественны. Менее великодушны, менее мудры. Гимн был склонен согласиться.

Прошло три года с тех пор, как возвращенный отдал жизнь, чтобы кого-то исцелить. В народе росло недовольство богами.

– Есть что-то еще, да? – спросил он, глядя на Аврору, которая изящно вытянулась на диванчике и смаковала вишни. – О чем они умалчивают?

– Гимн, дорогой. Ты был прав. Присутствие на заседании тебя определенно портит.

– Я просто не люблю тайны, – пояснил он. – Они вызывают у меня зуд в мозгу, и я от этого плохо сплю. Заниматься политикой – это все равно что срывать повязку с раны – лучше сделать это быстро и перетерпеть боль.

Аврора поджала губы.

– Натянутое сравнение, дорогой мой.

– Боюсь, это лучшее, на что я сейчас способен. Ничто так не морочит голову, как политика. Так ты говоришь, что...

Она фыркнула.

– Я уже сказала. Все дело в этой женщине.

– В королеве, – ответил он, глядя на ложу короля-бога.

– Они прислали не ту, – объяснила Аврора. – Младшую, а не старшую.

– Знаю, – отозвался Гимн. – Умный ход.

– Умный? – переспросила богиня. – Просто блестящий! Ты знаешь, сколько за эти двадцать лет ушло средств на то, чтобы шпионить, наблюдать и как можно больше узнать о старшей дочери? Самые предусмотрительные из нас шпионили даже за средней дочерью, которая стала монахиней. Но младшая? О ней никто даже не подумал.

«Итак, идрисцы прислали ко Двору темную лошадку, – подумал Гимн Света. – И она рушит планы и коварные замыслы, которые наши политики вынашивали десятилетиями».

Поистине блестяще.

– Никто о ней ничего не знает, – нахмурилась Аврора. Сюрприз ей явно не понравился. – Мои идрисские шпионы уверяют, что эта девушка не является важной фигурой, так что, боюсь, она еще опаснее, чем я предполагала.

Гимн поднял бровь.

– А тебе не кажется, что ты слегка преувеличиваешь?

– Разве? – спросила богиня. – А скажи мне, что бы ты сделал, если бы захотел внедрить агента? Наверное, выставил бы на виду подсадную утку, чтобы отвлечь внимание от настоящего агента, которого тем временем тайно обучали для подпольной деятельности?

Гимн потер подбородок.

«В этом есть смысл». Может быть. Жизнь среди интриганов заставляла видеть заговоры повсюду. Однако обрисованная Авророй ситуация могла оказаться реальной. Можно ли найти лучший способ приблизить убийцу к королю-богу, чем женить его на ней?

Нет, не может быть. Убийство короля-бога просто взбесит халландренцев. Но если они пошлют женщину, искусственную в искусстве манипуляции, – женщину, которая сможет тайно отравить разум короля-бога...

– Мы должны быть готовы действовать, – сказала Аврора. – Я не стану просто сидеть и смотреть, как мое королевство рушится у меня на глазах. Я не позволю вышвырнуть нас вон, как королевскую семью! Ты контролируешь четверть безжизненных – это десять тысяч солдат, которым не нужна еда и которые не ведают усталости. Если мы убедим присоединиться к нам еще троих богов, владеющих приказами...

На секунду задумавшись, Гимн кивнул и встал.

– Ты куда собрался? – спросила богиня, выпрямляясь в кресле.

– Хочу прогуляться.

– Куда?

Взгляд Гимна был устремлен на королеву.

– Ох, Цвета милостивые, – вздохнула Аврора. – Гимн, ты все испортишь. Мы должны действовать очень тонко.

– Я справлюсь в лучшем виде.

– Я ведь не смогу отговорить тебя идти туда?

– Дорогая моя, – оглянулся он. – Надо хотя бы познакомиться с ней. Нет ничего хуже, чем быть свергнутым человеком, с которым ты даже словом не перемолвился.

***

Синепальй ушел посреди заседания. Захваченная дискуссией жрецов Сири этого не заметила.

Наверное, она неправильно поняла. Они ведь не думают о нападении на Идрис? Какой в этом смысл? Что получит Халландрен? Обсуждение подходило к концу, и Сири повернулась к одной из служанок:

– О чем они говорили?

Женщина опустила глаза и не ответила.

– Мне показалось, что они обсуждают войну, – произнесла Сири. – Они ведь не собираются нападать, правда?

Замявшись, женщина перевела взгляд на другую служанку. Та поспешила прочь и вскоре вернулась с Треледисом. Сири слегка наморщила лоб. Ей не нравилось разговаривать с этим человеком.

– Да, Сосуд? – спросил жрец, глядя на нее с обычной надменностью.

Сири сглотнула и решила не обращать внимания на его тон.

– Эти жрецы, – сказала она. – Что они только что обсуждали?

– Вашу родину, Сосуд. Идрис.

– Это я поняла. Что им нужно от Идриса?

– Как мне показалось, Сосуд, они спорили о том, стоит ли напасть на мятежную провинцию и установить над ней должную власть.

– Мятежную провинцию?

– Да, Сосуд. Ваш народ бунтует против остального королевства.

– Но это вы восстали против нас!

Треледис поднял бровь.

«И впрямь разный взгляд на историю», – подумала Сири.

– Признаю, что кто-то может думать как вы, – сказала она. – Но... вы ведь не нападете на нас, правда? Условие соглашения выполнено – вам прислали королеву. И поэтому следующий король-бог будет королевской крови.

«Если, конечно, нынешний король-бог вообще решит консумировать наш брак...»

Треледис просто пожал плечами.

– Это не стоит внимания, Сосуд. Просто боги должны быть в курсе текущей политической обстановки в Т'Телире.

Сказанное не слишком успокоило Сири. Она поежилась. Что же ей делать? Попытаться убедить их не нападать на Идрис?

– Сосуд, – произнес Треледис.

Она посмотрела на жреца. Его остроконечный головной убор был так высок, что задевал полог. По контрасту с великолепием красочного города продолговатое лицо Треледиса выглядело еще мрачнее.

– Да? – отозвалась Сири.

– Боюсь, я должен обсудить с вами весьма деликатный вопрос.

– Какой именно?

– Вы знаете, что такое монархия, – сказал он. – Собственно, вы – дочь короля. Полагаю, вам известно, насколько важно для правительства иметь надежную и стабильную систему престолонаследования.

– Полагаю, да.

– Поэтому, – сказал Треледис, – вы понимаете, насколько важно как можно быстрее обеспечить наследника.

Сири зарделась.

– Мы над этим работаем.

– При всем уважении, Сосуд, – заметил Треледис, – существует некоторое сомнение насчет того, действительно ли вы работаете.

Сири вспыхнула еще сильнее, ее волосы покраснели, и она отвернулась от бесцеремонного взгляда.

– Разумеется, подобные вопросы не выходят за стены дворца, – заверил верховный жрец. – Вы можете положиться на благоразумие наших слуг и жрецов.

– Откуда вам знать? – подняла голову Сири. – В смысле, про нас. Может, мы... работаем. Может, вы получите наследника раньше, чем думаете.

Треледис медленно моргнул, глядя на нее как на бухгалтерскую книгу, которую надо заполнить.

– Сосуд, – сказал он. – Вы действительно считаете, что мы взяли незнакомую чужестранку, приблизили ее к нашему самому священному богу и оставили без присмотра?

От ужаса у Сири перехватило дыхание.

«Конечно! – пронеслось у нее в голове. – Конечно, они присматривали. Чтобы я не навредила королю-богу и чтобы удостовериться, что все идет согласно плану».

Было неприятно обнаженной падать ниц перед мужем, но еще хуже оказалось то, что за всем этим наблюдали люди вроде Треледиса. Люди, которые видели в ней досадную неприятность, а не женщину. Сири невольно съежилась, прикрыв руками низкий вырез.

– Послушайте, – наклонился к ней Треледис. – Мы понимаем, что король-бог может не соответствовать вашим ожиданиям. С ним даже может быть... трудно работать. Однако вы женщина и должны знать, как своим шармом побудить его к действию.

– Как я могу «побудить», если мне нельзя ни говорить с ним, ни смотреть на него? – огрызнулась Сири.

– Я уверен, что вы найдете способ, – сказал Треледис. – У вас во дворце только одна задача. Хотите защитить свой Идрис? Что ж, дайте жрецам короля-бога то, что нам нужно, и мы отнесемся с пониманием к вашим мятежникам. Мы, служители богов, наделены немалым влиянием при дворе и можем сделать многое для безопасности вашей родины. Мы просим лишь об исполнении единственного долга. Дайте нам наследника. Обеспечьте королевству стабильность. Халландрен не так... сплочен, как может показаться на первый взгляд.

Сири по-прежнему сутулилась, не глядя на Треледиса.

– Думаю, вы понимаете, – сказал он. – Я полагаю, что...

Он осекся и повернулся. К ложе Сири приближалась процессия людей, облаченных в красное с золотом, во главе с высоким человеком, который заставлял цвета ярко вспыхивать.

Нахмурившись, Треледис перевел взгляд на Сири:

– Мы поговорим еще раз, если возникнет необходимость. Исполняйте свой долг, Сосуд. Иначе мы примем меры.

С этими словами жрец удалился.

***

Она не казалась опасной. И это более чем что-либо другое заставляло Гимна верить опасениям Авроры.

«Я слишком долго был при дворе, – подумал он, учтиво улыбаясь королеве. – Собственно, всю жизнь».

Она оказалась маленькой и гораздо моложе, чем он ожидал, – почти девочка. Королева выглядела напуганной. Кивнув ей, Гимн подождал, пока жрецы поставят для него кресло, затем уселся и принял от служанок королевы виноград, хотя не был голоден.

– Ваше величество, – сказал он. – Вне всяких сомнений, я очень рад познакомиться с вами!

Девушка замялась.

– Вне всяких сомнений?

– Фигура речи, дорогая моя, – отозвался Гимн. – Довольно бесполезная... но уместная, поскольку я сам изрядно бесполезная личность.

Она склонила голову набок.

«Цвета! – подумал Гимн, вспомнив, что для нее только что завершился период уединения. – Похоже, я пока единственный возвращенный, с кем она познакомилась, не считая короля-бога. Первое впечатление вышло неудачным».

Но ничего не поделаешь. Он таков, каков есть. Кем бы он ни был.

– Рада познакомиться с вами, ваша милость, – медленно сказала она, взглянула на шепнущую имя служанку и с улыбкой закончила: – Гимн Света Смелый, Повелитель Героев.

Она явно нерешительна. Либо ее не учили держаться в официальных ситуациях, во что с трудом верилось, так как девушка воспитывалась во дворце, либо она очень хорошая актриса. Гимн задумался.

Прибытие принцессы должно было положить конец спорам о войне, но вместо этого они обострились. Гимн держал глаза открытыми, ибо боялся, что даже если просто моргнет, то перед ним снова промелькнут картины разрушения из его снов. Они выжидали где-то поблизости, подобно Фантомам Калада.

Он не хотел признавать эти видения пророчествами. Потому что это означало бы, что он – бог. И в этом случае он сильно боялся за будущее.

Отгнав страхи, он одарил королеву очередной чарующей улыбкой и забросил в рот виноградину.

– Не нужно вести себя так официально, ваше величество. Вы скоро поймете, что среди возвращенных я самый ничтожный. Если б коровы могли возвращаться, они бы несомненно оказались по рангу выше меня.

Она снова замялась, не зная, как с ним себя вести. Обычная реакция.

– Могу ли я осведомиться о причине вашего визита? – спросила она.

Держится слишком формально. Напряженно. Смущена присутствием высокопоставленных персон. Может быть, она не притворяется? Нет. Вероятно, она ведет себя так, чтобы он утратил бдительность и недооценил ее. Или он просто слишком много думает?

«Цвета тебя побери, Аврора! – подумал он. – Я не хочу в этом участвовать».

Он уже собрался уходить. Но так он показал бы себя не с лучшей стороны, а несмотря на все его утверждения, Гимн Света любил выставлять себя с лучшей стороны.

«Надо быть полюбезнее, – подумал он с ленивой улыбкой. – Тогда, если она и приберет к рукам королевство, то, возможно, меня обезглавит последним».

– Вы спрашиваете о причине моего визита? – отозвался он. – Боюсь, причины нет, ваше величество. Кроме попытки вести себя естественно, которую я успешно провалил, пялясь на вас слишком долго и размышляя о вашем положении в этом беспорядке.

Королева снова нахмурилась.

Гимн бросил в рот виноградину.

– Чудесные штучки, – сказал он, беря еще одну. – Восхитительно сладкие, в собственной маленькой обертке. Но и обманчивые – твердые и сухие снаружи, но такие вкусные внутри. Не правда ли?

– У нас в Идрисе... не очень много винограда, ваша милость.

– Я, кстати, совсем другой, – заметил он. – Мягкий и приятный снаружи, но не слишком значительный внутри. Но, думаю, это к делу не относится. На вас, моя дорогая, весьма приятно смотреть. Куда приятнее, чем на виноград.

– Я... как это, ваша милость?

– У нас долго не было королевы, – пояснил Гимн. – По крайней мере, после моего возвращения. А старина Сезеброн и впрямь уже расхандрился во дворце. Выглядел одиноким. Хорошо, что в его жизнь вошла женщина.

– Благодарю за комплимент, ваша милость, – ответила королева.

– Всегда пожалуйста. Я придумаю еще, если вам понравилось.

Она молчала.

«Что ж, вот оно как, – со вздохом подумал он. – Аврора была права. Видимо, мне не стоило сюда приходить».

– Так, ладно! – Королева всплеснула руками, и ее волосы внезапно стали красными. – Что тут вообще происходит?

Он опешил.

– Ваше величество?

– Вы надо мной смеетесь?

– Вероятно.

– Но вы же должны быть богом! – заявила она, откинувшись назад и уставившись на навес. – Я только решила, что начинаю разбираться в этом городе, как жрецы начали на меня орать, а потом являетесь вы! И что мне с вами делать? Вы похожи больше на школяра, чем на бога!

Помедлив, Гимн Света с улыбкой устроился поудобнее на сиденье.

– Вы меня разоблачили, – сказал он, разводя руками. – Я убил настоящего бога и занял его место. Я пришел, чтобы пленить вас и потребовать выкуп сладостями.

– Вот они, – указала королева. – Разве вы не должны быть... не знаю, выдающимся или что-то вроде того?

Он сделал жест руками.

– Дорогая моя, как раз это Халландрене и означает быть выдающимся.

Кажется, слова ее не убедили.

– Конечно, я вру и не краснею, – заметил Гимн, поедая виноград. – Не следует переносить на других то мнение, которое у вас сложилось обо мне. Остальные гораздо божественнее меня.

Королева закатила глаза.

– А я-то думала, что вы – бог смелости.

– Формально.

– Мне вы больше кажетесь богом шутов.

– Я пытался занять этот пост, но меня не приняли, – сообщил он. – Видели бы вы того, кто исполняет эту работу. Твердолобый как скала и такой же уродливый.

Сири молчала.

– В этом я не соврал, – заверил Гимн. – Дар Радости, бог веселья. Если есть бог, который меньше соответствует своему посту, чем я, так это он.

– Я вас не понимаю, – признала она. – Кажется, я здесь очень многого не понимаю.

«Она не притворяется, – подумал Гимн, глядя в юные озадаченные глаза. – Или же самая лучшая актриса, какую я когда-либо видел».

Это что-то значило. Что-то важное. Возможно, существовала какая-то прозаическая причина прислать эту девушку вместо ее сестры. Например, болезнь старшей дочери. Но Гимн на это не купится – она является частью чего-то... заговора, может, нескольких. И какими бы ни были эти заговоры, девочка о них не знала.

«Фантомы Калада! – выругался про себя Гимн. – Это дитя разорвут на части и скормят волкам!»

Но что он может сделать? Вздохнув, Гимн встал, и жрецы принялись собирать его вещи. Девушка в замешательстве наблюдала. Он кивнул ей, подарив на прощание легкую улыбку. Она встала и сделала легкий реверанс, хотя, вероятно, и не должна была. Все же она королева, пусть и не возвращенная.

Гимн собрался уходить, но вдруг остановился, вспомнив свои первые месяцы при дворе и испытанную тогда растерянность. Наклонившись, он мягко сжал ее плечо и прошептал:

– Не дай им добраться до тебя, дитя.

И с этими словами ушел.

Глава 17

По дороге к дому Лемекса Вивенна размышляла о дебатах, которые слышала во Дворе Богов. Наставники объясняли, что дискуссии на заседаниях Придворной Ассамблеи не всегда приводят к действию. Обсуждение войны не означало, что она разразится.

Однако эта дискуссия казалась не просто обсуждением, а чем-то большим. Она была слишком жаркой, со слишком яркой поддержкой одной стороны. Похоже, отец прав, и война неизбежна.

Вивенна шла по почти безлюдной улице, опустив голову. Она начала понимать, что можно избежать толкучки, если ходить по жилым районам города. Похоже, обитатели Т`Телира предпочитали оживленные улицы.

Эта улица находилась в богатом квартале, вдоль нее тянулась вымощенная камнем пешеходная дорожка. Парлин шел позади, иногда задерживаясь, чтобы рассмотреть папоротники и пальмы. Халландренцы любили растения; большинство домов были окружены деревьями, плющами и экзотическими цветущими кустами. По

меркам Идриса любое из больших зданий на улице считалось бы особняком, но здесь они были домами среднего размера – вероятно, жилищами купцов.

«Хватит смотреть по сторонам, – подумала она. – Планирует ли Халландрен нападение в ближайшее время? Или начало атаки оттянется на месяцы, а может и годы?»

Настоящие действия не начнутся, пока не проголосуют боги, и Вивенна не знала точно, что побудит их это сделать. Она покачала головой: проведя всего один день в Т’Телире, она поняла, что обучение и наставники подготовили ее и вполнину не так хорошо, как она думала.

Вивенне казалось, что она не знает ничего – и от этого она терялась. Она совсем не та уверенная, здравомыслящая женщина, какой себя считала. Пугающая истина заключалась в том, что, если бы в невесты королю-богу отправили ее, она могла оказаться такой же бесполезной и растерянной, какой, без сомнения, была бедняжка Сири.

Вивенна доверила поразительному чувству направления Парлина вести их к дому Лемекса. Завернув за угол, они прошли под взглядом одной из молчаливых статуй Д’Денир. Гордый воин застыл с высоко поднятым над каменной головой мечом. Резную броню изваяния дополнял повязанный вокруг шеи развевающийся на ветру алый шарф. Воин выглядел впечатляюще, как будто отправлялся в славный военный поход. Вскоре они добрались до дома Лемекса. Вивенна похолодела, увидев, что дверь болтается на одной петле, а внизу разломана, словно ее очень сильно пнули.

Парлин остановился рядом, жестом велел ей молчать. Он огляделся, а его рука метнулась к длинному охотничьему ножу на поясе. Вивенна отступила, испытывая желание сбежать. Но куда ей идти? Наемники были ее единственными знакомыми в городе. Разве Дент и Тонк Фа не смогли бы отразить нападение?

Биохроматическое чутье предупредило, что кто-то подошел к двери с другой стороны. Она коснулась руки Парлина, готовясь сорваться с места.

Разбитая дверь приоткрылась, и из нее высунулась голова Дента.

– О, – сказал он. – Это вы.

– Что случилось? – спросила Вивенна. – На вас напали?

Дент с ухмылкой посмотрел на дверь и распахнул ее пошире.

– Не-а, – проговорил он, жестом приглашая войти.

Отсюда было видно, что вся мебель разломана, в стенах зияют дыры, картины изрезаны. Пройдя внутрь, Дент пинком отшвырнул с пути разорванную подушку и направился к лестнице. Несколько ступенек на ней тоже были сломаны.

Оглянувшись, он поймал озадаченный взгляд Вивенны.

– Ну, мы же сказали, что обыщем дом, принцесса. Вот и решили постараться как следует.

***

Вивенна очень осторожно опустилась на стул, готовая к тому, что он под ней развалится. Тонк Фа и Дент постарались очень хорошо – похоже, они разломали в доме

все деревянное, включая ножки стульев. К счастью, этот стул починили, и он выдержал ее вес.

Письменный стол перед ней – стол Лемекса – был разбит в щепки. Ящики вытащили, тайники за ними нашли и выпотрошили. На столешнице громоздилась груда бумаг и несколько мешочков.

– Это все, – сообщил Дент, прислоняясь к дверному косяку. Тонк Фа растянулся на сломанном диване, из которого торчала набивка.

– Обязательно было ломать все? – спросила Вивенна.

– Надо было удостовериться, – пожал плечами Дент. – Вы даже не представляете, где можно устроить тайник.

– Во входной двери? – холодно поинтересовалась Вивенна.

– А вы бы стали там смотреть?

– Нет, конечно.

– Ну вот поэтому там и стоило поискать. Мы ее простучали и подумали, что нашли полость. Оказалось, там просто другая порода дерева, но проверить не помешало.

– Порой люди бывают изобретательны, когда прячут важные вещи, – зевнул Тонк Фа.

– А знаете, что я больше всего ненавижу в работе наемника? – спросил Дент, протягивая руку.

Вивенна выгнула бровь.

– Занозы, – пояснил он, пошевелив покрасневшими пальцами.

– За вредность нам не доплачивают, – вздохнул Тонк Фа.

– Вот теперь вы себя ведете просто глупо, – сказала Вивенна, разбирая предметы на столе. Один из мешочков многозначительно звякнул. Вивенна развязала его и заглянула внутрь.

Там блестело золото. Много золота.

– Тут чуть больше пяти тысяч марок, – лениво сообщил Дент. – Лемекс оборудовал тайники по всему дому. Один оказался в ножке стула, на котором вы сидите.

– Искать стало легче, когда мы нашли его записку с памяткой, что где спрятано, – добавил Тонк Фа.

– Пять тысяч марок?! – выдохнула Вивенна, чувствуя, как ее волосы слегка посветлели от изумления.

– Похоже, старик Лемекс втихаря откладывал на черный день, – ухмыльнулся Дент. – А еще все дыхания, что у него были... он явно тянул из Идриса еще больше, чем я думал.

Вивенна воззрилась на мешочек, затем на Дента.

– Вы... отдали их мне, – сказала она. – Вы могли взять это золото и потратить!

– А мы так и сделали, – ответил Дент. – Одолжили с десятков монет на обед. Его скоро принесут.

Вивенна встретила с ним взглядом.

– Теперь понимаешь, о чем я? А, Тонкс? – Дент глянул на напарника. – Будь я, скажем, дворецким – смотрела бы она на меня так? Просто потому, что я не взял деньги и не сбежал? Почему все думают, что наемник станет их грабить?

Тонк Фа заворчал, снова потягиваясь.

– Просмотрите бумаги, принцесса, – посоветовал Дент, пнул диван Тонк Фа и кивнул на дверь. – Мы подождем внизу.

Тонк Фа с кряхтением поднялся, к его спине прилипли кусочки набивки. Наемники спустились по лестнице, и вскоре Вивенна услышала звон тарелок. Видимо, они послали за едой одного из мальчишек, которые бегали по улицам, выкрикивая предложения принести еду из местного ресторана.

Вивенна не двинулась с места. План действий становился все более неопределенным. И все же у нее есть Дент и Тонк Фа, и она, как ни странно, начала к ним привязываться. Солдаты ее отца были поголовно хорошими людьми, но смогли бы они устоять перед соблазном и не сбежать с пятью тысячами марок? В этих наемниках явно крылось больше, чем они показывали.

Она занялась книгами, письмами и бумагами на столе.

***

Несколькими часами позже Вивенна по-прежнему сидела одна при свете свечи, роняющей капли расплавленного воска на разбитый угол стола. Она уже давно прекратила читать. У двери стояла принесенная Парлином тарелка с едой, к которой она так и не прикоснулась.

На столе перед Вивенной лежали письма. Ей понадобилось некоторое время, чтобы разобрать их по порядку. Большинство были написаны знакомым почерком отца. Не королевским писцом, а собственноручно королем. Она заметила это в первую очередь. Король писал лично только самые секретные письма.

Вивенна держала цвет волос под контролем, делая размеренные вдохи и выдохи. Она не смотрела в окно, где в темноте светились огни еще не заснувшего города. Она просто сидела.

В оцепенении.

Наверху стопки лежало письмо, которое Лемекс получил последним незадолго до смерти. Всего несколько недель назад.

Король писал:

«Друг мой!

Наша беседа беспокоила меня больше, чем я хотел бы признать. Я долго говорил с Ярдой, и мы не нашли решения.

Грядет война. Теперь мы все это знаем. Продолжающиеся при Дворе Богов споры становятся все более бурными и приобретают тревожное направление. Сумма, которую я тебе отправил для покупки дыхания, чтобы ты смог попасть на заседания, – самое лучшее применение моих денег.

Все признаки указывают на то, что вторжение халландренских безжизненных в наши горы неизбежно. Поэтому я предоставляю тебе поступить так, как мы обсуждали. В высшей степени важна любая дестабилизация, которую ты сможешь вызвать в

городе. Нам выгодна любая отсрочка. Запрошенные тобой дополнительные средства должны уже прибыть.

Друг мой, я вынужден признать свою слабость. Я никогда не смогу послать Вивенну заложницей в этот город, в это драконье логово. Отправить ее – то же самое, что убить, и я не могу так поступить. Даже зная, что это лучшее, что я могу сделать для Идриса.

Я еще не уверен, как быть. Но я не пошлю ее – я слишком ее люблю. Однако нарушение соглашения еще скорее навлечет на мой народ гнев Халландрена. Боюсь, в ближайшие дни мне придется принять очень тяжелое решение.

Но такова суть королевского долга.

До следующего письма,

Деделин, твой друг и сеньор».

Вивенна отвернулась от письма.

В комнате царила оглушительная тишина. Вивенне хотелось закричать на письмо и отца, который сейчас так далеко. Но она не могла этого сделать, ее слишком хорошо учили. Вспышки раздражения – это бесполезное проявление высокомерия.

Не привлекай к себе внимания. Не ставь себя над другими. Возвысивший себя над остальными будет низвергнут в бездну. Но что сказать о человеке, который обрекает на смерть одну дочь, чтобы спасти другую? О том, кто в лицо говорит тебе, что замена произошла по другим причинам? Что это во благо Идриса? Что любовь тут ни при чем?

Что за король предаёт главные заповеди своей религии и покупает дыхание для одного из своих шпионов?

Вивенна сморгнула слезу и стиснула зубы, злясь на себя и весь мир. Ее отец считался хорошим человеком. Превосходным королем. Мудрым и знающим, всегда уверенным в себе и всегда правым.

Мужчина, которого она увидела в этих письмах, был гораздо более человечным. Почему это ее так поразило?

«Неважно, – сказала она себе. – Ничто не важно».

Фракции халландренского правительства призывали страну к войне. Прочитав откровенные слова отца, она наконец полностью ему поверила: войска Халландрена двинутся на ее страну, вероятно, еще до конца года. А затем Халландрен – такой многоцветный, но такой обманчивый – возьмет Сири в заложницы и пригрозит убить ее, если Деделин не капитулирует.

Отец не сдаст свое королевство. Сири казнят.

«Ради этого я и приехала. Чтобы остановить беду», – подумала Вивенна. Вцепившись в край столешницы и сжав зубы, она смахнула предательскую слезу. Ее учили быть сильной даже в незнакомом городе. Пора приниматься за дело.

Она поднялась, оставив письма на столе, рядом с мешком монет и дневником Лемекса. Стараясь не наступать на сломанные ступеньки лестницы, спустилась в комнату, где наемники учили Парлина игре в дощечки. При ее приближении игроки подняли головы. Вивенна осторожно уселась прямо на полу, скромно поджав ноги.

Поймав взгляды мужчин, она сказала:

– Я знаю, откуда Лемекс брал деньги. Скоро разразится война между Идрисом и Халландреном. Из-за этой угрозы отец отправлял Лемексу больше средств, чем я думала. Этого было достаточно, чтобы тот купил пятьдесят дыханий, смог пройти во Двор и прислать доклады о заседаниях. Очевидно, отец не знал, что у Лемекса уже есть приличное количество дыханий.

Мужчины молчали. Тонк Фа бросил взгляд на Дента, который сидел на полу, прислонившись к перевернутому сломанному стулу.

– Полагаю, Лемекс сохранял верность Идрису, – продолжила она. – Его личные заметки говорят об этом достаточно ясно. Он не предатель, он просто был жадным. Он желал получить как можно больше дыхания, потому что слышал, будто оно продлевает жизнь. Лемекс и мой отец планировали чинить препятствия Халландрену в приготовлениях к войне. Лемекс обещал найти способы выводить из строя безжизненных солдат, портить городские припасы и в целом ослаблять возможности Халландрена вести войну. На все это отец выслал ему большую сумму денег.

– Около пяти тысяч марок? – спросил Дент, почесывая подбородок.

– Меньше, – поправила Вивенна, – но все равно много. Полагаю, ты прав насчет Лемекса, Дент. Он уже некоторое время крал у Короны.

Она замолчала. Парлин выглядел озадаченным, что было не удивительно. Однако наемники не казались сбитыми с толку.

– Я не знаю, собирался ли Лемекс поступить так, как просил отец, – продолжила Вивенна, стараясь говорить спокойно. – То, что он прятал деньги, некоторые его записи... да, может быть, он в конце концов планировал предательство и побег. Мы не знаем, что он решил в итоге. Однако у нас есть примерный список того, что он собирался сделать. Эти планы были достаточно резонны, чтобы убедить короля. А письма отца убедили меня. Мы продолжим работу Лемекса и ослабим военную силу Халландрена.

Комната погрузилась в молчание.

– А... твоя сестра? – наконец спросил Парлин.

– Мы ее вытащим, – твердо сказала Вивенна. – Безопасность и спасение Сири – наша первоочередная задача.

– Легче сказать, чем сделать, принцесса, – заметил Дент.

– Я знаю.

Наемники переглянулись.

– Ладно, – сказал Дент, вставая. – Тогда пора за работу.

Он кивнул напарнику, тот вздохнул и с кряхтением поднялся.

– Пойдите, – нахмурилась Вивенна. – Что?

– Я прикинул, что, прочитав эти бумаги, вы захотите продолжить дело, – объяснил Дент, потягиваясь. – А теперь, когда я знаю, чем занимался Лемекс, то могу понять, зачем он поручал нам то или иное дело. Среди прочего были контакты и поддержка некоторых мятежных фракций в городе, включая ту, которую разгромили

всего несколько недель назад. Секта недовольных, сосредоточенная вокруг парня по имени Вар.

– Всегда гадал, почему Лемекс его поддерживал, – заметил Тонк Фа.

– Эта фракция уничтожена, – продолжил Дент, – вместе с самим Варом. Но вокруг еще хватает его сторонников, и они ждут, когда начнутся беспорядки. Можно связаться с ними. Есть еще пара зацепок, которые стоит рассмотреть. Лемекс их толком не объяснял, но я могу выяснить, в чем дело.

– И... вы можете справиться с таким делом? – спросила Вивенна. – Сами же сказали, что это будет непросто.

Дент пожал плечами.

– Все верно. Но, если вы еще не поняли, именно для этого Лемекс нас нанял. Команду из трех высокооплачиваемых, умелых наемников держат не для того, чтобы подавать чай.

– Если только вы не хотите, чтобы этот чай вам зачихнули кое-куда и поглубже, – добавил Тонк Фа.

«Трех наемников? – подумала Вивенна. – Да, точно. Есть еще один. Женщина».

– Где третий член вашей команды?

– Золотце? – уточнил Дент. – Вы скоро с ней познакомитесь.

– К несчастью, – пробормотал под нос Тонк Фа.

Дент ткнул его локтем.

– А пока давайте разберемся, как обстоят дела с нашими планами. Берите в этом доме все, что хотите. Завтра мы съезжаем.

– Съезжаем? – переспросила Вивенна.

– Если только не хотите спать на матрасе, который Тонк Фа разодрал на пять частей, – заметил Дент. – У него пунктик насчет матрасов.

– И стульев, – жизнерадостно добавил Тонк Фа. – И столов, и дверей, да и стен. А, еще людей.

– В любом случае, принцесса, – продолжил Дент, – этот дом хорошо знают те, кто работал с Лемексом. Как вы поняли, он был не самым честным парнем. Сомневаюсь, что вам пойдет на пользу, если вас заподозрят в связи с ним.

– Лучше переехать в другой дом, – согласился Тонк Фа.

– Мы постараемся его не разгромить, – добавил Дент.

– Но ничего не обещаем, – подмигнул Тонк Фа.

И они оба ушли.

Глава 18

Сири нервно переминалась с ноги на ногу перед дверью в спальню. Как обычно, Синепалый стоял рядом и кроме них в коридоре никого не было. Управляющий что-то записывал, и Сири по-прежнему не понимала, откуда он знает, что входить еще рано.

На этот раз она не возражала против длительного ожидания, хотя оно ее по-прежнему нервировало. Зато у Сири было время, чтобы обдумать дальнейшие

действия. В голове роились события дня. Треледис, твердящий, что она должна обеспечить наследника. Гимн Света Смелый, который болтал всякую ерунду, а на прощание произнес искренние слова. Ее муж и король, восседающий на троне и преломляющий свет. Жрецы на арене, обсуждающие вопрос о вторжении на ее родину.

Каждому из них было что-то нужно от Сири, но ни один не потрудился объяснить, как ей сделать то, чего они хотят... некоторые даже не позаботились сказать, чего именно хотят. Единственное, чего им удалось добиться, – это ее раздражения. Сири не была соблазнительницей. Она понятия не имела, как заставить короля-бога возжелать ее... особенно если учесть, что ее ужасала сама мысль об этом.

Верховный жрец Треледис отдал ей приказ. И поэтому Сири намеревалась продемонстрировать ему свое отношение к приказам, особенно если они сопровождаются угрозами. Сегодня она войдет в спальню короля, сядет на пол и откажется раздеваться. Она бросит вызов королю-богу. Он ее не хочет? Что ж, она устала от того, что ее каждую ночь пристально разглядывают.

Она собиралась объяснить ему все предельно ясно. Если он желает снова увидеть ее обнаженной, то ему придется приказать слугам ее раздеть. Но Сири сомневалась, что король-бог так поступит. Он не приближался к ней и даже когда главенствовал на дебатах, то на самом деле только сидел и наблюдал. Сири составила себе новое впечатление о короле-боге: у него столько власти, что он обленился. Он из тех людей, у которых есть все, и поэтому их ничего не заботит. Такие люди раздражали Сири. Она вспомнила идрисского капитана стражи, который заставлял своих подчиненных усердно работать, а сам весь день проводил за игрой в карты.

Пришло время бросить вызов королю-богу. Более того, пора дать понять жрецам, что они ее не запугают. Сири устала от того, что ее используют, и сегодня она даст отпор. Таково ее решение. И, во имя всех оттенков, это заставляло ее нервничать!

Она повернулась к Синепалому и наконец заставила обратить на себя внимание. Наклонившись к управляющему, она спросила шепотом:

– Они и правда каждую ночь наблюдают за мной?

Он побледнел, но не ответил. Затем огляделся по сторонам и покачал головой.

Сири нахмурилась.

«Но Треледис знает, что король-бог не ложился со мной в постель».

Синепалый поднял палец к глазам и покачал головой. Потом поднес к ушам, кивнул и показал на дверь дальше по коридору.

«Они подслушивают!» – догадалась Сири.

Синепалый наклонился ближе.

– Они никогда не осмелятся наблюдать, Сосуд, – прошептал он. – Помните, король-бог – высшее из их божеств. Увидеть его нагим, с женой... нет, они не посмеют. Но подслушивать – это другое дело.

Она кивнула:

– Им и правда очень нужен наследник трона.

Синепалый нервно огляделся.

– Мне действительно угрожает опасность с их стороны? – спросила Сири.

Он встретился с ней взглядом и коротко кивнул.

– Большая, чем вы думаете, Сосуд.

Отстранившись, он жестом показал на дверь.

«Вы должны мне помочь!» – прошептала она одними губами.

Синепалый покачал головой и поднял руки. «Я не могу. Не сейчас». Открыв дверь, он поклонился и заторопился прочь, обеспокоенно оглянувшись через плечо.

Сири сердито смотрела ему вслед. Назревала необходимость загнать Синепалого в угол и выяснить, что ему на самом деле известно. А теперь надо позлить еще кое-кого. Сири повернулась, заглядывая в темную комнату. Нервозность вернулась.

«Это вообще разумно?»

Прежде ей не приходилось быть воинственной. Но теперь... ее жизнь изменилась. Синепалый со своими опасениями только подтолкнул ее.

Вызывающее поведение всегда было способом Сири привлечь внимание. Она проявляла строптивость не назло кому-то. Просто она не могла сравниться с Вивенной, поэтому поступала наперекор тому, чего от нее ожидали. Раньше вызывающее поведение всегда срабатывало. Или нет? Отец вечно злился, а Вивенна обращалась с ней как с ребенком. Горожане из любви к ней терпели ее выходки.

«Нет, – внезапно подумала Сири. – Я не могу вести себя как раньше. Люди в этом дворце и при Дворе – не из тех, кому можно бросить вызов из досады».

Если отнестись к дворцовым жрецам с пренебрежением, то они не станут ворчать, как отец. Они покажут, что значит быть в их власти.

Но что тогда делать? Ей надоело сбрасывать одежду и голой становиться коленями на холодный пол.

Ощущая смятение и некоторую злость на себя, Сири шагнула в темную комнату и закрыла за собой дверь. Король-бог как всегда сидел в кресле в глубине комнаты. Сири уставилась на него, на слишком спокойное лицо. Она знала, что должна раздеться и пасть на колени, но не сделала этого.

Не потому что желала выказать неповиновение. И даже не потому, что чувствовала злость или обиду. Ей просто надоело гадать – кто же этот человек, который может управлять богами и преломлять свет силой своей биохромы? Действительно ли он избалован и ленив?

Он тоже уставился на нее. Как и раньше, ее дерзость не вызвала у него гнева. Глядя на короля-бога, Сири, потянула за шнуровку, сбрасывая пышное платье на пол. Потом прикоснулась к бретелькам рубашки, но остановилась.

«Нет, – подумала она. – Так не пойдет».

Она опустила взгляд на рубашку: края белого одеяния заискрились, источая радужное свечение. Сири посмотрела в бесстрастное лицо короля-бога.

А затем, стиснув зубы и стараясь не нервничать, шагнула вперед.

Он напрягся. Сири видела это в уголках его глаз и губ. Еще один шаг – и белая ткань рубашки взорвалась всеми цветами радуги. Король-бог ничего не делал, а просто смотрел, как она подходит все ближе и ближе.

Прямо перед ним Сири остановилась. А затем отвернулась, взобралась на кровать и, утопая в мягкой перине, поползла на середину ложа. Села поджав ноги и пристально посмотрела на стену из черного мрамора с обсидиановым блеском. Прямо за ней находились жрецы короля-бога и внимательно прислушивались к тому, что их совершенно не касалось.

«А теперь, – подумала Сири, делая глубокий вдох, – я буду вести себя совершенно непристойно».

Она уже больше недели была вынуждена обнаженной падать ниц перед королем-богом. Так что нечего стесняться.

Она начала подскакивать на кровати, заставляя пружины скрипеть. А затем, выгнувшись, Сири принялась стонать.

Она надеялась, что будет убедительно – она ведь не знала, как это должно на самом деле звучать и как долго это обычно происходит. Сири старалась, чтобы стоны становились все громче и громче, а скрип пружин выдавал все более активные движения. А затем резко замерла, испустив последний стон, и рухнула на кровать.

В наступившей тишине Сири посмотрела на короля-бога. Его бесстрастная маска исчезла, и на лице бога читалось чисто человеческое замешательство. Она чуть не расхохоталась от его озадаченного вида. Встретившись с ним взглядом, она покачала головой. С колотящимся сердцем, вспотевшая, она развалилась на кровати отдыхать.

Утомленная событиями и интригами этого дня, Сири укуталась в большое одеяло и расслабилась. Король-бог не тронул ее. На самом деле он так напрягся при ее приближении, как будто обеспокоился, даже испугался ее.

Нет, не может такого быть. Он бог и правитель Халландрена, а она всего лишь глупая девчонка, которая оказалась в открытом море, не умея плавать. Разумеется, он ее не боялся. Она опять чуть не рассмеялась от этого предположения, но тут же взяла себя в руки, стараясь поддержать иллюзию для подслушивающих жрецов, и уснула, наслаждаясь роскошным удобством кровати.

***

Все утро Гимн не поднимался с постели.

Слуги стояли вдоль стен, словно стая птиц в ожидании зерна. Когда перевалило за полдень, они уже переминались с ноги на ногу, обмениваясь встревоженными взглядами.

Он продолжал лежать в кровати, разглядывая узорчатый красный балдахин. Несколько слуг робко приблизились и поставили на прикроватный столик поднос с едой. Гимн к ней даже руку не протянул.

Этой ночью ему снова снилась война.

Наконец к кровати приблизился еще один человек, плотного телосложения, укутанный в жреческое одеяние. Лларимар смотрел на своего бога, не выказывая ни малейшего недовольства, хотя Гимн был уверен, что жрец раздражен.

– Оставьте нас, пожалуйста, – велел Лларимар слугам.

Те неуверенно переглянулись. Разве бог может остаться без слуг?

– Пожалуйста, – повторил Лларимар, но в его интонации ясно слышалось, что это отнюдь не просьба.

Слуги не спеша покинули комнату. Лларимар передвинул поднос и сел на край низкого столика, задумчиво изучая Гимна Света.

«Чем я заслужил такого жреца?» – подумал Гимн. Он знал многих верховных жрецов других возвращенных, и большинство из них были в различной степени невыносимы. Одни быстро раздражались, другие торопились указать на чужие ошибки, а чрезмерная льстивость третьих по отношению к божествам выводила из себя. Треледис, верховный жрец короля-бога, был столь высокомерным, что в его присутствии даже боги чувствовали себя подчиненными.

А Гимну достался Лларимар. Терпеливый и понимающий. Он заслуживал божества получше.

– Итак, ваша милость, – сказал Лларимар. – Что на сей раз?

– Я болен, – ответил Гимн.

– Вы не можете заболеть, ваша милость.

Гимн Света слабо кашлянул, на что Лларимар закатил глаза.

– Да ладно тебе, Тушкан. Неужели так сложно подыграть?

– Подыграть вашей болезни? – переспросил Лларимар с легким оттенком веселья. – Ваша милость, для этого мне придется притвориться, что вы не бог. Не уверен, что вашему верховному жрецу стоит создавать подобный прецедент.

– Это правда, – прошептал Гимн. – Я не бог.

Лларимар вновь не проявил ни малейшего признака раздражения или гнева. Он только подался вперед.

– Прошу, не говорите такие вещи, ваша милость. Даже если вы сами не верите – не стоит так говорить.

– Почему не стоит?

– Ради тех, кто действительно верит.

– И я должен продолжать их обманывать?

Лларимар покачал головой.

– Это не обман. Нет ничего удивительного, что другие верят в кого-то больше, чем он сам в себя.

– А в моем случае тебя это не смущает?

Лларимар улыбнулся.

– Зная ваш характер – нет. Итак, что же вызвало вашу болезнь?

Гимн Света перевел взгляд на потолок.

– Авроре нужны мои приказы для безжизненных.

– Да.

– Она уничтожит нашу новую королеву, – продолжил Гимн. – Аврора боится, что королевская семья Идриса пытается заполучить престол Халландрена.

– Вы с ней не согласны?

Гимн покачал головой.

– Нет, может, так оно и есть. Но дело в том, что я не думаю, что девочка, то есть королева, осведомлена о своей роли в чужих планах. Боюсь, что Аврора Соблазна раздавит это дитя просто из предосторожности. Я боюсь, что она станет слишком уж агрессивной и втянет нас всех в войну до того, как я уверюсь в правильности такого решения.

– Кажется, вы уже во всем разобрались, ваша милость, – сказал Лларимар.

– Я не хочу в этом участвовать, Тушкан, – ответил Гимн. – Но я чувствую, как меня затягивает.

– Участие – ваш долг, ибо вы должны вести королевство. Вы не можете избегать политики.

– Могу, если не встану с кровати.

Лларимар поднял бровь.

– Вы же на самом деле так не считаете, ваша милость?

Гимн Света вздохнул.

– Ты же не станешь читать мне лекцию о том, что даже мое бездействие влияет на политику, а?

Лларимар замялся.

– Возможно. Нравится вам это или нет, но вы – часть внутреннего механизма королевства, и вы оказываете влияние, даже оставаясь в постели. Если вы ничего не делаете, то будете виноваты в возникших проблемах как раз из-за своего безделья.

– Нет, – возразил Гимн. – Нет, думаю, ты ошибаешься. Если я ничего не буду делать, то, по крайней мере не смогу ничего испортить. Конечно, я могу пустить все на самотек, но это не одно и то же, что бы там ни говорили.

– А если ваши действия улучшат положение?

Гимн покачал головой.

– Не улучшат. Ты меня знаешь.

– Знаю, ваша милость, – ответил Лларимар. – Пожалуй, я знаю вас даже лучше, чем вы думаете. Вы всегда были одним из лучших людей, которых я когда-либо знал.

Гимн Света закатил глаза, но замер, заметив выражение лица Лларимара.

«Одним из лучших людей, которых я когда-либо знал...»

Гимн резко выпрямился.

– Ты знал меня! Вот почему ты решил стать моим жрецом! Ты знал меня раньше! До того, как я умер!

Лларимар не ответил.

– Кем я был? – спросил Гимн. – Ты сказал – одним из лучших. Почему именно я был лучшим?

– Мне запрещено говорить, ваша милость.

– Ты уже заикнулся, – поднял палец Гимн. – Поэтому можешь продолжать. Не отнекивайся.

– Я уже слишком много сказал.

– Ну давай. Скажи хоть немного. Я из Т'Телира? Как я умер?

«Что за женщину я вижу в снах?»

Лларимар больше ничего не добавил.

– Я могу приказать тебе говорить...

– Нет, не можете, – Лларимар с улыбкой поднялся. – То же самое, как с дождем, ваша милость. Вы утверждаете, что можете отдавать приказы погоде, но в глубине души вы в это не верите. Погода не подчинится – и я тоже.

«Какая удобная теологическая отговорка, – подумал Гимн Света. – Особенно когда хочешь что-то скрыть от своих богов».

Лларимар повернулся к двери.

– Картины ждут вашего суждения, ваша милость. Полагаю, вам пора позволить слугам искупать и одеть вас, чтобы вы могли заняться дневными делами.

Гимн вздохнул и потянулся.

«И как ему это удастся?»

Лларимар не открыл никаких секретов, но развеял меланхолию Гимна. Он посмотрел вслед жрецу, который уже подошел к двери и жестом позвал слуг. Вероятно, управляться с захандрившими божествами входит в его обязанности.

«Но... он знал меня раньше, – подумал Гимн. – А теперь он мой жрец. Как это случилось?»

– Тушкан, – окликнул он.

Жрец настороженно повернулся, очевидно, ожидая продолжения расспросов о прошлом.

– Что мне делать? – спросил Гимн. – С Авророй Соблазна и королевой?

– Я не могу вам сказать, ваша милость, – ответил Лларимар. – Понимаете, мы делаем выводы по вашим поступкам. Если я буду руководить вами, то мы ничего не добьемся.

– Кроме, может быть, жизни девушки, которую используют в паутине интриг.

Помедлив, Лларимар наконец произнес:

– Поступайте как считаете нужным, ваша милость. Это все, что я могу посоветовать.

«Чудесно», – подумал Гимн, вставая. Он не знал, что «считать нужным».

И, по правде говоря, раньше он никогда над этим не задумывался.

Глава 19

– Тут мило, – сказал Дент, осматриваясь в доме. – Крепкие деревянные панели. Ломаться будут аккуратно, без щепок.

– Ага, – добавил Тонк Фа, изучая кладовку. – И места много. Спорю, мы только сюда сможем запахнуть с полдюжины трупов.

Вивенна испепелила наемников взглядом, и те обменялись сдавленными смешками. Дом выглядел не таким красивым, как жилище Лемекса, но Вивенна не хотела выставляться напоказ. Он стоял в ряду таких же домов на ухоженной улочке. В глубину здание было шире, чем по фасаду, с обеих сторон его окружали раскидистые

пальмы, заслоняющие обзор на случай если бы кому-то вздумалось подглядывать из соседних домов.

Ей тут нравилось. Вивенне не очень-то хотелось жить в доме, который хотя и считался скромным по меркам Халландрена, но размерами был почти как королевский дворец в Идрисе. Они с Парлином осмотрели кварталы попроще, но отвергли их. Вивенна не хотела жить там, где опасно выходить ночью, ибо беспокоилась, что дыхание может сделать ее привлекательной мишенью.

Она спустилась по лестнице в сопровождении наемников. В доме было три этажа. На маленьком верхнем располагались спальни, обширный основной этаж включал кухню и гостиную, а нижний ярус занимал подвал. Мебели здесь было мало, поэтому Парлин отправился на рынок докупить еще. Вивенне не хотелось тратить деньги, но Дент заметил, что надо хотя бы попытаться вести себя естественно, чтобы не привлекать еще больше внимания.

– О доме Лемекса скоро позаботятся, – сказал Дент. – Мы намекнули кое-кому, что старик умер. Сегодня же ночью банда воров позаботится о том, что не растащили мы. Завтра явится городская стража и сочтет, что дом просто ограбили. Сиделке уже заплатили, да она и не знала, кто такой Лемекс. А когда никто не придет, чтобы оплатить похороны, власти заберут дом в качестве штрафа и сожгут тело с телами других должников.

Побледнев, Вивенна остановилась у подножия лестницы.

– Звучит не слишком уважительно.

Дент пожал плечами.

– А вы что хотели? Забрать и поместить его в ваш собственный склеп? Похоронить по идрисскому обряду?

– Это лучший способ нарваться на ненужные вопросы, – заметил Тонк Фа.

– Предоставьте это дело другим, – поддержал Дент.

– Да, пожалуй, – ответила Вивенна, отворачиваясь от лестницы и направляясь в гостиную. – Просто меня беспокоит то, что мы оставили его тело на попечение...

– Кого? – с интересом спросил Дент. – Язычников?

Вивенна не удостоила его взглядом.

– Сам старик не парился, что поступал как язычник, – заметил Тонк Фа. – Со всей уймой его дыханий. Хотя разве не ваш папаша дал ему денег на покупку?

Вивенна прикрыла глаза.

«Сейчас эти дыхания в тебе, – сказала она себе. – Ты тоже не чиста в этом отношении».

У нее не было выбора. Она могла лишь надеяться и предполагать, что ее отец попал в такую же ситуацию и ему тоже пришлось сделать то, что казалось неправильным.

Поскольку мебели не было, Вивенна, подобрав платье, опустилась на колени на дощатый пол и сложила руки. Дент и Тонк Фа сидели, прислонившись к стене. Казалось, что на жестком полу им так же удобно, как и в мягких креслах.

– Ладно, принцесса, – начал Дент, вытаскивая из кармана бумагу. – Мы набросали кое-какие планы.

– Пожалуйста, продолжайте.

– Во-первых, – начал Дент, – мы можем устроить для вас встречу с некоторыми союзниками Вара.

– Кем был этот человек? – поинтересовалась Вивенна, нахмурившись. Идея о сотрудничестве с революционерами ей не нравилась.

– Вар работал на цветочных плантациях, – пояснил Дент. – Работа там не подарок – с утра до ночи, а платят столько, что едва хватает на еду. Лет пять назад у Вара появилась блестящая идея – убедить достаточно много рабочих отдать ему свои дыхания и использовать полученную силу, чтобы поднять бунт против надсмотрщиков. Он стал народным героем на внешних плантациях и в конце концов привлек внимание Двора Богов.

– На самом деле у него не было шансов поднять настоящее восстание, – заметил Тонк Фа.

– Тогда чем нам помогут его люди? – спросила Вивенна. – Если у них не было ни единого шанса на успех.

– Ну, – протянул Дент, – речь не идет о восстании или чем-то подобном. Вы просто хотите затруднить Халландрену ведение войны.

– Бунты на плантациях – та еще головная боль во время войны, – добавил Тонк Фа.

Вивенна кивнула.

– Хорошо, – сказала она. – Давайте с ними встретимся.

– Просто чтобы вы знали, принцесса, – заметил Дент. – Это... не особо взыскательный народ.

– Меня не оскорбляют бедняки или малоимущие. Остре равно взирает на всех людей.

– Я не про это, – потер подбородок Дент. – Не потому что они деревенщина, а... Ну, когда попытка мятежа Вара провалилась, они оказались умнее других и быстро смотались. Я хочу сказать, что эти люди не были такими уж преданными.

– Другими словами, – пояснил Тонк Фа, – это просто шайка громил и бандитских главарей, которые решили, что через Вара легко добудут влияние или деньги.

«Чудесно», – подумала Вивенна.

– И мы собираемся связаться с людьми такого сорта?

Дент пожал плечами.

– Надо же с чего-то начать.

– Другие пункты списка повеселее, – заверил Тонк Фа.

– И что же это за пункты? – спросила Вивенна.

– Например, совершить набег на склад безжизненных, – с улыбкой сказал Дент.

– Мы не сможем их поубивать, если, конечно, не хотим, чтобы они на нас набросились. Но мы можем их подпортить.

– Звучит жутковато, – заметила Вивенна.

Дент глянул на Тонк Фа, который многозначительно вытаращил глаза. Они обменялись улыбками.

– Что? – спросила Вивенна.

– Надбавка за риск, – объяснил Тонк Фа. – Воровать мы у вас не станем, но не имеем ничего против доплаты за особо опасные фокусы.

Вивенна закатила глаза.

– Кроме того, – добавил Дент, – насколько я понимаю, Лемекс хотел подорвать поставки продовольствия в город. Думаю, хорошая идея. Безжизненным пища не нужна, но вот людям, которые обеспечивают поддержку армии, – еще как нужна. Если сорвать поставки, то люди задумаются – могут ли они позволить себе долгую войну.

– Это звучит разумнее, – согласилась Вивенна. – Что вы придумали?

– Мы нападаем на караваны торговцев, – ответил Дент. – Сжигаем товары – Халландрен теряет деньги. Обставляем все так, будто это дело рук бандитов или даже уцелевших сторонников Вара. Это должно сбить жителей Т'Телира с толку, а жрецам, возможно, станет труднее вести войну.

– Жрецы держат в руках немалую часть торговли, – добавил Тонк Фа. – У них куча денег, как правило, поставками занимаются именно они. Сожгите запасы, которые они собираются использовать на войне, и жрецы призадумаются о нападении. Ваш народ получит время.

Вивенна сглотнула.

– Ваши методы несколько более... жестки, чем я предполагала.

Наемники переглянулись.

– Вот видите, – сказал Дент. – Отсюда и идет наша дурная репутация. Нас нанимают сделать трудное дело, к примеру, подорвать способность страны вести войну, а потом жалуются, что у нас слишком жесткие методы.

– Такая несправедливость, – посетовал Тонк Фа.

– Наверное, принцесса предпочла бы, чтобы мы купили всем нашим врагам по щенку и отправили им вместе с извинительными письмами и просьбами перестать быть такими нехорошими.

– А потом, когда они откажутся, – добавил Тонк Фа, – можно будет поубивать щенков!

– Хорошо, хорошо, – сказала Вивенна. – я поняла, что нам нужно действовать жестко, но... все же я не хочу, чтобы Халландрен из-за нас голодал.

– Принцесса, – сказал Дент уже более серьезно. – Эти люди собираются напасть на вашу родину. Они видят в вашей семье величайшую угрозу для своей власти, и они хотят быть уверенными в том, что ни один член королевской семьи не сможет бросить им вызов.

– Ваша сестра подарит им наследника, который станет следующим королем-богом, – добавил Тонк Фа, – а затем они избавятся от каждого, в ком течет королевская кровь. И раз и навсегда забудут про вас.

Дент кивнул.

– Лемекс и ваш отец были правы. Халландрен потеряет все, если не нападет на вас. И, насколько я понимаю, вашему народу потребуется любая помощь. А это значит, что мы должны делать все, что в наших силах, – запугивать жрецов, уничтожать продовольственные резервы, ослаблять армию.

– Мы не можем предотвратить войну, – добавил Тонк Фа. – Мы можем лишь слегка уравнять шансы.

Глубоко вздохнув, Вивенна кивнула.

– Хорошо, тогда мы...

В этот момент дверь распахнулась и громынула о стену. Вивенна обернулась. В дверном проеме возникла фигура высокого мужчины с необычайно развитой мускулатурой и невыразительным лицом. Вивенне потребовалась всего секунда, чтобы заметить еще одну странность.

Его кожа была серой. Глаза тоже. Цвет отсутствовал вовсе, и ступень возвышения Вивенны помогла определить, что у него нет ни одного дыхания. Безжизненный солдат.

Вивенна вскочила на ноги, едва не завопив от ужаса, и отшатнулась от солдата. Тот замер в дверях, не двигаясь и даже не дыша. Его глаза не были устремлены в пустоту, как у всех покойников, а следили за Вивенной.

Почему-то именно это казалось самым пугающим.

– Дент! – вскричала Вивенна. – Во имя Цвета, почему вы сидите?! Нападайте!

Наемники не двинулись с места. Тонк Фа приоткрыл один глаз.

– Ну вот, – сказал Дент. – Похоже, нас нашла городская стража.

– Какая жалость! – отозвался Тонк Фа. – Ожидалась занятная работенка.

– А теперь нас точно казнят, – подытожил Дент.

– Нападайте! – вскрикнула Вивенна. – Вы мои телохранители, вы...

Она осеклась, увидев, что мужчины посмеиваются.

«О, Цвета, неужели снова?!» – подумала она.

– Что это? Какая-то шутка? Вы выкрасили этого человека в серый цвет? Что здесь происходит?

– Подвинься, скала ходячая, – раздался голос за спиной безжизненного.

Существо вошло в комнату, неся на спине пару холщовых мешков. За безжизненным следовала коренастая женщина с широкими бедрами, пышной грудью и светло-каштановыми волосами до плеч. Она уперла руки в бока и выглядела встревоженной.

– Дент, – бросила она, – он здесь. В городе.

– Отлично, – Дент откинулся назад. – Я ему должен меч в брюхо.

Женщина фыркнула.

– Он убил Арстила. Думаешь, сможешь его одолеть?

– Я всегда фехтовал лучше, – спокойно заметил Дент.

– Арстил тоже был хорош – и он мертв. А кто эта женщина?

– Новый наниматель.

– Надеюсь, она проживет дольше, чем предыдущий, – проворчала женщина. – Чурбан, положи эти мешки и неси другие.

Безжизненный послушно опустил вещи и вышел. Вивенна с запозданием поняла, что женщина и есть та самая Золотце, третий член команды Дента. Но что она делает с безжизненным? И как она нашла их новое убежище? Скорее всего, Дент отправил ей записку.

– Что с тобой? – бросила Золотце, глядя на Вивенну. – Пришел пробуждающий и украл твои цвета?

Вивенна дернулась.

– Что?

– Она не поймет, чему вы так удивляетесь, – пояснил Дент.

– А еще у нее волосы белые, – добавила Золотце, подходя к мешкам.

Вивенна вспыхнула, осознав, что потрясение взяло над ней верх, и вернула волосам подобающий темный цвет. Безжизненный принес еще один мешок.

– Откуда взялось это существо? – спросила Вивенна.

– Кто, Чурбан? – уточнила Золотце. – Был сделан из трупа, разумеется. Не мной – я только заплатила за это.

– Слишком много заплатила, – добавил Тонк Фа.

Существо протопало по комнате. Безжизненный не был таким неестественно высоким, как возвращенные, и его можно было принять за обычного, пусть и очень мускулистого человека. Его выдавали цвет кожи и лишенное эмоций лицо.

– Она его купила? – переспросила Вивенна. – Когда? Прямо сейчас?

– Не-а, – ответил Тонк Фа, – Чурбан с нами уже несколько месяцев.

– Безжизненный в команде полезен, – добавил Дент.

– И вы мне не сказали? – возмутилась Вивенна, стараясь не допустить в голос истерические нотки.

Сначала ей пришлось иметь дело с городом со всеми его красками и людьми. Потом в нее влили нежеланное дыхание. А теперь рядом с ней ходила самая нечестивая из мерзостей.

– К слову не пришлось, – пожал плечами Дент. – Они обычное дело в Т'Телире.

– Мы как раз обсуждали уничтожение этих существ, – вскричала Вивенна, – а не их использование!

– Мы обсуждали уничтожение только некоторых из них, – поправил Дент. – Принцесса, безжизненные – вроде мечей. Это орудия. Мы не можем уничтожить их всех в городе, да и не хотим. Только тех, кого используют наши враги.

Вивенна снова опустилась на дощатый пол. Безжизненный принес последний мешок, и Золотце указала на угол. Он прошел туда и замер, терпеливо ожидая новых приказов.

– Вот, – сказала женщина товарищам, развязывая последний большой мешок. – То, что вы хотели.

В раскрытом мешке блеснул металл.

С улыбкой поднявшись, Дент подошел к мешку. По пути он пинком разбудил Тонк Фа – у здоровяка была удивительная способность мгновенно засыпать. Дент вытащил из мешка несколько сияющих и новых на вид мечей с длинными узкими

лезвиями. Наемник сделал ряд пробных взмахов, а Тонк Фа вытащил несколько жуткого вида кинжалов, пару коротких мечей и кожаные жилеты.

Вивенна прислонилась к стене, стараясь дышать ровно, чтобы успокоиться и преодолеть страх перед застывшим в углу безжизненным. Как они могли вот так просто не обращать на него внимания? Это существо было настолько неестественным, что от одного его вида она нервно ерзала. Наконец Дент заметил ее беспокойство. Велев Тонку смазать клинки маслом, он подошел к Вивенне и сел напротив, упираясь ладонями в пол позади себя.

– У вас проблемы с безжизненным, принцесса? – поинтересовался он.

– Да, – коротко ответила она.

– Тогда с этим нужно справиться, – Дент посмотрел ей в глаза. – Моя команда не сможет работать со связанными руками. Золотце приложила много усилий, чтобы изучить приказы для безжизненного, я уже не говорю об уходе и содержании.

– Она нам не нужна.

– Нет, – возразил Дент. – Нужна. Принцесса, вы пришли в этот город с кучей предубеждений. Не мое дело учить вас, как с ними справиться, я всего лишь у вас на службе. Но вот что я вам скажу – вы не знаете и половины правды о тех вещах, в которых считаете себя осведомленной.

– Дело не в том, насколько я «осведомлена», Дент, – объяснила Вивенна. – А в том, во что я верю. Тело человека нельзя осквернять, возвращая его к жизни и заставляя служить.

– Почему нет? – спросил Дент. – Ваша религия утверждает, что со смертью душа покидает тело. Труп – это лишь сырье. Почему бы не найти ему применение?

– Это неправильно, – возразила Вивенна.

– Семье трупа неплохо заплатили за его тело.

– Все равно.

Дент наклонился вперед:

– Ну хорошо. Но если вы прикажете Золотцу уйти, то уйдем мы все. Я верну деньги, и мы найдем вам других телохранителей. Вот ими и командуйте!

– Я думала, у нас контракт! – огрызнулась Вивенна.

– Так и есть, – отозвался Дент. – Но я могу уволиться, когда захочу.

Вивенна промолчала, чувствуя, как засосало под ложечкой.

– Ваш отец решил использовать методы, которые были ему не по душе, – продолжил Дент. – Судите его, если надо, но скажите мне вот что. Если используя безжизненных можно спасти ваше королевство, то кто вы такая, чтобы отказываться от такой возможности?

– Почему это тебя волнует? – спросила Вивенна.

– Не люблю оставлять дела незаконченными.

Вивенна отвела глаза.

– Взгляните на это иначе, принцесса, – предложил Дент. – Если вы будете работать с нами, у вас появится шанс объяснить нам свою точку зрения и, возможно, изменить наше мнение о безжизненных и биохроме. Или вы можете прогнать нас. Но

если вы отвергнете нас из-за наших грехов – не будет ли это высокомерно? Разве об этом не говорится в Пяти Видениях?

«Откуда он столько знает об остреизме?» – нахмурилась Вивенна.

– Я подумую, – сказала она вслух. – Зачем Золотце принесла мечи?

– Нам нужно оружие, – ответил Дент. – Знаете, чтобы творить ту жестокость, о которой мы упоминали.

– А у вас что, не было оружия?

Дент пожал плечами.

– Тонк обычно таскает дубину или нож, потому что меч может привлечь внимание в Т'Телире. Иногда лучше не выделяться. У вашего народа на этот счет занятная философия.

– Но сейчас...

– Сейчас у нас нет особого выбора. Если мы будем и дальше придерживаться планов Лемекса, то скоро дело станет опасным. – Он пристально посмотрел на нее. – Кстати, я тут вспомнил. Есть еще кое-что, о чем вам стоит подумать.

– Что?

– Дыхание, которым вы владеете, – пояснил Дент. – Оно такое же орудие, как и безжизненный. Да, я знаю, что вам не по нраву то, как вы его получили, но факт есть факт – оно у вас. Если десяток рабов умирает при ковке меча – разве это означает, что от него надо отказаться и расплавить? Или же лучше взять этот меч и попытаться остановить тех, кто причинил зло?

– Ты о чем? – спросила Вивенна, чувствуя, что уже знает ответ.

– Вам надо научиться пользоваться дыханием, – сказал Дент. – Нам с Тонксом наверняка пригодится поддержка пробуждающего.

Вивенна закрыла глаза. Неужели ему надо было сказать это сейчас, сразу после того, как он поколебал ее отношение к безжизненным? Она ожидала, что в Т'Телире столкнется с сомнениями и препятствиями, но не предполагала, что ей придется принимать столько сложных решений. И уж точно не думала, что они будут угрожать ее душе.

– Я не стану пробуждающей, Дент, – тихо сказала Вивенна. – Я могу пока что закрыть глаза на этого безжизненного. Но я не стану пробуждать. Я заберу дыхание с собой в могилу, чтобы никто не получил от него выгоды. Что бы ты ни говорил, но если ты покупаешь меч, который выковали замученные работой рабы, то ты просто поддерживаешь преступных торговцев.

Дент помолчал. Потом поднялся, кивая:

– Вы начальник, и это ваше право. Если мы провалим дело, то я всего лишь потеряю нанимателя.

– Дент, – сказала подошедшая Золотце, едва удостоив Вивенну взглядом. – Не нравится мне это. То, что он добрался сюда первым. У него есть дыхание – говорят, что он достиг как минимум четвертого возвышения. Может, даже пятого. Бьюсь об заклад, что он получил его у этого повстанца Вара.

– С чего ты вообще взяла, что это он? – спросил Дент.

Золотце фыркнула.

– По городу ходят слухи. В подворотнях находят трупы с гниющими черными ранами. Замечен новый сильный пробуждающий, у которого меч с черным эфесом в серебряных ножнах. Это, без сомнения, Такс. Просто под другим именем.

Дент кивнул.

– Вашер. Он и раньше пользовался этим именем. Вот шутник.

Вивенна нахмурилась.

«Меч с черным эфесом в серебряных ножнах... Человек с арены?»

– О ком идет речь?

Золотце бросила на нее сердитый взгляд, а Дент просто пожал плечами.

– О нашем... старом друге.

– Он представляет проблему, – заметил подошедший Тонк Фа. – Такс обычно оставляет за собой кучу трупов. Его мотивы неясны, он мыслит не так, как другие люди.

– Дент, он почему-то интересуется войной, – заметила Золотце.

– Пускай, – огрызнулся Дент. – Рано или поздно мы с ним пересечемся.

Равнодушно махнув рукой, он отвернулся и отошел. Вивенна проводила его взглядом, отметив досаду в его резких движениях.

– Что с ним не так? – спросила она у Тонк Фа.

– Такс, он же Вашер, – начал наемник, – несколько месяцев назад убил нашего друга в Ярн-Дреде. Раньше нас в команде Дента было четверо.

– Этого не должно было случиться, – продолжила Золотце. – Арстил был превосходным фехтовальщиком, почти таким же, как Дент. Вашер никогда не смог бы одолеть ни одного из них.

– Он убил его этим своим... мечом, – прорычал Тонк Фа.

– Края раны не почернели, – возразила Золотце.

– Значит, он срезал черноту! – огрызнулся Тонк Фа, наблюдая за тем, как Дент закрепляет ножны на поясе. – Вашер никак не мог одолеть Арстила в честном поединке. Никак!

– Этот Вашер, – неожиданно сказала Вивенна. – Я его видела.

Золотце и Тонк Фа резко повернулись к ней.

– Он вчера был при Дворе, – пояснила Вивенна. – Высокий, с мечом, единственный, кто носил оружие. У меча черный эфес и серебряные ножны. Мужчина выглядел как оборванец. Спутанные волосы, клочковатая борода, одежда порвана, а вместо пояса веревка. Он наблюдал за мной и казался... опасным.

Тонк Фа тихо выругался.

– Это он, – бросила Золотце. – Дент!

– Что?

Она показала на Вивенну:

– Он на шаг впереди нас. Сел на хвост твоей принцессе. Она видела его при Дворе, он за ней наблюдал.

– Цвета! – выругался Дент, вогнав дуэльный клинок в ножны на поясе. – Цвета, Цвета, Цвета!

– Что? – побледнела Вивенна. – Может, это совпадение. Может, он просто пришел посмотреть на Двор.

Дент покачал головой.

– Когда этот человек рядом, совпадений не бывает, принцесса. Если он следил за вами, то можете поспорить на все цвета, что он знает, кто вы и откуда. – Он взглянул ей в глаза. – И похоже, что он собирается вас убить.

Вивенна онемела.

Тонк Фа положил руку ей на плечо.

– О, да не волнуйтесь, Вивенна. Он и нас хочет убить. По крайней мере, вы в хорошей компании!

Глава 20

Впервые за несколько недель во дворце Сири не чувствовала ни волнения, ни усталости, стоя у двери в спальню короля-бога.

Как ни странно, Синепалый не писал в своей книге, а молча глядел на нее с непроницаемым выражением лица.

Сири едва сдерживала улыбку. Прошли времена, когда ей приходилось простираться ниц на полу и стоять на коленях, терпя ноющую боль в спине. Прошли времена, когда она засыпала на мраморе, подстелив сброшенное платье. С той самой ночи на прошлой неделе, когда Сири осмелела и забралась в кровать, она хорошо спала в тепле и уюте. И король-бог ни разу не прикоснулся к ней.

Все складывалось замечательно. Похоже, жрецов устраивало то, что она исполняет супружеский долг, и они оставили ее в покое. Ей больше не нужно ни перед кем раздеваться. Она начала знакомиться со светской жизнью дворца и даже посетила еще несколько заседаний Придворной Ассамблеи, хотя и не вошла пока в круг возвращенных.

– Сосуд, – тихо сказал Синепалый.

Она повернулась к управляющему и подняла бровь.

Он неуверенно переступил с ноги на ногу.

– Значит, вы... нашли способ побудить короля отозваться на ваше предложение?

– Об этом уже говорят, да? – спросила Сири, оглянувшись на дверь и внутренне ликуя.

– Ну конечно, Сосуд, – подтвердил Синепалый, постукивая пальцами по книге. – Разумеется, об этом знают только во дворце.

«Отлично», – подумала Сири, оглядываясь по сторонам.

Синепалый довольным не казался.

– В чем дело? – спросила она. – Я вне опасности. Жрецы могут не беспокоиться о наследнике.

«Хотя бы на несколько месяцев. Потом у них возникнут подозрения».

– Сосуд, – строго прошептал Синепалый, – именно в исполнении долга Сосуда и кроется опасность!

Нахмурившись, Сири посмотрела на управляющего, постукивающего по книге.

– О, боги, боги, боги... – бормотал он себе под нос.

– В чем же дело? – повторила она.

– Я не должен был этого говорить.

– Тогда зачем вообще было об этом упоминать?! Честно, Синепалый, вы меня уже довели. Если вы и дальше будете морочить мне голову, то я начну задавать вопросы...

– Нет! – резко выдохнул Синепалый и, оглядевшись, слегка съежился. – Сосуд, вы не должны ни с кем говорить о моих опасениях. Это глупо, совершенно не о чем волноваться и волновать других. Просто...

– Что? – спросила она.

– Вам нельзя зачинать дитя, – сказал Синепалый. – Иначе в опасности окажетесь и вы, и сам король-бог. В этом дворце все... не такое, каким кажется.

– Все так говорят, – огрызнулась Сири. – Если все не такое, каким кажется, тогда откройте мне правду!

– Нет нужды, – ответил Синепалый. – Я больше не буду об этом говорить. После сегодняшней ночи вы будете сами приходить в спальню, распорядок вам уже известен. Выйдя из комнаты для переодевания, отсчитайте сто ударов сердца.

– Вы должны сказать мне хоть что-нибудь! – потребовала Сири.

– Сосуд, – Синепалый подался к ней. – Будьте любезны говорить потише. Вы не представляете, сколько фракций плетут во дворце интриги. Я вхожу во многие из них, и неосторожное слово из ваших уст может обречь меня на смерть... нет, точно обречет. Понимаете? Вы можете это понять?

Она замерла в нерешительности.

– Я не должен ради вас подвергать свою жизнь опасности, – продолжил он. – Но есть в этом деле кое-что, с чем я не согласен. И потому я предупреждаю вас. Постарайтесь не забеременеть от короля-бога. Если желаете узнать больше, то изучите историю. Если честно, я думал, что вы окажетесь немного более подготовленной.

И с этими словами невысокий управляющий ушел.

Покачав головой, Сири со вздохом открыла дверь и вошла в спальню. Притворив дверь, она посмотрела на короля-бога, который, как всегда, наблюдал за нею, и сбросила платье, оставшись в рубашке. Затем залезла на кровать и несколько минут посидела, прежде чем приступить к обычному представлению с подсакиваниями и стонами. Иногда она меняла темп, стараясь быть более изобретательной.

Закончив, она свернулась под одеялом и улеглась на подушках, размышляя.

«Почему Синепалый так темнит?», – недовольно подумала Сири. Она мало что знала о политических интригах, но понимала – люди предпочитают выразиться уклончиво, даже туманно, чтобы их нельзя было поймать на слове.

«Изучите историю...»

Странный совет. Если тайны находятся на виду, то как они могут быть опасны?

И все же Сири была признательна Синепалому. Она не могла винить его за колебания. Наверное, он уже подверг себя большому риску, чем следовало. Если бы не он, то она вообще не узнала бы об опасности.

В некотором роде он был ее единственным другом в городе – как и она, человеком из другой страны. Страны, которую отодвинул в тень прекрасный и дерзкий Халландрен. Человеком, который...

Ее размышления нарушило странное ощущение. Сири открыла глаза.

Кто-то навис над ней в темноте.

Она невольно вскрикнула. Король-бог резко отпрянул, едва удержавшись на ногах. С колотящимся сердцем Сири сжалась на кровати, натягивая одеяло до самой шеи, хотя это было смешно, учитывая, сколько раз он уже видел ее без одежды.

Облаченный в черное король-бог стоял перед ней, в мерцающем свете очага выражение его лица казалось неуверенным. Она никогда не спрашивала у слуг, почему он носит черное. Ей казалось, что он предпочитает белый, на который его биохрома производит такой потрясающий эффект. Несколько секунд Сири сидела, укутавшись в одеяло, потом заставила себя расслабиться.

«Не глупи, – сказала она себе. – Он никогда тебе не угрожал».

– Все в порядке, – мягко сказала она. – Я просто испугалась от неожиданности.

Он взглянул на нее. И Сири с изумлением осознала, что обратилась к нему впервые после дерзкой выходки на прошлой неделе. Теперь, когда он выпрямился во весь рост, она смогла лучше разглядеть, насколько он... насколько он внушительен. Статный и широкоплечий, как статуя. Он выглядел как человек, но более впечатляюще. Он снова осторожно шагнул к кровати, с большей неуверенностью, чем она ожидала от обладателя титула короля-бога, и сел на край ложа.

Затем он задрал на себе рубашку.

«Остре! – в шоке подумала Сири. – О мой бог, Владыка Цвета! Это случилось! Он наконец пришел ко мне!»

Сири не смогла сдержать дрожи. Она убедила себя, что ей комфортно и безопасно. Что не придется опять проходить через все это. Только не снова!

«Я не смогу! Не смогу! Я...»

Король-бог достал что-то из-под рубашки и снова опустил ее. Сири села, пытаясь перевести дыхание и постепенно осознавая, что он к ней не приближается. Успокоившись, она вернула волосам цвет. Король-бог положил на кровать какой-то предмет, и в свете огня Сири увидела, что это... книга. Она мгновенно вспомнила слова Синепалого про историю, но отбросила эту мысль. Судя по названию на обложке, перед ней была книга детских сказок.

Король-бог осторожно открыл первую страницу. Белый пергамент под влиянием его биохромы засиял всеми цветами радуги. Это не исказило текст, и Сири осторожно подалась вперед, пытаясь прочитать.

Она посмотрела на короля-бога, и его лицо показалось не таким застывшим, как обычно. Он кивнул на страницу, указывая на первое слово.

– Ты хочешь, чтобы я это прочла? – спросила Сири шепотом, не забывая о том, что жрецы все еще могут подслушивать.

Король-бог кивнул.

– Тут написано «Сказки для детей», – озадаченно сказала Сири.

Он повернул книгу к себе и посмотрел в нее, задумчиво потирая подбородок.

«Что происходит?» – подумала Сири. Похоже, он не собирается с ней спать. Вместо этого он хочет, чтобы она ему почитала? Сири не могла представить себе такую детскую просьбу. Она снова взглянула на короля-бога. Тот повернул книгу к ней, указал на первое слово и кивнул.

– Сказки? – спросила Сири.

Он указал на слово. Сири присмотрелась внимательнее, пытаясь распознать скрытое значение или таинственный шифр. Вздохнув, она посмотрела на короля-бога.

– Почему бы тебе просто не сказать?

Он помедлил, склонив голову. Потом открыл рот. И в угасающем свете очага Сири увидела нечто ужасное.

У короля-бога Халландрена не было языка.

На его месте был рубец, заметный, только если приглядеться. С ним что-то произошло, из-за какого-то ужасного случая он лишился языка... Или это было сделано намеренно? Зачем кому-то вырывать язык самого короля?

Ответ вспыхнул в уме практически сразу.

«Биохроматическое дыхание, – поняла она, вспомнив полузабытый урок из детства. – Чтобы пробуждать, нужно отдать приказ. Произнести его ясным чистым голосом. Без единой запинки или неясности, иначе дыхание не сработает».

Король-бог внезапно отвернулся, как будто ему стало стыдно. Взяв книгу, он прижал ее к груди и поднялся.

– Нет, прошу! – Сири подалась вперед, вытянув руку и коснувшись его запястья.

Король-бог застыл, Сири быстро отдернула руку.

– Это не потому что мне противно, – прошептала Сири. – Не из-за твоего... рта. А потому что до меня дошло, зачем это с тобой сделали.

Не сводя с нее взгляда, король-бог медленно опустился на кровать. Но расположился достаточно далеко, чтобы они не соприкасались и чтобы Сири не дотянулась до него снова. Тем не менее он осторожно, почти с благоговением, положил книгу на кровать, снова открыл первую страницу и перевел на Сири умоляющий взгляд.

– Ты не умеешь читать, да? – спросила Сири.

Он покачал головой.

– Вот она, тайна, – прошептала она. – Которая так пугает Синепалого. Ты не король, ты марионетка! Подставное лицо. Тебя выставляют напоказ собственные жрецы, принуждая всех падать на колени перед мощью твоей биохромы. Но они лишили тебя языка, чтобы ты не смог применить эту силу, и не научили читать, чтобы ты не узнал слишком много и не смог общаться с другими.

Он отвернулся.

– И тем самым они тебя контролируют.

«Неудивительно, что Синепалый так напуган. Если они способны сделать такое со своим богом... то люди для них – вообще ничто».

Теперь она поняла, почему ей так настойчиво приказывали не говорить с королем и даже не целовать его. Поняла, почему ее так невзлюбили. Жрецы боялись, что кто-то будет находиться наедине с королем-богом. И сможет узнать правду.

– Мне очень жаль, – прошептала Сири.

Он покачал головой и встретился с ней взглядом. В его глазах читалась сила, которую трудно было ожидать от человека, спрятанного и изолированного от других. Наконец он снова опустил взгляд, указывая на слова на странице. На первое слово. Точнее, на первую букву.

– Это буква «шаш», – с улыбкой сказала Сири. – Я могу научить тебя всем буквам, если пожелаешь.

Жрецы правильно делали, что беспокоились.

Глава 21

Вашер стоял на вершине дворца короля-бога и смотрел, как солнце садится за дождевой лес на западе. Заходящее светило бросало отсветы на облака и окрашивало деревья в великолепные красные и оранжевые тона. Затем оно скрылось за лесом, и цвета потускнели.

Говорят, что перед смертью человека его биохроматическая аура внезапно вспыхивает, подобно последнему удару сердца или последней волне перед отливом. Вашер видел такое, но не при каждой смерти. Это было редким явлением, вроде совершенного заката.

«Впечатляюще», – отметил Кровь Ночи.

«Закат?» – уточнил Вашер.

«Да».

«Ты не можешь его видеть», – сказал он мечу.

«Но я могу чувствовать, как его видишь ты. Багровый. Будто кровь в воздухе».

Вашер не ответил. Меч не мог видеть, но посредством могущественной, искаженной биохромы ощущал жизнь и людей. Кровь Ночи создали для защиты и того, и другого. Как ни странно, защита могла быстро и легко превратиться в уничтожение. Иногда Вашеру казалось, что эти два явления по сути одно и то же. Защищая цветок, уничтожают вредителей, которым им кормятся. Защищая здания, вырубают растения, которые могли бы расти на этой почве.

Защищая человека, приходится смиряться с разрушениями, которые он производит.

Хотя вокруг было темно, ощущение жизни не подводило. Вашер слабо чувствовал растущую внизу траву и знал, насколько она далеко. Будь у него больше дыхания, он бы ощутил даже лишайник, облепивший каменные стены. Вашер опустился на колени, касаясь одной рукой штанины, а другой – камня.

– Укрепляй меня, – приказал он и выдохнул.

Штанина затвердела, а на черном камне рядом с ним появились лишенные цвета пятна. Черный тоже был цветом, хотя Вашер не понимал этого, пока не стал пробуждающим. Лохмотья с краев штанов обвили лодыжки и сделались жесткими. Поскольку он стоял на коленях, лохмотья смогли обернуться и вокруг подошв.

Одной рукой Вашер коснулся рукава своей рубахи, а другой дотронулся до мрамора, создавая при этом мысленный образ.

– По моему сигналу стань пальцами и хватай, – приказал он.

Рубашка задрожала, и лохмотья на рукавах обвили вокруг руки, собравшись в пять кисточек, словно пять пальцев.

Сложный приказ. Он потребовал куда больше дыхания, чем хотелось бы Вашеру, оставшегося запаса едва хватало для второго возвышения. Да и для визуализации этого приказа нужна была большая практика. Однако пальцы-кисточки того стоили, они уже доказали свою полезность, и Вашер не желал начинать ночное дело без них.

Он выпрямился и заметил серое пятно посреди абсолютно черной поверхности мраморной стены. Вашер ухмыльнулся, представив, как вознегодуют жрецы, когда это увидят.

Он убедился, что ноги надежно укреплены, сжал Кровь Ночи и осторожно шагнул с края. Дворец был сложен из огромных каменных блоков в форме ступенчатой пирамиды. Вашер пролетел около десяти футов и жестко приземлился ярусом ниже, но пробужденная ткань поглотила часть удара, действуя как второй внешний скелет. Вашер выпрямился, кивнул самому себе и спрыгнул на следующий блок.

Наконец он приземлился на мягкую траву с северной стороны дворца, рядом со стеной, окружавшей все плато. Пригнувшись, он огляделся.

«Крадешься, Вашер? – спросил Кровь Ночи. – У тебя ужасно получается».

Вашер не ответил.

«Надо нападать, – посоветовал Кровь Ночи. – Вот это у тебя получается хорошо».

«Ты просто хочешь показать свою силу», – подумал Вашер.

«Ну да, – согласился меч. – Признай, что подкрадываться ты не умеешь».

На этот раз Вашер не ответил. Одинокий человек в рваной одежде и с мечом, крадущийся по Двору, выглядел подозрительно. Поэтому он озирался. Вашер выбрал ночь, когда боги не планировали значительных празднований за пределами внутреннего двора, но все равно между дворцами шастали небольшие группы жрецов, менестрелей и слуг.

«Насколько точная у тебя информация? – спросил Кровь Ночи. – Потому что, если честно, я не доверяю жрецам».

«Он не жрец», – мысленно ответил Вашер и осторожно двинулся вперед, стараясь оставаться в густой тени каменного выступа.

Его информатор посоветовал держаться подальше от дворцов влиятельных богов вроде Авроры Соблазна и Наблюдателя Спокойствия. Но он также заметил, что дворцы незначительных богов – вроде Дарителя Света или Жаждущего Покоя – для дела не подойдут. Так что его выбор пал на жилище Звезды Милосердия – богини не слишком влиятельной, но известной своим участием в политических делах.

Ее дворец сегодня выглядел темным, но там все равно могла стоять стража. У халландренских возвращенных всегда хватало слуг. И, конечно, Вашер вскоре заметил двух стражников у нужной двери. Они носили яркие костюмы дворцовых слуг – желтые с золотом, цвета своей госпожи.

Они не были вооружены. Кому вздумается напасть на дворец возвращенной? В их задачу входило не допускать, чтобы кто-нибудь бродил поблизости и беспокоил сон их госпожи. Стражники стояли у фонарей, внимательные и настороженные, но больше для вида.

Вашер прикрыл Кровь Ночи плащом и вышел из темноты, тревожно озираясь по сторонам и бормоча себе под нос. Он сгорбился, стараясь получше спрятать длинный меч под одеждой.

«Это уже перебор, – прямо заявил Кровь Ночи. – Образ безумца? Умнее ничего не мог придумать?»

«Сработает, – подумал Вашер в ответ. – Это Двор Богов. Ничто так не притягивает неуравновешенных личностей, как возможность встретиться с божеством».

Заметив его, стражники повернули головы, но не особо удивились. Вероятно, на службе они сталкивались с безумцами чуть ли не каждый день. Вашер видел, какие типы оказывались в очереди на прошения к возвращенным.

– Ну-ка, стой, – велел один из стражников при приближении Вашера. – Ты как сюда попал?

Вашер шагнул к ним, бормоча себе под нос, что хочет поговорить с богиней. Второй стражник коснулся его плеча.

– Пошли, приятель. Давай вернемся к воротам и посмотрим, найдется ли для тебя местечко в приюте на эту ночь.

Вашер замялся. По некоторым причинам он не ожидал доброты и потому почувствовал укол вины за то, что собирался сделать.

Выбросив руку в сторону, он дважды дернул большим пальцем, чтобы заставить длинные кисточки лохмотьев с рукавов повторить движение настоящих пальцев. А затем сжал кулак, и кисточки метнулись вперед, обернувшись вокруг шеи первого стражника.

Тот издал изумленный вздох. Прежде чем второй стражник успел среагировать, Вашер нанес ему удар под дых рукоятью меча. Стражник согнулся, Вашер тут же подсек его ноги и сапогом надавил на шею рухнувшего стражника – медленно, но твердо. Тот задергался, но сейчас ноги Вашера укрепляла сила пробуждения.

На мгновение Вашер замер; оба стражника боролись, пытаясь освободиться. Через несколько секунд Вашер убрал ногу с шеи второго стражника. Потом опустил на траву первого – дважды дернув большим пальцем, чтобы ослабить хватку пальцев-кисточек.

«Ты мной почти не пользуешься, – обиженно сказал Кровь Ночи. – А мог бы. Я же лучше рубашки. Я меч».

Вашер не обратил внимания на жалобу, взглядываясь в темноту, чтобы убедиться в том, что его не заметили.

«Я и впрямь лучше рубашки. Я бы их всех убил. Посмотри, они еще дышат. Дурацкая рубашка».

«Так и надо. Трупы вызывают больше проблем, чем люди, которых просто оглушили».

«Я тоже могу оглушать», – немедленно отозвался Кровь Ночи.

Вашер покачал головой и нырнул в здание. Дворцы возвращенных, в том числе этот, представляли собой череду открытых комнат с цветными занавесями в дверных проемах. Погода в Халландрене была настолько мягкой, что позволяла все время держать помещения открытыми.

Он не пошел через центральные комнаты, а направился по внешнему коридору для слуг. Если информатор сказал правду, то цель Вашера находится в северо-восточной части дворца. Он на ходу размотал опоясывавшую его веревку.

«Пояса тоже дурацкие, – заявил Кровь Ночи. – Они...»

В этот момент из-за угла прямо перед Вашером вышли четверо слуг. Он поднял глаза и вздрогнул, но не слишком удивился.

Изумление слуг длилось чуть дольше. В мгновение ока Вашер выбросил веревку вперед.

– Держи! – приказал он, вливая в нее большую часть оставшегося дыхания.

Веревка охватила руку одного из слуг, хотя Вашер целился в шею. Выругавшись, он дернул слугу к себе. Тот вскрикнул, врезавшись в угол. Другие рванулись прочь.

Второй рукой Вашер схватил Кровь Ночи.

«Да!» – обрадовался меч.

Вашер не стал обнажать меч, а просто швырнул его вперед. Проскользив по полу, оружие остановилось перед тремя оставшимися слугами. Один из них замер, замороженно глядя на меч, и потянулся к нему с восторгом в глазах.

Двое других бросились бежать, оглашая коридоры криками о нарушителе.

«Чтоб тебя!» – выругался Вашер.

Он дернул веревку, снова сбив с ног опутанного слугу. Тот попытался подняться, но Вашер уже оказался рядом и обмотал веревку вокруг его тела и рук. Оставшийся слуга не обратил на них внимания. С горящими глазами он подобрал Кровь Ночи и расстегнул пряжку на рукояти, собираясь извлечь клинок.

Когда над краем ножен показалась тонкая полоска серебристого клинка, за ней подобно жидкости потек черный дым. Часть его опустилась на пол, а остальные струйки дыма щупальцами обвилились вокруг руки слуги, вытягивая из кожи цвет.

Ударом усиленным дыханием ноги Вашер отшвырнул мужчину, заставив выронить Кровь Ночи. Связанный слуга еще дергался, пытаясь высвободиться. Вашер не обратил на него внимания, сгреб того, который подхватил меч, и двинул головой о стену.

Тяжело дыша, Вашер подобрал Кровь Ночи, задвинул его в ножны и защелкнул пряжку. Затем потянулся к веревке, опутавшей оглушенного слугу.

– Дыхание твое – ко мне, – велел он, забирая жизнь из веревки и оставляя человека связанным.

«Ты не дал мне его убить», – возмущился Кровь Ночи.

«Да, – ответил Вашер. – Трупы, помнишь?»

«И... двое от меня убежали. Это неправильно».

«Ты не можешь соблазнить чистых сердцем, Кровь Ночи».

Он уже множество раз повторял эти слова, но казалось, что меч просто не способен их понять.

Вашер стремительно пронесся по коридору. Оставалось пройти совсем немного, но во дворце уже звучали тревожные крики и призывы на помощь. Драться с армией слуг и солдат ему совершенно не хотелось. Вашер неуверенно остановился в коридоре с голыми стенами. Он мимоходом отметил, что пробуждение веревки невольно вытянуло цвет из сапог и плаща – единственной непробужденной на нем одежды.

Серая ткань мгновенно выдала бы его. Но сама идея об отступлении была ему неприятна. Он раздраженно стиснул зубы и стукнул кулаком по стене. Предполагалось, что все пройдет более гладко.

«Я же говорил, что ты не умеешь подкрадываться», – заметил Кровь Ночи.

«Заткнись».

Вашер не собирался отступать. Порывшись в мешочке на поясе, он вытащил оттуда мертвую белку.

«Фу!» – фыркнул Кровь Ночи.

Вашер опустил руку на колени и положил руку на трупик.

– Пробудись дыханием моим, – приказал он, – служи желаниям моим, живи по приказу и слову моему. Павшая веревка.

Последние слова стали управляющей фразой. Вашер мог бы выбрать что угодно, но сказал первое, что пришло в голову.

Одно дыхание исчезло из его тела, впитавшись в трупик грызуна, и тот задергался. Это дыхание Вашер никогда не сможет вернуть – безжизненные создавались навсегда. Белка утратила цвет, полностью посерев: пробуждение питалось цветами самого тела, используя их для трансформации. Она и при жизни имела серую окраску, поэтому разницу было не просто заметить. Вот почему Вашер предпочитал этих зверьков.

– Павшая веревка, – сказал он, и белка посмотрела на него серыми глазами.

Управляющая фраза прозвучала, и теперь Вашер мог дать существу любой приказ, как и при обычном пробуждении.

– Шуми. Бегай. Кусай всех, кроме меня. Павшая веревка.

Вторично произнесенная фраза заблокировала восприятие зверька, так что ему больше нельзя приказывать.

Белка вскочила и метнулась по коридору к открытой двери, в которую убежали слуги. Вашер тоже поднялся и перешел на бег, надеясь, что этот маневр подарит ему время. И впрямь, через несколько секунд он услышал крики из другой части здания, а затем лязг и вопли. Остановить безжизненного не просто, особенно только что созданного с приказом кусаться.

Вашер улыбнулся.

«Мы бы могли с ними справиться», – заметил Кровь Ночи.

Вашер поспешил к месту, о котором ему рассказал информатор. Вот и ориентир – треснувшая панель на стене, якобы обычная полочка в здании. Вашер присел на корточки, надеясь, что информатор не солгал. Затем пошарил на полу и замер, нащупав скрытую задвижку.

Он открыл ее и обнаружил потайной ход. Считалось, что во дворцах возвращенных нет подземелий. Он улыбнулся.

«А что если из этого туннеля нет другого выхода?» – спросил Кровь Ночи, когда Вашер прыгнул вниз, а пробужденная одежда смягчила удар.

«Думаю, тогда ты перебеешь кучу народа», – ответил Вашер. Но пока что информация была верна, и он предполагал, что так будет и дальше.

Похоже, что жрецы Радужных Тонов многое скрывали от остального королевства. И от своих богов.

Глава 22

Любящий Ненастье, бог бурь, выбрал со стойки один из деревянных шаров и взвесил его в руке. Темно-синий шар с вырезанным на его поверхности узором из колец был сделан для ладони бога и утяжелен свинцом.

– Сфера удвоения? – спросил Восславляющий Жизнь. – Смелый ход.

Любящий Ненастье оглядел небольшую группку богов. Гимн Света находился среди них, потягивая сладкий апельсиновый сок с толикой алкоголя. С тех пор как он позволил Лларимару вытащить себя из кровати, прошло уже несколько дней, но он все еще не решил, как ему поступить.

– Смелый, да, – согласился Любящий Ненастье, подкидывая и ловя шар. – Скажи мне, Гимн Света Смелый, благоволишь ли ты этому броску?

Остальные боги рассмеялись. Играли вчетвером. Любящий Ненастье по своему обыкновению был облачен в зеленое с золотом одеяние, которое удерживалось на одном плече, оборачивалось вокруг пояса и ниспадало до середины бедра. Этот наряд повторял облачения древних возвращенных со старинных картин, написанных столетия назад, и подчеркивал рельефные мускулы и божественную фигуру. Бог стоял на краю балкона, поскольку пришла его очередь делать ход.

Остальные трое сидели позади него – Гимн Света слева, бог целительства Восславляющий Жизнь посередине, а справа в отдалении сидел облаченный в узорчатый плащ и бордовый с белым мундир Зов Истины, бог природы.

Трое богов сильно походили друг на друга. Если бы Гимн Света знал их хуже, то с трудом различал бы. Каждый был почти семи футов ростом, с крепкими мускулами, каким позавидовал бы любой смертный. Правда, у Восславляющего Жизнь волосы каштановые, у Любящего – белокурые, а у Зова Истины – черные. Но у всех троих были присущие возвращенным божествам одинаковые скуластые лица, безупречные прически и характерная грация. Различалась только одежда.

Гимн Света пригубил напиток.

– Благословляю ли я твой бросок, Любящий? – переспросил он. – А разве мы не соревнуемся друг с другом?

– Полагаю, да, – ответил бог, подбрасывая деревянный шар.

– Так зачем мне тебя благословлять, если ты играешь против меня?

Любящий Ненастье самодовольно усмехнулся и с размаху метнул шар через перила. Тот подскочил, покатился по траве и наконец остановился. Эту часть двора огородили кольями с натянутыми между ними веревками, превратив ее в огромную площадку для игры. Жрецы и слуги суетились, делая пометки и записывая счет вместо богов. Тарачин был сложной игрой, в него играли только богатые. Гимн Света так и не удосужился выучить правила.

Ему было гораздо интереснее играть, не имея понятия о том, что он делает.

Он бросал следующим. Гимн встал и выбрал со стойки шар того же цвета, что и его напиток. Он подбросил оранжевую сферу на ладони и, даже не прицелившись, метнул на поле. Направленный силой совершенного тела, шар пролетел гораздо дальше, чем следовало. Вот почему поле было таким большим: его обустроили по меркам богов, и потому для игры им требовалось подняться на балкон, чтобы все видеть.

Тарачин считался одной из самых сложных игр в мире. Он требовал силы, смекалки, координации и стратегического мышления, чтобы выбрать шар, нацелить его в нужное место, рассчитать силу и точность броска и в итоге завоевать все поле.

– Четыреста тринадцать очков! – объявил слуга, когда писцы сообщили ему число.

– Еще один блистательный бросок, – оживился в своем кресле Зов Истины. – Как тебе это удастся? Мне бы и в голову не пришло использовать в этом броске обратную сферу!

«Так вот как называются оранжевые?» – подумал Гимн, возвращаясь на свое место.

– Просто надо понимать игровое поле, – сказал он, – и научиться проникать в разум шара. Думать, как он, рассуждать как он.

– Рассуждать как шар? – удивился Восславляющий Жизнь, вставая. Он носил ниспадающее складками одеяние своих цветов – синего с серебром. Бог целительства выбрал со стойки зеленую сферу и уставился на нее. – Какие мысли могут быть у шара?

– Думаю, округлые, – беспечно ответил Гимн. – По совпадению это и мой любимый тип мышления. Может, потому игра мне так удается.

Восславляющий нахмурился и открыл рот, чтобы ответить, но тут же закрыл, озадаченный замечанием Гимна. Увы, превращение в бога не усиливало интеллектуальные способности вместе с физическими. Гимна это не волновало. Для него истинный смысл тарачина был вовсе не в том, куда кинуть шар.

Восславляющий Жизнь сделал бросок и сел.

– Знаешь, Гимн, – с улыбкой произнес он. – Говорю это как комплимент, но твое общество высасывает из нас все соки!

– Да, – отозвался Гимн, делая глоток, – в этом я удивительно похож на москита. Зов, разве сейчас не твой ход?

– Вообще-то снова твой, – заметил тот. – Ты же последним броском достиг коронной пары, помнишь?

– А, да, как я мог забыть, – отозвался Гимн, поднимаясь. Он взял другой шар, метнул его через плечо на траву и снова сел.

– Пятьсот семь очков, – объявил жрец.

– Вот теперь ты просто выделяешься, – констатировал Зов Истины.

Гимн Света не ответил. Он считал, что раз в игре выигрывает тот, кто знаком с ней хуже всех, то в правила вкралась ошибка. Однако он сомневался, что другие с этим согласятся. Все трое были очень увлечены тарачином и играли каждую неделю. Им просто больше не на что было тратить время.

Гимн подозревал, что его они приглашают только потому, что хотят наконец доказать, что могут его победить. Если бы он разбирался в правилах, то попытался бы намеренно проиграть, чтобы они больше не настаивали на его участии. Однако Гимну нравилось, как их раздражают его победы, хотя, конечно, они всегда держались в рамках приличия. В любом случае, он подозревал, что в таких обстоятельствах не смог бы проиграть, даже если бы захотел. Довольно сложно провалить игру, если понятия не имеешь, как удастся побеждать.

Зов Истины наконец подошел сделать свой ход. Он всегда носил военную форму, и бордовый с белым цвета отлично на нем смотрелись. Гимн подозревал, что Зов хотел бы получить приказы для армии безжизненных, но вместо этого ему дали право голоса по вопросам торговли с другими королевствами.

– Я слышал, ты несколько дней назад говорил с королевой, – заметил Зов Истины, делая бросок.

– Верно, – подтвердил Гимн между глотками. – Должен отметить, с ней исключительно приятно общаться.

Любящий Ненастье тихо хохотнул, явно посчитав последнюю фразу саркастичной – и это слегка раздражало, потому что сейчас Гимн говорил искренне.

– Весь двор бурлит, – заметил Зов, отбросив назад плащ и наклоняясь над перилами в ожидании подсчета очков. – Идрисцы нарушили договор, можно сказать.

– Не та принцесса, – согласился Любящий. – Мы получили повод.

– Да, – задумчиво ответил Зов Истины, – но повод для чего?

– Для нападения! – по обыкновению прямо высказался Восславляющий Жизнь. Остальные вздрогнули и поглядели на него.

– Можно получить куда больше, Восславляющий.

– Да, – отозвался Любящий Ненастье, лениво покачивая кубок с остатками вина. – Конечно, мои планы уже пришли в движение.

– А что это за планы, божественный собрат? – поинтересовался Зов Истины.

Любящий Ненастье улыбнулся.

– Можно я не буду портить сюрприз?

– Зависит от того, – ровно заметил Зов Истины, – помешает ли это мне потребовать у идрисцев более свободного доступа к перевалам. Могу поспорить, что на новую королеву можно оказать... определенное давление и получить ее одобрение в этом деле. Говорят, она очень наивна.

Гимн ощутил ком в горле. Он знал, как его собратья вечно интригуют и что-нибудь замышляют. Они встречаются друг с другом не только для того, чтобы поиграть в шары, но и чтобы плести заговоры и заключать сделки.

– Ее невежество наверняка притворно, – сказал Восславляющий Жизнь с редкой для него задумчивостью. – Ее бы не прислали, будь она на самом деле столь неопытна.

– Она из Идриса, – пренебрежительно произнес Зов Истины. – В их главном городе населения меньше, чем в небольшом районе Т’Телира. Ручаюсь, они едва ли понимают, что такое политика. Они больше привыкли разговаривать с овцами, чем с людьми.

Любящий Ненастье кивнул.

– Даже если она «хорошо обучена» по их меркам, то здесь ею будет несложно манипулировать. Главная хитрость заключается в том, чтобы другие не добрались до нее раньше нас. Гимн, что ты о ней скажешь? Будет ли она с готовностью выполнять то, что скажут ей боги?

– Без понятия, – ответил Гимн, жестом велел налить себе еще сока. – Как вы знаете, я не слишком интересуюсь политическими интригами.

Любящий Ненастье и Зов Истины с усмешками переглянулись. Подобно большинству богов при дворе, они считали, что Гимн Света безнадежен, когда речь заходит о практических вопросах. А под «практичностью» они подразумевали способность использовать других.

– Гимн, – с бестактной прямоотой сказал Восславляющий Жизнь, – тебе и впрямь надо больше интересоваться политикой. Она тебя может неплохо развлечь. Знал бы ты, какие тайны открываются мне в укромных уголках!

– Дорогой мой Восславляющий, – отозвался Гимн, – будь любезен, поверь, у меня совершенно нет желания знать, что ты делаешь в укромных уголках. Пусть это так и останется тайной.

Собеседник нахмурился, явно пытаясь вникнуть в смысл сказанного.

Двое других снова принялись обсуждать королеву, а жрецы доложили о результате последнего броска. Странное дело, но Гимн почувствовал растущую тревогу. И когда Восславляющий поднялся для следующего хода, Гимн тоже встал.

– Мои божественные братья, – сказал он. – Что-то мне нехорошо. Возможно, попалось что-то неудобоваримое.

– Надеюсь, не из того, что здесь подавали? – спросил Зов Истины. Дворец принадлежал ему.

– Я не о еде, – ответил Гимн. – Наверное, кое-что другое. Мне действительно нужно уйти.

– Но ты ведешь! – воскликнул Зов. – Если сейчас уйдешь, то придется на следующей неделе играть заново!

– Мне от твоих угроз ни жарко, ни холодно, божественный брат. – Гимн с уважением кивнул каждому из богов. – Я прощаюсь с вами, пока вы вновь не притащите меня сюда, дабы предаться этой трагичной игре.

Они рассмеялись. Гимн не знал, веселиться ему или обижаться на то, что они так часто принимают его шутки за серьезные высказывания и наоборот.

Он забрал своих жрецов, в том числе Лларимара, из примыкающей к балкону комнаты, но не испытывал желаний с ними разговаривать. По-прежнему встревоженный, он шел по дворцу, отделанному в темно-красных и белых тонах. По сравнению с истинными мастерами политики вроде Авроры Соблазна, игроки на балконе были просто любителями. Недалекими и предсказуемыми в своих планах.

Но даже недалекие и предсказуемые они могли быть опасны, особенно для такой женщины, как королева, не имеющей опыта в подобных делах.

«Я уже решил, что не могу ей помочь», – подумал Гимн, выходя из дворца на зеленую лужайку. Справа от него раскинулась площадка для тарачина, размеченная сложными переплетениями веревок. В отдалении с глухим стуком упал и подскочил шар. Гимн пошел по траве, не дожидаясь, пока жрецы поднимут полог для защиты от полуденного солнца.

Он все еще опасался, что от его попытки помочь станет только хуже. А еще эти сны. О войне и насилии. Снова и снова он видел падение Т’Телира, гибель своей родины. Эти сны больше нельзя игнорировать, даже если он не считает их пророческими.

Аврора полагает, что эта война очень важна. Или что по крайней мере важно к ней подготовиться. Гимн доверял ей больше, чем другим божествам, но его беспокоила ее агрессивность. Она пришла к нему и предложила принять участие в ее планах. Может, потому что знала, что он будет сдержаннее, чем она сама? Намеренно уравнивала себя же?

Гимн Света выслушивал прошения, хотя у него и в мыслях не было отдать свое дыхание и умереть. Он комментировал картины, хотя не признавал, что видит в них что-то пророческое. Так нельзя ли на всякий случай усилить охрану Двора, даже не веря в то, что его видения хоть что-то значат? Особенно если эти приготовления помогут защитить юную женщину, у которой, несомненно, нет других союзников?

Лларимар советовал ему поступать так, как он считает нужным. Звучит так, будто ему придется ужасно много поработать. К несчастью, начинало казаться, что ничегонеделание потребует еще больше работы. Иногда, если ты наступил в нечто мерзкое, нужно просто остановиться и попытаться это счистить.

Вздохнув, Гимн покачал головой и пробормотал себе под нос:

– Наверное, я об этом пожалею.

И отправился на поиски Авроры Соблазна.

***

Этот человек был худым, как скелет, и каждый шумно высасываемый им моллюск заставлял Вивенну вздрагивать по двум причинам. Во-первых, она никак не

могла поверить, что кому-то может нравиться такая скользкая слизнеподобная еда, вторых, мидии были очень редкими и чрезвычайно дорогими. А платила она.

В послеполуденное время ресторан был заполнен: днем люди предпочитали есть в городе, а не возвращаться домой на обед. Вивенне сама идея ресторанов по-прежнему казалась странной. Разве у этих мужчин нет жен или слуг, которые могут приготовить еду? Разве они не испытывают неудобства, обедая в общественном месте? Здесь все было такое... безликое.

Дент и Тонк Фа сидели по обе стороны от нее. И, конечно, они тоже с удовольствием опустошали тарелку с мидиями. Вивенне казалось, что моллюсков подавали сырыми, хотя она не была в этом уверена и умышленно не хотела уточнять.

Сидящий напротив нее тощий мужчина проглотил еще одного моллюска. Похоже, ему тут не особо нравилось, несмотря на дорогую обстановку и бесплатную еду. Он все время кривил губы, и, хотя по нему нельзя было сказать, что он нервничает, Вивенна заметила, что он следит за входом в ресторан.

– Итак, – произнес Дент, бросив на стол еще одну пустую раковину и вытирая пальцы о скатерть, что было обычным делом в Т'Телире. – Ты можешь нам помочь или нет?

Человечек, который представился как Пройдоха, пожал плечами.

– Что за небылицы ты несешь, наемник?

– Ты меня знаешь, Пройдоха. Когда я тебе врал?

– Когда тебе платили за ложь, – фыркнул Пройдоха. – Я просто ни разу тебя не поймал.

Тонк Фа гоготнул и потянулся к новой мидии. Она выскользнула из раковины как раз в тот момент, когда он поднес моллюска к губам. Скользкая штука плюхнулась на стол, и Вивенне пришлось напрячь всю силу воли, чтобы ее не стошнило.

– Но ты не споришь с тем, что надвигается война, – сказал Дент.

– Конечно нет, – отозвался Пройдоха. – Но она уже сто лет надвигается. С чего ты взял, что она разразится в этом году?

– А ты можешь отбросить такую возможность? – спросил Дент.

Пройдоха поежился и снова принялся за мидии. Тонк Фа складывал ракушки одну на другую, чтобы проверить, сколько штук смогут удержаться в равновесии. Вивенна пока молчала. Ее мало волновало то, что она почти не принимает участия в разговоре. Она наблюдала, узнавала и размышляла.

Пройдоха был землевладельцем. Он вырубал лес и сдавал расчищенную землю в аренду фермерам. Для рубки леса он частенько прибегал к помощи безжизненных рабочих, которых ему предоставляло правительство. Однако такое одолжение делалось при одном условии: в случае войны все производимое в его владениях продовольствие немедленно становится собственностью возвращенных.

Хорошая сделка. Правительство, вероятно, и так бы захватило его земли во время войны, поэтому он не терял ничего, кроме права на жалобу.

Пройдоха отправил в рот еще одну мидию. «Как их в нем столько помещается?» – подумала Вивенна. Он уже ушел почти вдвое больше отвратительных маленьких созданий, чем Тонк Фа.

– Этого урожая тебе не видать, Пройдоха, – сказал Дент. – Если мы правы, то ты многое потеряешь в этот год.

– Но, – Тонк Фа добавил к пирамидке еще одну раковину, – если соберешь его раньше и продашь свои запасы, ты обойдешь конкурентов.

– А вам-то что? – спросил Пройдоха. – Откуда мне знать, что эти же конкуренты не наняли вас, чтобы убедить меня в приближении войны?

За столом воцарилось молчание, и стало слышно, как другие обедающие стучат ложками. Наконец Дент повернулся к Вивенне и кивнул.

Она накинула платок – не благопристойный, привезенный из Идриса, а тонкий шелковый, найденный для нее Дентом. Глядя в глаза Пройдохе, Вивенна сменила цвет волос на темно-красный. Пока голову прикрывал платок, перемену могли увидеть только сидящие с ней за одним столом.

Пройдоха застыл.

– Еще раз, – попросил он.

Вивенна сделала волосы светлыми.

Пройдоха отшатнулся, его мидия выскользнула из раковины и шлепнулась на стол рядом с той, которую уронил Тонк Фа.

– Королева? – потрясенно спросил он.

– Нет, – поправила Вивенна. – Ее сестра.

– Что здесь творится? – поинтересовался Пройдоха.

Дент усмехнулся:

– Она приехала организовать сопротивление против возвращенных богов и представлять в Т'Телире интересы Идриса в грядущей войне.

– Ты же не думал, что старый правитель гор пришлет дочь просто так? – сказал Тонк Фа. – Война. Вот единственное, что могло толкнуть на такой отчаянный шаг.

– Ваша сестра. – Пройдоха пристально смотрел на Вивенну. – Ко двору послали младшую. Почему?

– Планы короля – его дело, Пройдоха, – заметил Дент.

Пройдоха задумался. Смахнув упавшую мидию на тарелку с пустыми раковинами, он потянулся за следующей.

– Я так и знал, что за приездом этой девочки что-то стоит.

– Так ты соберешь урожай? – спросил Дент.

– Я подумаю, – сказал Пройдоха.

– Ну и на том спасибо, – согласился Дент.

Он кивнул своим спутникам, и они оставили Пройдоху доедать моллюсков. Вивенна расплатилась по счету, который даже превзошел ее опасения, и они присоединились к ожидавшим снаружи Парлину, Золотцу и Чурбану. Группа двинулась прочь от ресторана, с легкостью пробираясь сквозь толпу благодаря шагающему впереди массивному безжизненному.

– Куда теперь? – спросила Вивенна.

Дент оглядел ее.

– Не устали?

Вивенна не стала признаваться, что у нее гудят ноги и слипаются глаза.

– Мы трудимся на благо моего народа, Дент. Небольшая усталость – приемлемая цена.

Дент бросил взгляд на Тонк Фа, но здоровяк как раз двинулся через толпу к палатке торговца. Парлин тащился за ним. Вивенна обратила внимание на то, что он опять надел нелепую зеленую шапку, несмотря на ее неодобрение. Что с ним такое? Он не блистал умом, но всегда мыслил здраво.

– Золотце, – позвал Дент. – Проведи нас к Реймару.

Золотце кивнула и отдала Чурбану распоряжения, которые Вивенна не расслышала. Компания повернула сквозь толпу в другую сторону.

– Оно слушается только ее? – спросила Вивенна.

Дент пожал плечами.

– У Чурбана есть общий приказ делать то, что скажем мы с Тонком, и у меня есть управляющая фраза, если понадобится больше контроля.

Вивенна нахмурилась:

– Управляющая фраза?

Дент посмотрел на нее.

– Эта тема намного еретичнее, чем те, которые мы уже затрагивали. Вы уверены, что хотите продолжения?

Вивенна проигнорировала шутливость его тона.

– Мне по-прежнему не нравится, что с нами это существо, особенно если я никак не могу его контролировать.

– Любое пробуждение действует через приказы, принцесса, – объяснил Дент. – Вы наделяете что-нибудь жизнью, потом отдаете приказ. Безжизненные ценны потому, что ими можно командовать и после создания, в отличие от обычных пробужденных предметов, которым приказ отдается заранее и только один раз. Вдобавок безжизненные могут запомнить много сложных распоряжений и редко неправильно их понимают. Полагаю, в них остается немного человечности.

Вивенна содрогнулась. По описанию безжизненные казались более разумными, чем ей хотелось бы.

– Это значит, что безжизненного может контролировать практически кто угодно, – продолжил Дент, – а не только создатель. Поэтому им дают управляющие фразы. Пара слов, после которых можно отдавать новые приказы.

– А какая управляющая фраза у Чурбана?

– Мне надо спросить Золотце, можно ли вам ее озвучить.

Вивенна собралась возразить, но передумала. Денту не нравилось, когда ему докучали расспросами о Золотце и ее работе. Решив поднять этот вопрос позже, в более подходящей обстановке, она окинула взглядом Чурбана. Одет он был просто – серые

штаны и рубашка, кожаная куртка, из которой вытянули цвет. А на поясе меч. Не дуэльный, а гораздо более грубое оружие с широким лезвием.

«Сплошь серое, – подумала Вивенна. – Это чтобы все понимали, что Чурбан – безжизненный?»

Хотя Дент говорил о безжизненных как об обычных существах, многие люди сторонились Чурбана. «Змеи в джунглях тоже обычное дело, – подумала Вивенна. – Но это не означает, что людям приятно с ними встречаться».

Золотце что-то тихо говорила безжизненному, хотя существо не отвечало. Оно просто шло вперед, ровным, нечеловечески размеренным шагом.

– А она всегда... говорит с ним вот так? – поежилась Вивенна.

– Да, – ответил Дент.

– Это как-то нездорово выглядит.

Дент казался обеспокоенным, но ничего не ответил. Вскоре вернулись Тонк Фа и Парлин. К неудовольствию Вивенны, у Тонк Фа на плече оказалась маленькая обезьянка. Заверещав, животное перебежало на другое плечо хозяина.

– Новый питомец? – поинтересовалась Вивенна. – А куда пропал попугай?

Тонк Фа смущенно опустил глаза, а Дент покачал головой.

– У него вечно проблемы с животными.

– Попугай все равно был скучным, – сказал Тонк Фа. – Обезьяны куда забавнее.

Вивенна только покачала головой. Вскоре они пришли в новый ресторан, не такой роскошный, как предыдущий. Золотце, Парлин и безжизненный как обычно остались снаружи, а Вивенна и двое наемников вошли внутрь.

Встречи уже стали рутиной. За последние две недели они пообщались как минимум с десятком людей разной степени полезности. Некоторые были главарями преступного мира – Дент посчитал, что они смогут вызвать беспорядки. Другие были торговцами вроде Пройдохи. В общем, Вивенну впечатлило количество способов, какими Дент мог причинить Т'Телиру неприятности.

Однако чаще всего в качестве решающего довода ей приходилось показывать Королевские Локоны. Большинство людей немедленно проникались важностью того, что в городе находится принцесса. Вивенне оставалось только удивляться тому, как Лемекс намеревался добиться успеха без такого убедительного аргумента.

Дент провел своих спутников к столику в углу, и Вивенна с недовольством заметила, насколько грязен ресторан. Свет проникал лишь через узкие, похожие на бойницы окна на потолке, но даже его хватило, чтобы заметить глубоко въевшуюся грязь. Несмотря на голод, Вивенна решила, что не будет ничего есть в этом заведении.

– А почему мы постоянно меняем рестораны? – Она протерла стул платком и уселась.

– Так за нами сложнее шпионить, принцесса, – пояснил Дент. – Я постоянно предупреждаю вас: тут опаснее, чем вы думаете. Не давайте простым встречам за столом сбить вас с толку. В другом городе мы бы проводили их в подземельях, игорных притонах или переулках. Лучше постоянно перемещаться.

Они устроились за столом, и наемники заказали еду, как будто не пообедали только что уже второй раз за день. Вивенна сидела молча, готовясь к встрече. Пир Богов считался в Халландрене чем-то вроде священного дня, хотя, насколько она видела, люди в этом языческом городе не понимали, что такое «священный день». Вместо заботы о нуждающихся или помощи монахам на полях они брали выходной и тратили деньги на еду – словно боги требовали от них расточительности.

А может, так и было. Судя по слухам, возвращенные были прожигателями жизни. Ничего удивительного, что их приверженцы проводят «святой день» в праздности и обжорстве.

Нужный человек прибыл до того, как подали заказ. Он вошел в сопровождении двух телохранителей. Мужчина был хорошо одет – то есть ярко, как принято в Т'Телире, но с длинной неухоженной бородой и без нескольких зубов. Вошедший указал на второй стол, и охранники тут же подтащили его к столу Вивенны, а затем поставили рядом три стула. Он сел, стараясь держаться на расстоянии от Дента и Тонк Фа.

– Паранойя замучила? – поинтересовался Дент.

Мужчина поднял руки.

– Осторожность никогда не повредит.

– Ну так нам больше еды достанется, – заметил Тонк Фа.

Как раз принесли большое блюдо с чем-то порубленным на кусочки и поджаренным. Обезьянка немедленно сбежала по руке Тонк Фа и схватила несколько кусочков.

– Итак, – сказал пришедший, – ты и есть пресловутый Дент.

– Он самый. Полагаю, ты Хват?

Мужчина кивнул.

«Воровской главарь с одной из самых плохих репутаций в городе, – подумала Вивенна. – Был сильным союзником Вара».

Этой встречи они ждали уже несколько недель.

– Отлично, – сказал Дент. – Нам сыграет на руку, если некоторые телеги с поставками исчезнут на пути к городу.

Он сказал об этом совершенно открыто – и Вивенна огляделась, убеждаясь, что другие столики далеко.

– Это ресторан Хвата, принцесса, – шепнул Тонк Фа. – Пожалуй, половина присутствующих – его охрана.

«Чудесно», – только и подумала она, раздраженная тем, что ей не сказали об этом раньше. Она снова оглянулась, еще более нервно.

– Так что ты хочешь? – спросил Хват, и Вивенна снова сосредоточилась на разговоре. – Чтобы что-то пропало? Караваны с продовольствием?

– Работа непростая, – мрачно сказал Дент. – Это не караваны издалека. Большинство из них прибывает в город с близлежащих ферм.

Он кивнул Вивенне, та вынула небольшой кошелек с монетами и протянула ему. Дент перебросил кошелек на соседний стол.

Один из телохранителей изучил его содержимое.

– За то, что вы взяли на себя труд прийти, – пояснил Дент.

С тяжелым чувством Вивенна проводила деньги взглядом. Ей казалось совершенно неправильным пускать королевские средства на подкуп типов вроде Хвата. А отданное даже не было настоящей взяткой, а просто «благодарностью», как выразился Дент.

– Итак, – продолжил Дент, – мы говорили о телегах...

– Стоп, – оборвал Хват. – Сначала покажите волосы.

Вивенна вздохнула и потянулась к платку.

– Без платка, – сказал Хват. – Без фокусов. Здесь все свои.

Вивенна бросила взгляд на Дента, тот кивнул. Она пару раз сменила цвет волос; Хват внимательно наблюдал, почесывая бороду.

– Неплохо, – наконец произнес он. – Совсем неплохо. Где ты ее откопал?

– В смысле? – нахмурился Дент.

– Женщину, у которой хватает королевской крови, чтобы выдавать себя за принцессу.

– Она не мошенница, – возразил Дент. Тонк Фа продолжал поедать жареное нечто.

– Ну признайся, – настаивал Хват с широкой кривой ухмылкой. – От меня можно и не таить.

– Они настоящие, – заявила Вивенна. – Принадлежность к королевской семье важнее, чем просто кровное родство. Это касается линии наследования и священного благословения Остре. Если я не стану королевой Идриса, то у моих детей не будет Королевских Локонов. Только потенциальные наследники обретают способность менять цвет волос.

– Суеверная чепуха, – сказал Хват. Он наклонился вперед, не глядя на Вивенну и устремив взгляд на наемника. – Мне плевать на караваны, Дент. Я хочу купить у тебя девчонку. Сколько?

Дент молчал.

– В городе о ней уже поползли слухи, – продолжил Хват. – Я вижу, что ты делаешь. С кем-то, кто вроде бы из королевской семьи, ты можешь поднять много людей и устроить волнения. Уж не знаю, где ты ее нашел и как обучил до такой степени, но я ее хочу.

Дент медленно поднялся.

– Уходим.

Телохранители Хвата тоже встали.

Дент атаковал.

Потрясенная Вивенна даже не успела ничего различить – лишь вспышки стали в лучах солнца и невероятно быстро перемещающиеся фигуры. Затем движение прекратилось. Хват оставался в кресле, Дент замер, пронзив дуэльным клинком шею одного из охранников.

Тот застыл с изумлением на лице, все еще держась за меч. Вивенна даже не заметила, когда Дент выхватил оружие. Другой телохранитель пошатнулся, на его груди расплывалось кровавое пятно. Удивительно, но Дент успел поразить и его.

Он рухнул на пол, в предсмертной судороге задев стол Хвата.

«Владыка Цвета... – пораженно подумала Вивенна. – Такая скорость!»

– А ты и впрямь так хорош, как говорят, – по-прежнему беззаботно произнес Хват.

Все мужчины в комнате начали подниматься. Их было человек двадцать. Тонк Фа сгреб с тарелки горсть поджаренных кусочков и толкнул Вивенну.

– Наверное, нам лучше встать, – шепнул он.

Дент выдернул меч из шеи телохранителя, и тот присоединился к истекающему кровью товарищу на полу. Дент вогнал меч в ножны, не вытерев его и не сводя глаз с Хвата.

– О тебе ходят слухи, – заметил Хват. – Говорят, что ты возник из ниоткуда лет десять назад. Собрал команду из лучших – переманил их у серьезных людей или из серьезных тюрем. Никто о тебе толком ничего не знает, кроме того, что ты быстр. Некоторые даже говорят – нечеловечески быстр.

Дент кивнул на выход. Вивенна нервно поднялась и позволила Тонк Фа проводить ее через комнату. Охрана застыла, держась за оружие, но никто не напал.

– Жаль, что мы не договорились, – вздохнул Хват. – Надеюсь, в будущих делах ты обо мне не забудешь.

Дент наконец отвернулся, догнал Вивенну и напарника у двери, и они вышли из ресторана на солнечную улицу. Парлин и Золотце присоединились к ним.

– Он позволил нам уйти? – спросила Вивенна с колотящимся сердцем.

– Он просто хотел увидеть меня в деле, – ответил Дент. Он все еще казался напряженным. – Такое случается.

– А еще хотел украсть принцессу, – добавил Тонк Фа. – Он либо убедился бы в мастерстве Дента, либо заполучил вас.

– Но... ты мог его убить! – воскликнула Вивенна.

Тонк Фа фыркнул.

– И навлечь на себя гнев половины воров, убийц и грабителей города? Нет, Хват знал, что сам он вне опасности.

Дент посмотрел на Вивенну:

– Прошу прощения, что потратил ваше время. Я думал, от него будет польза.

Она нахмурилась, впервые заметив тщательно сработанную маску, под которой Дент скрывал чувства. Вивенна всегда считала его таким же беспечным, как Тонк Фа, но теперь увидела намеки на что-то другое. Контроль. И этот контроль, впервые со времени их знакомства, дал трещину.

– Что ж, обошлось без потерь, – сказала она.

– Не считая болванов, которых проткнул Дент, – жизнерадостно добавил Тонк Фа, скармливая обезьянке еще кусочек.

– Нам надо...

– Принцесса? – позвал голос из толпы.

Наемники мгновенно обернулись. Меч Дента снова вылетел из ножен быстрее, чем Вивенна успела заметить. Но на сей раз он не ударил – человек позади них не выглядел угрожающим. На вид обычный фермер с морщинистым загорелым лицом и в коричневых лохмотьях.

– О, принцесса, – незнакомец поспешил к ней, даже не глядя на клинки. – Это вы. Я слышал слухи, но... вы здесь!

Дент бросил взгляд на напарника, и здоровяк шагнул вперед, преградив незнакомцу дорогу раньше, чем тот приблизился к Вивенне. Она бы сочла предосторожность ненужной, если бы не видела, как Дент убил двух человек в мгновение ока. Вивенна понемногу начала осознавать опасность, о которой все время твердил Дент. Если бы у этого человека было спрятанное оружие и немного мастерства, он убил бы ее раньше, чем она поняла бы, что происходит.

Жутковатая мысль.

– Принцесса, – выдохнул незнакомец, падая на колени. – Я готов служить вам.

– Прошу, – ответила она, – не надо возвышать меня над другими.

– О, – сказал незнакомец, глядя снизу вверх. – Простите. Я так давно уехал из Идриса. Но это правда вы!

– Как ты узнал, что я здесь?

– Идрисцы в Т’Телире, – ответил он. – Они говорят, что вы пришли вернуть трон. Нас тут так долго притесняли, что я решил, что это выдумки. Но это правда! Вы тут!

Дент бросил взгляд на нее, потом на ресторан Хвата, от которого они еще не отошли, и кивнул напарнику:

– Возьми его и обыщи, поговорим в другом месте.

***

«Другое место» оказалось обветшалым зданием в бедном квартале города, примерно в пятнадцати минутах ходьбы от ресторана.

Трущобы Т’Телира очень интересовали Вивенну, по крайней мере с познавательной точки зрения. Даже здесь были цвета. Люди носили поблекшую одежду. Яркие полосы ткани свисали с окон, тянулись вдоль выступов зданий и отражались в уличных лужах. Все цвета казались грязными и приглушенными, как будто на карнавал обрушился селевой поток.

Вивенна, Золотце, Парлин и идрисец ждали снаружи, пока Дент и Тонк Фа не убедятся в том, что в здании нет скрытых опасностей. Вивенна охватила себя руками, испытывая странное уныние. Приглушенные цвета в переулке казались неправильными. Они были мертвыми.словно неподвижно лежащая на земле прекрасная птица – невредимая на вид, но уже лишенная очарования.

Грязно-красный, запятнанный желтый, гнилостно-зеленый. В Т’Телире даже простые вещи вроде ножек стульев и хозяйственных мешков были ярко окрашены. Сколько денег горожане тратят на краски и чернила? Это стало возможно только потому, что в т’телирском климате растут яркие цветы – слезы Эдгли. Вся экономика

Халландрена основывалась на выращивании и сборе этих цветов и создании из них красок.

Вивенна наморщила нос от вони отбросов. Запахи она теперь тоже ощущала сильнее, как и цвета. Не потому что у нее обострилось обоняние, просто запахи стали казаться ей более насыщенными. Она содрогнулась. Даже теперь, прожив с дыханием несколько недель, она не чувствовала себя нормально. Она ощущала множество людей в городе, ощущала Парлина, подозрительно оглядывающего переулки. Ощущала Дента и Тонк Фа внутри дома – один из них, похоже, спустился в подвал.

Ощущала...

Она застыла. Золотце она не ощущала. Вивенна оглянулась, но невысокая женщина была здесь. Подбоченившись, она бормотала что-то себе под нос насчет «няньки для детей». Мерзкий безжизненный стоял рядом, Вивенна и не ожидала, что сможет его ощутить. Но почему она не ощущает Золотце? Вивенну охватила паника: неужели Золотце – тоже некое извращенное безжизненное создание? Однако через мгновение она нашла этому простое объяснение.

Золотце не имела дыхания. Она была тусклой.

Теперь, когда Вивенна знала, на что обращать внимание, все стало очевидно. Пожалуй, даже не имея столько дыхания, она смогла бы распознать определенные признаки. В глазах Золотца искрилось меньше жизни. Она была более ворчливой и менее приятной, чем остальные люди. Казалось, что она намеренно выводила из себя.

А еще Золотце никогда не замечала, что Вивенна за ней наблюдает. Других людей, если на них смотрели слишком пристально, предупреждало некое чувство, но у Золотца его не было. Вивенна отвернулась и почувствовала, что краснеет. Смотреть на человека без дыхания... это будто подглядывать, как кто-то переодевается. Видеть его обнаженным.

«Бедняжка, – подумала Вивенна. – Как же это случилось?»

Она продала дыхание? Или его у нее забрали? Внезапно Вивенна испытала неловкость: «Почему у меня их так много, а у нее ни одного?» Выделиться больше было просто невозможно.

Она почувствовала приближение Дента еще до того, как тот открыл дверь, выглядевшую так, будто она вот-вот слетит с петель.

– Все в порядке. – Наемник пристально посмотрел на Вивенну. – Если не хотите тратить время, можете не участвовать, принцесса. Золотце отведет вас в дом, а мы расспросим этого парня и все вам расскажем.

Она покачала головой.

– Нет. Я хочу услышать, что он скажет.

– Я так и думал, – ответил Дент. – Но все равно нужно отменить следующую встречу. Золотце, надо...

– Я отнесу, – сказал Парлин.

Дент помедлил, глядя на Вивенну.

– Слушайте, я, может, и не понимаю всего, что происходит в городе, – заметил Парлин, – но я могу доставить простое письмо. Я же не идиот.

– Пусть идет, – решила Вивенна. – Я ему доверяю.

Дент пожал плечами.

– Да пожалуйста. Иди прямо по аллее до площади с разрушенной статуей всадника. Поверни от нее на восток и иди по дороге до поворота – так ты выйдешь из трущоб. Встреча должна была состояться в ресторане под названием «Путь оруженосца». Ты его увидишь на западной стороне рынка.

Парлин кивнул и ушел. Дент жестом пригласил Вивенну и остальных войти в здание. Нервный идрисец по имени Тейм вошел первым. Вивенна последовала за ним и с удивлением обнаружила, что внутри здание оказалось более надежным, чем выглядело снаружи. Тонк Фа нашел табурет и поставил его посреди комнаты.

– Садись, приятель, – указал Дент.

Тейм нервно опустился на табурет.

– А теперь, – сказал наемник, – расскажи нам, как ты узнал, что принцесса сегодня будет в этом конкретном ресторане?

Тейм стрельнул взглядом по сторонам.

– Я просто случайно проходил мимо и...

Тонк Фа хрустнул пальцами. Вивенна посмотрела на него и внезапно заметила, что наемник выглядит... угрожающе. Ленивый грузный любитель поспать исчез – его заменил головорез, закатанные рукава открывали бугрящиеся мускулы.

Тейм вспотел. В комнату вошел безжизненный Чурбан. Его нечеловеческие глаза скрывала тень, лицо казалось восковым – подобие человека.

– Я... работаю на одного из городских главарей, – сказал Тейм. – По мелочи. Ничего крупного. Мы занимаемся той работой, которую удастся получить.

– Мы? – спросил Дент, положив ладонь на навершие меча.

– Идрисцы.

– Приятель, я видел идрисцев, занимающих в городе неплохие должности, – заметил Дент. – Купцы. Ростовщики.

– Это везучие, сэр, – сглотнул Тейм. – У них есть деньги. Люди будут работать с кем угодно, у кого есть деньги. Но для простого человека все иначе. Люди смотрят на одежду, слышат акцент и находят других работников. Они считают, что нам нельзя доверять. Или что мы скучны. Или что мы крадем.

– А ты? – невольно спросила Вивенна.

Тейм поглядел на нее и опустил взгляд на грязный пол.

– Иногда, – признался он. – Но не умышленно. Только когда главарь приказывает.

– Но это не объясняет, как ты нас нашел, приятель, – спокойно произнес Дент.

Вивенну передернуло: намеренно прозвучавшее «приятель» жутко контрастировало с окружившими Тейма Тонк Фа и безжизненным.

– Мой главарь слишком много болтает, – пояснил Тейм. – Он узнал, что произошло в том ресторане, и продал информацию кое-кому. Я услышал ее бесплатно.

Дент взглянул на Тонк Фа.

– Все знают, что она в городе, – быстро сказал Тейм. – О слухах всем известно. Это не совпадение. У нас все плохо, хуже, чем когда-либо. Принцесса прибыла помочь, правда?

– Приятель, – начал Дент, – полагаю, будет лучше, если ты забудешь об этой встрече. Я понимаю, что может возникнуть соблазн продать сведения, но обещаю, мы узнаем, если ты так поступишь. И тогда мы...

– Дент, хватит, – вмешалась Вивенна. – Перестань его пугать.

Наемник перевел на нее взгляд, Тейм подскочил.

– Ох, во имя Владыки Цвета! – сказала Вивенна, проходя вперед и опускаясь на корточки рядом с табуретом идрисца. – Тебе не причинят вреда, Тейм. Ты правильно сделал, что меня нашел, и я верю, что ты сохранишь нашу встречу в тайне. Но ответь, если в Т'Телире так плохо, почему бы не вернуться в Идрис?

– На путешествие нужны деньги, ваше высочество, – сказал он. – Я не могу его себе позволить, и большинство из нас тоже.

– А вас тут много?

– Да, ваше высочество.

Вивенна кивнула:

– Я хочу встретиться с остальными.

– Принцесса... – начал Дент, но она взглядом заставила его замолчать.

– Я могу собрать некоторых, – с готовностью закивал Тейм. – Обещаю. Меня знают многие идрисцы.

– Хорошо, – сказала Вивенна. – Потому что я действительно явилась помочь. Как нам с тобой связаться?

– Поспрашивайте о Рире, – сказал он. – Это мой главарь.

Вивенна поднялась и указала на дверь. Тейм выбежал без дальнейших уговоров. Стоявшая у входа Золотце неохотно отступила и позволила ему проскочить.

Комната ненадолго погрузилась в тишину.

– Золотце, – велел Дент, – проследи за ним.

Та кивнула и ушла. Вивенна оглянулась на наемников, ожидая возмущения.

– О, ну почему вы так быстро его отпустили? – спросил Тонк Фа, с мрачным выражением, усаживаясь на пол. Его угрожающий вид испарился быстрее, чем вода с нагретого солнцем металла.

– Ну вот, довольны? – вздохнул Дент. – Теперь он будет дуться до вечера.

– Мне больше не дают побыть плохим парнем, – Тонк Фа плюхнулся на спину и уставился в потолок. Обезьянка подскочила к нему и уселась на его огромный живот.

– Переживешь, – вздохнула Вивенна. – Почему вы так давили на него?

Дент пожал плечами:

– Знаете, что мне меньше всего нравится в работе наемника?

– Подозреваю, что ты мне сейчас расскажешь, – скрестила руки на груди Вивенна.

– Наемника все время пытаются обдурить, – сказал он, усаживаясь на пол рядом с напарником. – Считают, что если ты – наемный боец, то еще и идиот.

Он помедлил, словно ожидая, что Тонк Фа вставит обычное дополнение. Но здоровяк продолжал пялиться в потолок.

– Арстилу всегда давали побыть плохим, – пробурчал он.

Вздохнув, Дент перевел на Вивенну взгляд, в котором ясно читалось: «Это ваша вина».

– В любом случае, – продолжил он, – я не был уверен, что этот наш приятель не послан Хватом. Он мог притвориться верным подданным, пройти сквозь нашу оборону, а затем всадить вам нож в спину. Лучше уж подстраховаться.

Она села на стул и хотела было сказать, что он слишком перестраховывается, но... она видела, как он убил двоих, защищая ее.

«Я им плачу, – подумала Вивенна. – Поэтому пусть делают свою работу».

– Тонк Фа, – сказала она. – В следующий раз будешь плохим.

Он поднял голову:

– Обещаете?

– Да.

– А мне можно орать на того, кого будем допрашивать?

– Конечно, – согласилась Вивенна.

– А злобно рычать?

– Полагаю, да, – кивнула она.

– А ломать ему пальцы?

Она нахмурилась.

– Нет!

– Даже не слишком нужные? – спросил Тонк Фа. – Ну, у людей же их целых пять.

Мизинцы толком ничего не делают.

Вивенна замешкалась, а Тонк Фа и Дент расхохотались.

– Честно, – произнесла она, отвернувшись, – до сих пор не могу разобраться, когда вы переходите от серьезности к шутовству.

– В этом вся прелесть, – сказал Тонк Фа сквозь смех.

– Так мы уходим? – Вивенна поднялась с места.

– Не-а, – ответил Дент. – Давайте подождем. Я не уверен, что Хват не станет нас искать. Лучше отсидеться пару часов.

Она нахмурилась, глядя на Дента. Удивительно, но Тонк Фа уже тихо посапывал.

– Ты же вроде говорил, что Хват нас отпустит, – сказала она. – Что он нас проверял и хотел посмотреть, насколько ты хорош.

– Возможно, – согласился Дент. – Но и я могу ошибаться. Похоже, он отпустил нас только потому, что мой меч оказался в опасной близости от него. Он мог передумать. Подождем несколько часов, а потом вернемся и спросим у моих наблюдателей, не шастал ли кто вокруг дома.

– Наблюдатели? – переспросила Вивенна. – За нашим домом наблюдают ваши люди?

– Конечно, – ответил Дент. – Детей можно нанять дешево, а дело того стоит, даже когда речь не идет о защите принцессы из враждебного королевства.

Вивенна скрестила руки на груди. Сидеть не хотелось, поэтому она принялась мерить шагами пол.

– Я бы о Хвате особенно не волновался. – Дент закрыл глаза и прислонился к стене. – Просто предосторожность.

Вивенна покачала головой:

– Возможно, он захочет отомстить, Дент. Ты убил двух его людей.

– Люди тут тоже дешевы, принцесса.

– Ты сказал, что он тебя проверял. Но зачем? Зачем провоцировать на действия, а потом отпускать?

– Чтобы оценить, насколько я опасен, – пожал плечами Дент, не открывая глаз. – Или, что вероятнее, посмотреть, заслуживаю ли я платы, которую обычно требую. Говорю вам, не стоит волноваться.

Она вздохнула и отошла к окну посмотреть на улицу.

– Лучше держаться подальше от окон, – сказал Дент. – Просто на всякий случай.

«Сперва советует не волноваться, потом советует не показываться», – раздраженно подумала Вивенна, отходя вглубь комнаты, к двери в подвал.

– Туда бы я тоже не ходил, – продолжал Дент. – Несколько ступенек сломаны. Да там и смотреть не на что. Грязный пол. Грязные стены. Грязный потолок.

Вивенна снова вздохнула и отвернулась от двери.

– Да что с вами? – спросил наемник, все еще не открывая глаз. – Обычно вы так не нервничаете.

– Не знаю, – ответила она. – Мне не нравится сидеть взаперти.

– Я думал, принцесс учат терпению, – заметил Дент.

«А он прав, – осознала она. – Так могла бы сказать Сири. Да что со мной такое в последнее время?»

Вивенна заставила себя опуститься на табурет, сложить руки на коленях и восстановить контроль над волосами, которые начали предательски светлеть, становясь каштановыми.

– Прошу, – произнесла она, стараясь говорить спокойно, – расскажи мне об этом доме. Почему ты выбрал именно его?

Дент приоткрыл один глаз.

– Мы его снимаем, – сказал он. – Полезно иметь убежища в городе. Мы ими не слишком часто пользуемся, поэтому находим самые дешевые.

«Я заметила», – подумала Вивенна, но промолчала, поняв, насколько натянутой выглядела попытка разговора. Она сидела тихо, глядя на собственные руки и пытаясь понять, что же ее так нервировало.

Дело было не только в драке. Если честно, она беспокоилась о том, сколько времени займут дела в Т'Телире. Отец должен был еще две недели назад получить ее письмо и узнать, что в Халландрене находятся обе его дочери. Вивенна надеялась, что изложенные ею в письме доводы и угрозы не дадут ему совершить какую-нибудь глупость.

Она была рада, что Дент увел ее из дома Лемекса. Если бы отец послал людей вернуть ее, то они в первую очередь наведались бы к Лемексу, как поступила и она. Однако трусливая часть ее души хотела, чтобы Дент не проявил такую предусмотрительность. Если бы они остались в доме Лемекса, то ее, вероятно, уже нашли бы и она уже ехала бы обратно в Идрис.

Вивенна держалась так уверенно. Собственно, иногда она и чувствовала себя уверенно. Так было, когда она думала о Сири или нуждах королевства. Но случаи, когда она поступала по-королевски, были редки. В остальное время она удивлялась себе.

Что она вообще делала? Она ничего не смыслила в интригах и ведении войны. За всей ее «деятельностью» в помощь Идрису стоял Дент. Появившиеся у нее в первый день подозрения оказались верными. Ее подготовка и учеба мало чем помогали. Вивенна не знала, как спасти Сири, не знала, что делать с доставшимся ей дыханием, и даже толком не знала, хочет ли она остаться в этом безумном, переполненном людьми, чрезмерно красочном городе.

Короче говоря, от нее не было никакой пользы. И вот как раз к этому, помимо всего прочего, ее никогда не готовили.

– Вы действительно хотите встретиться с идрисцами? – спросил Дент.

Вивенна посмотрела в окно, за которым сгущались сумерки подступающего вечера.

«Хочу ли? – подумала она. – Если у отца есть агенты в городе, то они могут быть там. Но если я что-то смогу сделать для этих людей...»

– Да, хочу, – сказала она.

Он молчал.

– Тебе это не нравится, – констатировала Вивенна.

Он покачал головой:

– Это трудно устроить, трудно держать в секрете, и вас будет трудно там защищать. Все запланированные встречи проводятся в надежных местах. При встрече с простыми людьми это невозможно.

Вивенна слабо кивнула:

– Но я все равно хочу это сделать. Я должна что-то делать, Дент, что-то полезное. Я показываюсь перед твоими знакомыми, и это помогает. Но я должна сделать больше. Если надвигается война, то надо подготовить людей. Как-то помочь им.

Она подняла глаза и взглянула в окно. Чурбан застыл в углу, где его оставила Золотце. Вивенна поежилась и отвернулась.

– Я хочу помочь сестре, – сказала она. – И хочу быть полезной моему народу. Но я не могу отделаться от ощущения, что мое пребывание в городе мало что дает Идрису.

– Лучше остаться, чем уехать, – заметил Дент.

– Почему?

– Потому что, если вы уедете, мне никто не будет платить.

Она закатила глаза.

– Я не шучу, – заметил Дент. – Мне нравится получать деньги. Однако есть еще причины остаться.

– Например?

Он пожал плечами.

– Зависит от многого, принцесса. Слушайте, я не из тех, кто может дать блестящий совет. Я наемник. Вы мне платите, вы мне указываете, я наношу удар. Но если вы хорошенько подумаете, то поймете, что бегство в Идрис – самое бесполезное из того, что можно сделать. Там вы сможете только сидеть и вышивать платочки. У вашего отца есть другие наследники. Здесь вы, может, и не слишком эффективны, но там будете совсем не при делах.

Он замолчал и потянулся, чуть отклонившись назад.

«Иногда с ним трудно разговаривать», – подумала Вивенна, качая головой. И все же его слова успокаивали. Она с улыбкой повернула голову.

И обнаружила Чурбана прямо позади себя.

Завопив, Вивенна отшатнулась и едва не свалилась с табурета. В одно мгновение Дент уже был на ногах, а Тонк Фа возвышался позади него.

Запутавшись в юбках, она с трудом поднялась на ноги и прижала руку к груди. Безжизненный стоял, пристально глядя на нее.

– Он иногда так делает. – Смешок Дента показался Вивенне фальшивым. – Просто подходит к людям.

– Словно они ему интересны, – добавил Тонк Фа.

– Им не может быть интересно, – сказал Дент. – У них вообще нет эмоций.

Чурбан, иди в угол.

Безжизненный развернулся.

– Нет, – вздрогнула Вивенна. – Отправьте его в подвал.

– Но лестница... – начал Дент.

– Сейчас же! – сорвалась Вивенна, кончики ее волос покраснели.

Дент вздохнул:

– Чурбан, в подвал!

Безжизненный повернулся и двинулся к задней двери. Когда он спускался по ступеням, Вивенна услышала слабый треск, но, судя по звуку шагов, существо добралось успешно. Она снова села, стараясь дышать ровно.

– Прошу прощения за это, – сказал Дент.

– Я его не ощущаю, – призналась Вивенна. – Это нервирует. Я забываю, что он тут, и не ощущаю его приближения.

– Я знаю, – кивнул Дент.

– Золотце я тоже не ощущаю, – продолжала Вивенна, глядя на него. – Она тусклая.

– Да, – опять кивнул Дент, снова садясь. – С детства. Родители продали ее дыхание одному из богов.

– Каждому из них нужно по дыханию в неделю, чтобы выжить, – добавил Тонк Фа.

– Какой ужас, – выдохнула Вивенна. «Мне надо быть с ней добрее».

– Это не так страшно, – заметил Дент. – Я сам был без дыхания.

– Ты?

Он кивнул.

– Каждый проходит через такое, когда нуждается в деньгах. Что хорошо в дыхании – его всегда можно у кого-нибудь купить.

– Всегда кто-нибудь его продает, – кивнул Тонк Фа.

Вивенна покачала головой и содрогнулась:

– Но тебе пришлось какое-то время жить без него. Без души.

Дент рассмеялся, и на этот раз смех звучал искренне.

– О, это просто предрассудок, принцесса. Отсутствие дыхания не так уж меняет людей.

– Они становятся менее доброжелательными, – заметила Вивенна. – Раздражительными. Как...

– Золотце? – весело спросил Дент. – Не-а, она бы такой была в любом случае, я уверен. Между прочим, когда я продал дыхание, то не ощутил большой разницы. Надо сосредоточиться, чтобы заметить недостачу.

Вивенна отвернулась. Она и не ожидала, что он поймет. Ее убеждения было легко назвать предрассудками, но то же самое она могла сказать и о Денте. Люди видят то, что желают видеть. Если он считает, что останется таким же и без дыхания, то может легко оправдать его продажу и покупку другого у невинного человека. Да и зачем покупать новое, если нет разницы?

На этом беседа прекратилась до возвращения Золотца. Когда та вошла, Вивенна опять ее едва заметила и, вставая, раздраженно подумала: «Я начинаю слишком сильно полагаться на это ощущение жизни».

Кивнув Денту, Золотце сообщила:

– Он тот, за кого себя выдает. Я поспрашивала, подтвердили три человека, которым я вроде как доверяю.

– Ну и хорошо, – сказал Дент, потягиваясь и поднимаясь. Он пинком разбудил Тонк Фа. – Давайте осторожно вернемся домой.

Глава 23

Гимн нашел Аврору Соблазна в поросшем травой заднем дворике. Она любовалась мастерством одного из лучших садовников города.

Гимн Света шагал по траве в окружении свиты, которая несла над ним огромный зонт для защиты от солнца и вообще старалась всячески угодить. Он прошел мимо множества выстроенных замысловатыми узорами кадок, горшков и ваз с разнообразными растениями.

Временные клумбы. Боги были слишком божественны, чтобы покидать двор и посещать городские сады, поэтому сады доставляли к ним. Такая грандиозная затея требовала десятков рабочих и тачек с растениями. Но богам не отказывали ни в чем.

Исключая, конечно, свободу.

Аврора любовалась искусно расставленными вазами с цветами. О приближении Гимна ее предупредила его биохрома, заставившая цветы засиять еще ярче в лучах полуденного солнца. Сегодня на богине было неожиданно скромное платье – без рукавов и, похоже, скроенное из единого куска зеленого шелка, обернутого вокруг ее стана и прикрывающего не только самые выдающиеся части ее тела.

– О, дорогой Гимн, – улыбнулась она. – Пришел к даме в гости? Какая очаровательная прямолинейность. Но довольно разговоров, давай удалимся в спальню.

Гимн подошел, с улыбкой протягивая листок бумаги.

Помедлив, Аврора взяла лист, покрытый цветными точками – художественным письмом.

– Что это? – спросила Аврора.

– Я представил, как начнется наша беседа, – пояснил он. – И чтобы избавить нас от хлопот, я заранее ее расписал.

Аврора подняла бровь и прочла:

– «Сначала Аврора произносит что-нибудь несколько двусмысленное». – Она взглянула на Гимна. – «Несколько?» Я пригласила тебя в спальню. Я бы назвала это весьма откровенным.

– Я тебя недооценил, – признал он. – Прошу, читай дальше.

– «Затем Гимн произносит нечто уклончивое», – прочла богиня. – «И делает это так умно и очаровательно, что Аврора, потрясенная его гениальностью, на несколько минут теряет дар речи...» Ну право же, Гимн. Я должна это читать?

– Это шедевр, – заверил он. – Лучшее, что я когда-либо делал. Прошу, следующая часть важна.

Она вздохнула.

– «Аврора говорит что-то ужасающе скучное о политике, но впечатление сглаживается ее вздымающейся грудью. После этого Гимн просит прощения за то, что в последнее время держался от нее на расстоянии. Он объясняет, что ему надо было кое в чем разобраться...» – Она помедлила, пристально глядя на него. – Значит ли это, что ты наконец решил принять участие в моих планах?

Он кивнул. Садовники передвигали цветы в сторону. Они отходили и возвращались, выстраивая вокруг Гимна и Авроры узор из маленьких цветущих деревьев в кадках – живой калейдоскоп с возвращенными богами в центре.

– Не думаю, что королева участвует в заговоре по захвату трона, – сказал Гимн. – Хоть я и говорил с ней совсем чуть-чуть, но убежден в этом.

– Тогда почему ты согласился присоединиться ко мне?

Мгновение он стоял молча, любуясь цветами.

– Потому что я хочу быть уверен, что ты не раздавишь ее. Или всех нас.

– Дорогой мой Гимн, – поджала ярко-красные губы Аврора. – Заверяю тебя, что я безобидна.

Он поднял бровь:

– Сомневаюсь.

– Ну-ну, – сказала она, – нельзя вот так открыто заявлять, что дама отклоняется от истины. В любом случае я рада, что ты пришел. У нас есть работа.

– Работа? – переспросил Гимн. – Мне слышалось... работа.

– Именно, дорогой мой, – ответила она и пошла прочь.

Садовники немедленно выбежали вперед, убирая деревца, чтобы освободить ей дорогу. Главный садовник руководил сменой композиции, словно дирижировал ботаническим оркестром.

Гимн Света поспешил следом за богиней.

– Работа, – произнес он. – Ты знаешь мою философию насчет этого слова?

– Почему-то у меня сложилось впечатление, что ты ее не одобряешь.

– О, я бы так не сказал. Моя дорогая Аврора, работа – она как навоз.

– Она воняет?

Он улыбнулся.

– Нет, я думаю, что работа похожа на навоз, потому что я рад ее существованию, но совершенно не хочу в нее вляпаться.

– Не повезло тебе, – заметила Аврора. – Ты только что вляпался.

Он вздохнул:

– То-то мне показалось, чем-то запахло.

– Не будь занудой. – Богиня улыбнулась рабочим, которые выстроили вдоль ее пути вазы с цветами. – Это будет забавно.

Она повернулась к Гимну и сверкнула глазами.

– Прошлой ночью кто-то напал на Звезду Милосердия.

***

– О, моя дорогая Аврора, это такая трагедия!

Гимн Света поднял бровь. Звезда Милосердия была восхитительно чувственной женщиной и представляла резкий контраст с Авророй Соблазна. Конечно, обе являли совершенные образцы женской красоты. Аврора была худощавой, а Звезда Милосердия отличалась округлыми формами, но пышная грудь имелась у обеих. Звезда возлежала на мягком ложе, а слуги обмахивали ее пальмовыми листьями.

Она была лишена присущего Авроре Соблазна тонкого чувства стиля и умения выбирать яркую одежду так, чтобы не казаться в ней вульгарной. Сам Гимн Света не обладал такими способностями, но у него для этого были слуги. А вот Звезда Милосердия, похоже, понятия не имела о существовании подобного мастерства.

«Хотя, надо признать, – подумал он, – не каждый сможет с достоинством носить оранжевый с золотом».

– Дорогая Звезда Милосердия, – тепло произнесла Аврора, усаживаясь рядом на поднесенный слугой пуфик. – Я понимаю, как ты себя чувствуешь.

– Понимаешь? – переспросила Звезда. – Правда? Это ужасно! Какой-то... какой-то злоумышленник прокрался в мой дворец, напал на моих слуг! В доме богини! Кто мог совершить такое?

– И правда, нужно быть совершенно сумасшедшим, – успокаивающе сказала Аврора.

Гимн Света стоял возле нее, сцепив руки за спиной, и сочувственно улыбался. Порыв прохладного дневного бриза пронесся через двор и проник в шатер. Несколько садовников Авроры принесли цветы и деревца и расставили их вокруг шатра. Воздух наполнился смесью ароматов.

– Мне это непонятно, – вздохнула Звезда Милосердия. – Стражники у ворот не должны такое допускать! Зачем нам стены, если люди запросто вторгаются и шастают по нашим домам? Я больше не чувствую себя в безопасности.

– Уверена, в будущем стражники будут более усердны, – заверила Аврора.

Гимн нахмурившись посмотрел на дворец Звезды Милосердия, вокруг которого суетились слуги, словно пчелы над растревоженным ульем.

– Есть какие-либо мысли насчет причины вторжения? – спросил он больше сам себя. – Возможно, за картинами? Но проще ограбить торговцев.

– Может, мы не знаем, чего они хотят, – мягко сказала Аврора, – но кое-что нам известно.

– Да? – вскинула голову Звезда.

– Да, дорогая, – подтвердила Аврора. – В дом бога осмелится вторгнуться лишь тот, кто не уважает традиции, собственность и религию. Некто примитивный. Непочтительный. Неверующий...

– Идрисец? – спросила Звезда.

– Дорогая моя, ты когда-нибудь задумывалась, – продолжала Аврора, – почему они отправили королю-богу младшую дочь, а не старшую?

– Они так поступили? – нахмурилась Звезда Милосердия.

– Да, дорогая, – сказала Аврора.

– Теперь это кажется несколько подозрительным, да?

– При Дворе Богов что-то назревает, Звезда, – наклонилась к ней богиня. – Для престола настают опасные времена.

– Аврора, – произнес Гимн. – На пару слов, если не возражаешь.

Она раздраженно уставилась на него. Гимн выдержал ее взгляд, и Аврора вздохнула. Похлопав Звезду Милосердия по руке, она вместе с ним вышла из шатра, а их слуги и жрецы потянулись следом.

– Что ты делаешь? – спросил Гимн, когда они оказались за пределами слышимости хозяйки шатра.

– Вербую, – с блеском в глазах ответила Аврора Соблазна. – Нам понадобятся ее приказы для безжизненных.

– Я все еще не уверен, что они нам нужны, – заметил Гимн. – Война может быть не так уж необходима.

– Как я и сказала, – ответила Аврора, – надо быть осмотрительными. Предосторожность не помешает.

– Хорошо, – согласился он. Это было мудро. – Но мы не знаем наверняка, что это идрисец проник во дворец Звезды Милосердия. Почему ты намекаешь именно на них?

– А ты думаешь, что это просто совпадение? Некто пробирается в один из наших дворцов прямо сейчас, когда надвигается война?

– Совпадение.

– И злоумышленник совершенно случайно выбирает одну из четырех возвращенных, владеющих приказами для безжизненных? Если бы я желала начать войну с Халландреном, то в первую очередь попыталась бы найти эти приказы. Выяснить, не записаны ли они где-нибудь или, возможно, попытаться убить богов, которые ими владеют.

Гимн Света оглянулся на дворец. Доводы Авроры заслуживали внимания, но их было недостаточно. Он ощутил странное побуждение заняться этим более серьезно. Но это походило на работу. В самом деле, нельзя делать исключений и изменять своим привычкам, особенно если предварительно не пожалуешься. Это создаст нехороший прецедент. Поэтому он только кивнул, и они с Авророй вернулись в шатер.

– Дорогая, – сказала Аврора Соблазна, быстро усаживаясь рядом со Звездой и наклоняясь к ней. Она выглядела чуть более встревоженной. – Мы переговорили и решили доверить тебе кое-что.

Звезда Милосердия села.

– Доверить мне? Что?

– Знание, – прошептала Аврора. – Некоторые из нас страшатся, что идрисцы не удовольствуются своими горами и вознамерятся властвовать и над долинами.

– Но нас объединит кровь, – возразила Звезда Милосердия. – На нашем троне воцарится король-бог Халландрена с истинной королевской кровью.

– Правда? – заметила Аврора. – А разве это же нельзя истолковать как то, что на нашем троне окажется идрисский король с халландренской кровью?

Звезда Милосердия медлила. Как ни странно, она перевела взгляд на Гимна.

– А ты в это веришь?

Почему все смотрят на него? Гимн Света делал все возможное, чтобы не поощрять подобное поведение, но люди все равно поступали так, будто он был моральным авторитетом.

– Я думаю, что стоит сделать некоторые... приготовления, – сказал он. – Хотя, конечно, то же самое можно сказать об обеде.

Аврора Соблазна наградила его раздраженным взглядом, однако, стоило ей повернуться к Звезде, как на ее лицо вернулось безмятежное выражение.

– Мы понимаем, что у тебя был трудный день, – сказала она. – Но, прошу, обдумай наше предложение. Мы бы хотели, чтобы ты вместе с нами предприняла кое-какие меры.

– О каких мерах ты говоришь? – спросила Звезда.

– О простых, – быстро ответила Аврора. – Мысли, разговоры, планы. В конце концов, если у нас окажется достаточно доказательств, мы представим их королю-богу.

Похоже, это успокоило Звезду Милосердия, и она кивнула:

– Да, понимаю. Приготовления. Это будет разумно.

– Отдыхай, дорогая, – попрощалась гостя, поднимаясь, и вместе с Гимном вышла из шатра.

Они неторопливо направились по ухоженной лужайке к дворцу Авроры. Однако Гимн Света шел с неохотой. Что-то в этой встрече его беспокоило.

– Она душка, – с улыбкой сказала Аврора Соблазна.

– Ты так говоришь потому, что ею легко манипулировать.

– Конечно, – отозвалась богиня. – Я очень люблю людей, которые поступают как должно. А «как должно» значит «как я считаю наилучшим».

– Ты хотя бы открыто признаешь это, – заметил Гимн.

– Для тебя, дорогой мой, я открытая книга.

Он фыркнул:

– Книга, которую еще не перевели на халландренский.

– Ты так говоришь только потому, что даже не пытался меня прочесть, – улыбнулась она. – Хотя должна отметить, что у Звезды Милосердия есть то, что меня определенно раздражает.

– А что именно?

– Ее армии. – Богиня сложила руки на груди. – Почему командование десятью тысячами безжизненных дали ей, богине доброты? Очевидно, что это ошибочное решение. Особенно при том, что мне никаких войск не дали.

– Аврора, – с удивлением заметил Гимн, – ты богиня честности, общения и межличностных отношений. Тебе-то с какой радости должны были доверить командование армией?

– С армиями связано много межличностных отношений, – ответила она. – В конце концов, как назвать ситуацию, когда один человек наносит другому удар мечом? Это как раз между личностями.

– Не поспоришь, – признал Гимн, оглядываясь на павильон Звезды Милосердия.

– Итак, – продолжила Аврора, – думаю, ты оценишь мои доводы о том, что отношения – это, по сути, война. Что становится очевидным из наших отношений, дорогой Гимн. Мы...

Она осеклась и толкнула его в плечо:

– Гимн? Обрати же на меня внимание!

– А?

Она обиженно сложила руки на груди:

– Должна сказать, твои шуточки сегодня особенно неудачны. Придется найти для игры кого-нибудь другого.

– Хм, да, – отозвался Гимн, не сводя глаз с дворца Звезды Милосердия. – Какая трагедия. Кстати, о вторжении к Звезде. Это был только один человек?

– Вроде бы, – сказала Аврора. – Это неважно.

– Кто-нибудь пострадал?

– Пара слуг, – отмахнулась она. – Кажется, одного нашли мертвым. Тебе надо уделять внимание мне, а не...

Гимн застыл:

– Кого-то убили?

Она пожала плечами:

– Так говорят.

Он развернулся:

– Я пойду к Звезде и поговорю с ней еще.

– Отлично, – огрызнулась Аврора. – Только без меня. Я хочу полюбоваться садами.

– Ладно, – Гимн уже двинулся прочь. – Поговорим позже.

Богиня негодуяюще выдохнула, уперев руки в бока и провожая его взглядом. Гимн проигнорировал ее досаду, сосредоточившись на...

На чем? Ну да, пострадало несколько слуг. Не его дело ввязываться в проблемы с преступностью. И все же он снова направился в павильон Звезды Милосердия, как всегда, в сопровождении слуг и жрецов.

Она все еще лежала на диване и удивилась его возвращению:

– Гимн Света?

– Я вернулся, когда услышал, что кто-то из твоих слуг погиб при нападении.

– Ах, да, – кивнула она. – Бедняга. Какой ужасный случай. Уверена, он обрел покой на небесах.

– Забавно, что нужное всегда оказывается там, где будешь искать в последнюю очередь, – заметил Гимн. – Расскажи, как произошло убийство?

– Все очень странно, – ответила она. – Двух стражников у дверей оглушили. Злоумышленника обнаружили четверо моих слуг, которые шли по коридору для прислуги. Он подрался с ними, оглушил одного, убил другого, а двое сбежали.

– Как именно убил?

Звезда вздохнула.

– Я правда не знаю. – Она взмахнула рукой. – Мои жрецы могут рассказать. Боюсь, я была слишком шокирована, чтобы вдаваться в детали.

– А могу я с ними поговорить?

– Да, если тебе нужно. Я уже упоминала, как расстроена? Лучше бы ты остался и утешил меня.

– Дорогая моя Звезда Милосердия, – сказал Гимн. – Если ты хоть немного меня знаешь, то поймешь, что лучшее утешение с моей стороны – это оставить тебя одну.

Она подняла голову, нахмурившись.

– Это шутка, моя дорогая, – пояснил он. – Увы, они у меня плохо удаются. Тушкан, ты идешь?

Лларимар, как всегда стоявший среди других жрецов, посмотрел на него.

– Ваша милость?

– Не надо беспокоить остальных, – сказал Гимн. – Думаю, для расследования хватит нас с тобой.

– Как прикажете, ваша милость, – ответил Лларимар.

Слуги Гимна Света снова оказались в стороне от своего бога и неуверенно сгрудились на лужайке, словно кучка детей, оставленных родителями.

– Но в чем дело, ваша милость? – тихо спросил Лларимар, когда они вошли во дворец.

– Честно говоря, понятия не имею, – признал Гимн. – Но чувствую, что творится что-то странное. Вторжение. Смерть человека. Что-то не так.

Лларимар поглядел на него со странным выражением на лице.

– Что? – спросил Гимн.

– Ничего, ваша милость, – наконец ответил Лларимар. – Просто это очень нехарактерно для вас.

– Знаю, – ответил Гимн. Несмотря ни на что, он чувствовал уверенность в своем решении. – Я не могу сказать, что меня побудило. Полагаю, любопытство.

– Любопытство, которое пересилило ваше желание избегать любых действий... вообще ничего не делать?

Гимн пожал плечами. Войдя во дворец, он почувствовал прилив энергии. Обычная лень отступила, сменившись возбуждением. В этом ощущении было что-то знакомое. В коридоре для прислуги он наткнулся на группу беседующих жрецов. Он направился прямо к ним, и они с изумлением обернулись.

– О, отлично, – сказал Гимн. – Полагаю, вы сможете рассказать мне больше о ночном вторжении?

– Ваша милость, – произнес один, в то время как все трое склонили головы. – Заверяю вас, у нас все под контролем. Для вас или ваших людей нет никакой опасности.

– Да, да, – отозвался Гимн, осматривая коридор. – Так это здесь убили человека? Жрецы переглянулись.

– Вон там, – неохотно сказал один из них, показывая на поворот коридора.

– Чудесно. Проводите меня, будьте так любезны.

Гимн Света двинулся в указанном направлении. Несколько рабочих как раз снимали доски пола – видимо, чтобы заменить. В обители богини не место запятнанному кровью полу, пусть даже и вымытому дочиста.

– Хм-м, – проговорил Гимн. – Сколько кровищи. Как это случилось?

– Мы точно не знаем, ваша милость, – сказал один из жрецов. – Нарушитель оглушил стражников у дверей, но больше никак им не повредил.

– Да, Звезда Милосердия это упомянула, – кивнул Гимн. – Но затем он подрался с четырьмя слугами?

– Ну, «подрался» не совсем верное слово, – со вздохом ответил жрец.

Гимн Света не был их господином, но все же оставался богом. Они были обязаны отвечать на его вопросы.

– Одного он обездвижил пробужденной веревкой, – продолжил жрец. – Другой слуга остался, чтобы задержать его, а остальные побежали за помощью. Злоумышленник быстро оглушил оставшегося, а связанный тогда еще был жив.

Жрец поглядел на остальных.

– Когда прибыла помощь, которую задержало устроившее беспорядок безжизненное животное, второй слуга все еще был без сознания. Первый тоже оставался связан, но оказался мертв – убит ударом дуэльного клинка в сердце.

Гимн кивнул и опустился на колени рядом со снятыми досками. Слуги-рабочие склонили головы и отошли. Он не знал, что именно ищет. Пол тщательно отскребли, а

потом разобрали. Однако неподалеку Гимн заметил странное пятно. Он подошел туда и опустился на колени, чтобы рассмотреть поближе.

«Здесь полностью отсутствует цвет», – подумал он и поднял взгляд на жрецов:

– Пробуждающий, говорите?

– Несомненно, ваша милость.

Он оглянулся на серое пятно, и до него дошло: «Идрисец никак не мог такого сделать. Только не с пробуждением».

– Что за безжизненное создание вы упомянули?

– Безжизненная белка, ваша милость, – пояснил один из жрецов. – Злоумышленник устроил с ее помощью диверсию.

– Хорошо создана? – уточнил Гимн.

Они кивнули, и один добавил:

– Судя по ее действиям, оживлена при помощи современных приказов. Даже с ихорным спиртом вместо крови. Мы ловили эту тварь почти всю ночь!

– Ясно, – сказал Гимн, выпрямляясь. – Но сам нарушитель сбежал?

– Да, ваша милость, – сказал один из жрецов.

– Как по-вашему, зачем он приходил?

Жрецы замялись.

– Мы не знаем точно, ваша милость, – признал один из них. – Мы его спугнули раньше, чем он смог достичь цели – один из наших людей видел, как он убегал тем же путем, каким пришел. Возможно, он получил слишком хороший отпор.

– Мы думаем, что это был обычный грабитель, ваша милость, – сказал другой жрец. – Он хотел пробраться в галерею и похитить картины.

– Вполне вероятно, – Гимн поднялся. – Вы хорошо справились.

Он развернулся и пошел к выходу с ощущением нереальности происходящего.

Жрецы ему лгали.

Он не знал, почему так решил. Ему подсказал какой-то инстинкт, таящийся в глубине души. И по непонятной причине эта ложь воодушевила его вместо того, чтобы смутить.

– Ваша милость. – Его догнал Лларимар. – Вы нашли то, что хотели?

– Нарушитель не был идрисцем, – тихо сказал Гимн, когда они вышли на солнечный свет.

Лларимар поднял бровь:

– Известны случаи, когда идрисцы приезжали в Халландрен и покупали себе дыхание, ваша милость.

– А ты слышал, чтобы кто-то из них пользовался безжизненными?

Лларимар замолчал.

– Нет, ваша милость, – наконец признал он.

– Идрисцы ненавидят безжизненных. Считают их скверной или еще какими бреднями. В любом случае, для идрисца так поступать бессмысленно. Зачем? Покушение на одного из возвращенных? Так его или ее тут же заменят, а правила

составлены так, чтобы даже безжизненные армии не остались без руководства надолго. Возможные ответные меры значительно превосходят выгоду.

– Так вы считаете, что это был вор?

– Нет, конечно, – ответил Гимн. – «Обычный грабитель», у которого столько денег или дыхания, что он может потратить безжизненного на отвлекающий маневр? Кто бы сюда ни вломился, он уже был богат. А вдобавок – зачем проходить коридором слуг? Там нет ничего ценного. Во внутренних комнатах ценностей намного больше.

Лларимар снова замолчал. Он окинул взглядом своего бога с тем же странным выражением на лице.

– Очень разумные доводы, ваша милость.

– Знаю, – ответил Гимн. – Я чувствую, что сам на себя не похож. Возможно, мне надо напиться.

– Вы не сможете напиться.

– О, но мне определенно нравятся попытки.

Они двинулись к его дворцу, по пути позвав свиту. Лларимар казался обеспокоенным, а Гимн испытывал жажду деятельности.

«Убийство при Дворе Богов, – думал он. – Да, всего лишь слуги – но считается, что я бог всех людей, не только влиятельных. Когда последний раз кого-то при дворе убивали? На моей памяти такого не было».

Жрецы Звезды Милосердия что-то скрывали. Зачем нарушитель отвлек внимание белкой, особенно такой дорогой, если хотел просто сбежать? Слуги возвращенных далеко не могучие воины. Так почему он так легко сдался?

Хорошие вопросы. Хорошие вопросы, которые уж его-то никак не должны волновать. Но все же волновали...

Всю дорогу к дворцу, во время изысканного ужина и даже ночью.

Глава 24

Служанки Сири неуверенно последовали за королевой, направившейся в комнату, где царил хаос. Сегодня на ней было синее с белым платье со шлейфом длиной в десять футов. Когда она вошла, писцы и жрецы в изумлении подняли головы. Некоторые поспешно вскочили, кланяясь, другие ошеломленно смотрели, как она идет, а служанки старались с достоинством нести шлейф.

Сири целеустремленно шла через комнату, больше похожую на коридор. Вдоль стен выстроились длинные столы, заваленные бумагами, с которыми работали писцы – пан-кальцы в коричневой одежде и халландренцы в цветах этого дня. Стены, конечно, были черными; цветные комнаты располагались только в центре дворца, где король-бог и Сири проводили большую часть времени. Разумеется, отдельно друг от друга.

«Хотя по ночам все немного иначе», – с улыбкой подумала она.

Обучая короля-бога грамоте, она чувствовала себя настоящей заговорщицей. Эту тайну она хранила от всего королевства, и тайна касалась одного из могущественнейших людей мира. Это приводило ее в трепет. Вероятно, ей стоило бы

волноваться больше. В самом деле, когда она задумывалась, то начинала беспокоиться о том, что стоит за предостережениями Синепалого. Вот почему она пришла в комнаты писцов.

«Интересно, почему спальня находится здесь? В стороне от основных помещений, в черной части дворца».

Как бы то ни было, служебная часть дворца, за исключением спальни короля-бога, была последним местом, где писцы ожидали увидеть королеву. Подходя к дверям в дальней части помещения, Сири заметила, что некоторые ее служанки бросают на мужчин извиняющиеся взгляды. Слуга открыл дверь, и Сири переступила порог.

В средних размеров комнате жрецы неторопливо листали книги. Они изумленно воззрились на Сири, а один от удивления уронил книгу на пол.

– Мне нужны книги! – заявила Сири.

Жрецы уставились на нее.

– Книги? – переспросил один из них.

– Да. – Сири уперла руки в бока. – Это ведь дворцовая библиотека, не так ли?

– Ну да, Сосуд, – ответил жрец, взглянув на остальных. На всех были подобающие их должности облачения сегодняшних цветов – фиолетового с серебром.

– Ну тогда, – сказала Сири, – я бы хотела взять несколько книг. Обычные развлечения мне наскучили, и я решила в свободное время заняться чтением.

– Эти книги вам точно не понравятся, Сосуд, – возразил другой жрец. – Они посвящены скучным темам вроде религии или городских финансов. Уверен, что вам больше подойдет книга сказок.

Сири подняла бровь:

– И где же мне найти «более подходящую» книгу?

– Мы можем послать чтеца за книгой из городской библиотеки, – сказал жрец, степенно шагнув вперед. – Он быстро принесет.

Сири замялась.

– Нет. Так не пойдет. Я возьму что-нибудь из этих книг.

– Нет, не возьмете, – прозвучал позади новый голос.

Сири повернулась и увидела Треледиса, верховного жреца короля-бога. Он выглядел как всегда – пальцы переплетены, на голове митра, брови нахмурены.

– Вы не можете мне отказать, – сказала Сири. – Я ваша королева.

– Я могу и откажу вам, Сосуд, – произнес Треледис. – Понимаете, эти книги очень ценны, и если с ними что-то случится, это повлечет печальные последствия для королевства. Даже нашим жрецам не дозволено выносить их из помещения.

– Что может с ними случиться здесь, во дворце? – требовательно спросила Сири.

– Это вопрос принципа, Сосуд. Это собственность бога. Сезеброн дал ясно понять, что он желает, чтобы книги оставались здесь.

«Желает, да неужели?»

Безъязыкий бог очень удобен для Треледиса и других жрецов. Они могли объявить, что он изрек то, что подходило для их текущих целей, а сам Сезеброн не мог их поправить.

– Если вам так необходимо прочитать именно эти книги, – продолжил Треледис, – вы можете остаться и читать здесь.

Она оглядела комнату и представила, как чопорные жрецы сгрудятся вокруг нее стаей, слушая, как она читает вслух, выставляя себя душой. Если в этих книгах есть что-нибудь важное, они наверняка найдут способ отвлечь ее и не дать ей это найти.

– Нет, – сказала Сири, покидая заполненное писцами помещение. – Может, в другой раз.

***

«Я же сказал что книг тебе не дадут», – написал король-бог.

Сири закатила глаза и рухнула на кровать. На ней по-прежнему было пышное вечернее платье. Почему-то, начав общаться с королем-богом, она стала стесняться еще больше. Платье она теперь снимала непосредственно перед сном, а ложилась все позже и позже. Сезеброн сидел на обычном месте – не на перине, а в придвинутом к кровати кресле. Он по-прежнему казался огромным и внушительным. По крайней мере до тех пор, пока не поворачивал к ней открытое и честное лицо. Жестом подозвав ее к себе, он показал то, что нацарапал на дощечке угольком, который стащила Сири.

«Не надо сирдить жрицов», – написал он. Как и следовало ожидать, его правописание было ужасным.

Жрецы. Она стянула чашку и спрятала в комнате. Если приставить ее к стене и приложить ухо, то можно уловить обрывки разговоров по другую сторону. После ночных подсакиваний и стонов она обычно слышала, как двигаются стулья и закрывается дверь. После этого в соседней комнате воцарялась тишина.

Либо жрецы уходили, убедившись, что она исполнила свои обязанности, либо они сохраняли подозрительность и пытались обмануть ее ложным уходом. Интуиция подсказывала, что верно первое, но Сири все равно старалась на всякий случай говорить с королем-богом шепотом.

«Сири? – написал он. – О чем ты думаешь?»

– Твои жрецы, – прошептала она. – Они меня бесят! Они намеренно делают все, чтобы позлить меня.

«Они хорошие люди, – быстро написал Сезеброн. – Они усердно трудятся на благо королевства».

– Они отрезали тебе язык, – напомнила Сири.

Несколько секунд король-бог сидел неподвижно.

«Это было необходимо, – написал он. – У меня слишком много силы».

Она придвинулась. Как обычно, Сезеброн отстранился, убирая руку. В этом не было ничего высокомерного, Сири начала подумывать, что просто к нему очень редко прикасались.

– Сезеброн, – прошептала Сири. – Эти люди не думают о твоём благе. Они не просто отрезали тебе язык, они говорят от твоего имени и делают, что хотят.

«Они не враги мне, – упрямо написал он. – Они хорошие люди».

– Да? – спросила Сири. – А почему тогда ты скрываешь от них, что учишься читать?

Он снова помедлил, опустив взгляд.

«В нем слишком много покорности для того, кто правит Халландреном пятьдесят лет, – подумала Сири. – Во многом он похож на ребенка».

«Я не хочу чтобы они знали, – наконец написал он. – Я не хочу их агорчать».

– Ну конечно! – ровно сказала Сири.

Сезеброн помедлил.

«Канешно? – написал он. – Значит ты мне веришь?»

– Нет, – ответила Сири, – это был сарказм, Сезеброн.

Он нахмурился.

«Я не знаю, что такое сорказм».

– С-а-р-к-а-з-м, – повторила Сири по буквам. – Это... – Она задумалась. – Это когда ты говоришь одно, но имеешь в виду противоположное.

Сезеброн нахмурился еще больше, потом быстро стер слова с доски и снова начал писать: «В этом нет смысла. Почему не сказать то что имеиш виду?»

– Потому что... – попыталась объяснить Сири. – Это... да не знаю я. Это способ показаться умнее, высмеивая других.

«Высмеевая других?» – написал он.

«Владыка Цвета!» – подумала Сири, пытаясь сформулировать объяснение. Ей казалось нелепым, что он не ничего знает о насмешках. Но он же всю жизнь прожил как почитаемое божество и монарх.

– Высмеивать – это говорить что-то, чтобы дразнить, – пояснила она. – Если сказать то же самое в гневе, то можно ранить чужие чувства, но все иначе, если сказать доброжелательно или игриво. Иногда намеренно. Сарказм – один из видов высмеивания, мы говорим противоположное, но преувеличиваем.

«А как ты узнаеш что человек доброжилатилен игрив или зол?»

– Не знаю, – призналась Сири. – Думаю, судя по тому, как произносятся слова.

Король-бог казался озадаченным.

«Ты очень нормальная», – написал он.

Сири нахмурилась:

– Э... Спасибо?

«Это был хороший сарказм? – спросил он. – Потому что на самом деле ты довольно страная».

– Я очень стараюсь, – улыбнулась Сири.

Сезеброн поднял голову.

– А вот это снова был сарказм, – пояснила Сири. – Я не «стараюсь» быть странной, просто так получается.

Он снова на нее посмотрел. Как она могла его бояться? Как могла заблуждаться в отношении него? В его глазах не было ни надменности, ни бесстрастности. Это взгляд человека, который очень старался понять мир вокруг. Невинный, искренний взгляд.

Однако он не был дурачком – и это доказывала скорость, с которой Сезеброн научился писать. Правда, он уже понимал устную речь и запомнил все буквы в книге

задолго до того, как встретил Сири. Ей оставалось только объяснить правила правописания и связи со звуком, чтобы он преодолел последний этап.

И все равно она поражалась тому, как быстро он освоился. Она улыбнулась Сезеброн, и тот ответил неуверенной улыбкой.

– Почему ты считаешь меня странной? – спросила Сири.

«Ты все делаешь не так как другие, – написал он. – Все постоянно передо мной склоняются. Никто не разговаривает. Даже жрицы. Они иногда давали мне указания, но этого уже не было много лет».

– А тебя не оскорбляет то, что я не кланяюсь и что говорю с тобой как с другом?

Он стер с доски.

«Оскарбляет? Почему? Ты это делаешь с сарказмом?»

– Нет, – быстро заверила Сири. – Мне правда нравится говорить с тобой.

«Тогда я не понимаю».

– Все остальные тебя боятся, – объяснила Сири. – Из-за твоего могущества.

«Но у меня отабрали язык чтобы я стал безопасным».

– Их пугает не твое дыхание, – сказала Сири. – Пугает твоя власть над армиями и народом. Ты король-бог. Ты можешь приказать убить кого угодно в королевстве.

«Но зачем мне это делать? – написал Сезеброн. – Я не буду убивать хорошего человека. Они должны это знать».

Сири раскинулась на роскошной кровати, в очаге позади них потрескивал огонь.

– Теперь я это знаю, – сказала она. – Но больше никто не знает. Они не знают тебя, а только то, насколько ты могуществен. И потому боятся и показывают свое уважение к тебе.

Он помедлил.

«Так получается, ты меня не уважаешь?»

– Конечно, уважаю, – вздохнула она. – Просто у меня плохо получается следовать правилам. Когда кто-то говорит мне, что надо делать, я хочу поступить наоборот.

«Это очинь странно, – написал Сезеброн. – Я думал, что все люди делают то что им говарят».

– Ты скоро поймешь, что большинство этого не делают, – с улыбкой ответила Сири.

«Но тогда возникают праблемы».

– Этому тебя научили жрецы?

Он покачал головой и достал свою книгу – сказки для детей. Он всегда носил ее с собой, и по тому трепету, с каким он прикасался к книге, Сири поняла, насколько ценна для него эта вещь.

«Наверное, это его единственная настоящая собственность, – подумала Сири. – Все остальное у него ежедневно забирают и на следующее утро заменяют».

«Вот книга, – написал он. – Мама читала мне эти рассказы, когда я был ребенком. До того как ее увели я их все запомнил. Тут говарится о многих детях которые поступали не так как им говарили. Их часто съедали чудовища».

– О, правда? – с улыбкой спросила Сири.

«Не бойся, – написал он. – Мама объяснила что чудовища не настоящие. Но я помню уроки из этих рассказов. Быть послушным хорошо. Надо хорошо обращаться с людьми. Не уходить в джунгли одному. Не лгать. Не вредить другим».

Сири улыбнулась еще шире. Все, что он узнал о жизни, было почерпнуто или из сказок с моралью, или от жрецов, учивших его быть марионеткой. Когда она это осознала, то ей стало нетрудно понять простого, честного человека, каким он стал.

Но что же побудило его пойти наперекор этим принципам и попросить ее учить его? Почему он пожелал хранить эти уроки в тайне от тех, кому всю жизнь учился доверять и повиноваться? Сезеброн не был таким простачком, каким казался.

– Эти сказки, – задумчиво сказала она. – И твое стремление хорошо обращаться с другими. Вот почему ты меня... не взял в те ночи, когда я начала сюда приходить?

«Не взял? Я не панимаю».

Сири покраснела, и ее волосы приобрели такой же оттенок, как и щеки.

– Я имею в виду – почему ты просто сидел в кресле?

«Потому что я не знал что еще делать, – ответил он. – Я знал что у нас должен быть ребенок. Так что я сел и ждал когда это случится. Должно быть мы сделали что-то неправильно, раз ребенка не появилось».

Сири помедлила, потом моргнула. Да не может быть...

– Ты не знаешь, как появляются дети?

«В сказках, – написал он, – мужчина и женщина проводят ночь вместе. Затем у них появляется ребенок. Мы провели вместе много ночей, но детей не появилось».

– И никто – никто из жрецов – не объяснил тебе... сам процесс?

«Нет. О каком процессе ты говоришь?»

Сири несколько секунд сидела молча.

«Нет, – подумала она, чувствуя, как краснеет до ушей. – Нет, я не буду проводить с ним эту беседу».

– Думаю, об этом мы поговорим в другой раз.

«Когда ты пришла в первую ночь, это было очень странно, – написал он. – Должен признаться я тебя боялся».

Сири улыбнулась, вспомнив собственный ужас. Ей даже в голову не пришло, что он может бояться. С чего вдруг? Он был королем-богом.

– Значит, – сказала она, постукивая пальцем по кровати, – тебя никогда не приводили к другим женщинам?

«Нет, – написал он. – Мне было очень интересно видеть тебя голой».

Она снова вспыхнула, а ее волосы определенно решили оставаться красными.

– Мы... не об этом сейчас говорим. Я хотела знать о других женщинах. Никаких любовниц? Куртизанок?

«Нет».

– Они действительно боятся, что у тебя появится ребенок.

«Почему ты говоришь это? – написал он. – Они прислали мне тебя».

– Только после полувека правления, – сказала она. – И только под тщательным контролем они прислали жену подходящего рода, чтобы получить ребенка с нужным наследием. Синепалый считает, что ребенок может быть опасен для нас.

«Я не понимаю, – написал Сезеброн. – Должен быть наследник. Этого все хотят».

– Почему? – спросила Сири. – Ты по-прежнему выглядишь не старше двадцати. Твое старение замедляет биохрома.

«Каралевство без наследника в опасности. Если меня убьют то оно останется без правителя».

– А за последние полвека опасности не было?

Сезеброн помедлил, нахмурился и медленно стер слова с доски.

– Видимо, они считают, что сейчас ты в опасности, – медленно сказала Сири. – Но не от болезни – даже я знаю, что возвращенным болезни не страшны. Стареют ли они вообще?

«Не думаю», – написал король-бог.

– Как умерли предыдущие короли-боги?

«Их было только четверо. Я точно не знаю как они умерли».

– Только четыре короля за несколько сотен лет, и все умерли при таинственных обстоятельствах...

«Когда умер мой отец я был слишком мал чтобы помнить его, – написал Сезеброн. – Мне сказали что он отдал жизнь для каралевства – отдал свое дыхание как могут все возвращенные чтобы излечить страшную болезнь. Другие возвращенные могут вылечить одного человека. Но король-бог может вылечить многих. Так мне сказали».

– Тогда об этом должно быть написано, – сказала она. – Где-то в тех книгах, которые так тщательно охраняют жрецы.

«Мне жаль что они не дали тебе их почитать», – написал Сезеброн.

Она равнодушно махнула рукой.

– От этого все равно было бы мало толку. Мне надо найти другой способ узнать эти истории.

«Рождение ребенка таит опасность – так говорил Синепалый, – подумала Сири. – Поэтому, что бы ни угрожало моей жизни, это может произойти только после появления наследника. Синепалый упомянул и об угрозе королю-богу. Звучит так, будто угроза может исходить от самих жрецов. Но зачем им причинять вред собственному божеству?»

Она посмотрела на Сезеброна, который внимательно перелистывал книгу сказок, и улыбнулась сосредоточенному выражению его лица, с каким он старался расшифровать текст.

«Что ж, – подумала Сири, – учитывая, сколько он знает о сексе, я бы сказала, что о ребенке в ближайшем будущем волноваться не стоит».

Но конечно, она беспокоилась и о том, что отсутствие ребенка может стать такой же угрозой, как и его появление.

Глава 25

Вивенна шла среди т'телирцев и никак не могла отделаться от ощущения, что все вокруг знают, кто она.

Она постаралась справиться с этим чувством. Собственно, можно было считать чудом, что Тейм – уроженец ее родного города – смог ее узнать. Окружающие ее люди никак не могли бы связать Вивенну со слухами, особенно учитывая ее одежду.

В ее платье смешивались непристойные красные и оранжевые тона. Из всего, что смогли найти Парлин и Тонк Фа, только этот наряд соответствовал строгим требованиям Вивенны к скромности. Платье-труба было скроено по заморскому фасону, принятому в Тедраделе, за Внутренним морем. Длиной почти до щиколоток, но довольно облегающее, что подчеркивало грудь, зато сверху оно доходило почти до шеи и имело длинные рукава.

Она поймала себя на том, что вопреки убеждениям украдкой бросает взгляды на женщин в свободных коротких юбках и блузах без рукавов. Обнаженной кожи было возмутительно много, но Вивенна понимала, что причиной такой манеры одеваться были палящее солнце и проклятая приморская влажность.

Проведя в городе уже месяц, она научилась двигаться в потоке людей. Ей все еще не хотелось выходить из дома, но Дент ее уговорил.

«Знаете, что самое худшее может случиться с телохранителем? – спросил он. – Если его подопечного убьют, когда телохранителя нет рядом. У нас маленькая команда, принцесса. Мы можем разделиться и оставить вас с одним охранником, или вы идете с нами. Я предпочел бы, чтобы вы находились у меня на виду».

Поэтому она и пошла. В одном из новых платьев, с распущенными волосами непривычного, не-идрисского золотистого цвета. Она шла по садовой площади, как бы прогуливаясь и стараясь не выдать своей нервозности. Т'телирцы любили зелень – разнообразные парки и скверики были разбросаны по всему городу. Судя по тому, что Вивенна успела увидеть, большая часть города представляла собой сад. Пальмы и папоротники росли на каждой улице, а экзотические цветы благоухали круглый год.

Четыре улицы сходились к площади с четырьмя квадратами возделанной земли, на каждом из которых росло по десятку разных пальм. Здания рядом с садами выглядели богаче, чем дома возле рынка. И хотя здесь было множество пешеходов, они старались передвигаться по тротуарам, дабы не мешать проезжающим экипажам. Это был район богатых магазинов. Никаких палаток, мало уличных артистов, только магазины с дорогим и качественным товаром.

Вивенна прошла по внешней границе северо-западного сада. Справа от нее росли папоротники и трава. Слева, на другой стороне улицы, располагались лавки – богатые, изысканные и, разумеется, пестрые. Между двумя зданиями лениво слонялись Тонк Фа и Парлин. На плече у Парлина сидела обезьянка, а сам он к зеленой шапке добавил яркий красный жилет. Вивенна поймала себя на мысли, что лесной разведчик должен был выделяться в Т'Телире еще больше, чем она сама, но похоже, что на него никто не обращал внимания.

Вивенна направилась дальше. Где-то в толпе за ней следовала Золотце. Она справлялась отлично: Вивенна лишь изредка замечала ее среди скопления народа, и то только потому, что знала, куда смотреть. Дента она не видела. Он был где-то неподалеку, но слишком хорошо маскировался. Дойдя до конца улицы и повернув обратно, Вивенна заметила Чурбана. Безжизненный стоял неподвижно, словно статуя Д'Денир в саду, и безучастно глядел на толпу. Большинство людей его игнорировали.

Дент оказался прав. Безжизненные не были многочисленны, но чем-то необычным они не являлись. Некоторые шагали по рынку, неся покупки хозяев. Никто из них не обладал ростом и телосложением Чурбана – безжизненные так же различались физически, как и люди. Их ставили на охрану лавок. Поручали носить вещи. Подметать улицы. Они были повсюду.

Продолжая прохаживаться, Вивенна мельком заметила в толпе Золотце.

«Как ей удастся выглядеть расслабленной?» – подумала Вивенна. Все ее наемники казались такими спокойными, будто выбрались на пикник.

«Не думай об опасности», – приказала себе Вивенна, сжимая кулаки и сосредоточившись на садах. Если честно, она слегка завидовала т'телирцам. Люди прогуливались, сидели на траве, лежали в тени деревьев, а их дети играли и смеялись. Статуи Д'Денир выстроились торжественной шеренгой, вскинув руки и изготовив оружие, словно защищая людей. Деревья поднимались высоко в небо, раскинув ветви, усыпанные причудливыми розетками цветов.

В кадках росли цветы с широкими лепестками, среди них попадались и слезы Эдгли. Острее помещал цветы там, где ему хотелось. Срезать и уносить их, украшать ими комнаты и дома было излишеством. Но можно ли считать излишеством то, что их высаживают в центре города, где ими все любят?

Она отвернулась, но ее биохрома продолжала ощущать красоту. Изобилие жизни вокруг отдавалось резонансом в груди Вивенны.

«Неудивительно, что они предпочитают жить так близко друг к другу, – подумала она, заметив, что цветы расположены по оттенкам и бледнеют по направлению к центру клумб. А если вы живете так скученно, то единственный способ любоваться природой – это взять ее к себе».

– Помогите! Пожар!

Вивенна резко развернулась, как и большинство людей на улице. Загорелось здание, рядом с которым стояли Тонк Фа и Парлин. Вивенна не стала глядеть на пожар, а повернулась к центру сада. Большинство находившихся там людей застыли, глядя на поднимающиеся в воздух клубы дыма.

Первый отвлекающий маневр.

Люди бросились на помощь, перебегая улицу и заставляя экипажи резко тормозить. В этот момент Чурбан шагнул вперед, двигаясь вместе с толпой, и ударил дубиной по ноге запряженной лошади. Вивенна не слышала, как сломалась кость, но видела, как животное упало, заржав от боли и перевернув экипаж, с крыши которого свалился сундук.

Экипаж принадлежал некоему Нанрове, верховному жрецу Наблюдателя Спокойствия. Информаторы Дента сообщили, что в экипаже будут перевозить ценности. Но даже если бы их там не оказалось, попавший в беду верховный жрец привлек бы всеобщее внимание. Сундук ударился о землю, разумеется, разбился, и из него посыпались золотые монеты.

Второй отвлекающий маневр.

Вивенна краем глаза заметила Золотце, стоявшую с другой стороны экипажа. Поймав ее взгляд, та кивнула. Пора уходить. Пока люди устремлялись либо к золоту, либо на пожар, Вивенна шла прочь. Дент должен вломиться в одну из лавок с бандой воров. Товары достанутся ворами. Вивенна просто хотела быть уверенной в том, что эти товары исчезнут.

По дороге к ней присоединились Золотце и Парлин. Вивенна изумилась тому, как отчаянно колотится ее сердце. Ведь почти ничего не произошло, никакой реальной опасности, никакой угрозы ей самой. Лишь пара «случайностей».

В этом и состоял план.

***

Прошло уже несколько часов, но Дент и Тонк Фа до сих пор не вернулись домой. Вивенна тихо сидела на новом стуле, сложив руки на коленях. Новая мебель была зеленой. Похоже, в Т'Телире не продавали коричневого.

– Который час? – негромко поинтересовалась Вивенна.

– Не знаю, – огрызнулась Золотце, которая стояла у окна и смотрела на улицу.

«Терпение, – сказала себе Вивенна. – Не ее вина, что она так резка. У нее же похитили дыхание».

– Разве им уже не пора вернуться? – спокойно спросила она.

Золотце пожала плечами:

– Может быть. Зависит от того, решили они переждать в убежище, пока все уляжется, или нет.

– Понимаю. Как по-твоему, сколько нам еще ждать?

– Сколько понадобится, – рявкнула Золотце. – Послушай, я тебе спасибо скажу, если ты не будешь со мной разговаривать.

Она снова отвернулась к окну.

Вивенна проглотила обиду, напомнив себе: «Терпение! Поставь себя на ее место. Так учат Пять Видений».

Она встала, тихо подошла к Золотцу и нерешительно положила руку ей на плечо. Золотце аж подскочила – само собой, лишенной дыхания было сложнее заметить, как кто-то приближается.

– Все в порядке, – сказала Вивенна. – Я понимаю.

– Понимаешь? – переспросила Золотце. – Понимаешь что?

– Они забрали твоё дыхание. Они не имели права так ужасно поступить с тобой.

Она улыбнулась и пошла к лестнице.

Золотце расхохоталась, Вивенна остановилась и оглянулась.

– Ты думаешь, что понимаешь меня? – спросила наемница. – Да? Ты меня жалеешь, потому что я тусклая?

– Твои родители не должны были этого делать.

– Мои родители служили королю-богу, – бросила Золотце. – Мое дыхание досталось именно ему. Тебе не понять, насколько это великая честь.

Вивенна несколько секунд переваривала услышанное.

– Ты веришь в Радужные Тона?

– Конечно, верю. Я ведь халландренка.

– Но остальные...

– Тонк Фа из Пан-Каля, – пояснила Золотце. – И одним только Цветам ведомо откуда Дент. Но я из самого Т'Телира.

– Как ты можешь поклоняться так называемым богам? – спросила Вивенна. – После того, что они с тобой сделали?

– Что со мной сделали? Я же сказала, что я отдала дыхание по своей воле.

– Ты была ребенком!

– Мне было одиннадцать, и родители предоставили мне выбор. Я приняла верное решение. Мой отец занимался красками, но поскользнулся, упал и повредил спину. Он не мог работать, а у меня было пять братьев и сестер. Знаешь, каково это – смотреть, как твои братья и сестры голодают? За многие годы до этого мои родители продали свои дыхания и получили достаточно денег, чтобы начать дело. Я продала свое, и мы получили столько денег, что жили на них почти год!

– Душа бесценна, – сказала Вивенна. – Ты...

– Прекрати меня осуждать! – взорвалась Золотце. – Пусть тебя заберут Фантомы Калада! Я гордилась продажей дыхания. И до сих пор горжусь! В короле-боге живет часть меня. Благодаря мне он продолжает жить. Я – часть этого королевства, немногим выпадает такая честь.

Наемница покачала головой и отвернулась.

– Вот почему вы, идрисцы, нас раздражаете. Вы такие заносчивые, так уверены в своей правоте. Если б ваш бог попросил у тебя дыхание или дыхание твоего ребенка, что бы ты сделала? Вы отдаете детей в монахи, посвящая их жизнь служению, да? И считаете это доказательством веры. А при виде нашего служения богам вы кривите губы и кричите о богохульстве.

Вивенна открыла рот, но не смогла ничего сказать. Посвящать детей в монахи – это совсем другое...

– Мы приносим жертвы нашим богам, – продолжала Золотце, глядя в окно. – Но это не значит, что нами пользуются. На мою семью снизошла благодать за то, что мы сделали. Нам не только дали достаточно денег на еду, но и отец поправился, а через несколько лет смог снова открыть красивую мастерскую. Мои братья до сих пор в ней работают. Тебе не надо верить в мои чудеса. Можешь назвать их случайностями или совпадениями, если хочешь. Но не вздумай жалеть меня из-за моей веры. И не считай, что ты лучше просто потому, что веришь в другое.

Вивенна закрыла рот, спорить было бессмысленно. Золотце не нуждалась в ее сочувствии. Так что Вивенна вернулась к лестнице и поднялась наверх.

***

Через несколько часов начало темнеть. Вивенна стояла на балконе второго этажа, глядя на город. Большинство зданий на улице имело такие балконы. Излишество или нет, но на этом склоне холма с них открывался великолепный обзор Т'Телира.

Город светился огнями. По обочинам главных улиц выстроились ряды столбов с фонарями, которые городские работники зажигали каждый вечер. Большинство зданий тоже были освещены. Вивенна не уставала поражаться расходам на масло и свечи. Но когда поблизости Внутреннее море, масло обходится гораздо дешевле, чем в горах.

Она не знала, что и думать об эмоциональной вспышке Золотца. Как можно гордиться тем, что твое дыхание украли и скормили ненасытному возвращенному? Судя по тону, она была искренна и явно уже размышляла о случившемся. Очевидно, она пыталась дать объяснение тому, что с ней произошло, чтобы жить с этим дальше.

Вивенна зашла в тупик. Пять Видений учили ее стремиться понять других. Они велели ей не ставить себя выше остальных. И при этом остреизм утверждал, что сделанное с Золотцем было кощунством.

Эти две идеи, казалось, противоречили друг другу. Считать, что Золотце неправ, означало поставить себя над ней. А приняв сказанное наемницей, Вивенна отвергала остреизм. Ее смятение могло показаться смешным, но она всегда старалась быть благочестивой. Она понимала: чтобы выжить в языческом Халландрене, ей нужно быть твердой в своей вере.

Языческий... а не ставит ли она себя над халландренцами, произнося это слово? Но они ведь и были язычниками. Вивенна не могла считать возвращенных истинными богами. Похоже, следование любой вере приводит к высокомерию.

Может, она и заслужила то, что наговорила ей Золотце.

Кто-то пришел. Вивенна повернулась к Денту, который открыл деревянную дверь и шагнул на балкон.

– Мы вернулись, – объявил он.

– Знаю, – ответила Вивенна, глядя на пестрящий огнями город. – Я почувствовала, как вы вошли в здание.

Усмехнувшись, он подошел к ней.

– Я и забыл, что у вас столько дыхания, принцесса. Вы же никогда им не пользуетесь.

«Только для того, чтобы почувствовать людей поблизости, – подумала она. – Но с этим я ничего не могу поделать».

– Вижу, вы опять разочарованы, – заметил Дент. – Все еще волнуетесь, что план работает недостаточно быстро?

Она покачала головой.

– Дело совсем в другом, Дент.

– Наверное, не стоило вас оставлять надолго с Золотцем. Надеюсь, она от вас не слишком много откусила.

Вивенна не ответила на это и, немного помолчав, наконец со вздохом повернулась к наемнику:

– Как прошло дело?

– Блестяще, – сказал Дент. – Когда мы вломились в лавку, никто не смотрел в нашу сторону. Они выставляют стражу по ночам и должны чувствовать себя полными идиотами от того, что их ограбили среди бела дня.

– Я все еще не понимаю, какой от этого прок, – заметила Вивенна. – Лавка торговца пряностями?

– Не лавка, – поправил Дент. – Склад. Мы разбили или уволокли из погреба все бочонки с солью. Этот человек – один из трех владельцев складов с большими запасами соли; большинство других торговцев пряностями покупают соль у него.

– Да, но соль... В чем смысл?

– Сегодня было жарко? – спросил Дент.

Вивенна пожала плечами:

– Слишком жарко.

– А что случается с мясом на жаре?

– Оно гниет, – ответила она. – Но для хранения его не обязательно засаливать. Можно попробовать...

– Лед? – захохотал Дент. – Только не здесь, принцесса. Хотите сохранить мясо – засолите его. А если вы хотите, чтобы армия взяла с собой рыбу, выступая в поход от Внутреннего моря в такую даль, как Идрис...

Вивенна улыбнулась.

– Воры, с которыми мы работали, увезут соль по морю, – продолжил Дент. – Контрабандой в соседние страны, где ее можно продать открыто. С началом войны у Халландрена будет полно проблем со снабжением солдат мясом. Еще один мелкий, но болезненный укол.

– Спасибо, – сказала Вивенна.

– Не благодарите, – отозвался Дент, – просто продолжайте платить.

Она кивнула, и некоторое время они молчали, глядя сверху на город.

– Золотце в самом деле верит в Радужные Тона? – наконец спросила Вивенна.

– Верит так же страстно, как Тонк Фа любит поспать. – Дент пристально посмотрел на нее. – Вы что, с ней повздорили?

– Вроде того.

Дент присвистнул.

– И вы все еще на ногах? Надо поблагодарить ее за сдержанность.

– Но как она может верить? – спросила Вивенна.

Дент пожал плечами.

– По мне так неплохая религия. В смысле, можно пойти и посмотреть на богов. Поговорить с ними, поглядеть на их сияние. Все это легко можно понять.

– Но она работает на идриску, – напомнила Вивенна. – И подрывает возможности своих же богов вести войну. Мы сегодня перевернули экипаж жреца.

– Причем очень важного, – усмехнулся Дент. – Эх, принцесса, это довольно сложно понять, но дело в мышлении наемника. Нам платят за работу, но проделываем ее не мы. Это вы все делаете, а мы всего лишь ваши орудия.

– Орудия борьбы против богов Халландрена.

– Это не причина, чтобы утратить веру, – ответил Дент. – Мы неплохо умеем отделять себя от наших занятий. Может, поэтому люди нас так ненавидят. Они не понимают, что если мы убиваем друга на поле битвы, то это не значит, что мы бессердечны или недостойны доверия. Мы делаем то, за что нам заплатили. Как и все.

– Это другое, – сказала Вивенна.

Дент снова пожал плечами.

– Полагаете, металлург думает о том, что из выплавленного им железа сделают меч, который убьет его друга?

Вивенна уставилась на огни города, за которыми скрывалось множество людей с их различными верованиями, образами мышления, противоречиями. Возможно, не она одна пыталась верить одновременно в противоположные вещи.

– А что насчет тебя, Дент? – спросила она. – Ты халландренец?

– Боги, нет! – отозвался он.

– Тогда во что ты веришь?

– Мало во что, – ответил наемник. – С недавних пор.

– А твоя семья? Во что они верили?

– Все уже умерли. Они верили в вещи, которые сейчас позабыты. Я никогда с ними не соглашался.

Вивенна нахмурилась.

– Но ты же должен во что-то верить. Если не во что-то религиозное, то хоть в кого-то... в то, как надо жить.

– Когда-то верил.

– Ты всегда отвечаешь так туманно?

Дент взглянул на нее.

– Да. За исключением, возможно, этого самого вопроса.

Она закатила глаза.

Дент облокотился на перила.

– То, во что я верил, – сказал он. – Не знаю, имеет ли это смысл и захотите ли вообще слушать, если я начну рассказывать.

– Ты утверждаешь, что гонишься за деньгами, – сказала Вивенна. – Но ведь это не так. Я видела учетные книги Лемекса, он платил тебе не так уж много. Не так много, как я предполагала. И если бы ты хотел, ты бы мог захватить экипаж того жреца и забрать деньги. Украсть их было бы вдвое легче, чем провернуть дело с солью.

Он не ответил.

– Насколько я знаю, ты не служишь никакому королевству или королю, – продолжила Вивенна. – Ты лучший мечник, чем обычные телохранители...

подозреваю, лучше почти любого, если можешь так легко впечатлить своим мастерством преступного главаря. Если бы ты решил участвовать в спортивных поединках, то обрел бы славу, учеников и награды. Ты говоришь, что подчиняешься нанимателю, но ты чаще приказываешь, чем исполняешь приказы. И, кроме того, раз тебе не важны деньги, то твой найм, возможно, всего лишь предлог.

Вивенна помедлила.

– Собственно, – сказала она, – единственный раз, когда я видела у тебя проблеск эмоций, речь шла об этом человеке. Вашере. Владельце меча.

Когда прозвучало это имя, Дент напрягся.

– Кто ты? – спросила Вивенна.

Он повернулся к ней, взгляд его стал жестким, вновь показывая ей, что тот весельчак, которым он представляется, – всего лишь маска. Фарс. Мягкость, скрывающая камень.

– Я наемник, – проронил он.

– Хорошо, – ответила Вивенна. – Тогда кем ты был?

– Вам лучше этого не знать, – мрачно сказал Дент.

И ушел, ступив за порог и оставив Вивенну в одиночестве на темном деревянном балконе.

Глава 26

Проснувшись, Гимн Света сразу выбрался из постели, потянулся и с улыбкой сказал:

– Прекрасный день.

Слуги с неуверенным видом застыли у стен.

– Что? – Гимн вытянул руки. – Давайте, пора одеваться.

Они поспешили к нему. Вскоре пришел Лларимар. Гимн часто задавался вопросом, насколько же рано тот встает, поскольку, когда сам Гимн просыпался, его жрец всегда уже был рядом.

Лларимар смотрел на него, подняв бровь.

– Вы сегодня бодры, ваша милость.

Гимн пожал плечами:

– Просто почувствовал, что пора вставать.

– На целый час раньше обычного.

Гимн вскинул голову. Слуги продолжали его одевать.

– В самом деле?

– Да, ваша милость.

– Ну надо же, – только и сказал Гимн, кивая слугам, которые, полностью облачив его, отступили в сторону.

– Тогда перейдем ко снам? – спросил Лларимар.

Гимн помедлил, а в его сознании пронеслись образы. Дождь. Буря. Шторма. И блестящая красная пантера.

– Не-а, – ответил он, направляясь к двери.

– Ваша милость...

– Поговорим о снах потом, Тушкан, – бросил Гимн. – У нас есть более важная работа.

– Более важная работа?

Гимн дошел до двери и с улыбкой развернулся:

– Я хочу вернуться во дворец Звезды Милосердия.

– Но зачем?

– Понятия не имею, – радостно ответил Гимн.

Лларимар вздохнул:

– Хорошо, ваша милость. Может, сначала посмотрим картины? Люди заплатили большие деньги за возможность узнать ваше мнение, и они с нетерпением ждут, что вы скажете об их участи.

– Хорошо, – согласился Гимн Света. – Но давай побыстрее.

***

Гимн воззрился на картину.

Красное на красном, оттенки столь трудноуловимые, что художник должен был обладать как минимум третьим возвышением. Жесткие, яростные красные тона, схлестнувшиеся подобно волнам – волнам, что лишь отдаленно напоминали людей, но как-то передавали образ столкнувшихся армий лучше детальных реалистичных картин.

Хаос. Кровавые раны на кровоточащей коже и обгаренная кровью униформа. В красном было так много жестокости. В его собственном цвете. Гимн как будто бы сам присутствовал при этом – он ощущал, как отображенное на картине смятение потрясает его, дезориентирует, подавляет.

Волны людей приближались к фигуре в центре. К женщине, изображенной несколькими размытыми мазками кисти, но тем не менее различимой. Она стояла высоко, будто на вершине схлестнувшихся волн, застывших в момент столкновения солдат, ее голова откинута назад, а рука поднята.

И она сжимала абсолютно черный меч, вокруг которого красное небо становилось темнее.

– Битва при Сумеречных Водопадах, – тихо сказал стоявший позади Лларимар. – Последнее сражение Всеобщей войны.

Гимн кивнул. Откуда-то он это знал. Лица многих солдат имели серый оттенок. Безжизненные. Именно во время Всеобщей войны их впервые во множестве выпустили на поле боя.

– Я знаю, что вы недолюбливаете батальные сцены, – продолжил Лларимар. – Но...

– Эта мне нравится, – перебил жреца Гимн. – Очень.

Лларимар замолчал.

Гимн Света не сводил глаз с картины, на которой перетекающие красные тона были выполнены столь тонко, что создавали скорее ощущение войны, чем ее изображение.

– Возможно, это лучшая картина из всех, что попадали ко мне.

Жрецы на другой стороне комнаты принялись неистово записывать. Лларимар обеспокоенно уставился на него.

– Что? – спросил Гимн.

– Ничего, – ответил Лларимар.

– Тушкан... – Гимн пристально посмотрел на жреца.

Тот вздохнул:

– Я не могу ответить, ваша милость. Не могу нарушать ваше впечатление от картин.

– В последнее время многие боги стали одобрять батальные сцены, верно? – спросил Гимн, вновь поворачиваясь к полотну.

Лларимар не ответил.

– Возможно, это еще ничего не значит, – сказал Гимн. – Наверное, мы просто реагируем на споры при дворе.

– Да, пожалуй, – согласился Лларимар.

Гимн Света замолчал. Он знал, что Лларимар не считает, что «это ничего не значит». В его представлении Гимн не просто высказывал свои впечатления от картин, а предсказывал будущее. Что он предрек сейчас, одоббив изображение войны в таких ярких, жестких красках? Была ли это его реакция на сны? Но прошлой ночью он наконец-то не видел снов о войне. Да, ему снился шторм, но это не то же самое.

«Не стоило говорить», – подумал он. И все же отзывы на картины казались единственно важным его занятием.

Он воззрился на яростные мазки краски. Каждая фигура намечена несколькими треугольными штрихами, но они были прекрасны. Может ли война быть прекрасной? Как он может видеть красоту в том, как серолицые сталкиваются с живыми, как безжизненные убивают людей? Эта битва даже не была решающей. Она не определила исход войны, хотя в ней и погиб лидер Панского Союза – королевств, объединившихся против Халландрена. Конец Всеобщей войне положила дипломатия, а не кровопролитие.

«И мы в самом деле думаем о том, чтобы все начать заново? – подумал Гимн, по-прежнему замороженно глядя на красоту. – Не приведет ли к войне то, что я делаю?»

Нет. Нет, я буду осторожным. Я помогаю Авроре укрепить фракцию. Это лучше, чем позволить событиям проходить мимо меня. Всеобщая война началась именно потому, что королевская семья проявила неосторожность».

Картина продолжала его притягивать.

– Что это за меч? – спросил Гимн.

– Меч?

– Черный. В руке у женщины.

– Я... я не вижу меча, – признался Лларимар. – Честно говоря, я и женщины не вижу. Для меня картина состоит только из широких мазков кисти.

– Ты сказал, что это битва при Сумеречных Водопадах.

– Это название картины, ваша милость, – пояснил Лларимар. – Я решил, что вы так же озадачены, как и я, поэтому сказал, как художник ее назвал.

Оба замолчали. Наконец Гимн Света отвернулся и отошел от картины.

– Хватит на сегодня живописи. – Он помедлил. – Не сжигайте эту картину. Сохраните для моей коллекции.

Лларимар с поклоном принял приказ. Двинувшись прочь из дворца, Гимн постарался приободриться, и это ему удалось, хотя воспоминание об ужасной и прекрасной сцене осталось в сознании. Оно смешалось с памятью о последнем сновидении, в котором сталкивались ветра бури.

Но даже это не могло омрачить его настроение. Кое-что изменилось. Кое-что воодушевило его. При Дворе Богов случилось убийство.

Он не знал, почему оно его так интригует. Это событие следовало воспринимать как трагическое или расстраивающее. Но всю свою жизнь он ни в чем не знал недостатка. Ответы на его вопросы, любые развлечения по его капризу. По воле случая он стал гурманом. И лишь в двух вещах ему было отказано: в знании о его прошлом и свободе покинуть двор.

Эти ограничения в ближайшее время не исчезнут. Но здесь, в пределах двора, в таком безопасном и комфортном месте, что-то пошло не так. Какая-то мелочь. То, что проигнорировало большинство возвращенных. Никому не было до этого дела. Значит, никто не станет возражать против расспросов Гимна?

– Вы поступаете очень странно, ваша милость, – заметил Лларимар, догнав его на лужайке.

Слуги следовали за ними беспорядочной толпой, пытаясь раскрыть огромный красный зонт.

– Я знаю, – ответил Гимн. – Думаю, все мы сходимся в том, что я всегда был довольно странным для бога.

– Должен признать, что это правда.

– Значит, я веду себя как обычно, – заключил Гимн. – И со вселенной все в порядке.

– Мы правда идем во дворец Звезды Милосердия?

– Да, именно. Как думаешь, она будет раздражена? Это может оказаться занятным.

Лларимар только вздохнул:

– А вы уже готовы поговорить о снах?

Гимн ответил не сразу. Слуги наконец раскрыли зонт и подняли над ним.

– Мне снился шторм, – сказал он. – Я стоял посреди него, и мне было не за что ухватиться. Меня хлестали дождь и ветер, отталкивали назад. Они были так сильны, что земля уходила из-под ног.

Лларимар выглядел встревоженным.

«Еще признаки войны, – подумал Гимн. – По крайней мере, он их так понимает».

– Что-то еще?

– Да. Красная пантера. Она блестела, отражая свет, будто была сделана из стекла или чего-то похожего. Она ждала посреди шторма.

Лларимар пристально посмотрел на него:

– Вы не выдумываете, ваша милость?

– Что? Нет! Мне действительно это снилось.

Лларимар вздохнул, но кивнул младшему жрецу, и тот поспешил записать сон под диктовку. Они вскоре достигли желтого с золотом дворца Звезды Милосердия. Гимн Света помедлил перед зданием, вдруг осознав, что еще никогда не наносил визита другому богу, не отправив сначала гонца.

– Желаете послать кого-нибудь, чтобы объявить о вашем прибытии, ваша милость? – поинтересовался Лларимар.

Гимн колебался.

– Нет, – наконец сказал он, заметив пару стражников у парадного входа. Они были мускулистее обычных слуг, и на поясах у них висели мечи. Гимн предположил, что это дуэльные клинки, хотя никогда раньше их не видел.

Он подошел к стражникам.

– Ваша госпожа дома?

– Боюсь, нет, ваша милость, – ответил один. – После полудня она отправилась навестить Всематерь.

«Всематерь? – удивился Гимн. – Еще одна богиня, владеющая приказами для безжизненных. Дело рук Авроры?»

Он скучал по болтовне со Всематерью – может, стоит к ней потом заглянуть. К несчастью, она его люто ненавидела.

– Ладно, – сказал Гимн стражнику. – Неважно. Мне надо осмотреть здесь коридор, место, где прошлой ночью произошло нападение.

Стражники переглянулись.

– Я... не знаю, можем ли мы пропустить вас, ваша милость.

– Тушкан! Они мне могут запретить?

– Только если получили прямой приказ от Звезды Милосердия.

Гимн Света перевел взгляд на стражников, и те неохотно отошли в сторону.

– Да все в порядке, – заверил их бог. – Ваша госпожа попросила меня позаботиться кое о чем. Вроде того. Идем, Тушкан?

Лларимар последовал за ним в коридор. Гимн снова ощутил странное удовлетворение. Непонятные ему инстинкты побуждали его искать место, где погиб слуга.

Доски пола уже заменили, и его обостренное возвышением зрение с легкостью видело разницу между новой и старой древесиной. Гимн прошел немного дальше. Доску с посеревшим пятном тоже убрали и заменили совершенно неотличимой новой.

«Интересно, – подумал он, – но ничего неожиданного. И... есть ли тут еще такие пятна?»

Он двинулся дальше и оказался прав, заметив еще один участок новых досок в форме правильного квадрата.

– Ваша милость? – прозвучал новый голос.

Гимн поднял голову и увидел того самого немногословного молодого жреца, с которым он говорил вчера.

– А, отлично, – улыбнулся Гимн. – Я надеялся, что придешь именно ты.

– Вас не удержат никакие запоры, ваша милость, – произнес жрец.

– Я слышал, что это лечится незрелыми фигами, – сказал Гимн. – Мне надо поговорить со стражниками, которые видели злоумышленника.

– Но зачем, ваша милость? – спросил жрец.

– Потому что я с причудами, – объяснил Гимн Света. – Пошли за ними. Мне нужно поговорить со всеми слугами и охранниками, которые видели убийцу.

– Ваша милость, – с неловкостью произнес молодой человек, – городские власти уже разобрались. Они решили, что преступник намеревался украсть картины Звезды Милосердия, и посчитали своим долгом...

– Тушкан, – оглянулся Гимн, – этот человек может игнорировать мои требования?

– Лишь ценой великой опасности для души, ваша милость, – ответил Лларимар.

Жрец наградил их сердитым взглядом, но все же послал слугу исполнить просьбу Гимна Света. Сам бог опустился на колени, и несколько слуг тревожно зашептались: они явно посчитали такую униженную позу неподобающей.

Гимн Света не обратил на них внимания и пригляделся к квадрату нового дерева. Он был больше, чем два других, которые заменили, и цвета на нем лучше соответствовали остальному полу. Просто квадратный участок доски, чуть-чуть отличающийся от соседних. Без дыхания – причем мощного – Гимн бы даже не заметил различий.

«Это люк! – с внезапным изумлением понял он. Жрец не сводил с него глаз. – Этот участок не новый, как те замененные, он новый только по сравнению с другими досками».

Гимн прополз по полу, намеренно игнорируя люк. И опять какой-то инстинкт заставил его промолчать об этом открытии. Откуда у него такая неожиданная подозрительность? Это влияние зловещих снов и образов с картины? Или что-то еще? Он чувствовал, что проникает в глубины своей души, высвобождая оттуда настороженность, в которой раньше не нуждался.

Как бы там ни было, он отодвинулся от этого места, притворившись, что не заметил люка, а смотрит, не застряли ли в дереве какие-нибудь нитки. Он подобрал одну, явно из одеяния слуги, и внимательно рассмотрел.

Кажется, жрец немного расслабился.

«Он знает о люке, – подумал Гимн. – И... возможно, нарушитель тоже знал?»

Он поползал еще немного, к неловкости слуг, пока не явились люди, за которыми он требовал послать. Гимн встал – слуги тут же отряхнули его одеяние от пыли – и направился к прибывшим. В коридоре стало тесно, поэтому Гимн вывел всех под открытое небо.

Там он оглядел группу из шестерых мужчин.

– Назовите себя. Вот ты слева, ты кто?

– Меня зовут Гагарил, – ответил тот.

– Сочувствую, – сказал Гимн.

Мужчина покраснел:

– Меня назвали в честь отца, ваша милость.

– А что он такого совершил? Неожиданно много времени провел в таверне? Ну ладно, как ты в это впутался?

– Я стоял на воротах, когда вломился нарушитель.

– Ты был один? – уточнил Гимн.

– Нет, – сказал другой мужчина. – С ним был я.

– Хорошо. Вы оба, отойдите вон туда.

Он указал на лужайку. Стражники переглянулись и пошли туда, куда их направили.

– Подальше, чтобы вы нас не слышали! – крикнул им Гимн.

Они кивнули и послушались.

– Отлично, – Гимн повернулся к остальным. – Вы четверо кто такие?

– На нас злоумышленник напал в коридоре, – пояснил один из слуг, указывая еще на двоих. – На нас троих... Был еще один. Которого убили.

– Ужасное невезение, – согласился Гимн, указывая на другой участок лужайки. – Идите. Отойдите, пока не перестанете меня слышать, и ждите.

Все трое поплелись прочь.

– А теперь ты. – Гимн упер руки в бока и повернулся к последнему – невысокому жрецу.

– Я видел, как нарушитель бежал, ваша милость, – доложил тот. – Я выглянул в окно.

– Очень вовремя, – сказал Гимн, указывая на третий участок лужайки, достаточно далеко от остальных.

Тот ушел. Гимн Света повернулся к жрецу, который, очевидно, был главным.

– Ты сказал, что злоумышленник выпустил безжизненное животное?

– Белку, ваша милость, – подтвердил жрец. – Мы ее схватили.

– Принеси ее мне.

– Ваша милость, она совсем дикая, и... – он осекся, поймав взгляд Гимна, и жестом подозвал слугу.

– Нет, – возразил Гимн. – Не слуга. Иди и принеси сам.

Жрец недоуменно вытаращился на него.

– Да, да, – подтвердил Гимн, отсылая его взмахом руки. – Знаю, это оскорбление твоего достоинства. Может, тебе стоит подумать об обращении в остреизм. А пока иди.

Жрец с ворчанием ушел. Гимн повернулся к собственным слугам и жрецам:

– Все остальные ждите здесь.

Они смиренно кивнули. Похоже, начали привыкать, что он обходится без них.

– Пойдем, Тушкан, – позвал Гимн, направляясь к стражникам, отосланным на лужайку первыми.

Лларимар поспешил догнать бога, который широкими шагами приближался к двум мужчинам. Оказавшись за пределами слышимости остальных, Гимн произнес:

– А теперь расскажите, что вы видели.

– Он подошел к нам, притворившись сумасшедшим, ваша милость, – сказал один из стражников. – Выступил из тени, бормотал что-то сам себе. Но он только притворился и, когда подошел вплотную, оглушил нас обоих.

– Как? – спросил Гимн.

– Он затянул на моей шее лохмотья с пробужденной куртки, – пояснил стражник и кивнул на товарища. – А ему дал под дых рукоятью меча.

Второй стражник задрал рубашку, открыв большой синяк на животе, потом повернул голову и показал второй – на шее.

– Придушил нас обоих, – подтвердил первый. – Меня кистями, Франа – сапогом по шее. Только это мы и помним. Когда очнулись, он уже исчез.

– Он вас придушил, – сказал Гимн, – но не убил. Просто придушил так, чтобы лишить сознания?

– Это так, ваша милость, – подтвердил стражник.

– Опишите его, – попросил Гимн.

– Крупный, – начал стражник, – со всклокоченной бородой. Не слишком длинной, но и не подстриженной.

– Не грязный и не вонючий, – уточнил другой стражник. – Похоже, ему просто все равно как он выглядит. Длинные волосы до плеч, давно не чесанные.

– В лохмотьях, – добавил первый. – Везде заплаты, ничего яркого, но и темного тоже. Просто... приглушенные цвета. Сейчас, если подумать, понимаю – как-то не по-халландренски.

– И он был вооружен? – спросил Гимн.

– Да, мечом, которым меня ударил, – сказал второй стражник. – Большой такой, не дуэльный клинок, а скорее вроде восточного меча. Прямой и очень длинный. Он его прятал под плащом, и мы бы это заметили, если б он не шел так странно.

Гимн кивнул:

– Благодарю. Стойте тут.

Развернувшись, он направился ко второй группе.

– Это очень интересно, ваша милость, – заметил Лларимар. – Но я не вижу смысла.

– Мне просто любопытно, – ответил Гимн.

– Простите, ваша милость, – возразил Лларимар, – но вы никогда не отличались любопытством.

Гимн продолжал идти. Он не раздумывал над своими действиями. Просто поступал по наитию. Приблизившись к следующей группе, он спросил:

– Вы те, кто видел злоумышленника в коридоре, верно?

Слуги кивнули, один оглянулся на дворец Звезды Милосердия. На лужайке перед зданием стояла пестрая толпа жрецов и слуг из свит Гимна Света и Звезды Милосердия.

– Расскажите, что произошло, – велел Гимн.

– Мы шли по коридору для слуг, – начал один из них. – Нас уже отпустили на вечер, и мы собирались выйти в город, в ближайшую таверну.

– Затем мы увидели в коридоре незнакомца, – продолжил другой слуга. – Он был не из дворца.

– Опишите его.

– Здоровяк, – сказал один, а остальные кивнули. – В лохмотьях, с бородой. Выглядел неряшливо.

– Нет, – возразил другой. – Одежда старая, но сам человек не был грязным, просто одет небрежно.

Гимн кивнул:

– Дальше.

– Ну, говорить особо нечего, – ответил слуга. – Он напал на нас. Кинул пробужденную веревку на беднягу Таффа, и она его мгновенно связала. Мы с Раривом бросились за помощью, Лолан остался.

Гимн Света взглянул на третьего слугу:

– Ты остался? Почему?

– Чтобы помочь Таффу, конечно, – ответил тот.

«Лжет, – подумал Гимн. – Слишком нервничает».

– Действительно? – спросил он, подходя ближе.

Слуга опустил взгляд:

– Ну, по большей части... я хочу сказать, там еще был меч...

– О, да, – заметил другой слуга. – Очень странное дело – он кинул в нас мечом.

– Не выхватил его? – переспросил Гимн. – Кинул?

Они покачали головами.

– Он швырнул его в нас прямо в ножнах. Лолан его поднял.

– Я хотел с ним сразиться, – сказал Лолан.

– Интересно, – промолвил Гимн. – А вы двое бежали?

– Да, – ответил один из слуг. – Когда мы вернулись с подмогой, поймав эту проклятую белку, мы увидели, что Лолан лежит без сознания, а бедный Тафф... ну, он все еще был связан, но веревка уже лишилась пробуждения. Его пронзили насквозь.

– Ты видел, как он погиб?

– Нет, – Лолан вскинул руки в отрицающем жесте. Гимн заметил, что у него перевязано запястье. – Злоумышленник вырубил меня кулаком по голове.

– Но у тебя был меч, – напомнил Гимн.

– Он был слишком большим, чтобы размахнуться, – опустил взгляд слуга.

– Итак, он кинул в тебя меч, а потом подбежал и ударил кулаком? – уточнил Гимн.

Слуга кивнул.

– А что с твоей рукой?

Слуга замялся, невольно пряча руку:

– Вывих. Ничего особенного.

– И ты перевязал вывихнутую кисть? – поднял бровь Гимн. – Покажи.

Слуга заколебался.

– Покажи или утратишь душу, сын мой, – произнес Гимн Света, надеясь, что его голос звучит как подобает божеству.

Лолан медленно вытянул руку, Лларимар шагнул вперед и размотал бинт.

Кисть оказалась совершенно серой, лишенной цвета.

«Невозможно! – изумленно подумал Гимн. – Пробуждение не делает такого с живой плотью. Оно не вытягивает цвет из живого, а только из предметов. Из пола, одежды, мебели...»

Слуга отдернул руку.

– Что это? – спросил Гимн.

– Я не знаю, – ответил Лолан. – Она была такой, когда я очнулся.

– Да неужели? – резко сказал Гимн. – Думаешь, я поверил, что ты в этом не замешан? Что не помогал злоумышленнику?

Слуга вдруг рухнул на колени, залившись слезами:

– Прошу, господин мой! Не забирайте у меня душу. Я не лучший из людей, я хожу по борделям, я жульничаю в игре!

Двое других слуг выглядели потрясенными.

– Но я ничего не знаю о злоумышленнике, – продолжил Лолан. – Прошу, поверьте мне. Я просто хотел меч. Этот прекрасный черный меч! Я хотел его вытащить, взмахнуть им, ударить им врага. Я потянулся к нему, а когда отвлекся, он напал. Но я не видел, как он убил Таффа! Клянусь, я никогда его раньше не видел! Поверьте, прошу вас!

Гимн помедлил.

– Я верю, – сказал он наконец. – Пусть это будет тебе предостережением. Стань лучше. Перестань жульничать.

– Да, мой господин.

Гимн Света кивнул слугам и ушел вместе с Лларимаром.

– Я действительно чувствую себя богом, – заметил Гимн. – Ты видел, как я заставил его раскаяться?

– Великолепно, ваша милость, – согласился Лларимар.

– Так что ты думаешь об их показаниях? Творится что-то странное, не так ли?

– Я все еще гадаю, почему вы взялись расследовать это дело, ваша милость.

– А чем мне еще заниматься?

– Быть богом.

– Переоцененное занятие, – ответил Гимн, направляясь к оставшемуся свидетелю. – Есть свои преимущества, но рабочий график кошмарный.

Лларимар хмыкнул, а Гимн подошел к последнему свидетелю, невысокому жрецу в желтом с золотом. Он был явно моложе своих собратьев.

«Его выбрали, чтобы преподнести мне ложь в надежде, что он выглядит невинно? – отстраненно подумал Гимн. – Или я слишком самонадеян?»

– Что можешь рассказать? – спросил он.

Юный жрец поклонился:

– Я шел по делам – нес в святилище пророчества, записанные со слов госпожи. Я услышал отдаленный шум где-то в здании и выглянул в окно, но ничего не увидел.

– Где ты находился? – спросил Гимн.

Молодой человек указал на окно.

– Вон там, ваша милость.

Гимн Света нахмурился. Жрец был на противоположной от места убийства стороне здания. Однако именно оттуда нарушитель проник во дворец.

– Ты мог видеть вход, где злоумышленник обездвигил двух стражников?

– Да, ваша милость, – ответил он. – Хотя сразу я их не увидел. Я уже почти отошел от окна, чтобы поискать источник шума. Но как раз в этот момент я заметил в свете фонарей у входа нечто странное – движущуюся фигуру. Только тогда я увидел стражников на земле. Я подумал, что они мертвы, и испугался темной фигуры рядом с ними. Я закричал и побежал за помощью. Но когда мне удалось хоть кого-то найти, человек уже ушел.

– Ты спустился поискать его? – спросил Гимн.

Жрец кивнул.

– Сколько времени тебе понадобилось?

– Несколько минут, ваша милость.

Гимн медленно кивнул.

– Отлично. Благодарю.

Молодой человек направился к остальным жрецам, но его Гимн остановил:

– Подожди. Тебе удалось как следует разглядеть злоумышленника?

– Не слишком, ваша милость, – ответил жрец. – Он был в темной одежде, не очень примечательной. И слишком далеко, чтобы я его рассмотрел.

Гимн жестом отпустил его, задумчиво потер подбородок и взглянул на Лларимара:

– Ну?

Тот поднял бровь:

– Что «ну», ваша милость?

– Что ты думаешь?

Лларимар покачал головой:

– Честно говоря... не знаю, ваша милость. Однако очевидно, что это важно.

Гимн помедлил.

– Важно?

– Да, ваша милость, – согласился Лларимар. – То, что сказал слуга с раненой рукой. Он упомянул черный меч. Помните, вы его предсказали? Этим утром, на картине?

– Это было не предсказание, – сказал Гимн. – Он действительно был на картине.

– Именно так и рождаются пророчества, ваша милость, – ответил Лларимар. – Разве не понимаете? Вы смотрите на картину, и перед вашим взором возникает образ. Я

же вижу лишь случайные красные мазки. Сцены, которые вы описываете – ваши видения – и есть пророчества. Вы – бог.

– Но я видел именно то, что изображала картина! – заявил Гимн. – Еще до того, как ты сказал мне название.

Лларимар кивнул со знающим видом, словно сказанное подтверждало его мнение.

– Ладно, неважно. Жрецы! Все вы несносные фанатики. В любом случае, ты согласен, что здесь творится что-то очень странное.

– Определенно, ваша милость.

– Отлично, – сказал Гимн. – Тогда, будь добр, перестань жаловаться на мое расследование.

– По правде говоря, ваша милость, – заметил Лларимар, – теперь просто необходимо, чтобы вы не вмешивались. Вы предсказали случившееся, но вы – оракул. Вы не должны взаимодействовать с предметом ваших предсказаний. Если вы станете участвовать в событиях, то можете нарушить равновесие.

– Мне нравится нарушать равновесие, – возразил Гимн Света. – Это очень, очень увлекательно.

Как обычно, Лларимар не отреагировал на то, что от его совета отмахнулись. Но когда они направились к основной группе, жрец спросил:

– Ваша милость, просто, чтобы утолить любопытство. Что вы думаете об убийстве?

– Очевидно, что злоумышленников было двое, – лениво ответил Гимн. – Первый – крупный человек с большим мечом, он оглушил охранников, напал на слуг, выпустил безжизненное животное и исчез. А за ним пришел второй – тот, кого видел молодой жрец. И именно второй – убийца.

Лларимар нахмурился:

– Почему вы так считаете?

– Первый гость старался не убивать, – объяснил Гимн. – Оставил стражников в живых, хотя они и представляли для него угрозу, потому что могли в любой момент очнуться и поднять тревогу. Не выхватил меч, столкнувшись со слугами, а попытался их оглушить. Ему незачем было убивать связанного пленника – особенно учитывая, что свидетели уже сбежали. Однако, если был второй... что ж, это логично. Связанный слуга пришел в себя, когда появился второй злоумышленник. Его видел только убитый.

– Итак, вы думаете, что еще кто-то последовал за человеком с мечом, убил единственного свидетеля и потом...

– Оба они пропали, – закончил Гимн. – Я нашел потайной люк и думаю, что под дворцом могут быть проходы. Все это вроде бы очевидно. Но кое-что совсем не очевидно.

Он взглянул на Лларимара и замедлил шаг, пока они не достигли других слуг и жрецов.

– И что же, ваша милость? – спросил Лларимар.

– Как, во имя Цветов, я все это вычислил!

– Я и сам теряюсь в догадках, ваша милость.

Гимн покачал головой:

– Это пришло из прошлого, Тушкан. Все мои действия кажутся совершенно естественными. Кем я был до смерти?

– Я не знаю, что вы имеете в виду, ваша милость, – отвернулся Лларимар.

– Ну прекрати, Тушкан. Большую часть жизни после возвращения я провел в праздности, но как только кого-то убили, я вскочил с постели и не смог сдержать желания разнюхать все вокруг. Это не кажется тебе подозрительным?

Лларимар не смотрел на него.

– Цвета! – выругался Гимн. – Был ли я хоть кем-то полезным? Я уже начал убеждать себя, что умер как-то разумно, скажем, свалившись спьяну с крыльца.

– Вы знаете, что ваша смерть была героической, ваша милость.

– Может, это было очень высокое крыльцо.

Лларимар только покачал головой:

– В любом случае, ваша милость, вы знаете, что я не могу ничего говорить о том, кем вы были раньше.

– Но откуда-то эти инстинкты взялись, – сказал Гимн, подходя к собравшимся у ворот дворца.

Главный жрец уже вернулся с маленькой деревянной коробкой, в которой кто-то яростно царапался.

– Благодарю, – бросил Гимн, выхватил коробку и пошел дальше, даже не замедлив шага. – Говорю тебе, Тушкан, я недоволен.

– Этим утром вы казались очень довольным, – заметил Лларимар, когда они двинулись прочь от дворца Звезды Милосердия. Ее жрец остался у входа, с невысказанной жалобой на устах, а свита Гимна Света потянулась за своим богом.

– Я был счастлив, – ответил Гимн, – потому что не знал, что творится. Как я могу продолжать праздную жизнь, когда меня влечет к расследованиям? Честно говоря, это убийство полностью разрушит мою заработанную с таким трудом репутацию.

– Сочувствую, ваша милость, что вам не по нраву такая мотивация.

– Совершенно верно, – вздохнул Гимн, передавая коробку с бешеным безжизненным грызуном. – Держи. Как думаешь, мои пробуждающие смогут обойти управляющую фразу?

– Это же просто животное, ваша милость. Оно не сможет ничего сказать.

– Пусть все равно попробуют, – приказал Гимн. – А пока мне надо еще поразмышлять над этим делом.

Они отправились к себе во дворец. Внезапно Гимн осознал, что назвал убийство «делом». Раньше он никогда не использовал слово в таком значении, но понял, что оно подойдет. Инстинктивно. Автоматически.

«Когда я был возвращен, мне не понадобилось учиться говорить, – подумал он. – Мне не нужно было заново учиться ходить, читать или еще что-то делать. Я потерял только личную память. Но явно не всю».

И он подумал о том, что нужно проверить, что еще он умеет.

Глава 27

«С предыдущими королями-богами что-то случилось, – размышляла Сири, шагая по бесконечным комнатам дворца в сопровождении служанок. – И Синепалый боится, что это же случится с Сезеброном. Нечто, опасное как для короля-бога, так и для меня».

Она шла, а позади нее стелился шлейф из бесчисленных лент полупрозрачного зеленого шелка. Сегодня на ней было платье из тончайшей, почти прозрачной ткани. Она попросила слуг добыть ей что-нибудь более плотное, чтобы надеть под низ. Забавно, как быстро Сири перестала беспокоиться о том, что «скромно», а что – нет.

Сейчас у нее были гораздо более важные основания для волнения.

«Жрецы действительно боятся, что с Сезеброном что-то случится, – с уверенностью подумала она. – Они так хотят, чтобы я родила наследника. Они кричат о необходимости обеспечить наследование, но полвека оно их не заботило. Они спокойно ждали двадцать лет, пока не прибудет невеста из Идриса. Какой бы ни была опасность – она не срочная. Но жрецы действуют так, будто она уже на пороге».

Возможно, они так хотели невесту королевской крови, что пренебрегли опасностью. Но тогда им не надо было ждать двадцать лет. Вивенна уже много лет назад могла рожать детей.

Но, возможно, соглашение оговаривало время, а не возраст. Может, там утверждалось, что у короля Идриса есть двадцать лет на подготовку невесты королю-богу. Это бы объяснило, почему отцу удалось отправить Сири вместо старшей дочери. Она выругала себя за то, что пропускала мимо ушей уроки о соглашении, и теперь точно не знала, что там говорилось. Вполне могло быть, что опасность разъяснялась в самом документе.

Ей нужно больше информации. К сожалению, жрецы чинили препятствия, слуги молчали, ну а Синепалый...

Наконец она его нашла – он шел через зал и что-то писал в учетной книге. Сири поспешила к нему, шелестя шлейфом. Поворачиваясь, Синепалый увидел ее мельком. Его глаза расширились, он ускорил шаг и нырнул в открытую дверь ближайшей комнаты. Сири окликнула его, двигаясь так быстро, насколько позволяло платье, но когда она достигла комнаты, та уже опустела.

– Цвета! – выругалась она, чувствуя, как от раздражения волосы становятся темно-красными. Повернувшись к старшей из служанок, Сири настойчиво поинтересовалась: – Все еще считаете, что он не избегает меня?

Женщина опустила взгляд:

– Служителям дворца не подобает избегать свою королеву, Сосуд. Наверное, он вас не заметил.

«Ну да, – подумала Сири, – и так каждый раз».

Когда она посылала за Синепалым, он всегда являлся после того, как она сдавалась и уходила. Когда она писала ему письма, он отвечал так туманно, что это еще больше ее раздражало.

Она не могла брать книги из дворцовой библиотеки, а если пыталась читать там, то быстро отвлекалась на жрецов. Сири заказала книги из города, но жрецы настояли на том, чтобы один из них приносил их и читал ей, чтобы она «не напрягала глаза». Сири была уверена в том, что если в книге окажется что-то, о чем жрецы не захотят ставить ее в известность, то чтец пропустит это место.

Она слишком сильно зависела от жрецов и писцов во всем, включая информацию.

«Разве что...» – подумала она, все еще стоя посреди ярко-красной комнаты. Был ведь еще один источник информации. Сири повернулась к главной служанке:

– Сегодня во дворце что-нибудь намечается?

– Многое, Сосуд, – ответила та. – Пришли художники – они пишут картины и делают зарисовки. Дрессировщики привезли необычных животных с юга – кажется, у них есть и слоны, и зебры. Торговцы красками показывают самые новые сочетания цветов. А еще, конечно, есть менестрели.

– А что в том здании, куда мы уже ходили раньше?

– Арена, Сосуд? Думаю, там сегодня вечером будут игры. Состязания в силе и ловкости.

Сири кивнула:

– Приготовьте ложу. Я хочу посмотреть.

***

На родине Сири иногда смотрела состязания по бегу. Обычно они происходили спонтанно, поскольку монахи не одобряли, когда люди показывали свои умения. Остре даровал таланты всем людям, но выставлять их было проявлением надменности.

Мальчишек было не так просто удержать. Сири видела, как они бегали, даже подбадривала их. Однако эти состязания нисколько не походили на то, что устраивали халландренцы.

Здесь одновременно происходило несколько событий. Одни атлеты кидали большие камни, соревнуясь в дальности броска. Другие бежали по широкому кругу внутри арены, взбивая песок и потевая в душной халландренской жаре. Третьи метали дротики, пускали стрелы или соревновались в прыжках.

Наблюдая за всем этим, Сири отчаянно краснела до самых кончиков волос. Атлеты носили только набедренные повязки. За все эти недели в огромном городе она никогда не видела ничего... занятнее.

«Леди не должна засматриваться на молодых людей, – поучала ее мать. – Это непристойно».

Но какой же смысл в играх, если на них не смотреть? Сири не могла отвести взгляда, и не только из-за обнаженных тел. Эти атлеты долго и тщательно тренировались и развили свои способности до удивительных высот. Сири заметила, что победителям каждого конкретного состязания уделяли относительно мало почета. Соревнования устраивали не ради победы, а чтобы показать мастерство.

В этом отношении состязания почти совпадали с идрисским восприятием, но в то же время полностью ему противоречили.

Красота этих игр удерживала ее внимание гораздо дольше, чем она рассчитывала, а ее волосы оставались пунцовыми, даже когда она свыклась с тем, что мужчины соревнуются в такой скудной одежде. Наконец она заставила себя встать и отвернуться от представления. Пора заняться делом.

Служанки оживились. Они захватили с собой все для ее удобства: мягкий диванчик и подушки, фрукты и вина, даже пару слуг с опахалами. Всего за несколько недель во дворце такие удобства стали казаться ей обычными.

– В прошлый раз ко мне подходил поговорить один из богов. – Сири обвела взглядом амфитеатр и высеченные в камне ложи, украшенные цветными навесами. – Как его звали?

– Гимн Света Смелый, Сосуд, – ответила служанка. – Бог смелости.

Сири кивнула:

– Какие у него цвета?

– Золото и красный, Сосуд.

Сири улыбнулась: о присутствии бога свидетельствовал навес над его ложей. Гимн Света был не единственным, кто представился ей за время ее пребывания во дворце, но только он уделил немного времени беседе с ней. Бог ее озадачил, но по крайней мере выразил желание поговорить. Сири вышла из ложи, ее великолепное платье стелилось за ней по камням. Она постаралась отогнать чувство вины за то, что портит его, тем более что, похоже, каждый наряд сжигали после того, как она надела его лишь один раз.

Служанки, поспешно собрав мебель и закуски, присоединились к госпоже. Как и в прошлый раз, на скамьях внизу сидели люди – купцы, достаточно богатые, чтобы купить пропуск, или простолюдины, выигравшие в лотерею. Когда Сири шла мимо, многие оборачивались на нее и шептались.

«Для них это единственный способ увидеть меня, – поняла она. – Свою королеву».

Только одно в Идрисе было устроено лучше, чем в Халландрене. Идрисцы могли легко попасть к королю и правительству, а здесь правящая верхушка держалась в отдалении, что делало ее отчужденной и загадочной.

Сири приблизилась к красной с золотом ложе. Бог, с которым она тогда встретилась, расслабленно лежал на диване, потягивая ледяной красный напиток из большого стеклянного кубка с изысканной гравировкой. Он выглядел так же, как и раньше – точеные мужественные черты, которые она уже привыкла ассоциировать с божественностью, идеально уложенные черные волосы, золотистая смуглая кожа и подчеркнута пресыщенные манеры.

«Вот еще в чем Идрис прав, – подумала она. – Может, мой народ слишком суров, но нельзя же так потакать своим капризам, как некоторые возвращенные».

Посмотрев на нее, Гимн Света почтительно кивнул:

– Моя королева!

– Гимн Света Смелый, – ответила она. Служанка поднесла ей кресло. – Надеюсь, вы приятно проводите день?

– Сегодня я уже обнаружил в своей душе нечто тревожащее, что потихоньку меняет смысл и саму суть моего бытия. – Он сделал глоток. – В остальном же ничего особенного. А у вас?

– Меньше откровений, – произнесла Сири, опускаясь в кресло, – больше замешательства. Я все еще не разобралась в том, как тут все устроено. Я надеялась, что вы сможете ответить на кое-какие вопросы, предоставите мне некоторую информацию, возможно...

– Боюсь, что нет, – сказал Гимн.

Сири замолчала и покраснела от смущения.

– Прошу прощения. Вероятно, я что-то сделала не так. Я...

– Нет, все так, дитя, – еще шире улыбнулся бог. – Я не могу помочь просто потому, что я, увы, ничего не знаю. Я бесполезен. Не слышали об этом?

– Э... боюсь, не слышала.

– Надо быть повнимательнее. – Он отсалютовал ей кубком и с улыбкой добавил:
– Как не стыдно.

Сири нахмурилась, смутившись еще больше. Верховный жрец Гимна Света – она узнала его по громоздкому головному убору – смотрел с неодобрением, и это усиливало ее неловкость.

«Мне-то чего стыдиться? – подумала она с растущим раздражением. – Это Гимн Света завуалированно оскорбляет меня и неприкрыто оскорбляет самого себя! Как будто ему нравится самоуничтожение».

– Вообще, – Сири смотрела на него, вздернув подбородок, – я слышала о вашей репутации, Гимн Света Смелый. Однако я не слышала слова «бесполезный».

– Да?

– Да. Мне сказали, что вы безвредны, хотя я вижу, что это неправда, – разговор с вами определенно вредит моему здравомыслию. Не говоря уже о голове, которая начинает болеть.

– Боюсь, это обычные симптомы общения со мной, – сказал он с нарочитым вздохом.

– Это можно уладить, – заметила Сири. – Возможно, будет лучше, если вы станете воздерживаться от разговоров в присутствии других. Думаю, в этом случае я сочту вас очень приятным собеседником.

Гимн рассмеялся – не раскатистым смехом, как ее отец или некоторые идрисцы, а более изящно. И похоже, что искренне.

– Я знал, что вы мне понравитесь, моя милая, – сказал он.

– Не уверена, что это комплимент.

– Зависит от того, насколько серьезно вы себя воспринимаете, – ответил Гимн. – Идите сюда, бросьте это дурацкое кресло, располагайтесь на диване. Наслаждайтесь вечером.

– Я не уверена, что это прилично, – заметила Сири.

– Я бог, – отмахнулся он. – Я сам устанавливаю, что прилично.

– Мне все равно где сидеть, – с улыбкой ответила она.

Тем не менее она поднялась и велела служанкам перенести кресло подальше под навес, чтобы не приходилось говорить слишком громко. Она также постаралась не засматриваться на состязания, чтобы снова не увлечься ими.

Гимн Света улыбнулся. Похоже, ему доставляло удовольствие ставить других в неловкое положение. Но казалось, что его также не волнует и то, какое впечатление производит он сам.

– Я имела в виду именно то, что сказала, Гимн Света, – сказала Сири. – Мне нужна информация.

– И я, моя дорогая, тоже был очень честен. Я по большей части бесполезен. Однако я постараюсь как можно лучше ответить на вопросы – если, конечно, вы ответите на мои.

– А если я не знаю ответа на ваши вопросы?

– Тогда придумайте что-нибудь, – ответил он. – Я не замечу разницы. Необразованный невежа предпочтительнее просвещенного глупца.

– Постараюсь это запомнить.

– Тогда вы поступите вопреки совету. Итак, что у вас за вопросы?

– Что случилось с предыдущими королями-богами?

– Умерли, – сказал Гимн. – О, не надо удивляться. Это иногда случается, даже с богами. Мы, если вы не заметили, смехотворные бессмертные. Мы все время забываем, что вроде как должны жить вечно, и внезапно умираем. Причем во второй раз. Можно сказать, что оставаться в живых мы умеем вдвое хуже обычных людей.

– Как умирали короли-боги?

– Отдав дыхание, – ответил Гимн. – Это так, Тушкан?

Верховный жрец кивнул:

– Так, ваша милость. Его Божественное Величество Сезеброн Четвертый умер, исцелив эпидемию дистрэнции, поразившую Т’Телир пятьдесят лет назад.

– Погоди, – перебил его Гимн. – Разве дистрэнция – это не кишечное расстройство?

– Именно так, – подтвердил жрец.

Бог нахмурился:

– Хочешь сказать, что наш король-бог – самое святое и божественное существо нашего пантеона – умер, чтобы исцелить несколько вздувшихся животов?

– Я бы не стал формулировать это таким образом, ваша милость.

Гимн наклонился к Сири:

– Знаете, от меня ждут, что однажды я поступлю так же. Убью себя, чтобы какая-нибудь пожилая леди не обделалась на людях. Неудивительно, что я такой неудобный бог. Наверное, это как-то связано с подсознательной самооценкой.

Жрец бросил на Сири извиняющийся взгляд. Она догадалась, что неодобрение грузного служителя было направлено не на нее, а на его бога. Жрец улыбнулся ей.

«Может, не все они похожи на Треледиса», – подумала она и улыбнулась в ответ.

– Жертва короля-бога не была напрасной, Сосуд, – сказал жрец. – Да, диарея может быть не опасна для большинства, но способна погубить стариков и детей.

Вдобавок эпидемические условия способствовали распространению других болезней, и торговля в городе и, соответственно, в королевстве практически прекратилась. Люди в отдаленных поселениях месяцами оставались без необходимых припасов.

– Интересно, что почувствовали исцеленные, – задумчиво промолвил Гимн, – когда очнулись и увидели, что их король-бог мертв.

– Считается, что они были удостоены чести, ваша милость.

– А я думаю, они вознегодовали. Король явился прямо к ним, а они слишком сильно болели, чтобы заметить его. В любом случае, моя королева, – вот, пожалуйста. Это была полезная информация. И теперь я беспокоюсь, что нарушил свое обещание быть бесполезным.

– Если это вас утешит, – заметила Сири, – то вы как раз не очень-то помогли. Это ваш жрец оказался полезным.

– Да, знаю. Я уже много лет стараюсь его испортить – и ничего не срабатывает. Я даже не могу заставить его признать теологический парадокс – что я пытаюсь соблазнить его на дурные поступки.

Сири помолчала и улыбнулась еще шире.

– Что? – спросил Гимн, допивая напиток. Кубок немедленно заменили другим, с голубой жидкостью.

– Разговаривать с вами – как плавать в реке, – пояснила Сири. – Меня увлекло течение, и я не уверена, что смогу сделать еще вдох.

– Следите за камнями, Сосуд, – заметил верховный жрец. – Они выглядят безобидными, но под водой таятся острые края.

– А, – отмахнулся Гимн. – Это за крокодилами нужно следить... Они кусаются. И... так, а о чем мы вообще говорили?

– О королях-богах, – напомнила Сири. – Когда умер последний, наследник уже родился?

– Разумеется, – кивнул жрец. – На самом деле, король-бог женился годом раньше, а ребенок родился за несколько недель до смерти отца.

Сири задумчиво откинулась в кресле:

– А король-бог, который был до него?

– Умер, исцелив детей в деревне, на которую напали бандиты, – ответил Гимн. – Простому люду очень нравится эта история. Короля так тронули их страдания, что он пожертвовал собой ради обычных людей.

– И он тоже женился годом раньше?

– Нет, Сосуд, – сказал жрец, – после свадьбы прошло несколько лет. Хотя он умер всего лишь через месяц после рождения второго ребенка.

Сири подняла взгляд:

– А первой родилась дочь?

– Да, – подтвердил Лларимар. – Женщина без божественной силы. Откуда вы знаете?

«Цвета! – пронеслось в голове у Сири. – Оба раза – вскоре после рождения наследника».

Может, появление ребенка как-то заставляло королей-богов стремиться отдать жизнь? Или было нечто более зловещее? Умелая пропаганда могла использовать победу над мором или исцеленную деревню, чтобы прикрыть какую-то другую причину смерти.

– Боюсь, я не очень сведущ в этих вопросах, Сосуд, – продолжил жрец. – Увы, думаю, что и господин Гимн Света тоже. Если вы попробуете на него надавить, он вполне может что-то присочинить.

– Тушкан! – негодуяюще воскликнул Гимн. – Это клевета. О, кстати, у тебя спина белая.

– Благодарю вас, – сказала Сири. – Вас обоих. Вы действительно очень помогли.

– Я мог бы дать совет... – начал верховный жрец.

– Пожалуйста.

– Поговорите с профессиональным сказителем, Сосуд, – произнес Лларимар. – Вы можете пригласить его из города, и он поведаст вам как события реальной истории, так и придуманные сказки. Вы почерпнете из них больше информации, чем от нас.

Сири кивнула.

«Почему жрецы из нашего дворца не могут быть такими отзывчивыми?»

Хотя, конечно, если они действительно скрывали причины смерти королей-богов, то у них были основания не помогать ей. Если она попросит вызвать сказителя, то скорее всего они подошлют такого, который расскажет то, что нужно им.

Она нахмурилась:

– Гимн Света, а можете вы сделать это для меня?

– Что?

– Пригласить сказителя, – пояснила она. – Я бы хотела, чтобы вы были рядом, если у меня возникнут вопросы.

Гимн пожал плечами:

– Думаю, могу. Сам давно их не слушал. Дайте мне знать, когда.

План был несовершенен: служанки все слышали и могли передать жрецам. Однако, если рассказчик придет во дворец Гимна Света, то у Сири хотя бы появится шанс услышать правду.

– Благодарю, – сказала она, вставая.

– Эй, эй! Не так быстро, – поднял палец Гимн.

Сири остановилась. Бог отпил из кубка.

– Что такое? – спросила она.

Он снова поднял палец и продолжил пить, запрокинув голову, чтобы добраться до последних кусочков подтаявшего льда на дне кубка. Затем отставил его в сторону; губы остались голубыми.

– Очень освежает! Идрис – чудесное место, там столько льда. Сюда его доставлять очень дорого, как я слышал. Хорошо, что мне не надо ни за что платить, а?

Сири выгнула бровь:

– А я тут стою и жду, потому что...

– Вы обещали ответить на пару моих вопросов.

– О. – Она снова села. – Да, конечно.

– Итак, – начал Гимн, – дома у вас были знакомые среди городской стражи?

Сири склонила голову набок:

– Городской стражи?

– Ну, знаете, парни, которые следят за соблюдением законов. Полиция. Шерифы. Те, кто ловят негодяев и охраняют тюрьмы. Из этих.

– Думаю, нескольких я знала, – кивнула Сири. – Мой родной город невелик, но это все же столица. Он иногда притягивал людей, которые создают проблемы.

– Отлично, – сказал Гимн. – Пожалуйста, опишите их. Не проблемных парней, а городскую стражу.

Сири пожала плечами:

– Не знаю. Очень внимательные. Они опрашивали новоприбывших, ходили по улицам в поисках нарушений и тому подобное.

– Вы бы назвали их дотошными?

– Да, – кивнула Сири. – Полагаю. В смысле – не меньше, чем всех других, может, больше.

– У вас там случались убийства?

– Пару раз, – опустила взгляд Сири. – Подобного не должно было произойти, мой отец всегда говорил, что такого не должно быть в Идрисе. Говорил, что убийство – это... ну, больше для Халландрена.

Гимн расхохотался.

– Да, мы все время так поступаем. Подходящая выходка на пирах. Так эти стражники расследовали убийства?

– Конечно.

– Их об этом не просили?

Сири кивнула.

– А как они это делали?

– Я не знаю, – призналась Сири. – Они задавали вопросы, опрашивали свидетелей, искали улики. Меня это не касалось.

– Нет, конечно, не касалось, – согласился Гимн. – Если бы вы оказались убийцей, с вами бы сделали что-то ужасное, верно? Например, изгнали в другую страну?

Сири побледнела, ее волосы посветлели.

Гимн Света только больше рассмеялся.

– Не принимайте меня всерьез, ваше величество. Я уже много дней как перестал гадать, убийца ли вы. А теперь, если мы на секундочку оставим ваших и моих слуг, я смогу сказать вам кое-что важное.

Бог встал, и Сири подскочила. Он двинулся прочь от ложи, оставив своих слуг. Озадаченная и взволнованная, Сири поднялась с места и поспешила за ним. Она догнала его через несколько шагов на вымощенной камнем дорожке, протянувшейся между ложами и ареной. Внизу продолжались состязания атлетов.

Бог с улыбкой поглядел на нее сверху.

«Они и правда высокие, – подумала Сири, вытягивая шею. Такую разницу создавал дополнительный фут роста. Сама она была не слишком высокой и, стоя рядом с человеком вроде Гимна Света, чувствовала себя карлицей. – Но может, он скажет мне то, что я ищу. Тайну!»

– Вы играете в опасную игру, моя королева, – произнес он, облокотившись о каменные перила. Их возвели с учетом роста возвращенных, поэтому для Сири они оказались высоки и неудобны.

– Игру? – переспросила она.

– Политика, – пояснил Гимн, глядя на атлетов.

– Но я не хочу играть в политику.

– Боюсь, что если не захотите, то она сыграет вами. Я всегда втягиваюсь, что бы я ни делал. Жалобами это не прекратить, хотя это раздражает людей, которые довольствуются своими правами.

Сири нахмурилась:

– Так вы отвели меня в сторонку, чтобы предупредить?

– Цвета, нет, – усмехнулся Гимн. – Если вы еще не поняли, что это опасное дело, тогда и предупреждение не примет во внимание. Я просто хотел дать совет. Прежде всего – о вашем образе.

– Моем образе?

– Да, – сказал он. – Над ним надо поработать. Выбор образа невинного новичка – хорошая идея, она вам подходит. Но его надо довести до совершенства. Поработать над ним.

– Это не образ, – искренне сказала Сири. – Я сбита с толку и новичок во всем этом.

Гимн поднял палец:

– В этом вся хитрость для политики, милая. Иногда, даже если невозможно скрыть, кто вы и что чувствуете, это можно использовать. Люди не доверяют тому, чего не понимают или не могут предугадать. Пока при дворе вас считают непредсказуемым элементом, вы будете представлять угрозу. Если сможете умело и, главное, честно изобразить из себя что-то понятное, то тогда приживетесь.

Сири нахмурилась.

– Вот я, к примеру, – продолжил он. – Я – бесполезный шут. Всегда им был, сколько себя помню, то есть не очень долго. В любом случае, я знаю, как другие меня воспринимают. Я усиливаю впечатление. Играю с ним.

– Так это ложь?

– Конечно нет, я такой и есть. Однако я стараюсь, чтобы об этом не забывали. Нельзя контролировать все, но можно контролировать то, как вас воспринимают, и тогда вы найдете свое место в этой суеде. А как только это произойдет, вы сможете влиять на фракции. Если захотите, конечно. Я редко это делаю, такая головная боль!

Сири склонила голову и улыбнулась:

– Вы хороший человек, Гимн Света. Я знала это, даже когда вы меня оскорбляли. Вы не хотите причинить вред. Это часть вашего образа?

– Конечно, – с улыбкой ответил он. – Но я все еще не знаю, что побуждает других мне доверять. Я бы избавился от этого, если бы смог. Это то, из-за чего люди слишком много от меня ждут. Просто попрактикуйтесь в том, что я сказал. Самое лучшее в этой золотой клетке – возможность совершить что-то хорошее, что-то изменить. Я видел, как это делали другие – те, кого я уважал. Пусть даже при дворе их теперь и мало.

– Хорошо, – сказала Сири. – Я постараюсь.

– Я чувствую, что вы что-то ищете, и это касается жрецов. Но не поднимайте много шума, пока не подготовите удар. Вам надо действовать внезапно, но не казаться чересчур безобидной – невинность всегда вызывает подозрения. Хитрость в том, чтобы казаться посредственной. Такой же коварной, как и все. И потому все решат, что смогут вас обыграть с небольшим преимуществом.

Сири кивнула:

– Похоже на идрисскую философию.

– Вы произошли от нас, – пожал плечами Гимн. – Или, может, мы – от вас. В любом случае между нами больше сходства, чем может показаться на первый взгляд. Что такое идрисская философия крайней простоты, если не средство противопоставления Халландрену? Все эти добродетели выделяют вас среди других стран. Вы поступаете как мы, мы – как вы... просто мы делаем одни и те же вещи противоположными способами.

Сири медленно кивнула.

Он улыбнулся.

– Ах, да, еще кое-что. Пожалуйста, прошу вас, не слишком на меня полагайтесь. Я не шучу. Я не смогу толком помочь. Если ваши замыслы наткнутся на препятствие, если дело в последний момент пойдет не так и вы окажетесь в опасности или в беде – не рассчитывайте на меня. Я вас подведу. Это я вам обещаю от всего сердца и с абсолютной искренностью.

– Вы очень странный человек.

– Я порождение своего общества, – ответил Гимн. – А так как по большей части оно состоит из меня одного, то я виню бога. Доброго дня, моя королева.

И с этими словами он удалился в ложу, жестом подозвав обеспокоенных служанок Сири к их госпоже.

Глава 28

– Встреча организована, госпожа, – сказал Тейм. – Вас жаждут увидеть. Молва о вашей деятельности в Т'Телире распространяется все шире.

Вивенна пригубила сок, не зная, что об этом думать. Чуть подогретая жидкость источала приятный аромат, но она по-прежнему хотела добавить идрисского льда.

Тейм смотрел на нее с восторгом. Дент провел расследование и решил, что Тейму можно доверять. История невысокого идрисца о том, как его втянули в преступную жизнь, оказалась слегка преувеличенной. Тейм нашел свою нишу в обществе

Халландрена, став посредником между идрисскими рабочими и всевозможными преступниками.

И, несомненно, он был убежденным патриотом, несмотря на то, что использовал своих же соотечественников, особенно новоприбывших.

– Сколько человек будет на встрече? – спросила Вивенна, глядя, как за воротами ресторанного дворика по улице течет людской поток.

– Больше сотни, госпожа, – ответил Тейм. – Клянусь, все верны нашему королю. И все они влиятельны, по крайней мере для идрисцев в Т’Телире.

По мнению Дента, они обладали властью в городе, потому что предоставляли дешевую рабочую силу и могли повлиять на мнение неимущих идрисцев. Люди вроде Тейма, которые процветали за счет идрисских эмигрантов. Странная двойственность – у них высокое положение в среде притесняемого меньшинства, но без притеснения не было бы их власти.

«Как и Лемекс, – подумала она. – Он служил отцу, даже, вроде бы, уважал и любил его, но это не мешало ему присваивать все золото, которое попадало в его руки».

Вивенна уселась поудобнее. Сегодня на ней было белое платье с длинной плиссированной юбкой, которая ниспадала складками и развевалась при ходьбе. Она постучала по краю кубка, и слуга наполнил его соком. Тейм улыбнулся и тоже взял еще сока. В таком изысканном ресторане он выглядел неуместно.

– Как думаешь, сколько их? – спросила Вивенна. – Я имею в виду – идрисцев в городе.

– Возможно, около десяти тысяч.

– Так много?

– Трудности на предгорных фермах, – пожал плечами Тейм. – Порой в горах живет не просто. Что делать в случае неурожая? Земля принадлежит королю, так что продать ее нельзя. Надо платить налоги...

– Да, но в случае бедствия можно подать прошение, – напомнила Вивенна.

– Ах, госпожа, большинство этих людей живет в нескольких неделях пути от короля. Как они могут оставить свои семьи и уехать с прошением, если боятся, что их близкие умрут с голоду за долгие недели, которые потребуются на то, чтобы привести пищу из королевских запасов. Да и то если поездка окажется успешной. Не проще ли проделать куда более краткий путь в Т’Телир? А там найти работу – грузить товары в порту или собирать цветы на плантациях в джунглях. Это тяжелая работа, но стабильная.

«И поступая так, они предают свой народ».

Но кто она такая, чтобы судить? Пятое Видение определило бы такое поведение как высокомерие. Вивенна сидела в прохладе под навесом, наслаждаясь легким бризом и дорогим соком, в то время как другие продавали себя в рабство, чтобы прокормить семью. Она не имеет права презирать их мотивы.

Идрисцы не должны искать работу в Халландрене. Вивенне не нравилось признавать промахи отца, но королевство было не слишком эффективным с точки зрения управления. Оно состояло из десятков разбросанных деревень с плохими

дорогами, которые часто перекрывали снежные заносы или оползни. Вдобавок королю приходилось тратить много средств на поддержание армии в боевой готовности на случай халландренского вторжения.

У Деделина была трудная работа. Может ли это служить достаточным извинением бедности людей, которые вынуждены покидать родину? Чем больше Вивенна слушала и узнавала, тем больше она понимала, что многие идрисцы никогда не знали той идиллической жизни, какую она сама вела в горной долине.

– Встреча через три дня, госпожа, – сказал Тейм. – Некоторые колеблются, вспоминая провал Вара, но вас они выслушают.

– Я буду там.

– Благодарю.

Тейм поднялся, поклонился, хотя она и просила не привлекать к ней внимания, и ушел.

Вивенна снова пригубила сок. Дента она почувствовала прежде, чем он оказался рядом.

– А знаете, что меня занимает? – спросил он, садясь на стул Тейма.

– Что?

– Люди. – Он постучал по пустому кубку, чтобы позвать слугу. – Люди меня занимают. Особенно те, которые поступают не так, как предполагается. Которые меня удивляют.

– Надеюсь, ты говоришь не о Тейме, – подняла бровь Вивенна.

Дент покачал головой:

– Я о вас, принцесса. Еще недавно в ваших глазах было недовольство, на что бы вы ни смотрели. Теперь его нет. Вы начинаете приспособливаться.

– В этом и проблема, Дент, – сказала Вивенна. – Я не хочу приспособливаться. Я ненавижу Халландрен.

– А сок вам вроде по нраву.

Вивенна отставила кубок:

– Да. Ты прав. Я не должна была его пить.

– Как пожелаете, – пожал плечами Дент. – Но если бы спросили наемника – чего, конечно, никто никогда не делает, – он бы сказал, что это хорошо, что вы начали поступать как халландренцы. Чем меньше вы выделяетесь, тем сложнее другим связать в уме вас и скрывающуюся в городе идрисскую принцессу. Посмотрите на своего друга Парлина.

– В этих ярких цветах он выглядит дураком, – произнесла она, бросив взгляд на другую сторону улицы, где Парлин разговаривал с Золотцем, наблюдая за путем отхода.

– Да? – спросил Дент. – Или он просто выглядит как халландронец? Скажите, вас бы смутило, если бы вы оказались в джунглях и увидели его в звериной шкуре или плаще цвета опавших листьев?

Она снова посмотрела на Парлина. Тот прислонился к зданию, совсем как местный уличный хулиган его возраста, какие повсюду встречались в городе.

– Вы оба уже больше приспособились к городу, – заметил Дент. – Вы учитесь.

Вивенна опустила взгляд. Кое-что в новой жизни действительно начало казаться естественным. Например, налеты стало удивительно легко воспринимать. Она постепенно привыкала двигаться вместе с толпой и быть частью подполья. Всего двумя месяцами раньше она бы с негодованием отказалась иметь дело с человеком вроде Дента просто из-за его профессии.

С некоторыми изменениями смириться было очень трудно. Вивенне становилось все сложнее понимать себя и определяться с тем, во что она верит.

– Хотя, – продолжил Дент, оглядев платье Вивенны, – можете попробовать перейти на штаны.

Вивенна нахмурившись подняла голову.

– Просто предлагаю. – Дент отпил сок. – Вы не любите короткие халландренские юбки, но единственная приличная одежда, которая по вашим меркам «скромная», – заграничного производства, и потому дорогая. Это значит, что мы должны ходить в дорогие рестораны, чтоб не выделяться. Поэтому придется и дальше иметь дело со всей этой кошмарной расточительностью. А вот штаны и скромны, и дешевы.

– Штаны – не скромная одежда.

– Колени они не открывают, – заметил Дент.

– Все равно.

Дент пожал плечами:

– Просто выразил свое мнение.

Вивенна отвернулась и тихо вздохнула.

– Я ценю совет, Дент. Правда. Я просто... В последнее время я совсем сбита с толку.

– Мир вообще сбивает с толку, – сказал Дент. – Поэтому в нем и весело.

– Мы работаем со странными людьми, – призналась Вивенна. – Они возглавляют идрисцев в городе, но одновременно их эксплуатируют. Лемекс крал у моего отца, но защищал интересы моей страны. А я сама? Одетая в дорожное платье, пью дорогой сок, а мою сестру насилует ужасный тиран, и этот чудесный и кошмарный город собирается пойти войной на мою родину.

Дент откинулся на спинку кресла, глядя поверх невысокой ограды на улицу, на толпы людей, одетых с прекрасной и ужасной пестротой.

– Мотивы людей. Они всегда лишены смысла. И в них всегда есть смысл.

– Вот сейчас в твоих словах нет смысла.

Дент усмехнулся:

– Я хочу сказать, что нельзя понять человека, не поняв, что побуждает его поступать так, а не иначе. Каждый – герой своей истории, принцесса. Убийцы не верят в то, что они виноваты в своих поступках. Воры думают, что заслуживают денег, которые крадут. Диктаторы считают, что у них есть право творить что им заблагорассудится ради безопасности народа и блага страны.

Он уставился перед собой, качая головой.

– Думаю, даже Вашер считает себя героем. Однако истина в том, что большинство тех, кого вы назовете «нехорошими», занимаются своим делом по

причинам, которые считают правильными. Только наемник способен на здравомыслие. Мы делаем то, за что нам платят – и все. Может, поэтому люди смотрят на нас свысока. Мы единственные, кто не прикрывается высокими идеями.

Сделав паузу, он взглянул ей в глаза.

– В какой-то степени мы – самые честные люди из тех, кого вы встречали.

Оба замолчали. Рядом, на расстоянии вытянутой руки, текла разноцветная людская река. К столу подошел еще кое-кто.

– Это точно, – сказал Тонк Фа, – но ты забыл добавить, что мы не только честные, но еще и умные. И красивые.

– Это и так ясно, – ответил Дент.

Вивенна повернулась. Тонк Фа застыл, готовый обеспечить поддержку. Наемники уже позволяли ей самой вести переговоры.

– Может, и самые честные, – проговорила она. – Но я искренне надеюсь, что вы – не самые красивые мужчины, которых я когда-либо встречу. Мы идем?

– Ну, если вы допили сок, – ухмыльнулся ей Дент.

Вивенна глянула в кубок – сок был очень хорош. Чувствуя себя виноватой, она допила его, подумав, что грех пропадать такому напитку, не выливать же. Затем поднялась и направилась к выходу, предоставив расплачиваться Денту, поскольку большую часть денег держал он. На улице к компании присоединился Чурбан, которому было приказано явиться, если она позовет на помощь.

Вивенна повернулась к наемникам:

– Тонкс, где твоя обезьянка?

Он вздохнул:

– А, обезьяны скучные.

Она закатила глаза:

– Ты и эту потерял?

Дент захохотал:

– Привыкайте, принцесса. Из всех счастливых чудес во вселенной величайшее то, что у Тонка никогда не было детей. Он бы их потерял еще до исхода недели.

Вивенна покачала головой:

– Может, ты и прав. Следующая встреча назначена в саду Д’Денир?

Дент кивнул.

– Идемте, – сказала она, зашагав по улице.

Остальные последовали за ней, подобрав по пути Парлина и Золотце. Вивенна не стала ждать, пока Чурбан проложит путь в толпе. Чем меньше она зависит от безжизненного, тем лучше. Двигаться по улицам в самом деле оказалось не трудно. Это было своего рода искусство – шагать с толпой, а не пытаться плыть против ее течения. Вскоре Вивенна со своими спутниками свернула на обширную лужайку – сад Д’Денир. Как и на площади на перекрестке, здесь открытые пространства зелени располагались среди разноцветных зданий. Пейзаж не нарушали ни деревья, ни цветы, ни людская суета. Это место было наполнено благоговением.

Сад заполняли статуи, сотни статуй. Они напоминали другие Д'Денир в городе – огромные тела и героические позы, многие закутаны в пестрые одеяния. Некоторые из этих статуй были самыми старыми из виденных Вивенной, их камень выветрился за долгие годы под частыми т'телирскими дождями. Эти изваяния были последним подарком Дарителя Мира Благословенного – мемориалом в честь погибших во Всеобщей войне, монументом и предупреждением. Так гласили легенды. Вивенна невольно подумала, что если бы местные действительно почитали павших, они бы не стали одевать статуи в такие смехотворные костюмы.

И все же это место было гораздо более безмятежным, чем остальной Т'Телир, и Вивенна это оценила. Сойдя по ступенькам на лужайку, она начала прогуливаться среди безмолвных каменных изваяний.

Дент поравнялся с ней.

– Помните, с кем мы встречаемся?

Вивенна кивнула:

– С мастерами подделок.

Дент внимательно посмотрел на нее:

– Все в порядке?

– Дент, за прошедшие месяцы мы встречались с воровскими главарями, убийцами и, что самое страшное, наемниками. Я думаю, что смогу пообщаться с парой хилых писцов.

Дент покачал головой:

– Это те, кто продает документы, а не писцы, которые их изготавливают. Вы не встречали более опасных людей, чем эти мастера. В Халландрене такая бюрократия, что можно чему угодно придать законность, подсунув нужные документы в нужное место.

Вивенна медленно кивнула.

– Помните, что они должны сделать? – спросил Дент.

– Конечно, помню. А ты помнишь, что этот план предложила именно я?

– Просто проверяю, – усмехнулся он.

– Боишься, что я испорчу дело, да?

Он пожал плечами.

– Этот танец ведете вы, принцесса. А я просто парень, который потом вытирает пол. – Он смерил ее взглядом. – Терпеть не могу вытирать кровь.

– О, я тебя умоляю. – Закатив глаза, Вивенна ускорила шаг, оставив наемника позади.

Когда Дент отстал, она услышала, как он говорит Тонк Фа:

– Плохая метафора?

– Не-а, – ответил Тонк Фа. – Ты сказал «кровь», значит, метафора хорошая.

– Думаю, ей недоставало поэтичности.

– Тогда надо найти рифму к крови, – предположил Тонк Фа и задумался. – Вновь? Морковь? М-м... бровь?

«Они довольно грамотны для головорезов», – подумала Вивенна.

Долго идти не пришлось – она вскоре заметила нужных людей. Они ждали в условленном месте, у высокого Д’Денир с выщербленной секирой. Они имели совершенно безвредный и невинный вид – группа людей, выбравшихся на пикник и беспечно болтающих друг с другом.

Вивенна замедлила шаг.

– Это они, – прошептал Дент. – Сядем у того Д’Денир напротив них.

Золотце, Чурбан и Парлин отстали, а Тонк Фа умчался следить за окрестностями. Вивенна и Дент подошли к одной из статуй неподалеку от мастеров подделок. Расстелив для принцессы покрывало, Дент застыл поблизости, изображая слугу.

Один из мужчин понаблюдал за тем, как она усаживается, и кивнул. Остальные продолжали есть. Вивенну все еще нервировала склонность халландренских преступников вести дела среди бела дня, но это было предпочтительнее, чем таиться в ночи.

– Хотите поручить работу? – спросил ближайший к ней мастер подделок так тихо, чтобы только Вивенна могла услышать. Казалось, что он продолжает разговаривать с друзьями.

– Да, – ответила она.

– Это дорого.

– У меня есть деньги.

– Вы – принцесса, о которой все говорят?

Вивенна помедлила, заметив, как Дент небрежно опустил ладонь на рукоять меча.

– Да, – подтвердила она.

– Хорошо, – ответил он. – Похоже, члены королевской семьи знают, как вести дела. Чего вы хотите?

– Письма, – сказала Вивенна. – Я хочу, чтобы они выглядели как переписка между определенными халландренскими жрецами и королем Идриса. Должны быть официальные печати и правдоподобные подписи.

– Это сложно, – заметил незнакомец.

Она извлекла из кармана листок:

– У меня есть письмо, написанное королем Деделином. На воске – его печать, внизу – его подпись.

Мужчина казался заинтригованным, хотя она видела только его профиль.

– Тогда это возможно. Но по-прежнему сложно. Что должны доказывать документы?

– Что эти конкретные жрецы продажны, – объяснила Вивенна. – Их список на листке. Сделайте так, чтобы казалось, будто они годами вымогали деньги из Идриса, заставляя нашего короля платить немислимые суммы и давать чудовищные обещания, чтобы не допустить войны. Я хочу, чтобы вы показали, что Идрис не хочет войны, а жрецы – лицемеры.

Мастер подделок кивнул:

– Это все?

– Да.

– Это можно сделать. Мы будем на связи. Инструкции и пояснения на обороте бумаги?

– Как и просили, – подтвердила Вивенна.

Группа мужчин поднялась, а слуга пошел упаковывать еду. При этом он выпустил из рук салфетку, которую тут же подхватил ветер. Слуга поспешил ее поднять, заодно захватив бумагу Вивенны. Мастера подделок ушли.

– Ну? – спросила Вивенна, поднимая голову.

– Неплохо, – кивнул Дент. – Набираетесь опыта.

Она улыбнулась и поудобнее устроилась на покрывале, приготовившись ждать. Следующая встреча была назначена с ворами, которые по просьбе Вивенны и Дента выкрали кое-что из военных контор в административных зданиях Халландрена. Сами по себе документы не имели особой ценности, но их пропажа вызовет смутнение и раздражение.

Встреча была назначена через пару часов, так что Вивенна могла провести время, расслабившись на лужайке, а не среди неестественных цветов города. Похоже, Дент понял ее предпочтения, поэтому он сел, прислонившись к пьедесталу статуи.

Вивенна заметила, что Парлин снова болтает с Золотцем. Дент был прав: одежда друга казалась ей нелепой только потому, что она знала, что он идрисец. Взглянув более объективно, Вивенна поняла, что он выглядит удивительно похожим на остальных молодых людей в городе.

«Хорошо ему, – раздраженно подумала она, отворачиваясь. – Он может одеваться как хочет – ему не нужно беспокоиться о вырезе или длине одежды».

Золотце чему-то засмеялась. Скорее насмешливо хмыкнула, но все же с оттенком веселья. Оглянувшись, Вивенна увидела, что Золотце закатила глаза, глядя на Парлина, у которого на губах таяла глупая ухмылка. Он сообразил, что сказал что-то не то, но не понимал что. Вивенна знала его достаточно хорошо, чтобы по выражению его лица догадаться, что он просто улыбнется и смирится.

Глядя на его лицо, Золотце опять рассмеялась.

Вивенна стиснула зубы:

– Надо отослать его в Идрис.

Дент повернулся к ней:

– Его?

– Парлина, – пояснила она. – Я отослала остальных сопровождающих. И его надо было. Он тут бесполезен.

– Он быстро адаптируется к ситуациям, – заметил Дент. – И достоин доверия. Этих доводов достаточно, чтобы его оставить.

– Он глупец, – сказала Вивенна. – Не понимает и половины происходящего вокруг.

– Да, у него нет разума ученого, но он, похоже, инстинктивно знает, как смешаться с окружением. Да и не можем мы все быть гениями вроде вас.

Она взглянула на Дента:

– И что это значит?

– Это значит, – усмехнулся наемник, – что нельзя позволять волосам менять цвет на людях, принцесса.

Вивенна вздрогнула, осознав, что ее волосы от раздражения сменили цвет со спокойного черного на рыжий.

«Владыка Цвета! – подумала она. – Я же их так хорошо контролировала. Что со мной творится?»

– Не волнуйтесь. – Дент откинулся назад, – Золотцу ваш друг не интересен. Клянусь.

Вивенна фыркнула:

– Парлин? Почему меня это должно волновать?

– О, не знаю, – весело сказал он. – Может, потому что вы с ним практически обручены с детских лет?

– Ничего подобного! – возразила она. – Я еще до рождения была обручена с королем-богом!

– А ваш отец всегда хотел, чтобы вы вышли за сына его лучшего друга. – Дент покосился на нее с ухмылкой. – По крайней мере, так говорит Парлин.

– Он слишком много говорит.

– Строго говоря, обычно он очень молчалив, – заметил Дент. – Нужно проявить настойчивость, чтобы заставить его говорить о себе. В любом случае, у Золотца есть иные пристрастия, так что не беспокойтесь.

– Я не беспокоюсь, – заявила Вивенна. – И Парлин меня не интересует.

– Конечно же нет.

Вивенна собралась возразить, но заметила, что приближается Тонк Фа, а она не хотела, чтобы он присоединялся к спору. Так что, когда здоровяк подошел, она закрыла рот.

– Любовь, – вдруг сказал Тонк Фа.

– Чего? – переспросил Дент.

– Рифма к «кровь», – пояснил Тонк Фа. – Теперь можно творить стихи. Любовь и кровь. Отличный образ, куда лучше, чем бровь.

– А, ясно, – ровным тоном произнес Дент. – Тонк Фа?

– Да?

– Ты идиот.

– Спасибо.

Вивенна встала и побрела между статуй, изучая их, чтобы не смотреть на Парлина и Золотце. Тонк Фа и Дент держались позади на приличном расстоянии, следя за окрестностями.

Статуи были прекрасны. Они не походили на другие т'телирских виды искусств – яркие картины, пестрые здания, экстравагантную одежду. Д'Денир были массивными изваяниями и отличались солидным возрастом и величием. Конечно, халландренцы постарались уничтожить это впечатление шарфами, шляпами и другими

разноцветными деталями, которые вешали на изваяния. К счастью, статуй в этом саду было слишком много, чтобы украшений хватило на всех.

Они словно стояли на страже и почему-то казались прочнее, чем остальной город. Большинство каменных воинов взирали в небо или прямо перед собой. Все отличались друг от друга позами, чертами лица.

«На создание такого количества должны были уйти десятилетия, – подумала Вивенна. – Может, вот так халландренцы приобрели пристрастие к искусству».

Халландрен был противоречивым местом. Воины, воплощающие мир. Идрисцы, которые одновременно защищали и использовали друг друга. Наемники, оказавшиеся одними из лучших людей, что она знала. Яркие цвета, создающие своего рода однообразие.

И над всем этим – биохроматическое дыхание. Его использовали, но люди вроде Золотца считали право отдать дыхание привилегией. Противоречия. Может ли Вивенна позволить себе стать еще одним противоречием? Той, кто переступила через свои убеждения, ради того, чтобы уберечь их?

Дыхание было прекрасно. И дело не только в красоте или умении слышать изменения звука и инстинктивно ощущать точные оттенки цветов. И даже не в способности ощущать жизнь вокруг, звуки ветра и тоны человеческих голосов, с легкостью двигаться вместе с толпой.

Все было взаимосвязано. Она сильнее чувствовала окружающий мир. Даже неодушевленные предметы вроде одежды или упавших ветвей стали ей ближе. Они были мертвы, но казалось, будто они жаждали снова стать живыми.

Она могла им это дать. Они помнили жизнь, и она могла пробудить эти воспоминания. Но если она потеряет себя, то какое благо это принесет ее народу?

«Дент не кажется потерянным, – подумала она. – Он и другие наемники могут отделять то, во что они верят, от того, что им приходится делать».

По ее мнению, именно поэтому у людей было такое отношение к наемникам. Отделяя веру от поступков, человек ступал на опасную тропу.

«Нет, – подумала она. – Никаких пробуждений».

Дыхание останется нетронутым. Если соблазн станет слишком велик, она отдаст весь запас тем, кто его лишен.

А сама станет тусклой.

Глава 29

«Расскажи мне о горах», – написал Сезеброн.

– О горах? – улыбнулась Сири.

«Пожалуйста», – добавил он.

Король-бог сидел в кресле у кровати. Сири лежала на самом ее краю на боку, опираясь на локоть, чтобы видеть, что Сезеброн пишет. В пышном платье этим вечером было слишком жарко, поэтому она сняла его и осталась в рубашке, накинув сверху простыню. В очаге трещал огонь.

– Я и не знаю, что рассказать, – призналась она. – Ну, то есть горы не так впечатляют, как чудеса Т’Телира. У вас тут столько красок и разнообразия.

«Думаю, что скалы, которые выходят из земли и поднимаются на тысячи футов к небу, можно считать чудом», – написал он.

– Возможно, – согласилась Сири. – Мне нравилось в Идрисе, я не хотела знать ничего другого. Но кому-то вроде тебя там было бы скучно.

«Скучнее, чем сидеть целый день во дворце, никуда не выходить, ни с кем не говорить и позволять себя одевать и холить?»

– Да. Тут не поспоришь.

«Пожалуйста, расскажи о них».

Его почерк улучшался на глазах. Вдобавок, чем больше Сезеброн писал, тем, казалось, лучше понимал. Сири искренне хотела найти ему книги для чтения – она полагала, что он проглотит их так же быстро и станет не менее сведущим, чем ее наставники.

Сири – все, что у него было. Кажется, он ценил то, что получал от нее, но, возможно, только потому, что не знал, насколько она невежественна.

«Мои наставники, – подумала Сири, – обхохотались бы, узнав, как я жалею о том, что пренебрегала их уроками».

– Горы громадны, – начала она. – Здесь, на равнинах, ты не сможешь этого осознать. Только увидев их, понимаешь, насколько люди на самом деле ничтожны. Я имею в виду, что, как бы мы не работали и не строили, мы никогда не сможем соорудить что-либо такой высоты, как горы. Это скалы, как ты и сказал, но не безжизненные. Они зеленые – такие же зеленые, как и ваши джунгли. Но это другая зелень. Я слышала, что некоторые странствующие торговцы жалуются, что горы заслоняют обзор. Но я думаю, что они позволяют увидеть нечто большее. Ты видишь, как земная твердь простирается вверх, к владениям Остре на небесах.

Он помедлил.

«Остре?»

Сири покраснела, и ее волосы тоже.

– Извини. Наверное, не стоит при тебе говорить о других богах.

«Других богах? – написал он. – Вроде тех, что при дворе?»

– Нет, – сказала Сири, – Остре – идрисский бог.

«Понимаю, – написал Сезеброн. – Он очень красив?»

Сири рассмеялась.

– Нет, ты не понимаешь. Он не возвращенный, как ты или Гимн Света. Он... ну, я не знаю. Жрецы не рассказывали тебе о других религиях?

«Других религиях?» – переспросил он.

– Конечно, – кивнула она. – Не все же поклоняются возвращенным. Я и остальные идрисцы почитают Остре, пан-кальцы – например, Синепалый... ну, я не знаю толком, кому они поклоняются, но не тебе.

«Это очень тяжело осмыслить, – ответил Сезеброн. – Но если ваши боги не возвращенные, то кто они?»

– Не они, – поправила Сири, – он. Мы зовем его Остре. Халландренцы тоже верили в него, до того как...

Она чуть не сказала «стали еретиками».

– До того как появился Даритель Мира и халландренцы решили поклоняться возвращенным.

«А кто такой Остре?» – написал Сезеброн.

– Он не человек, – пояснила Сири, – он скорее сила. Знаешь, сущность, которая присматривает за всеми людьми, карает неправых и благословляет достойных.

«А ты встречалась с этим существом?»

Сири рассмеялась:

– Конечно, нет. Остре нельзя увидеть.

Сезеброн смотрел на нее, нахмурившись.

– Понимаю, – кивнула она, – тебе это покажется глупым, но... мы знаем, что он там. Когда я вижу в природе нечто прекрасное, когда смотрю на горы, на то, как дикие цветы растут в более совершенном порядке, чем может посадить человек, – я знаю. Истинная красота. Это напоминает мне об Остре. А еще есть возвращенные, в том числе самый первый – Во. Перед смертью он получил Пять Видений. Откуда-то ведь они к нему пришли?

«Но ты не веруешь в возвращенных?»

– Я еще не определилась, – пожала плечами Сири. – Учение моего народа категорически против этого. Им не нравится то, как халландренцы понимают религию.

Сезеброн несколько секунд молчал.

«Так... тебе не нравятся такие, как я?»

– Что? Конечно, ты мне нравишься! Ты милый!

Нахмурившись, он написал:

«Не думаю, что король-бог должен быть милым».

– Хорошо, – закатила глаза Сири, – ты грозный и могучий. Великолепный и божественный. И милый.

«Уже лучше, – написал он, улыбаясь. – Я бы очень хотел встретиться с этим Остре».

– Как-нибудь я познакомлю тебя с монахами, – сказала Сири. – Они тебе в этом помогут.

«А вот теперь ты надо мной смеешься».

Сири встретила его взгляд улыбкой. В глазах Сезеброна не было обиды. Он не возражал против насмешек. Напротив, казалось даже, что он находил их очень интересными. Особенно ему нравилось пытаться определить, когда она серьезна, а когда – нет.

Он снова опустил взгляд.

«Однако мне больше хочется увидеть горы, чем встретиться с этим богом. Кажется, ты их очень любишь».

– Люблю, – признала Сири.

Она уже давно не думала об Идрисе. Но когда Сезеброн о нем заговорил, Сири вспомнила простор прохладных лугов, по которым когда-то бегала. Кристальную чистоту прохладного воздуха – то, чего, как она подозревала, в Халландрене никогда не найти.

При Дворе Богов за растениями ухаживали, их аккуратно подрезали и располагали в определенном порядке. Они были прекрасны, но дикие поля ее родины обладали своей особенной прелестью.

Сезеброн снова принялся писать:

«Наверное, горы прекрасны, как ты говоришь. Но мне кажется, что самое прекрасное, что там было, уже спустилось ко мне».

Сири встрепенулась и покраснела. Он казался таким открытым, ничуть не смущенным таким смелым комплиментом.

– Сезеброн! – воскликнула она. – Ты такой сердцеед!

«Сердцеед? – написал он. – Я говорю только то, что вижу. При моем дворе нет ничего прекраснее тебя. Горы, породившие такую красоту, и в самом деле должны быть особенными».

– А это уже перебор, – сказала Сири. – Я видела богинь при дворе. Они гораздо красивее меня.

«Красота не в том, как человек выглядит, – ответил Сезеброн. – Так учила мама. Путники в моей книге сказок не должны судить по внешности, потому что морщинистая старуха может оказаться прекрасной богиней».

– Но мы не в сказке, Сезеброн.

«Почему нет? – написал он. – Все эти сказки – просто истории, рассказанные людьми, которые жили задолго до нас. То, что они говорят о человечестве, – правда. Я видел, как люди себя ведут».

Он стер написанное и продолжил:

«Мне странно давать объяснения таким вещам, ибо я вижу не так, как обычные люди. Я – король-бог. В моих глазах все одинаково красиво».

Сири нахмурилась:

– Не понимаю.

«У меня тысячи дыханий, – пояснил он. – Мне трудно видеть так же, как другие – только по маминым сказкам я могу судить о том, как они видят. Для меня прекрасны все цвета. Когда другие смотрят на кого-то или что-то, то иногда одно им кажется прекраснее другого. Но со мной иначе. Я вижу лишь цвета – насыщенные, чудесные цвета, составляющие все сущее и дающие жизнь. Я не могу сосредоточиться только на лице, как многие. Я вижу блеск глаз, румянец щек, оттенки кожи – даже мелкие недостатки играют красками. Все люди чудесны».

Он стер слова и продолжил:

«И потому, говоря о красоте, я должен говорить не о красках. Ты другая. Я не знаю, как это описать».

Он поднял голову, и внезапно Сири ощутила, насколько близко они сидят. И что она в одной рубашке, прикрытая только тонкой простыней. И что он высок и

широкоплеч, а сияние его души заставляет цвета простыней преломляться подобно свету, проходящему сквозь призму.

Сезеброн улыбнулся в теплом свете очага.

«Ой, – подумала она. – Опасное дело».

Она кашлянула, села прямо и опять покраснела.

– М-м, да. Так. Очень мило. Спасибо.

Сезеброн снова опустил взгляд.

«Хотелось бы мне, чтобы ты съездила домой повидать горы. Может, я сумею убедить жрецов».

Сири побледнела:

– Не думаю, что стоит раскрывать им, что ты умеешь читать.

«Я могу воспользоваться художественным письмом. Им очень трудно писать, но меня научили, поэтому в случае необходимости я могу с ними общаться».

– И все же, – заметила Сири, – если ты скажешь им, что хочешь отправить меня домой, это может натолкнуть их на мысль, что ты говорил со мной.

Он на несколько секунд прекратил писать.

«Может, это и к лучшему», – написал он наконец.

– Сезеброн, они хотят тебя убить.

«У тебя нет доказательств».

– Это по меньшей мере подозрительно, – сказала она. – Последние два короля-бога умерли через несколько месяцев после рождения наследника.

«Ты слишком недоверчива, – ответил Сезеброн. – Говорю тебе: мои жрецы – хорошие люди».

Она посмотрела ему прямо в глаза.

«Если не считать того, что они отрезали мне язык», – признал король-бог.

– А еще держат тебя взаперти и ничего тебе не рассказывают. Слушай, даже если они и не собираются тебя убивать, им известно что-то, о чем тебе не говорят. Может, это как-то касается биохромы – что-то, что убьет тебя, когда появится наследник.

Нахмурившись, она откинулась назад и внезапно задумалась: может ли такое быть?

– Сезеброн, как ты передаешь свои дыхания?

Помедлив, он написал:

«Не знаю. Я... мало знаю об этом».

– Как и я, – добавила Сири. – А их могут у тебя забрать? Передать сыну? Что, если это тебя убьет?

«Они этого не сделают», – ответил он.

– Но такое возможно! Может, это и происходит! Вот почему заводить ребенка так опасно! Они должны создать нового короля-бога, и этот процесс убьет тебя.

Задумавшись, он опустил доску на колени, потом покачал головой и написал:

«Я бог. Я не получал дыхания, я с ним родился».

– Нет, – поправила Сири. – Синепалый сказал, что твой запас собирали веками. Каждый король-бог получает в неделю два дыхания, а не одно, и копит их.

«Собственно, – признал он, – иногда я получаю три или четыре в неделю».

– Но для жизни тебе нужно лишь одно дыхание в неделю.

«Да».

– И они не дадут такому богатству погибнуть с тобой! Они слишком боятся твоего дыхания, чтобы позволить тебе его использовать, но также они не захотят потерять его. Поэтому, когда рождается ребенок, они изымают дыхание у старого короля, убивая его, и передают новому.

«Но возвращенные не могут пробуждать своим дыханием, – возразил Сезеброн. – Так что мой запас бесполезен».

Сири задумалась – она слышала об этом.

– А это касается только твоего прирожденного дыхания или и тех, которые к нему добавились?

«Я не знаю», – ответил он.

– Готова поспорить, что при желании ты бы мог воспользоваться такими дыханиями, – сказала Сири. – Иначе зачем удалять тебе язык? Даже если ты не способен использовать дыхание, которое изначально сделало тебя возвращенным, у тебя есть тысячи и тысячи дыханий помимо него.

Сезеброн помедлил, затем поднялся, подошел к окну и уставился в темноту. Нахмурившись, Сири подобрала его доску, встала с кровати и нерешительно присоединилась к королю-богу, сознавая, что на ней одна только рубашка.

– Сезеброн? – позвала она.

Он по-прежнему смотрел в окно. Она приблизилась, стараясь не прикасаться к нему, и тоже взглянула на город. За стеной Двора Богов искрами вспыхивали разноцветные огни. Еще дальше простиралась темнота – неподвижное море.

– Прошу тебя. – Она сунула доску ему в руки. – Что случилось?

Не сразу, но он все же взял доску и написал:

«Прости. Я не хотел, чтобы показалось, будто я жалуюсь».

– Это потому, что я по-прежнему сомневаюсь в твоих жрецах?

«Нет, – написал он. – У тебя интересные теории, но я думаю, что это лишь предположения. Ты не знаешь, планируют ли жрецы то, что ты утверждаешь. Это меня не беспокоит».

– Тогда что?

Сезеброн замялся, вытер доску рукавом и написал:

«Ты не веришь в божественность возвращенных».

– Мы вроде об этом уже говорили.

«Да, говорили. Однако сейчас я понял, что именно поэтому ты так себя ведешь со мной. Ты отличаешься, потому что не веришь в мою божественность. Неужели только поэтому я нахожу тебя интересной? И если ты не веришь, то это печально. Потому что я – бог и в этом моя сущность, а если ты не веришь, то это заставляет думать, что ты меня не понимаешь».

Он помедлил.

«Да. Вышло так, будто я жалуюсь. Извини».

Улыбнувшись, Сири осторожно коснулась его руки. Он замер, потупившись, но не отстранился, как раньше. Поэтому она придвинулась ближе, прижавшись к его плечу.

– Мне не надо верить в тебя, чтобы понимать, – произнесла она. – Я бы даже сказала, что те, кто тебе поклоняются, тебя не понимают. Они не могут подойти к тебе, увидеть, какой ты на самом деле. Их слишком увлекает аура и божественность.

Сезеброн не ответил.

– И, – добавила Сири, – я отличаюсь не только потому, что не верю в тебя. Во дворце полно неверующих. Синепалый, служанки в коричневом, другие писцы. Они служат тебе так же почтительно, как и жрецы. Ну а я просто... ну, я вообще непочтительна. Я и дома не слишком-то слушала отца с монахами. Может, это тебе и нужно? Кто-то, кто пожелает заглянуть за пределы твоей божественности и просто узнать, какой ты?

Он медленно кивнул и написал:

«Это утешает. Хотя очень странно быть богом, в которого не верит собственная жена».

«Жена», – подумала она. Иногда было трудно осознавать это.

– Ну, – пожалала плечами Сири, – думаю, что каждому мужчине неплохо иметь жену, которая не боготворит его, как остальные. Кто-то должен поддерживать в тебе смирение.

«Полагаю, смирение – это нечто, противоположное божественности».

– Как и быть милым? – улыбнулась Сири.

Сезеброн рассмеялся.

«Да, именно так».

Он отложил доску. Затем нерешительно и робко обнял Сири за плечи и притянул ее чуть ближе. Они принялись смотреть в окно на огни города, которые даже ночью оставались разноцветными.

***

Трупов было четыре. Они лежали на земле, и кровь окрашивала траву в странный темный цвет.

На следующий день после встречи с мастерами подделок в саду Д’Денир Вивенна пришла сюда снова. Она стояла среди толпы зевак под палящим солнцем, которое напекло ей голову и шею. Позади выстроились молчаливые ряды Д’Денир, каменных солдат, которые никогда не выйдут на марш. Смерть этих четверых видели только они.

Люди приглушенно переговаривались, ожидая, пока стража закончит осмотр. Дент успел привести Вивенну сюда до того, как уберут тела. Она сама попросила, но сейчас пожалела об этом.

Для ее усиленного зрения цвет крови на траве был отчетливо различим. Красное и зеленое в сочетании казалось почти фиолетовым. Вивенна смотрела на трупы с ощущением какого-то несоответствия. Цвет. Так странно видеть побледневшую кожу. Вивенна могла определить разницу, причем существенную, между кожей живого человека и кожей мертвого.

Мертвая, обескровленная кожа была на десять оттенков белее. Будто... будто бы кровь и была цветом, и он покинул свое вместилище. Краску человеческой жизни беспечно пролили, оставив холст пустым.

Вивенна отвернулась.

– Видите? – спросил стоящий рядом Дент.

Она молча кивнула.

– Вы спрашивали о нем. Что ж, это его рук дело. Вот почему мы так беспокоимся. Взгляните на раны.

Она повернулась. В усиливающемся утреннем свете было легко различить то, что она пропустила раньше: кожа вокруг нанесенных мечом ран полностью лишилась цвета. Раны были густого черного оттенка, будто зараженные ужасной инфекцией.

Вивенна повернулась к Денту.

– Пойдемте, – сказал наемник, уводя ее подальше от толпы, которую начали разгонять городские стражники, раздраженные количеством зевак.

– Кем они были? – тихо спросила Вивенна.

Взгляд Дента застыл.

– Бандой воров. Мы работали с ними.

– Думаешь, он нацелился на нас?

– Не уверен, – ответил Дент. – Он нашел бы нас, если бы захотел. Не знаю.

Когда они шли между статуями Д’Денир, приблизился Тонк Фа.

– Золотце и Чурбан настороже, – сказал он. – Но никто из нас его не заметил.

– Что случилось с их кожей? – спросила Вивенна.

– Это его меч, – прорычал Дент. – Нужно разобраться с ним, Тонкс. Чую, в итоге мы столкнемся с ним.

– Что за меч такой? – поинтересовалась Вивенна. – И как он вытягивает из кожи цвет?

– Мы должны украсть эту штуку, Дент. – Тонк Фа потер подбородок.

Рядом с ними появились Золотце и Чурбан, замкнув защитный строй, и они влились в поток людей на улице.

– Украсть меч? – переспросил Дент. – Да я даже не прикоснусь к этой штуке! Нет, мы вынудим его им воспользоваться. Обнажить его. Он его долго не удержит, и мы легко сможем с ним справиться. Я сам его убью.

– Он одолел Арстила, – тихо напомнила Золотце.

Дент застыл.

– Он НЕ одолел Арстила! По крайней мере, не в поединке.

– Вашер не использовал меч, – напомнила Золотце. – Раны Арстила не почернели.

– Тогда он сжульничал! – бросил Дент. – Напал из засады. Привел сообщников. Сделал еще что-то. Вашер не поединщик.

Думая о трупях, Вивенна позволила увести себя. Когда наемники обсуждали смерти, виновником которых был Вашер, Вивенне захотелось на них посмотреть. Что ж, она их увидела. И это вызвало у нее тревогу. Выбило из колеи. И...

Она нахмурилась, ощутив слабое покалывание.
За ней наблюдал кто-то с большим количеством дыханий.

***

«Эй! – сказал Кровь Ночи. – Это Вара-Треледис! Надо подойти к нему поговорить. Он будет рад меня видеть».

Вашер открыто стоял на крыше здания, не заботясь о том, что его увидят. Его это редко волновало. По разноцветной улице двигался нескончаемый людской поток. В этом потоке шел Вара-Треледис, или Дент, как он сейчас называл себя, со своей командой. Женщина – Золотце. Как всегда, Тонк Фа. Бестолковая принцесса. И мерзость.

«А Шашара тут? – спросил Кровь Ночи с воодушевлением в призрачном голосе. – Надо и ее повидать! Она наверняка обо мне беспокоилась».

– Мы давно убили Шашару, Кровь Ночи, – проронил Вашер. – Как и Арстила.

«Как убьем и Дента в конце концов», – мысленно добавил он.

Как обычно, Кровь Ночи отказался признать смерть Шашары.

«Она же меня создала, знаешь ли, – сказал он. – Создала, чтобы я уничтожал зло, – и я отлично справляюсь. Думаю, она бы мной гордилась. Надо с ней поговорить, показать, как хорошо я работаю».

– Да уж, хорошо, – прошептал Вашер. – Слишком хорошо.

Кровь Ночи довольно загудел, восприняв это как похвалу. Однако Вашер сосредоточился на принцессе, разгуливавшей в совершенно экзотическом платье, выделяясь как снежинка посреди тропического зноя. С ней надо что-то делать, она создает столько помех. Планы рушатся с грохотом, как плохо сложенные ящики. Он не знал, где Дент нашел принцессу и как ему удавалось ее контролировать. Вашер испытывал сильное искушение спрыгнуть вниз и позволить Крови Ночи заняться ею.

Но смерти прошлой ночи привлекли слишком много внимания. Кровь Ночи был прав – Вашер не умел красться, и слухи о нем уже распространялись по городу. Это было и хорошо, и плохо.

«Позже, – подумал он, отворачиваясь от глупой девчонки и ее свиты наемников. – Позже».

Глава 30

– Гимн! – воскликнула Аврора, уперев руки в бедра. – Что, во имя Радужных Тонов, ты делаешь?

Проигнорировав ее, он положил руки на горку влажной глины перед собой. Окружившие его широким кольцом жрецы и слуги были так же озадачены, как и только что вошедшая в шатер Аврора.

Гончарный круг вращался, а Гимн сжимал глину, стараясь удержать ее на месте. Сквозь стенки шатра просачивался солнечный свет, а аккуратно подстриженная трава под столом была заляпана глиной. Гончарный круг ускорялся, и от глины во все

стороны разлетались комочки. Руки Гимна уже покрылись липким слоем, и вскоре вся масса слетела с круга и плюхнулась на землю.

– Хм, – произнес он, оценивая результат.

– Ты что, спятил? – поинтересовалась Аврора.

Она была одета в своем обычном стиле, что означало отсутствие ткани по бокам, совсем немного на груди и чуть побольше спереди и на спине. Ее замысловатая прическа из переплетенных косичек и лент скорее всего была творением мастера стиля, приглашенного ко двору кем-то из богов.

Вскочив на ноги, Гимн развел руки в стороны, и слуги бросились отмывать с них глину и стряхивать с нарядной одежды комочки. Пока слуги убирали гончарный круг, Гимн стоял в задумчивости.

– Итак? – спросила Аврора. – Что это вообще было?

– Я только что выяснил, что не умею делать горшки, – ответил Гимн. – Собственно, не просто «не умею» – у меня это выходит жалко. Смехотворно. Я даже не могу заставить проклятую глину держаться на круге.

– А чего ты ожидал?

– Не знаю. – Гимн шагнул к длинному столу у стенки.

Аврора, раздраженная тем, что ее обделяют вниманием, последовала за ним. Вдруг Гимн схватил со стола пять лимонов, подбросил их в воздух и принялся жонглировать. Богиня наблюдала за ним, явно озадаченная.

– Гимн? – поинтересовалась она. – Дорогой... все в порядке?

– Я никогда раньше не жонглировал, – ответил он, не отрывая взгляда от лимонов. – Пожалуйста, возьми вон ту гуаву.

Она помедлила и осторожно взяла фрукт.

– Бросай, – попросил Гимн.

Она метнула фрукт, Гимн ловко поймал его и добавил к летающим лимонам.

– До сегодняшнего дня я не знал, что так умею, – пояснил он. – Как тебе?

– Я... – она встряхнула головой.

Гимн рассмеялся:

– Не думал, что когда-нибудь заставлю тебя потерять дар речи, дорогая моя.

– Не знала, что когда-либо увижу, как бог жонглирует фруктами.

– И не только это, – сказал он, резко наклоняясь, чтобы поймать лимон, который чуть не упал. – Сегодня я выяснил, что знаю удивительно много морских терминов, что я прекрасный математик и очень даже неплохо рисую. С другой стороны, я ничего не знаю о производстве красок, лошадях или садоводстве. У меня нет таланта к скульптуре, я не говорю на иностранных языках и, как ты убедилась, я совершенно бездарный гончар.

Аврора уставилась на него.

Отвлечшись на нее, Гимн позволил лимонам упасть, но подхватил гуаву. Он бросил фрукт слуге, который тут же принялся его очищать.

– Моя прошлая жизнь, Аврора. Я – Гимн Света – не должен владеть этими навыками. Кем бы я ни был до смерти, но прошлый я умел жонглировать, рисовать и разбирался в морском деле.

– Нам не стоит задумываться о том, кем мы были раньше, – заметила богиня.

– Я бог. – Гимн взял блюдо с очищенной и нарезанной гуавой и предложил кусочек Авроре. – И, клянусь Фантомами Калада, я буду задумываться о чем хочу.

Она помедлила, улыбнулась и взяла дольку.

– Только я решила, что раскусила тебя...

– Ты меня не раскусила, – беззаботно заверил он. – И я себя тоже. В том-то и дело. Ну что, пойдём?

Она кивнула, и они вышли на лужайку. Слуги поднесли зонты, чтобы защитить богов от солнца.

– Только не говори, что никогда об этом не задумывалась, – сказал Гимн.

– Дорогой мой... – Аврора облизнула ломтик гуавы. – Раньше я была скучной.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я была обычной! Я могла быть... ты вообще видел обычных женщин?

– Я знаю, что до твоих форм им далеко, – согласился Гимн. – Но многие весьма привлекательны.

Богиня содрогнулась.

– Прошу, не надо. Почему ты хочешь знать о своей прошлой жизни? Что, если ты был убийцей или насильником? Или еще хуже – вдруг у тебя не было чувства стиля?

Он фыркнул, заметив в ее глазах искорки.

– Ты так легкомысленна. Но я вижу, что тебе любопытно. Попробуй заняться каким-нибудь делом, и оно поведает о том, кем ты была. Раз ты стала возвращенной, в тебе должно было быть нечто особенное.

– Хм-м... – протянула Аврора и с улыбкой подвинулась ближе к нему. Гимн замер, когда богиня провела пальцем по его груди. – Ну, если ты сегодня пробуешь все новое, то есть еще кое-что...

– Не пытайся уйти от темы.

– Я и не уйду, – ответила она. – Но как ты узнаешь, кем ты был, если не попробуешь? Это будет... эксперимент.

Гимн рассмеялся, отталкивая ее руку:

– Дорогая моя, боюсь, что ты останешься мной недовольна.

– Думаю, ты меня переоцениваешь.

– Тебя невозможно переоценить.

Слегка покраснев, она не нашлась, что ответить.

– Э... – произнес он. – Хм. Я не совсем это имел в виду...

– Ну вот, – промолвила Аврора. – Ты все испортил. Я как раз собиралась сказать что-то очень умное, точно знаю.

Гимн улыбнулся:

– Мы оба потеряли дар речи в один день. Кажется, мы теряем навык.

– С моими навыками все в порядке, и ты в этом убедишься, если позволишь.

Он закатил глаза и пошел дальше.

– Ты безнадежна.

– Когда прочие попытки терпят крах, пускай в ход сексуальные намеки, – беспечно сказала Аврора, поравнявшись с ним. – Это всегда возвращает беседу в нужное русло. То есть на меня.

– Безнадежна, – повторил он. – Но, думаю, у меня нет времени на новые упреки – мы пришли.

Действительно, впереди высился лавандовый с серебром дворец Искателя Надежды, перед которым стоял шатер с тремя накрытыми столами. Разумеется, Аврора и Гимн заранее договорились о встрече.

Искатель Надежды Справедливый, бог красоты и невинности, поднялся при их приближении. Он выглядел лет на тринадцать и по внешности казался самым юным из богов. Но подобные несоответствия не принимались во внимание. Между прочим, он стал возвращенным, когда его телу было два года, что делало его по меркам богов на шесть лет старше Гимна Света. А при Дворе, где боги обычно не проживали и двадцати лет, а средний возраст приближался к десяти годам, разница в шесть лет была очень значительна.

– Гимн Света, Аврора Соблазна, – строго и официально произнес Искатель Надежды. – Добро пожаловать.

– Благодарю, дорогой, – улыбнулась ему Аврора.

Искатель Надежды кивнул и жестом пригласил их к столам. Три столика стояли отдельно, чтобы оставить каждому богу собственное пространство, но в то же время находились достаточно близко друг к другу.

– Как дела, Искатель? – спросил Гимн, усаживаясь.

– Очень хорошо, – ответил тот. Голос его всегда казался слишком уж взрослым по сравнению с телом, как у мальчика, пытающегося подражать отцу. – Этим утром среди прошений был по-настоящему тяжелый случай – мать с ребенком, умирающим от лихорадки. Она уже потеряла трех детей и мужа, и все за один год. Ужасная трагедия.

– Дорогой мой, – обеспокоенно сказала Аврора, – ты же не думаешь о том, чтобы... отдать дыхание, правда?

Искатель Надежды сел:

– Не знаю, Аврора. Я стар. Я чувствую себя старым. Наверное, пришло время уйти; я пятый по возрасту, ты же знаешь.

– Да, но наступают такие волнующие времена!

– Волнующие? – повторил он. – Отчего же, если все улаживается? Прибыла новая королева, и мои источники во дворце говорят, что она деятельнейшим образом старается произвести наследника. Скоро мы обретем стабильность.

– Стабильность? – переспросила Аврора, когда слуги принесли охлажденный суп. – Искатель, не могу поверить, что ты так плохо информирован.

– Ты думаешь, что идрисцы планируют захватить трон при помощи новой королевы, – ответил он. – Я знаю, что ты делаешь, Аврора. Я не согласен.

– А слухи в городе? – напомнила она. – Об идрисских агентах, которые мутят воду? О так называемой второй принцессе в столице?

Гимн Света замер, не донеся ложку до рта.

«Что-что?»

– Местные идрисцы всегда создают один кризис за другим, – небрежно отмахнулся Искатель Надежды. – Помнишь те беспорядки полгода назад, повстанца с внешних плантаций? Припоминаю, что он умер в тюрьме. Иноземные работники редко добавляют низшему классу стабильности, но я их не боюсь.

– Они никогда раньше не заявляли, что с ними сотрудничает представитель королевской семьи, – заметила Аврора. – Дело может очень быстро выйти из-под нашего контроля.

– Я обеспечил безопасность своих интересов в городе, – ответил Искатель, переплетая пальцы. Слуги унесли суп; хозяин дворца съел всего пару ложек. – А что с твоими?

– Ради этого мы и встретились, – сказала богиня.

– Простите, – поднял палец Гимн Света. – Но, во имя Цвета, о чем мы вообще говорим?

– В городе волнения, Гимн, – пояснил Искатель Надежды. – Некоторые местные обеспокоены возможной войной.

– И ситуация с легкостью может стать опасной. – Аврора лениво размешивала суп ложкой. – Я думаю, что нам надо подготовиться.

– Я готов, – ответил Искатель, обратив на нее слишком юное лицо.

Как и все юные возвращенные, включая короля-бога, Искатель Надежды будет продолжать взрослеть, пока его тело не возмужает. Затем процесс остановится на возрасте ранней молодости до тех пор, пока бог не отдаст дыхание.

Он вел себя так по-взрослому. Гимну не приходилось много общаться с детьми, но среди его слуг были подростки – и Искатель Надежды на них не походил. По общему мнению, он, как и другие юные возвращенные, очень быстро повзрослел за первый год новой жизни и начал думать и говорить как взрослый, хотя тело его еще оставалось детским.

Искатель Надежды с Авророй Соблазна продолжали обсуждать стабильность города, упоминая участившиеся случаи вандализма, раскрытия военных планов, порчу продовольствия. Гимн не вмешивался. Наблюдая за ними, он подумал: «Похоже, красота Авроры его не отвлекает». Богиня занялась фруктами, в присущей ей чувственной манере смакуя ломтики ананаса. Когда она слегка подалась вперед, продемонстрировав впечатляющее декольте, Искатель то ли не заметил этого, то ли ему было все равно.

«Он какой-то другой, – подумал Гимн. – Он был возвращен еще ребенком и очень мало времени вел себя по-детски. Теперь в чем-то он взрослый, а в чем-то остается ребенком».

Трансформация сделала Искателя более взрослым. Он был выше и физически крепче обычных мальчиков своего возраста, пусть даже и не обладал точеными величественными чертами взрослого бога.

«И все же, – размышлял Гимн, отправляя в рот кусочек ананаса, – у разных богов – разные тела. У Авроры Соблазна восхитительная фигура, особенно при ее-то стройности. Звезда Милосердия пухленькая, с соблазнительными округлостями. Другие, вроде Всематери, выглядят старухами».

Гимн знал, что не заслуживает могучего телосложения. Подобно инстинктивному умению жонглировать, он каким-то образом понимал: чтобы привести свое тело в такую форму, обычному человеку нужно заниматься тяжелым физическим трудом. Праздное времяпрепровождение, обилие еды и питье должны были сделать его упитанным и обрюзгшим.

«Но были и тучные боги. – Гимн припомнил портреты некоторых возвращенных, живших до него. – Были времена, когда полнота считалась идеалом...» Возможно, внешность возвращенных отображала то, что видели в них люди? Их идеалы красоты? Это вполне объяснило бы внешность Авроры...

Кое-что сохранялось после трансформации. Умение говорить. Навыки. И, если подумать, умение вести себя в обществе. Поскольку боги всю жизнь проводили безвылазно во Дворе Богов, они не должны были быть такими приспособленными к существованию, а как минимум невежественными и наивными. И все же большинство из них являлись умелыми и проницательными интриганами и на удивление хорошо разбирались в том, что происходит во внешнем мире.

Но сама память не сохранялась. Почему? Почему Гимн умел жонглировать и понимал слова вроде «бушприт», но не мог вспомнить, кем были его родители? И чье лицо ему постоянно снится? Почему в сновидениях в последнее время царят шторма и бури? Что это за красная пантера снова явилась ему в кошмарах прошлой ночью?

– Аврора, – поднял руку Искатель Надежды. – Достаточно. Прежде чем мы продолжим, я должен заметить, что твои явные попытки соблазнить меня ни к чему не приведут.

Она отвернулась со смущенным видом.

Гимн вышел из задумчивости.

– Дорогой мой Искатель, – сказал он, – она не пыталась тебя соблазнить. Ты должен понимать, что обаяние Авроры – это часть ее личности и одна из причин того, почему она так обворожительна.

– В любом случае, – ответил Искатель, – на меня не повлияет ни ее поведение, ни параноидальные аргументы и страхи.

– Мои источники не думают, что это просто паранойя, – произнесла богиня.

Слуги убрали фрукты, заменив их блюдом с кусочками холодного рыбного филе.

– Источники? – повторил Искатель Надежды. – И кто же эти «источники», о которых ты все время говоришь?

– Люди во дворце короля-бога.

– У всех нас есть люди во дворце короля-бога, – заметил Искатель.

– У меня нет, – вставил Гимн. – Поделитесь со мной парочкой?

Аврора закатила глаза.

– Мой осведомитель очень влиятелен. Он многое слышит и знает. Война будет.

– Я тебе не верю, – сказал Искатель Надежды, принимаясь за еду, – но это не имеет значения, не так ли? Ты пришла не убеждать меня. Тебе просто нужна моя армия.

– Твои фразы, – подтвердила Аврора. – Управляющие фразы безжизненных. Что ты хочешь взамен?

Искатель Надежды взял еще рыбы.

– Знаешь, Аврора, почему я считаю свое существование столь скучным?

Она покачала головой:

– Если честно, я по-прежнему думаю, что ты лукавишь.

– Нет, – ответил он. – Одиннадцать лет. Одиннадцать лет мира. Одиннадцать лет, за которые я искренне возненавидел нынешнюю систему правительства. Мы все присутствуем на Придворных Ассамблеях. Мы слушаем дебаты. Но у большинства из нас нет влияния. В любом голосовании имеют вес только те, у кого есть власть в данном вопросе. Во время войны владельцы приказов для безжизненных становятся важны; в остальное время наше мнение редко учитывается. Ты хочешь моих безжизненных? Да пожалуйста! У меня одиннадцать лет не было возможности применить их, и я рискну предположить, что и следующие одиннадцать такого случая не представится. Я отдам тебе приказы, Аврора, но лишь в обмен на твой голос. Ты заседаешь в совете по общественным проблемам. У тебя важное голосование чуть ли не каждую неделю. В обмен на мои управляющие фразы ты должна обещать голосовать по общественным вопросам так, как я скажу, с сего момента и до смерти одного из нас.

В шатре воцарилась тишина.

– А, вот теперь ты передумала, – улыбнулся Искатель Надежды. – Я слышал, как ты жаловалась на свои обязанности при дворе, как находила свои голосования незначительными. Но не так-то просто отдать право голоса, не правда ли? Только в нем и заключается твое влияние. Не слишком заметное, но действенное. Оно...

– Решено, – резко сказала Аврора.

Искатель Надежды осекся.

– Мой голос теперь твой, – проговорила она, встретившись с ним взглядом. – Условия приемлемы. Клянусь в этом перед лицом наших жрецов и еще одного бога.

«О, Цвета! – мысленно изумился Гимн. – Она это всерьез!»

В глубине души он все время считал, что позиция Авроры по отношению к войне была просто игрой. Однако женщина, которая смотрела в глаза Искателю Надежды, не играла. Она искренне верила, что Халландрен в опасности, и хотела убедиться, что армия подготовлена. Ей было не все равно.

И это обеспокоило Гимна. Во что он ввязался? Что, если действительно будет война? Наблюдая за диалогом богов, он похолодел от мысли о том, как легко и быстро они определяют судьбу халландренцев. Для Искателя Надежды власть над четвертью

армии королевства была священной обязанностью, но он был готов отказаться от нее просто потому, что стал скучать.

«Мне ли порицать других за недостаток благочестия? – подумал Гимн. – Мне, который даже не верит в собственную божественность?»

И еще... в тот момент, когда Искатель приготовился отдать свои приказы Авроре, Гимну показалось, что он что-то уловил. Нечто, похожее на обрывок воспоминания. Сон, который не мог ему сниться.

Залитое светом помещение, сияющее, отражающее свет. Помещение из стали.

Тюрьма.

– Слуги и жрецы, уйдите, – приказал Искатель Надежды.

Они удалились, оставив троих богов за столом с остатками еды. Шелковая ткань шатра слабо трепетала на ветру.

– Управляющая фраза, – произнес Искатель, глядя на Аврору, – «Свеча, разгоняющая мрак».

Название знаменитой поэмы, которую знал даже Гимн Света. Аврора Соблазна улыбнулась. Если она скажет эти слова десяти тысячам безжизненных в казармах, то полностью перехватит контроль над ними. Гимн подозревал, что еще до конца дня она отправится в казармы в подземельях и начнет менять солдатам Искателя Надежды управляющие фразы на те, которые будет знать только она и, возможно, пара ее доверенных жрецов.

– Теперь я удалюсь, – поднялся Искатель Надежды. – Этим вечером новое голосование. Ты там будешь, Аврора, и отдашь голос в пользу реформистов.

С этими словами он ушел.

– Почему у меня такое чувство, что нами только что манипулировали? – спросил Гимн.

– Нами бы манипулировали, не будь нависшей угрозы войны. А поскольку такая угроза существует, то сейчас мы подставили себя ради спасения двора, а возможно, и всего королевства.

– Какой альтруизм с нашей стороны, – заметил Гимн.

Слуги вернулись к своим богам.

– Такие уж мы есть, – ответила Аврора. – Порой до боли самоотверженные. В любом случае, теперь мы контролируем две армии безжизненных.

– Моих и Искателя?

– На самом деле, – поправила она, – я говорила о войсках Искателя и Звезды Милосердия. Она передала их мне вчера и все время твердила о том, как ее утешило то, что ты проявил личный интерес к происшествию в ее дворце. Кстати, очень умело проделано.

Похоже, она пытается что-то у него выведать. Гимн улыбнулся.

– Нет, я не знал, что это подтолкнет ее передать тебе приказы. Мне просто было любопытно.

– Любопытно убийство слуги?

– Да, так и есть, – кивнул он. – Меня расстроила смерть слуги возвращенной, особенно учитывая близость ее дворца к моему.

Аврора подняла бровь.

– Я когда-нибудь лгал тебе? – спросил Гимн.

– Только когда заявлял, что не хочешь со мной спать. Ложь, наглая ложь!

– Снова намеки, моя дорогая?

– Конечно, нет, – возразила она. – Я достаточно откровенна. Как бы то ни было, я знаю, что ты лжешь о расследовании. Какова была его истинная цель?

Гимн Света помедлил, вздохнул, качая головой, и жестом велел слуге принести фрукты обратно – они пришлись ему по вкусу.

– Не знаю, Аврора. Я начинаю спрашивать себя, не был ли я в прошлой жизни блюстителем закона?

Она нахмурилась.

– Знаешь, вроде городского стражника. Я очень хорошо допросил этих слуг. По крайней мере по своему скромному мнению.

– Крайне альтруистичному, как мы уже установили.

– Крайне, – согласился он. – Думаю, это может объяснить то, что я умер «смело», за что и получил свой титул.

Аврора подняла бровь.

– А я всегда думала, что тебя застал в постели с молодой женщиной ее отец и за это убил. Такая смерть кажется более смелой, нежели гибель от удара ножом при попытке поймать жалкого вора.

– Твои насмешки не задевают моего альтруистического смирения.

– Неужели?

Положив в рот еще ломтик ананаса, Гимн ответил:

– В любом случае, я был шерифом или каким-нибудь дознавателем. Могу поспорить, что если бы мне дали меч, то я оказался бы одним из лучших поединщиков в этом городе.

Она мгновение смотрела на него.

– Ты серьезен.

– Мертвецки серьезен. Серьезен, как мертвая белка.

Аврора озадаченно молчала.

– Личная шутка, – вздохнул он. – Но да, я верю. Хотя есть кое-что, чего я никак не пойму.

– И что же?

– При чем тут умение жонглировать лимонами?

Глава 31

– И все же я хочу спросить еще раз, – сказал Дент. – Нам действительно надо этим заниматься?

С ним шли Вивенна, Тонк Фа, Золотце и Чурбан. Парлина Дент предложил оставить дома. Наемник беспокоился о том, что встреча может оказаться опасной, и не хотел присматривать за еще одним подопечным.

– Да, нам придется этим заняться, – ответила Вивенна. – Это мой народ, Дент.

– И что? Принцесса, мой народ – наемники, и вы видите, что я не вожусь с ними столько времени. Они смердят и сильно раздражают.

– Забыл добавить, что они грубияны, – встрял Тонк Фа.

Вивенна закатила глаза:

– Дент, я их принцесса. Кроме того, ты сам сказал, что они – влиятельные люди.

– Их предводители, – поправил Дент. – И они бы с радостью встретились с вами на нейтральной территории. Не обязательно ходить в трущобы – простолюдины в самом деле не так уж и важны.

Она смерила наемника взглядом:

– Этим и отличаются Халландрен и Идрис. Мы уделяем внимание своему народу.

Позади презрительно фыркнула Золотце.

– Я не халландронец, – заметил Дент.

Тем не менее он не стал продолжать спор. Компания подошла к трущобам. Вивенне пришлось признать, что по мере их приближения ее все более охватывали дурные предчувствия.

Эти трущобы чем-то отличались от прочих. Более... мрачные. И не только из-за захудалых лавок и неухоженных улиц. На перекрестках околачивались группы людей, провожающих ее подозрительными взглядами. То здесь, то там она замечала дома, перед которыми прохаживались женщины в очень откровенной даже по халландренским меркам одежде. Некоторые из них даже свистели Денту и Тонк Фа.

Это место было чужим. В Т'Телире она везде чувствовала себя не на своем месте. Но здесь ее воспринимали непрошеной гостьей. С недоверием. Даже с ненавистью.

Вивенна заставила себя собраться. Где-то здесь были уставшие, измотанные, напуганные идриисцы. Гнетущая атмосфера района вызывала еще большую жалость к людям. Она не знала, будут ли они полезны в саботаже войны, но твердо понимала одно: она намерена им помочь. Если ее народ выскальзывает из-под королевской длани, ее долг – постараться вернуть людей обратно.

– Что означает выражение вашего лица? – заметил Дент. – В чем дело?

– Я беспокоюсь о своих людях, – ответила Вивенна, вздрогнув, когда они проходили мимо компании уличных хулиганов в черной одежде, с красными повязками на рукавах и чумазыми лицами. – Я заходила в эти трущобы, когда мы с Парлином искали новый дом. У меня не было желания изучить район, хотя я слышала, что дома здесь дешевы. Не могу поверить, что мой народ так запуган, что им приходится жить здесь, в окружении всего этого.

Дент нахмурился:

– В окружении чего?

Вивенна кивнула на улицы:

– Они живут среди проституток и банд, им приходится сталкиваться с ними каждый день...

Дент вдруг расхохотался, и Вивенна вздрогнула.

– Принцесса, – сказал он, – ваши люди не живут среди проституток и бандитов. Они и есть проститутки и бандиты.

Вивенна остановилась посреди улицы.

– Что?!

Дент посмотрел ей в глаза:

– Это идрисский квартал города. Цвета, да эти трущобы прозвали Горами.

– Невозможно, – дернулась она.

– Очень даже возможно, – заверил Дент. – Я видел такое в городах по всему миру. Приезжие собираются вместе, создают маленький анклав. Остальной город такой анклав игнорирует. Когда ремонтируют дороги, то начинают в других местах. Когда стража выходит в патруль, то избегает кварталов с чужеземцами.

– Трущобы становятся собственным миром, – добавил Тонк Фа, подходя к ней.

– Все, мимо кого мы здесь прошли, – идрисцы, – сказал Дент, жестом предлагая идти дальше. – У вашего народа в городе вполне заслуженная дурная слава.

Вивенна похолодела.

«Нет, – подумала она. – Нет, это невозможно».

К несчастью, вскоре она начала замечать определенные признаки. В уголках оконных рам и на дверных косяках находились неприметные символы Остре. Люди носили серое и белое. В память о жизни в горах остались пастушьи шапки и шерстяные плащи. И все же, если эти люди были идрисцами, то полностью развращенными. Их одежду пятнали цвета, не говоря уже об исходящей от них ауре опасности и враждебности. И разве могла идрисская женщина даже помыслить о занятии проституцией?

– Я не понимаю, Дент. Мы – мирный народ, люди из горных деревень. Мы открыты. Дружелюбны.

– Такие люди в трущобах не выживают, – ответил он, не останавливаясь. – Они меняются или их добивают.

Вивенна содрогнулась, ощутив приступ гнева на Халландрен.

«Я могла бы простить халландренцам бедность моих соотечественников. Но такое? Они сделали из отзывчивых фермеров и пастухов головорезов и воров. Они превратили наших женщин в проституток, а детей – в беспризорников».

Вивенна знала, что не должна позволять себе гневаться. Ей пришлось стиснуть зубы и очень, очень постараться не дать волосам вспыхнуть алым цветом. Увиденное пробудило что-то внутри нее. Что-то, о чем она настойчиво избегала думать.

«Халландрен раздавил этих людей. Он раздавил и меня – лишил меня детства, заставляя исполнить долг чести и подвергнуться плену и насилию ради защиты родной страны. Ненавижу этот город».

Это были неподобающие мысли. Вивенна не могла позволить себе ненавидеть Халландрен. Ей постоянно об этом твердили, но в последнее время она с трудом могла вспомнить, почему.

Но ей удалось удержать под контролем как ненависть, так и волосы. К ним присоединился Тейм и повел их дальше. Вивенне сказали, что встреча назначена в большом парке, но скоро она поняла, что «парк» – не совсем подходящее слово. Эта земля была пустой, усеянной мусором и со всех сторон окруженной зданиями.

Они остановились на краю этого унылого сада и стали ждать, а Тейм тем временем пошел вперед. Как он и обещал, люди уже собирались. Большинство из них были такими же, как и те, кого она видела раньше. Мужчины в одежде темных зловещих цветов и с печатью цинизма на лицах. Наглые уличные хулиганы. Женщины в нарядах проституток. Несколько потрепанных жизнью стариков.

Вивенна выдавила улыбку, сама ощущая ее неискренность. Ради этих людей она сменила цвет волос на медовый – цвет счастья и воодушевления. Люди начали перешептываться.

Тейм вернулся и пригласил ее жестом.

– Подожди, – сказала Вивенна. – Я хочу поговорить с простыми людьми до того, как мы встретимся с предводителями.

– Как пожелаете... – пожал плечами Тейм.

Вивенна выступила вперед.

– Люди Идриса, – заговорила она. – Я пришла предложить вам утешение и надежду.

Люди продолжали переговариваться, мало кто вообще обращал на нее внимание. Вивенна сглотнула.

– Я знаю, что у вас была тяжелая жизнь. Но я обещаю вам, что король заботится о вас и хочет поддержать. Я найду способ вернуть вас домой.

– Домой? – спросил один мужчина. – Назад в горы?

Она кивнула.

Несколько человек фыркнули в ответ на ее слова, а некоторые просто ушли. Вивенна проводила их обеспокоенным взглядом.

– Подождите! Разве вы не желаете меня выслушать? У меня есть новости от вашего короля.

На нее не обратили внимания.

– Большинство из них просто хотели убедиться, что вы – действительно та, о ком ходят слухи, ваше высочество, – тихо произнес Тейм.

Вивенна повернулась к тем людям, которые остались в саду и негромко переговаривались.

– Ваша жизнь станет лучше, – пообещала она. – Я позабочусь о вас.

– Наша жизнь уже стала лучше, – сказал один. – В горах для нас ничего нет. Я здесь зарабатываю вдвое больше, чем там.

Другие закивали в знак согласия.

– Тогда зачем они пришли повидать меня? – прошептала Вивенна.

– Я вам говорил, принцесса, – ответил Тейм. – Это патриоты – они стараются оставаться идрисцами. Городскими идрисцами. Мы держимся вместе – да, держимся. Не беспокойтесь – то, что вы здесь, для них кое-что значит. Даже если кажется, что им все равно, они сделают что угодно, чтобы расквитаться с Халландреном.

«Остре, Владыка Цвета, – еще больше расстроилась Вивенна. – Эти люди больше не идрисцы».

Тейм назвал их «патриотами», но она видела только группу людей, которых спланивало то, что им приходилось терпеть постоянное презрение халландренцев.

Она отвернулась, не желая больше говорить. Эти люди не тянулись к надежде и утешению, они жаждали только мести. Вероятно, их настроения можно использовать, но от одной мысли об этом она почувствовала себя запятанной. Тейм повел Вивенну с ее спутниками по тропе, проложенной среди бурьяна и мусора. У дальней стороны «парка» они увидели широкое здание, представлявшее собой нечто среднее между складом и открытой деревянной беседкой. Там ждали предводители.

Их было трое, каждого сопровождали телохранители. Вивенне заранее рассказали о них. Предводители носили богатые одежды ярких расцветок Т'Телира. Трущобные лорды. Вивенне стало дурно. Все трое имели как минимум первое возвышение. Один достиг третьего.

Золотце и Чурбан остались снаружи, охраняя выход на случай бегства. Вивенна вошла в здание и опустила в единственное свободное кресло. Дент и Тонк Фа заняли места позади нее.

Вивенна окинула взглядом трущобных лордов. Все трое сильно походили друг на друга. Человек слева выглядел более привычным к богатой одежде. Это, скорее всего, Паксен, «джентльмен-идрисец», как его прозвали. Доход ему приносили бордели. Человеку справа не мешало бы подстричься, чтобы соответствовать своему добротному костюму. Это наверняка Ашу, известный организатор подпольных боев – зрелищ, на которых идрисцы избивали друг друга до бесчувствия. Человек в центре казался самодовольным типом. Он сидел развалившись, возможно, пытаясь нарочитой небрежностью подчеркнуть красивое молодое лицо. Рира, наниматель Тейма.

Она напомнила себе, что нельзя судить по первому впечатлению от внешности. Перед ней были опасные люди.

Комната погрузилась в тишину.

– Не знаю, что вам сказать, – наконец проговорила Вивенна. – Я пришла найти то, чего нет. Я надеялась, что людям здесь важно их происхождение.

Рира подался вперед. По сравнению с нарядами остальных его одежда отличалась неряшливостью.

– Вы наша принцесса, – произнес он. – Дочь нашего короля. Вот что нам важно.

– Вроде того, – добавил Паксен.

– Право же, принцесса, – сказал Рира, – мы польщены встречей с вами, и нам интересно, что привело вас в наш город. Вы стали причиной изрядного переполоха.

Вивенна окинула троицу серьезным взглядом.

– Вы все знаете, что приближается война.

Рира кивнул. Ашу, однако, покачал головой:

– Я не уверен, что война будет. Пока что.

– Она будет, – твердо сказала Вивенна. – Это я могу обещать. Поэтому мои намерения заключаются в том, чтобы направить ход войны насколько это возможно благоприятным образом для Идриса.

– И что это значит? – спросил Ашу. – Королевская кровь на троне Халландрена? Хотела ли она этого?

– Я просто хочу, чтобы наш народ выжил.

– Так себе план, – заметил Паксен, полируя набалдашник изящной трости. – Война – это бой ради победы, ваше высочество. У халландренцев есть безжизненные. Если вы их побьете, они просто сделают новых. Я считаю, что военная мощь Идриса необходима здесь, в городе, если вы собираетесь вернуть свободу нашей родине.

Вивенна нахмурилась.

– Вы хотите свергнуть правительство? – спросил Ашу. – Если так, то что мы с этого получим?

– Постойте, – вмешался Паксен. – Свергнуть правительство? Вы уверены, что стоит снова ввязываться в такое дело? Вспомните провал Вара – сколько денег ушло на него?

– Вар был пан-кальцем, – напомнил Ашу, – чужаком, не нашим. Я бы не прочь рискнуть снова, если в деле будут настоящие короли.

– Я ничего не говорила о свержении правительства, – запротестовала Вивенна. – Я просто хочу дать людям надежду.

«Или хотела, по крайней мере...»

– Надежду? – переспросил Паксен. – Да кому она нужна? Мне нужны гарантии. Будут ли раздаваться титулы? Кто получит торговые права, если Идрис победит?

– У вас есть сестра, – заметил Рира. – Третья дочь, незамужняя. Ее брак обсуждается? В этом случае трон может рассчитывать на мою поддержку в войне.

Вивенне стало противно.

– Господа, – дипломатично сказала она, – речь не о личной выгоде. Речь о патриотизме.

– Конечно, конечно, – кивнул Рира. – Но даже патриоты должны получать награды. Верно?

Все трое выжидающе воззрились на Вивенну. Та поднялась:

– Я ухожу.

Удивленный Дент положил руку ей на плечо.

– Уверены? – спросил он. – Пришлось постараться, чтобы организовать эту встречу.

– Я была согласна работать с ворами и бандитами, Дент, – тихо ответила Вивенна. – Но очень тяжело смотреть на этих, зная, что они – мой народ.

– Вы судите слишком поспешно, принцесса, – усмехнулся за ее спиной Рира. – Не говорите, что вы такого не ожидали.

– Ожидать чего-либо и столкнуться с этим – разные вещи, Рира. Я ждала встречи с вами тремя. Но я не ожидала увидеть того, что случилось с нашими людьми.

– А как же Пять Видений? – спросил Рира. – Вы появляетесь здесь, возносите себя выше нас и смыиваетесь? Это не по-идрисски.

Вивенна повернулась к главарям. Длинноволосый Ашу уже поднялся и подзывал телохранителей, ворча себе под нос о потерянном времени.

– Да что ты знаешь о том, что значит быть идрисцем? – огрызнулась Вивенна. – Где твое послушание Остре?

Рира сунул руку под рубашку и вытянул маленький белый диск с именами родителей: остреистский талисман послушания.

– Принцесса, мой отец принес меня с гор на руках. Он умер, работая на плантациях Эдгли. Чтобы добиться своего положения, я карабкался вверх, сбивая руки в кровь. Я изо всех сил старался улучшить положение вашего народа. Когда Вар заговорил о революции, я давал ему деньги на еду для последователей.

– Покупал дыхание, – продолжила она. – И делал идрисских женщин проститутками.

– Я живу, – ответил Рира. – И слежу, чтобы у всех тут хватало еды. Вы способны дать им больше?

Вивенна нахмурилась:

– Я...

Внезапно она осеклась, услышав крики.

Ощущение жизни встрепенулось в ней, предупреждая о приближении большой группы людей. Вивенна резко повернулась, а трущобные лорды с проклятиями вскочили. За пределами сада она увидела что-то ужасное. Громадных, одетых в пурпурно-желтую форму мужчин с серыми лицами.

Безжизненные солдаты. Городская стража.

Когда безжизненные под предводительством живых стражников в униформе ворвались в сад, обитатели трущоб с воплями бросились врассыпную. Дент выругался, отталкивая Вивенну.

– Бегите! – приказал он, выхватывая меч.

– Но...

Тонк Фа схватил ее за руку и потащил из здания, а Дент рванулся к стражникам. Трущобные лорды и их люди беспорядочно отступали, хотя стражники быстро перекрывали выходы.

Тонк Фа выругался и втянул Вивенну в маленький переулок напротив сада.

– Что происходит? – выдохнула она, сердце бешено колотилось.

– Облава, – ответил наемник. – Не слишком опасно, если только...

Зазвенели клинки, металл столкнулся с металлом, и в криках зазвучало отчаяние. Вивенна оглянулась: загнанные в ловушку, телохранители трущобных лордов набросились на безжизненных. Она пришла в ужас, наблюдая за тем, как кошмарные серолицые люди кинулись на мечи и кинжалы, не обращая внимания на

раны. Эти существа выхватили оружие и атаковали. Люди с воплями и криками падали, истекая кровью.

Дент ринулся защищать вход в переулок, в котором скрылась Вивенна. Она не видела, куда исчезла Золотце.

– Фантомы Калада! – выругался Тонк Фа, отступая и толкая ее впереди себя. – Эти идиоты решили драться. Теперь у нас проблемы.

– Но как они нас нашли?!

– Не знаю, – ответил он. – Какая разница? Может, это за вами. Может, за трущобными лордами. Надеюсь, мы и не узнаем. Бегите!

Вивенна послушалась и бросилась вперед по темной улице, стараясь не наступить на длинное платье. В нем оказалось очень неудобно бежать, а Тонк Фа продолжал подгонять ее, с беспокойством оглядываясь. Она услышала хрипы и отголоски воплей, когда Дент начал с кем-то драться, прикрывая путь отхода.

Они выскочили из переулка и столкнулись с подстерегающей их группой из пяти безжизненных. Вивенна резко остановилась. Тонк Фа выругался.

Безжизненные казались каменными, а выражения их лиц в сумерках оставались до жути мрачными. Тонк Фа оглянулся и, решив, что Дент к ним не подоспеет, покорно поднял руки и выронил меч.

– Пятерых в одиночку я не одолею, принцесса, – прошептал он. – Не безжизненных. Придется позволить им нас арестовать.

Вивенна тоже медленно подняла руки.

Безжизненные вытащили оружие.

– Э... – сказал Тонк Фа. – Мы сдаемся?

Зловещие создания бросились на них.

– Бегите! – заорал наемник, наклоняясь и подбирая с земли меч.

Вивенна отшатнулась, а несколько безжизненных атаковали Тонк Фа. Она бежала так быстро, как могла. Наемник попытался последовать за ней, но ему пришлось остановиться и защищаться. Замедлив бег, Вивенна оглянулась и увидела, как он вогнал клинок в шею безжизненного.

Из существа хлынуло что-то, не похожее на кровь. Трое других безжизненных окружили наемника, но он успел выдернуть меч и полоснуть одного из стражников по ноге – тот повалился на мостовую.

Двое кинулись к Вивенне.

Оцепенев, она наблюдала за их приближением. Должна ли она остаться? Попытаться помочь...

«Каким образом? – воззвало ее чувство самосохранения. – Беги!»

Охваченная ужасом, она подчинилась и бросилась прочь, свернув в первый же переулок, но в спешке наступила на подол.

Упав на булыжную мостовую, она вскрикнула. Позади раздавались шаги, и Вивенна воплем позвала на помощь. Не обращая внимания на боль в локте, она торопливо сорвала юбку, оставшись в одних панталонах. Вскочив на ноги, она снова закричала.

В конце переулка что-то темнело – громадная серокожая фигура. Вивенна резко остановилась и развернулась. С противоположной стороны входили еще двое. Похолодев, она прижалась спиной к стене, сама не своя от потрясения.

«Остре, Владыка Цвета! – дрожа, мысленно взмолилась она. – Пожалуйста...»

Трое безжизненных приблизились, заноса оружие. Вивенна опустила взгляд. Рядом с ее зеленой юбкой среди мусора валялся обрывок обтрепанной, но все еще годной веревки.

Веревка взывала к ней, как и все вещи, словно знала, что может ожить. Вивенна не могла ощущать приближающихся безжизненных, но, как ни странно, вроде бы чувствовала веревку. Могла представить, как та оборачивается вокруг ног жутких созданий и опутывает их.

«Это ваше дыхание, – говорил Дент. – Оно инструмент. Почти бесценный и очень могущественный».

Вивенна взглянула на безжизненных, в их человеческие глаза с нечеловеческим выражением. Сердце заколотилось так сильно, как будто пыталось вырваться из груди. Она смотрела, как они подходят.

И видела свою смерть в лишенных эмоций глазах.

Со слезами Вивенна рухнула на колени и дрожащими руками схватила веревку. Она знала принцип действия, наставники ее учили. Надо коснуться сброшенной юбки, чтобы вытянуть из нее цвет.

– Оживи, – умоляла она веревку.

Ничего не произошло.

Вивенна знала о пробуждении в общих чертах, но этого явно было недостаточно. Из глаз потекли слезы, застилая мир.

– Пожалуйста, – упрашивала она. – Пожалуйста. Спаси меня.

До нее добежал первый безжизненный – тот, который отрезал ей выход из переулка. Вивенна согнулась, припадая к грязной земле.

Существо перепрыгнуло через нее.

Вивенна с изумлением увидела, что оно обрушило оружие на подоспевших других. Сморгнув слезы, Вивенна наконец узнала его.

Не Дент. Не Тонк Фа. Создание с такой же серой кожей, как и у нападавших, потому она сразу не поняла, кто это.

Чурбан.

Умелым ударом широкого меча он снес голову первому противнику. Из шеи обезглавленного брызнуло что-то прозрачное, он отшатнулся и рухнул на землю. Похоже, он умер, как и любой человек на его месте.

Чурбан парировал выпад другого стражника. Позади него в переулке появилось еще двое. Они ринулись в атаку, а Чурбан отступил назад, решительно загородив Вивенну и выставил перед собой меч, с которого капала прозрачная жидкость.

Оставшийся безжизненный дождался подхода двух других. Вивенна только дрожала – она слишком устала и оцепенела, чтобы бежать. Она уловила какое-то почти человеческое выражение в глазах Чурбана, когда он вознес меч против троих

противников. Это был первый проблеск чувств, который она увидела у безжизненного, хотя ей могло просто показаться.

Решительность.

Трое безжизненных атаковали. Дома, в Идрисе, она невежественно считала, что они похожи на скелеты или разлагающиеся трупы. Представляла, что они нападают беспорядочно – без мастерства, но с неумолимой и темной силой.

Она ошибалась. Существа двигались с таким же умением и мастерством, как и люди. Только они были безмолвны. Ни криков, ни ворчания. В полном молчании Чурбан отбил атаку одного и двинул локтем в лицо другому безжизненному. Вивенна редко видела такую плавность движений, его мастерство было таким же, как и краткий миг головокругительной скорости, которую проявил Дент в ресторане.

Чурбан взмахнул клинком и поразил третьего безжизненного в ногу. Однако один из оставшихся вогнал меч ему в живот. Из раны во все стороны хлынула прозрачная жидкость, забрызгав Вивенну. Чурбан даже не вскрикнул и точным ударом отделил от тела голову напавшего стражника.

Мертвый безжизненный рухнул на землю, оставив меч в животе Чурбана. Из ноги другого стражника текла прозрачная кровь. Сделав несколько шагов, он упал навзничь. Чурбан стремительно переключился на последнего стоящего на ногах безжизненного, который не отступил, а принял защитную стойку.

Это не помогло. Чурбан моментально расправился с последним противником – сделав несколько выпадов, он неожиданным приемом крутанул свое оружие и отсек держащую меч руку противника. Затем дал под дых и повалил на землю. Последним точным движением он вогнал клинок в шею павшего безжизненного, пресекая его попытку подползти к Вивенне с кинжалом в уцелевшей руке.

В переулке воцарилась тишина. Чурбан повернулся к Вивенне, и она увидела лишенные выражения глаза, квадратную челюсть и угловатое лицо на толстой мускулистой шее. Он затряс головой, будто пытаясь прояснить зрение. Из его живота лилось пугающее количество прозрачной жидкости. Чурбан оперся рукой о стену и упал на колени.

Нерешительно протянув руку, Вивенна ощутила, какая холодная у него кожа.

Выход из переулка заслонила тень. Вивенна с испугом вскинула голову, еще не оправившись от потрясения.

– Цвета! – выкрикнул Тонк Фа, подбегая к ней. Его куртка была мокрой от прозрачной жидкости. – Дент! Она тут!

Наемник опустился рядом с Вивенной.

– Вы в порядке?

Она тупо кивнула, едва осознавая, что юбка по-прежнему у нее в руках, а значит, ноги открыты почти до колен. Сейчас Вивенну не беспокоило ни это, ни то, что волосы побелели как снег. Она уставилась на Чурбана, стоявшего перед ней на коленях с опущенной головой, как будто он молился у невидимого алтаря. Меч выпал из его дрожащих пальцев, звякнув по булыжникам. Безжизненный смотрел перед собой остекленевшими глазами.

Тонк Фа проследил за взглядом Вивенны, устремленным на Чурбана.

– Да уж, – сказал он, – Золотцу это не понравится. Пойдемте, надо убираться отсюда.

Глава 32

Он всегда уходил до пробуждения Сири.

Она лежала на широкой, роскошной кровати, а сквозь окно струился утренний свет. Дневное солнце уже нагрело воздух, и даже под одной простыней было слишком жарко. Сири отбросила ее, но осталась лежать, глядя в потолок.

По солнцу она определила, что уже почти полдень. Они с Сезеброном обычно разговаривали за полночь. Возможно, это как раз хорошо: все увидят, что она с каждым утром встает все позднее, и отнесут это на счет других занятий.

Сири потянулась. Поначалу общение с королем-богом казалось ей странным, но со временем становилось все более естественным. Она находила очаровательным то, что с такой неуверенной и неумелой манерой письма он выражает настолько интересные мысли. Сири предполагала, что у него был бы добрый голос, если бы он говорил. Она даже не ожидала, что Сезеброн окажется таким нежным.

Сири улыбнулась, зарываясь в подушку и лениво думая о том, что было бы неплохо, если бы он оставался до ее пробуждения. Она была счастлива, и как раз этого она никак не ожидала от Халландрена. Правда, Сири скучала по горам, и ее раздражало то, что она не может покинуть Двор Богов, особенно в нынешней политической ситуации.

А еще здесь было много других вещей. Чудесных вещей. Яркие цвета, артисты, да и вообще ошеломляющее впечатление от Т'Телира. И еще – возможность каждую ночь говорить с Сезеброном. Импульсивность в ее семье считалась постыдной и неловкой, но король-бог находил ее очаровательной и даже притягательной.

Сири снова улыбнулась, позволяя себе помечтать, но реальная жизнь настойчиво напомнила о себе. Сезеброн угрожает опасность, реальная, серьезная опасность. Он отказывается верить, что его жрецы могут причинить ему зло или представлять угрозу. Та же невинность, которая делала его таким привлекательным, становилась ужасной помехой.

Но что делать? Больше никто не знает о его затруднениях. И только один человек может ему помочь, но и она, к несчастью, для такого задания не подходит. Сири пропускала уроки и встретила свою участь совершенно неподготовленной.

«И что теперь?» – задалась она вопросом.

Сири уставилась в потолок. Она обнаружила, что практически не испытывает обычного стыда за то, что прогуливала уроки. Да, она допустила промах. Так сколько можно хандрить, укоряя себя за то, что сделано давным-давно?

«Ну ладно, – сказала она себе. – Довольно оправданий. Может, я и не подготовлена как следует, но сейчас я здесь, и мне надо что-то делать. Потому что больше некому».

Она выбралась из кровати и расчесала пальцами длинные волосы. Сезеброну нравились их длина – его они завораживали так же, как и служанок. И раз уж ей помогали управляться с такой копной, то длина волос стоила причиняемых неудобств. Одета в одну только рубашку, Сири прошлась по комнате, сложив на груди руки. Ей нужно играть в их игру. Такое определение ей не нравилось. «Игра» подразумевает малые ставки. А это не игра. Это жизнь короля-бога.

Она поискала в памяти остатки вынесенных из уроков знаний. Политика была чем-то вроде обмена. Отдать то, что у тебя есть или что ты считаешь своим, чтобы добиться чего-то большего. Примерно как в торговле: начинаешь с определенным запасом и к концу года надеешься его приумножить. А может, и полностью поменять на совершенно другой и лучший запас.

«Не поднимайте много шума, пока не подготовите удар, – посоветовал ей Гимн Света. – Не выглядите слишком невинной, но и не пытайтесь показаться слишком умной. Будьте посредственностью».

Сири остановилась у кровати, собрала простыни и бросила их в тлеющий очаг, как поступала каждый день.

«Обмен? – подумала она, наблюдая за тем, как горят простыни. – Что я могу продать или обменять? Немного».

Придется использовать то, что есть.

Она подошла к двери и распахнула ее. Как обычно, снаружи ждали служанки. Уже знакомые женщины засуетились вокруг нее, внося одежду, другие принялись прибирать комнату. Некоторые из них носили коричневое.

Когда служанки начали ее одевать, Сири отметила одну из девушек в коричневом. Улучив момент, Сири шагнула вперед, положила руку на плечо служанки и тихо произнесла:

– Ты из Пан-Каля.

Удивленная девушка кивнула.

– Передай от меня послание Синепалому, – шепнула Сири. – Скажи, что у меня есть для него очень важная информация. Она может существенно изменить его планы. Я могу поделиться этой информацией.

Девушка побледнела, но кивнула, и Сири продолжила одеваться. Разговор слышали еще несколько служанок, но священный принцип халландренской религии гласил, что слуги бога не должны повторять услышанные ими тайные беседы. Сири надеялась, что так и будет. А если нет, то она не так уж много сказала.

Теперь оставалось решить, какая это «важная информация» и почему она должна быть интересна Синепалому.

***

– Моя дорогая королева! – Гимн Света поприветствовал вошедшую в его ложу Сири и даже осмелился ее обнять.

Она ответила улыбкой, когда бог жестом пригласил ее сесть в один из шезлонгов. Сири уселась с осторожностью, поскольку начала любить изысканные халландренские

платья, но еще не научилась грациозно двигаться в них. Устроив гостью, Гимн послал за фруктами.

– Вы слишком добры ко мне, – промолвила Сири.

– Ерунда, – ответил он. – Вы же моя королева! Кроме того, вы напоминаете мне кого-то, кого я очень любил.

– И кто же это?

– Признаться, понятия не имею, – сказал Гимн, принимая от слуги тарелку с виноградом и предлагая ее Сири. – Я ее плохо помню. Хотите виноград?

Сири подняла бровь, но она уже знала, что Гимн в лишних поощрениях не нуждается.

– Скажите, – спросила она, накалывая виноградину на деревянную палочку, – почему вас зовут Гимн Света Смелый?

– О, это просто. – Он откинулся назад. – Среди богов только у меня хватает смелости вести себя как полный идиот.

Сири вновь подняла бровь.

– Мое положение требует отваги, – продолжил Гимн. – Видите ли, обычно я весьма скупен и серьезен. Мое заветное желание – вечерами сидеть и сочинять нескончаемые иносказательные лекции о морали, которые жрецы будут читать моим последователям. Увы, я не могу. Вместо этого я каждый вечер бросаю дидактическую теологию ради того, что требует настоящей отваги, – проводить время с другими богами.

– А почему для этого нужна отвага?

Гимн взглянул на нее:

– Госпожа, вы разве не видели, какие они все нудные?

Сири рассмеялась:

– Но в самом деле – откуда взялся титул?

– Это ошибочный термин. Конечно, вы достаточно умны, чтобы это заметить. Наши имена и титулы присваиваются случайным образом – маленькой обезьянкой, которой дают выпить непомерное количество джина.

– Да вы сейчас просто дурачитесь.

– Сейчас? – переспросил Гимн, поднимая кубок вина. – Сейчас? Дорогая моя, я всегда дурачусь. Будьте добры забрать свои слова обратно!

Сири только покачала головой. Похоже, сегодня Гимн Света был в ударе.

«Отлично, – подумала она. – Моему мужу угрожает неведомая опасность, а в союзниках у меня только писец, который меня боится, и бог, который несет чушь».

– Дело в смерти, – наконец сказал Гимн.

В это время жрецы начали заполнять арену, готовясь к дебатам.

Сири взглянула на него.

– Все умирают, – продолжал Гимн. – Однако смерть некоторых становится образцом какого-то особенного качества или чувства. Они проявляют искру чего-то великого по сравнению с остальным человечеством. Говорят, это нас и возвращает.

Он замолчал.

– Значит, вы умерли, проявив великую смелость? – спросила Сири.

– Наверное, – кивнул он. – Точно не знаю. Сны подсказывают, что я мог обидеть очень большую пантеру. Смело звучит, правда?

– Вы не знаете, как умерли?

Он покачал головой:

– Мы забываем. Мы пробуждаемся лишенными памяти. Я даже не знаю, каким ремеслом я занимался.

Сири улыбнулась:

– По-моему, вы были дипломатом или каким-нибудь торговцем. Кем-то, кому надо очень много говорить, но очень мало сказать!

– Да, – тихо согласился он, глядя на жрецов внизу и став совершенно непохожим на себя. – Да, без сомнения, именно так...

Он опять покачал головой и улыбнулся Сири:

– Как бы то ни было, моя дорогая королева, сегодня у меня есть для вас сюрприз!

«Хочу ли я получить сюрприз от Гимна Света?»

Сири нервно огляделась.

Бог рассмеялся:

– Не бойтесь. Мои сюрпризы не кусаются и не вредят прекрасным королевам.

Он махнул рукой, подзывая пожилого человека с удивительно длинной белой бородой.

Сири нахмурилась.

– Это Хойд, – объяснил Гимн. – Мастер-сказитель. Помню, вы хотели задать ряд вопросов...

Сири с облегчением рассмеялась, только теперь вспомнив о собственной просьбе. Она посмотрела вниз на жрецов:

– Разве мы не должны слушать их речи?

Бог равнодушно отмахнулся:

– Слушать речи? Что за нелепость! Это было бы слишком ответственно с нашей стороны. Мы же боги, во имя Цвета. Ну хорошо, я – бог, а вы приближены к богам. Родня бога, можно сказать. В любом случае, вы правда хотите слушать, как компания нудных жрецов рассуждает о канализации?

Сири поморщилась.

– Я так и думал. Кроме того, ни у кого из нас нет права голоса по этому вопросу. Так что давайте мудро распорядимся временем. Мы не знаем, сколько его осталось.

– Времени? – удивилась Сири. – Но вы бессмертны!

– Не времени. – Гимн приподнял тарелку. – Винограда. Ненавижу слушать истории без винограда.

Сири закатила глаза, но продолжала поедать ягоды. Сказитель терпеливо ждал. Взглянув на него поближе, Сири заключила, что он вовсе не так стар, как показалось вначале. Борода может быть отличительным знаком профессии, и хотя она не казалась фальшивой, Сири предположила, что бороду выбелили. На самом деле он гораздо моложе, чем хочет казаться.

Кроме того, она не сомневалась, что Гимн Света выбирает только самых лучших. Она поудобнее устроилась в кресле, явно предназначенном для человека ее размеров.

«Надо быть поосторожнее с вопросами, – подумала она. – Прямо спрашивать о смертях королей-богов нельзя; это будет слишком очевидно».

– Сказитель, – произнесла она. – Что ты знаешь об истории Халландрена?

– Многое, моя королева, – склонил голову он.

– Расскажи о времени до раскола Идриса и Халландрена.

– А, – произнес Хойд и сунул руку в карман. Он извлек пригоршню песка и растер его в пальцах, позволяя ему тонкой струйкой сыпаться вниз и слегка развеиваться на ветру. – Ее величество желает услышать одну из древних историй, из далекого прошлого. О событиях до начала времен?

– Я хочу знать о происхождении королей-богов Халландрена.

– Тогда начнем с событий, которые теряются в дымке времен, – произнес сказитель.

Он поднял другую руку, и с пальцев посыпался мелкий черный песок, смешавшись с песком из первой руки. На глазах у Сири черный песок побелел, и она наклонила голову, улыбаясь представлению.

– Первый король-бог Халландрена жил в древности, – сказал Хойд. – Да, в древности. Задолго до королевств и городов, монархов и религий. Но он не древнее гор, они уже были здесь. Подобно пальцам спящих исполинов они охватывали эту долину, ставшую домом цветам и пантерам.

Мы говорим просто о «долине», о месте, еще не имевшем имени. В те времена над миром господствовал народ чедеш. Они приплыли с востока через Внутреннее море, и именно они открыли эту дивную землю. От них осталось мало записей, их империя давно обратилась в прах, но память сохранилась. Представляете, как их поразило это место? Пляжи с мелким мягким песком, изобилие фруктов и необычный лес?

Хойд порылся в складках одежды, достал маленькие зеленые листочки побегов папоротника и принялся рассыпать их перед собой.

– Они называли это место раем, – прошептал Хойд. – Раем, что сокрыт меж гор, страной мягких дождей, которые никогда не бывают холодными, землей, где пища в изобилии растет сама по себе.

Он подбросил в воздух пригоршню листьев, и в кружащемся облаке вспыхнула цветная пыль, словно маленький фейерверк без пламени. Темно-красная и синяя пыль смешалась в воздухе и стала оседать вокруг рассказчика.

– Земля красок. Из-за слез Эдгли, изумительных цветов, настолько ярких, что полученная из них краска легко ложилась на любую ткань.

Сири никогда раньше не задумывалась о том, каким видели Халландрен люди, переплывшие Внутреннее море. Она слышала рассказы заходивших в Идрис странников, которые повествовали о далеких странах. В других землях были прерии и степи, горы и пустыни. Но не джунгли. Халландрен был уникален.

– В то время появился Первый возвращенный, – продолжил Хойд, рассыпая перед собой серебряные блески. – Это случилось на борту корабля, плывущего вдоль побережья. Теперь возвращенные появляются во всем мире, но самый первый – тот, кого вы зовете Во, а мы именуем только по титулу, – родился здесь, на волнах этого залива. Он провозгласил Пять Видений. И умер неделю спустя.

Команда его корабля основала на этих берегах королевство, которое нарекли Ханальдом. До их прибытия в здешних джунглях жили лишь люди Пан-Каля – скорее горсточка рыбацких деревень, чем настоящее королевство.

Блески кончились, и Хойд рассыпал из другой ладони коричневатый порошок, одновременно роясь в кармане свободной рукой.

– Вы можете спросить, почему я начал издавека. Разве не должен я говорить о Всеобщей войне, о расколотых королевствах, о Пяти ученых или Каладе Узурпаторе и его армии фантомов, которая, как говорят, и по сей день скрывается в джунглях в ожидании своего часа?

Мы больше обращаем внимание на эти события, ибо люди знают их лучше всего. Но говорить только о них – значит, упускать историю тех трехсот лет, что привели к ним. Случилась бы Всеобщая война без знаний о возвращенных? В конце концов, именно возвращенный предсказал войну и побудил Жнеца Раздора напасть на королевства, что лежали за горами.

– Жнеца Раздора? – перебила его Сири.

– Да, ваше величество, – Хойд принялся сыпать черную пыль. – Жнец Раздора. Другое имя Калада Узурпатора.

– Звучит как имя возвращенного.

– Так и есть, – кивнул Хойд. – Калад был возвращенным, как и Даритель Мира, который сверг его и основал Халландрен. До этого рассказ еще не дошел. Мы все еще в ставшем королевством форпосте Ханальде, который возвела команда Первого возвращенного. Именно они выбрали королевой жену Первого возвращенного, стали добывать из слез Эдгли чудесные краски и продавать их по всему миру за немислимую цену. Вскоре Ханальд стал процветающим центром торговли.

Сказитель извлек цветочные лепестки и начал подбрасывать их перед собой.

– Слезы Эдгли. Источник богатства Халландрена. Такие крошечные, их так легко тут выращивать. И расти они могут только на здешней почве. В других странах очень трудно производить краски. И дорого. Некоторые ученые говорят, что Всеобщая война началась из-за этих лепестков и что капельки краски уничтожили королевства Кут и Хут.

Лепестки опустились на пол.

– Но так говорят только некоторые ученые, сказитель? – спросил Гимн. Почти забывшая о его присутствии Сири обернулась к нему. – А что говорят остальные? Почему началась Всеобщая война по их мнению?

Хойд немного помолчал, затем достал в двух пригоршнях пыль шести разных цветов и принялся рассыпать ее.

– Дыхание, ваша милость. Многие соглашались, что Всеобщая война разразилась не только из-за выжимки цветов, но и гораздо большего – выжимки людей.

Наверное, вы знаете, что королевская семья все больше интересовалась тем, как использовать дыхание для оживления предметов. Тогда этот процесс впервые назвали пробуждением, и оно было новым и не вполне понятным искусством. И во многом таким и остается. Прошло не более четырех столетий с тех пор, как началась работа с человеческими душами, их способностями вдыхать жизнь в предметы и мертвецов. Краткий срок по меркам богов.

– В отличие от заседаний двора, – пробормотал Гимн, бросив взгляд на жрецов, все еще обсуждавших канализацию. – Они тянутся целую вечность по меркам одного конкретного бога.

Вмешательство не сбило сказителя.

– Дыхание, – говорил он. – Годы, что привели к Всеобщей войне, были эпохой Пяти ученых и открытия новых приказов. Для кого-то это было время великого просвещения и науки. Другие назвали эти годы самыми мрачными днями человечества, ибо тогда мы научились лучшим способам использования друг друга.

Он начал рассыпать две новые пригоршни пыли – ярко-желтой и черной. Сири с интересом наблюдала. Похоже, он старался подбирать слова, чтобы не оскорбить ее идрисские чувства. Что она на самом деле знала о дыхании? Она редко видела при дворе пробуждающих, а если и встречала, то не обращала на них внимания. Монахи высказывались против таких вещей, но, собственно, Сири придавала их речам не больше значения, чем урокам своих наставников.

– Один из Пяти ученых совершил открытие, – продолжил Хойд, рассыпав пригоршню кусочков белой бумаги, покрытых надписями. – Приказы. Способы. Средства, которыми можно создать безжизненного одним только дыханием.

Это может показаться вам мелочью, но обратите взгляд на прошлое этого королевства и то, как оно было основано. Халландрен создали слуги возвращенного, и королевство развивалось под влиянием процветающей торговли. Халландрен контролировал исключительно богатый край. После открытия северных перевалов в сочетании с совершенствующимся искусством навигации он стал жемчужиной, на которую зарился весь остальной мир.

Помедлив, Хойд вскинул другую руку, рассыпая маленькие крупинки металла, падающие на каменный пол со звуком капель дождя.

– И так началась война, – сказал он. – Пять ученых разделились, поддерживая разные стороны. Одни королевства получили безжизненных, другие – нет. Одни обрели оружие, другим оставалось только завидовать.

В ответ на вопрос бога моя история приводит еще одну причину Всеобщей войны: создавать безжизненных стало слишком легко. До открытия «приказа единственного дыхания» для создания безжизненного требовалось пятьдесят дыханий. Дополнительных солдат – даже безжизненных – приходится беречь, если вы можете получить только одного на каждые пятьдесят уже имеющихся. Однако, если можно

сотворить безжизненного единственным дыханием... одно на одного... это удвоит ваши войска. И половина солдат не будут нуждаться в пище.

Кусочки металла перестали падать.

– Безжизненный не становится сильнее живого человека, – промолвил Хойд. – Они остаются такими же. Они не более умелы, чем живые. Они такие же. Однако они не едят, как обычные люди, – и это дает огромное преимущество. Если добавить их способность не чувствовать боль и не испытывать страха, то у вас тотчас окажется армия, против которой не выстоять. Калад зашел еще дальше – говорят, что он создал новый и более могучий вид безжизненных, достигших еще более пугающих преимуществ.

– А что за новые безжизненные? – с любопытством спросила Сири.

– Никто не помнит, ваше величество, – ответил Хойд. – Записи о тех временах утеряны. Некоторые говорят, что их сожгли. Какова бы ни была сущность Фантомов Калада, они пугали и ужасали настолько, что, хотя подробности затерялись в глубине веков, сами фантомы живут в наших преданиях. И в наших ругательствах.

– А они действительно где-то существуют? – Сири слегка вздрогнула, бросив взгляд в сторону невидимых джунглей. – Как гласят сказки? Невидимая армия, ожидающая, когда Калад вернется и снова поведет ее?

– Увы, – промолвил Хойд, – я только рассказываю истории. Как я уже сказал, столь многое о тех временах потеряно для нас.

– Но мы знаем о королевской семье, – заметила Сири. – Они откололись, потому что были не согласны с тем, что делает Калад, верно? Они усмотрели моральные проблемы в применении безжизненных?

Сказитель задумался.

– Ну, да, – наконец произнес он, улыбнувшись в бороду. – Да, усмотрели, ваше величество.

Она подняла бровь.

– Тсс, – шепнул Гимн, слегка наклоняясь к ней. – Он вам врёт.

– Ваша милость, – низко поклонился сказитель, – я прошу прощения. Существуют разные объяснения! Я просто рассказываю истории – всякие истории.

– А о чем повествуют другие истории? – поинтересовалась Сири.

– В них есть разночтения, ваше величество, – ответил Хойд. – Ваш народ говорит о религиозном расколе и предательстве Калада Узурпатора. Пан-кальцы рассказывают, что королевская семья очень старалась усилить могущество безжизненных и пробуждающих, а затем удивилась тому, что их орудия обернулись против них же. В Халландрене повествуют, как королевская семья сама заключила союз с Каладом, сделала его генералом и в стремлении развязать кровопролитную войну игнорировала волю своего народа.

Он уставился в никуда и начал сыпать из двух горстей черную угольную пыль.

– Но время сжигает за нами все, оставляя только пепел и память. Память переходит из разума в разум, а затем на мои уста. Когда все правда и все ложь, имеет ли

значение, если кто-то говорит, что королевская семья искала способы создания безжизненных? Вера у каждого своя.

– В любом случае возвращенные взяли власть над Халландреном в свои руки, – заключила Сири.

– Да, – подтвердил Хойд. – И они дали ему новое имя, вариант прежнего. И все же некоторые по-прежнему с уважением говорят об ушедших в горы королях – тех, в ком течет кровь Первого возвращенного.

Сири нахмурилась:

– Кровь Первого возвращенного?

– Да, конечно, – ответил Хойд. – Именно его жена, носившая его ребенка, стала первой королевой этой страны. Вы – его потомок.

Сири резко села.

Гимн Света повернулся к ней, заинтересованный.

– Вы не знали? – Его голос прозвучал без обычного легкомыслия.

Она покачала головой:

– Если мой народ и знает об этом, то не говорит.

Похоже, Гимн нашел это занятным. Жрецы внизу перешли к другой теме – что-то о безопасности в городе и усилении патрулей в трущобах.

Сири улыбнулась, почуяв ненавязчивый способ перейти к вопросам, которые действительно желала задать.

– Таким образом, последующие короли-боги Халландрена не несут в себе крови Первого возвращенного.

– Да, ваше величество, – ответил Хойд, подбрасывая в воздух кусочки глины.

– И сколько было королей-богов?

– Пять, ваше величество, – последовал ответ. – Включая Его Бессмертное Величество Владыку Сезеброна, но исключая Дарителя Мира.

– Пять королей, – проговорила она. – За триста лет?

– Да, ваше величество, – подтвердил Хойд, рассыпая перед собой горсть золотистой пыли. – Халландренская династия была основана по завершении Всеобщей войны. Первый король-бог получил дыхание и жизнь от самого Дарителя Мира, почитаемого за то, что он разогнал Фантомов Калада и мирным договором положил конец Всеобщей войне. С тех пор каждый король-бог зачинал мертворожденного сына, который возвращался и занимал его место.

Сири подалась вперед:

– Постой. Как Даритель Мира создал нового короля-бога?

– Ах, – Хойд опять перешел на песок, рассыпая его левой рукой. – Вот эта история затерялась в веках. В самом деле – как? Дыхание можно передать от человека человеку, но дыхание – сколько бы его ни было – не превращает в бога. Согласно легендам, Даритель Мира умер, передав дыхание преемнику. В конце концов, разве не может бог отдать жизнь, чтобы кого-нибудь благословить?

– По-моему, это свидетельствует о психической неустойчивости, – заметил Гимн, жестом приказывая принести еще винограда. – Сказитель, твои речи не укрепляют

доверия к нашим предшественникам. Кроме того, если бог отдает дыхание, его получатель божественность не обретает.

– Я всего лишь рассказываю истории, ваша милость, – напомнил Хойд. – Они могут быть правдивыми или вымышленными. Я знаю только, что такие истории существуют и что я должен их поведать.

«Так проникновенно, насколько это возможно», – подумала Сири, наблюдая за тем, как Хойд извлек из другого кармана пригоршню травинок и комочков земли и начал медленно ронять их.

– Я говорю о временах основания, ваша милость, – продолжил Хойд. – Даритель Мира был необычным возвращенным, коль сумел прекратить бесчинства безжизненных. Он в самом деле изгнал Фантомов Калада, составлявших большую часть армии Халландрена. Тем самым он лишил свой народ могущества. Он поступил так, стараясь установить мир. Конечно, к тому времени для Кута и Хута было уже поздно. Однако другие королевства – Пан-Каль, Тедрадель, Гис и сам Халландрен – пришли к разрешению конфликта. Могли ли мы ожидать большего от этого бога богов, сумевшего достичь столь многого? Возможно, он и совершил нечто исключительное, как утверждают жрецы. Оставил ли он в королях-богах Халландрена некое семя, позволившее им передавать силу и божественность от отца к сыну?

«Наследие, дающее право на власть, – подумала Сири, рассеянно отправляя в рот виноградину. – Благодаря такому потрясающему богу-родоначальнику они становятся королями-богами. И угрозу для них могут представлять только...

Только королевская семья Идриса, способная проследить свое происхождение до Первого возвращенного. Еще одно божественное наследие, претенденты на законную власть в Халландрене».

Но это не помогло ей узнать, как умирали короли-боги. И истории не объясняли, почему некоторые боги – вроде Первого возвращенного – могли зачать ребенка, а другие нет.

– Они бессмертны, правильно? – спросила Сири.

Хойд кивнул, ровно рассыпая остаток земли и травы, и, достав щепотку белого порошка, перешел к другой теме.

– Да, ваше величество. Короли-боги не стареют, как и все возвращенные. Все достигшие пятого возвышения обладают даром не стареть.

– Но почему королей-богов было пять? – поинтересовалась Сири. – Почему умер первый из них?

– Почему возвращенные уходят, ваше величество? – ответил вопросом Хойд.

– Потому что сходят с ума, – вставил Гимн.

Сказитель улыбнулся.

– Потому что они устают. Боги не похожи на обычных людей. Они возвращаются ради нас, а не ради себя, и когда больше не могут выносить жизнь, умирают. Короли-боги живут столько, сколько понадобится для появления наследника.

Сири вздрогнула.

– Это общеизвестно? – быстро спросила она и слегка съежилась, осознав, что фраза звучит подозрительно.

– Конечно, ваше величество, – ответил рассказчик. – По крайней мере это знают сказители и ученые. Каждый король-бог покидал этот мир вскоре после рождения сына и наследника. Это естественно. Когда появляется наследник, то король-бог начинает испытывать беспокойство. Каждый из них искал возможность использовать дыхание на благо королевства. А затем...

Он вскинул руку, щелкнув пальцами и расплескивая брызги воды, превратившиеся в туман.

– А затем они умирают, – договорил он, – оставив народу благословения и наследников, чтобы правили ими.

Все трое замолчали; туман перед Хойдом постепенно испарялся.

– Не самые приятные сведения для новобрачной, сказитель, – заметил Гимн. – То, что как только она родит сына, ее мужу сразу же наскучит жизнь.

– Я не пытаюсь быть приятным, ваша милость, – поклонился Хойд. Легкий ветерок у его ног смешивал песок, пыль и блески. – Я только рассказываю истории. Эту знают многие. Я предположил, что ее величеству тоже захочется ее узнать.

– Спасибо, – тихо промолвила Сири. – Хорошо, что ты рассказал об этом. А где ты научился так... необычно рассказывать?

Хойд с улыбкой поднял взгляд:

– Я научился этому много-много лет назад у человека, который не знал, кто он, ваше величество. Это случилось в далеком месте, где соединялись две земли и умирали боги. Но это неважно.

Сири приписала туманность объяснения на счет желания Хойда создать себе подходящее романтическое и таинственное прошлое. Гораздо больше ее заинтересовало то, что он сказал о смертях королей-богов.

«Итак, существует официальное объяснение, – подумала она, ощущая тугой ком в животе. – И оно действительно правдоподобно. С точки зрения теологии все логично: обеспечив подходящего преемника, короли-боги уходят. Но это не объясняет, как Сокровище Дарителя Мира – это изобилие дыханий – переходит от одного короля-бога к другому, раз у них нет языков. И не объясняет, почему человек вроде Сезеброн устанет от жизни, когда она его так сильно привлекает».

Официальная версия подходила для тех, кто не знал короля-бога, но Сири она казалась невразумительной. Сезеброн никогда бы так не поступил. Не сейчас.

Но... изменится ли что-то, если она родит сына? Устанет ли Сезеброн от нее с такой легкостью?

– Может, нам следует уповать на то, что старик Сезеброн нас покинет, моя королева, – лениво сказал Гимн, играя виноградом. – Подозреваю, вас в это втянули насильно. Если Сезеброн умрет, может, вам даже удастся вернуться домой. Никто не пострадает, люди исцелятся, наследник сядет на трон. Каждый обретет либо счастье, либо смерть.

Внизу продолжали спорить жрецы. Хойд поклонился, ожидая, пока его отпустят.

«Либо счастье... либо смерть».

Сири почувствовала, что внутри нее все сжалось.

– Простите меня, – проговорила она, вставая. – Я бы хотела немного пройтись. Благодарю за рассказ, Хойд.

С этими словами она в сопровождении свиты быстро покинула шатер, чтобы Гимн не увидел ее слез.

Глава 33

Не обращая внимания на Вивенну, Золотце тихо работала над еще одним швом. Внутренности Чурбана: кишки, желудок и еще что-то, что Вивенна не хотела опознавать, – лежали рядом с ним на полу. Их аккуратно вынули и подготовили для починки. Сейчас Золотце занималась кишками, зашивая их особой толстой ниткой и изогнутой иглой.

Зрелище было отвратительным, но оно не сильно подействовало на Вивенну, которая еще не отошла от потрясения. Они находились в убежище. Тонк Фа ушел на разведку к дому, в котором они жили, чтобы убедиться, что с Парлином все в порядке. Дент спустился за чем-то вниз.

Сама Вивенна сидела на полу, подтянув колени к груди. Она переделалась в длинное платье, купленное по пути, потому что ее юбка вывалилась в грязи. Золотце, продолжая игнорировать Вивенну, работала на расстеленном на полу покрывале.

– Тупое чучело, – сердито бормотала она себе под нос. – Не могу поверить, что ты дал так себя повредить, просто защищая ее.

Повредить. Имело ли это значение для существа вроде Чурбана? Он был в сознании: Вивенна видела, что его глаза открыты. Зачем зашивать внутренности? Они залечатся? Ему не нужна еда, так зачем внутренности? Содрогнувшись, Вивенна отвернулась. Она чувствовала себя так, будто это ее вывернули наизнанку. Выставили на обозрение всего мира.

Вивенна закрыла глаза. Прошло уже несколько часов, а она все еще тряслась от ужаса, пережитого в том переулке, когда она уже думала, что пришла ее смерть. Что она узнала о себе, оказавшись в опасности? Скромность ничего не значила – она отшвырнула юбку, чтобы не спотыкаться в ней. Волосы ничего не значили – она забыла о них при первых же признаках опасности. Ее религия, похоже, ничего не значила. И дело не в том, что она решила использовать дыхание, а в том, что даже богохульство у нее не получилось.

– Мне хочется просто уйти, – пробормотала Золотце. – Ты и я. Уйдем прочь.

Чурбан зашевелился, и Вивенна открыла глаза, как раз когда он попытался встать, хотя его внутренности еще болтались снаружи.

Золотце выругалась и еле слышно прошипела:

– Ложись обратно, проклятое Цветом чучело. Солнечный вой. Стань неподвижен. Солнечный вой.

Вивенна проследила за тем, как Чурбан улегся и перестал двигаться.

«Они подчиняются приказам, – подумала она. – Но не слишком умны. Чурбан попытался уйти, посчитав «уйдем прочь» приказом».

Но что за ерунду Золотце сказала о солнце? Это о таких управляющих фразах говорил Дент?

С ведущей в подвал лестницы послышались шаги, дверь открылась, и появился Дент. Он закрыл дверь за собой и передал Золотцу что-то вроде большого меха для вина. Женщина взяла его и немедленно вернулась к работе.

Дент подошел к Вивенне и сел рядом.

– Говорят, что не узнаешь себя, пока впервые не столкнешься со смертью, – произнес он непринужденным тоном. – Не знаю, насколько это верно. Мне кажется, что не важно, каков ты на пороге смерти, важнее – каким ты становишься на остаток жизни. Почему несколько секунд перевешивают всю жизнь?

Вивенна не ответила.

– Все пугаются, принцесса. Даже храбрецы иногда бегут в первом бою. Именно потому в армии так много обучают. Те, кто остается, – не храбрые, а хорошо обученные люди. У нас есть инстинкты, как и у животных. Иногда они берут верх. Обычное дело.

Вивенна продолжала наблюдать за тем, как Золотце осторожно вкладывает внутренности в живот Чурбана. Она взяла маленький сверток и извлекла нечто, похожее на кусок мяса.

– Кстати, вы неплохо справились, – заметил Дент. – Не потеряли голову. Не остолбенели. Быстро нашли выход. Мне доводилось защищать тех, кто просто стоял и ждал смерти, пока я их не встряхивал и не заставлял бежать.

– Я хочу, чтобы ты научил меня пробуждать, – прошептала Вивенна.

Вздвогнув, Дент взглянул на нее:

– А не хотите... обдумать это как следует?

– Уже обдумала, – негромко ответила она, обхватив руками колени и прижавшись к ним подбородком. – Я думала, что сильнее, чем есть. Я думала, что скорее умру, чем применю дыхание. Это была ложь. В тот момент я бы сделала что угодно, чтобы выжить.

Дент усмехнулся:

– Из вас бы получился хороший наемник.

– Это неправильно, – продолжила Вивенна, глядя перед собой. – Но я больше не могу утверждать, что я чиста. Я понимаю, чем я владею. И могу это использовать. Если так я навлеку на себя проклятие – так и быть. Но мне хотя бы удастся прожить достаточно долго, чтобы уничтожить Халландрен.

Дент поднял бровь:

– Теперь хотите его уничтожить, а? Больше не ограничитесь простым саботажем и диверсией?

Вивенна покачала головой.

– Я хочу уничтожить королевство, – прошептала она. – Именно так, как сказали трущобные лорды. Оно способно развращать бедных людей. Может развратить даже меня. Я его ненавижу.

– Я...

– Нет, Дент, – перебила она. Ее волосы стали ярко-красными, и на этот раз ее это не заботило. – Я его действительно ненавижу. Я всегда ненавидела этот народ. Они отняли у меня детство. Я должна была готовиться – стать их королевой, стать женой короля-бога. Все заявляли, что он нечестивый еретик. И все же я должна была заняться с ним сексом!

Я ненавижу весь этот город, его цвета и богов! Я ненавижу его – он украл мою жизнь, а потом потребовал бросить все, что я люблю! Я ненавижу шумные улицы, тихие сады, торговлю и душную погоду. Больше всего мне ненавистна надменность. В этом городе считают, что могут командовать моим отцом, принуждать исполнить договор двадцатилетней давности. Эти люди контролировали мою жизнь. Завладели ею. Разрушили ее. А теперь у них моя сестра.

Она втянула воздух сквозь сжатые зубы.

– Вы отомстите, принцесса, – прошептал Дент.

Вивенна взглянула на него:

– Я хочу доставить им проблемы, Дент. Сегодняшнее нападение было не ради подавления мятежников. Халландренцы послали солдат убивать. Убивать бедняков, которых сами и создали. Мы не дадим им такое сотворить. Неважно, что для этого понадобится. Я устала быть милой и приятной и избегать демонстративности. Я действительно хочу что-то сделать.

Дент медленно кивнул:

– Хорошо. Мы изменим подход, наши атаки станут более ощутимыми.

– Хорошо, – повторила Вивенна.

Она зажмурилась, испытывая раздражение и желая обрести достаточно сил, чтобы прогнать все эти чувства. Она и так их слишком долго сдерживала. В этом и была проблема.

– Дело с самого начала было не в сестре, верно? – спросил Дент. – Не за этим вы приехали?

Вивенна кивнула, не открывая глаз.

– Тогда зачем?

– Меня обучали всю жизнь, – прошептала она. – Именно я должна была пожертвовать собой. Когда вместо меня отправили Сири, я стала ничем. Я должна была поехать и вернуть все на свои места.

– Но вы только что сказали, что всегда ненавидели Халландрен, – озадаченно произнес Дент.

– Сказала. И я ненавижу. Поэтому и пришлось приехать.

Несколько секунд Дент молчал.

– Кажется, это сложновато для наемника.

Вивенна открыла глаза. Она и сама не была уверена, что понимает. Ей всегда удавалось крепко сдерживать ненависть, давая ей выплеснуться лишь в презрении к Халландрену и его обычаям. Теперь она столкнулась с ненавистью лицом к лицу. Признала ее. Каким-то образом Халландрен мог быть одновременно омерзительным и

привлекательным. Словно... словно Вивенна знала, что, пока не увидит это место своими глазами, не получит истинного понимания, истинного представления города, который разрушил ее жизнь.

Теперь Вивенна поняла. Если дыхание поможет, то она пустит его в ход. Как Лемекс. Как труппные лорды. Она не была выше их. Никогда не была.

Но она сомневалась, что Дент сможет понять. Она кивнула на Золотце:

– Что она делает?

Дент повернулся:

– Присоединяет новый мускул. Одна мышца на боку рассечена, разрезана насквозь. Мускулы не станут работать, если их просто сшить. Надо заменить всю мышцу.

– С помощью болтов?

Дент кивнул:

– Прикручиваются к костям. Отличный метод, не идеальный, но отличный. Безжизненному нельзя абсолютно идеально заделать рану, но он немного подлечится. Надо просто зашить его и накачать свежим ихорным спиртом. Если чинить слишком часто, то тело перестанет нормально работать, и тогда придется снова тратить дыхание, чтобы оно двигалось. Тогда уж лучше купить другое тело.

Ее спасло чудовище. Может, потому Вивенна так твердо решила использовать дыхание. Она должна была умереть, но Чурбан ее спас. Безжизненный. Она обязана жизнью тому, что не должно существовать. И что еще хуже – в глубине души она ощущала предательскую жалость к этому созданию. Даже привязанность. Наверное, она уже стала проклятой до такой степени, что применение дыхания мало что изменит.

– Он хорошо сражался, – прошептала Вивенна. – Лучше, чем безжизненные из городской стражи.

Дент посмотрел на Чурбана:

– Они не равноценны. Большинство безжизненных делают из тел, которые попались под руку. Но если заплатить как следует, то можете получить того, кто при жизни был очень умелым.

По спине Вивенны пробежал холодок, когда она вспомнила проблеск человеческого выражения на лице защищавшего ее Чурбана. Если неживое чудовище может быть героем, то набожная принцесса может совершить богохульство. Или она просто пытается найти себе оправдание?

– Мастерство, – выдохнула она. – Оно остается?

Дент кивнул:

– Что-то вроде того. Учитывая, сколько мы за него заплатили, он должен был быть тем еще бойцом. И именно потому мы тратим деньги, время и силы, чтобы подлатать его, а не купить нового.

«Они относятся к нему как к вещи», – подумала Вивенна. Так же подобает и ей. И все же она все чаще мысленно называла Чурбана человеком. Он спас ей жизнь. Не Дент, не Тонк Фа – Чурбан. Ей казалось, что он заслуживает большего уважения.

Золотце закончила с мускулами и зашила рану толстой ниткой.

– Хотя он некоторым образом залечится, – пояснил Дент, – лучше применять при починке что-то покрепче, чтобы рана не разошлась.

Вивенна кивнула:

– А... что из него вылилось?

– Иخورный спирт, – сказал Дент. – Его открыли Пять ученых. Чудесная штука. Отлично поддерживает безжизненных.

– Вот почему случилась Всеобщая война? – шепотом спросила Вивенна. – Когда нашли правильный состав?

– Отчасти. Это открытие, потом другое – новых приказов, кем-то из Пяти ученых, забыл, кем именно. Если вы действительно хотите стать пробуждающей, принцесса, вот что вам надо изучить. Приказы.

Она кивнула:

– Научи меня.

Золотце извлекла маленький насос и присоединила шланг к миниатюрному клапану в основании шеи Чурбана. Затем принялась накачивать его ихорным спиртом, очень медленно, вероятно, чтобы не порвать кровеносные сосуды.

– Ну, – протянул Дент, – приказов много. Если хотите дать жизнь веревке – как попытались в переулке, – то неплохо подойдет «держи других». Произнесите ее отчетливо, желая, чтобы действовало ваше дыхание. Если все сделано правильно, то веревка схватит то, что ближе к ней. «Защищай меня» – тоже неплохо, но этот приказ можно понять очень странным образом, если не сумеете вообразить именно то, что хотите.

– Вообразить? – переспросила Вивенна.

Он согласно кивнул:

– Надо сформировать приказ в уме, не просто произнести его. Дыхание, которое вы отдаете, – часть вашей жизни. Души, как сказали бы идрисцы. Когда вы что-то пробуждаете, оно становится частью вас. Если вы опытни, то пробужденные вещи будут делать то, что вы от них ожидаете. Они – часть вас, они вас понимают так же, как ваши руки понимают, чего вы от них хотите.

– Тогда я начну тренироваться, – сказала она.

Дент кивнул:

– Думаю, быстро усвоите суть. Вы умны, и у вас много дыхания.

– А это важно?

Дент снова кивнул. Он казался отстраненным, словно погруженным в свои мысли.

– Чем больше дыхания у вас в начале обучения, тем проще научиться пробуждать. Это как... даже не знаю, дыхание – это часть вас. Или вы – часть дыхания.

Она села поудобнее, обдумывая услышанное, и наконец произнесла:

– Спасибо.

– За что? За объяснения по пробуждению? Да половина уличных детишек вам расскажут столько же.

– Нет, – ответила она. – Я ценю советы, но благодарю за иное. Ты не назвал меня лицемеркой. Ты согласился изменить планы и пойти на риск. Ты защищал меня сегодня.

– Как раз это значит в числе обязанностей наемного работника. По крайней мере, наемного телохранителя.

Вивенна покачала головой:

– Ты сделал большее. Ты хороший человек, Дент.

Он встретился с ней взглядом, и она кое-что увидела в его глазах. Чувство, которое не могла описать. Она опять подумала о маске смешливого, веселого наемника, которая казалась лишь прикрытием. В его глазах Вивенна разглядела что-то гораздо большее.

– Хороший человек, – проговорил Дент, отвернувшись. – Иногда я хочу, чтобы так и было, принцесса. Я уже много лет не был хорошим человеком.

Вивенна хотела ответить, но что-то ей помешало. Снаружи по окну скользнула тень, и через несколько мгновений вошел Тонк Фа. Дент поднялся, не глядя на Вивенну, и спросил:

– Ну?

– Вроде нормально, – ответил Тонк Фа, оглядывая Чурбана. – Как мертвяк?

– Как раз закончила, – сказала Золотце.

Наклонившись вперед, она очень тихо прошептала что-то Чурбану. Тот опять зашевелился и сел, оглядываясь по сторонам. Вивенна дождалась, когда его взгляд упадет на нее, но, похоже, в глазах безжизненного не появилось узнавания, а на лице застыло все то же тупое выражение.

«Конечно, – подумала Вивенна, поднимаясь. – Он же безжизненный».

Золотце сказала что-то такое, отчего он снова начал действовать. Возможно, те же слова, которыми она его обездвигила. Странная фраза...

Солнечный вой. Вивенна запомнила слова и вместе с остальными вышла из здания.

***

Вскоре они уже были дома. Парлин выбежал навстречу, выражая беспокойство за них. Сначала он подскочил к Золотцу, но она его отогнала. Когда в здание вошла Вивенна, он шагнул к ней.

– Вивенна? Что случилось?

Она только покачала головой.

– Была драка. – Парлин поднимался за ней по лестнице. – Я о ней слышал.

– На лагерь, куда мы пришли, напали, – устало сказала Вивенна, дойдя до верха лестницы. – Отряд безжизненных. Они начали убивать людей.

– Владыка Цвета! – воскликнул Парлин. – С Золотцем все в порядке?

Вспыхнув, Вивенна развернулась на площадке, глядя на него сверху.

– Почему ты спросил о ней?

Парлин пожал плечами:

– Думаю, она милая.

– Как ты можешь такое говорить? – спросила Вивенна, мимоходом отметив, что ее волосы снова краснеют. – Ты разве не обручен со мной?

Он нахмурился:

– Вивенна, ты была обручена с королем-богом.

– Но ты знаешь, чего хотели наши отцы, – сказала она, подбоченившись.

– Да, – ответил Парлин. – Но... ну, когда мы покинули Идрис, я посчитал, что нас все равно лишат наследства. Нет смысла поддерживать притворство и дальше.

«Притворство?»

– Послушай, Вивенна, давай по-честному, – улыбнулся Парлин. – Ты на самом деле никогда не была со мной мила. Знаю, что ты считаешь меня глупым. Наверное, ты права. Но, думаю, если бы я тебе нравился, ты бы не давала мне почувствовать себя тупицей. Золотце на меня ворчит, но иногда смеется моим шуткам. В отличие от тебя.

– Но... – Вивенна почти утратила дар речи. – Но тогда почему ты пошел со мной в Халландрен?

Он моргнул.

– Хм, ради Сири, конечно. Разве мы не за этим приехали? Чтобы ее спасти? – Парлин мягко улыбнулся и пожал плечами. – Спокойной ночи, Вивенна.

Он сошел по ступеням и позвал Золотце, чтобы убедиться, все ли с ней в порядке.

Вивенна проводила его взглядом.

«Парлин вдвое лучше меня, – со стыдом подумала она, повернувшись к своей комнате. – Но почему-то меня это больше не волнует».

У нее уже все забрали. Почему не забрать и Парлина? Заходя в комнату, Вивенна почувствовала, что ее ненависть к Халландрену еще немного укрепилась.

«Мне просто надо поспать, – подумала она. – Может, поутру я смогу наконец понять, что, во имя Цвета, я делаю в этом городе».

Одно она решила твердо: она намерена учиться пробуждать. Вивенна из прошлого имела право стоять с гордо поднятой головой и объявлять дыхание нечестивым, но этой Вивенне в Т'Телире не было места. Истинная Вивенна пришла в Халландрен не ради спасения сестры, а потому, что не могла вынести свою незначительность.

Она научится. Таким будет ее наказание.

Зайдя в комнату, она плотно закрыла дверь и заперла на задвижку. Затем подошла к окну, чтобы задернуть шторы.

На балконе, расслаблено прислонившись к перилам, стоял мужчина. Его лицо покрывала многодневная щетина, он был одет в темную одежду, изношенную почти до лохмотьев. Незнакомец держал черный-черный меч.

Вивенна подскочила, вытаращив глаза.

– От тебя, – злобно сказал он, – куча проблем.

Вивенна хотела было закричать, но занавески метнулись вперед, окутав шею и рот. Они затянулись, удушая ее, обернулись вокруг тела, примотав руки к туловищу.

«Нет! – мысленно вскричала она. – Я пережила нападение и стычку с безжизненными для того, чтобы меня схватили в моей же комнате?»

Она сопротивлялась, надеясь, что кто-то услышит звуки борьбы и придет. Но никто не пришел – по крайней мере, пока она не потеряла сознание.

Глава 34

Гимн Света проводил взглядом молодую королеву, метнувшуюся прочь из его ложи, и ощутил странный укол вины.

«Как нехарактерно для меня», – подумал он, отпивая вина. После винограда оно показалось кисловатым.

А может, кислое ощущение возникло по иной причине. Он говорил Сири о смерти короля-бога со своей обычной легкомысленностью. По его мнению, правду всегда лучше высказывать напрямую и по возможности в забавной форме.

Он не ждал такой реакции от королевы. Кем для нее был король-бог? Ее отправили к нему в жены, скорее всего, против воли. И все же она кажется огорченной возможностью его смерти. Гимн пристально смотрел ей вслед.

В синем с золотом платье она казалась такой маленькой и юной.

«Юной? – подумал он. – Но она живет на свете дольше, чем я».

Гимн сохранил кое-что из прежней жизни, в том числе и ощущение возраста. На пять лет он себя не чувствовал, он казался себе старше. Годы должны были научить его держать язык за зубами и не болтать о вдовстве юных женщин. Может ли девочка действительно испытывать какие-то чувства к королю-богу?

Она находилась в городе всего пару месяцев, и Гимн по слухам знал, на что похожа ее жизнь. Она должна исполнять обязанности жены с человеком, с которым не может поговорить и которого не может понимать. С тем, кто воплощал все, что ее культура считала богохульством. Таким образом, единственное, что мог предположить Гимн, – королева обеспокоена собственной судьбой после того, как ее муж убьет себя. Закономерное беспокойство. Со смертью мужа она потеряет и большую часть своего положения.

Кивнув самому себе, Гимн перевел внимание на спорящих жрецов. Они уже разобрались с канализацией и патрулями стражи и сменили тему.

– Мы должны подготовиться к войне! – прогремел один из них. – Недавние события ясно показали, что мы не сможем сосуществовать с идрисцами и надеяться на мир или безопасность. Конфликт разразится, желаем мы того или нет.

Гимн Света сел поудобнее и прислушался, постукивая пальцем по подлокотнику кресла.

«В течение пяти лет я оставался незначительным, – подумал он. – У меня не было права голоса в важных совещаниях двора. Я просто владел отрядом безжизненных. Я создал для себя божественную репутацию абсолютной бесполезности».

Тон дискуссии был даже более враждебным, чем на предыдущих встречах, но не это обеспокоило Гимна. Его озадачил жрец, призывавший к войне. Нанрова, верховный

жрец Наблюдателя Спокойствия Благородного. Гимн не обратил бы на него внимания, но Нанрова всегда громче всех высказывался против войны.

Почему он вдруг изменил свое мнение?

В ложу вошла Аврора. К моменту ее прибытия Гимн снова обрел вкус к вину и задумчиво потягивал его. Возражения против войны на арене стали звучать тише и реже.

Аврора села рядом с ним в облаке шелестящей ткани и духов. Гимн на нее даже не взглянул.

– Как ты добралась до Нанровы? – спросил он наконец.

– Никак, – ответила она. – Я не знаю, почему он передумал. Я не хотела, чтобы он сделал это так быстро – могут возникнуть подозрения, и люди подумают, что я им манипулировала. Но в любом случае я приму такую поддержку.

– Ты так сильно хочешь войны?

– Я желаю, чтобы наш народ осознал угрозу, – сказала Аврора. – Думаешь, я хочу войны? Хочу посылать наших людей убивать и погибать?

Гимн посмотрел на нее, оценивая ее искренность. У Авроры такие красивые глаза. Но их редко замечали, поскольку она слишком сильно демонстрировала другие свои достоинства.

– Нет, – произнес он. – Я не думаю, что ты хочешь войны.

Она резко кивнула. Сегодня ее платье было элегантным и нарядным, как обычно, но с особенно глубоким вырезом. Особенности покроя приподнимали грудь вверх и вперед, настойчиво привлекая к ней внимание. Гимн отвернулся.

– Ты сегодня скучный, – заметила Аврора.

– Я просто задумался.

– Мы должны радоваться. Почти все жрецы сошлись во мнениях. Вскоре они предложат главной ассамблее богов начать войну.

Гимн кивнул. Главную ассамблею богов созывали лишь для решений по самым важным вопросам. В этом случае право голоса имели все боги. Если проголосуют за войну, то богов с приказами для безжизненных – вроде Гимна Света – призовут руководить войсками и вести их в бой.

– Ты изменила приказы десяти тысяч Искателя Надежды? – поинтересовался Гимн.

Она кивнула.

– Теперь они мои, как и солдаты Звезды Милосердия.

«Цвета, – подумал он. – Теперь мы двое владеем тремя четвертями армии королевства. Во имя Радужных Тонов, во что я ввязался?»

Аврора поудобнее устроилась в кресле, глядя на шезлонг поменьше, в котором до этого сидела Сири.

– Однако меня раздражает Всематерь.

– Потому что она красивее тебя или потому что умнее?

Богиня не удостоила Гимна ответом, только наградила недовольным взглядом.

– Просто пытаюсь вести себя не так скучно, дорогая моя, – пояснил он.

– Всематерь владеет оставшейся частью безжизненных, – сказала Аврора.

– Станный выбор, не правда ли? – заметил Гимн. – Ну, я-то логичный выбор – разумеется, для тех, кто меня не знает, поскольку предполагается, что я отважен. Искатель Надежды воплощает справедливость, что хорошо сочетается с солдатами. Даже Звезда Милосердия с ее доброжелательностью может подойти на роль той, кто управляет солдатами. Но Всематерь? Богиня матрон и семей? То, что ей поручили десять тысяч безжизненных, даже меня заставляет всерьез обдумать теорию пьяной обезьяны.

– Ты о той обезьяне, которая выбирает имена и титулы возвращенным?

– Именно. Хотя я подумываю над расширением теории. Я склонен предположить, что Бог – или вселенная, или время, или кто там еще контролирует все сущее – и есть просто пьяная обезьяна.

Аврора подалась вперед, сложив руки, а ее грудь грозила выскочить из платья.

– А ты думаешь, что мой титул был избран случайно? Богиня честности и межличностных отношений? Мне же подходит, не правда ли?

Он замялся. Затем расцвел улыбкой.

– Дорогая моя, ты что, пытаешься доказать существование Бога с помощью своего декольте?

Она улыбнулась в ответ:

– Ты не представляешь, чего можно достичь правильным покачиванием груди.

– Хм. Дорогая моя, я никогда не обдумывал теологическую мощь твоей груди. Если возникнет посвященная ей церковь, то, может, тебе удастся сделать из меня верующего. В любом случае, ты расскажешь, что плохого тебе сделала Всематерь?

– Она не хочет отдавать мне приказы своих безжизненных

– Неудивительно, – небрежно ответил Гимн. – Я и то с трудом тебе доверяю, а я твой друг.

– Гимн, нам нужны эти управляющие фразы.

– Зачем? – спросил он. – У нас три четверти армии – мы и так получили превосходство.

– Мы не можем позволить внутренних раздоров или раскола, – сказала Аврора. – Если ее десять тысяч повернутся против наших тридцати, мы победим, но серьезно ослабеем.

– Но она же так не поступит, – нахмурился он.

– Но мы должны быть уверены.

– Ну хорошо, – вздохнул он. – Я с ней поговорю.

– Это не самая лучшая идея.

Он поднял бровь.

– Она тебя не очень-то любит.

– Да, я знаю, – ответил он. – Она отличается хорошим вкусом, не то что некоторые мои знакомые.

Аврора сердито взглянула на него:

– Мне нужно опять качнуть грудью?

– Нет, пожалуйста. Боюсь, я не выдержу теологических дебатов, которые за этим последуют.

– Ну хорошо, – согласилась она, откинувшись назад и посмотрев вниз на все еще споривших жрецов.

«Что-то они долго обсуждают этот вопрос», – подумал Гимн.

Он перевел взгляд на Сири, которая задержалась посмотреть на арену. Она положила руки на парапет, слишком высокий, чтобы быть для нее удобным.

«Возможно, ее разволновала не мысль о смерти мужа, – подумал Гимн, – а то, что обсуждение перешло на войну».

Войну, которую ее народу не выиграть. Это была еще одна из причин, делающих конфликт неизбежным. Хойд предположил, что, когда у одной стороны есть неоспоримое преимущество, война становится закономерной. Халландрен веками копил безжизненных солдат, и численность армии стала устрашающей. Халландрен потерял бы от нападения значительно меньше. Гимну следовало осознать это раньше, а не предполагать, что с прибытием новой королевы все уляжется.

Аврора раздраженно фыркнула, и он понял, что она заметила, как он изучает Сири. Сейчас богиня наблюдала за королевой с явной неприязнью.

Гимн поспешил сменить тему:

– Ты знаешь о комплексе тоннелей под Двором Богов?

Аврора повернулась к нему и пожала плечами:

– Конечно. Под некоторыми дворцами есть тоннели, там хранилища и тому подобное.

– Ты когда-нибудь в них спускалась?

– Я тебя умоляю! Зачем мне ползать по тоннелям-кладовым? Я знаю о них от моей верховной жрицы. Поступив ко мне на службу, она спросила, хочу ли я соединить свои тоннели с основной сетью. Я отказалась.

– Потому что не желала, чтобы другие получили доступ в твой дворец?

– Нет, – ответила она, снова поворачиваясь к жрецам. – Потому что я не хотела, чтобы во дворце стоял грохот от подземных работ. Можно еще вина, пожалуйста?

***

Сири довольно долго наблюдала за дискуссией. В некоторой степени она чувствовала себя так же, как и Гимн Света, по его словам. Она следила за ареной с раздражением, потому что сама не имела права голоса. Все же Сири хотела быть в курсе происходящего, а единственной связью с внешним миром были споры жрецов.

Услышанное ее не ободрило. Шло время, солнце склонялось к горизонту, и слуги начали зажигать вдоль аллеи огромные факелы. Сири все больше впадала в уныние. Не пройдет и года, как ее муж, возможно, будет убит или его убедят убить себя. Ее родина на грани войны с тем самым королевством, которым правит ее муж, но он не может ничего сделать, чтобы остановить войну, потому что не способен ни с кем общаться.

А еще Сири чувствовала себя виноватой от того, что находила удовольствие в проблемах и сложностях. Дома ей приходилось всем противоречить и не повиноваться, чтобы хоть как-то развлечься. Здесь же достаточно просто стоять и смотреть, а все с

грохотом наваливалось одно на другое. Сейчас было уже слишком много грохота, но он не мешал Сири испытывать волнение от своей роли в происходящем.

«Глупая дурочка, – обругала она себя. – Все, что ты любишь, под угрозой, а ты думаешь о том, как это захватывают?»

Ей надо найти способ помочь Сезебруну. Возможно, тогда она выведет его из-под сурового контроля жрецов. И он сможет как-то помочь родине Сири. Обдумывая эту мысль, она чуть не пропустила прозвучавшую внизу фразу. Говорил один из жрецов, яро ратовавших за нападение.

– Разве вы не слышали об идрисских агентах, которые сеют хаос в городе? – вопрошал жрец. – Идрисцы готовятся к войне! Они знают, что конфликт неизбежен, и они начали действовать против нас!

Сири встряхнулась. «Идрисские агенты в городе?»

– Ерунда, – ответил другой жрец. – «Агент», о котором вы говорите, по слухам – принцесса из королевской семьи. Это явная сказка для простолюдинов! С чего бы принцессе тайно являться в Т’Телир? Эти рассказы смехотворны и необоснованны.

Сири скривилась. Хотя бы это совершенно верно. Ее сестры не из тех, кто может приехать и действовать как «идрисский агент». Она улыбнулась, представив, как в Т’Телир тайно являются ее тихоня сестра-монахиня или даже Вивенна в строгом платье и с холодными манерами. В глубине души Сири с трудом верила, что Вивенну действительно предназначали в невесты Сезебруну. Как бы чопорная Вивенна справилась с экзотическим двором и дикими одежаниями?

Ее стоическая холодность никогда бы не сдернула с Сезебруна его императорскую маску. Очевидное неодобрение вызвало бы отчуждение богов вроде Гимна Света. Вивенна возненавидела бы чудесные платья и никогда бы не оценила цвета и разнообразие города. Сири не была идеальным кандидатом на это место, но понемногу осознавала, что и Вивенна стала бы не лучшим выбором.

По проходу приближалась группа людей. Сири была слишком занята своими мыслями, чтобы обратить на них внимание.

– Они говорят о вашей родственнице? – прозвучал голос рядом.

Сири вздрогнула и резко повернулась. Позади нее стояла темноволосая богиня в роскошном и очень откровенном зеленом с серебром платье. Она возвышалась над смертными на голову, как и большинство богов, и смотрела на Сири сверху вниз, подняв бровь.

– Ваша... милость? – озадаченно отозвалась Сири.

– Там обсуждают знаменитую таинственную принцессу, – махнула рукой богиня.

– Если у нее Королевские Локоны, то она определенно ваша родственница.

Сири бросила взгляд на жрецов:

– Наверное, они ошибаются. Я здесь единственная принцесса.

– О ней уже говорят повсюду.

Сири промолчала.

– Мой Гимн Света благоволит вам принцесса, – произнесла богиня, сложив руки на груди.

– Он был очень добр ко мне, – осторожно сказала Сири, стараясь создать нужный образ – той, кем и была, только еще менее угрожающей. Несколько более смущенной. – Могу ли я спросить, кто вы, ваша милость?

– Аврора Соблазна, – представилась богиня.

– Рада познакомиться.

– Нет, не рады, – возразила Аврора. Она наклонилась, сузив глаза. – Мне не нравится то, что вы делаете.

– Простите?

Аврора подняла палец:

– Он лучше, чем любой из нас, принцесса. Даже не смейте портить его и втягивать в ваши планы.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Меня ложной наивностью не обманешь, – ответила богиня. – Гимн хороший человек, один из немногих при дворе. Если ты его испортишь, я тебя уничтожу. Ясно?

Сири ошеломленно кивнула; Аврора развернулась и ушла, пробормотав:

– Найди себе другую постель, маленькая потаскушка.

Сири проводила ее полным изумления взглядом. Когда к ней вернулось самообладание, она покраснела до ушей и сбежала.

***

Ко времени возвращения во дворец Сири была уже полностью готова к купанию. Она вошла в ваннные покои и позволила служанкам раздеть себя. Они отошли с одеждой и удалились, чтобы приготовить вечернее платье. Остались только младшие служанки, которые должны были последовать за ней к ванной и помочь искупаться.

Сири расслабилась и со вздохом откинулась назад, когда служанки принялись за работу. Другие женщины, забравшись в воду прямо в одежде, занялись ее волосами и срезали большую их часть – это Сири приказывала делать ежевечерне.

На некоторое время она, погрузившись в воду, забыла угрозу, нависшую над ее народом и мужем. Даже позволила себе забыть Аврору с ее раздражительностью и неверными выводами. Она просто наслаждалась теплом и ароматом надушенной воды.

– Вы хотели поговорить со мной, моя королева? – прозвучал голос.

Сири вздрогнула и нырнула под воду, подняв тучу брызг.

– Синепалый! – вскричала она. – Я думала, мы договорились еще в первый день!

Он стоял у края ванны, с перепачканными чернилами пальцами, и как обычно нервничал, поскольку принялся расхаживать туда-сюда.

– Ну что вы! – сказал он. – У меня дочери вдвое старше вас. Вы посылали за мной, желая поговорить. Что ж, я смогу сделать это только здесь. Вдали от случайных слушателей.

Он кивнул служанкам, и те принялись сильнее плескать водой и тихо переговариваться, создавая шум. Сири покраснела, ее короткие волосы стали ярко-красными, хотя несколько обрезанных прядей, плавающих в воде, остались светлыми.

– Вы еще не преодолели свою застенчивость? – спросил Синепалый. – Вы уже несколько месяцев в Халландрене.

Сири смотрела на него, по-прежнему прикрываясь, хотя позволила служанкам продолжить работу над волосами и тереть ей спину.

– А столько шума от служанок не вызовет подозрений? – поинтересовалась она.

– Их и так большая часть дворца считает второсортными, – отмахнулся Синепалый.

Сири поняла, что он имеет в виду. Эти служанки, в отличие от остальных, носили коричневое. Они были из Пан-Каля.

– Вы отправили мне послание, – сказал Синепалый. – Что вы имели в виду под информацией, имеющей отношение к моим планам?

Сири прикусила губу, перебирая десятки обдуманных ею идей и отбрасывая каждую. Что она знала? Как побудить Синепалого к обмену?

«Он дал мне подсказки, – подумала Сири. – Он попытался напугать меня, чтобы я не спала с королем. Но у Синепалого не было причин помогать мне – он меня едва знал. У него должна быть иная причина не желать появления наследника».

– Что происходит, когда новый король-бог восходит на трон? – осторожно спросила она.

Синепалый смерил ее взглядом:

– Значит, вы это выяснили?

«Выяснила что?»

– Конечно же, – ответила Сири вслух.

Синепалый нервно переплел пальцы:

– Конечно, конечно. Теперь понимаете, почему я так волнуюсь? Нам было очень трудно добиться для меня этого места. Для пан-кальца нелегко высоко подняться в халландренской теократии. Оказавшись здесь, я очень старался обеспечить работу своему народу. Служанки, которые моют вас, живут гораздо лучше, чем пан-кальцы на полях слез Эдгли. И все это будет потеряно. Мы не верим в их богов. Так зачем с нами обходиться так же хорошо, как с единоверцами?

– Я все равно не понимаю, почему это должно случиться, – осторожно произнесла Сири.

Писец сделал боязливый жест рукой:

– Конечно, это не обязательно, но традиция есть традиция. Халландренцы небрежно относятся ко всему, но только не к религии. Когда появляется новый король-бог, его слуг заменяют. Они не убьют нас, чтобы мы служили господину в посмертии, этот кошмарный обычай утратил силу еще задолго до Всеобщей войны. Но нас всех уволят. Новый король-бог – новое начало.

Он прекратил расхаживать и посмотрел на Сири. Она по-прежнему лежала в воде обнаженной и неловко прикрывалась, как могла.

– Но, – сказал Синепалый, – полагаю, уверенность в том, что я обеспечен работой, – наименьшая из наших проблем.

Сири фыркнула:

– Только не говорите, что моя безопасность волнует вас куда больше собственного места во дворце.

– Нет, конечно, – ответил он, опускаясь на колени у ванны и понизив голос. – Но вот жизнь короля-бога... она меня волнует.

– Итак, – произнесла Сири, – я пока не могу решить эту проблему. Короли-боги отдают жизнь после рождения наследника добровольно или их к тому принуждают?

– Я точно не знаю, – признался Синепалый. – Мой народ рассказывает о смерти последнего короля-бога. Говорят, что он излечил чуму, – но его даже не было в городе, когда случилось «исцеление». Я подозреваю, что его каким-то образом заставили отдать дыхание сыну, и это его убило.

«Он не знает, – подумала Сири. – Он не представляет, что Сезеброн нем».

– Насколько вы приближены к королю-богу?

Он пожал плечами:

– Настолько, насколько позволено слуге, который считается нечестивым. Мне не разрешено касаться его или говорить с ним. Но, принцесса, я всю жизнь служил ему. Он – не мой бог, но он – нечто лучшее. Я думаю, что эти жрецы смотрят на своих богов лишь как на временщиков, им не так уж важно, кто занимает пост. Я же служил его величеству всю жизнь. Меня наняли во дворец еще мальчиком, и я помню детство Сезеброна. Я прибирал его покои. Он для меня не бог, но он – мой сеньор. А теперь жрецы планируют его убить.

Он снова принялся расхаживать, заламывая руки.

– Но сделать ничего нельзя.

– Нет, можно, – возразила Сири.

Синепалый махнул рукой:

– Я предупредил вас, а вы не обратили внимания. Я знаю, что вы исполняете супружеский долг. Вероятно, мы можем найти какой-то способ сделать так, чтобы ваша беременность не закончилась родами...

Сири зарделась:

– Я никогда такого не сделаю! Остре запрещает подобное.

– Даже ради спасения жизни короля-бога? Но... ну конечно. Кто он для вас? Пленитель и тюремщик. Да. Вероятно, мое предупреждение было бесполезно.

– Мне не все равно, Синепалый, – заявила Сири. – И, думаю, мы можем остановить происходящее до того, как возникнет вопрос наследника. Я говорила с королем-богом.

Синепалый застыл и уставился на нее:

– Что?

– Я говорила с ним, – признала Сири. – Он не так бессердечен, как можно подумать. Не думаю, что ему придется умирать, а вашим людям – терять место во дворце.

Синепалый смотрел на нее так пристально, что Сири снова зарделась и нырнула поглубже в ванну.

– Смотрю, вы нашли себе местечко у власти.

«Или оно по меньшей мере выглядит таковым», – печально подумала она.

– Если все обернется так, как я хочу, то я позабочусь, чтобы с вашими людьми все было в порядке.

– Что в этой сделке потребуется от меня? – спросил он.

– Если дела пойдут не так, как я предполагаю, – сказала Сири, глубоко вздохнув и чувствуя биение сердца, – я хочу, чтобы вы помогли нам с Сезеброном выбраться из дворца.

Воцарилось молчание.

– Договорились, – промолвил Синепалый. – Но лучше позаботиться, чтобы до этого не дошло. Король-бог знает об опасности со стороны его собственных жрецов?

– Знает, – солгала Сири. – Собственно, он это понял раньше меня. Именно он велел мне связаться с вами.

– Он? – слегка нахмурился Синепалый.

– Да, – подтвердила Сири. – Я свяжусь с вами еще, чтобы обсудить, как сделать лучше для всех нас. А теперь мне хотелось бы, чтобы вы позволили мне вернуться к купанию.

Синепалый медленно кивнул и покинул купальную комнату. Но Сири было трудно справиться с нервозностью. Она не была уверена, хорошо ли она провела сделку. Кажется, она кое-чего добилась. Теперь надо разобраться, как это «кое-что» использовать.

Глава 35

Очнувшись, Вивенна ощутила боль, усталость и ужас. Она попыталась пошевелиться, но оказалось, что ее руки и ноги связаны. Ей удалось только перекатиться в еще менее удобную позу.

Она лежала в темном помещении, с кляпом во рту, прижавшись лицом к грубому деревянному полу. На ней была ее юбка – дорогая заграничная, из тех, на которые жаловался Дент. Руки за спиной стягивала веревка.

В помещении находился кто-то еще. Кто-то, обладающий множеством дыханий. Вивенна чувствовала его, даже не прикладывая к этому усилий. Она изогнулась и неловко перекатилась на спину. Теперь она увидела неподалеку, на балконе, какую-то фигуру, силуэт которой вырисовывался на фоне звездного неба.

Это был он.

Человек с неразличимым в темной комнате лицом повернулся к Вивенне, и она в панике сжалась. Что он намеревается с ней сделать? На ум пришли самые ужасные вещи.

Мужчина подошел к ней, тяжело топая и сотрясая деревянный пол. Опустившись на колени, он вздернул голову Вивенны за волосы.

– Я все еще размышляю, не убить ли тебя, принцесса. На твоем месте я бы не делал ничего, что может разозлить меня еще больше.

У него был низкий, хриплый голос с совершенно незнакомым акцентом. Вивенна замерла в тисках его рук. Она дрожала, волосы полностью побелели. Пленитель,

казалось, изучал ее, и в его глазах отражался звездный свет. Он швырнул ее обратно на пол.

Когда он зажег фонарь и захлопнул балконные двери, Вивенна застонала сквозь кляп. Он снял с пояса длинный охотничий кинжал. Вивенну пронзил страх, но он просто подошел и разрезал путы на ее руках.

Отбросив кинжал, который, судя по звуку, воткнулся в дальнюю стену, он протянул руку и взял что-то с кровати. Это оказался его большой меч с черной рукоятью.

Вивенна дернулась назад и освобожденными руками вцепилась в кляп, собираясь закричать. Но мужчина направил на нее меч в ножнах, заставляя ее застыть.

– Не шуми, – резко бросил он.

Она скорчилась в углу. В уме пронеслась мысль: «Как это все могло случиться со мной?» Почему она не убежала в Идрис? Вивенна была глубоко потрясена, когда Дент убил бандитов в ресторане. Уже тогда она поняла, что имеет дело с по-настоящему опасными людьми и обстоятельствами.

Какой же надменной душой она была, считая, что сможет чего-то добиться в городе! В этом чудовищном, подавляющем, ужасном городе. Она была никем, почти крестьянкой из деревни. Почему она так стремилась влезть в местную политику и интриги?

Мужчина – Вашер – шагнул вперед. Он расстегнул застежку на ножнах черного меча, и Вивенна внезапно ощутила странную тошноту. От клинка поднялась тонкая струйка черного дыма.

Вашер приблизился. Фонарь светил ему в спину, кончик ножен волочился по полу. Он бросил меч на пол перед Вивенной и сказал:

– Возьми его.

Она чуть расслабилась и подняла голову, но по-прежнему сжималась в углу, чувствуя слезы на щеках.

– Возьми меч, принцесса.

Ее не учили обращаться с оружием, но, может быть... Она потянулась к мечу, но тошнота резко усилилась. Она застонала, ее рука задрожала, когда она поднесла ее к странному клинку.

Она отдернула руку.

– Возьми его! – рявкнул Вашер.

Она подчинилась с приглушенным криком отчаяния, хватая оружие и чувствуя, как по руке и в желудке волной прокатилось неприятное ощущение. Вивенна яростно дернула кляп трясующимися пальцами.

«Привет, – прозвучал голос в ее голове. – Хочешь сегодня кого-нибудь убить?»

Она уронила жуткое оружие и рухнула на колени; ее вырвало на пол. В желудке было не так уж много, но сдержаться Вивенна не смогла. Когда в животе не осталось совсем ничего, она отползла и снова прижалась к стене, чувствуя вкус желчи на губах и испытывая такую слабость, что не могла ни криком позвать на помощь, ни хотя бы вытереть лицо.

Она снова заплакала, и это казалось наименьшим унижением из случившегося. Сквозь слезы Вивенна видела, что Вашер стоит молча. Затем он удивленно хмыкнул и подобрал меч. Задвинул клинок обратно, защелкнул застежку и кинул на лужу рвоты полотенце.

– Мы находимся в трущобах, – бросил он. – Кричи, если хочешь, но никто и внимания не обратит. Разве что я. А я разозлюсь.

Вашер оглядел ее.

– Предупреждаю – я не слишком хорошо справляюсь с гневом.

Вивенна содрогнулась, по-прежнему чувствуя тошноту. У этого человека дыхания было даже больше, чем у нее. Но, когда он ее похищал, она не ощутила присутствия посторонних в комнате. Как он скрыл дыхание?

И что это был за голос?

Все эти вопросы казались глупыми и лишь отвлекали, учитывая ее положение. Но, задумываясь над ними, она переставала гадать, что этот человек может с ней сделать. Что...

Вашер снова подошел к ней и с мрачным видом поднял кляп. Вивенна наконец смогла закричать, пытаясь отползти, и он с проклятьем поставил ногу ей на спину, придавив ее к полу. Он снова связал ей руки и заткнул рот кляпом. Вивенна сдавленно всхлипнула, когда Вашер поднял ее. Выпрямившись, он забросил ее на плечо и вынес из помещения.

– Цветом проклятые трущобы, – пробормотал он. – Сплошная беднота, никаких подвалов.

Он втолкнул пленницу в другую комнату, гораздо меньше прежней, усадил и привязал руки к дверной ручке. Отступил и оглядел ее с явным неудовольствием. Затем опустился на колени, приблизив к ней небритое лицо и обдав несвежим дыханием.

– У меня дела, – сказал он. – Дела, которыми ты заставила меня заняться. Тебе не убежать. А если попробуешь, я тебя найду и убью. Поняла?

Она слабо кивнула.

Она видела, как Вашер забрал меч из другой комнаты и быстро сошел по лестнице. Внизу захлопнулась дверь и щелкнул замок, оставив Вивенну беспомощной и одинокой.

***

Примерно через час Вивенна выплакала все слезы. Она сидела сторбившись, связанные руки были неудобно подняты над головой. В глубине души она надеялась, что ее найдут. Дент, Тонк Фа, Золотце. Они профессионалы. Они смогут ее спасти.

Но помощь не пришла. Ошеломленная, измотанная и разбитая, она кое-что поняла. Этого человека – этого Вашера – боялся даже Дент. Всего несколько месяцев назад Вашер убил одного из друзей наемников. Он был по меньшей мере настолько же умелым, как и они.

«Но как они все тут оказались? – подумала Вивенна, чувствуя боль в натертых веревками запястьях. – Это не похоже на совпадение».

Вероятно, Вашер последовал за Дентом в город и действовал против ее наемников из-за какого-то извращенного соперничества.

«Они меня найдут и спасут».

Но она знала, что этого не случится, если Вашер настолько опасен, как они утверждали. Он знал, как спрятать ее от Дента. Если она собирается сбежать, то придется полагаться только на себя. Эта мысль ужаснула Вивенну. Но, как ни странно, в ее голове всплыло все, чему учили ее наставники.

«Если вас похитили, – говорил один из них, – вы кое-что можете сделать. Это должна знать каждая принцесса».

За время своего пребывания в Т'Телире Вивенна начала думать, что эти уроки были бесполезны. Теперь она с удивлением обнаружила, что вспоминает уроки, которые касались как раз такой ситуации.

«Если вас похитили, – учил наставник, – то лучше всего пытаться бежать в самом начале, пока у вас еще есть силы. Похитители ослабят вас голодом и побоями, и вскоре вы бежать уже не сможете. Не ожидайте спасения, хотя друзья, несомненно, будут стараться вам помочь. Никогда не ожидайте освобождения за выкуп. Большинство похищений кончается гибелью.

Лучшее, что можно сделать для страны, – попытаться сбежать. Если у вас не получится, то, возможно, пленитель вас убьет. Это предпочтительнее того, что может случиться с вами в плену. Вдобавок, в случае вашей смерти похитители лишатся заложницы».

Жесткое, суровое наставление – но такими были многие преподанные ей наставления. Лучше умереть, чем оказаться пленницей и инструментом давления на Идрис. Именно такие наставления предупреждали ее о том, что халландренцы могут попробовать использовать новую королеву против ее же родины. Ей сказали, что это может вынудить ее отца приказать убить ее.

Но об этом Вивенна не должна волноваться. Тем не менее советы насчет похищений казались полезными. Идея пугала ее, заставляла съеживаться и просто ждать, надеясь, что у Вашера найдется причина отпустить ее. Но чем больше Вивенна размышляла, тем яснее понимала, что должна быть сильной.

Вашер вел себя с ней предельно, даже подчеркнуто жестко. Он хотел запугать ее, чтобы она и не помышляла о побеге. Он сожалел, что здесь нет подвала – там ее было бы легче спрятать. Вернувшись, Вашер может перевезти ее в более укромное место. Наставники были правы. Единственная возможность сбежать – сейчас.

Руки Вивенны были крепко связаны. Она уже несколько раз пыталась освободить их, но Вашер умел вязать узлы. Она задергалась, сдирая кожу, и содрогнулась от боли. По запястью потекла кровь, но не увлажнила кожу настолько, чтобы помочь выскользнуть из петли. Вивенна вновь заплакала, но не от страха, а от боли и отчаяния.

Она не могла вывернуться из веревки. Но... может ли она заставить веревку развязаться?

«Почему я раньше не позволила Денту научить меня управляться с дыханием?»

Сейчас упрямая праведность казалась Вивенне еще более возмутительной. Разумеется, лучше использовать дыхание, чем ждать, пока Вашер убьет ее или сделает еще что похуже. Вивенна подумала, что теперь она понимает Лемекса и его желание продлить жизнь при помощи биохромы. Она попыталась произнести приказы сквозь кляп.

Бесполезно. Даже Вивенна знала, что приказы надо произносить четко. Она задвигала подбородком, нажимая на кляп языком. Кляп казался не таким тугим, как веревки на запястьях, к тому же он промок от слюны и слез. Вивенна рьяно взялась за дело, двигая зубами и губами, и даже удивилась, когда кляп наконец выпал изо рта.

Облизав губы, Вивенна подвигала ноющей челюстью и подумала: «Что теперь?» Опасения усиливались. Теперь ей необходимо освободиться. Если Вашер вернется и увидит, что она смогла вытолкнуть кляп, он не предоставит ей второй возможности. А может, и накажет за неповиновение.

– Веревка, – произнесла Вивенна. – Распусти узел.

Ничего не произошло.

Вивенна стиснула зубы, стараясь вспомнить приказы, о которых рассказывал Дент. «Держи других» и «Защищай меня». Сейчас они казались не слишком подходящими. Ей точно не надо, чтобы веревка еще туже затянулась на руках. Но он сказал еще кое-что: надо вообразить то, что желаешь получить. Она попробовала представить, как веревка развязывается, и четко произнесла:

– Распусти узел.

Опять ничего не произошло.

Вивенна раздраженно откинула голову назад. Пробуждение казалось очень туманным искусством, что было странным, если учесть, сколько в нем правил и ограничений. А может, оно только казалось туманным, потому что было таким сложным для нее.

Она закрыла глаза.

«Надо понять суть, – пронеслось в уме. – Я должна понять. Если не пойму, то меня убьют».

Открыв глаза, она сосредоточилась на веревке. Снова представила, как она развязываются, но что-то казалось неправильным. Вивенна была похожа на ребенка, который сидит, уставившись на лист и стараясь сдвинуть его одной силой воли.

Но ее новообретенные ощущения действовали иначе. Они были частью Вивенны. Поэтому, вместо того чтобы сосредоточиться, она расслабилась и позволила подсознанию действовать. Примерно так же она меняла цвет волос.

– Развяжись, – приказала она.

Дыхание вытекло из нее, подобно пузырькам воздуха под водой, как будто она выдохнула часть себя, ощущая, как та перетекает в нечто иное. И это нечто стало ее частью – конечностью, которой можно немного управлять. Это было скорее ощущение веревки, чем способность ее двигать. Когда дыхание покинуло Вивенну, она ощутила, как мир потускнел, цвета немного утратили яркость, стало чуть труднее слышать ветер,

а городская жизнь слегка отдалилась. Веревка на руках дернулась, и в запястьях вспыхнула боль.

Затем веревка распустилась и упала на пол. Руки Вивенны освободились, и она села, потрясенно глядя на свои запястья.

«Остре, Владыка Цвета! Я это сделала».

Она не знала, восхищаться собой или стыдиться.

В любом случае сейчас ей надо бежать. Она развязала веревки на лодыжках и поднялась на ноги, заметив, что часть двери полностью лишилась цвета вокруг того места, где находились ее руки. Вивенна задержалась только на мгновение, схватила веревку и сбежала по лестнице. Открыв дверь, она выглянула наружу, но уже стемнело, и она мало что смогла разглядеть.

Глубоко вздохнув, она устремилась в ночную темноту.

***

Некоторое время Вивенна бесцельно блуждала, стараясь уйти как можно дальше от логова Вашера. Она знала, что надо найти укрытие, но боялась. Она была слишком заметна в изящном платье, и ее запомнил бы любой прохожий. Единственная надежда была на то, что она сможет выбраться из трущоб в более приличные места и отыщет Дента и остальных.

Она убрала веревку в скрытый складками ткани карман. Вивенна привыкла к определенному количеству дыхания и чувствовала себя неуютно при расставании даже с малой его частью, которая сейчас содержалась в веревке. Ей было известно, что пробуждающие могли возвращать вложенное в предметы дыхание, просто она не знала, как это сделать. Поэтому она взяла веревку с собой, надеясь, что Дент сумеет помочь ей вернуть дыхание.

Вивенна ускорила шаг, склонив голову и стараясь найти взглядом какой-нибудь выброшенный плащ или кусок ткани, которым можно обернуться и прикрыть платье. К счастью, час был поздним даже для бандитов. Иногда она видела тени на обочине дороги и, проходя мимо них, старалась успокоить сердцебиение.

«Если бы только взошло солнце!» – подумала она.

Уже начало светать, но улицы все еще оставались слишком темными, чтобы она смогла уверенно найти дорогу. Трущобы были такими запутанными, что ей казалось, будто она ходит кругами. Высокие здания нависали, заслоняя небо. Когда-то эта часть города была богаче: на темных фасадах зданий виднелись остатки узоров и потускневшие краски. На площади слева находилась старая разбитая статуя человека на лошади, наверное, часть фонтана или...

Вивенна замерла. Поврежденная статуя всадника. Почему она кажется знакомой?

«Дент о ней говорил, – вспомнила она. – Говорил, когда объяснял Парлину, как пойти от убежища к ресторану».

Это было всего несколько недель назад, но казалось для нее таким далеким. Но Вивенна помнила разговор – она тогда волновалась, что Парлин заблудится.

Впервые за несколько часов у нее появилась надежда. Указания были простыми – сможет ли она их вспомнить? Она двинулась по улице – неуверенно, отчасти инстинктивно. И всего через несколько минут поняла, что темная улица кажется знакомой. В трюцобах не было фонарей, но хватило и света предрассветных сумерек.

Обернувшись, Вивенна увидела на другой стороне улицы дом-убежище, зажатый между более высокими зданиями.

«Остре благословенный!» – с облегчением подумала она, быстро перебегая улицу, и заскочила в здание. Главная комната была пуста, и Вивенна поспешно открыла дверь в подвал в поисках места, чтобы спрятаться.

Она ощупала стены и, как и следовало ожидать, нашла у лестницы фонарь, кремень и огниво. Закрыв дверь, Вивенна обнаружила, что та куда прочнее, чем можно подумать. Это хорошо, хотя изнутри она не запиралась. Оставив дверь прикрытой, Вивенна наклонилась, чтобы зажечь фонарь.

В подвал вели истертые, поломанные ступени. Вивенна помедлила, припоминая предостережения Дента насчет них. Она осторожно спустилась вниз, чувствуя, как ступени трещат под ногами, и поняла, почему он беспокоился. И все же она успешно добралась до цели. Очутившись внизу, она сморщила нос от затхлого запаха. На стене висели охотничьи трофеи. Здесь явно кто-то недавно побывал, что было добрым знаком.

Вивенна обогнула лестницу. Большая часть подвала находилась прямо под полом верхней комнаты. Здесь можно отдохнуть несколько часов, и, если Дент не появится, она рискнет выйти наружу. Тогда...

Она застыла на полушаге, фонарь в ее руке закачался. Его неверный свет озарил фигуру впереди – лицо в тени, голова склонена. Руки человека были связаны за спиной, ноги – примотаны к ножкам стула.

– Парлин? – потрясенно выдохнула Вивенна, рванувшись к нему.

Она быстро поставила фонарь – и замерла. На полу была кровь.

– Парлин! – вскрикнула Вивенна громче, поднимая ему голову.

Парлин невидяще смотрел вперед, лицо покрывали порезы и запекшаяся кровь. Ее ощущение жизни не чувствовало его. Глаза Парлина были мертвы.

Руки Вивенны затряслись, она с ужасом отступила назад.

– О, Цвета... – забормотала она. – Цвета, Цвета, Цвета...

На ее плечо легла рука, и Вивенна с воплем обернулась. Позади нее в темноте оказалась большая фигура, наполовину скрытая под лестницей.

– Привет, принцесса, – с улыбкой сказал Тонк Фа.

Вивенна отшатнулась, едва не врезавшись в тело Парлина. Прижав руку к груди, она ловила ртом воздух. И только тогда разглядела тела на стенах.

Это были не охотничьи трофеи. Оперение птицы, в тусклом свете фонаря показавшейся ей фазаном, сейчас отливало зеленым. Мертвый попугай. Рядом висело разрезанное и рассеченное тело обезьянки. Самой свежей оказалась большая ящерица. И на всех телах были следы пыток.

– Ох, Остре! – пробормотала она.

Тонк Фа шагнул вперед, чтобы схватить ее, и Вивенна наконец заставила себя сорваться с места. Она уклонилась от руки здоровяка, обежала его и кинулась к лестнице. И тут же споткнулась, врезавшись кому-то в грудь.

Она подняла голову, моргая.

– Знаете, что я больше всего ненавижу в работе наемника, принцесса? – тихо спросил Дент, хватая ее за руку. – Соответствовать стереотипам. Все считают, что тебе нельзя доверять. Но вот в чем штука – и впрямь ведь нельзя.

– Мы делаем то, за что нам платят, – сказал Тонк Фа, подходя к ней сзади.

– Это не самая желанная работа, – заметил Дент, не отпуская Вивенну. – Но платят хорошо. Я надеялся, что до этого не дойдет, ведь все так хорошо шло. Зачем вы сбежали? Что вас сподвигло?

Он осторожно подтолкнул ее вперед, все еще сжимая руку. Позади него по лестнице спускались Золотце с Чурбаном, и ступени застонали под их весом.

– Все это время вы мне лгали, – прошептала Вивенна, почти не замечая слез на щеках. Ее сердце бешено колотилось, пока она пыталась найти хоть какой-то смысл. – Почему?

– Похищение – трудная работа, – объяснил Дент.

– Плохая затея, – добавил Тонк Фа.

– Куда проще работать, если ваша цель вообще не знает, что ее похитили.

«Они всегда присматривали за мной. Держались рядом».

– Лемекс...

– Не делал того, что нам от него требовалось, – кивнул Дент. – Яд – слишком уж хорошая смерть для такого человека. Вам стоило бы понять, принцесса. Человек с таким количеством дыханий...

«...не может умереть от болезни, – осознала Вивенна. – Острее!»

Разум, казалось, оцепенел. Она бросила взгляд на Парлина.

«Он мертв. Парлин мертв. Они его убили».

– Не смотрите на него. – Дент мягко отвернул ее голову от трупа. – Это был несчастный случай. Послушайте, принцесса, с вами все будет в порядке. Мы не причиним вам вреда. Просто скажите, почему вы сбежали. Парлин твердил, что не знает, куда вы пошли, но мы слышали, что вы разговаривали на лестнице как раз перед вашим исчезновением. Вы действительно бежали, не сказав ему? Почему? Почему вы нас заподозрили? С вами связался кто-то из агентов отца? Мне казалось, мы их всех нашли, когда они появились в городе.

Она безмолвно покачала головой.

– Это важно, принцесса, – спокойно сказал Дент. – Мне надо знать – с кем вы вышли на связь? Что вам обо мне рассказали трущобные лорды?

Он крепко сжал руку Вивенны.

– Мы бы не хотели что-нибудь сломать, – добавил Тонк Фа. – Вы, идрисцы, слишком легко ломаетесь.

Раньше такие замечания казались Вивенне беззаботной болтовней, теперь же они звучали жутко и зловеще. Тонк Фа высился справа в тусклом свете фонаря, более

стройный Дент стоял прямо перед ней. Вивенна вспомнила о его скорости, о том, как он расправился в ресторане с телохранителями.

Вспомнила, как они разнесли дом Лемекса. Вспомнила, как легкомысленно относились к смерти. Все это наемники прятали за завесой шуток. Дент принес с собой второй фонарь, и при лучшем освещении Вивенна разглядела под лестницей пару больших мешков. Из одного высовывалась нога, на сапоге был знак идрисской армии.

Ее отец все-таки послал за ней солдат, но Дент просто встретил их до того, как они нашли принцессу. Сколько человек он убил? Тела бы не пролежали долго в этом подвале. Эти двое, наверное, погибли совсем недавно, и их перенесут в другое место.

– Почему? – выдохнула Вивенна, с трудом заставляя себя говорить. – Мне казалось, что мы друзья!

– Так и есть, – ответил Дент. – Принцесса, вы мне нравитесь.

Он улыбнулся – искренней улыбкой, а не опасной ухмылкой, как у его напарника.

– Если это вам важно, я действительно сожалею. Парлин не должен был погибнуть – это в самом деле вышло случайно. Но, знаете, работа есть работа. Мы делаем то, за что нам платят. Я вам уже не раз говорил. Уверен, вы помните.

– Я никогда не верила... – прошептала она.

– Никто не верит, – заметил Тонк Фа.

Вивенна моргнула. «Сбежать быстро. Пока еще есть силы».

Один раз она уже сбежала. Этого недостаточно? Разве она не заслужила чуточку спокойствия?

«Быстро!»

Изогнув руку, Вивенна прижала ее к плащу Тонк Фа на спине.

– Хватай...

Но Дент оказался слишком быстр. Он мгновенно отдернул ее, зажал рот и крепко схватил за другую руку. Тонк Фа удивленно замер, когда платье Вивенны лишилось цвета и посерело, а часть ее дыхания просочилась сквозь пальцы Дента в плащ Тонк Фа. Но без приказа дыхание ничего сделать не могло – оно было потрачено зря, а Вивенна ощутила, как мир вокруг тускнеет.

Дент убрал руку с ее рта и отвесил напарнику подзатыльник.

– Эй! – Тонк Фа потер голову.

– Будь внимательнее, – сказал Дент.

Он перевел взгляд на Вивенну, крепко сжимая ее руку.

Меж его пальцев засочилась кровь. Дент замер, очевидно, только что заметив ее окровавленные запястья; темнота подвала не давала разглядеть их как следует. Подняв голову, он посмотрел Вивенне в глаза.

– Проклятье, – выругался наемник. – Вы не убегали от нас, да?

– Чего? – спросил Тонк Фа.

Вивенна промолчала.

– Что произошло? – задал вопрос Дент. – Это был он?

Она не ответила.

Дент поморщился и выкрутил Вивенне руку, заставив ее вскрикнуть.

– Ну хорошо, похоже, меня вынуждают к жестким мерам. Давайте сначала разберемся с вашим дыханием, а потом сможем поговорить о том, что с вами случилось – спокойно поговорить, по-дружески.

Чурбан застыл позади Дента, его серые глаза смотрели вперед, как всегда без выражения. Но... показалось Вивенне или она что-то увидела в его взгляде? Или она это себе вообразила? Ее чувства недавно подверглись такому испытанию, что им не стоило доверять. Но Чурбан, казалось, встретился с ней взглядом.

– А теперь, – лицо Дента стало суровым, – повторяйте за мной. Жизнь моя – тебе. Дыхание мое – тебе.

Вивенна подняла голову, посмотрела ему в глаза и прошептала:

– Солнечный вой.

– Что? – нахмурился Дент.

– Атакуй Дента. Солнечный вой.

– Я... – начал Дент.

В эту секунду кулак Чурбана врезался ему в лицо.

Удар отбросил Дента в сторону, прямо на Тонк Фа, который споткнулся и выругался. Освободившаяся Вивенна рванулась мимо Чурбана, чуть не наступила на свое же платье и врезалась плечом в ошеломленную Золотце.

Золотце упала. Вивенна ринулась вверх по лестнице.

– Ты позволила ей услышать управляющую фразу? – проревел внизу Дент. Послышалась возня – он боролся с Чурбаном.

Золотце поднялась на ноги и кинулась за беглянкой, но под ней подломилась ступенька. Вивенна же вылетела в верхнюю комнату, захлопнула дверь и поспешно задвинула засов.

«Это их не задержит надолго, – беспомощно подумала она. – Они придут. Бросятся за мной. Как Вашер. Владыка Цвета, что мне делать?»

Она выскочила на улицу, теперь залитую светом зари, и кинулась в переулок. А затем – просто бросилась бежать, стараясь выбирать самые маленькие, грязные и темные улицы.

Глава 36

«Я тебя не оставлю, – написал Сезеброн. – Обещаю».

Он сидел на полу у кровати, подложив под спину подушки.

– Как ты можешь быть таким уверенным? – спросила Сири с кровати. – Может, когда появится наследник, ты устанешь от жизни и отдашь свое дыхание.

«Прежде всего, – написал он, – я по-прежнему даже не понимаю, как у меня появится наследник. Ты отказываешься объяснять и не отвечаешь на мои вопросы».

– Они меня смущают! – воскликнула Сири, чувствуя, как краснеют короткие волосы. Она мгновенно заставила их пожелтеть.

«Во-вторых, – продолжил Сезеброн, – я не могу отдать дыхание. Разве что я неверно понимаю все, что знаю о биохроме. Ты думаешь, что мне солгали о том, как действует дыхание?»

«Он все лучше излагает свои мысли, – подумала Сири, глядя, как Сезеброн стирает слова. – Как жаль, что его всю жизнь держат взаперти».

– Я не так уж много об этом знаю, – призналась она. – В Идрисе не особенно увлекаются биохромом. Подозреваю, что половина моих знаний – слухи и преувеличения. Например, в Идрисе считают, что при здешнем дворе приносят людей в жертву на алтарях – я это сто раз слышала от разных людей.

Он помедлил и принялся писать дальше: «В любом случае, этот спор лишен смысла. Я не изменюсь. Я не стану внезапно стремиться к самоубийству. Тебе не надо волноваться».

Она вздохнула.

«Сири, – написал Сезеброн, – я пятьдесят лет жил без информации, без знаний, был едва способен общаться. Ты действительно думаешь, что я покончу с собой сейчас? Сейчас, когда я научился писать? Когда нашел собеседника? Когда нашел тебя?»

Сири улыбнулась.

– Хорошо, я тебе верю. Но мне все равно кажется, что нам стоит беспокоиться насчет жрецов.

Он не ответил и отвернулся.

«Ну почему он так безоговорочно им предан?» – подумала Сири.

Наконец Сезеброн перевел взгляд на нее.

«Ты не могла бы отрастить волосы?»

Сири подняла бровь:

– А какого цвета?

«Красного».

– Ох уж эти халландренцы с их яркими красками, – покачала головой Сири. – Ты понимаешь, что мой народ считает красный самым скандальным цветом?

Он помедлил и написал: «Извини. Я не хотел тебя оскорбить, я...»

Он остановился, когда Сири потянулась к нему и коснулась руки.

– Нет, – сказала она, – послушай, я не возражала. Я просто кокетничала. Извини.

«Кокетничала? – написал Сезеброн. – В моей книге этого термина нет».

– Я знаю, – кивнула Сири. – В этой книге слишком много рассказов о детях, которых пожирают деревья и разные твари.

«Эти истории – метафоры, призванные научить...»

– Да, я знаю, – снова перебила его Сири.

«Так что такое «кокетничала»?»

– Это...

«Цвета! И как я умудряюсь вляпаться в такие ситуации?»

– Это когда девушка ведет себя нерешительно, а иногда и глупо, чтобы мужчина обратил на нее больше внимания.

«Но почему из-за этого мужчина будет обращать на нее внимание?»

– Вот примерно так, – она взглянула на него, слегка подавшись вперед. – Ты хочешь, чтобы я отрастила волосы?

«Да».

– Действительно хочешь?

«Конечно».

– Что же, если надо... – протянула Сири, встряхивая головой и приказывая волосам стать темно-рыжими. Они вспыхнули, переплавляясь из золота в медь – словно в чистую воду вылили красные чернила.

Затем она приказала волосам отрасти. Эта способность была больше инстинктивной, чем осознанной – подобно сокращению мышц. Только эту «мышцу» она в последнее время использовала постоянно – по вечерам она приказывала остричь волосы, а не тратить время на расчесывание.

Волосы спустились до плеч и продолжили расти. Сири в последний раз встряхнула головой и ощутила тяжесть волос и их тепло на своей шее. Теперь локоны окутывали плечи и волнами струились по спине.

Сезеброн смотрел на нее широко открытыми глазами. Сири встретила его взгляд и попыталась соблазнительно улыбнуться. Результат показался ей таким смешным, что она просто расхохоталась и упала на кровать, разметав по ней отросшие волосы.

Сезеброн коснулся ее ноги. Сири поглядела на него. Король-бог поднялся и сел на край кровати, чтобы она могла видеть слова на доске.

«Ты очень странная», – сообщил он.

Сири улыбнулась.

– Знаю. Я совершенно не гожусь в соблазнительницы. Я не могу сохранить серьезное выражение лица.

«Соблазнительницу» я знаю, – написал Сезеброн. – Само слово. Оно было в сказке, где злая королева пытается «соблазнить» чем-то молодого принца, хотя я не понял, чем именно».

Она улыбнулась.

«Я думал, что она хотела предложить ему еду».

– Да-а, – протянула Сири. – Отличное толкование, Себ. Совершенно правильное.

Он заколебался.

«Она не пищу предлагала, да?»

Сири снова улыбнулась.

Он покраснел.

«Я чувствую себя таким глупцом. Есть столько вещей, которые все вокруг понимают с легкостью. А я руководствуюсь только историями из детской книги. Я читал их так часто, что мне трудно отделить себя и то, как я воспринимаю сказки, от ребенка, каким я был, когда впервые с ними познакомился».

Он резко стер слова с доски. Сири села и положила ладонь ему на руку.

«Я знаю, что существует то, что мне неизвестно, – продолжил Сезеброн. – То, что смущает тебя, и у меня есть предположения об этом. Я не дурак. И все же я расстроен.

Ты флиртуешь и говоришь с сарказмом – в обоих случаях явно ведешь себя противоположно тому, чего хочешь. И потому я боюсь, что никогда тебя не пойму».

Он раздраженно уставился на доску, замерев с угольком в одной руке и тряпкой в другой. В очаге тихо потрескивал огонь, и волны ярко-желтого света скользили по чисто выбритому лицу Сезеброна.

– Прости, – сказала Сири, придвигаясь ближе.

Она обвила его руку своей, положила голову ему на предплечье и закрыла глаза. Теперь, когда Сири привыкла, Сезеброн не казался ей таким уж огромным. В Идрисе встречались люди, которые возвышались на шесть с половиной футов, а король-бог был выше лишь на несколько дюймов. К тому же он отличался совершенно пропорциональным сложением и не казался длинным или неестественным. Он был нормальным, просто большим.

Сезеброн посмотрел на нее.

– Я думаю, ты справляешься куда лучше, чем думаешь. Большинство моих соотечественников не понимают меня и вполнину так хорошо, как ты.

Сезеброн начал писать, и Сири открыла глаза.

«Мне трудно в это поверить».

– Но это правда, – заверила она. – Мне постоянно говорили, чтобы я стала другой.

«Кем?»

– Моей сестрой, – вздохнула Сири. – Женщиной, на которой ты должен был жениться. Она была идеальной дочерью короля – сдержанной, учтивой, образованной, послушной.

«Звучит скучно», – с улыбкой написал он.

– Вивенна прекрасный человек, – возразила Сири. – Она всегда была очень добра ко мне. Но просто... ну, я думаю, даже она считала, что мне надо быть сдержаннее.

«Этого я не могу понять, – написал Сезеброн. – Ты чудесна. Ты полна жизни и энергии. Жрецы и дворцовые слуги носят цветную одежду, но в них самих нет красок. Они просто исполняют свои обязанности, потупив взгляд, формально. В тебе же столько красок, что они вырываются наружу и расцвечивают все вокруг тебя».

Сири улыбнулась:

– Прямо как биохрома.

«Ты честнее биохромы, – написал он. – Мое дыхание придает миру красочность, но оно – не мое, мне его дали. Твой же свет – твой собственный».

Сири ощутила, как ее волосы становятся из темно-рыжих золотистыми, и тихо, удовлетворенно вздохнула, придвигаясь чуть ближе к королю-богу.

«Как ты это делаешь?» – спросил он.

– Что?

«Меняешь цвет волос».

– Сейчас вышло невольно, – пояснила Сири. – Они светлеют, если я счастлива или довольна.

«Значит, ты счастлива? – написал он. – Со мной?»

– Конечно.

«Но с такой тоской в голосе говоришь о горах».

– Я скучаю по ним, – признала Сири. – Но если я уеду, то буду скучать и по тебе.

Иногда нельзя получить все, что хочешь, если желания противоречат одно другому.

Некоторое время они молчали. Сезеброн отложил доску, нерешительно обнял Сири за плечи и прислонился к спинке кровати. Волосы Сири слегка окрасились рыжим, когда она осознала, что они сидят на кровати и она прижимается к Сезеброну, одетая в одну рубашку.

«Но, – подумала она, – мы же супруги».

Момент испортило громкое урчание живота Сири. Через пару минут Сезеброн потянулся за доской.

«Ты голодна?» – написал он.

– Нет, – ответила Сири. – У меня желудок-анархист – он любит ворчать, когда полон.

Он помедлил.

«Сарказм?»

– Да, жалкая попытка, – созналась Сири. – Все в порядке, я выживу.

«Ты ужинала перед тем, как прийти ко мне?»

– Ужинала, – подтвердила она. – Но отращивание волос выматывает. Я всегда после этого хочу есть.

«Ты после этого каждую ночь голодна? – быстро написал Сезеброн. – И молчишь?»

Она пожала плечами.

«Я добуду тебе поесть».

– Нет, нельзя, чтобы нас разоблачили.

«А что разоблачать? – написал он. – Я король-бог – я могу есть, когда пожелаю. Я и раньше посылал за едой ночью. В этом нет ничего необычного».

Он поднялся и шагнул к двери.

– Подожди! – позвала она.

Он оглянулся на нее.

– Сезеброн, ты не можешь вот так подойти к двери. – Она понизила голос на случай, если их подслушивают. – Ты по-прежнему полностью одет.

Он оглядел себя, слегка нахмурившись.

– Хотя бы слегка приведи одежду в беспорядок, – сказала Сири, быстро пряча доску для письма.

Он расстегнул воротник и сбросил черное одеяние, оставшись в нижнем белье. Оно засияло всеми цветами радуги, как и все белое, что оказывалось рядом с ним. Затем он взлохматил темные волосы и вопросительно взглянул на Сири.

– Да, неплохо, – подтвердила та, натягивая простыню до подбородка и полностью укрываясь под ней. Она с любопытством наблюдала, как Сезеброн постучал костяшками пальцев по двери.

Та немедленно открылась.

«Он слишком важен, чтобы самому открывать двери», – подумала Сири.

Сезеброн приказал принести еду, коснувшись живота и указав на коридор. Слуги, которых Сири с трудом разглядела в дверном проеме, поспешно бросились исполнять приказ. Король-бог отвернулся от закрывшейся двери и вернулся к кровати.

Не прошло и нескольких минут, как слуги вернулись с обеденным столом и стулом. Стол тут же накрыли изобильной едой – от жареной рыбы до маринованных овощей и отварных моллюсков.

Сири изумленно взирала на эту суету.

«Они не могли все подготовить так быстро. Еда наверняка ждала на кухне – на случай, если бог вдруг проголодается».

Это было невероятно расточительно, но вместе с тем чудесно. Такие традиции указывали на стиль жизни, который ее соотечественники-идрисцы и представить не могли, признак болезненного нарушения равновесия в мире. Одни люди голодали, а другие были настолько богаты, что даже не видели всю пищу, которую им готовят.

Слуги поставили у стола только один стул. Сири наблюдала за тем, как вносили одно блюдо за другим. Они не знали, чего хочет король-бог, поэтому принесли всего понемногу. Накрыв стол, слуги удалились, как только Сезеброн жестом отпустил их.

Для проголодавшейся Сири запах был просто невыносим. Едва дверь захлопнулась, как она тут же сбросила покрывала и кинулась к столу. Она считала экстравагантными свои трапезы, но они не шли ни в какое сравнение с этим пиром. Сезеброн жестом пригласил ее за стол.

– А ты есть не будешь? – поинтересовалась она.

Он пожал плечами.

Она подошла к кровати, взяла одно из покрывал и расстелила на каменном полу.

– Что ты посоветуешь? – спросила Сири, вернувшись к столу.

Он указал на блюдо с отварными моллюсками и на хлебцы. Сири переместилась к ним и к блюду, на котором вроде не было рыбы, а только экзотические фрукты в сливочном соусе. Усевшись, она принялась за еду.

Сезеброн осторожно расположился на полу. Каким-то образом ему удавалось выглядеть величественно даже в нижнем белье. Сири потянулась к доске и передала ее мужу.

«Это очень странно», – сообщил он.

– Что? – уточнила Сири. – Есть на полу?

Он кивнул.

«Обед для меня – вроде церемонии. Я ем немного с одной тарелки, затем слуги ее уносят, вытирают мне губы и приносят другую. Я никогда не съедаю все с тарелки, даже если блюдо мне нравится».

Сири фыркнула:

– Удивляюсь, как они не кормят тебя с ложечки.

«Когда я был маленьким, так и было, – подтвердил Сезеброн. – В конце концов я заставил их позволить мне есть самому. Трудно убеждать, когда не можешь говорить».

– Могу себе представить, – согласилась Сири с набитым ртом.

Она смотрела на Сезеброна, который ел медленно, откусывая маленькие кусочки. Сири на мгновение устыдилась того, как быстро ест, но тут же решила, что ей все равно. Она отодвинула блюдо с фруктами и схватила со стола несколько булочек.

Наблюдая за тем, как она поедает их одну за другой, Сезеброн написал: «Это панкальские тинкфаны. Их надо есть маленькими кусочками и заедать хлебом, чтобы очистить вкус. Это деликатес и...»

Он запнулся, когда Сири схватила булку и запихнула в рот целиком. Улыбнувшись мужу, она принялась жевать.

После секундного замешательства он написал:

«Ты знаешь, что если дети в сказках обжирались, то их сбрасывали с утесов?»

Сири сунула в рот очередной хрустящий хлебец, вымазав пальцы и лицо сахарной пудрой и набив щеки как хомяк.

Глядя на нее, Сезеброн взял печенье и, осмотрев его, отправил в рот.

Сири расхохоталась, чуть не выплюнув на стол крошки.

– Я продолжаю совращать короля-бога, – сказала она, как только смогла говорить.

Сезеброн улыбнулся и написал: «Это очень интересно». Он взял еще один хлебец. Затем еще один. И еще.

Сири наблюдала за этим, подняв бровь.

– Раз ты король-бог, то можешь есть сладости когда пожелаешь.

«Я следую множеству правил, в которых другие не нуждаются, – написал он, прожевывая печенье. – В сказках это объясняется. От принца или короля требуется многое, и я бы хотел родиться простолюдином».

Сири подняла бровь, подумав, что если бы он в самом деле столкнулся с такими явлениями, как голод, нищета или просто неудобства, то это стало бы для него сюрпризом. Однако она не стала развеивать иллюзии мужа. Не ей об этом рассуждать.

«Проголодалась ты, – написал он, – но ем только я!»

– Наверное, тебя тут плохо кормят, – заметила Сири, взяв кусочек хлеба.

Он пожал плечами, продолжая есть. Сири наблюдала за ним, пытаясь понять, как он ощущает пищу, не имея языка? Он способен различать вкус? Похоже, ему нравились сладости. Мысль о языке заставила ее задуматься о более мрачных вещах.

«Мы не можем так продолжать, – подумала Сири. – Всю ночь валять дурака, притворяясь, будто за этими стенами ничего не происходит. Да нас просто раздавят».

– Сезеброн, – проговорила она. – Думаю, нам надо найти способ раскрыть другим то, что с тобой сделали жрецы.

Он поднял голову и написал: «Что ты имеешь в виду?»

– Мы должны попробовать поговорить с обычными людьми, – пояснила Сири. – А может, с кем-то из богов. Вся власть жрецов основывается на том, что они представляют тебя. Если ты решишь передавать свою волю через кого-то другого, они падут.

«Нам нужно так поступить?»

– Представь на секунду, что мы это сделаем, – предложила она.

«Хорошо, – ответил он. – Но как я смогу общаться с кем-то еще? Я же не могу встать и закричать».

– Я не знаю. Может, записками?

Он улыбнулся.

«В моей книге есть схожая история. Принцесса заточена в башне и кидает записки в море. Их находит король рыб».

– Я сомневаюсь, что король рыб нам чем-то поможет, – прямо сказала Сири.

«Такое существо не менее сказочно, чем вероятность того, что мои записки найдут и верно истолкуют. Если я выкину их из окна, то никто не поверит, что их написал король-бог».

– А если ты передашь их слугам?

Он нахмурился.

«Предположим, что ты права и что мои жрецы действуют против меня. Не будет ли безрассудством доверять слугам, которых они же и наняли?»

– Вероятно. Но можно попробовать с пан-кальцами.

«Никто из них мне не прислуживает, ибо я – король-бог, – ответил Сезеброн. – Но даже если мы привлечем одного-двух слуг на нашу сторону – что с того? Как это поможет обвинить жрецов? Слова пан-кальского слуги против жрецов ничего не стоят».

Сири покачала головой.

– Мне кажется, ты сможешь устроить скандал, попытаться убежать или совершить какое-то безумство?

«За пределами дворца меня постоянно сопровождают сотни людей. Пробуждающие, солдаты, стражники, жрецы и безжизненные воины. Ты действительно думаешь, что я могу устроить скандал и меня не уведут прежде, чем я успею хоть с кем-то пообщаться?»

– Нет, – признала Сири. – Но надо что-то сделать! Должен быть какой-то выход.

«Я его не вижу. Нам надо сотрудничать со жрецами, а не действовать против них. Возможно, они знают больше о том, почему умирают короли-боги. Они могут нам рассказать – я могу поговорить с ними при помощи художественного письма».

– Нет, – ответила Сири. – Пока нет. Сперва дай мне подумать.

«Хорошо», – написал он и взял еще булочку.

– Сезеброн... – наконец произнесла она. – А как насчет того, чтобы сбежать со мной? В Идрис?

Он задумался и наконец написал: «Возможно. Но это крайняя мера».

– А если я смогу доказать, что жрецы пытаются тебя убить? И если я смогу найти способ выбраться, найти кого-то, кто вывезет нас из дворца и города?

Эта идея явно обеспокоила Сезеброна. Он написал: «Если другого выхода не будет, то я отправлюсь с тобой. Но я не верю, что до такого дойдет».

– Надеюсь, ты прав, – согласилась Сири.

«Но если не прав, – подумала она, – то мы сбежим. Мы рискнем положиться на мою семью, будет война или нет».

Глава 37

В трущобах даже днем царили сумерки.

Вивенна бесцельно бродила, перешагивая через ошметки разноцветного мусора. Она все еще не могла мыслить ясно и знала только, что должна где-то спрятаться.

Парлин погиб. Ее друг с самого детства. Она убедила его пойти с ней, и сейчас это путешествие казалось самым идиотским решением. Он погиб из-за нее.

Дент и его люди предали ее. Нет. Они никогда на нее и не работали. Теперь, обращаясь мыслями в прошлое, Вивенна видела признаки: как удачно они нашли ее в ресторане, как добрались с ее помощью до дыхания Лемекса, как манипулировали ею, позволяя считать себя главной. Все это время с Вивенной лишь играли.

Она была пленницей и даже не подозревала об этом.

Предательство было тем больнее, что Вивенна начала им доверять, даже сдружилась с ними. Она должна была заметить подозрительные признаки. Шутливую жестокость Тонк Фа, объяснения Дента о том, что не следует ожидать преданности от наемников. К тому же он четко дал понять, что Золотце может действовать даже против своих богов. Что такое предать друга по сравнению с этим?

Вивенна пробралась в следующий переулочек, держась за кирпичную стену. Пальцы перепачкались грязью и сажей, цвет так и не вернулся к мертвенно-белым волосам.

Нападение в трущобах напугало ее. Пленение Вашером ужаснуло. Но привязанный к стулу Парлин, истекающий кровью, с рассеченными щеками, сквозь которые виднелись десны...

Она никогда не забудет. Что-то внутри нее сломалось – ей все стало безразлично. Она просто чувствовала себя... оцепеневшей.

Дойдя до конца переулочка, Вивенна подняла пустой взгляд. Перед ней была стена. Тупик. Она развернулась, чтобы идти обратно.

– Ты, – прозвучал голос.

Вивенна повернулась, изумившись скорости своей реакции. Разум ее оставался подавленным, но инстинкты самосохранения не дремали.

Она застыла в узком переулочке вроде тех, по которым бродила весь день. Вивенна не покидала трущобы, решив, что Дент будет ждать ее в городе. Он знал Вивенну лучше, чем она сама. Ее затуманенному разуму показалась удачной идея оставаться в захламленных, тихих трущобах.

На небольшом нагромождении ящиков, широко расставив ноги, сидел мужчина. Невысокий, темноволосый, в типичном наряде обитателя трущоб – сочетание предметов одежды разной степени потрепанности.

– Ты изрядно всех переполошила, – произнес он.

Она застыла на месте.

– Женщина, разгуливающая по трущобам в красивом белом платье, темные глаза, белые растрепанные волосы. Если б после недавней облавы здешний народ не был таким пугливым, тебя бы уже давно заприметили.

Мужчина показался смутно знакомым.

– Ты идрисец, – прошептала Вивенна. – Ты был в толпе, когда я пришла к трущобным лордам.

Он пожал плечами.

– Значит, тебе известно, кто я, – сказала Вивенна.

– Ничего мне не известно, – ответил он. – Особенно такого, что может втравить меня в проблемы.

– Пожалуйста, – проговорила она. – Ты должен мне помочь.

Она шагнула к нему.

Мужчина спрыгнул с ящиков, и в его руке сверкнул нож.

– Помочь? – переспросил он. – Когда ты пришла на встречу, я видел, как ты смотришь на нас. Свысока. Прямо как халландренцы.

Она отшатнулась.

– Многие видели, что ты тут бродишь как привидение, – сказал он. – Но вроде бы никто точно не знает, где тебя найти. А ведь ищут, и рьяно.

«Дент, – поняла она. – Чудо, что я остаюсь на свободе так долго. Мне надо что-то предпринять. Перестать бродить. Найти убежище».

– Думаю, кто-нибудь тебя все же найдет, – сказал незнакомец. – Так почему бы не я?

– Пожалуйста, – прошептала она.

Он вскинул нож.

– Я тебя не сдам. Хотя бы это ты заслужила. Да и привлекать к себе внимание не хочу. Но вот платье... за него много заплатят, даже за порванное. Эта тряпка будет кормить мою семью несколько недель.

Она колебалась.

– Если закричишь, я тебя порежу, – тихо предупредил он. – Это не угроза. Просто необходимость. Платье, принцесса. Тебе без него лучше. В нем тебя каждый приметит.

Может, применить дыхание? А если оно не сработает? Вивенна не могла сосредоточиться и чувствовала, что не сможет правильно отдать приказы. Она медлила, но маячивший перед ней нож убедил ее. Поэтому, глядя перед собой, с ощущением, будто на ее месте находится кто-то другой, Вивенна принялась расстегивать пуговицы.

– На землю не кидай, – сказал незнакомец. – Оно и так уже грязное.

Вивенна стянула платье и задрожала – на ней остались только панталоны и рубашка. Незнакомец взял платье, проверил карманы и, нахмурившись, выкинул веревку.

– Денег нет?

Она безучастно покачала головой.

– Тогда панталоны. Они шелковые, верно?

Рубашка доходила до середины бедер. Вивенна наклонилась, стягивая панталоны, передала их. Мужчина забрал одежду, и в его глазах мелькнула искра жадности... или чего-то иного.

– Рубашку, – он взмахнул ножом.

– Нет, – тихо возразила она.

Он шагнул вперед.

Внутри нее что-то взорвалось.

– Нет! – завопила она. – Нет, нет, НЕТ! Забирай свой город, свои цвета и одежду, и пошел прочь! Оставь меня!

Она рухнула на колени в слезах и, зачерпнув отбросы и грязь, растерла их по рубашке.

– Вот! – вскричала она. – Хочешь ее? Возьми у меня! Вот так и продай.

Вопреки своей угрозе мужчина дрогнул, огляделся и, прижав дорожную ткань к груди, бросился прочь.

Вивенна стояла на коленях в грязи. И откуда только нашлись еще слезы? Она свернулась калачиком на земле, не обращая внимания на мусор, и зарыдала.

***

Пока Вивенна лежала в грязи, пошел дождь – тихий, моросящий халландренский дождь. Падающие капли поцеловали ее щеку, маленькие ручейки заструились по стенам.

Вивенна была голодна и измотана, но дождь слегка прояснил мысли.

Нужно идти. Вор был прав – платье ей мешало. В рубашке, особенно промокшей, она чувствовала себя голой, но она видела женщин в трущобах, носивших столько же одежды. Ей надо идти, стать еще одной измазанной грязью и сажей бродяжкой.

Вивенна подползла к куче мусора и заметила, что из нее высовывается ткань. Она выдернула грязную вонючую шаль... или тряпку? Все равно. Она накинула ее на плечи и затянула на груди, чтобы хоть как-то прикрыться. Затем попыталась сделать волосы черными, но у нее не получилось.

Слишком безразличная, чтобы расстроиться, она села и просто натерла волосы грязью и копотью, скрывая белизну под болезненно-коричневым слоем.

«Они слишком длинные, – подумала она. – Надо что-то сделать. Волосы выделяются. У нищих не бывает таких длинных волос – за ними трудно ухаживать».

Вивенна начала выбираться из переулка, но приостановилась. Шаль, оказавшись на ней, стала ярче.

«Дыхание. Меня сразу же опознает любой обладатель первого возвышения. Я не могу спрятаться в трущобах!»

Она все еще чувствовала потерю дыхания, которое вложила в веревку, и еще большего количества, потраченного на плащ Тонк Фа. И все же оставалось еще много. Она прижалась к стене, чуть не потеряв самоконтроль, когда осознала ситуацию.

В этот миг ее осенило.

«Тонк Фа подкрался ко мне в подвале. Я не почувствовала его дыхания, как не почувствовала и Вашера, когда он устроил засаду у меня в комнате».

Ответ оказался до смешного простым. Она не чувствовала дыхания в веревке, которую оживила. Подобрал эту веревку, она завязала ее вокруг лодыжки. Затем

выставила перед собой шаль – жалкую, потрепанную по краям, первоначальный красный цвет едва проступал через грязь.

– Жизнь моя – тебе, – повторила она слова, которые требовал от нее Дент. – Дыхание мое – тебе.

Именно этими словами Лемекс передал ей свое дыхание.

С шалью тоже сработало. Все дыхание Вивенны вытекло из ее тела, перейдя в шаль. Без приказа тряпка не сможет ничего сделать, но дыхание, наверное, окажется в безопасности, а аура больше не будет выдавать Вивенну.

Ауры не будет вообще. Вивенна чуть не упала от потрясения после потери всего дыхания. Раньше она ощущала жизнь вокруг, но теперь все застыло. Словно затихло. Как будто весь город вымер.

А может, сама Вивенна стала мертвой. Тусклой. Она медленно поднялась, содрогнулась от морозящего дождя, и вытерла воду с глаз. Затем набросила шаль со всем своим дыханием, закуталась в нее и побрела прочь.

Глава 38

Гимн Света сел на краю кровати, уставившись в пол перед собой. Он тяжело дышал, и на его лбу блестели капли пота.

Лларимар взглянул на младшего писца, опустившего перо на бумагу. По углам спальни толпились слуги. По требованию Гимна сегодня его разбудили необычно рано.

– Ваша милость? – спросил Лларимар.

«Неважно, – подумал Гимн. – Мне снится война, потому что я о ней думаю. Не потому, что это пророчество. Не потому, что я бог».

Но сон казался таким реальным. Во сне он стоял на поле боя, без оружия, а вокруг умирали солдаты. Он знал их, каждый из них был ему близок – и один друг умирал за другим.

«Но война с Идрисом будет совсем не такой. Там будут сражаться наши безжизненные».

Ему не хотелось признавать, что его друзья во сне не носили яркие цвета. Он смотрел на битву глазами не халландренского солдата, а идрисского. Может, именно поэтому вокруг такая резня.

«Именно идрисцы нам угрожают. Это они взбунтовались и откололись, основав второе королевство в пределах Халландрена. Их надо усмирить.

Они это заслужили».

– Что вы видели, ваша милость? – снова спросил Лларимар.

Гимн закрыл глаза, и перед ним возникли другие образы, те, которые повторяются снова и снова. Блестящая красная пантера. Буря. Лицо молодой женщины, которое поглощала тьма, словно пожирая заживо.

– Я видел Аврору, – сказал он, говоря только о последней части сна. – Ее лицо. Красное и разбурявшееся. Я видел тебя, ты спал. И я видел короля-бога.

– Короля-бога? – с волнением в голосе уточнил Лларимар.

Гимн кивнул.

– Он плакал.

Писец записал услышанное. Лларимар, вопреки обыкновению, не требовал подробностей. Гимн встал, изгоняя образы из разума, но игнорировать слабость в теле он не мог. Наступил день питания, и ему придется или взять дыхание, или умереть.

– Мне понадобятся урны, – сказал Гимн. – Две дюжины, по одной на каждого бога, раскрашенные в их цвета.

Лларимар отдал приказ, даже не поинтересовавшись, зачем.

– А еще нужны камешки, – добавил Гимн, когда слуги начали его одевать. – И много.

Жрец кивнул. Одевшись, Гимн вышел из комнаты, чтобы снова насытиться душой ребенка.

***

Гимн кинул камешек в урну перед собой, и тот слабо звякнул.

– Хороший бросок, ваша милость, – похвалил стоявший позади кресла Лларимар.

– Пустяки, – ответил Гимн, швыряя другой камешек.

Тот пролетел немного мимо урны, и слуга выскочил, чтобы его подобрать и опустить в ту емкость, в которую он должен был попасть.

– Похоже, это у меня от природы, – заметил Гимн. – Я каждый раз попадаю.

Получив свежее дыхание, он почувствовал себя гораздо лучше.

– Истинно так, ваша милость, – кивнул Лларимар. – Обращаю ваше внимание на то, что приближается ее милость богиня Аврора Соблазна.

– Хорошо. – Гимн метнул еще один камешек и на сей раз попал. Разумеется, урны стояли всего в нескольких футах от него. – Я покажу ей, как здорово кидаю камешки.

Он сидел на зеленой траве внутреннего двора, обдуваемый прохладным бризом. Его шатер поставили как раз рядом с воротами. Его взгляд упирался в глухую стену, которая загораживала вид на город. Все эти стены нагоняли тоску.

«Если уж нас здесь заперли, – подумал он, – то могли бы хоть обеспечить приятный обзор».

– Что, во имя Радужных Тонов, ты делаешь?

Гимну не нужно было оборачиваться, чтобы представить, как Аврора, подбоченившись, стоит позади него. Он кинул следующий камешек и заметил:

– Знаешь, мне всегда казалось это странным. Когда мы божимся, то призываем в свидетели цвета. Почему бы не использовать наши же имена? Мы вроде бы боги.

– Большинство богов не любят, чтобы их именами клялись, – ответила Аврора, усаживаясь рядом с ним.

– Тогда, на мой взгляд, они слишком напыщенны. – Гимн метнул камешек, промахнулся, и слуга подобрал его. – Лично мне бы польстило, если бы моим именем клялись. Гимн Света Смелый! Или – во имя Гимна Света Отважного! Хотя, пожалуй, это трудно выговаривать. Может, стоит сократить до простого – Гимн!

– Клянусь, – сказала богиня, – ты с каждым днем ведешь себя все более странно.
– Нет-нет, – поправил он. – Вот сейчас ты ничем не поклялась. Разве что ты предлагаешь, чтобы мы вставляли в выражения личное местоимение? «Ты»! То есть, ты хотела сказать – «что, во имя Тебя, ты делаешь?»

Она тихо фыркнула в ответ.

Гимн посмотрел на нее.

– Я точно такого не заслужил. Я вообще только начал. Тебя рассердил кто-то другой.

– Всематерь, – пояснила она.

– По-прежнему не дает приказы?

– Теперь она вообще отказывается со мной говорить.

Гимн метнул камешек в урну.

– Ах, знала бы она, чего лишается, отказывая тебе во встрече! Какого освежающего чувства раздражения!

– Я не раздражаю других! – возразила Аврора. – Я была с ней предельно учтива.

– Тогда, полагаю, в этом и проблема, – сказал Гимн. – Дорогая моя, мы – боги и быстро устаем от своего бессмертного существования. Мы определенно жаждем крайностей в эмоциях – неважно, хороших или плохих. Абсолютная ценность эмоции важнее, чем ее положительная или отрицательная природа.

Аврора помолчала. Гимн последовал ее примеру.

– Гимн, дорогой, – наконец заговорила она. – Что, во имя Тебя, это означает?

– Сам точно не знаю, – признался он. – Слова просто вылетели изо рта. Однако я могу представить, что это значит. Причем в числах.

– С тобой все хорошо? – поинтересовалась она вроде бы с искренним участием.

Перед его мысленным взором вспыхнули образы войны. Его лучший друг, человек, с которым он сейчас не знаком, умирает, пронзенный мечом.

– Я не знаю, – ответил он. – В последнее время случилось немало странного.

Аврора опять немного помолчала.

– Хочешь отправиться ко мне во дворец и порезвиться? Меня это всегда бодрит.

Гимн улыбаясь швырнул камешек.

– Ты неисправима, дорогая моя.

– Ради Тебя, я же богиня вождения, – сказала она. – Я должна соответствовать роли.

– Когда я сверялся с титулами, – заметил Гимн, – ты была богиней честности.

– Честности и честных чувств, дорогой мой, – мягко поправила она. – И, позволь заметить, вождение – одно из честнейших чувств. Но все-таки, что же ты делаешь с этими дурацкими камешками?

– Считаю, – объяснил он.

– Считаешь свои глупости?

– Их. – Гимн кинул еще один камешек. – И считаю проходящих через ворота жрецов в цветах каждого бога и богини.

Аврора нахмурилась. Уже наступил полдень, и в воротах толпилось множество входящих и выходящих слуг и артистов. Но жрецы и жрицы мелькали лишь изредка, ибо им полагалось являться к своим богам рано утром.

– Каждый раз, как входит жрец конкретного бога, – пояснил Гимн, – я бросаю камешек в урну, которая ему соответствует.

Аврора проследила за тем, как он кинул очередной камешек и промахнулся. Согласно распоряжениям господина, слуги подобрали камешек и бросили в нужную урну – фиолетовую с серебром. Поодаль через лужайку к дворцу своего бога спешила жрица Искателя Надежды.

– Теряюсь в догадках, – наконец признала Аврора.

– Да все просто, – улынулся Гимн. – Видишь кого-то в пурпуре – кидай камешек в урну того же цвета.

– Да, дорогой, – кивнула она. – Но зачем?

– Чтобы проследить, сколько жрецов каждого божества вошло во двор, конечно, – объяснил Гимн. – Так, они уже почти не появляются. Тушкан, ты считаешь?

Лларимар поклонился, подозвал нескольких слуг и писцов и приказал им опустошить урны и посчитать количество камешков в каждой.

– Дорогой мой Гимн, – сказала Аврора. – Я искренне прошу прощения, что в последнее время обходила тебя вниманием. Всематерь грубо игнорирует мои предложения. Если твой рассудок повредился от недостатка моего внимания...

– Благодарю, но мой рассудок вполне неповрежден, – ответил Гимн, который, вытянув шею, наблюдал за подсчетами слуг.

– Тогда ты, вероятно, невероятно скучаешь, – предположила богиня. – Наверное, мы сможем найти какой-то способ тебя развлечь.

– Я хорошо развлекаюсь, – он улынулся, даже не дождавшись конца подсчетов.

В урне Звезды Милосердия оказалось меньше всего камешков.

– Гимн? – позвала Аврора.

Ее игривый настрой почти исчез.

– Я сегодня рано созвал жрецов, – сказал он, взглянув на нее. – И приказал им занять место здесь, перед воротами, еще до восхода. Мы уже шесть часов считаем жрецов.

Лларимар принес Гимну список богов с количеством вошедших в ворота жрецов в соответствующих одеждах. Бог Смелости просмотрел листок и кивнул своим мыслям.

– На службу к некоторым богам явилось более сотни жрецов, к прочим – едва ли с десятков. В том числе и к Звезде Милосердия.

– И? – поинтересовалась Аврора.

– И, – продолжил Гимн, – я отправлю своих слуг к дворцу Звезды Милосердия наблюдать, считать и отслеживать жрецов там. У меня уже есть подозрения о том, что они там обнаружат. У Звезды Милосердия жрецов не меньше, чем у нас. Они просто приходят во Двор другим путем.

Аврора с недоумением взглянула на него, а потом наклонила голову.

– Тоннели?

Гимн кивнул.

Аврора со вздохом откинулась назад.

– Что ж, ты хотя бы не безумен и не поглощен скукой. Ты просто одержим.

– С этими тоннелями что-то неладно, Аврора. И это связано с убитым слугой.

– Гимн, у нас есть гораздо более серьезные проблемы! – Богиня покачала головой, прижав ладонь ко лбу, словно у нее заболела голова. – Я даже не могу поверить, что ты все еще этим озабочен. Нет, честно! Королевство готовится к войне, твоя должность при дворе впервые приобретает вес, а ты думаешь о том, как жрецы попадают ко двору?

Он ответил не сразу, но наконец произнес:

– Послушай, давай я объясню тебе свою точку зрения.

Дотянувшись до земли, он поднял маленькую коробку и показал ее Авроре.

– Коробка, – констатировала она. – Аргумент дивной убедительности.

Гимн снял крышку, достал маленькую серую белку и посадил ее на ладонь. Та сидела совершенно неподвижно, глядя перед собой, а ветерок раздувал ее мех.

– Безжизненный грызун, – сказала Аврора. – Это уже гораздо лучше. Я прямо-таки чувствую, как соглашаюсь.

– Тот, кто вломился во дворец Звезды Милосердия, выпустил зверька, чтобы отвлечь слуг, – объяснил Гимн. – Дорогая моя, ты знаешь что-нибудь о перехвате контроля над безжизненными?

Она пожала плечами.

– Я тоже не знал, – кивнул он. – Пока не потребовал у своих жрецов проделать это с белкой. Судя по всему, если у тебя нет нужных управляющих фраз, то, чтобы их обойти, надо потратить несколько недель. Я даже не представляю, как это делается, – как-то при помощи дыхания и пыток, насколько я понял.

– Пыток? – переспросила Аврора. – Безжизненные не чувствуют боли.

Гимн пожал плечами:

– В любом случае, мои слуги сделали это для меня. Чем сильнее и опытнее пробуждающий, который создал безжизненного, тем сложнее обойти приказ.

– Вот почему нам нужны приказы Всематери, – заметила Аврора. – Если с ней что-то случится, то ее десять тысяч солдат будут для нас бесполезны. На перехват контроля над столькими безжизненными уйдут годы!

– Приказы есть еще у короля-бога и нескольких жриц Всематери, – напомнил Гимн.

– О, и ты думаешь, что он нам так просто их отдаст? При том, что нам не дозволено даже разговаривать с ним?

– Я просто указываю на то, что одно убийство не сокрушит всю нашу армию. – Гимн поднял белку. – Но дело не в этом. Дело в том, что создатель белки имел немало дыхания и знал, что делает. Кровь зверька заменили на ихорный спирт. Швы наложены идеально. Приказы, контролирующие грызуна, были невероятно сильными. Перед тобой чудесный образец биохроматического искусства.

– И? – спросила она.

– И он выпустил белку во дворце Звезды Милосердия. Она отвлекла слуг, и он смог пробраться в тоннели. За преступником последовал кто-то еще – и этот второй убил человека, не дав ему рассказать об увиденном. Что бы ни было в тоннелях, куда бы они ни вели – но на эту тайну не жалко потратить дыхание. Не жалко убить ради нее.

Аврора покачала головой:

– Я все еще не могу поверить, что тебя вообще волнуют такие вещи.

– Ты сказала, что знаешь о тоннелях, – говорил Гимн. – Я послал Лларимара спрашивать – другие о них тоже знают. Говорят, они служат хранилищами под дворцами. Их строили в разное время по распоряжениям разных богов.

– Но, – продолжал он с воодушевлением, – они также идеально подходят для тайной операции! Сам двор находится вне юрисдикции городской стражи. Каждый дворец сам по себе словно маленькая страна! Если расширить несколько погребов и соединить тоннели с чужими, пробить стены, чтобы тайно приходиться и уходить...

– Гимн, – остановила его Аврора, – если бы внизу действительно творилось нечто такое секретное, разве стали бы жрецы ходить по этим тоннелям во двор? Разве это не показалось бы подозрительным? Я имею в виду, что если ты это заметил, то их нетрудно обнаружить.

Гимн помолчал, слегка покраснев.

– Ну разумеется, – сказал он. – Я так помешался на том, чтобы быть полезным, что забыл о том, кто я такой. Большое спасибо за напоминание о том, что я идиот.

– Гимн, я не имела в виду...

– Нет, все правильно. – Он поднялся. – К чему эти хлопоты? Мне нужно напоминать, кто я такой. Гимн Света, бог, который сам себя ненавидит. Самый бесполезный из когда-либо обретавших бессмертие. Но вот ответ мне на один вопрос.

Аврора помедлила.

– Что за вопрос?

– Почему? – спросил он, глядя на нее. – Почему я ненавижу то, что я бог? Почему я поступаю так легкомысленно? Почему я подрываю свой же авторитет? Почему?

– Я всегда считала, что тебя просто забавляет контраст.

– Нет, – ответил он. – Аврора, я был таким с самого первого дня. Очнувшись, я отказывался верить, что я – бог. Отказывался принять свое место в пантеоне и при дворе. С тех самых пор я вел себя соответственно. И, должен заметить, с годами я стал куда умнее. Но не в этом дело. На чем нужно сосредоточиться, так это на вопросе – почему?

– Не знаю, – призналась она.

– Я тоже не знаю. Но тот, кем я был раньше, – он пытается выбраться. Он нашептывает мне раскопать эту тайну. Предупреждает, что я – не бог. Побуждает меня относиться ко всему этому легкомысленно. – Он покачал головой. – Я не знаю, кем я был – никто мне не говорит. Но я начинаю кое-что подозревать: я был человеком, неспособным просто сидеть и позволять необъяснимым вещам ускользать в глубины памяти. Я был человеком, ненавидящем тайны. И я только сейчас начинаю понимать, сколько при дворе тайн.

Аврора выглядела захваченной врасплох.

– А теперь, – сказал Гимн, – прошу меня извинить, у меня есть важное дело.

Он встал и пошел прочь от шатра, а слуги поспешили за ним,

– Какое дело? – настойчиво спросила богиня, поднимаясь.

Он оглянулся.

– Повидаться со Всематерью. Надо кое-что уладить с приказами для безжизненных.

Глава 39

За неделю жизни в сточных канавах взгляды Вивенны на жизнь разительно изменились.

Она продала свои волосы на второй день за удручающе малую сумму. Купленная на эти деньги еда толком не наполнила желудок, и у Вивенны не было сил отрастить локоны заново. Их даже состригли неаккуратно, и теперь на голове остались криво обрезанные пряди. Волосы по-прежнему были мертвенно-белыми, хотя этот цвет скрывали грязь и сажа.

Она подумывала о продаже дыхания, но не представляла, куда для этого пойти или как договориться. Вдобавок Вивенна подозревала, что Дент будет наблюдать как раз за местами, где можно продать дыхание. Кроме того, она понятия не имела, как извлечь дыхание из шали, в которую она его поместила.

Нет. Надо скрываться, оставаться незаметной. Нельзя привлекать к себе внимание.

Она села на обочине, протянув руку в сторону проходящих людей и опустив глаза. Но милостыню ей не подавали. Вивенна не знала точно, как ее просят другие нищие, и их скромные доходы казались ей потрясающим сокровищем. Они знали много такого, что было ей неведомо – где сидеть, как просить. Прохожие научились избегать нищих, даже не глядеть на них. И потому преуспевали те, кто умел привлечь к себе внимание.

Вивенна не была уверена, хочет ли она привлечь к себе внимание. Муки голода в конце концов выгнали ее на многолюдные улицы, но она все еще опасалась, что ее могут отыскать Дент или Вашер.

Голод усиливался, и ее все меньше заботило остальное. Еда стала первоочередной проблемой. Смерть от рук Дента или Вашера – проблемой второстепенной.

Поток людей в разноцветной одежде продолжал течь мимо нее. Вивенна смотрела на них, не замечая лиц и фигур. Просто цвета. Множество оттенков, как в калейдоскопе.

«Здесь Дент меня не найдет, – подумала она. – Он не разглядит принцессу в уличной попрошайке».

У нее в животе заурчало. Она училась не обращать на него внимания – так же, как другие не обращали внимания на нее. Недели было мало, чтобы она чувствовала

себя как настоящая нищенка или дитя улиц, однако она училась подражать и тем, и другим, а разум в последнее время все больше туманился. С того самого момента, как она избавилась от дыхания.

Вивенна прижала шаль к груди – она постоянно так делала.

Ей до сих пор не верилось в то, что сделал Дент и его компания. Она с такой теплотой вспоминала их шутки и не могла соотнести их с увиденным в подвале. Собственно, иногда она порывалась подняться и отправиться разыскивать наемников. Очевидно же, что увиденное ею было галлюцинацией. Разумеется, они не могли быть такими ужасными людьми.

«Глупо, – подумала Вивенна. – Надо сосредоточиться. Почему мой разум не работает нормально?»

Но на чем сосредоточиться? Думать было особо не о чем. К Денту идти нельзя. Парлин погиб. Городские власти не помогут – уже пошли слухи об идрисской принцессе, ставшей причиной проблем. Ее арестуют в мгновение ока. Если в городе и были другие агенты ее отца, то она понятия не имела, как их найти и при этом не попасться Денту. Кроме того, существовала большая вероятность того, что Дент обнаружил этих агентов и убил их. Он очень хитро поступил, держа ее под присмотром и потихоньку устраняя тех, кто смог бы переправить ее в безопасное место. О чем думает отец? Он потерял Вивенну, все посланные за нею люди таинственно исчезли. А Халландрен с каждым шагом все ближе к объявлению войны.

Но это не самые насущные проблемы, сейчас у нее сводило живот от голода. В городе были бесплатные столовые, но когда Вивенна приблизилась к одной из них, то увидела на другой стороне улицы прислонившегося к дверному косяку Тонк Фа. Она развернулась и убежала, надеясь, что наемник ее не заметил. По той же причине Вивенна не осмеливалась покидать город. Дент наверняка приказал наблюдать за воротами. Кроме того, куда идти? Припасов на дорогу в Идрис у нее не было.

Может, она смогла бы уехать, если бы сумела собрать достаточно денег. Это было трудно, почти невозможно – она тратила на еду все, что удавалось добыть. Она не могла удержаться. Ничего кроме еды не казалось важным.

Она уже похудела. В животе снова заурчало.

Потная и грязная, она сидела в скудной тени. На Вивенне по-прежнему были только рубашка и шаль, хотя она уже настолько измазалась грязью, что стало трудно различить, где кончается одежда и начинается кожа. Теперь ей казалось смешным надменное желание носить только элегантные платья.

Она встряхнула головой, стараясь прогнать туман из мыслей. Одна неделя на улице показалась вечностью, но она понимала, что это только начало ее опыта жизни среди нищих. Как они только выживали? Они спали в переулках, каждый день мокли под дождем, вздрагивали от любого звука, испытывали такой голод, что были готовы есть гниющие отбросы из сточных канав. Вивенна тоже попробовала и даже сумела кое-что удержать в желудке.

Это было единственное, что она съела за последние два дня.

Рядом с ней кто-то остановился. Она подняла голову, протягивая руку, но тут же рассмотрела цвета одежды – желтый и синий. Городской стражник. Вивенна вцепилась в шаль, запахивая ее плотнее. Она понимала, что это глупо, потому что никто не знает о скрытом в ткани дыхании. Но это движение стало уже рефлексивным. Шаль была единственной ее собственностью, и, несмотря на убожество этой вещи, беспризорники уже попытались стянуть ее, когда Вивенна спала.

Стражник не потянулся к шали, он просто пихнул Вивенну дубинкой.

– Эй! Проваливай. На этом углу нельзя попрошайничать.

Он не объяснил, почему нельзя. Они никогда не объясняют. Похоже, имелись правила насчет того, где можно сидеть нищим, а где – нет, но никто не позаботился разъяснить их самим нищим. Законы создавались для господ и богов, а не для черни.

«Я уже начинаю думать о господах как о каком-то другом виде людей».

Вивенна встала, на мгновение почувствовав тошноту и головокружение. Она прислонилась к стене здания, и стражник снова ее толкнул, заставляя убираться прочь.

Склонив голову, она двинулась вместе с толпой, хотя большинство людей старались держаться от нее подальше. Казалось странной иронией, что ей освобождают пространство сейчас, когда ей уже все равно. Она даже думать не хотела о том, как от нее воняет, хотя скорее всего ее сторонились не из-за запаха, а из опасений, что она может что-то украсть. Насчет этого им не стоило волноваться. Вивенна не умела срезать кошельки или шарить по карманам и даже не пыталась попробовать, чтобы не попасться при попытке кражи.

Моральная сторона краж перестала волновать Вивенну еще несколько дней назад. Еще до того, как сменить трущобные закоулки на городские улицы, она не была столь наивна, чтобы полагать, что не станет красть, если ей нечего будет есть, хоть и думала, что пройдет гораздо больше времени, прежде чем она до такого опустится.

Она не стала искать другой угол, а отделилась от толпы и направилась обратно к идрисским трущобам. Там ее хоть немного принимали, по крайней мере считали одной из своих. Никто не знал, что она принцесса, и, кроме первого незнакомца, никто ее не узнал. Тем не менее акцент обеспечил ей место в трущобах.

Она начала подыскивать место для ночлега – это было одной из причин, по которым Вивенна решила не попрошайничать до самого вечера. Правда, вечер приносил хорошую прибыль, но она уже очень устала и хотела только найти укромное местечко для сна. Раньше Вивенна не думала, что есть разница, в каком закоулке приткнуться, но некоторые укрытия казались теплее других, а другие лучше защищали от дождя. А некоторые были безопаснее. Она училась распознавать такие детали, так же как и разбираться в том, кого не следует злить.

В ее случае к последним относились практически все, включая беспризорных детей. В негласной иерархии они все находились выше нее. Это Вивенна усвоила уже на второй день. Тогда она пыталась сохранить деньги от продажи волос, намереваясь сберечь их для отъезда из города. Она не знала, откуда уличные мальчишки узнали, что у нее есть деньги, но в тот день ее впервые избили.

Ее любимый закоулок оказался занят группой мрачных мужчин, занятых чем-то явно незаконным. Вивенна поспешно ретировалась, направившись во второй любимый закоулок, но там толпилась банда беспризорников. Тех самых, которые ее побили. Поэтому отсюда она сбежала так же быстро.

Третий закоулок оказался пуст. Это было местечко позади пекарни. Печи для ночной выпечки еще не растопили, но к раннему утру они немного нагреют стену.

Вивенна легла, свернувшись калачиком, прижавшись спиной к кирпичам, и плотнее натянула шаль. Несмотря на отсутствие подушек и одеял, заснула она мгновенно.

Глава 40

Треледис отыскал Сири на зеленой лужайке двора, где она наслаждалась трапезой. Она проигнорировала его, сосредоточившись на выставленных перед ней блюдах.

Сири решила, что море – это нечто странное. Что еще можно сказать про место, породившее существ с такими изогнутыми щупальцами, бескостными телами... и других, с иглами на коже? Она ткнула вилкой в то, что местные называли огурцом, хотя по вкусу оно нисколько не напоминало этот овощ.

Она попробовала каждое блюдо, закрыв глаза и сосредоточившись на вкусе. Некоторые яства были не так плохи, как другие, но ни одно из них ей не понравилось. Морепродукты просто не казались ей аппетитными.

«Мне будет трудно стать истинной халландренкой», – решила Сири, потягивая фруктовый сок.

К счастью, сок был превосходным. Разнообразие и вкус многочисленных халландренских фруктов впечатляли так же, как и странности морских обитателей.

Треледис прочистил горло. Верховный жрец короля-бога не привык ждать.

Сири кивком повелела служанкам принести новые блюда. Сезеброн учил жену столовому этикету, и она хотела попрактиковаться. Привычный королю-богу способ трапезы – откусывать маленькими кусочками и никогда ничего не доедать – хорошо подходил для дегустации новой еды. Сири хотела как следует познакомиться с Халландреном, его традициями, народом и вкусами. Она заставила служанок больше разговаривать с ней и собиралась встретиться с другими богами. Увидев прогуливающегося вдалеке Гимна Света, она дружески помахала ему рукой. Он казался необычно озабоченным и не подошел побеседовать, а только помахал в ответ.

«Жаль, что у меня нет предложения заставить Треледиса подождать еще дольше», – подумала Сири.

Верховный жрец снова прочистил горло, на этот раз более требовательно. Она наконец поднялась, жестом велев служанкам немного отойти.

– Вы не откажетесь прогуляться со мной, ваше святейшество? – беспечно поинтересовалась Сири.

Она томно прошла мимо него в своем роскошном фиолетовом платье со шлейфом из тончайшей ткани, который заструился по траве позади нее.

Жрец догнал ее.

– Я должен с вами кое о чем поговорить.

– Да, – кивнула она, – я об этом догадалась по тому, что вы сегодня уже несколько раз посылали за мной.

– Вы не пришли, – заметил Треледис.

– Мне кажется, что супруге короля-бога не следует приобретать привычку отвечать на требования и торопиться на встречу, кто бы о ней не попросил.

Треледис нахмурился.

– Однако, – продолжила она, – разумеется, у меня найдется время для верховного жреца, если он придет побеседовать со мной.

Выпрямившись во весь рост, он пристально посмотрел на нее. Сегодня мантия на жреце была голубая с медью – цвета короля-бога на этот день.

– Вам не следует видеть во мне врага, ваше высочество.

Сири кольнуло беспокойство, но ей удалось не позволить волосам побелеть.

– Я не вижу в вас врага, – ответила она. – Я просто устанавливаю некие правила, которые надо было оговорить с самого начала.

По лицу Треледиса скользнула тень улыбки.

«Что? – изумилась Сири. – Почему он так реагирует?»

Жрец склонился к ней и произнес с внезапной снисходительностью:

– Неужели? Вы очень мало знаете о том, что вам полагается, ваше высочество.

«Проклятье! – пронеслось у нее в голове. – Как ему удалось так быстро перехватить инициативу?»

– Я бы могла сказать то же самое о вас, ваше святейшество.

Над ними нависала темная громада дворца, его непроглядно-черные блоки казались кубиками, сложенными ребенком-исполином.

– Да? – глянул на нее Треледис. – Я почему-то в этом сомневаюсь.

Сири снова пришлось подавить всплеск беспокойства. Жрец опять улыбнулся.

«Погодите, – подумала Сири. – Он словно читает мои эмоции. Словно может видеть...»

Ее волосы не меняли цвет – по крайней мере заметно. Сири глянула на Треледиса, пытаясь понять, в чем дело, и обнаружила нечто интересное. Трава вокруг жреца казалась на оттенок ярче.

«Дыхание! – поняла Сири. – Конечно, оно у него есть! Он же один из самых влиятельных людей королевства».

Говорили, что обладатели множества дыханий способны видеть самые незначительные изменения цвета. Может, он в самом деле читает ее эмоции по едва заметному оттенку волос? Вот почему он всегда вел себя так снисходительно? Мог ли он видеть ее страх?

Она стиснула зубы. В юности она игнорировала упражнения, которые постоянно выполняла Вивенна, чтобы убедиться в полном контроле за волосами. Сири была

эмоциональной, и люди могли распознавать ее чувства, даже не глядя на волосы, поэтому она решила, что ей нет смысла учиться управлять Королевскими Локонами.

Тогда она не представляла, что такое Двор Богов и люди, наделенные силой биохромы. Ее наставники были умнее, чем думала Сири. Как и жрецы. Теперь она понимала, что наверняка Треледис и прочие изучили значение всех оттенков волос и их изменений.

Сири решила вернуть беседу в прежнее русло.

– Не забывайте, Треледис, что именно вы пришли повидать меня. Очевидно, какая-то власть у меня есть, если я даже верховного жреца могу заставить поступать согласно моим желаниям.

Он бросил на нее ледяной взгляд. Сосредоточившись, Сири постаралась удерживать совершенно черный цвет волос. Черный, для уверенности. Она смело посмотрела жрецу в глаза, не позволив локонам даже чуть-чуть изменить оттенок.

Наконец он отвернулся.

– До меня дошли тревожные слухи.

– Да?

– Да. Похоже, вы более не исполняете супружеский долг. Вы беременны?

– Нет, – ответила Сири. – Пару дней назад ко мне пришло женское недомогание, можете спросить у служанок.

– Тогда почему вы перестали пытаться?

– А что? – беспечно поинтересовалась Сири. – Ваши шпионы соскучились по ночным представлениям?

Треледис слегка покраснел. Он посмотрел на Сири, но та все еще удерживала волосы совершенно черными, без единого проблеска белого или красного цвета. Похоже, уверенность жреца поколебалась.

– Вы, идрисцы, – выплюнул он. – Живете в своих высокогорьях, в грязи и бескультуре, но все равно считаете себя лучше нас. Не судите меня. Не судите нас. Ничего вы не знаете.

– Я знаю, что вы подслушивали у покоев короля-бога.

– Не просто подслушивали, – уточнил Треледис. – В первые несколько ночей шпион сидел в самих покоях.

Сири не сумела скрыть румянец. Волосы остались по большей части черными, но если у Треледиса достаточно биохромы, чтобы различить слабые изменения, он должен заметить оттенок красного.

– Я прекрасно осведомлен о том, каким отвратительным вещам учат ваши монахи. – Треледис отвернулся. – О том, в какой ненависти вас воспитали. Вы действительно думаете, что мы позволили бы идриске встретиться с самим королем-богом наедине, без надзора? Мы должны были удостовериться, что вы не собираетесь его убить. Мы до сих пор в этом не убеждены.

– Вы сегодня удивительно откровенны, – заметила Сири.

– Я просто говорю о том, что мне следовало прояснить с самого начала. – Они остановились в тени огромного дворца. – Вы здесь незначительны в сравнении с нашим королем-богом. Он – все, а вы – ничто. Как и все мы.

«Если Сезеброн столь важен, – подумала Сири, встретив взгляд Треледиса, – то почему вы планируете его убить?»

Она не отвела глаз, хотя та девушка, которой она была всего несколько месяцев назад, уже отвернулась бы. Когда она чувствовала слабость, то вспоминала Сезеброна. Треледис руководил заговором, призванным подчинить, контролировать, а потом и убить своего же короля-бога.

И Сири хотела выяснить – почему.

– Я намеренно перестала заниматься сексом с королем-богом. – Для сохранения черного цвета волос потребовалось усилие. – Я знала, что это привлечет ваше внимание.

Она и в самом деле прекратила еженощные представления. К счастью, реакция Треледиса доказывала, что жрецы поверили в ее игру, и за это Сири благодарила удачу. Возможно, они до сих пор не ведают о том, что она способна общаться с Сезеброном. Сири проявляла большую осторожность, когда разговаривала шепотом по ночам, и часто для поддержания обмана тоже писала.

– Вы должны произвести на свет наследника, – сказал Треледис.

– Или что? Почему вы так его жаждете, Треледис?

– Это вас не касается, – ответил он. – Достаточно сказать, что у меня есть обязательства, которые вы не способны постичь. Я подчиняюсь богам и исполняю их волю, а не вашу.

– Что ж, – заметила Сири, – последнее утверждение придется слегка переделать, если вы желаете получить наследника.

Треледису определенно не нравился поворот беседы. Он посмотрел на волосы Сири, но ей как-то удалось не показать ни единого знака неуверенности. Жрец снова взглянул ей в глаза.

– Вы не можете убить меня, Треледис, – сказала Сири, – если хотите наследника королевской крови. Не можете запугать меня или принудить. Только король-бог это может – а мы оба знаем, каков он.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду, – произнес Треледис ровным тоном.

– Да перестаньте. Вы и впрямь считали, что я могу спать с мужчиной и не заметить, что у него нет языка? Что он, по сути, ребенок? Я даже сомневаюсь, может ли он посетить уборную без помощи слуг.

Треледис вспыхнул от гнева.

«А ему не все равно, – отстраненно отметила Сири. – По крайней мере, оскорбление короля-бога оскорбляет и его. Он более набожен, чем я ожидала».

Похоже, что дело было не в деньгах. Полной уверенности у Сири не было, но она подозревала, что Треледис не из тех, кто продает свою религию. Какими бы ни были причины происходящего во дворце, они имели какое-то отношение к истинной вере.

Раскрывать то, что ей известно о Сезеброне, было рискованным ходом. Сири решила, что у Треледиса в любом случае возникнут подозрения на этот счет, но все же лучше сделать вид, что она считает Сезеброна глупцом с детским разумом. Выдать одну часть информации и ввести в заблуждение другой. Если они будут думать, что король кажется ей глупцом, то не заподозрят о существовании заговора между ней и ее мужем.

Сири не была уверена в том, что поступает правильно. Но она должна научиться – или Сезеброн погибнет. А учиться можно только на практике. Сири обладала не многим, зато у нее было то, что нужно жрецам – ее лоно.

Похоже, с этим козырем она могла играть, ибо Треледис подавил гнев и нацепил маску спокойствия. Он перевел взгляд на дворец.

– Много ли вы знаете об истории этого королевства? После отбытия вашей семьи, разумеется.

Сири нахмурилась, удивленная таким вопросом.

«Вероятно, больше, чем ты думаешь», – пронеслось у нее в голове, но вслух она сказала:

– Не слишком.

– Повелитель Даритель Мира возложил на нас бремя, – сказал Треледис. – Он дал нам сокровище, которое ныне хранит король-бог – столько биохроматического дыхания, сколько не видел никто. Более пятидесяти тысяч дыханий. Он повелел нам хранить их.

Он снова повернулся к Сири:

– И предупредил, чтобы мы их не использовали.

По коже Сири пробежал холодок.

– Я не жду, что вы поймете причины наших поступков, – продолжил Треледис. – Но это было необходимо.

– Необходимо держать человека в заключении? – бросила Сири. – Лишить его способности разговаривать, сделать взрослого мужчину вечным ребенком? Он даже не понимал, что надо делать с женщиной!

– Это было необходимо, – повторил Треледис, стиснув зубы. – Вы, идрисцы, даже не пытаетесь понять. Я долгие годы имел дело с вашим отцом, и я чувствую в нем то же невежественное предубеждение.

«Он меня провоцирует», – подумала Сири, подавляя эмоции, что оказалось труднее, чем она ожидала.

– Верить в Остре, а не в ваших живых богов – не невежество. Между прочим, именно вы отреклись от нашей веры и пошли по легкому пути.

– Мы следуем богу, который защитил нас, когда ваш Остре – незримая, неведомая сущность – оставил нас на волю Калада-разрушителя. Даритель Мира возвратился к жизни с определенной целью – остановить войну между людьми, вернуть мир в Халландрен.

Он посмотрел на Сири.

– Его имя свято. Именно он даровал нам жизнь, Сосуд. И попросил лишь об одном – позаботиться о его силе. Он умер, чтобы дать ее нам, но потребовал, чтобы мы

сохранили ее, на случай если он снова возвратится и будет нуждаться в ней. Мы не могли позволить использовать ее. Не могли позволить осквернить ее. Даже нашему королю-богу.

Он замолчал.

«Но каким образом вы передаете сокровище?» – подумала она, порываясь спросить об этом. Не слишком ли много она выдаст таким вопросом?

Треледис наконец продолжил:

– Теперь я вижу, почему отец послал вас, а не другую дочь. Нам надо было изучить всех принцесс, а не только старшую. Вы гораздо способнее, чем нас заставили поверить.

Это утверждение стало для Сири неожиданностью, но ей удалось сохранить цвет волос. Жрец со вздохом отвернулся:

– Каковы ваши требования? Что надо сделать, чтобы вы вернулись к своим... еженощным обязанностям?

– Мои служанки, – ответила Сири. – Я бы хотела заменить главных служанок женщинами из Пан-Каля.

– Вы недовольны своими служанками?

– В основном довольна, – сказала Сири. – Мне просто кажется, что с пан-кальками у меня больше общего. Они, как и я, живут вдали от своего народа. Кроме того, мне нравится их коричневая одежда.

– Разумеется. – Треледис явно решил, что просьба продиктована ее идрисскими предрассудками.

– Халландренские девушки могут исполнять те обязанности, что доставались пан-калькам, – сказала Сири. – Не надо забирать их у меня. Собственно, я хочу продолжать общаться с некоторыми из них. Однако основной состав служанок – те, которые всегда меня сопровождают, – должен быть из Пан-Каля.

– Как я и сказал, – кивнул Треледис, – это будет исполнено. В таком случае вы вернетесь к своим обязанностям?

– Пока да, – подтвердила Сири. – Вы получите еще несколько недель.

Жрец нахмурился, но что он мог поделать? Сири улыбнулась ему и пошла прочь. Она была не слишком довольна тем, как прошла беседа. Да, она добилась победы – но еще больше настроила против себя Треледиса.

«Сомневаюсь, что он мне будет симпатизировать, что бы я ни делала, – решила Сири, возвращаясь в шатер. – Но может, это и к лучшему».

Она так и не узнала, что может случиться с Сезеброном, но хотя бы убедилась в том, что жрецами можно манипулировать. Это кое-что значило, хотя Сири сознавала, что ступила на опасную почву. Она вернулась к еде, решив попробовать еще одно блюдо из морепродуктов. Нужно стараться как можно больше узнать о Халландрене, но если жизнь Сезеброна окажется в опасности, то она увезет его прочь. Она надеялась, что если пан-кальцы Синепалого получают более заметное место в ее свите, это облегчит побег. Она надеялась на это.

Вздохнув, Сири поднесла к губам новый кусочек и продолжила дегустацию.

Глава 41

Вивенна показала монету.

– Одна монета? – спросил Кэдс. – И все? Одна-единственная?

Он был одним из самых грязных людей, которых встречала Вивенна, даже в трущобах, но при этом любил модную одежду. Таков был его стиль – одежда поношенная и грязная, зато отвечающая последней моде. Похоже, он находил это забавным. Насмешкой над знатью.

Он повертел монету в покрытых глубоко въевшейся грязью пальцах:

– Всего одна.

– Умоляю, – прошептала Вивенна.

Они стояли у входа в закуток между двумя ресторанами. В самом закутке беспризорники рылись в обедках, только что выброшенных из ресторанов. Рот Вивенны наполнился слюной.

– Мне трудно поверить, девочка, – сказал он, – что только это ты сегодня и заработала.

– Пожалуйста, Кэдс, – повторила она. – Ты знаешь... знаешь, я плохо попрошайничаю.

Снова пошел дождь.

– Надо стараться, – ответил Кэдс. – Даже дети приносят мне не меньше двух монет.

За его спиной пировали угодившие хозяину счастливики. Пища так дивно пахла, хотя, возможно, запах шел от ресторана.

– Я уже несколько дней не ела, – прошептала она, смаргивая капли дождя.

– Вот значит завтра и постарайся, – бросил Кэдс, жестом отгоняя ее.

– Моя монета...

Но как только она протянула руку, Кэдс немедленно поманил своих громил. Вивенна рефлекторно отшатнулась, споткнувшись.

– Завтра принесешь две. – Кэдс шагнул в закуток. – Видишь ли, мне надо платить владельцам ресторана. Я не могу кормить тебя бесплатно.

Вивенна застыла, глядя на него. Не потому, что надеялась переубедить Кэдса, просто она силилась осмыслить услышанное. Это была последняя возможность поесть сегодня. В других местах на одну монету она купила бы горсточку еды, но здесь в прошлый раз она смогла поесть досыта.

Это было неделю назад. Сколько она уже скиталась по улицам? Она не знала. Тупо развернувшись, она затянула на себе шаль. Сумерки сгущались, пора идти просить милостыню.

Но она не могла – только не после потери этой монеты. Она была потрясена так, будто у нее похитили самое ценное имущество.

Нет. Нет. У нее есть еще кое-что. Она плотнее запахнула шаль.

Но почему шаль так важна? Вивенна с трудом могла припомнить.

Она вернулась мыслями к горам. Ее дому. Отчасти она понимала, что нельзя так отдаляться от той, кем она была. Она ведь была принцессой, да? Но в последнее время она чувствовала себя настолько больной, что даже не могла больше ощущать голод. Это было очень неправильно. Совсем, совсем неправильно.

Вернувшись в трущобы, она побрела сгорбившись и стараясь держать голову опущенной, чтобы ее не сочли слишком дерзкой. Проходя мимо шлюх, которые стояли на правой стороне улицы, защищенные от дождя навесом, она задержалась.

Вивенна уставилась на этих женщин в вызывающей одежде. Она углубилась в трущобы всего на две улицы, и это место еще не было слишком опасным для чужаков. Все знали, что нельзя грабить мужчин, приходящих к шлюхам. Трущобным лордам не нравилось, если местные отпугивали клиентов. «Вредит делу, – как выразился бы Дент.

На некоторое время Вивенна застыла. Шлюхи выглядели сытыми и не были грязными. Некоторые из них смеялись. Она может стать одной из них. Об этом с ней однажды говорил уличный мальчишка, отметив, что она достаточно молода. Он предложил отвести ее к трущобному лорду, надеясь получить немного денег за новую девушку.

Это казалось таким соблазнительным: еда, тепло, сухая постель.

«Острее благословенный, – содрогнулась она. – О чем я думаю? Что с моим рассудком?»

Было так трудно сосредоточиться. Она как будто постоянно пребывала в трансе.

Она заставила себя двигаться и поплелась прочь от этих женщин. Она так не поступит. Пока что.

Пока что.

«Владыка Цвета, – с ужасом подумала Вивенна. – Нужно уходить из этого города. Лучше умереть от голода по дороге в Идрис, лучше попасть в руки к Денту и подвергнуться пыткам! Все это лучше, чем оказаться в борделе».

Однако подобно аморальности воровства, аморальность продажи собственного тела уже не казалась такой страшной перед муками постоянного голода. Она добрела до последнего переулка, поскольку из остальных ее прогнали. Здесь было неплохо – уединенное местечко, но нередко заполненное самыми юными беспризорниками. Она предпочитала их компанию, хотя и знала, что вечером они будут искать у нее деньги.

«Трудно представить, как я устала», – подумала Вивенна. У нее закружилась голова, пришлось опереться о стену и несколько раз глубоко вздохнуть. В последние дни у нее часто кружилась голова.

Она снова двинулась вперед. Переулок был пуст – другие обитатели трущоб по вечерам обычно задерживались, стремясь заработать пару лишних монет. Вивенна выбрала лучшее место – небольшую земляную насыпь, на которой каким-то чудом вырос пучок травы. Даже комьев земли там оказалось немного. И пусть дождь превратит их в грязь, Вивенне было все равно.

За ее спиной в переулке ступили тени.

Вивенна среагировала моментально – кинулась бежать. Уроки жизни на улице усваивались быстро. Паника заставила ее перебороть слабость и добавить скорости.

Однако из противоположного конца переулка к ней шагнула другая тень. Вивенна застыла, затем повернулась и увидела направляющуюся к ней компанию головорезов.

За их спинами она заметила человека, который несколько недель назад ограбил ее и забрал платье. У него был огорченный вид.

– Прости, принцесса, – произнес он. – Просто награда очень уж высокая. Но я потратил уйму времени, чтобы тебя разыскать, ты отлично пряталась.

Вивенна моргнула и без сил опустилась на землю.

«Я просто больше не могу», – подумала она, обхватив себя руками. Она была истощена – умственно, эмоционально – во всех отношениях. В какой-то мере она была рада, что все закончилось. Она понятия не имела, что эти люди намереваются с ней сделать, но знала, что это конец. Кому бы они ее ни продали, сбежать снова ей не позволят.

Громилы окружили ее. Она услышала, как один упомянул Дента. Грубые руки подхватили ее, вздернули на ноги, и она побрела, опустив голову. Они вышли на главную улицу. Уже смеркалось, но в переулок не заглядывали ни беспризорники, ни нищие.

«Я должна была догадаться, – подумала Вивенна. – Улицы слишком пустынные».

Все случившееся наконец сломило ее. У нее не осталось сил для нового бегства. В глубине души она поняла, что наставники были правы. Ослабев и испытывая муки голода, трудно заставить себя вообще что-то делать, не говоря уже о побеге.

Сейчас она с трудом вспоминала эти наставления. Она уже почти не помнила, каково это – не быть голодной.

Бандиты остановились. Вивенна подняла голову, моргая, чтобы справиться с головокружением. Прямо перед ними посреди темной мокрой улицы что-то торчало из земли. Черный меч в серебряных ножнах.

Улица погрузилась в тишину. Один из бандитов шагнул вперед, выдернул меч и расстегнул пряжку. Вивенна почувствовала приступ тошноты, но скорее воспоминание, чем настоящее ощущение. Она в ужасе отступила назад.

Остальные громилы, словно замороженные, сгрудились вокруг своего приятеля. Один из них потянулся к рукояти.

Завладевший мечом бандит нанес удар, замахнувшись клинком в ножнах в лицо товарища. Над тонкой полоской лезвия, выглядывающей из ножен, заструился черный дым.

Все мужчины с криками рванулись к мечу. Его обладатель продолжал размахивать оружием, которое наносило удары с большей силой и причиняло больший вред, чем должно было. Ломались кости, по мостовой текла кровь. Человек с мечом атаковал, двигаясь с кошмарной скоростью. Вивенна, все еще пятясь, увидела его глаза.

Они были наполнены ужасом.

Последним он убил того, кто ограбил Вивенну в день, казавшийся теперь таким давним. Удар упрятого в ножны меча пришелся по спине мужчины так, что затрещали кости. К этому моменту рукав обладателя меча рассыпался в прах, и вокруг

его плеча подобно плющу обвилась чернота, а на коже вздулись черные пульсирующие вены. Человек испустил пронзительный, отчаянный крик.

Затем он повернул меч и прямо в ножнах вогнал себе в грудь. Оружие пронзило кожу и плоть, хотя ножны не казались заостренными. Бандит рухнул на колени, откинулся назад и задергался, уставившись в небо, а черные вены на его руке начали исчезать. Так он и умер – на коленях, прямо на мече, торчащем из спины и удерживающем его над мостовой.

Вивенна стояла в одиночестве посреди заваленной трупами улицы. С крыши на двух извивающихся пробужденных веревках спустился какой-то человек. Он мягко приземлился, и веревки обмякли. Он прошел мимо Вивенны, не взглянув на нее, и взялся за меч. Помедлив мгновение, он застегнул пряжку и выдернул из трупа все еще находящееся в ножнах оружие.

Мертвец наконец упал на землю.

Вивенна тупо смотрела перед собой. Совершенно оцепеневшая, она села прямо на мостовую и даже не вздрогнула, когда Вашер поднял ее и перебросил через плечо.

Глава 42

– Ее милость не заинтересована во встрече с вами, – сказала жрица, отвесив почтительный поклон.

– А меня не интересует ее незаинтересованность, – ответил Гимн. – Может, для уверенности стоит спросить ее еще раз?

Жрица склонила голову:

– Приношу свои извинения, ваша милость, но я спросила уже четырнадцать раз. С каждой вашей просьбой терпение богини Всематери истощается, и она приказала мне больше не отвечать на них.

– Такой же приказ она отдала и другим жрицам?

Женщина помедлила:

– Э... нет, ваша милость.

– Замечательно, – сказал Гимн. – Пошлите за одной из них. А затем отправьте уже ее спросить Всематерь, примет ли она меня.

Жрица испустила громкий вздох, и Гимн расценил это как победу. У Всематери были самые набожные и смиренные жрицы во всем дворе, и если ему удалось вызвать раздражение у них, значит, он может рассердить кого угодно. Уперев руки в бока, он ждал, пока исполнят его распоряжение. Всематерь могла командовать своими слугами и жрецами, но не в ее власти было заставить их игнорировать Гимна Света. Он ведь тоже был богом, и им приходилось подчиняться его просьбам, если только он не требовал чего-то, напрямую запрещенного Всематерью.

Даже если тем самым они раздражали свою госпожу.

– Я овладеваю новым искусством, – сказал Гимн. – Бесить через посредника!

Лларимар вздохнул:

– Ваша милость, а как же ваша речь перед Авророй Соблазна несколько дней назад? Помнится, вы давали понять, что не собираетесь настолько раздражать людей.

– Я не говорил ничего подобного! – возразил Гимн. – Я просто сказал, что начал чуть больше узнавать в себе человека, которым был раньше. Но это не значит, что я отказываюсь от успехов, достигнутых мной за последние несколько лет.

– Ваше самоосмысление достойно восхищения, ваша милость.

– Я знаю! А теперь – тише. Жрица возвращается.

В самом деле, она приблизилась и склонилась перед Гимном.

– Мои извинения, ваша милость. Наша богиня повелела, чтобы ни одна жрица не передавала ей ваши просьбы о встрече.

– А она сказала, что они не могут попросить ее выйти сюда?

– Да, ваша милость, – кивнула жрица. – И она запретила любые другие формулировки, подразумевающие встречу с вашей милостью, обмен письмами или передачу посланий от вас в любой форме.

– Хм, – произнес Гимн, потирая подбородок. – Она быстро схватывает. Что ж, полагаю, ничего не поделаешь.

Жрица заметно расслабилась.

– Тушкан, поставь шатер прямо здесь, перед ее дворцом, – распорядился Гимн. – Сегодня я собираюсь спать здесь.

Жрица вскинула голову.

– Что вы собираетесь делать? – уточнил Лларимар.

Гимн Света пожал плечами.

– Я не уйду, пока не встречу со Всематерью. Это значит, что останусь, пока она меня не примет. Уже больше недели прошло! Если ей так хочется проявлять упрямство, я докажу, что могу быть так же упрям. – Он бросил взгляд на жрицу. – Знаете ли, прикидываясь несносным фигляром, я в этом весьма поднаторел. Полагаю, Всематерь не запретила пускать во дворец белок?

– Белок, ваша милость? – переспросила женщина.

– Превосходно, – сказал Гимн, усаживаясь.

Слуги принялись устанавливать шатер, а он достал из коробки безжизненную белку и посадил ее на ладонь вытянутой руки.

– Миндальная трава, – тихо проговорил Гимн новый приказ, который его люди запечатлели в безжизненном существе, и повысил голос, чтобы его услышала жрица: – Беги во дворец, найди живущую там возвращенную, бегай вокруг нее и вопи так громко, как сможешь. Не позволяй себя поймать. О, и еще – раздери столько мебели, сколько сможешь.

Затем повторил тише:

– Миндальная трава.

Белка спрыгнула с ладони и метнулась во дворец. Жрица с ужасом проследила за ней взглядом. Зверек принялся верещать совершенно не по-беличьей и, проскользнув между ног ошеломленного стражника, исчез в здании.

– Вечер становится восхитительным, – заметил Гимн, потянувшись за виноградом, когда жрица бросилась за белкой.

– Зверек не сможет выполнить все эти распоряжения, ваша милость, – сказал Лларимар. – Несмотря на то, что дыхание дает ему силу повиноваться приказам, у него все же разум белки.

– Посмотрим, – пожал плечами Гимн Света.

Из дворца донеслись раздраженные крики. Гимн улыбнулся.

Прошло больше времени, чем он ожидал. Всематерь была упряма, что доказывала неудачная попытка Авроры манипулировать ею. Поэтому Гимн просто сидел, безмятежно слушая игру музыкантов. Время от времени из дворца выглядывала служительница проверить, здесь ли он еще. Прошло несколько часов. Гимн старался не есть и не пить слишком много, чтобы не пришлось отлучаться в уборную.

Он приказал музыкантам играть погромче. Он специально выбрал труппу со множеством ударных инструментов.

Наконец из дворца вышла всклокоченная жрица.

– Ее милость вас примет, – сказала она, склонившись перед Гимном.

– Что? – переспросил он. – А, конечно. Я должен идти прямо сейчас? Можно я дослушаю эту песню?

Жрица подняла голову:

– Я...

– Ну хорошо, хорошо, – отозвался Гимн, вставая.

***

Всематерь все еще находилась в зале аудиенций. Гимн помедлил в дверном проеме, который, как и в остальных дворцах, был спроектирован с учетом роста богов, и нахмурился.

Люди по-прежнему ждали в очереди, а Всематерь восседала на троне в передней части зала. Она была коренастой, а ее седые волосы и морщинистое лицо всегда казались ему не совсем уместными для богини. Внешне она выглядела самой старой в пантеоне.

Он уже давно здесь не бывал. Собственно...

«Последний раз я был здесь вечером накануне того дня, когда Безмятежная Пророчица отдала свое дыхание, – вспомнил он. – В тот вечер, несколько лет назад, мы разделили ее последнюю трапезу».

С тех пор он сюда не приходил. Да и зачем? Они со Всематерью общались только из-за Безмятежной Пророчицы. Во время этих встреч Всематерь обычно предельно ясно давала понять, что она думает о Гимне Света. По крайней мере, она была честна.

Сказать того же о себе он не мог.

Всематерь не подала виду, что заметила вошедшего. Она сидела, слегка подавшись вперед, и выслушивала очередного просителя – мужчину средних лет, неловко опиравшегося на посох.

– ... теперь мои дети голодают, – говорил он. – У меня нет денег на еду. Если бы с моей ногой все было в порядке, я бы вернулся в доки.

Он опустил взгляд.

– Твоя вера достойна похвалы, – промолвила Всематерь. – Расскажи, как ты повредил ногу?

– Несчастный случай на рыбалке, ваша милость, – ответил мужчина. – Я спустился с гор несколько лет назад, когда мой урожай погубили заморозки. Я нанялся на один из штормобейцев – кораблей, которые выходят в весенние бури и ловят рыбу, пока прочие остаются в гавани. Мне на ногу упал бочонок. А хромого никто не берет на борт.

Всематерь кивнула.

– Я бы не пришел к вам, – продолжил он, – но жена болеет, а дочь так плачет от голода...

Всематерь положила руку на плечо мужчины.

– Я понимаю твою беду, но она не так тяжела, как можно подумать. Поговори с моим верховным жрецом. У меня есть преданный человек в порту. У тебя две здоровые руки, ты можешь чинить сети.

Мужчина поднял голову, и в его глазах заблестела надежда.

– Мы дадим тебе достаточно еды, чтобы прокормить семью, пока ты не освоишь новое дело, – закончила Всематерь. – Ступай с моим благословением.

Рыбак встал и с рыданиями снова рухнул на колени.

– Благодарю вас, – прошептал он. – Благодарю.

Жрецы выступили вперед и вывели просителя. В зале воцарилась тишина. Всематерь подняла взгляд и встретила глазами с Гимном. Она кивнула жрецам, и один из них подошел с маленьким туго перевязанным меховым свертком.

– Как мне сказали, это твое? – спросила Всематерь.

– А, да. – Гимн слегка покраснел. – Дико извиняюсь. Она от меня убежала.

– Со случайным приказом найти меня? – уточнила богиня. – А затем бегать вокруг и верещать?

– Так это сработало? – удивился Гимн. – Интересно. Мой верховный жрец полагал, что мозг белки не способен осмыслить такой сложный приказ.

Всематерь одарила его холодным взглядом.

– О, – произнес он. – Я хотел сказать: «Упс, она меня неправильно поняла. Глупая белка». Приношу глубочайшие извинения, высокоуважаемая сестра.

Вздыхнув, Всематерь указала на одну из дверей. Гимн направился туда, а богиня последовала за ним в сопровождении нескольких слуг. Всематерь двигалась со старческой скованностью.

«Мне кажется или она правда выглядит старше, чем раньше?»

Конечно, такое невозможно. Возвращенные не старели – по крайней мере те, кто достиг зрелости.

Как только они оказались за пределами видимости и слышимости просителей, Всематерь схватила Гимна за руку и рявкнула:

– Что, во имя Цвета, ты творишь?

Он развернулся, вскидывая бровь:

– Ну, ты не желала меня видеть, и...

– Идиот, ты хочешь уничтожить ту малость авторитета, которая у нас еще осталась? Люди в городе уже говорят, что возвращенные слабеют и что лучшие из нас умерли много лет назад.

– Может, они и правы.

Всематерь одарила его сердитым взглядом:

– Если слишком много людей поверят в это, мы потеряем доступ к дыханиям. Ты об этом подумал?! Ты подумал, чем для нас обернутся твое отсутствие такта и легкомыслие?

– Потому ты устраиваешь представление? – спросил Гимн, оглядываясь на дверь.

– Когда-то возвращенные не просто выслушивали прошения и отказывали или соглашались, – сказала Всематерь. – Они уделяли время каждому приходившему и изо всех сил пытались найти способ помочь.

– Это же ужасно хлопотно!

– Мы их боги. Разве нас должны пугать хлопоты? – Она пристально посмотрела на собеседника. – А, да, конечно. Мы не хотим, чтобы мелочи вроде людских страданий мешали нашему досугу. Зачем я вообще с тобой говорю?

Она развернулась к выходу из комнаты.

– Я пришел отдать тебе мои приказы для безжизненных, – сказал Гимн Света.

Всематерь застыла.

– Аврора контролирует два комплекта приказов, – продолжал он, – которые позволяют ей управлять половиной нашей армии. Меня это беспокоит. То есть я доверяю ей так же, как и другим возвращенным, но если разразится война, то Аврора быстро станет вторым по могуществу человеком в королевстве. Больше власти будет лишь у короля-бога.

Всематерь смотрела на него с непроницаемым выражением.

– Думаю, лучше всего уравновесить ее еще кем-то с двумя комплектами приказов, – закончил Гимн. – Возможно, это заставит ее задуматься и удержит от поспешных решений.

Наступило молчание.

– Безмятежная Пророчица доверяла тебе, – наконец произнесла Всематерь.

– Должен признать – это был ее единственный порок, – ответил Гимн. – Даже у богинь они есть... как мне кажется. Я счел уместным никогда не указывать на такие детали.

– Она была лучшей из нас. – Всематерь перевела взгляд на своих просителей. – Она могла проводить с людьми весь день. Люди ее любили.

– Донная синяя линия, – произнес Гимн. – Моя управляющая фраза. Прошу, прими ее. Я скажу Авроре, что ты заставила меня ее выдать. Конечно, она разозлится, но мне не привыкать.

– Нет, – ответила Всематерь. – Нет, Гимн, я не позволю тебе так просто выйти из игры.

– Что? – вздрогнул он.

– Неужели ты не чувствуешь? В городе что-то происходит. Беспорядки среди идрисцев и в их трущобах, все более яростные споры наших жрецов. – Она покачала головой. – Я не позволю тебе увернуться от своих обязанностей. Ты был избран для своей роли. Ты – бог, как и мы, даже если отчаянно притворяешься, что это не так.

– У тебя уже есть мой приказ, Всематерь. – Он пожал плечами и направился к выходу. – Делай с ним что хочешь.

– Зеленые колокольчики, – бросила Всематерь. – Вот мой.

Гимн застыл на середине шага.

– Теперь приказы есть у нас обоих, – сказала старая богиня. – Если сказанное тобой ранее правда, то будет лучше иметь доступ к приказам друг друга.

Он резко повернулся.

– Ты же только что назвала меня дураком! А теперь доверяешь командование своими солдатами? Всематерь, я хочу задать вопрос, уж не сочти за грубость, пожалуйста... Но, во имя Цвета, что с тобой?

– Мне снилось, что ты придешь. – Она посмотрела ему в глаза. – Неделю назад я увидела это в картинах. И всю эту неделю на полотнах меня преследовали узоры из кругов – красных с золотом. Твои цвета.

– Совпадение, – заявил он.

Всематерь тихо фыркнула.

– Гимн, тебе придется отбросить свой дурацкий эгоизм. Речь идет не только о нас. Я решила лучше исполнять свои обязанности. Возможно, тебе стоит задуматься над тем, кто ты такой и что ты делаешь.

– О, моя дорогая Всематерь, – ответил он. – Видишь ли, в этом-то и загвоздка. Ты считаешь, что я не пытался измениться, стать другим. Но каждый раз, когда я пытаюсь, всё оборачивается катастрофой.

Пожилая богиня развернулась и направилась в зал к просителям.

– Что ж, к добру или худу, но у тебя есть мои приказы. Лично мне любопытно посмотреть, как ты ими распорядишься.

Глава 43

Вивенна очнулась – больная, усталая, голодная, мучимая жаждой. Но живая.

Она открыла глаза, испытывая странное ощущение – комфорт. Резко села на мягкой удобной кровати, и голова тут же закружилась.

– Советую быть осторожнее, – прозвучал чей-то голос. – Ты еще слаба.

Вивенна моргнула, проясняя зрение, и ее взгляд остановился на человеке, который сидел за столом спиной к ней и, похоже, ел. К столу был прислонен черный меч в серебряных ножнах.

– Ты.

– Я, – ответил Вашер, не отрываясь от еды.

Вивенна оглядела себя и обнаружила, что на ней больше нет лохмотьев, их сменила ночная сорочка из мягкого хлопка. Тело было чистым, а коснувшись волос, она

обнаружила, что колтуны исчезли, но белый цвет остался. Так странно снова чувствовать себя чистой.

– Ты... изнасиловал меня? – робко спросила она.

Вашер фыркнул:

– Меня не привлекают женщины, побывавшие в постели Дента.

– Я никогда не спала с ним, – ответила она, не понимая, зачем оправдывается перед Вашером.

Тот повернулся, и Вивенна отметила, что борода у него по-прежнему клочковатая и неровная, а одежда далеко не такая добротная, как та, что на ней. Он взглянул ей в глаза:

– Дент тебя одурачил, да?

Она кивнула.

– Дура.

Она снова кивнула.

Вашер вернулся к трапезе.

– Этот дом принадлежит одной женщине, – сообщил он. – Я заплатил ей, чтобы она тебя мыла, одевала и меняла под тобой судно. Я к тебе не прикасался.

Вивенна нахмурилась:

– Что... что случилось?

– Ты помнишь бой на улице?

– С твоим мечом?

Он кивнул.

– Смутно. Ты меня спас.

– Я вырвал из лап Дента оружие, – сказал он. – Только это и было важно.

– Все равно спасибо.

Несколько секунд он молчал и наконец проронил:

– Да не за что.

– Почему мне так плохо?

– Трамария, – пояснил он. – В горах этой болезни не бывает, ее переносят насекомые. Скорее всего ты подцепила ее за пару недель до того, как я тебя нашел. Если ты чувствуешь слабость, то все еще больна.

Вивенна коснулась лба.

– Похоже, тебе пришлось несладко, – заметил Вашер. – Головокружение, помрачение рассудка, голод...

– Да, – пробормотала она.

– Ты это заслужила, – сказал он, не отвлекаясь от еды.

Некоторое время Вивенна не шевелилась. От пищи так приятно пахло, но, похоже, ее кормили, пока она пребывала в беспамятстве, потому что она была не так голодна, как можно было подумать.

– Сколько времени я провела без сознания?

– С неделю, – ответил Вашер. – Тебе надо еще поспать.

– Что ты собираешься со мной делать?

Вместо ответа он поинтересовался:

– У тебя было биохроматическое дыхание. Ты отдала его Денту?

Вивенна ответила не сразу.

– Да.

Вашер посмотрел на нее, подняв бровь.

– Нет, – призналась она, отводя взгляд. – Я влила его в шаль, которая на мне была.

Вашер поднялся и вышел. Вивенне пришла в голову мысль о побеге, но вместо этого она выбралась из кровати и принялась доедать его завтрак – жареную рыбину. Морская пища больше ее не смущала.

Вернувшись, Вашер остановился в дверях, глядя, как Вивенна расправляется с рыбой. Он не стал сгонять ее со стула, а просто придвинул к столу другой. Немного подождав, он показал шаль, выстиранную и чистую:

– Эта?

Вивенна замерла с прилипшим к щеке кусочком рыбы.

Вашер положил шаль на стол рядом с ее владелицей.

– Ты ее возвращаешь? – спросила Вивенна.

Он пожал плечами:

– Если там хранится дыхание, то мне до него не добраться. Только ты можешь его извлечь.

– Я не знаю приказа.

Вивенна взяла шаль в руки.

Вашер снова вскинул бровь:

– Так ты освободилась из моих веревок, не пробуждая их?

Она покачала головой:

– Тот приказ я угадала.

– Надо было лучше вставить кляп. Что значит «угадала»?

– Я тогда вообще впервые применила дыхание.

– Да, конечно, ты же королевской крови.

– Что это значит?

Он только головой покачал, указывая на шаль, и произнес:

– «Дыхание твое – ко мне» – вот нужный тебе приказ.

Вивенна положила руку на шаль и произнесла эти слова. Все мгновенно изменилось.

Головокружение прошло, мир заиграл яркими красками. Вивенна резко втянула воздух, содрогаясь от наслаждения вернувшимся дыханием. Оно накатило с такой силой, что она соскользнула со стула, вздрагивая, словно в припадке. Это было изумительно. Она ощущала жизнь, ощущала Вашера и ореол яркого и прекрасного цвета вокруг него. Она снова была жива.

Несколько секунд она просто купалась в этом ощущении.

– Когда впервые обретаешь дыхание, оно потрясает, – сказал Вашер. – Если возвращаешь его себе после часа-двух, то испытываешь не слишком сильные

ощущения. Но подожди пару недель или хотя бы несколько дней – и ощутишь себя так, будто принял дыхание впервые.

Улыбаясь, чувствуя себя превосходно, она снова уселась за стол и вытерла рыбу с лица.

– Болезнь прошла!

– Разумеется, – ответил Вашер. – Насколько я могу судить, у тебя хватает дыхания как минимум для третьего возвышения. Ты никогда не заболеешь. Ты почти не будешь стареть. Конечно, если сумеешь удержать дыхание.

Вивенна с ужасом взглянула на него.

– Нет, – заверил Вашер. – Я не собираюсь принуждать тебя отдать мне дыхание... хотя и стоило бы. От тебя куда больше проблем, чем пользы, принцесса.

Она снова принялась за еду, чувствуя себя увереннее. Теперь последние несколько недель казались кошмаром – нереальной иллюзией, не имеющей к ней отношения. Она на самом деле сидела на улице и попрошайничала? Спала под дождем и жила в грязи? Всерьез задумывалась о том, чтобы стать проституткой?

Да, все это было. После обретения дыхания она не забыла пережитое. Но, может, ее действиями управляло то, что она была тусклой? Внесло ли свой вклад и недомогание? Но в любом случае, сильнее всего влияло простое отчаяние.

– Ладно. – Вашер встал и взял черный меч. – Пора идти.

– Куда? – с подозрением спросила Вивенна.

В прошлую встречу этот человек связал ее, заставил прикоснуться к мечу и оставил с кляпом во рту.

Вашер не обратил внимания на ее беспокойство и бросил на стол грудку одежды.

– Одевайся.

Она перебрала ворох: плотные штаны, туника, которую можно заправить в них, и жилет, надеваемый поверх туники. Все вещи были разных оттенков синего, и к ним прилагалось нижнее белье более бледного цвета.

– Это мужская одежда, – заметила Вивенна.

– Она практична, – ответил Вашер, направляясь к двери. – Я не собираюсь тратить деньги на красивые платья, принцесса. Придется привыкать к таким вещам.

Она открыла было рот, но тут же закрыла, проглотив возмущение. Она совсем недавно провела целых... даже непонятно сколько времени на улицах в тонкой, почти прозрачной рубашке, едва доходившей до середины бедер. Так что штаны и рубашку она приняла с благодарностью.

– Постой. – Вивенна повернулась к Вашеру. – Я благодарна за одежду. Но мне хотелось бы знать, что ты собираешься со мной сделать.

Вашер задержался у двери:

– У меня для тебя есть работа.

Она содрогнулась, вспомнив о телах, которые показывал Дент, и об убитых Вашером людях.

– Ты снова собираешься убивать, да?

Нахмурившись, он повернулся к ней.

– Дент что-то замышляет. Я хочу ему помешать.

– Дент работал на меня, – сказала Вивенна. – Точнее, притворялся, что работал. Все, что он делал, было сделано по моему приказу. Но он лишь подыгрывал, чтобы я считала главной себя.

Вашер разразился хохотом, и Вивенна вспыхнула, а ее волосы впервые после вызванного смертью Парлина шока отозвались на ее настроение и покраснели.

Ощущения были такими нереальными. Две недели на улице? Они показались ей вечностью. Но теперь она, выкупанная и накормленная, чувствовала себя почти самой собой. Отчасти – из-за дыхания, чудесного и прекрасного дыхания, с которым больше не хотелось расставаться.

Это вообще не похоже на нее прежнюю. Кем же тогда она стала? Имеет ли это значение?

– Ты надо мной смеешься, – сказала Вивенна, глядя на Вашера. – Но я просто старалась сделать как лучше. Хотела помочь моему народу в надвигающейся войне. Бороться против Халландрена.

– Халландрен тебе не враг.

– Враг, – отрезала она. – И он собирается напасть на мой народ.

– У жрецов есть веские причины поступить именно так.

Вивенна фыркнула:

– Дент сказал, что каждый человек думает, что он поступает правильно.

– На свою беду, Дент слишком умный. Он играл с тобой, принцесса.

– Ты о чем?

– Тебе ведь и в голову не приходило? – спросил Вашер. – Нападения на караваны? Подстрекательство бедняков-идрисцев к бунту? Напоминания им о Варе и его обещаниях свободы, которые еще свежи в памяти? Твои выступления перед трущобными лордами, чтобы убедить их в том, что Идрис работает против халландренского правительства? Принцесса, ты говоришь, что каждый человек считает себя правым, а каждый, кто против тебя, заблуждается.

Он взглянул ей прямо в глаза:

– Ты хоть раз задумалась, что это ты можешь быть не на той стороне?

Вивенна застыла.

– Дент на тебя не работал, – продолжил Вашер. – Даже не притворялся, что работает. Его нанял кто-то из города, чтобы разжечь войну между Идрисом и Халландреном, и последние несколько месяцев он пользовался тобой и добивался своей цели. Я пытаюсь выяснить – почему. Кто за этим стоит и зачем ему нужна война?

Вивенна с широко раскрытыми глазами опустила на стул. Не может быть. Он ошибается.

– Ты была идеальной марионеткой, – добавил он. – Ты напомнила обитателям трущоб об их происхождении, и Дент использовал тебя, чтобы объединить их вокруг тебя. Двор Богов сейчас в шаге от того, чтобы выступить в поход на твою родину. Не потому, что боги ненавидят идрисцев, а потому, что они считают, будто идрисские мятежники уже напали на них.

Он покачал головой.

– Не могу поверить, что ты не осознавала своих поступков. Я считал, что ты намеренно помогала ему развязать войну. – Вашер пристально посмотрел на нее. – Я недооценил твой идиотизм. Одевайся. Не знаю, хватит ли нам времени исправить то, что ты натворила, но попробовать надо.

***

Одежда ощущалась странно. Штаны так облегли бедра, что Вивенна чувствовала себя голой. Отсутствие шелеста юбок казалось непривычным.

Она шла рядом с Вашером молча, с опущенной головой. Ее слишком короткие волосы даже нельзя было заплести в косу. Пока что Вивенна не пыталась их отрастить заново – на это ушли бы необходимые ее телу силы.

Они пробирались через идрисские трущобы, и Вивенна заставляла себя не дергаться от каждого звука, поминутно оглядываясь, чтобы проверить, не преследует ли их кто-нибудь. Не намеревается ли этот уличный мальчишка стащить деньги, которые она заработала попрошайничеством? Не собирается ли эта компания громил продать ее Денту? Не скрываются ли в этих тенях сероглазые безжизненные, готовые к нападению и резне? Они прошли мимо бродяжки, молодой женщины с перепачканным сажей лицом и ясными глазами, точный возраст которой было трудно определить. Она следила за ними голодным взглядом, пытаясь понять, можно ли у них что-нибудь стащить.

Меч в руке Вашера послужил девушке достаточным предостережением. Вивенна со странным ощущением общности проследила за тем, как та метнулась в переулок.

«Цвета, – подумала она. – Неужели и я была такой?»

Нет! Ей было далеко до способностей этой девушки. Вивенна в своей наивности даже не поняла, что ее похитили, а потом она начала разжигать войну, не сознавая, что творит.

«Ты хоть раз задумалась, что это ты можешь быть не на той стороне?»

Вивенна не знала, во что верить. Дент так быстро ее одурачил, что она не решалась принимать то, что говорил Вашер. Однако теперь она видела подтверждения тому, что сказанное им правда.

Дент всегда организовывал встречи с пользующимися самой дурной репутацией людьми города. Наемник вроде него вряд ли был знаком только с такими, но как раз им хаос войны пришелся бы по душе. Нападения на систему снабжения халландренцев не только затруднили бы управление, но и побудили бы жрецов атаковать, пока силы еще не подорваны. Кроме того, потери разозлят их еще больше.

Все это создавало леденящее ощущение, которое она больше не могла игнорировать.

– Дент заставил меня поверить, что война неизбежна, – прошептала она, шагая по трущобной улице. – Мой отец считает, что она неизбежна. Все утверждают, что она начнется.

– Они неправы, – ответил Вашер. – Идрис и Халландрен десятилетиями стоят на пороге войны, но неизбежной она не была никогда. Чтобы королевство напало, надо

убедить возвращенных, а они обычно слишком поглощены собой и не желают ничего настолько разрушительного, как война. Принести успех может только упорная деятельность – сначала убедить жрецов, потом заставить их обсуждать проблему до тех пор, пока боги им не поверят.

Вивенна устала на грязные улицы, заваленные пестрым мусором, и прошептала:

– Я в самом деле ни на что не гожусь, да?

Вашер покосился на нее.

– Сначала отец отправил в жены королю-богу вместо меня сестру. Я последовала за ней, но даже не осознавала, что делаю, и Дент перехватил меня в первый же день. Сбежав от него, я и месяца не провела на улице, как меня ограбили, избili и снова поймали. А теперь и ты говоришь, что я собственноручно привела мой народ на грань войны.

Вашер фыркнул:

– Не придавай себе слишком большого значения. Дент уже долго работает над этой войной. Судя по тому, что я слышал, он подкупил самого идрисского посла. Вдобавок в правительстве Халландрена есть люди, которые хотят конфликта, – они-то и наняли Дента.

Все это обескураживало. Слова Вашера звучали разумно, но и слова Дента тоже. Ей необходимо узнать больше.

– Ты хотя бы догадываешься, кто они? Те, кто нанял Дента?

Вашер покачал головой:

– Думаю, кто-то из богов. Может, кучка интриганов из их числа. А может, группа жрецов, которые действуют сами по себе.

Они снова замолчали.

– Почему? – наконец спросила Вивенна.

– Мне откуда знать? – ответил Вашер вопросом. – Я даже не могу выяснить, кто за этим стоит.

– Нет, я не об этом. Почему ты ввязался в дело? Что тебе до него?

– Потому что, – ответил Вашер.

– Почему потому что?

Вашер вздохнул:

– Слушай, принцесса, я не такой, как Дент. Я не умею играть словами, как он, и я вообще не слишком люблю людей. Не жди, что я с тобой буду болтать. Понятно?

Вивенна удивленно закрыла рот и подумала: «Если он пытается мной манипулировать, то очень странным способом».

Их целью оказалось обшарпанное здание, стоящее на не менее обшарпанном перекрестке. Когда они приблизились, Вивенна остановилась, мысленно вопрошая, как возникают такие трущобы? Здесь намеренно строили так скученно и небрежно? Были ли эти улицы, как и другие, виденные ею прежде, частью более благополучного района, но потом обветшали?

Вашер схватил ее за руку, подтолкнул к двери и постучал рукоятью меча. Через секунду дверь со скрипом приотворилась, и в щель выглянула пара испуганных глаз.

– С дороги, – бросил Вашер, раздраженно распахивая дверь настежь и втаскивая Вивенну внутрь.

Молодой человек шарахнулся в сторону, прижавшись к стене коридора и давая им пройти, а потом закрыл за ними дверь.

Вивенна понимала, что должна испугаться или хотя бы рассердиться на такое обращение. Но после того, через что она прошла, это казалось такой малостью. Вашер выпустил ее руку и начал спускаться по лестнице. Вивенна осторожно последовала за ним. Темная лестница напомнила ей о погребке в убежище Дента, заставив вздрогнуть. Но, к счастью, внизу она обнаружила, что здесь сходство погребов заканчивается. В этом оказались деревянные стены и пол, в центре комнаты лежал ковер, на котором сидело несколько человек. Двое из них встали, когда Вашер сошел с лестницы.

– Вашер! – воскликнул один из них. – Добро пожаловать. Хочешь выпить?

– Нет.

Собравшиеся неуверенно переглянулись. Вашер отбросил меч в сторону, и тот с лязгом ударился о дощатый пол. Затем Вашер вытолкнул Вивенну вперед.

– Волосы, – сказал он.

Она медлила. Вашер использовал ее так же, как Дент. Но она предпочла его не сердить и подчинилась, сменив цвет волос. Мужчины восторженно воззрились на нее, а некоторые даже склонили головы.

– Принцесса, – прошептал кто-то.

– Скажи им, что ты не хочешь, чтобы они воевали, – велел Вашер.

– Не хочу, – честно повторила она. – Я никогда не хотела, чтобы мой народ сражался с халландренцами. Наши почти наверняка проиграют.

Собравшиеся перевели взгляды на Вашера.

– Но она же сотрудничала с трущобными лордами. Почему она изменила свое мнение?

Вашер посмотрел на нее:

– Ну?

Почему она изменила мнение? А изменила ли? Все случилось так быстро...

– Я... – произнесла Вивенна. – Я прошу прощения. Я... не понимала. Я никогда не хотела войны. Я думала, что она неизбежна, и пыталась подготовиться к ней. Хотя, возможно, мною манипулировали.

Кивнув, Вашер отодвинул ее и подошел к сидящим на ковре людям. Вивенна осталась на месте, охватив себя руками и ощущая пальцами непривычную ткань туники и куртки.

«Это идрисцы, – поняла она, вслушавшись в их акцент. – И они видят меня, свою принцессу, в мужской одежде. Почему меня еще волнуют подобные вещи, когда вокруг такое происходит?»

– Итак, – произнес Вашер, присаживаясь на корточки. – Как вы собираетесь все это прекратить?

– Постой, – сказал один из мужчин. – Ты ждешь, что мы передумаем? Несколько слов принцессы – и мы уже должны верить всему, что ты рассказываешь?

– Если Халландрен развяжет войну, вы все – покойники, – рявкнул Вашер. – Вы что, не понимаете? Как думаете, что случится в труппах с идрисцами? Если вы считаете, что сейчас все плохо, то подождите, пока вас не сочтут пособниками врага!

– Мы это знаем, Вашер, – сказал другой. – Но чего ты от нас ждешь? Чтобы мы подчинились халландренцам? Чтобы прогнулись и поклонялись их ленивым богам?

– Меня не волнует, что вы сделаете, – ответил Вашер, – если это не будет угрожать безопасности правительства Халландрена.

– А может, нам стоит признать, что надвигается война, и бороться, – заметил третий. – Может, труппные лорды правы. Может, лучше всего будет надеяться на победу Идриса.

– Они нас ненавидят. – В глазах молодого человека двадцати с небольшим лет блеснул гнев. – Обращаются с нами хуже, чем со статуями на улицах! Мы для них хуже безжизненных!

«Мне знаком этот гнев, – подумала Вивенна. – Я ощущала его и все еще ощущаю. Гнев на Халландрен».

Сейчас его слова были для Вивенны пустым звуком. Если честно, она никогда не видела злобы со стороны халландренцев. Если что и было, то только безразличие. Они воспринимали ее просто как прохожую на улице.

Может, потому она их и ненавидела. Всю жизнь Вивенна пыталась стать важной для них и считала себя жертвой чудовища-Халландрена и его короля-бога. А вышло так, что городу и его жителям она оказалась просто безразлична. Им было на нее плевать. И это приводило ее в бешенство.

Один из идрисцев, пожилой человек в темно-коричневой шапке, задумчиво покачал головой.

– Среди людей назревает беспокойство, Вашер. Половина наших уже поговаривают о том, чтобы взять штурмом Двор Богов. Женщины запасаются пищей, ожидая неизбежного. Наша молодежь тайно собирается и ищет в джунглях легендарную армию Калада.

– Они верят в старую легенду? – спросил Вашер.

Идрисец пожал плечами:

– Она дает надежду. Сокрытая армия, оказавшаяся достаточно мощной, чтобы чуть не одержать верх во Всеобщей войне.

– Меня пугает не вера в мифы, – заметил другой. – А то, что наша молодежь помышляет об использовании армии безжизненных. Фантомы Калада! Еще чего!

Он сплюнул.

– Это значит, что мы в отчаянии, – сказал один из стариков. – Люди озлоблены. Мы не в силах остановить беспорядки, Вашер. Особенно после резни, что случилась несколько недель назад.

Вашер грохнул кулаком о пол:

– Вот этого они и хотят! Вы глупцы, если не видите, что предоставляете своим врагам идеальных козлов отпущения! Не правительство натравило безжизненных на трущобы! Кто-то внедрил в отряд несколько безжизненных с измененными командными фразами и приказал им убивать, чтобы все полетело кувыркком!

«Что?» – вскинулась Вивенна.

– Халландренская теократия перегружена бюрократической тупостью и инерцией, – продолжил Вашер. – Она не сдвинется с места, пока ее не толкнут! Если на улицах вспыхнут бунты, то это будет как раз на руку сторонникам войны.

«Я могу ему помочь», – подумала Вивенна, наблюдая за реакцией идрисцев. Она инстинктивно понимала их так, как Вашер понять не мог. Он приводил хорошие аргументы, но подход был неверным. Ему не хватает авторитета.

Она может помочь. Но стоит ли?

Вивенна пребывала в растерянности. Если Вашер прав, то она была марионеткой в руках Дента. Она в это поверила, но как узнать, не делает ли Вашер того же?

Хотела ли она войны? Нет, конечно. Особенно войны, в которой Идрису будет очень тяжело выжить, не говоря уже о победе. Вивенна изо всех сил старалась подорвать способность Халландрена вести войну. Так почему она даже не подумала о том, что ее можно предотвратить?

«А ведь думала! – осознала она. – Это был мой первоначальный план, еще в Идрисе. Я намеревалась стать невестой короля-бога и отговорить его от войны».

Она отказалась от этого плана. Нет, ею манипулировали, когда она это сделала. Не имеет значения, что именно ее переубедило – мнение отца о неотвратимости войны, ловкость Дента или и то, и другое. Изначально Вивенна стремилась предотвратить конфликт. Это был лучший способ защитить Идрис и, как она теперь понимала, защитить Сири. Она практически отказалась от спасения сестры, сосредоточившись на своей ненависти и надменности.

Если она остановит войну, это не защитит Сири от насилия короля-бога, но, возможно, не позволит использовать ее как марионетку или заложницу или даже спасет ей жизнь.

Для Вивенны этого было достаточно.

– Слишком поздно, – сказал один из собравшихся.

– Нет, – выдохнула Вивенна. – Пожалуйста.

Сидевшие замолчали и посмотрели на нее. Она вошла в круг и опустилась на колени.

– Пожалуйста, не говорите так.

– Но, принцесса, – произнес один из них, – что мы можем сделать? Трущобные лорды разбудили гнев в людях. В отличие от них у нас нет власти.

– У вас должно быть влияние, – ответила она. – Вы кажетесь мудрыми людьми.

– Мы просто обычные работяги, – сказал другой. – У нас нет богатства.

– Но люди к вам прислушиваются? – спросила Вивенна.

– Некоторые.

– Так объясните им, что у них есть выбор, – Вивенна склонила голову. – Скажите, чтобы они были сильнее, чем была я. Идрисцы в этих трущобах – я видела их силу. Если сказать им, что их использовали, то, возможно, они перестанут поддаваться чужому влиянию.

Мужчины замолчали.

– Я не знаю, все ли сказанное этим человеком правда. – Она кивнула на Вашера. – Но я знаю, что Идрису в этой войне не победить. Нам надо приложить все усилия, чтобы предотвратить ее, а не раздуть.

Ее щеку обожгла слеза, а волосы стали белыми.

– Видите, я... более не так сдержанна, как подобает принцессе и последовательнице Остре. Я опозорена в ваших глазах, но, прошу, не дайте моей ошибке стать для вас роковой. Халландренцы не ненавидят нас – они едва нас замечают. Я знаю, как это раздражает, но если вы заставите замечать вас, круша и разрушая их город, это лишь воспламенит гнев против нашей родины.

– Так что, мы просто поднимем лапки? – бросил молодой парень. – Позволим им топтаться по себе? Какая разница – намеренно они или нет? Нас все равно давят!

– Нет, – ответила Вивенна. – Должен быть способ получше. Сейчас королевой стала идриска, и, возможно, если дать халландренцам время, они преодолеют предрассудки. Мы должны направить все усилия на то, чтобы удержать их от нападения.

– Вы здраво говорите, принцесса, – заметил пожилой человек в шапке. – Но – простите мне дерзость – среди нас есть те, кого Идрис больше не волнует. Он подвел нас перед тем, как мы его покинули, и теперь мы не можем вернуться.

– Мы идрисцы, – сказал один. – Но... наши семьи здесь, и это важнее.

Месяц назад Вивенна бы оскорбилась. Однако проведенное на улицах время заставило ее немного узнать о том, что может сделать с человеком отчаяние. Что такое Идрис, если голодает семья? Собравшихся здесь нельзя винить за такое отношение.

– Думаете, вам станет лучше, если Идрис завоюют? – спросил Вашер. – Если начнется война, с вами будут обращаться еще хуже, чем сейчас.

– Есть и другой путь, – сказала Вивенна. – Я знаю о ваших бедах. Если я пойду к отцу и все ему объясню, вероятно, мы сможем найти способ вернуть вас в Идрис.

– Вернуться в Идрис? – переспросил один из собравшихся. – Моя семья живет в Халландрене уже пятьдесят лет!

– Да, но пока жив король Идриса, – ответила Вивенна, – у вас есть союзник. При помощи дипломатии мы можем улучшить ваше положение.

– Мы не заботим короля, – печально заметил другой.

– Вы заботите меня, – возразила Вивенна.

Так и было. Странное дело, но в глубине души она ощущала больше родства с местными идрисцами, чем с оставшимися в горах. Она их понимала.

– Нам надо найти способ привлечь внимание к вашим страданиям, не вызывая ненависти, – продолжала она. – Мы его найдем. Как я говорила, моя сестра замужем за самим королем-богом. Возможно, с ее помощью мы можем убедить его улучшить

условия в труппах. Не потому, что он устрашит насильем, которое наши люди способны применить, а потому, что посочувствует их положению.

Она по-прежнему пристыженно стояла на коленях перед собеседниками. Стыдясь своих слез, нескромной одежды и спутанных коротких волос. Стыдясь того, что она их так подвела.

«Как я могла так легко провалиться? – подумала Вивенна. – Меня считали такой подготовленной, способной все контролировать. Как я могла так разозлиться, что забыла о нуждах народа лишь потому, что захотела отплатить Халландрену?»

– Она искренна, – наконец сказал один из мужчин. – Это я признаю.

– Не знаю, – возразил другой. – Мне все равно кажется, что уже поздно.

– Если дело в этом, – промолвила Вивенна, по-прежнему глядя в пол, – что вам терять? Подумайте о том, сколько жизней можно спасти. Обещаю, Идрис больше о вас не забудет. Если вы добьетесь мира с Халландреном, я сделаю так, что на родине вас будут чествовать как героев.

– Героев, да? – спросил кто-то. – Будет неплохо остаться в памяти героем, а не кем-то, кто смотался из гор в бесстыжий Халландрен.

– Прошу, – прошептала Вивенна.

– Я посмотрю, что могу сделать, – заметил один из собравшихся, поднимаясь.

Еще несколько человек согласились и тоже поднялись, пожимая руку Вашера. Вивенна оставалась на коленях, пока они не ушли.

В итоге в комнате остались только она и Вашер. Сев напротив Вивенны, он сказал:

– Спасибо.

– Я не для тебя это сделала, – прошептала она.

– Вставай. Идем. Я хочу тебя еще кое с кем познакомить.

– Я... – Вивенна села на ковре, пытаясь разобраться в своих чувствах. – Почему я должна поступать так, как ты велишь? Откуда мне знать, что ты меня не используешь? Что не лжешь? Как Дент.

– Неоткуда. – Вашер поднял меч. – Просто делай, как я говорю.

– Так я пленница?

Одарив ее пристальным взглядом, он подошел и присел на корточки:

– Послушай, мы оба согласны, что война обернется бедой для Идриса. Я не собираюсь брать тебя на рейды или заставлять встречаться с труппными лордами. Тебе нужно только объяснять людям, что ты не хочешь войны.

– А если я не захочу это делать? – спросила она. – Ты меня заставишь?

Мгновение он смотрел на нее, потом тихо выругался и встал. Вытащив что-то из мешка, он кинул это Вивенне. Предмет звякнул, ударившись о ее грудь, и упал на пол.

– Ступай, – сказал он. – Возвращайся в Идрис. Я все сделаю и без тебя.

Вивенна продолжала сидеть, уставившись прямо перед собой, а Вашер направился к выходу.

Она поймала себя на том, что шепчет:

– Дент меня использовал. И, что хуже всего, я по-прежнему чувствую себя так, будто произошло недоразумение. Будто он в самом деле мой друг и я должна пойти к нему и выяснить, почему он сделал то, что сделал. Может, мы все просто запутались.

Закрыв глаза, она опустила голову на колени.

– Но затем я вспоминаю, что он сделал. Мой друг Парлин – мертвый. Солдаты моего отца в мешках. Я запуталась.

В подвале воцарилась тишина. Наконец Вашер произнес:

– Принцесса, ты не первая, кого он обдурил. Дент... очень ушлый. Человек вроде него может иметь недоброе сердце, но если он весел и обаятелен, то его послушают. Даже любят.

Она подняла голову, моргая заплаканными глазами.

Вашер отвернулся и сказал:

– А я не такой. Я не умею вести беседы. Я раздражаюсь, срываюсь на людей. Популярности это мне не прибавляет. Но я обещаю, что не стану лгать тебе. – Он посмотрел в глаза Вивенне. – Я хочу остановить войну. Только это для меня сейчас важно. Я обещаю.

Она не была уверена, что верит ему. И все же поняла, что хочет верить.

«Идиотка, – мысленно обругала она себя. – Тебя попросту опять обманут».

Она уже убедилась в том, что плохо разбирается в людях. Тем не менее она не стала поднимать кошелек.

– Я хочу помогать. Но только если ты не будешь впутывать меня ни во что, кроме объяснений перед людьми, что я хочу уберечь Идрис от опасности.

– Этого довольно.

Вивенна смутилась.

– Ты в самом деле думаешь, что мы сумеем предотвратить войну?

Он пожал плечами:

– Может быть. Если я сдержусь и не выбью все Цвета из этих идрисцев, которые ведут себя как идиоты.

«Пацифист с буйным нравом, – горестно подумала Вивенна. – Ну и сочетание. Почти как набожная идрисская принцесса, у которой биохроматического дыхания хватит на жителей небольшой деревни».

– Есть и другие подобные места, – сказал Вашер. – Я покажу тебя людям и там.

– Хорошо, – ответила Вивенна, поднимаясь и стараясь не глядеть на меч. Даже сейчас он странным образом вызывал у нее дурноту.

Вашер кивнул:

– Людей на встречах будет немного. У меня нет связей Дента и нет друзей среди влиятельных персон. Я знаком только с рабочими. Мы ходим в красильные цеха, может быть, даже на поля.

– Хорошо, – согласилась Вивенна.

Не проронив больше ни слова, Вашер поднял кошелек и вывел ее на улицу.

«Ну вот, – подумала Вивенна, – все сначала. Надеюсь только, что теперь я на правильной стороне».

Глава 44

Сири с удовольствием наблюдала за тем, как Сезеброн доедает третий десерт. Ночные закуски были расставлены и на столе, и на полу. Некоторые они уже съели, другие едва попробовали. Когда Сезеброн впервые распорядился принести еду ночью, он положил начало традиции, и теперь они поступали так каждую ночь, но только после того, как Сири исполняла представление для подслушивающих жрецов. Король-бог уверял, что это его очень забавляет, хотя она замечала в его глазах любопытство, когда он наблюдал за нею.

Теперь, когда рядом не было жрецов с их неодобрением по поводу нарушения этикета, оказалось, что Сезеброн изрядный сладкоежка.

– Смотри у меня, – заметила Сири, когда он умял еще одно печенье. – А то растолстеешь, если будешь много есть.

Он потянулся к своей доске для письма: «Нет, не растолстею».

– Растолстеешь, – улыбку Сири. – Так всегда бывает.

«Только не у богов, – написал он. – Мама мне это объясняла. Люди становятся мускулистыми, если много упражняются, и толстеют, если много едят. С возвращенными такого не бывает. Мы всегда выглядим неизменно».

И не поспоришь. Что она знала о возвращенных?

«А в Идрисе такая же еда?» – спросил Сезеброн.

Сири улыбнулась: его всегда так интересовала ее родина. Она чувствовала его тоску, стремление покинуть дворец и увидеть внешний мир. И все же он не желал проявлять непослушание, даже если правила были жесткими.

– Надо развратить тебя еще больше, – заметила она.

Он сделал паузу.

«А при чем тут еда?»

– Ни при чем, – ответила она. – Но тем не менее это так. Сезеброн, ты чересчур правильный.

«Я надеюсь, это сарказм?» – написал он.

– Только наполовину.

Сири улеглась на живот и смотрела на него поверх скатерти.

«Полусарказм? – удивился Сезеброн. – Это что-то новое?»

– Нет, – вздохнула она. – Даже в сарказме иногда есть правда. На самом деле я не хочу развращать тебя, но мне кажется, что ты слишком уж послушный. Тебе надо стать немного более безрассудным. Независимым и импульсивным.

«Трудно быть импульсивным, когда тебя заперли во дворце в окружении сотен слуг», – написал он.

– Это точно.

«Однако я размышлял над тем, что ты говорила. Пожалуйста, не сердись на меня».

Сири вскинулась, отметив смущение в выражении его лица.

– Хорошо. Что ты натворил?

«Я поговорил с моими жрецами, – ответил он. – С помощью художественного письма».

На мгновение Сири охватила паника:

– Ты рассказал им о нас?

«Нет, нет, – быстро заверил Сезеброн. – Я сказал им, что меня беспокоит появление ребенка. Я спросил, почему отец умер вскоре после моего рождения».

Сири нахмурилась. Отчасти она хотела бы, чтобы такие переговоры он предоставил ей, но не стала возражать. Она не желала уподобляться жрецам и ограничивать его. Именно его жизни угрожала опасность, и он заслуживал того, чтобы самому решить эту проблему.

– Ладно, – сказала она.

«Ты не сердишься?»

Сири пожала плечами.

– Я только что сама просила тебя быть импульсивнее! Поэтому нечего жаловаться. И что они сказали?

Он вытер доску и продолжил: «Сказали, чтобы я не волновался. Что все будет в порядке. Я задал вопрос еще раз и еще раз, и снова они отвечали расплывчато».

Сири медленно кивнула.

«Мне больно писать это, но я начинаю думать, что ты права. В последнее время я замечаю, что мои стражники и пробуждающие держатся поближе ко мне. Вчера мы даже пропустили заседание Придворной Ассамблеи».

– Плохой знак, – согласилась Сири. – Я пыталась выяснить, что здесь назревает, но не слишком преуспела. Я позвала еще трех сказителей, но никто из них не поведал больше, чем Хойд.

«Ты по-прежнему думаешь, что дело в моем дыхании?»

Она кивнула.

– Помнишь, что я рассказала о беседе с Треледисом? Он говорил о твоём дыхании с почтением. Для него оно – сокровище, которое надо передавать от поколения к поколению, подобно семейному гобелену.

«В моей книге в одной из сказок, – написал Сезеброн, – был волшебный меч. Мальчик получил его от деда, и оказалось, что меч – семейная реликвия, символ королевской власти страны».

– Что ты имеешь в виду?

«Возможно, вся халландренская монархия – не более чем способ сохранить дыхание. Люди-носители – единственный способ безопасно передавать дыхание через поколения. Для этого была создана династия королей-богов, способных нести в себе сокровище и передавать его от отца к сыну».

Сири медленно кивнула.

– То есть выходит, что король-бог – еще в большей степени сосуд, чем я. Ножны волшебного оружия.

«Точно. – Рука Сезеброна быстро двигалась по доске. – Им пришлось сделать мою семью королями, потому что сокровище состоит из множества дыханий. И они отдали их возвращенному, иначе король и боги могли начать борьбу за власть».

– Возможно. Как-то невероятно удобно, что у короля-бога всегда появляется мертворожденный сын, который становится возвращенным...

Она замолчала. Сезеброн осознал то же самое и слегка дрожащей рукой написал: «Если только следующий король-бог – вовсе не сын предыдущего».

– Остре! – воскликнула Сири. – Владыка Цвета! Вот оно что! Где-то в королевстве умер и вернулся ребенок. Вот почему так срочно нужна моя беременность! У них уже есть следующий король-бог, им просто надо разыграть спектакль. Нас поженили в надежде поскорее получить ребенка, чтобы потом обменять его на возвращенного.

«Тогда они убьют меня и как-то изымут мое дыхание, – продолжил Сезеброн. – И передадут его ребенку, который станет новым королем-богом».

– погоди. А младенцы вообще возвращаются? – спросила она.

«Да», – написал он.

– Но как младенец будет возвращен, когда для этого нужны героизм, добродетель или еще что-то в этом роде?

Сезеброн задумался, и Сири поняла, что у него нет ответа. Младенцы возвращались. Ее народ не верил, что люди возвращаются из-за воплощенной в их добродетели, как считали халландренцы. Сири этот тезис казался дырой в теологии, но она не хотела спорить об этом с Сезеброном. Его и так волновало то, что она не верит в его божественность.

Сири откинулась назад.

– Ладно, это неважно. Главный вопрос в ином: если короли-боги – лишь сосуды для дыхания, то зачем их менять? Почему не оставить носителем одного человека?

«Я не знаю, – написал Сезеброн. – Бессмысленно, не правда ли? Может, они не уверены, что смогут удерживать одного короля-бога взаперти так долго. Может, детей легче контролировать?»

– Если так, то их стоило бы менять чаще, – сказала Сири. – Некоторые короли-боги правили веками. Конечно, если дело не в том, насколько бунтарски настроен тот или иной король по их мнению.

«Я делаю все, что от меня ожидают! Ты сама только что жаловалась на мое чрезмерное послушание».

– По сравнению со мной да, – ответила Сири. – Может, ты неуправляем с их точки зрения. В конце концов, ты же спрятал книгу матери и научился писать. Может, они достаточно тебя знают, чтобы понять, что ты не останешься смиренным. И потому они собираются заменить тебя, как только появится возможность.

«Может быть», – написал он.

Сири снова мысленно перебрала их умозаключения. Это все просто догадки, если смотреть на них критически. Но, по всеобщему мнению, у возвращенных не может быть детей, так почему король-бог должен отличаться? Может, таким образом скрывают тот факт, что они заменяют короля-бога новым, как только найдут подходящего.

И все же самый важный вопрос остался без ответа. Что они сделают с Сезеброном, чтобы забрать его дыхание?

Король, запрокинув голову, смотрел в темный потолок. Заметив в его глазах печаль, Сири поинтересовалась:

– Что такое?

Он лишь покачал головой.

– Прошу, скажи. Что с тобой?

Помедлив мгновение, он опустил взгляд и написал: «Если сказанное тобой верно, то вырастившая меня женщина – не моя мать. Меня родила случайная женщина за пределами Двора. Когда я был возвращен, жрецы забрали меня и вырастили во дворце как «сына» короля-бога, которого только что убили».

При виде его страданий у Сири сжалось сердце. Передвинувшись по кровати поближе к нему, она обняла его и положила голову ему на руку.

«В моей жизни она единственная была по-настоящему добра ко мне, – написал он. – Жрецы почитают меня и заботятся обо мне – по крайней мере, я так считал. Однако они меня никогда по-настоящему не любили. Любила только мать. И теперь я даже не знаю, кем она мне приходилась».

– Если она тебя вырастила, значит, она – твоя мать, – сказала Сири. – Неважно, кто родил тебя.

Сезеброн не ответил.

– Может, она и была твоей настоящей матерью, – предположила Сири. – Если тебя привезли во дворец в тайне, то могли и мать прихватить. Кто лучше о тебе позаботится?

Он кивнул и принялся писать, обняв Сири за талию свободной рукой.

«Возможно, ты права. Хотя теперь ее смерть кажется мне подозрительной. Она же была из тех немногих, кто мог рассказать мне правду».

Похоже, он еще больше опечалился, и Сири притянула его поближе, положив голову ему на грудь.

«Пожалуйста, – написал он, – расскажи мне о своей семье»

– Отец часто сердился на меня, – начала Сири. – Но он меня любил. И любит. Просто он хотел, чтобы я поступала так, как считается правильным. Чем дольше я живу в Халландрене, тем больше жалею о том, что так мало прислушивалась к нему. Риджер – мой старший брат. Я всегда впутывала его в неприятности. Он наследник, а я плохо на него влияла – по крайней мере, пока он не повзрослел достаточно, чтобы понимать свои обязанности. Он немного похож на тебя: мягкосердечный и всегда старается поступать как надо. Только не ест столько сладостей.

Сезеброн слегка улыбнулся, сжав ее плечо.

– Между нами еще Фафен, но я ее толком не знаю. Она ушла в монастырь, когда я была еще ребенком, и я обрадовалась. В Идрисе считается почти обязанностью отдать одного из детей в монахи. Они обеспечивают пищей нуждающихся и берут на себя разные дела в городе – подрезают деревья, моют, красят. Выполняют любую полезную работу.

Сезеброн потянулся к доске: «Похоже на жизнь короля. Жить, чтобы служить другим».

– Точно, – кивнула Сири. – Только их не запирают, и они могут бросить это занятие, если захотят. В любом случае, я рада, что в монахини отдали Фафен, а не меня. Я бы от монашеской жизни с ума сошла. Им приходится всегда быть набожными и выделяться меньше всех в городе.

«К твоим волосам это не пойдет», – написал он.

– Разумеется.

«Хотя, – Сезеброн слегка сдвинул брови, – в последнее время они уже не так часто меняют цвет».

– Я научилась лучше их контролировать, – скорчила гримасу Сири. – А то меня слишком легко по ним прочитать. Вот смотри.

Она сменила цвет волос с черного на желтый, и король с улыбкой провел пальцами по длинным прядям.

– За Фафен и Риджером, – продолжила Сири, – идет старшая – Вивенна. Именно на ней ты должен был жениться. Она всю жизнь готовилась к переезду в Халландрен.

«Наверное, она меня ненавидит, – написал Сезеброн. – Она же росла в уверенности, что ей придется покинуть семью и жить с человеком, которого она не знает».

– Ерунда, – возразила Сири. – Вивенна ждала этого. Я не думаю, что она вообще может ненавидеть. Она всегда спокойна, осторожна и безупречна.

Сезеброн нахмурился.

– Звучит как зависть, да? – вздохнула Сири. – Я не хотела. Я правда люблю Вивенну. Она всегда была рядом, всегда за мной присматривала. Но мне казалось, что она слишком уж старалась меня покрывать. Старшая сестра всегда вытаскивала меня из неприятностей, спокойно делала выговор и следила за тем, чтобы меня не наказали так строго, как я заслуживала.

Сири задумалась.

– Все они, наверное, сейчас дома и до смерти обо мне беспокоятся.

«Ты говоришь так, будто это ты о них беспокоишься», – заметил он.

– Так и есть. Я слушала споры жрецов при дворе – и в них мало хорошего, Себ. В городе много идрисцев, и они ведут себя очень безрассудно. Несколько недель назад городской страже пришлось послать в трущобы солдат. Это никак не уменьшает напряженности между нашими странами.

Сезеброн не написал ничего в ответ, а просто снова обнял ее за плечи и притянул к себе. Прижиматься к нему было приятно. Очень приятно.

Несколько минут спустя он убрал руку, неловко стер слова и начал писать:

«Знаешь, я был неправ».

– В чем?

«В том, что сказал раньше. Я писал, что моя мать единственная проявляла любовь и доброту ко мне. Это неправда. Есть еще один человек».

Он прекратил писать и посмотрел на Сири, потом снова перевел взгляд на доску. «Ты не должна была проявлять доброту ко мне. Ты могла возненавидеть меня, потому что я забрал тебя у семьи и родины. А вместо этого ты научила меня читать, подружилась со мной. Полюбила меня».

Он пристально посмотрел на нее, и она ответила ему таким же прямым взглядом. Помедлив, он наклонился и поцеловал ее.

«Вот это да...» – подумала Сири, и в ее голове пронеслось с десятков возражений. Но она обнаружила, что ей трудно двигаться, сопротивляться и вообще что-то делать.

Кроме того, чтобы поцеловать его в ответ.

Сири бросило в жар. Она знала, что надо остановиться, иначе жрецы получат то, что давно ждут. Она все это понимала. Однако любые возражения казались все менее разумными по мере того, как она его целовала, а ее дыхание все более учащалось.

Сезеброн помедлил, явно не зная, что делать дальше. Сири посмотрела на него, глубоко дыша, и снова потянулась к его губам, чувствуя, как ее волосы наливаются алым цветом страсти.

В эту секунду она махнула рукой на все. Он не знал, что делать, – но знала она.

«Я и правда слишком импульсивна, – подумала Сири, стягивая рубашку. – Мне нужно лучше контролировать свои порывы.

Как-нибудь в другой раз».

Глава 45

В эту ночь Гимну Света снился горящий Т'Телир. Мертвый король-бог и солдаты на улицах. Безжизненные, убивающие людей в разноцветных одеждах.

И черный меч.

Глава 46

Вивенна глотала еду не пережевывая. Сушеное мясо сильно отдавало рыбой, но она научилась дышать через рот и поэтому почти не чувствовала запаха. Она съела все до последнего кусочка, а потом выпила несколько глотков теплой кипяченой воды, чтобы избавиться от привкуса.

Она в одиночестве сидела в маленькой комнатке в доме неподалеку от трущоб. Вашер платил за жилье несколько монет в день. Сейчас его здесь не было – он умчался куда-то по делам.

Насытившись, она откинулась назад и закрыла глаза. Она дошла до того предела измотанности, когда трудно заснуть. Маленькие размеры комнатки в этом не помогали – здесь даже нельзя было вытянуться во весь рост.

Вашер не преувеличивал, когда говорил, что их работа будет напряженной. Раз за разом она выступала перед идрисцами, утешая их и умоляя не подстрекать Халландрен к войне. Никаких ресторанов вроде тех, где они бывали с Дентом. Никаких обедов с хорошо одетыми людьми, имеющими собственную охрану. Только одна за

другой группы усталых мужчин и женщин из рабочего класса. Многие из них не были мятежниками, а большинство никогда не жили в трущобах. Но все они принадлежали идрисской общине Т'Телира и могли влиять на своих друзей и семьи.

Они ей нравились. Она им сопереживала. Новая деятельность была Вивенне гораздо больше по душе, чем сотрудничество с Дентом, и, насколько она могла судить, Вашер ею гордился. Она решила довериться своим чувствам. И это ее решение означало помогать Вашеру, пока помогать.

Он не спрашивал, хочет ли она продолжать, а просто вел ее из одного места в другое, ожидая от нее поддержки. И она оправдывала его ожидания, встречаясь с народом, умоляя людей о прощении, хотя это эмоционально выматывало. Вивенна не знала, сможет ли исправить то, что натворила, но хотела попытаться. Похоже, ее решительный настрой вызывал у Вашера некоторое уважение, которое он проявлял гораздо более неохотно, чем Дент.

«Дент все время меня обманывал». Это по-прежнему было трудно уяснить, потому что в глубине души она отказывалась верить. Она подалась вперед, уставившись в пустую стену похожей на коробку комнаты, и поежилась. Хорошо, что в последнее время так много напряженной деятельности – это не позволяет ей задумываться о некоторых вещах.

Очень неудобных вещах.

Кто она? Что она собой представляет теперь, когда все, чем она была, все, чего она пыталась добиться, пошло прахом? Она больше не могла быть Вивенной, самоуверенной принцессой. Эта личность умерла, осталась в подвале с окровавленным трупом Парлина. Ее уверенность проистекала из наивности.

Теперь она понимала, с какой легкостью ею играли. Она узнала цену надменности и получила представление о мрачной правде настоящей нищеты.

И все же она не могла быть и той сломленной и несчастной уличной бродяжкой и воровкой. Это была не она. Недели, проведенные на улице в одиночестве, наполненные болью от предательства, казались ей сном. Сном, вызванным тем, что она стала тусклой и страдала от болезни. Делать вид, что это и есть она настоящая, было бы пародией на тех, кто действительно живет на улицах. На людей, среди которых она пряталась и которым пыталась подражать.

Что от нее осталось? Кающаяся грешница, тихая принцесса, стоящая на коленях с опущенной головой, умоляющая простолюдинов? Это тоже частично было спектаклем. Она на самом деле испытывала сожаление. Однако она использовала свою обнаженную гордость как орудие. Это была не она.

Кто же она?

Она встала, ощущая тесноту крошечной комнатки, и распахнула дверь. Это был не трущобный район, но и не самый богатый. Просто место, где живут люди. На улице достаточно красок, чтобы она выглядела приветливой, но дома были небольшими, и в каждом жили по несколько семей.

Вивенна пошла по улице, восхищаясь цветущими деревьями и стараясь не отходить далеко от снятого Вашером жилья.

Кто же она на самом деле? Что от нее осталось, когда она сбросила личину принцессы и ненависть к Халландрену? Она была полна решимости. Это ей в себе нравилось. Она заставила себя стать такой женщиной, какой необходимо, чтобы выйти замуж за короля-бога. Она очень старалась, принося себя в жертву ради достижения этой цели.

Она также была лицемеркой. Теперь она знала, что такое подлинное смирение. По сравнению с ним ее прошлая жизнь казалась более кичливой и нескромной, чем любые пестрые юбки и рубашки.

Она верила в Остре. Она любила изучать Пять Видений: смирение, жертвенность, ставить проблемы других выше собственных. Кроме того, Вивенна начинала думать, что она, вместе со многими другими, зашла в этом убеждении слишком далеко, позволив своему желанию казаться смиренной стать формой гордыни. Теперь Вивенна увидела, что вера привела ее в тупик, когда она начала обращать больше внимания на одежду, чем на людей.

Она захотела научиться пробуждать. Почему? Что это говорит о ней? Что она желала принять отвергаемый ее религией инструмент только потому, что это сделает ее могущественной?

Нет, это не так. По крайней мере она надеялась, что не так.

Оглядываясь на недавние события своей жизни, она испытывала раздражение от постоянной беспомощности. Казалось, это свойственно ей настоящей. Женщине, которая делает что угодно, лишь бы не оказаться беспомощной. Вот почему она так усердно впитывала знания у своих наставников в Идрисе. И поэтому же хотела научиться пробуждать. Она стремилась получить как можно больше информации и быть готовой к трудностям, с которыми может столкнуться.

Она хотела уметь как можно больше. Возможно, это высокомерие, но так и есть. Она хотела узнать о выживании все, что только возможно. Самой унижительной стороной ее жизни в Т'Телире было невежество. Больше она такой оплошности не совершит.

Она кивнула своим мыслям.

«Тогда пора практиковаться», – подумала она, возвращаясь в комнату. Она вынула кусок веревки – той самой, которой Вашер ее связывал и которая была первой пробужденной ею вещью. Вивенна уже забрала из нее дыхание.

Она опять вышла на улицу, держа веревку между пальцами, скручивая ее и размышляя: «Приказы, которым учил меня Дент, – простые фразы. Держи. Защищай меня». Он дал понять, что важно именно намерение. Когда Вивенна пробудила свои пути, она заставила их двигаться, подобно частям своего тела. Это было больше, чем просто приказ. Приказ пробуждал к жизни, но намерение – инструкция из ее разума – приводило к фокусировке и действию.

Она остановилась рядом с большим деревом со склонившимися до самой земли тонкими усыпанными цветами ветвями. Стоя под кроной, Вивенна прикоснулась к коре ствола, чтобы использовать его цвет. Она поднесла веревку к ветке и, машинально выпуская немного дыхания, произнесла приказ:

– Держи.

Когда ее восприятие мира потускнело, она испытала приступ паники.

Веревка дернулась. Однако, вместо того, чтобы извлечь цвет из дерева, пробуждение вытянуло его из туники Вивенны. Одежда посерела, а веревка поползла, как змея, обвиваясь вокруг ветки. Древесина слабо затрещала от тугого затягивания. Но другой конец веревки, подрагивая, скрутился в странный узор.

Вивенна наблюдала, сдвинув брови, пока не поняла, в чем дело. Веревка закручивалась вокруг ее руки, пытаясь держать и ее.

– Остановись, – сказала она.

Ничего не изменилось – веревка продолжала затягиваться.

– Дыхание твое – ко мне, – приказала она.

Веревка перестала извиваться, и дыхание вернулось к хозяйке. Вивенна стряхнула веревку с руки и подумала: «Хорошо. «Держи» работает, но в этом нет ничего особенного. Она обвилась вокруг моих пальцев так же, как и вокруг предмета, который я захотела связать. Что, если попробовать еще что-нибудь?»

– Держи эту ветку, – приказала она.

Дыхание снова покинуло ее, на этот раз в большем количестве. Ее штаны обесцветились, а конец веревки стал закручиваться вокруг ветки. Остальная часть веревки осталась неподвижной.

Вивенна удовлетворенно улыбнулась. Значит, чем больше она усложняет приказ, тем больше требуется дыхания.

Она забрала дыхание обратно. Как и объяснил Вашер, это действие не ударило по ощущениям, поскольку стало просто восстановлением ее нормального состояния. А вот если она проведет без дыхания несколько дней, возвращение его мощи ее ошеломит. Подобно тому, как впервые попробовать что-то с очень выраженным вкусом.

Она посмотрела на свою одежду, ставшую полностью серой. Из любопытства она попыталась пробудить веревку еще раз. Ничего не произошло. Вивенна подобрала с земли палку и пробудила веревку. На этот раз сработало, палка утратила цвет, хотя на это ушло гораздо больше дыхания. Возможно, потому что палка была не очень яркого цвета. Но вот ствол дерева не смог послужить источником цвета. По-видимому, из чего-то живого вытягивать цвет нельзя.

Она выбросила палку, сходила в комнату за пестрыми носовыми платками Вашера и вернулась к дереву. «Что теперь?» – подумала она. Сможет ли она поместить дыхание в веревку и приказать держать что-то потом, а не сейчас? Какая фраза для этого нужна?

– Держи то, что я скажу тебе держать, – приказала она.

Ничего не произошло.

– Держи ветку, когда я скажу.

Опять ничего.

– Держи все, что я скажу.

Ничего.

– Скажи ей: «Держи, когда брошу», – произнес голос сзади.

Подскочив, Вивенна обернулась. Рядом стоял Вашер, держа перед собой Кровь Ночи острием вниз. За плечом у него был мешок.

Вивенна вспыхнула и снова посмотрела на веревку.

– Держи, когда брошу, – повторила она, используя носовой платок как источник цвета.

Дыхание покинуло ее, но веревка осталась висеть. Вивенна бросила ее, задев одну из склонившихся веточек.

Веревка немедленно обернулась вокруг ветвей, крепко связывая их и удерживая.

– Это пригодится, – заметила Вивенна.

Вашер поднял бровь:

– Возможно. Хотя опасно.

– Почему?

– Забери веревку.

Вивенна помедлила, понимая, что обвивающая ветви веревка находится слишком высоко. Она подпрыгнула, пытаясь ее схватить.

– Я предпочитаю веревки подлиннее. – Вашер поднял ножны с Кровью Ночи и с помощью крючковой гарды потянул ветки вниз. – Если все время держаться за один конец, можно не беспокоиться, что она от тебя убежит. Кроме того, лучше пробуждать по необходимости, а не оставлять кучу дыханий запертыми в веревке, которая может пригодиться, а может и нет.

Вивенна кивнула, возвращая себе дыхание из веревки.

– Идем, – сказал Вашер, направляясь в комнату. – Хватит на сегодня представлений.

Вивенна пошла за ним, заметив, что несколько зевак на улице остановились и смотрят на нее.

– Как они заметили? – спросила она. – То, что я делала, было настолько очевидно?

Вашер фыркнул:

– Много ли людей в Т'Телире разгуливают в серой одежде?

Покраснев, она зашла следом за ним в тесную комнатушку. Вашер сбросил мешок и прислонил к стене Кровь Ночи. Вивенна уставилась на меч, все еще не зная, как относиться к этому оружию. Она испытывала легкую дурноту каждый раз, когда смотрела на него, а воспоминание о том, как плохо она почувствовала себя, прикоснувшись к нему, было еще свежим.

А еще тот голос в голове. На самом ли деле она его слышала? Когда она спрашивала об этом Вашера, тот молчал, будто воды в рот набрал.

– Разве ты не идриска? – обратил на себя ее внимание Вашер, усаживаясь.

– Вроде бы да, – ответила она.

– Для последовательницы Остре ты необычайно увлечена пробуждением.

Он говорил с закрытыми глазами, прислонившись затылком к двери.

– Я не слишком хорошая идриска, – сказала она, садясь. – Теперь уже нет. Разве я не могу учиться использовать то, чем обладаю?

Вашер кивнул:

– Неплохо. Я никогда не понимал, почему последователи Остре вдруг отказались от пробуждения.

– Вдруг?

Он опять кивнул, все еще с закрытыми глазами.

– До Всеобщей войны они такими не были.

– В самом деле?

– Конечно.

Он часто упоминал что-то, казавшееся ей неправдоподобным, но произносил это так, будто точно знал, о чем рассказывает. Не догадывается, не сомневается, а как будто знает всё. Вивенна могла понять, почему ему временами трудно ладить с людьми.

– Кстати, – произнес он, открывая глаза. – Ты доела тех кальмаров?

Она кивнула:

– Так это были кальмары?

– Да. – Он открыл мешок, достал оттуда еще сушеного мяса и протянул ей. – Еще хочешь?

Ей стало дурно:

– Нет, спасибо.

Он запнулся, заметив выражение ее глаз.

– Что? Тебе попался протухший кусок?

Она покачала головой.

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем.

Он поднял бровь.

– Я сказала, ни в чем, – она отвернулась. – Просто я не очень люблю рыбу.

– Не любишь? – переспросил он. – А я уже пять дней тебя ею кормлю.

Она молча кивнула.

– И все время ты ее ела.

– В еде я завишу от тебя, – объяснила Вивенна. – Я не собираюсь жаловаться на то, что ты мне даешь.

Нахмурившись, Вашер взял кусочек кальмара и принялся жевать. Он по-прежнему был одет в лохмотья, но Вивенна находилась рядом с ним достаточно, чтобы знать, что он содержит одежду в чистоте. У него наверняка есть деньги, чтобы купить новую, но он предпочитает поношенные и порванные вещи. Его лицо покрывало нечто среднее между бородой и щетиной. Борода никогда не отрастала длиннее, но Вивенна не видела, чтобы он ее подстригал или брил. Как ему удастся поддерживать такую длину? Он делает это намеренно или просто Вивенна слишком мнительная?

– Ты не такая, как я ожидал, – признался он.

– Я была такой, – ответила она. – Несколько недель назад.

– Сомневаюсь, – сказал он, жуя кальмара. – Такую стойкость ты не могла приобрести за несколько недель на улице. Как и ореол мученичества.

Она встретилась с ним взглядом:

– Я хочу, чтобы ты больше рассказал мне о пробуждении.

Он пожал плечами:

– Что ты хочешь знать?

– Даже не знаю, что сказать, – ответила она. – Дент научил меня несколькими приказам, в тот самый день, когда ты меня похитил.

Вашер кивнул. Несколько минут он сидел молча.

– Ну? – наконец спросила она. – Ты скажешь что-нибудь?

– Я думаю.

Она подняла бровь.

Вашер наградил ее угрюмым взглядом:

– Я занимаюсь пробуждением очень, очень давно. И мне всегда было трудно его объяснять. Не торопи меня.

– Хорошо, – сказала она. – Не спеши.

Он сверкнул глазами.

– Не учи меня.

– Я просто стараюсь быть вежливой.

– В следующий раз будь вежливой без снисходительности в тоне, – ответил он.

«Снисходительность? – подумала она. – Я не была снисходительной!»

Она пристально посмотрела на него. Вашер сидел, жуя сушеного кальмара. Чем больше времени она с ним проводила, тем он казался ей менее пугающим, но более раздражающим. «Он опасен, – напомнила она себе. – Он по всему городу оставляет за собой трупы, заставляя людей убивать друг друга его мечом».

Несколько раз она раздумывала над тем, чтобы бежать от него, но наконец решила, что будет душой, если так поступит. Она не находила подвохов в его стараниях предотвратить войну, а торжественное обещание, данное им в подвале в первый день, все еще оставалось в силе. Она поверила Вашеру, хотя и неохотно.

Просто решила, что отныне всегда будет начеку.

– Ладно, – согласился он. – Полагаю, это к лучшему. Мне надоело, что ты разгуливаешь с такой яркой аурой, которую даже не умеешь использовать.

– Ну так что?

– Ладно, думаю, нужно начать с теории, – сказал он. – Есть четыре типа биохроматических сущностей. Первый, самый эффектный – возвращенные. Здесь, в Халландрене, их называют богами, но я предпочел бы именовать их самопроизвольными биохроматическими разумными воплощениями в покойном носителе. Необычно в них то, что они единственные биохроматические существа, возникающие естественным образом, что теоретически объясняет, почему они не могут использовать или даровать биохроматическое Вложение. Конечно, в действительности каждый живущий рождается с определенным биохроматическим Вложением. Это также объясняет, почему сущности первого типа сохраняют сознание.

Вивенна моргнула. Это было не то, что она ожидала.

– Для тебя большой интерес представляют сущности второго и третьего типа, – продолжал Вашер. – Второй тип – это неразумные воплощения в покойном носителе.

Они дешевы в создании, даже с неумелыми приказами. Это соответствует закону биохроматической параллельности: чем ближе вместилище по форме к живым существам, тем легче его пробуждать. Биохрома – это сила жизни, и поэтому она ищет то, что внешне похоже на живое. Это, однако, приводит нас к другому закону – закону соизмеримости. Он утверждает, что требуемое для пробуждения количество дыхания не обязательно указывает на мощь пробужденного. Кусок ткани, вырезанный в форме квадрата, и кусок ткани, очертаниями похожий на человека, заберут для пробуждения разное количество дыхания, но, по существу, при Вложении дадут одинаковый результат. Этому есть простое объяснение. Некоторые люди считают, что пробуждать – это как наливать воду в чашку. Наливаешь, пока чашка не наполнится, и затем объект оживает. Это неверная аналогия. Пробуждение больше похоже на удары в дверь. Бьешь, бьешь, и некоторые двери открываются легче, чем другие, но результат в обоих случаях примерно одинаковый.

Он посмотрел на нее:

– Понятно?

– Э... – протянула она. Вивенна провела юность, учась у наставников, но даже по сравнению с их методами обучения это было за гранью. – Немножко сложно.

– Так ты хочешь учиться или нет?

«Ты спросил, понятно ли мне, – подумала она. – И я ответила». Однако вслух она этого не сказала. Пусть лучше рассказывает дальше.

– Второй тип биохроматических сущностей, – продолжил Вашер, – халландренцы называют безжизненными. От первого типа они отличаются несколькими особенностями. Безжизненных можно создавать по желанию, нужно всего лишь несколько дыханий для пробуждения – от одного до сотен, в зависимости от используемого приказа. Во время Вложения они подпитываются собственным цветом. После пробуждения они не имеют ауры, но их поддерживает дыхание, и потому они не нуждаются в пище. Они могут умереть, и им необходим специальный спиртовой раствор, чтобы они могли несколько лет функционировать в пробужденном состоянии. Поскольку их носитель органического происхождения, дыхание цепляется к телу и его нельзя извлечь после Вложения.

– Я немного знаю об этом, – сказала Вивенна. – У Дента и его команды есть безжизненный.

Вашер замолчал.

– Да, – наконец произнес он. – Я знаю.

Вивенна нахмурилась, заметив в его глазах странное выражение. Некоторое время оба молчали, потом Вивенна попросила:

– Расскажешь о безжизненных и их приказах?

Он кивнул:

– Для их пробуждения, как и для всего остального, нужен приказ. Учение о приказах есть даже в вашей религии – в ней утверждается, что Остре с помощью приказов возрождал к жизни возвращенных.

Она кивнула.

– Теория приказов трудна для понимания. Возьмем, к примеру, безжизненных. Потребовались века, чтобы найти наиболее эффективный способ привести тело в состояние безжизненного. Даже сейчас мы точно не знаем, как это работает. Полагаю, это главное, что мне хотелось бы донести до тебя, – что биохрома сложна, и мы действительно многое в ней не понимаем.

– Что это значит? – спросила Вивенна.

– Только то, что я сказал, – ответил Вашер, пожимая плечами. – Мы в самом деле не знаем, что делаем.

– Но твои формулировки звучат как точные специальные термины.

– В некоторых вещах мы разобрались, – заметил Вашер. – Но на самом деле пробуждающие не так уж далеко продвинулись. Чем больше изучаешь биохрому, тем лучше понимаешь, что неизвестного гораздо больше, чем того, что мы знаем. Почему так важны определенные приказы и почему их надо произносить на родном языке? И, прежде всего, – что возвращает к жизни сущности первого типа – возвращенных? Почему безжизненные такие тупые, в то время как возвращенные полностью разумны?

Вивенна кивнула.

– Создание биохроматических сущностей третьего типа мы традиционно называем пробуждением, – продолжал Вашер. – В этом случае ты создаешь биохроматическое воплощение в органическом носителе, который уже давно неживой. Лучше всего работает ткань, хотя также можно использовать палки, соломинки и другой растительный материал.

– А что насчет костей? – поинтересовалась Вивенна.

– Кости очень странные, – сказал Вашер. – Они забирают для пробуждения больше дыхания, чем тело вместе со всей плотью, и они не такие гибкие, как что-нибудь вроде ткани. Тем не менее дыхание пристаёт к ним довольно легко, поскольку они когда-то были живыми и сохраняют форму живого предмета.

– Так значит идрисские легенды, рассказывающие об армиях скелетов, – не выдумки?

Он усмехнулся:

– О, разумеется, выдумки. Если ты захочешь пробудить скелет, придется собрать все кости в правильном порядке. Слишком много труда на создание существа, которое заберет для пробуждения свыше пятидесяти дыханий. Целые трупы в этом смысле более экономичны, даже при том, что дыхание присоединяется к ним настолько крепко, что его невозможно вернуть. Тем не менее, мне доводилось видеть несколько интересных вещей, сделанных с пробужденными скелетами. В любом случае, сущности третьего типа – обычные пробужденные объекты – совершенно другие. Биохрома вообще не слишком хорошо к ним пристаёт. В результате на их пробуждение уходит довольно много Вложения, зачастую добрая сотня дыханий. Конечно, в этом есть и преимущество, ибо дыхание можно извлечь обратно. Это позволило проводить эксперименты и в результате более полно понять техники пробуждения.

– Ты имеешь в виду приказы? – уточнила Вивенна.

– Да, – ответил Вашер. – Как ты видела, самые основные приказы работают легко. Если ты приказываешь объекту сделать то, что он может, и твоя формулировка простая, приказ обычно срабатывает.

– Я испробовала несколько простых приказов, – заметила она. – На веревке. Они не подействовали.

– Они могут звучать просто, но на самом деле не быть таковыми. Простые приказы состоят из одного-двух слов. Хватай что-то. Держи что-то. Поднимайся. Опускайся. Обернись вокруг. Даже некоторые приказы из одного-двух слов могут быть более сложными и требуют практики в визуализации или, ну, воображении. То есть ты представляешь в уме...

– Это я поняла, – сказала она. – Подобно сокращению мышц.

Он кивнул.

– Приказ «Защищай меня» хотя и состоит только из двух слов, очень сложен. Как и другие вроде «Принеси что-то». Ты должна дать объекту правильный импульс. Именно тут действительно начинаешь понимать, как мало мы знаем. Вероятно, существуют тысячи неизвестных нам приказов. Чем больше добавляешь слов, тем сложнее становится ментальный компонент, и поэтому на открытие новых приказов могут уйти годы исследований.

– Как и открытие новых приказов, чтобы делать безжизненных, – задумчиво произнесла она. – Триста лет назад имеющие «приказ одного дыхания» могли создавать безжизненных с большей легкостью, чем те, у кого его не было. Такое неравенство положило начало Всеобщей войне.

– Да, – сказал Вашер. – По крайней мере, это одна из причин войны. На самом деле неважно. Что нужно понять, так это то, что мы все еще дети, когда речь заходит о пробуждении. Делу не помогает и то, что многие изучающие этот предмет люди не делятся между собой ценными приказами и, возможно, уносят свои знания в могилу.

Вивенна кивнула, отмечая, как по мере углубления в тему его урок становится более непринужденным и похожим на беседу. Ее удивили познания Вашера.

«Он сидит на полу, – подумала она, – ест сушеных кальмаров, неделями не бреется, а его одежда выглядит как лохмотья. И при этом говорит как ученый, читающий лекцию. Он носит меч, испускающий черный дым и заставляющий людей убивать друг друга. И, вдобавок ко всему, он прилагает огромные усилия, чтобы предотвратить войну. Кто этот человек?»

Она бросила взгляд на Кровь Ночи, прислоненный к стене. Возможно, из-за обсуждения технических аспектов биохромы или же просто из-за возросшей подозрительности, но она начала понимать, что представляет собой этот меч.

– А это четвертый тип биохроматических сущностей? – поинтересовалась Вивенна, оборачиваясь к Вашеру.

Он молчал.

– Первый тип – человеческое тело с сознанием, – начала она. – Второй тип – человеческое тело без разума. Третий тип – пробужденные предметы вроде веревки –

предметы без разума. Есть ли способ создавать пробужденные предметы с разумом? Подобно возвращенным, но внутри не человеческого тела, а чего-то другого?

Вашер встал:

– Пожалуй, на сегодня хватит.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– И не собираюсь, – сказал он. – Советую больше об этом не спрашивать.

Понятно?

Он посмотрел на нее, и она ощутила холод от резкости его тона.

– Хорошо, – согласилась она, не отводя взгляда.

Фыркнув себе под нос, он полез в мешок и что-то достал оттуда.

– Вот, – сказал он. – Я тебе кое-что принес.

Он бросил на пол длинный обмотанный тряпкой предмет. Вивенна подошла и развернула ткань. Под ней оказался тонкий, хорошо отполированный дуэльный клинок.

– Я не умею им пользоваться, – заметила она.

– Так учись, – ответил Вашер. – Если ты научишься сражаться, будешь не так раздражать своим присутствием. Я не хочу все время вытаскивать тебя из неприятностей.

Она вспыхнула:

– Всего однажды.

– Это случится снова, – бросил он.

Она нерешительно подняла меч в ножнах, удивляясь его легкости.

– Идем, – сказал Вашер. – Навестим еще одну группу.

Глава 47

Гимн Света старался не думать о своих снах. Не думать об охваченном огнем Т'Телире. Об умирающих людях. По сути, о конце света.

Он стоял на втором этаже своего дворца, обозревая Двор Богов. Второй этаж являлся по существу открытой со всех сторон крышей. Ветер трепал волосы Гимна. Солнце клонилось к закату. На лужайке уже зажгли факелы. Это было так великолепно. Дворцы располагались кругом, освещенные факелами и фонарями, свет которых соответствовал цветам ближайших зданий.

Некоторые дворцы были темными, пустыми, не занятыми богами.

«Что произойдет, – лениво подумал он, – если появится слишком много возвращенных до того, как мы покончим с собой? Построят еще дворцы?» Насколько он помнил, места всегда было достаточно.

Во главе двора возвышался дворец короля-бога, высокий и черный. Скорее всего его возвели таким, чтобы он доминировал над остальными экстравагантными особняками. Он отбрасывал широкую искаженную тень на стену позади него.

Великолепно. Так великолепно! Факелы образовывали узоры, которые Гимн мог разглядеть только с крыши здания. Траву аккуратно подстригали, а огромные

настенные гобелены меняли так часто, что они не выглядели выцветшими и на них не было признаков изношенности и пятен.

Люди прикладывали столько стараний для своих богов. Почему? Иногда это сбивало Гимна с толку. Что тогда думать о религиях, в которых боги не имеют телесного облика, а представляют собой всего лишь образы и волю? Разумеется, те «боги» делают для людей даже меньше, чем обитатели халландренского двора, но им все равно поклоняются.

Гимн покачал головой. Встреча со Всематерью напомнила ему о днях, о которых он давно уже не думал. Безмятежная Пророчица. Она стала его наставницей, когда он был возвращен. Аврора ревновала его к воспоминаниям о ней, но не понимала истины. А он действительно не мог объяснить. Пророчица более чем кто-либо из знакомых Гимна приблизилась к божественности. Она так же заботилась о своих последователях, как и Всематерь, но во внимании Пророчицы сквозил искренний интерес. Она помогала людям не из страха того, что они перестанут ей поклоняться, в ней просто не было высокомерного чувства превосходства.

Настоящая доброта. Настоящая любовь. Настоящее милосердие.

Но даже Безмятежная Пророчица считала себя несовершенной. Она часто говорила, что испытывает чувство вины из-за того, что не может оправдать ожидания людей. А как она могла их оправдать? И мог ли кто-нибудь вообще? Гимн подозревал, что в итоге эти сомнения и подтолкнули ее к тому, чтобы ответить на прошение. По ее мнению, существовал только один способ быть богиней, отвечающей требованиям каждого. Отказ от собственной жизни.

«Они толкают нас к этому, – подумал Гимн. – Они создали все это великолепие и роскошь, они дают нам все, что пожелаем, а затем ненавязчиво подталкивают. Будь богом. Пророчествуй. Поддержи наши иллюзии. Умри. Умри, чтобы мы могли поддержать веру».

Обычно он не оставался на крыше, а предпочитал находиться внизу, где ограниченная перспектива помогала игнорировать общий обзор. Так гораздо легче сосредотачиваться на простых вещах, вроде сиюминутного момента.

– Ваша милость? – окликнул Лларимар, приближаясь.

Гимн Света не ответил.

– С вами все в порядке, ваша милость?

– Ни один человек не может быть настолько важен, – сказал Гимн.

– Ваша милость? – повторил жрец, подходя к богу.

– С нами что-то не так. Мы созданы не для этого.

– Вы бог, ваша милость. Вы созданы для этого.

– Нет, – возразил он. – Я не бог.

– Простите, но у вас в самом деле нет выбора. Мы вам поклоняемся, и это делает вас богом.

Лларимар произносил слова в своей обычной спокойной манере. Можно ли вывести из себя этого человека?

– От тебя нет никакого толка.

– Приношу извинения, ваша милость. Возможно, вам следует прекратить спорить на эту старую тему.

Гимн покачал головой:

– Сегодня это нечто другое. Я не знаю, что делать.

– Вы имеете в виду приказы Всематери?

Гимн кивнул:

– Я думал, что разобрался, Тушкан. Я не могу уследить за всем, что планирует Аврора. Я мало что смыслю в тонкостях.

Лларимар не отвечал.

– Я не собираюсь уступать, – сказал Гимн. – Всематерь проделала фантастическую работу, чтобы упрочить свое положение. Я подумал, что, если отдам ей мои приказы, она будет знать, что делать. Она поймет, что лучше – поддерживать Аврору или противостоять ей.

– Вы по-прежнему можете предоставить решать ей, – заметил Лларимар. – Вы же отдали ей свои приказы.

– Я знаю, – промолвил Гимн.

Они замолчали.

«Так что все сводится к этому, – подумал Гимн. – Первый, кто изменит приказы, захватит контроль над всеми двадцатью тысячами. Остальные окажутся вне игры».

Что он выберет? Сидеть и позволять истории идти своим чередом или вмешаться и все испортить?

«Кто бы ты ни был, – подумал он, – откуда бы ты не послал меня обратно, почему ты просто не оставил меня в покое? Я уже прожил одну жизнь. Я уже сделал свой выбор. Зачем ты отправил меня обратно?»

Люди все еще не отвернулись от него, как бы ни старался он этого добиться. Ему было достоверно известно, что он один из самых популярных возвращенных, что к нему приходят больше посетителей и приносят больше произведений искусства, чем к кому-либо еще. «Ну правда, – подумал он, – что с ними не так? Неужели им так необходим предмет поклонения, что они предпочитают боготворить его, нежели задуматься о том, что их религия может оказаться фальшивкой?»

Всематерь утверждала, что некоторые так и думают. Она беспокоилась об осязательном недостатке веры у обычных людей. Гимн не был уверен, что согласен с ней. В теории он понимал, что боги, прожившие дольше, были слабыми, потому что лучших из них система быстро побуждала принести себя в жертву. Однако к нему сейчас приходило столько же просителей, сколько и в самом начале. К тому же для статистической достоверности было выбрано слишком мало богов из их общего количества.

Или он просто занимается пустяками? Гимн оперся на перила, окидывая взглядом лужайку со светящимися шатрами.

Похоже, настал его звездный час. Наконец-то он мог доказать себе, что он всего лишь никчемный прожигатель жизни. Момент был идеальный. Если он не будет

ничего делать, Всематери придется принять армии и оказать сопротивление Авроре Соблазна.

Этого ли он хотел? Всематерь держалась отчужденно от остальных богов. Она не часто посещала Придворные Ассамблеи и не слушала дебаты. А Аврора Соблазна активно участвовала во всем этом. Она хорошо знала всех богов и богинь. Она понимала последствия и была очень хитра. Из всех богов только Аврора начала предпринимать шаги для захвата контроля над армией.

«Сири не представляет угрозы», – подумал он. А если кто-то ею манипулирует? Обладает ли Всематерь политическим чутьем, чтобы понять опасность? Поймет ли Аврора, что Сири не подавлена, если он не укажет на это?

Если он самоустранится, то это может дорого обойтись. Он будет винить себя за то, что сдался.

– Кто она, Лларимар? – тихо спросил Гимн. – Молодая женщина из моих снов. Она была моей женой?

Верховный жрец не ответил.

– Мне нужно знать, – произнес Гимн, поворачиваясь. – Мне правда нужно знать.

– Я... – Нахмурившись, Лларимар отвел взгляд и тихо сказал: – Нет. Она не была вашей женой.

– Возлюбленной?

Жрец покачал головой.

– Но она много значила для меня?

– Очень, – сказал Лларимар.

– Она еще жива?

Лларимар помедлил и наконец кивнул.

«Еще жива», – подумал Гимн.

Если город падет, она окажется в опасности. Все, кто поклоняются Гимну Света, – все, кто рассчитывают на него, несмотря на все его усилия, – окажутся в опасности.

Т'Телир не может пасть. Даже если начнется война, здесь не будет сражений. Халландрен не был в опасности. Это самое могущественное королевство в мире.

Но как же его сны?

Ему дали только одну настоящую обязанность в правительстве. Принять командование десятками тысячами безжизненных. Решать, когда их посылать в бой, а когда нет.

Еще жива...

Он развернулся и направился к лестнице.

***

Анклав безжизненных формально был частью Двора Богов. К огромному зданию, расположенному у подножия плато, вел крытый переход.

Гимн Света вместе со свитой начал спускаться по лестнице. Они миновали несколько постов охраны, хотя Гимн не понимал, зачем нужны стражники в коридоре, ведущем за пределы двора. Он всего пару раз посетил анклав, в первые недели после

своего возвращения, когда ему велели дать управляющую фразу своим десяти тысячам солдат.

«Наверное, мне следовало приходить чаще», – подумал он. Но чего ради? О безжизненных заботились слуги, следя за тем, чтобы ихорный спирт в их телах был свежим, чтобы они тренировались и... что еще там делают безжизненные?

Лларимар и еще несколько жрецов запыхались от продолжительного спуска в бодром темпе. У Гимна таких проблем, разумеется, не было, ибо он находился в прекрасной физической форме. На некоторые стороны своей божественности он никогда не жаловался. Двое стражников открыли дверь в огороженную территорию. Естественно, она была огромной и тут хватало места для сорока тысяч безжизненных. Здесь располагались четыре больших похожих на склады участка для разных групп безжизненных, беговая дорожка для них, помещения, заполненные камнями и металлическими блоками, чтобы поднимать их для поддержания мускульной силы, и лазарет, где проверяли и обновляли ихорный спирт.

Они прошли по нескольким извилистым проходам, предназначенным для того, чтобы запутать тех, кто попытается проникнуть на территорию и нанести удар по безжизненным. Добравшись до поста охраны возле больших распахнутых ворот, Гимн Света прошел мимо живых стражников и посмотрел на безжизненных внутри ограждения.

Он забыл, что их содержат в темноте.

Лларимар жестом велел двум жрецам поднять светильники. Дверь открылась на смотровую платформу. Внизу простирался склад, заполненный рядом застывших в молчаливом ожидании солдат. Они были в броне и с мечами в ножнах.

– Здесь в ряду есть брешь, – сказал Гимн.

– Некоторых забрали на тренировку, – ответил Лларимар. – Я послал за ними слугу.

Гимн кивнул. Безжизненные стояли с открытыми глазами. Они не шевелились и не кашляли. Разглядывая их, он вспомнил, почему у него никогда не возникало желания вернуться и произвести смотр своих отрядов. Они заставляли его нервничать.

– Выйдите все, – произнес Гимн.

– Ваша милость? – спросил Лларимар. – Вы не хотите оставить нескольких жрецов?

Гимн покачал головой.

– Нет, я произнесу фразу сам.

Лларимар замешкался, но все же, кивнув, исполнил приказ.

По мнению Гимна, надежного способа хранить командные фразы не существовало. Оставлять их в руках единственного бога означало рисковать их потерей в случае убийства хранителя. Однако чем больше людей знают командные фразы, тем больше вероятность того, что они выдадут секрет за взятку или под пытками.

Единственным исключением был король-бог. Ясно, что с его мощной биохромой он может быстрее перехватить контроль над безжизненными. Тем не менее даже

королю-богу потребуются недели на то, чтобы взять под контроль десять тысяч безжизненных.

Выбор оставался на усмотрение возвращенных. Они могли позволить услышать командные фразы нескольким своим жрецам, которые передадут фразы другому возвращенному, если с их богом что-то случится. Если бог предпочитал не выдавать фразы жрецам, он возлагал на себя еще больший груз ответственности. Гимн еще много лет назад нашел этот последний выбор глупым и посвятил в секрет Лларимара и еще нескольких.

На этот раз он решил, что мудрее всего хранить фразы в тайне ото всех. Если у него будет такая возможность, он шепнет их королю-богу. Но только ему.

– Донная синяя линия, – произнес он. – Я даю вам новую командную фразу.

Он сделал паузу.

– Красная пантера. Красная пантера. Шагайте к правой стене.

Группа стоящих впереди безжизненных – те, кто могли слышать его голос, – двинулись в сторону. Гимн со вздохом закрыл глаза. В глубине души он надеялся, что Всематерь опередила его и уже изменила командные фразы.

Но она этого не сделала. Гимн открыл глаза, спустился на одну ступеньку и заговорил снова, изменяя фразу для следующей группы. Он мог делать это одновременно для двадцати или тридцати и помнил, что в прошлый раз весь процесс занял несколько часов.

Он все продолжал. Он оставит безжизненным базовые инструкции подчиняться слугам, когда те попросят их упражняться или идти в лазарет. Он назначит им малый приказ, который можно использовать, чтобы перемещать их и заставлять маршировать в определенные места, как тогда, когда они выстроились шеренгами за пределами города, чтобы поприветствовать Сири, и еще один малый приказ, чтобы отправлять безжизненных к городским стражникам для обеспечения дополнительной силы.

И все равно основной приказ будет только у одного человека. Того, кто сможет заставить их идти воевать. Закончив здесь, он пойдет дальше и точно так же примет полное командование десятью тысячами Всематери.

Он примет власть над обеими армиями. И после этого займет центральное место в судьбе двух королевств.

Глава 48

Сезеброн больше не уходил по утрам.

Сири лежала с ним в постели, слегка свернувшись и прижавшись к нему. Он мирно спал, его грудь вздымалась и опадала, а белый цвет простыней, отзвываясь на присутствие короля-бога, преломлялся на все цвета спектра. Еще несколько месяцев назад мог ли кто-то предположить, как обернется жизнь Сири? Что она не только выйдет замуж за короля-бога, но и влюбится в него?

Она все еще считала это потрясающим. Сезеброн был самой важной религиозной и светской фигурой на всем побережье Внутреннего моря. Средоточием поклонения

халландренских Радужных Тонов, существом, которое боялись и ненавидели большинство жителей Идриса.

И он тихонько дремал у ее бока. Бог цвета и красоты с совершенным как у статуи телом. И что же Сири? Не совершенная, в этом она была уверена. И тем не менее, она каким-то образом дала ему то, в чем он нуждался. Немного спонтанности. Глоток свежего воздуха, без оглядки на жрецов или его репутацию.

Сири вздохнула. Ее голова покоилась на его груди. Им придется заплатить за наслаждения последних нескольких ночей. «Мы правда глупцы, – лениво подумала она. – Единственное, чего мы должны избегать, – это преподнести жрецам ребенка. Но сами устремляемся навстречу беде».

Она обнаружила, что ей трудно слишком резко укорять себя. Она подозревала, что ее представления не одурчат жрецов надолго. Если она будет продолжать и дальше, а наследник так и не появится, жрецы станут подозрительнее или, по меньшей мере, раздражительнее. Сири вообразила, как они будут ей докучать, если столкнутся с новыми увертками.

Что бы они с Сезеброном ни решили предпринять, чтобы изменить обстоятельства, это нужно делать быстро.

Король рядом с ней зашевелился, и она повернулась, обратив взгляд на его лицо. Он открыл глаза и несколько минут пристально смотрел на нее, поглаживая ее волосы. Просто удивительно, как скоро такая близость стала для них комфортной.

Он потянулся за доской для письма:

«Я люблю тебя».

Она улыбнулась. Это первое, что он писал по утрам.

– И я тебя люблю, – ответила она.

«Тем не менее, – продолжал он, – кажется, у нас проблемы?»

– Да.

«Когда? – спросил он. – Я имею в виду, когда станет очевидно, что у тебя будет ребенок?»

– Я не знаю, – ответила она, нахмурившись. – Видимо, у меня мало опыта в таких делах. Я знаю, что некоторые женщины в Идрисе жаловались на то, что дети не появляются у них так быстро, как им хотелось бы, так что это не всегда случается сразу. И я знала других женщин, которые рожали детей почти точно через девять месяцев после первой брачной ночи.

Сезеброн задумчиво посмотрел на нее.

«Через год я могу стать матерью», – пронеслось в голове у Сири. Эта мысль обескуражила ее. До недавнего времени она даже не думала о себе как о взрослой. «Конечно, – размышляла она с неприятным ощущением, – если верить тому, что у нас рассказывают, любой ребенок, которого я понесу от короля-бога, будет мертворожденным». Даже если это ложь, дитя окажется в опасности. Она по-прежнему предполагала, что жрецы могут похитить его и заменить на возвращенного. По всей вероятности, тогда они позаботятся о том, чтобы Сири тоже исчезла.

«Синепалый пытался предостеречь меня, – вспомнила она. – Он говорил об опасности, не только для Сезеброна, но и для меня».

Король что-то писал.

«Я принял решение».

Сири подняла бровь.

«Я хочу заявить о себе перед народом, – писал он, – и другими богами. Я хочу сам управлять своим королевством».

– Я думала, мы уже решили, что это может оказаться слишком опасно.

«Будет опасно, – ответил он. – Но я начинаю думать, что мы должны пойти на такой риск».

– А как же твои прежние возражения? – спросила она. – Ты не сможешь выкрикнуть правду, а твои охранники скорее всего оттеснят тебя, как только ты попытаешься предпринять что-нибудь вроде побега.

«Да, – написал Сезеброн, – но у тебя гораздо меньше охраны, и ты можешь кричать».

Сири помедлила.

– Да. Но поверят ли мне? Что они подумают, если я просто начну кричать о том, что короля-бога держат в заключении его же жрецы?

Сезеброн наклонил голову.

– Поверь мне, – сказала она. – Они решат, что я сошла с ума.

«А что, если ты заручишься доверием возвращенного, о котором так часто говоришь? Гимна Света Смелого».

Сири задумалась над этой идеей.

«Ты можешь пойти к нему, – продолжал Сезеброн. – Рассказать правду. Возможно, он поведет тебя к другим возвращенным, которые, по его мнению, способны прислушаться. Жрецы не смогут заткнуть рты всем нам».

Сири некоторое время просто лежала рядом с ним, а ее голова по-прежнему покоилась на его груди.

– Возможно, это осуществимо, Себ, но почему бы просто не убежать? Сейчас меня окружают служанки из Пан-Каля. Синепалый сказал, что попытается помочь нам выбраться, если я попрошу. Мы можем сбежать в Идрис.

«Если мы сбежим, Сири, за нами последуют войска Халландрена. В Идрисе мы не будем в безопасности».

– Тогда отправимся куда-нибудь еще.

Он покачал головой.

«Сири, я слушал споры на придворных дебатах. Скоро между нашими королевствами разразится война. Если мы сбежим, то обречем Идрис на вторжение».

– Вторжение произойдет, даже если мы останемся.

«Нет, если я возьму власть в свои руки, – написал Сезеброн. – Народ Халландрена, даже боги, обязан мне подчиняться. Войны не будет, если дать им знать, что я ее не одобряю».

Он вытер дощечку и продолжил писать быстрее: «Я говорил жрецам, что не хочу идти на войну, и они, похоже, меня одобрили. Тем не менее они ничего не предприняли».

– Наверное, они беспокоятся, – предположила Сири. – О том, что, если они позволят тебе заняться политикой, ты можешь подумать, что они тебе не нужны.

«Они будут правы, – написал он, улыбаясь. – Мне нужно стать лидером своего народа, Сири. Это единственный способ защитить твои прекрасные горы и семью, которую ты так любишь».

У Сири закончились возражения, и она замолчала. Поступать так, как он говорит, означает раскрыть карты. Поставить на кон все. Если они провалятся, жрецы несомненно поймут, что Сири и Сезеброн в сговоре. Это положит конец их уединению.

Очевидно, Сезеброн заметил ее озабоченность.

«Это опасно, но выбора нет. Бегство не только рискованно, но и может поставить нас в гораздо худшие обстоятельства. Наше присутствие в Идрисе может стать поводом для вторжения халландренской армии. А другие страны могут быть еще опаснее».

Сири медленно кивнула. В другой стране они окажутся без денег и могут стать прекрасными объектами для требований выкупа. Сбегут от жрецов только для того, чтобы оказаться в плену, где их будут использовать против Халландрена. Из-за Всеобщей войны к королевству Радужных Тонов до сих пор относятся с неприязнью.

– Как ты и сказал, нас захватят в плен, – признала она. – Кроме того, я сомневаюсь, что в другой стране мы сможем добывать тебе дыхания каждую неделю. А без них ты умрешь.

Казалось, он колебался.

– Что? – спросила она.

«Без дыханий я не умру, – написал он. – Но это не аргумент в пользу побега».

– Ты хочешь сказать, что истории о том, что возвращенные не могут жить без дыхания, – ложь? – недоверчиво произнесла Сири.

«Нет, не совсем, – быстро ответил он. – Дыхания нам очень нужны, но ты забыла, что я храню дыхания, перешедшие ко мне от многих поколений моей семьи. Однажды я слышал, как об этом говорили жрецы. Если необходимо меня увезти, я могу выжить за счет своих дыханий. Кроме дыхания, делающего меня возвращенным, есть еще запас. Мое тело может просто подпитываться этими дополнительными дыханиями, поглощая одно в неделю».

Сири села, задумавшись. Похоже, здесь подразумевалось что-то о дыхании, чего она не вполне понимала. К сожалению, ей просто не хватало опыта разобраться во всем этом.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда мы можем скрыться, если придется.

«Я сказал, что это не аргумент для бегства, – написал Сезеброн. – Сокровище дыхания может поддерживать мою жизнь, но также и делает меня очень ценным заложником. Даже не будь я королем-богом, все нацелятся на это дыхание, и я окажусь в опасности».

Это было верно. Сири кивнула.

– Хорошо. Если мы в самом деле попробуем открыть правду о том, что творили жрецы, я думаю, это надо делать в ближайшее время. Если у меня появятся признаки беременности, то готова поспорить, что жрецы в мгновение ока меня изолируют.

Сезеброн кивнул. «Через пару дней состоится всеобщая ассамблея, и я слышал от жрецов, что это важное собрание, – все боги редко собираются для голосования. На этом собрании будет решаться, выступим ли мы на Идрис».

Сири нервно кивнула.

– Я могу сесть рядом с Гимном Света и умолять его о помощи. Если мы соберем еще несколько богов, то, возможно, они перед всей толпой потребуют проверить, лгу я или нет.

«И я открою рот и покажу, что у меня нет языка, – написал он. – Тогда увидим, что сделают жрецы. Им придется склониться перед волей всего пантеона».

– Ладно, – согласилась Сири. – Попробуем сделать так.

Глава 49

Вашер увидел, что она опять тренируется.

Он завис снаружи окна, спустившись с крыши на пробужденной веревке, обхватывающей его за пояс. В комнате Вивенна раз за разом пробуждала полоску ткани, не зная о том, что Вашер наблюдает за нею. Она приказывала ленточке переползти комнату, обернуться вокруг чашки и принести ее, не расплескав.

«Она так быстро учится», – подумал он. Произнести сами приказы было просто, трудность представляло обеспечить правильный ментальный импульс. Как будто учишься управлять вторым телом. Вивенна схватывала быстро. Да, у нее много дыхания, поэтому ей легче, но подлинное инстинктивное пробуждение – способность пробуждать предметы без обучения и без практики – было даром, предоставляемым только шестым возвышением. Это на одну ступень выше, чем у возвращенных с их единственным божественным дыханием. Вивенне было далеко до этого уровня. Она училась на удивление быстро, хотя Вашер знал, как ее расстраивает то, что она часто допускает ошибки.

Даже сейчас, пока он наблюдал, она совершила промах. Ленточка переползла комнату, но забралась в чашку вместо того, чтобы обернуться вокруг нее. От встряски чашка перевернулась, и ленточка вернулась, оставляя мокрый след. Выругавшись, Вивенна пошла опять наполнить чашку. Она так и не заметила висевшего за окном Вашера. Его это не удивило – сейчас он был тусклым, его дыхание пряталось в рубашке.

Она поставила чашку на прежнее место, и Вашер подтянулся наверх, когда Вивенна шла обратно. Само собой, механизм его движения на веревках был гораздо сложнее, чем казалось. Его объединенные приказы заставляли веревку отвечать на касания разных фаланг пальца. Пробуждение отличалось от создания безжизненных – безжизненные имели мозги и могли интерпретировать приказы, чтобы на них реагировать. Веревка такими возможностями не обладала, она могла действовать только согласно изначальной инструкции.

При помощи нескольких касаний он снова спустился. Вивенна, стоя спиной к нему, брала еще один цветной платочек, чтобы использовать его для подпитки при пробуждении ленточки-подносительницы чашек.

«Она мне нравится, – сказал Кровь Ночи. – Я рад, что мы ее не убили».

Вашер не ответил.

«Ну ведь хорошенькая, согласишься?» – допытывался клинок.

«Ты не способен судить о таком», – ответил Вашер.

«Способен, – возразил Кровь Ночи. – Я решил, что способен».

Вашер покачал головой. Хорошенькая или нет, эта женщина не должна была заявляться в Халлендрен. Она стала для Дента превосходным орудием. «О, конечно, – с жесткой иронией признал он, – возможно, Дент и не нуждался в таком орудии». Халландрен и Идрис близки к тому, чтобы сцепиться. Вашер слишком долго оставался в стороне, и прекрасно это знал. Так же, как и то, что у него не было возможности вернуться пораньше.

Вивенна наконец-то успешно заставила ленточку принести ей чашку и с удовлетворением отпила из нее. Со стороны Вашеру было не очень хорошо видно. Он позволил веревке опустить себя на землю, а затем приказал ей отцепиться от того, к чему она была прикреплена сверху. Когда она обернулась вокруг его руки, он вернул себе дыхание и поднялся в комнату по внешней лестнице.

***

Когда Вашер вошел, Вивенна повернулась к нему. Поставив чашку, она поспешно засунула лоскут в карман.

«Что с того, если он увидит, как я практикуюсь? – подумала она, покраснев. – Мне нечего скрывать».

Но она стеснялась тренироваться перед ним. Он был таким суровым, таким не прощающим ошибки. Ей не нравилось, когда он видел ее промахи.

– Ну что? – спросила она.

Он покачал головой:

– Оба дома, в которых вы жили, и убежище в трущобах пусты. Дент слишком умен, чтобы вот так просто его поймать. Конечно, он понял, что ты можешь выдать, где его искать.

Стиснув зубы от досады, Вивенна села, прислонившись спиной к стене. Как и другие комнаты, в которых они останавливались, эта была предельно простой. Их имущество состояло из постельных принадлежностей и сменной одежды, и все это умещалось в сумке Вашера.

Дент жил гораздо шикарнее. С деньгами Лемекса он мог себе это позволить.

«Умно, – подумала она. – Отдал мне деньги, заставил меня чувствовать себя главной. Он знал, что золото никуда от него не денется, так же, как и я».

– Я надеялась, что мы сможем за ним наблюдать, – сказала она. – Возможно, расстроим его планы.

Вашер пожал плечами.

– Не получилось. Не надо об этом плакать. Идем. Думаю, я смогу устроить встречу с идрисскими работниками в фруктовых садах, если мы попадем в перерыв на обед.

Когда он повернулся, чтобы идти, Вивенна нахмурилась.

– Вашер! Мы не можем это продолжать.

– Это?

– Когда я была с Дентом, мы встречались с главарями преступников и с политиками. С тобой мы встречаемся с простолюдинами в закоулках и на полях.

– Они хорошие люди!

– Я знаю, что хорошие, – быстро согласилась она. – Но ты в самом деле думаешь, что мы действуем по-другому? Я имею в виду, по сравнению с тем, что, вероятно, делает Дент?

Он нахмурился, но вместо того, чтобы спорить с нею, грохнул кулаком по стене и сказал:

– Я знаю. Я ищу другие пути, но кажется, будто все время иду на шаг позади Дента. Я могу перебить его воровские шайки, но у него их больше, чем я могу найти. Я пытался выяснить, кто стоит за войну, даже проник во Двор Богов, но все молчат, будто воды в рот набрали. Они полагают, что война теперь неизбежна, и не хотят оказаться на стороне тех, кто проигрывает.

– А что жрецы? – спросила Вивенна. – Разве не они обращают внимание богов на подобные вещи? Если мы заставим большинство из них выступить против войны, возможно, мы сможем ее предотвратить.

– Жрецы непостоянны, – покачал головой Вашер. – Большинство высказывавшихся против войны уже уступили. Даже Нанрова переметнулся от меня.

– Нанрова?

– Верховный жрец Наблюдателя Спокойствия, – пояснил Вашер. – Я считал его надежным, он даже несколько раз встречался со мной поговорить о своей несогласии с войной. Теперь он отказывается меня видеть и переметнулся на другую сторону. Обесцвеченный лгун.

Вивенна нахмурилась. Нанрова...

– Вашер, мы с ним кое-что сделали.

– Что?

– Дент и его команда, – сказала она. – Мы помогли шайке воров ограбить торговца солью и при этом сделали пару отвлекающих маневров, чтобы прикрыть кражу. Устроили пожар в ближайшем доме и перевернули экипаж, ехавший через сад. Экипаж принадлежал верховному жрецу. Думаю, это был Нанрова.

Вашер тихо выругался.

– Думаешь, это связано? – спросила она.

– Может быть. Ты знаешь, кто из воров участвовал в ограблении?

Она покачала головой.

– Я вернусь, – произнес он. – Жди здесь.

Вивенна послушалась и ждала несколько часов. Она попробовала еще пробуждать, но уже и так провела большую часть дня, занимаясь этим. Она была ментально истощена и обнаружила, что ей трудно сконцентрироваться. Наконец она поймала себя на том, что раздраженно смотрит в окно. Дент всегда брал ее с собой на информаторские сходки.

«Он делал так только потому, что хотел держать меня на виду», – подумала она. Теперь, когда она оглядывалась назад, становилось очевидно, что Дент многое от нее скрывал. А Вашер вообще не беспокоится о том, чтобы заручиться ее поддержкой.

Хотя он не скупился на информацию, если она задавала вопросы. Его ответы были ворчливыми, но обычно он все же отвечал. Вивенна запуталась в объяснениях по пробуждению. Не столько из-за того, что он говорил, сколько из-за того, как он это говорил.

Она ошибалась в отношении него и сейчас была в этом почти уверена. Пора ей прекратить судить людей. Но разве такое возможно? Разве взаимоотношения не основываются отчасти на суждениях? Знания о людях и их поведение влияют на то, как она к ним относится.

Значит, дело не в том, чтобы прекратить судить, а в том, чтобы суждения не были категоричными. Она сочла Дента другом, но ей не следовало игнорировать его утверждения о том, что у наемников нет друзей.

Дверь распахнулась. Вивенна подскочила, прижимая руку к груди.

Вошел Вашер.

– Чем так вздрагивать, лучше сразу тянись к мечу, – сказал он. – Зачем хвататься за рубашку, если ты не собираешься ее разорвать?

Вивенна вспыхнула, и ее волосы покраснели. Купленный для нее меч лежал в углу комнаты. У них было мало возможностей для тренировок, и она с трудом представляла даже, как правильно его держать.

– Итак? – спросила она, когда Вашер закрыл дверь.

Снаружи уже стемнело, и в городе начали загораться огни.

– Ограбление было прикрытием, – ответил он. – Настоящий удар нацеливался на экипаж. Дент пообещал ворами кое-что ценное, если они совершат ограбление и устроят пожар – и то, и другое, чтобы отвлечь от экипажа.

– Зачем? – спросила Вивенна.

– Не знаю.

– Деньги? – предположила Вивенна. – Когда Чурбан ударил лошадь, с крыши свалился сундук. Он был полон золота.

– Что произошло после? – задал вопрос Вашер.

– Я ушла с остальными. Я подумала, что экипаж был отвлечением, и когда он перевернулся, меня увели.

– Дент?

– Припоминаю, что его там не было. Мне сказали, что он работает с ворами.

Кивнув, Вашер подошел к мешку. Выбросив оттуда постельные принадлежности, он достал несколько предметов одежды и стянул с себя рубашку, обнажив мускулистый волосатый торс. Вивенна удивленно моргнула и покраснела. Наверное, ей надо было отвернуться, но любопытство пересилило. Что он делает?

К счастью, штаны он не снял, зато напялил другую рубашку с рукавами, разрезанными у запястий на длинные ленты.

– Когда скажу, – произнес он, – станьте моими пальцами и держите то, что должен держать я.

Лоскуты на манжетах зашевелились.

– погоди, – сказала Вивенна. – Что это? Приказ?

– Слишком сложный для тебя, – ответил он и, став на колени, принялся отгибать отвороты на штанах.

Вивенна увидела, что они тоже длиннее, чем обычные.

– Станьте подобны моим ногам и дайте им силу, – приказал он.

Лохмотья со штанин скрестилась, затягиваясь под подошвами ног. Вивенна не стала спорить с его утверждением, что эти приказы «слишком сложные». Она просто запомнила их на всякий случай.

Наконец Вашер извлек свой потрепанный плащ, разорванный в некоторых местах.

– Защищай меня, – приказал он, и Вивенна увидела, как множество оставшихся у него дыханий перетекли в плащ.

Вашер обвязал вокруг пояса веревку. Она была тонкой, но крепкой и, как поняла Вивенна, предназначалась не для того, чтобы поддерживать штаны.

Наконец он поднял Кровь Ночи.

– Ты идешь?

– Куда?

– Мы захватим кого-нибудь из тех воров. Расспросим у них, чего Дент хотел добиться с экипажем.

Вивенна ощутила приступ страха.

– А я зачем? Разве я не буду для тебя обузой?

– Это зависит от многого, – ответил он. – Если мы ввяжемся в драку и ты будешь мешать, придется трудно. Если мы ввяжемся в драку и половина врагов нападут на тебя, а не на меня, будет проще.

– Полагаю, защищать меня ты не будешь.

– Хорошее предположение, – обронил он, глядя ей в глаза. – Если хочешь идти, идем. Но не жди, что я буду тебя защищать, и, что бы ты ни задумала, действуй самостоятельно.

– А я и не жду, – сказала она.

Он пожал плечами.

– Я подумал, что надо тебе предложить. Ты здесь не пленница, принцесса. Можешь делать что хочешь. Просто не мешай мне, когда будешь что-либо делать, поняла?

– Поняла, – ответила она, чувствуя, как по спине пробежал холод, когда она приняла решение. – И я иду.

Он не стал ее отговаривать, а просто указал на меч.

– Возьми его.

Кивнув, она подвесила меч к поясу.

– Вытащи его, – велел Вашер.

Она подчинилась, и он поправил ее захват.

– Что из того, что я буду держать его правильно? – спросила она. – Я все равно не умею с ним обращаться.

– Так ты выглядишь угрожающе, и это может заставить нападающих остановиться. Пара секунд колебаний в схватке могут много значить.

Она нервно кивнула, пряча оружие в ножны, и схватила несколько кусков веревки.

– Держи, когда брошу, – сказала она самому маленькому обрывку и засунула его в карман.

Вашер наблюдал за ней.

– Лучше потерять дыхание, чем быть убитой, – пояснила она.

– Немногие пробуждающие с тобой согласятся, – заметил он. – Большинство из них мысль о потере дыхания пугает гораздо больше, чем перспектива погибнуть.

– Я не такая, как большинство пробуждающих, – ответила она. – Отчасти я все еще нахожу этот процесс святотатством.

Он кивнул.

– Помести остальные дыхания куда-нибудь еще, – сказал он, открывая дверь. – Нам нельзя привлекать к себе внимание.

Она поморщилась, но сделала, как он сказал, поместив дыхание с базовым неактивным приказом в рубашку. Это было равнозначно тому, чтобы произнести приказ наполовину или промямлить его. Это вытягивало дыхание, но предмет оставался неспособным к действию.

Как только она переместила дыхание, мир потускнел. Все вокруг казалось мертвым.

– Идем, – произнес Вашер, выходя в темноту.

Ночи в Т'Телире отличались от ночей на ее родине. Там над головой сияло так много звезд, как будто кто-то рассыпал в воздухе ведро белого песка. Здесь были целые улицы фонарей, таверн, ресторанов и увеселительных заведений. В результате весь город заполняли огни, напоминавшие звезды, спустившиеся с небес осмотреть грандиозный Т'Телир. И все же Вивенне было немного грустно от того, как мало видно в небе настоящих звезд.

Но это не означало, что место, куда они направлялись, будет таким же светлым. Вашер шел по улицам впереди нее и скоро почти превратился в громадную тень. Они оставили позади уличные огни и освещенные окна, двигаясь в незнакомые трущобы. Это было одно из тех мест, куда она боялась заходить, даже когда жила на улице. Казалось, что ночь становится темнее по мере того, как они углублялись в один из

извилистых мрачных переулков, которые в таких местах считались улицами. Оба хранили молчание. Вивенна понимала, что нельзя разговаривать и привлекать внимание.

Наконец Вашер остановился, указывая на одноэтажное широкое здание с плоской крышей. Оно стояло обособленно, в низине, а невысокий холм позади него облепили сооруженные из всякого хлама лачуги. Подав Вивенне знак оставаться на месте, Вашер тихо переместил остаток своего дыхания в веревку и принялся крадучись взбираться на холм.

Нервно ждала, стоя на коленях рядом с ветхой лачугой, выстроенной, похоже, из полураскрошенных кирпичей. «Зачем я пошла? – подумала она. – Он не сказал, куда, просто сказал, что я могу пойти. С такой же легкостью я могла остаться».

Но она устала от всего случившегося с нею. Именно она указала на то, что, возможно, между жрецами и планом Дента существует связь. Она хотела наконец в этом убедиться. Сделать что-нибудь.

В освещенной комнате размышлять было легче. Маячившая слева от лачуги одна из статуй Д'Денир не успокаивала ее нервы. Несколько таких же стояли и в идрисских трущобах, хотя там большинство были обезображены или разбиты.

Она ничего не чувствовала своим ощущением жизни, будто ослепла. Отсутствие дыхания навело воспоминания о ночах, проведенных в грязных и холодных переулках. Об избиениях беспризорниками вдвое меньше ее ростом, но настолько же более подготовленными. О голоде. Ужасном, неумолимом, подавляющем и выматывающем голоде.

Послышались шаги, и появилась тень. Вивенна чуть не задохнулась от потрясения, но заставила себя успокоиться, узнав в руках человека Кровь Ночи.

– Два охранника, – сказал Вашер. – Я их оглушил.

– Они подойдут для того, чтобы ответить на наши вопросы?

Вашер покачал головой, выделявшейся силуэтом на фоне неба.

– Почти дети. Нам нужен кто-то посolidнее. Мы должны войти. Или придется несколько дней сидеть и наблюдать, чтобы определить, кто был в деле, а потом схватить его, когда он будет один.

– Это будет слишком долго, – прошептала Вивенна.

– Согласен. Но я не могу использовать меч. После того, что Кровь Ночи сделает с людьми, задавать вопросы будет некому.

Вивенна содрогнулась.

– Идем, – прошептал Вашер.

Так тихо, как только могла, она пошла за ним к входу. Вашер схватил ее руку и покачал головой. Вивенна обогнула вместе с ним канаву, заметив два закатившихся туда бессознательных тела. У задней стены дома Вашер начал шарить по земле. После нескольких мгновений безуспешных поисков он тихо выругался и вытащил что-то из кармана. Пучок соломы.

Всего за несколько секунд он смастерил из соломы и ниток трех маленьких человечков и оживил их, используя дыхание, запасенное в плаще. Каждому он дал приказ:

– Найди тоннели.

Вивенна зачарованно наблюдала. «Это гораздо более абстрактный приказ, чем, по его заверениям, возможно выполнить, – подумала она, когда человечки засновали по земле, а Вашер вернулся к осмотру. – Очевидно, самое главное в пробуждении – опыт и способность использовать ментальные образы. Он давно этим занимается, и то, как он говорил об этом – как ученый, – свидетельствует о том, что он изучал пробуждение очень серьезно».

Один из соломенных человечков начал подпрыгивать. Два других подбежали к нему и тоже начали подскакивать. Вашер направился к ним, Вивенна пошла следом. Она увидела, как Вашер расчищает люк, спрятанный под толстым слоем грунта. Чуть приподняв крышку, он залез под нее рукой и достал несколько маленьких колокольчиков. Очевидно, их поместили там для того, чтобы они предупреждали звоном, если дверь откроется полностью.

– У таких групп не бывает убежищ без тайного хода, – сказал Вашер. – Обычно их пара. И всегда ставят ловушки.

Вивенна понаблюдала за тем, как он возвращает дыхание от соломенных человечков, тихо благодаря каждого. Она нахмурилась, услышав странные слова. Это же просто пучки соломы, зачем их благодарить?

Поместив дыхание обратно в плащ с приказом защищать, Вашер полез в люк. Вивенна последовала за ним, ступая осторожно и пропуская те ступеньки, на которые указывал ее спутник. Дно ямы оказалось небрежно вырытым тоннелем или же такое впечатление создавали стены неосвещенной земляной камеры.

Вашер направился в тоннель, о чем Вивенна могла судить только по шороху его одежды. Она пошла за ним и удивилась, увидев впереди свет. Кроме того, она услышала голоса – мужчины разговаривали и смеялись.

Вскоре она смогла рассмотреть силуэт Вашера. Подойдя к нему, она выглянула из тоннеля в земляную камеру. В центре нее горел костер, а дым уходил вверх через отверстие в потолке. Верхнее помещение – сам дом – возможно, был просто фасадом, ибо комната внизу выглядела очень жилой. Здесь валялись кучи тряпья, постельные принадлежности, кастрюли и миски. Все было таким же грязным, как и смеющиеся люди, рассеявшиеся вокруг костра.

Вашер указал жестом в сторону. Там оказался еще один тоннель в нескольких футах от того, в котором они прятались. Сердце Вивенны подпрыгнуло от потрясения, когда Вашер прокрался через комнату ко второму тоннелю. Она посмотрела на костер. Люди были поглощены выпивкой и из-за огня ничего вокруг не видели. Похоже, Вашера они не заметили.

Сделав глубокий вдох, она последовала за ним в тени обширной комнаты, чувствуя, что костер высвечивает ее спину. Однако Вашер не ушел далеко, прежде чем остановился. Вивенна чуть не налетела на него. Он застыл на несколько мгновений,

пока Вивенна не ткнула его в спину, пытаясь заставить его посторониться так, чтобы она смогла увидеть, что он делает. Он отодвинулся, открывая ей обзор перед собой.

Тоннель резко обрывался – по-видимому, это был не столько тоннель, сколько закуток. В глубине закутка находилась клетка высотой до пояса Вивенны. В клетке сидел ребенок.

Тихо ахнув, Вивенна оттолкнула Вашера и опустилась на колени возле клетки. «Ценный предмет в экипаже, – мысленно сопоставила она. – Это были не деньги. Это была дочь жреца. Идеальный козырь, если вам нужно путем шантажа заставить кого-то переменить свою позицию при дворе».

Когда Вивенна встала на колени, пленница отшатнулась, задрожав и тихо захныкав. Клетка воняла человеческими нечистотами, и ребенок был покрыт грязью, за исключением щек, на которых слезы прочертили чистые дорожки.

Вивенна подняла взгляд на Вашера. Он стоял спиной к костру, и его глаза были в тени, но она слышала, как он скрежещет зубами. Он повернул голову в сторону, и половина его лица озарилась красноватым светом от костра.

В освещенном глазе Вивенна увидела ярость.

– Эй! – позвал один из воров.

– Вытащи ребенка, – произнес Вашер резким шепотом.

– Ты как сюда попал?! – крикнул другой мужчина.

Освещенный глаз Вашера встретился с глазами Вивенны, и она почувствовала, как съеживается перед ним. Она кивнула, и Вашер отвернулся, сжав одну руку в кулак, а другой крепко стиснув рукоятку Крови Ночи. С нарочитой медлительностью, шелестя плащом, он выступил вперед, к ворам. Вивенна решила поступать, как он велел, но обнаружила, что ей трудно отвести от него взгляд.

Мужчины обнажили клинки. Вашер сделал неожиданный выпад.

Кровь Ночи, по-прежнему в ножнах, уткнулся в грудь одного из мужчин, и Вивенна слышала хруст костей. Другой вор атаковал, и Вашер развернулся, выбрасывая руку. Лохмотья на рукавах двинулись сами по себе, закручиваясь вокруг лезвия меча вора и захватывая его. Задав импульс движения, Вашер вырвал клинок, отшвырнул, и лохмотья отпустили оружие.

Меч упал на пол в грязь, а рука Вашера метнулась, хватая вора за лицо. Лохмотья обвилились вокруг головы негодяя как щупальца кальмара. Вашер швырнул его на землю и, стоя на коленях, чтобы добавить силы к движению, вогнал Кровь Ночи в ножнах в бедро другого вора, повалив его. Третий попытался ударить Вашера сзади, и Вивенна предостерегающе крикнула. Вдруг плащ Вашера взметнулся сам по себе и схватил удивленного мужчину за руку.

Вашер повернулся с пылающим гневом лицом и замахнулся Кровью Ночи на запутавшегося в плаще вора. Вивенна вздрогнула от треска ломающихся костей и отвернулась от схватки, слыша непрекращающиеся крики. Дрожащими пальцами она попыталась открыть клетку.

Разумеется, та оказалась заперта. Вивенна вытянула немного дыхания из веревки и попыталась пробудить замок, но ничего не произошло.

«Металл, – подумала она. – Ну конечно. Он не был живым, поэтому его нельзя пробудить».

Тогда она вытянула нитку из своей рубашки, стараясь не обращать внимания на крики боли позади нее. Заревев в пылу сражения, как дикий зверь, Вашер больше не производил впечатления хладнокровного профессионального убийцы. Теперь он был разъярен.

Вивенна подняла нитку.

– Отпирай, – приказала она.

Нитка чуть качнулась, но когда Вивенна поднесла ее к замку, ничего не произошло.

Она вернула дыхание, сделала несколько успокаивающих вдохов и закрыла глаза.

«Надо правильно представить намерение. Проникнуть внутрь и повернуть задвижку».

– Поверни, – сказала она, чувствуя, как ее покидает дыхание.

Она поднесла нитку к замку. Нитка провернулась, и Вивенна услышала щелчок. Дверца открылась. Звуки драки сзади стихли, хотя люди продолжали стонать.

Вивенна забрала дыхание обратно и потянулась в клетку. Девочка сжалась, плача и пряча лицо.

– Я друг, – ласково произнесла Вивенна. – Ну же. Я здесь, чтобы помочь тебе.

Но девочка отшатнулась, закричав от прикосновения. Раздосадованная, Вивенна повернулась к Вашеру.

С опущенной головой он стоял у костра, окруженный поверженными телами. В одной руке он держал Кровь Ночи, опираясь на грязный пол защищенным ножнами острием. Почему-то Вашер сейчас казался массивнее, чем несколько мгновений назад. Выше. Шире в плечах. Более грозным.

Другая рука лежала на рукояти Крови Ночи. Ножны были расстегнуты, из них от лезвия струился черный дым, часть которого опускалась к земле, а часть поднималась к потолку. Как будто дым не мог решить, что ему делать.

Рука Вашера тряслась.

«Вытащи... меня... – Вивенне показалось, что отдаленный голос прозвучал в ее голове. – Убей их...»

Многие поверженные еще корчились на земле. Вашер начал медленно вытаскивать клинок. Меч был абсолютно черным, и казалось, что он поглощает свет костра.

«Это нехорошо», – подумала она и крикнула:

– Вашер! Вашер, девочка не хочет идти ко мне!

Он застыл, потом посмотрел на нее остекленевшими глазами.

– Ты разгромил их, Вашер. Не надо обнажать меч.

«Да... да, вытаскивай...»

Вашер моргнул и наконец обратил на нее внимание. Вогнав Кровь Ночи в ножны, он потряс головой и поспешил к Вивенне, выругавшись и пнув лежащее на пути тело.

– Бесцветные изверги, – прошептал он, глядя в клетку.

Он больше не казался большим, и Вивенна решила, что это ей почудилось из-за игры света. Вашер залез в клетку, протягивая руки. Как ни странно, ребенок немедленно пошел к нему, прижался к его груди и захныкал. Вивенна потрясенно наблюдала за тем, как Вашер поднимает девочку, в его глазах стояли слезы.

– Ты ее знаешь? – спросила Вивенна.

Он покачал головой.

– Я встречал Нанрову и знаю, что у него есть маленькие дети, но никогда их не видел.

– Тогда как? Почему она пошла к тебе?

Он не ответил.

– Идем. Я дрался с теми, кто прибежал вниз, услышав крики. Могут вернуться другие.

Он выглядел так, будто почти желал, чтобы так и случилось. Он повернулся к выходу из тоннеля, и Вивенна пошла за ним.

***

Они немедленно направились в один из богатых районов Т'Телира. Вашер был немногословен, а девочка и вовсе ни на что не реагировала. Вивенна беспокоилась за детский рассудок. Очевидно, что та провела взаперти пару тяжелых месяцев.

Они вышли из района лачуг к многоквартирным домам, к приличным жилищам на обсаженных деревьями улицах с горящими фонарями. Когда они подошли к особнякам, Вашер остановился посреди улицы и поставил девочку на землю.

– Малышка, – произнес он. – Я скажу тебе пару слов и хочу, чтобы ты их повторила. Повтори и попытайся понять их смысл.

Отсутствующе посмотрев на него, девочка слегка кивнув.

Он взглянул на Вивенну.

– Отойди.

Она открыла рот для возражений, но решила, что лучше подчиниться, и отступила за пределы слышимости. К счастью, Вашер стоял недалеко от уличного фонаря, и Вивенна хорошо видела его. Он что-то сказал девочке, и та заговорила с ним.

Открыв клетку, Вивенна забрала дыхание из нитки и больше ни во что не вкладывала. И благодаря повышенной чувствительности ей показалось, что она что-то увидела. Биохроматическая аура девочки, присущая каждому человеку, мерцала совсем слабо.

Ее дыхание было тусклым. Вивенна могла поклясться, что различила это даже с первым возвышением.

«Но Дент говорил мне, что либо все, либо ничего, – подумала она. – Можно отдать только все имеющееся у тебя дыхание. И точно нельзя отдать часть дыхания».

В этом отношении, как и в других случаях, Дент оказался лжецом.

Вашер выпрямился, и девочка опять взобралась к нему на руки. Вивенна приблизилась к ним и удивилась, услышав, что девочка разговаривает.

– Где папочка? – спросила она.

Вашер не ответил.

– Я чумазая, – сказала девочка, оглядывая себя. – Маме не нравится, когда я вся в грязи. И платье тоже грязное.

Вашер пошел дальше. Вивенна бросилась догонять.

– Мы идем домой? – спросила девочка. – Где мы были? Уже поздно, и я должна быть дома. Кто эта тетя?

«Она не помнит, – поняла Вивенна. – Не помнит, где она была... возможно, вообще не помнит, что случилось».

Вивенна снова посмотрела на шагающего Вашера. Его борода была как всегда растрепана, взгляд устремлен вперед, одной рукой он держал ребенка, а другой – Кровь Ночи. Подойдя прямо к воротам особняка, он открыл их пинком ноги и ступил во двор, а встревоженная Вивенна последовала за ним.

Пара сторожевых псов залаяла. Бросившись к ним, они завyli и зарычали. Вивенна сжалась. Но увидев Вашера, псы затихли и счастливо завиляли хвостами, а один подпрыгнул и попытался лизнуть его руку.

«Во имя Цвета, что происходит?»

Перед особняком собрались люди с фонарями в руках, пытающиеся рассмотреть, из-за чего лаяли собаки. Один из них увидел Вашера, что-то сказал остальным и куда-то удалился. Когда Вивенна и Вашер приблизились к террасе, у дверей появился человек. Он был в белой ночной рубашке и под охраной двух солдат. Солдаты выступили вперед, преграждая путь Вашеру, но мужчина с громким криком вклинился между ними. С рыданиями он взял у Вашера ребенка.

– Спасибо, – прошептал он. – Спасибо.

Вивенна молча стояла позади. Собаки продолжали лизать руки Вашера, хотя сторонились Крови Ночи.

Мужчина обнял девочку, прежде чем передать только что подошедшей женщине – ее матери, как предположила Вивенна. Женщина радостно воскликнула, беря ребенка.

– Почему ты вернул ее? – спросил мужчина, глядя на Вашера.

– Похитившие ее наказаны, – негромко и хрипло произнес Вашер. – Это все, что сейчас должно иметь значение для тебя.

Мужчина бросил на него косой взгляд:

– Я тебя знаю, незнакомец?

– Мы встречались, – ответил Вашер. – Я просил тебя выступить против войны.

– Точно! – сказал мужчина. – Тебе не нужно было меня побуждать к этому. Но когда они забрали Мисель... мне пришлось молчать о том, что произошло, пришлось изменить мнение на дебатах, потому что они пригрозили убить ее.

Вашер повернулся, собираясь уходить.

– Бери малышку, береги ее. – Помолчав, он оглянулся. – И удостоверься в том, что королевство не использует безжизненных для резни.

Жрец кивнул, все еще плача.

– Да, да. Конечно. Спасибо. Спасибо большое.

Вашер пошел прочь. Вивенна поспешила за ним, косясь на собак.

– Как ты заставил их прекратить лаять?

Он не ответил.

Она оглянулась на особняк.

– Ты искупила то, что натворила, – заметил он, проходя через темные ворота.

– Что?

– Дент похитил бы девочку, даже если бы ты не пришла в Т'Телир, – сказал Вашер. – И я бы никогда ее не нашел. Дент работал со слишком многими воровскими шайками, и я думал, что кража была устроена для того, чтобы уничтожить запасы. Как и все, я проигнорировал экипаж.

В сумраке ночи он остановился и посмотрел на Вивенну:

– Ты спасла девочке жизнь.

– По счастливой случайности, – ответила она.

Она не видела в темноте своих волос, но чувствовала, что они покраснели.

– Все равно спасла.

Вивенна улыбнулась, комплимент по некоторым причинам тронул ее сильнее, чем должен был.

– Спасибо.

– Извини меня за вспыльчивость, – произнес он. – Там, в логове. Воин должен быть спокойным. Если ты сражаешься или бьешься на поединке, не позволяй гневу одержать верх над тобой. Вот почему я никогда не был хорошим поединщиком.

– Ты проделал работу, – сказала она, – и Дент потерял еще одну заложницу.

Они вышли на улицу.

– Хотя, – добавила Вивенна, – Я желала бы не видеть этот роскошный особняк. Он не улучшил моего мнения о халландренских жрецах.

Вашер покачал головой.

– Отец Нанровы был одним из самых богатых торговцев в городе. Сын посвятил себя служению богам в благодарность за их благословения. Он не берет плату за свое служение.

Вивенна помолчала.

– О!

Вашер пожал плечами в темноте.

– Жрецов всегда легко винить. Их делают подходящими козлами отпущения – похоже, что любой, у кого крепкая вера, но не такая, как твоя собственная, просто обязан быть безумным фанатиком либо лживым манипулятором.

Вивенна опять вспыхнула.

Вашер остановился посреди улицы и повернулся к ней.

– Прости. Я не хотел говорить это вот так. – Выругавшись, он развернулся и пошел дальше. – Я говорил тебе, что плохой собеседник.

– Все в порядке, – ответила она. – Я понемногу к этому привыкаю.

Он рассеянно кивнул.

«Он хороший человек, – подумала она. – Или, по крайней мере, человек, который искренне пытается быть хорошим». В глубине души она чувствовала себя душой за то, что составила другое суждение.

Все равно она знала, что не может жить, не может общаться без того, чтобы не выносить какие-то суждения. Поэтому она судила Вашера. Не так, как Дента, который говорил забавные вещи и предоставлял ей то, что она хотела видеть. Она судила Вашера по его делам. Он плакал, увидев плененного ребенка. Вернул этого ребенка отцу, а единственной наградой стала его неуклюжая просьба о мире. Жил почти без денег, посвятив себя предотвращению войны.

Он был груб. Был жесток. У него был ужасный нрав. Но он был хорошим человеком. И, шагая рядом с ним, она впервые за много недель чувствовала себя в безопасности.

Глава 50

– Итак, у каждого из нас по двадцать тысяч, – сказала Аврора, идущая рядом с Гимном Света по вымощенной камнем дорожке вокруг арены.

– Да, – ответил он.

За ними блаженным стадом шли их жрецы, сопровождающие и слуги, хотя боги отказались от паланкинов и зонтиков. Они прогуливались вдвоем, бок о бок. Гимн Света в красном с золотом. Аврора Соблазна на этот раз была одета в платье, действительно закрывающее тело.

«Поразительно, как ей идут такие платья, – неожиданно подумал Гимн, – когда она находит время для самоуважения».

Он не мог понять, чем ему не нравятся ее откровенные наряды. Возможно, в прошлой жизни он был скромником.

А может, он оставался таким и сейчас. Он печально улыбнулся своим мыслям. «Как я могу винить себя прежнего? Тот человек мертв. Он бы не позволил втянуть себя в политические интриги».

Арена была заполнена, и, что бывало крайне редко, присутствовали все боги. Опаздывал только Любящий Ненастье, но он не отличался пунктуальностью.

«Важные события неизбежны, – подумал Гимн. – Они подготавливались годами. Почему я должен быть в центре всего этого?»

Его сон прошлой ночью был таким странным. Наконец-то ему не снилась война. Только луна. И несколько странных извилистых проходов. Похожих на... тоннели.

Многие боги с уважением кивали, когда он проходил мимо их навесов, хотя, надо признать, некоторые смотрели на него угрюмо, а несколько просто проигнорировали.

«Странная система правления, – подумал он. – Бессмертные, которым всего один или два десятка лет и которые никогда не видели мира за пределами Двора. А люди все равно нам доверяют».

«Люди нам доверяют».

– Гимн, думаю, мы должны поделиться друг с другом командными фразами, – сказала Аврора. – Так у каждого будут все сорок, просто на всякий случай.

Он ничего не ответил.

Она отвернулась от него, глядя на людей в пестрых одеждах, заполнивших скамейки и сидения.

– Ну надо же! – воскликнула Аврора. – Какая толпа. И среди них так мало проявляют ко мне внимание. Довольно невоспитанно с их стороны, что скажешь?

Гимн пожал плечами.

– А, вот в чем дело, – заметила она. – Видимо, они просто... как бы выразиться? Оглушены, ослеплены и ошеломлены?

Гимн Света слегка улыбнулся, припоминая их беседу несколько месяцев назад. День, когда все началось. Аврора посмотрела на него с тоской в глазах.

– И правда, – ответил Гимн. – А может, они на самом деле игнорируют тебя. Чтобы сделать тебе комплимент.

Аврора улыбнулась:

– И как же, скажи на милость, можно сделать комплимент, игнорируя меня?

– Это заставляет тебя негодовать, – заметил Гимн. – А мы знаем, что в гневе ты выглядишь лучше всего.

– Значит, тебе нравится, как я выгляжу?

– Что-то в этом есть. К несчастью, я не могу сделать тебе комплимент, как другие, игнорируя тебя. Понимаешь, только истинное, искреннее игнорирование может стать комплиментом. А я на самом деле беспомощен и неспособен тебя игнорировать. Прошу прощения.

– Вижу, – ответила Аврора. – Польщена. Наверное. Кроме того, у тебя хорошо получается игнорировать некоторые вещи. Свою божественность. Общепринятые хорошие манеры. Мои женские хитрости.

– Ты не очень-то хитра, моя дорогая. Хитрый человек – тот, кто в сражении достает тщательно спрятанный маленький кинжал. А ты больше похожа на человека, который сокрушает противника валуном. Так или иначе, у меня другой способ обращаться с тобой, тот, который ты найдешь довольно лестным.

– Почему-то я нахожу его сомнительным.

– Тебе нужно больше верить в меня. – Он сделал рукой учтивый жест. – Вообще-то я бог. В своей божественной мудрости я понял, что единственный способ сделать настоящий комплимент такой, как ты, – Аврора Соблазна – это быть гораздо привлекательнее, умнее и интереснее тебя.

Она фыркнула:

– Ну, тогда я скорее буду оскорблена твоим присутствием.

– Туше! – признал Гимн.

– А ты не объяснишь, почему считаешь соревнование со мной самой искренней формой комплимента?

– Конечно. Моя дорогая, ты когда-нибудь слышала от меня провокационное нелепое утверждение без такого же нелепого доказательства?

– Конечно нет, – согласилась она. – Ты ничто без своей исчерпывающей самодовольной надуманной логики.

– Я исключителен в этом отношении.

– Несомненно.

– В любом случае, – сказал Гимн, поднимая палец, – будучи гораздо более ошеломляющим, чем ты, я призвал людей игнорировать тебя и обращать внимание на меня. Что, в свою очередь, побуждает тебя проявлять твое обычное очарование – путем небольшой вспышки гнева и повышенной обольстительности, – чтобы вернуть внимание к себе. И это, как я объяснил, делает тебя особенно великолепной. Следовательно, единственный способ увериться в том, что ты получаешь заслуженное внимание, – отвлечь его от тебя. Это на самом деле довольно трудно. Надеюсь, ты оценишь все, что я проделал для того, чтобы быть таким замечательным.

– Уверю тебя, я очень ценю, – сказала она. – На самом деле ценю так сильно, что хочу дать тебе передышку. Можешь пока отступить. Я сама понесу тяжкое бремя самой замечательной богини.

– Не могу позволить тебе этого.

– Но ведь если ты чересчур замечательный, мой дорогой, ты совершенно уничтожишь мой образ.

– Так или иначе, этот образ становится утомительным, – ответил Гимн. – Я долго преследовал цель завоевать печальную известность самого ленивого бога, но все больше понимаю, что провалил эту задачу. Все остальные естественным образом более восхитительно бесполезны, чем я. Они просто притворяются, что не осознают этого.

– Гимн Света! Можно сказать, что в твоих словах звучит зависть!

– Кто-то может сказать, что мои ноги воняют гуавой, – ответил он. – Но это не будет правдой только потому, что кто-то так сказал.

Она расхохоталась:

– Ты непереносим.

– В самом деле? Мы по-прежнему в Т'Телире. Разве ты пыталась меня куда-нибудь перенести?

Она подняла палец:

– Игра слов с большой натяжкой.

– Возможно, это просто финт.

– Финт?

– Да, намеренно слабая шутка, чтобы отвлечь тебя от настоящей.

– Которой?

Гимн Света помедлил, глядя на арену.

– От шутки, которую сыграли с нами всеми, – произнес он, понижая голос. – Остальные боги пантеона пошутили, предоставив мне так много влияния на наше королевство.

Аврора сдвинула брови, очевидно, ощутив в его голосе нарастающую горечь. Остановившись посреди дорожки спиной к арене, она пристально посмотрела ему в лицо. Гимн притворно улыбнулся, но момент был упущен. Они не могли продолжать как прежде. Слишком много вопросов повисло в воздухе.

– Наши братья и сестры не так плохи, как ты считаешь, – тихо проговорила она.

– Только непревзойденные идиоты могли отдать мне контроль над армиями.

– Они тебе доверяют.

– Они ленивы, – сказал Гимн. – Они хотят, чтобы трудные решения принимали другие. Вот что поощряет эта система, Аврора. Мы все заперты здесь, чтобы проводить время в безделье и удовольствиях. И при этом считается, что мы должны хорошо знать нашу страну? – Он покачал головой. – Мы боимся внешнего мира больше, чем желаем это признать. У всех нас есть живописные полотна и сны. Вот почему нам с тобой достались эти армии. Больше никто не хочет вести войска убивать и умирать. Участвовать хотят все, но никто не хочет нести ответственность.

Он замолчал. Она подняла взгляд на него. Богиня с совершенными формами. Она была намного сильнее остальных, но скрывала это за собственным покровом незначительности.

– Я знаю, что в одном ты точно прав, – тихо промолвила она.

– И в чем же?

– Ты замечательный, Гимн Света.

Он застыл, глядя ей в глаза. Широко посаженные прекрасные зеленые глаза.

– Ты и не собираешься отдавать мне командные фразы, так? – спросила она.

Он покачал головой.

– Я втянула тебя в это. Ты всегда говорил о своей бесполезности, но все мы знали, что ты один из немногих, кто всегда просматривает каждую картину, скульптуру и гобелен в своей галерее. Тот, кто слушает каждое стихотворение и песню. Тот, кто особенно глубоко внимает мольбам просителей.

– Вы все глупцы, – возразил он. – Меня не за что уважать.

– Нет, – ответила она. – Ты тот, кто заставляет нас смеяться, даже оскорбляя нас. Разве ты не видишь, что ты делаешь? Разве не видишь, как невольно поставил себя над всеми остальными? Ты ничего не делаешь намеренно, Гимн, поэтому это так хорошо срабатывает. В городе легкомысленности ты единственный, кто выказывает какую-то меру мудрости. Я считаю, поэтому тебе доверили армии.

Он не ответил.

– Я знаю, что ты можешь сопротивляться мне, – сказала она. – Но думаю, что все равно могу влиять на тебя.

– Можешь. Как ты сказала, это ты втянула меня во все это.

Она покачала головой. все еще глядя ему в глаза:

– Не могу определиться, какое из моих чувств к тебе сильнее, Гимн Света. Любовь или раздражение.

Он взял ее руку и поцеловал.

– Я принимаю их оба, Аврора. Это честь для меня.

С этими словами он отвернулся от нее и направился к своей ложе. Любящий Ненастье прибыл, не хватало только короля-бога и его жены. Гимн уселся, задаваясь вопросом, где Сири. Обычно она приходила на арену задолго до начала.

Он обнаружил, что ему трудно сосредоточить внимание на юной королеве. Аврора все еще стояла в проходе, где он ее оставил, наблюдая за ним.

Наконец она отвернулась и пошла в ложу.

***

Сири прошла по коридорам дворца, окруженная служанками в коричневой одежде. В ее голове крутились множество забот.

«Во-первых, пойти к Гимну Света, – сказала она себе, повторяя намеченный план. – То, что я сяду рядом с ним, не будет казаться странным – мы часто проводили время вместе на дебатах. Подожду появления Сезеброна. Затем попрошу Гимна поговорить наедине, без жрецов и слуг. Я расскажу о своих открытиях относительно короля-бога. Объясню, что Сезеброн держат в плену. И тогда посмотрим, что он предпримет».

Больше всего она боялась, что Гимн уже все знает. Мог ли он быть частью заговора? Она доверяла ему как никому другому, за исключением Сезеброна, но нервозность заставляла ее сомневаться во всем и во всех.

Одну за другой она миновала комнаты, украшенные каждая в своей цветовой гамме. Сири больше не замечала, какими они были яркими.

«Если Гимн Света согласится помочь, – думала она, – я подожду перерыва. Когда жрецы уйдут с арены, Гимн пойдет поговорить с несколькими другими богами. Те поручат своим жрецам начать на арене дискуссию о том, почему король-бог никогда не говорит с ними. Они принудят жрецов короля-бога высказаться в свое оправдание».

Ей было не по душе зависеть от жрецов, даже если те не принадлежали к числу служителей Сезеброна, но это казалось лучшим выходом. Кроме того, если жрецы разных богов не послушаются приказов, Гимн и остальные боги поймут, что их подводят собственные слуги. Сири сознавала, что в любом случае она окажется на очень опасной территории.

«Я ступаю на опасную дорожку, – подумала она, покидая официальные помещения дворца и выходя в темный внешний коридор. – Мужчине, которого я люблю, угрожает смерть, а детей, которых я рожу, у меня отберут». Либо она должна действовать, либо и дальше терпеть притеснения жрецов. Они с Сезеброном пришли к согласию. Лучшим планом было...

Сири замедлила шаг. В конце коридора, у выхода во двор, стояла небольшая группа жрецов с несколькими безжизненными солдатами. Их силуэты выделялись на фоне вечернего неба. Жрецы повернулись к Сири, и один указал на нее.

«Цвета! – пронеслось в голове у Сири. Развернувшись, она увидела других жрецов в конце коридора. – Нет! Не сейчас!»

Обе группы приближались к ней. Сири решила бежать, но куда? Бесполезно пытаться в длинном платье прорваться через толпу слуг и безжизненных. Вздернув подбородок, она вперилась в жрецов надменным взглядом, стараясь держать волосы под контролем.

– Что все это значит? – требовательно спросила она.

– Мы очень сожалеем, Сосуд, – произнес главный из жрецов. – Но было решено, что в вашем положении вам нельзя напрягаться.

– В моем положении? – холодно переспросила Сири. – Что за глупость?

– Ребенок, Сосуд, – ответил жрец. – Мы не можем подвергать его риску. Узнав о том, что вы носите наследника, многие попытаются навредить вам.

Сири похолодела. «Ребенок? – потрясено подумала она. – Откуда они знают, что Сезеброн и я действительно начали...»

Но нет. Если бы она была беременна, то знала бы об этом. Однако предполагалось, что она спит с королем-богом уже несколько месяцев. Достаточно, чтобы беременность стала заметна. Для горожан такое предположение прозвучало бы правдоподобно.

«Дура! – мысленно обозвала она себя в приступе паники. – Если они уже нашли замену королю-богу, мне не нужно рожать ребенка на самом деле. Они просто должны заставить всех думать, что я беременна!»

– Никакого ребенка нет, – заявила она. – Вы просто тянули время, пока не появился предлог запретить меня.

– Пожалуйста, Сосуд, – произнес один из жрецов, жестом указывая безжизненным взять ее под руки.

Сири не сопротивлялась, она заставила себя оставаться спокойной, глядя в глаза жрецу.

Он отвел глаза и сказал:

– Это к лучшему. Для вашего же блага.

– Я уверена в этом, – фыркнула она, но позволила увести себя обратно в комнаты.

***

Вивенна сидела среди толпы, наблюдая и выжидая. Внутренний голос шептал ей о том, что было глупо заявляться сюда так открыто. Но этот голос осторожной идрисской принцессы становился все тише и тише.

Люди Дента отыскивали ее, когда она скрывалась в трущобах. Вероятно, находиться в толпе с Вашером было безопаснее, чем в переулках, особенно если принять во внимание, как хорошо она смешалась с людьми. Она не понимала раньше, как естественно можно чувствовать себя, когда сидишь в штанах и тунике ярких расцветок – и никто не обращает на тебя внимания.

Вашер появился у ограждения над скамьями. Вивенна осторожно выскользнула со своего сидения, которое немедленно кто-то занял, и направилась к нему. Внизу уже

затяжи свои споры жрецы. Нанрова, которому вернули дочь, начал с того, что объявил о возвращении к своей прежней позиции. Теперь он руководил дискуссией против войны.

Его мало кто поддерживал.

Вивенна присоединилась к Вашеру у перил, и он бесцеремонно расчистил локтем для нее место. Крови Ночи при нем не было – по настоянию Вивенны он оставил меч вместе с ее дуэльным клинком. Она не знала, как ему удалось пронести меч в свой прошлый визит ко двору, но это последнее, к чему они хотели бы привлечь внимание.

– Ну? – тихо спросила она.

Он покачал головой:

– Если Дент и здесь, я не могу его отыскать.

– Не удивительно в такой толпе, – вполголоса ответила она. Их окружали люди – вдоль перил стояли сотни человек. – Откуда их столько взялось? Народу набилось больше, чем в другие сессии ассамблеи.

Он пожал плечами:

– Люди, которым предоставили одно посещение двора, могут придержать свой жетон до тех пор, пока не захотят им воспользоваться. Многие предпочитают дожидаться всеобщей Придворной Ассамблеи, чем идти на одну из малых встреч. Это единственный шанс увидеть сразу всех богов.

Вивенна отвернулась, изучая взглядом толпу. Она подозревала, что это также связано с дошедшими до нее слухами. Люди думали, что именно на этой сессии пантеон возвращенных наконец объявит войну Идрису.

– Нанрова хорошо спорит, – сказала она, хотя ей было трудно расслышать его из-за шума толпы.

Очевидно, возвращенным протоколы заседания передавали посланники. Вивенна задавалась вопросом, почему никто не призовет народ к тишине. Похоже, это не в обычаях Халландрена. Им нравится хаос. Или, по крайней мере, им нравится сидеть и болтать, пока решаются важные вопросы.

– К Нанрове не прислушиваются, – сказал Вашер. – Он дважды изменил свое мнение по одному и тому же вопросу. Он утратил доверие.

– Так он должен объяснить, почему изменил мнение.

– Он может, но я не знаю. Если народ узнает, что был похищен его ребенок, это может добавить страхов, и люди могут решить, что за этим стоят идрисские подстрекатели, независимо от объяснений Нанровы. Кроме того, есть еще упрямая халландренская гордость. Жрецы особенно ею отличаются. Упоминание о том, что из-за похищения дочери на него оказали давление и заставили изменить политические предпочтения...

– Я думала, тебе нравятся жрецы, – заметила Вивенна.

– Некоторые из них, – ответил Вашер. – Но не все.

Говоря это, он посмотрел на пьедестал короля-бога. Сезеброн еще не пришел, и дебаты начали без него.

Сири тоже не было. Это раздосадовало Вивенну, поскольку она хотела увидеть сестру, пусть и с такого расстояния.

«Я помогу тебе, Сири. На этот раз по-настоящему. Первым делом нужно предотвратить войну».

Вашер перевел взгляд на арену. Он стоял, опираясь на перила, и казался взволнованным.

– Что такое? – поинтересовалась Вивенна.

Он пожал плечами.

Она закатила глаза.

– Скажи мне.

– Мне просто не по душе надолго оставлять Кровь Ночи одного, – ответил он.

– Что теперь делать? – спросила Вивенна. – Мы заперли его в шкафу.

Он опять пожал плечами.

– Если честно, – сказала она, – подумай о том, что пятифутовый меч в публичном месте будет довольно заметен. Имей в виду, что ситуацию не упростит и то, что этот меч может испускать дым и разговаривать в головах людей.

– Я не возражаю против того, чтобы быть заметным.

– Зато я возражаю, – ответила она.

Вашер поморщился, и Вивенне показалось, что он собирается спорить дальше, но в конце концов он только кивнул.

– Ты права, конечно. У меня никогда не получалось быть скромным. Дент часто подшучивал по этому поводу.

Вивенна нахмурилась:

– Вы были друзьями?

Вашер отвернулся и замолчал.

«Фантомы Калада! – расстроено подумала она. – Однажды кто-нибудь в этом Цветом проклятом городе расскажет мне всю правду! Скорее всего, тогда я помру от потрясения».

– Попробую выяснить, куда подевался король-бог, – сказал Вашер, отходя от перил. – Я вернусь.

Вивенна кивнула, и он ушел. Она перегнулась через перила, не желая уступать места. Когда-то она задыхалась от большого числа людей, но теперь начала привыкать к оживленным рыночным улицам, и потому скученность уже не пугала ее как раньше. Кроме того, у нее есть дыхание. Она поместила немного в рубашку, но часть оставила при себе – ей было необходимо придерживаться хотя бы первого возвышения, чтобы без лишних вопросов пройти через ворота на территорию двора.

Дыхание позволяло ей ощущать жизнь так, как обычные люди ощущают воздух: всегда рядом, слегка холодящий кожу. Непосредственная близость такого количества людей заставляла ее чувствовать себя немного пьяной. Так много жизни, так много надежд и желаний. Так много дыханий. Она закрыла глаза, впитывая их, прислушиваясь к раздающимся над толпой голосам жрецов на арене.

Она ощутила приближение Вашера еще до того, как он подошел. Не только потому, что он имел много дыханий, но и потому, что наблюдал за ней, и она почувствовала что-то знакомое в пристальном взгляде. Она повернулась, выделяя его в толпе. В своей темной оборванной одежде он выделялся гораздо больше, чем она.

– Мои поздравления, – произнес он, приблизившись и беря ее под руку.

– По поводу?

– Ты скоро станешь тетей.

– Что ты... – Она осеклась. – Сири?

– Твоя сестра беременна, – ответил он. – Жрецы собираются объявить об этом позже вечером. По-видимому, король-бог остался во дворце отпраздновать.

Вивенна ошеломленно застыла. Сири. Беременна. Сири, все еще остававшаяся в ее представлении маленькой девочкой, вынашивает ребенка этой твари. И разве сама Вивенна не борется сейчас за то, чтобы эта тварь оставалась на троне?

«Нет, – подумала она. – Я не прощу Халландрен, даже если научусь не испытывать к нему ненависть. Я не могу позволить, чтобы на Идрис напали и разрушили».

Она запаниковала. В одночасье все ее планы показались бессмысленными. Что сделает Халландрен с Сири, когда появится наследник?

– Мы должны ее вызволить, – неожиданно сказала Вивенна. – Вашер, мы должны ее спасти.

Он по-прежнему молчал.

– Пожалуйста, Вашер, – прошептала она. – Она моя сестра. Я думала, что предотвращение войны обеспечит ей защиту, но, если твои подозрения справедливы, король-бог сам один из тех, кто желает вторжения в Идрис. Сири не будет с ним в безопасности.

– Ладно, – сказал Вашер. – Сделаю что смогу.

Вивенна кивнула, поворачиваясь обратно к арене. Жрецы расходились.

– Куда они идут?

– К своим богам, – ответил Вашер. – За волей пантеона в формальном голосовании.

– По поводу войны? – уточнила Вивенна, похолодев.

Вашер кивнул.

– Пора.

***

Гимн Света с кубком холодного сока в руке и изысканными закусками на столике ждал под навесом, а двое слуг обмахивали его опахалом.

«Аврора втянула меня в это, – подумал он. – Потому что боялась, что Халландрен окажется застигнут врасплох».

Боги со своими жрецами были заняты обсуждениями. Гимн видел, как жрецы, склонив головы, стоят на коленях перед возвращенными. Именно так работало правительство Халландрена. Жрецы обсуждали вопросы, а затем испрашивали волю

богов. Так провозглашалась воля пантеона. Которая становилась волей самого Халландрена. Только король-бог мог наложить вето на решение всего пантеона.

И он предпочел не присутствовать на собрании.

«Так горд тем, что зачал ребенка, что его сейчас не заботит будущее собственного народа? – раздраженно подумал Гимн. – Я был о нем лучшего мнения».

Подошел Лларимар. Хотя он находился внизу с другими верховными жрецами, он не предложил собранию аргументов. Лларимар предпочитал хранить свои соображения при себе.

Верховный жрец преклонил колена:

– Прошу, удостойте нас проявлением вашей воли, мой бог Гимн Света.

Гимн не ответил. Он посмотрел на противоположную сторону арены, где в приглушенном вечернем свете зеленел навес Авроры.

– О Боже, – произнес Лларимар, – прошу, дайте мне ответ, который я ищу. Должны ли мы идти войной на наших родичей идрисцев? Мятежники ли они, которых нужно усмирить?

Жрецы уже закончили с прошениями. Каждый вернулся, держа флажок, указывающий на волю бога или богини. Зеленый – положительный ответ. Красный – неодобрение петиции. В данном случае зеленый означал войну. На настоящий момент пять из семи флажков вернувшихся жрецов были зелеными.

– Ваша милость? – спросил Лларимар, поднимая голову.

Гимн стоял. «Они проголосовали, но что проку от их голосов? – размышлял он, выходя из-под навеса. – У них нет власти. На самом деле только два голоса имеют значение».

Еще зеленый. Флажки развевались в руках жрецов, торопящихся по проходу. С арены доносился гул голосов. Люди понимали, что грядет неизбежное. Краем глаза Гимн увидел, что Лларимар следует за ним. Жрец должен быть раздосадованным. Почему он этого не показывает?

Гимн Света подошел к шатру Авроры. Почти все жрецы уже получили ответы, и подавляющее большинство несли зеленые флаги. Верховная жрица Авроры все еще стояла перед нею на коленях. Разумеется, Аврора выжидала, чтобы подчеркнуть драматичность момента.

Гимн остановился перед ее навесом. Аврора сидела, вальяжно откинувшись назад, и безмятежно смотрела на него, хотя он чувствовал, что она по-настоящему обеспокоена. Он знал ее слишком хорошо.

– Ты собираешься высказать свою волю? – спросила она.

Он посмотрел вниз на середину арены и сказал:

– Если я воспротивлюсь, это заявление превратится в ничто. Боги могут кричать «война» до посинения, но армии контролирую я. Если я не позволю им использовать моих безжизненных, Халландрен не победит ни в какой войне.

– Ты бросишь вызов воле пантеона?

– Я вправе так поступить, – ответил он. – И любой из них имеет такое же право.

– Но у тебя безжизненные.

– Это не значит, что я должен делать то, что мне говорят.

Аврора Соблазна выдержала паузу, прежде чем жестом подозвать свою жрицу. Женщина выпрямилась, затем подняла зеленый флаг и побежала к остальным жрецам. Это усилило рев толпы. Люди должны знать, что политические споры Авроры оставили ее на позиции силы. Неплохо для той, кто начинала, не имея приказа даже для одного солдата.

«С контролем над таким количеством войск она будет участвовать в планировании, дипломатических переговорах и ведении военных действий. Из всего этого вытекает, что Аврора Соблазна – одна из самых могущественных возвращенных в истории королевства.

Так же, как и я».

Долгое мгновение он молча смотрел. Он не рассказывал Лларимару, что ему снилось в прошлую ночь. Он держал это при себе. Сны об извилистых тоннелях и восходящей луне, едва появившейся на горизонте. Они в самом деле что-то означали?

Он не мог решить. Ничего.

– Мне нужно еще подумать, – произнес он, собираясь уходить.

– Что? – требовательно спросила Аврора. – Что насчет голосования?

Гимн покачал головой.

– Гимн! – позвала она, когда он уходил. – Гимн, ты не можешь оставить нас в таком подвешенном состоянии!

Оглянувшись, он пожал плечами.

– На самом деле могу. – Он улыбнулся. – Такой вот я раздражающий.

С этими словами он покинул арену и, так и не проголосовав, направился в свой дворец.

Глава 51

«Я рад, что ты за мной вернулся, – сказал Кровь Ночи. – Мне было очень одиноко в этом шкафу».

Вашер не ответил. Он шел по краю стены, окружающей Двор Богов. Было поздно, темно и тихо, хотя в нескольких дворцах еще горел свет. Среди них был и дворец Гимна Света Смелого.

«Я не люблю темноту», – пожаловался Кровь Ночи.

– Ты имеешь в виду такую темноту, как сейчас? – уточнил Вашер.

«Нет, в шкафу».

– Ты же не можешь видеть.

«Когда находишься в темноте, то знаешь об этом, – сказал Кровь Ночи. – Даже если не можешь видеть».

Вашер не знал, что на это ответить. Он остановился на стене, обозревая дворец Гимна Света. Красный с золотом. В самом деле смелые цвета.

«Прекрати меня игнорировать, – произнес Кровь Ночи. – Я этого не люблю».

Опустившись на колени, Вашер изучал дворец. Он никогда не встречался с тем, кого звали Гимн Света, но слухи о нем доходили. Самый шутовской из богов, самый снисходительный и насмешливый. И это человек, который держит в руках судьбу двух королевств.

Существует простой способ повлиять на эту судьбу.

«Мы собираемся его убить, да?» – спросил Кровь Ночи с нетерпением в голосе.

Вашер пристально смотрел на дворец.

«Мы должны его убить, – продолжал меч. – Идем. Сделаем это. Мы действительно должны это сделать».

– Почему тебя это так волнует? – спросил Вашер. – Ты его не знаешь.

«Он злой», – сказал Кровь Ночи.

Вашер хмыкнул.

– Ты даже не знаешь, что это такое.

На этот раз меч промолчал.

В этом и заключалась суть проблемы, довлеющей над Вашером большую часть жизни. Тысяча дыханий. Чтобы пробудить предмет из стали и наделить его разумом, потребовалась тысяча дыханий. Даже Шашара не до конца поняла этот процесс, хотя именно она его разработала.

Чтобы пробудить камень или сталь, нужно отыскать человека, достигшего девятого возвышения. Но даже тогда процесс не сработает. Он создаст пробужденный предмет, в котором разума не больше, чем у лохмотьев на плаще.

Кровь Ночи не должен был стать живым. Но он стал. Шашара всегда считалась самой талантливой из них, даже более способной, чем сам Вашер, который для своих творений использовал разные ухищрения, вроде включенных в сталь или камень костей. Шашару подтолкнули знания, которые ей открыл Йестил, и создание ихорного спирта. Она изучала, экспериментировала, практиковала. И она сделала это. Она научилась заключать дыхания тысяч людей в кусок стали, пробуждать в нем разум и отдавать ему приказ. Тот единственный приказ потребовал колоссальной мощи, которая составила основу индивидуальности пробужденного объекта.

Она и Вашер провели немало времени в раздумьях над Кровью Ночи и наконец выбрали простой, но изящный приказ: «Уничтожай зло».

Это казалось таким идеальным, логичным вариантом. Осталась одна проблема, которую ни один из них не мог предвидеть.

Каким образом стальной предмет – предмет, настолько далекий от жизни, что само это понятие казалось ему странным и чуждым, – разберется в том, что такое «зло»?

«Я это выяснил, – сказал Кровь Ночи. – У меня было много практики».

На самом деле меч винить нельзя. Он был ужасным разрушительным существом – но его и создали для разрушения. Он все еще не понимал сущности и значения жизни. Он знал только свой приказ и очень старательно его выполнял.

«Тот мужчина внизу, – произнес Кровь Ночи. – Бог во дворце. В его власти начать войну. А ты не хочешь, чтобы война началась. Вот почему он злой».

– Почему это делает его злым?

«Потому что он сделает то, что ты не хочешь».

– Мы не знаем наверняка, – возразил Вашер. – Вдобавок, почему мое суждение лучше?

«Оно лучше, – сказал Кровь Ночи. – Идем же. Давай его убьем. Ты говорил мне, что война – это плохо. Он начнет войну. Он злой. Давай его убьем. Давай его убьем».

Меч пришел в возбуждение, Вашер это чувствовал – ощущал в клинке опасность, искаженную мощь дыхания, вытянутого у живых носителей и помещенного в нечто неестественное. Вашер мог представить себе, как дыхание черным неестественным дымом поднимается от меча и клубится на ветру. Как направляет его к Гимну Света. Побуждает к убийству.

– Нет, – сказал Вашер.

Кровь Ночи вздохнул. «Ты запер меня в шкафу, – напомнил он. – Ты должен извиниться».

– Я не собираюсь извиняться путем убийства.

«Просто швырни меня туда, – предложил меч. – Если он злой, он сам себя убьет».

Вашер медлил. «Цвета», – подумал он. Казалось, что с каждым годом меч становится все более пронизательным, хотя Вашер знал, что это просто игра его воображения. Пробужденные объекты не изменяются и не развиваются, они остаются такими же, какими и были.

И все-таки это неплохая идея.

– Может, позже, – произнес Вашер, отворачиваясь от здания.

«Ты боишься», – сказал Кровь Ночи.

– Ты не знаешь, что такое страх.

«Знаю. Тебе не нравится убивать возвращенных. Ты их боишься».

Конечно, меч был неправ. Но, с другой стороны, Вашер не предполагал, что его нерешительность выглядит как страх. Давно уже он не имел дела с возвращенными. Слишком много воспоминаний. Слишком много боли.

Он направился к дворцу короля-бога. К самому старому зданию, высившемуся в окружении более новых. Когда-то это место было прибрежной заставой, с которой открывался вид на залив. Тогда еще не существовало города, красок, только суровая черная башня. Вашера забавляло, что она стала домом короля-бога Радужных Тонов.

Вашер сунул Кровь Ночи в петлю на спине и спрыгнул со стены перед дворцом. Пробужденные лохмотья вокруг его ног дали ему дополнительную силу, позволяя преодолеть около двадцати футов. Он врезался в стену здания и заскользил по гладкой ониксовой поверхности. Он пошевелил пальцами, и лохмотья на рукавах ухватились за выступ над его головой, крепко держа хозяина.

Он выпустил дыхание. Его пояс, как всегда соприкасавшийся с кожей, пробудился, забрав цвет из платка, привязанного к ноге под штанами.

– Поднимайся, потом хватай, потом тяни меня вверх, – приказал Вашер.

Для некоторых пробуждающих три приказа – трудное задание. Однако для него это было так же просто, как моргнуть.

Пояс сам развязался, и обнаружилось, что он гораздо длиннее, чем казался, когда был повязан на хозяине. Двадцать пять футов веревки поползли вверх по стене, проникая в окно. Несколькими секундами позже веревка подняла Вашера. Умело созданные пробужденные объекты могут быть гораздо сильнее, чем обычные мускулы. Вашер однажды видел, как связка веревок не толще его собственной подняла и швырнула валун во вражеские укрепления.

Когда веревка доставила его внутрь здания, он заставил лохмотья отпустить захват и вытащил Кровь Ночи. Тихо стоя на коленях, он всматривался в темноту. В комнате никого не было. Вашер осторожно забрал дыхание, намотал веревку на руку нетугими витками и двинулся вперед.

«Кого мы будем убивать?» – поинтересовался Кровь Ночи.

«Почему сразу убивать?» – отозвался Вашер.

«Вивенна. Она здесь?»

Меч попытался опять осознать его мысли. Это было трудно, если они формулировались в голове Вашера не до конца. Большинство проходивших через его разум мыслей казались мимолетными и быстро исчезали. Обрывки образов, звуков, запахов. Связи создавались, рвались, снова восстанавливались. Такие моменты были очень трудны для понимания Крови Ночи.

Вивенна. Источник множества забот Вашера. Ему было бы проще работать в городе, если бы он допустил, что она по доброй воле сотрудничала с Дентом. Тогда он по крайней мере смог бы ее винить.

«Где она? Она здесь? Я ей не нравлюсь, зато она мне нравится».

Вашер приостановился в темном коридоре.

«Правда?»

«Да. Она приятная. И хорошенькая».

Приятная и хорошенькая – слова, которые Кровь Ночи на самом деле не понимал. Он просто научился их употреблять. Тем не менее у меча было свое мнение, и он редко лгал. Значит, Вивенна ему нравилась, даже если он не мог объяснить, почему.

«Она напоминает мне возвращенных», – сказал меч.

«А, – подумал Вашер. – Конечно. Это логично». Он продолжил идти вглубь.

«Что?» – переспросил Кровь Ночи.

«Она происходит от возвращенного, – подумал Вашер. – Это можно понять по ее волосам. В ней есть частичка возвращенного».

Кровь Ночи не ответил, но Вашер чувствовал, что меч размышляет.

Вашер задержался на перекрестке. Он был вполне уверен в том, что знает, где находятся покои короля-бога. Однако сейчас интерьер большинства помещений казался другим. Коридоры в лишенной украшений крепости были выстроены со странными изгибами и поворотами. Их не переделали, каменная кладка осталась той же, но открытые обеденные залы и казармы разделили на множество меньших комнат, пестро украшенных согласно вкусам халландренской знати.

Где может находиться жена короля-бога? Если она беременна, то должна оставаться под присмотром служанок. Вашер предположил, что в одном из больших комплексов комнат этажом выше. Он поднялся на лестничную площадку. К счастью, было достаточно поздно, и здесь уже почти все спали.

«Сестра, – сказал Кровь Ночи. – Вот за кем ты пришел. Ты спасаешь сестру Вивенны!»

Вашер молча кивнул в темноте, на ощупь поднимаясь по лестнице и положившись на то, что биохрома даст ему знать, если кто-то приблизится. Хотя большую часть дыхания он заключил в свою одежду, его оставалось достаточно, чтобы пробудить веревку и держаться настороже.

«Тебе тоже нравится Вивенна!» – заметил Кровь Ночи.

«Глупости», – подумал Вашер.

«Тогда почему?»

«Ее сестра, – мысленно ответил Вашер. – Каким-то образом она является ключом ко всему. Сегодня я это понял. Как только королева приехала, развернулась активная кампания по разжиганию войны».

Кровь Ночи молчал. Логические выводы такого типа были для него слишком сложны. «Понятно», – произнес он, хотя Вашер улыбнулся прозвучавшему в его голосе замешательству.

«Она по меньшей мере очень удобная заложница для Халландрена, – подумал Вашер. – Жрецы короля-бога, или кто бы ни стоял за всем этим, могут угрожать жизни девушки, если ход войны примет нежелательный для них оборот. Из нее сделают превосходный инструмент».

«Который ты собираешься у них отобрать», – произнес Кровь Ночи.

Вашер кивнул. Добравшись до верха лестницы, он осторожно свернул в один из коридоров и шел, пока не почувствовал, что рядом кто-то есть, – приближалась служанка.

Вашер пробудил веревку, укрылся в тени ниши и стал ждать. Когда девушка проходила мимо, веревка вырвалась из мрака, обвила ее вокруг талии и затянула в темноту. Прежде чем она закричала, Вашер заткнул ей рот лохмотьями с манжет.

Она дернулась, но веревка связала ее крепко. Нависая над служанкой, Вашер ощутил укол вины, увидев ее глаза, полные ужаса и слез. Он потянулся за Кровью Ночи и слегка высунул его из ножен. Девушка сразу стала выглядеть так, будто ей дурно. Хороший знак.

– Я хочу узнать, где королева, – произнес он, поднимая Кровь Ночи так, что рукоять прикоснулась к ее щеке. – Ты скажешь мне это.

Некоторое время он удерживал ее в таком положении, наблюдая за тем, как она корчится, и испытывая недовольство собой. Наконец он ослабил лохмотья, не убирая меч от щеки девушки. У той началась рвота, и Вашер развернул ее в сторону.

– Скажи мне, – прошептал он.

– В южном углу, – тихо ответила служанка. Она дрожала, ее щеки были мокрыми. – На этом этаже.

Кивнув, Вашер связал ее, воткнул в рот кляп и забрал из веревки дыхание. Вернув Кровь Ночи в ножны, он побежал по коридору.

«Ты не хочешь убивать бога, который планирует отправить армии на войну? – спросил Кровь Ночи. – Но ты чуть не до смерти напугал девушку?»

Для меча это было сложное умозаключение. Однако ему не доставало обвинения, которое мог бы вложить в эти слова человек. Кровь Ночи и в самом деле просто задал вопрос.

«Я тоже не понимаю своей морали, – мысленно ответил Вашер. – Я думал, ты избегаешь того, что сбивает тебя с толку».

Он легко отыскал нужное место. Оно охранялось большой группой громил, которых странно было видеть в таком изысканном коридоре.

Вашер помедлил. «Здесь происходит что-то странное».

«Ты о чем?» – спросил Кровь Ночи.

Вашер не адресовал свои опасения мечу, но трудно что-то скрыть от существа, умеющего читать твой разум. Кровь Ночи воспринимал как обращенные к нему любые мысли, возникающие в голове Вашера. По мнению меча, его касается вообще все.

Охрана у двери. Не слуги – солдаты. То есть она уже пленница. Действительно ли она беременна? Жрецы просто охраняют свою власть?

Столько людей невозможно убить, не подняв шум. Лучшее, на что он мог надеяться, – это застигнуть их врасплох. Может быть, поблизости нет никого, кто мог бы прийти им на помощь, заслышав звуки борьбы.

Несколько минут он сидел, стиснув зубы. Наконец подступил ближе и бросил к мужчинам Кровь Ночи. Он позволит им перебить друг друга, а потом займется теми, кто не поддастся воздействию меча.

Кровь Ночи звякнул о каменный пол. Взгляды всех мужчин устремились на него. В этот момент кто-то схватил Вашера за плечи и дернул назад.

Выругавшись, он крутанулся, вскидывая руки, чтобы бороться с тем, кто его схватил. Пробужденная веревка. Позади начали драться стражники. С кряхтением вытащив из сапога нож, Вашер перерезал веревку. Как только он освободился, кто-то налетел на него и отбросил спиной к стене.

Он вцепился в лицо противнику лохмотьями с рукава, развернул и бросил на стену. Еще один напал на него сзади, но пробужденный плащ Вашера поймал его и сбил с ног.

– Хватай других, а не меня, – быстро проговорил Вашер, взявшись за плащ одного из поверженных противников и пробуждая этот предмет одежды. Плащ взметнулся и упал на другого мужчину, которого Вашер тут же убил кинжалом. Затем лягнул второго, опрокидывая на спину и освобождая путь.

Вашер ринулся вперед за Кровью Ночи, но из ближайших комнат ему наперерез выскочили еще три фигуры. Это были такие же громилы, как и те, что сейчас сражались за меч. Вашера окружили десятки мужчин. Он пнул кого-то, ломая ногу, но один из нападавших неожиданным рывком сдернул с него плащ. Другие навалились на него сверху. Затем появилась еще одна пробужденная веревка, связавшая его ноги.

Вашер потянулся к своему жилету.

– Твое дыхание... – начал он, пытаясь вытянуть немного дыхания для нападения, но трое мужчин схватили и убрали его руку. За несколько секунд он оказался связан пробужденной веревкой. Его плащ все еще боролся с тремя противниками, которые пытались его разрезать, но сам Вашер был обездвижен.

Кто-то вышел из комнаты слева.

– Дент, – сплюнул Вашер, пытаясь освободиться.

– Мой дорогой друг, – произнес Дент, кивая одному из своих подручных, известному как Тонк Фа, чтобы тот двинулся по коридору к комнате королевы. Дент опустил на корточки рядом с Вашером. – Очень рад тебя видеть.

Вашер опять сплюнул.

– Вижу, ты красноречив, как всегда, – вздохнул Дент. – Знаешь, что в тебе самое лучшее, Вашер? Твоя незыблемость. Предсказуемость. Полагаю, в некоторой степени и я такой же. Трудно жить так долго, как мы, и не обзавестись стереотипами, а?

Вашер не отвечал, хотя пытался кричать, когда несколько человек затыкали ему рот кляпом. Он с удовлетворением заметил, что уложил добрый десяток противников, прежде чем им удалось его остановить.

Дент посмотрел на павших солдат.

– Наемники. Хорошая плата оправдывает любой риск.

Он произнес это с огоньком в глазах. Встретившись с Вашером взглядом, он откинулся назад и утратил приветливость.

– А для меня платой всегда был ты, Вашер. Я должен тебе. Хотя бы за Шашару. Мы целых две недели прятались во дворце, зная, что в конце концов добрая принцесса Вивенна пошлет тебя спасать сестру.

Тонк Фа вернулся со свертком. Кровь Ночи.

Дент посмотрел на меч и сказал, поморщившись:

– Выброси его подальше.

– Не знаю, Дент, – ответил Тонк Фа. – Я склонен думать, что нам следует его оставить. Он может оказаться очень полезен...

В его глазах начало загораться вожделение, желание обнажить Кровь Ночи и использовать его. Чтобы уничтожать зло. Или, на самом деле, просто уничтожать.

Дент встал и убрал сверток подальше, а затем отвесил Тонк Фа подзатыльник.

– Ой! – вырвалось у Тонк Фа.

Дент закатил глаза.

– Перестань скулить, я только что спас тебе жизнь. Пойди проверь, как там королева, и прибери этот бардак. Я сам позабочусь о мече.

– Ты всегда такой гадкий, когда рядом Вашер, – проворчал Тонк Фа, уходя.

Дент тщательно замотал Кровь Ночи. Вашер наблюдал за ним, надеясь увидеть в глазах Дента вожделение. К сожалению, Дент обладал слишком сильной волей, чтобы поддаться мечу. Меч находился у него почти так же долго, как и у Вашера.

– Уберите всю его пробужденную одежду, – распорядился Дент, собираясь уходить. – Затем подвесьте его в той комнате. У меня с ним будет долгая беседа о том, что он сделал с моей сестрой.

Глава 52

Гимн Света с чашей вина в руке сидел в одном из богато убранных покоев своего дворца. Несмотря на поздний час, слуги сновали туда-сюда, нагромождая мебель, картины, вазы и маленькие статуэтки. Все, что можно перенести.

Богатства складывали в кучи. Гимн развалился на диванчике, не обращая внимания на пустые обеденные тарелки и разбитые чаши, которые он отбросил, чтобы их убрали слуги.

Двое слуг внесли красный с золотом диван и прислонили его к стене рядом со сваленными в кучу ковриками. Гимн проследил за тем, как они уходят, и опустил чашу с остатками вина. Уронив пустую чашу на пол к остальным, он потянулся за другой, наполненной. Слуги, как всегда, держали ее наготове.

Он не был пьян. Для него это невозможно.

– У тебя было когда-нибудь такое чувство, – промолвил Гимн, – словно что-то назревает? Нечто масштабное? Подобно картине, от которой ты можешь видеть лишь угол, как бы ни скашивал глаза и не изучал ее?

– Каждый день, ваша милость, – ответил Лларимар.

Он сидел на табурете рядом с диваном Гимна. Как всегда, он спокойно наблюдал за происходящим, хотя Гимн чувствовал, что жрец не одобряет то, как другая группа слуг сваливает в угол мраморные фигурки.

– Как ты с этим справляешься? – спросил Гимн.

– Ваша милость, я верю в то, что кто-то понимает.

– Надеюсь, не я, – заметил Гимн.

– Вы часть этого. Но это гораздо больше, чем вы.

Наблюдая за тем, как заходят еще слуги, Гимн нахмурился от своих мыслей. Скоро комната будет настолько заполнена бараклом, что слуги не смогут входить и выходить.

– Это странно, не так ли? – произнес он, указывая на стопку картин. – В таком порядке больше ни одна из них не выглядит прекрасной. Когда ты складываешь их в стопку, они кажутся просто хламом.

Лларимар поднял бровь.

– Ценность чего-то зависит от того, как с этим обращаются, ваша милость. Если вы воспринимаете эти предметы как хлам, они им и будут, невзирая на то, что кто-то другой за них заплатит.

– В чем-то это урок, не так ли?

Лларимар пожал плечами.

– Я жрец, между прочим. Мы склонны читать наставления.

Гимн фыркнул и махнул рукой на слуг:

– Довольно. Можете идти.

Слуги, смирившиеся с тем, что их прогонят, быстро покинули комнату. Гимн Света и Лларимар остались вдвоем среди нагромождений предметов роскоши, стянутых в эту комнату из других частей дворца.

Лларимар осмотрел кучи.

– В чем смысл всего этого, ваша милость?

– Вот что я значу для них, – сказал Гимн, отпивая глоток вина. – Для людей. Они отдают мне свои богатства. Жертвуют дыханием своих душ, чтобы я жил. Я предполагаю, что многие даже умрут за меня.

Лларимар молча кивнул.

– И, – продолжал Гимн, – все, чего от меня ожидают в этот момент, – решить за них их судьбу. Пойдем ли мы воевать или останемся жить в мире? Что ты думаешь?

– У меня есть аргументы в пользу обеих сторон, ваша милость, – сказал Лларимар. – Легко сидеть здесь и порицать войну в соответствии с общими принципами. Война ужасная, ужасная вещь. И все же похоже на то, что многие величайшие достижения в истории не случились бы, если бы не военные действия, как это ни прискорбно. Даже Всеобщую войну, нанесшую так много разрушений, можно расценить как основу современной власти Халландрена в регионе Внутреннего моря.

Гимн кивнул.

– Но, – продолжал жрец, – напасть на наших собратьев? Вопреки тому, что нам говорят, я не могу избавиться от мысли, что вторжение – это чересчур. Сколько жертв, сколько смертей мы должны допустить, только чтобы показать, что на нас нельзя давить?

– И что бы ты решил?

– К счастью, я не должен решать.

– А если бы тебя заставили? – спросил Гимн.

Лларимар помолчал. Затем осторожно снял с головы большую митру, открывая редущие черные волосы, слипшиеся от пота, и отложил церемониальный головной убор в сторону.

– Я говорю с тобой как друг, Гимн, не как твой жрец, – тихо начал Лларимар. – Жрец не может влиять на своего бога из опасения нарушить будущее.

Гимн кивнул.

– И как друг, – продолжал Лларимар, – честно признаюсь, что мне трудно решить, что делать. Я не принимал участия в спорах на арене.

– Ты редко это делаешь, – заметил Гимн.

– Я беспокоюсь. – Лларимар вытер лоб носовым платком и покачал головой. – Не думаю, что мы сможем игнорировать угрозу нашему королевству. По сути, идрисцы – это мятежная фракция, обосновавшаяся у самых наших границ. Годами мы не обращали на них внимания и терпели их практически тиранический контроль над северными перевалами.

– Поэтому ты за нападение?

Лларимар помедлил, но опять покачал головой.

– Нет. Нет, я не считаю, что даже борьбой с идрисскими мятежниками можно оправдать бойню за то, чтобы вернуть эти перевалы.

– Замечательно, – резко заметил Гимн. – То есть ты считаешь, что мы должны начать войну, но не нападать.

– Да, действительно так, – ответил жрец. – Мы объявляем войну, мы демонстрируем силу, они понимают, насколько непрочны их позиции, и пугаются. Если после этого мы начнем мирные переговоры, готов поспорить, что мы добьемся более выгодных для нас соглашений по использованию перевалов. Они официально отказываются от притязаний на наш трон, мы признаем их суверенитет. Разве обе стороны не получают желаемое?

Гимн Света задумался.

– Не знаю. Это очень разумное решение, но я не думаю, что его примут те, кто призывает к войне. Тушкан, кажется, мы что-то упустили. Почему сейчас? Почему напряжение возросло после свадьбы, которая должна была нас объединить?

– Не знаю, ваша милость, – ответил Лларимар.

Гимн с улыбкой встал и посмотрел на верховного жреца.

– Ну тогда давай выяснять.

***

Сири испытывала бы досаду, если бы не была так напугана. Она сидела одна в черных спальнях покоях. Казалось неправильным, что рядом нет Сезеброна.

Она надеялась, что ему все же разрешат прийти к ней, когда настанет ночь. Но, конечно же, он не появился. Что бы там жрецы ни задумали, от нее не требовалось быть на самом деле беременной. Теперь они раскрыли свои карты и заперли ее.

Дверь приоткрылась, и Сири с затеплившейся надеждой села на кровати. Но это оказался всего лишь в очередной раз проверивший ее охранник. Один из тупых, похожих на вояк мужчин, которые сторожили ее последние часы. «Почему они заменили охранников? – подумала она, когда тот закрыл дверь. – Что случилось с безжизненными и жрецами, которые присматривали за мной до этого?»

Она легла на кровать, уставившись в полог, все еще одетая в роскошное платье. В голове пронеслось воспоминание о первых неделях во дворце, когда она была заперта во время Свадебных Торжеств. Тогда ей приходилось довольно тяжело, и она не знала, когда все закончится. Теперь же она даже не была уверена, что переживет следующие несколько дней.

«Нет, – подумала она. – Они будут держать меня достаточно долго для того, чтобы родился мой «ребенок». Я застрахована. Если что-то пойдет не так, им нужно будет показать меня».

Это мало успокаивало. Мысль о шести месяцах взаперти во дворце, когда никому не позволят видеть ее, чтобы не обнаружилось, что она не беременна, пугала ее настолько, что хотелось кричать.

Но что она может сделать?

«Надейся на Сезеброна, – подумала она. – Я научила его читать и дала ему решимость вырваться на свободу от власти жрецов. Этого должно быть достаточно».

– Ваша милость, – проговорил Лларимар с замешательством, – вы уверены, что хотите это сделать?

Гимн Света присел, разглядывая дворец Звезды Милосердия сквозь кусты. Большинство окон были темными. Это хорошо. Однако оставались множество патрулирующих ее дворец стражников. Она боялась нового проникновения.

И правильно боялась.

Гимн увидел, что луна в ночном небе только что взошла. Почти такую же позицию она занимала прошлой ночью в его сне, в котором он видел и тоннели. Были ли эти факты в самом деле символами? Знаками из будущего?

Он все еще противился. По правде говоря, он не хотел верить в то, что он бог. Это подразумевало слишком многое. Но он не мог игнорировать образы, даже если они всего лишь вытекали из его подсознания. Он должен попасть в эти коридоры под Двором Богов. По крайней мере должен увидеть, есть ли что-то пророческое в его видениях.

Время казалось важным. Восходящая луна... отличающаяся на градус дуги или около того.

«Там», – подумал он, переводя взгляд с неба вниз. Приближались патрулирующие стражники.

– Ваша милость? – спросил Лларимар с нервозностью.

Тучный верховный жрец сидел на корточках в траве рядом с Гимном.

– Надо было взять меч, – задумчиво произнес Гимн.

– Вы не умеете с ним обращаться, ваша милость.

– Мы этого не знаем, – заметил Гимн.

– Ваша милость, это глупости. Давайте вернемся во дворец. Если нам нужно посмотреть, что в этих тоннелях, для проникновения туда мы можем нанять кого-нибудь в городе.

– Это займет слишком много времени, – возразил Гимн.

Патруль стражников миновал их сторону дворца. Когда они прошли, Гимн спросил:

– Ты готов?

– Нет.

– Тогда жди здесь, – сказал Гимн и бросился бежать к дворцу.

Через секунду он услышал, как Лларимар прошипел: «Фантомы Калада!» – с шорохом пробираясь сквозь кусты следом за богом.

«Надо же, – изумленно подумал Гимн. – Раньше я не слышал, чтобы он ругался». Не оглядываясь, он бежал к открытому окну. Как и в большинстве дворцов возвращенных, оконные и дверные проемы здесь были открытыми. Этому способствовал тропический климат. Испытывая воодушевление, Гимн добрался до стены здания, залез в окно и протянул руку, чтобы помочь Лларимару. Грузный жрец вспотел и запыхался, но Гимну удалось втащить его в комнату.

Они немного задержались, пока Лларимар, прислонившись спиной к стене, пытался отдышаться.

– Тушкан, тебе надо чаще упражняться, – заметил Гимн, прокрадываясь к двери и выглядывая в коридор.

Жрец не ответил. Он просто сел, задыхаясь и качая головой, будто не мог поверить в то, что произошло.

– Интересно, почему проникший во дворец человек не влез в окно, – проговорил Гимн.

Тут он заметил, что эта комната хорошо просматривается стражниками, которые стоят у внутренней двери. «А, – подумал он. – Тогда ладно. Пора воспользоваться запасным планом». Он встал и вышел в коридор. Последовавший за ним Лларимар подскочил, увидев стражников. На их лицах отразилось такое же изумление.

– Привет, – сказал Гимн стражникам и, отвернувшись от них, пошел по коридору.

– Подождите! – крикнул один из них. – Стойте!

Гимн нахмурившись обернулся:

– Ты осмелился приказывать богу?

Стражники застыли, затем переглянулись, и один из них побежал в противоположном направлении.

– Они поднимут тревогу, – заметил Лларимар, ускоряя шаг. – Нас схватят.

– Тогда нам надо двигаться быстрее! – ответил Гимн и побежал дальше.

Он улыбнулся, услышав, как за его спиной Лларимар неохотно переходит на бег. Они быстро добрались до люка.

Став на колени, Гимн несколько мгновений ощупывал крышку в поисках скрытой ручки. С торжествующим видом открыв люк, он указал вниз. Лларимар обреченно покачал головой и начал спускаться по лестнице в темноту. Гимн снял со стены фонарь и последовал за ним. Оставшиеся стражники, неспособные чинить препятствия богам, просто с любопытством наблюдали за ними.

До дна оказалось недалеко. Лларимар отдышал, сидя на ящиках. Похоже, что это было небольшое подвальное хранилище.

– Поздравляю, ваша милость, – произнес жрец. – Мы обнаружили тайник, в котором они хранят муку.

Фыркнув, Гимн пересек помещение и потрогал стены.

– Там кто-то есть, – сказал он, указывая на одну из стен. – В том направлении, как подсказывает ощущение жизни.

Выгнув бровь, Лларимар поднялся. Они оттащили в сторону несколько ящиков и обнаружили за ними прорубленное в стене небольшое отверстие тоннеля. Улыбнувшись, Гимн пополз в него, толкая впереди себя фонарь.

– Не уверен, что помещусь, – заметил Лларимар.

– Если я поместился, то ты и подавно, – ответил Гимн приглушенным из-за ограниченного пространства голосом.

Он услышал еще один вздох Лларимара следом за шорохом, с которым бедняга протиснулся в дыру. Наконец Гимн вылез в тоннель побольше, освещенный несколькими фонарями, висящими на одной из стен. Пока Лларимар выбирался, Гимн стоял, излучая самодовольство.

– Туда. – Гимн дернул рычаг, отчего решетка упала, закрывая вход. – Теперь им будет трудно до нас добраться!

– А нам будет трудно убежать, – отметил Лларимар.

– Убежать? – переспросил Гимн, поднимая фонарь, чтобы проверить тоннель. – Зачем нам это делать?

– Извините меня, ваша милость, но мне кажется, что вы получаете чересчур много удовольствия от этого приключения.

– Ну так меня же зовут Гимн Света Смелый. Хорошо, что я наконец оправдываю титул. Теперь тише. Я все еще ощущаю близости жизнь.

Очевидно, тоннель был рукотворным, и Гимн верно предположил, что это шахта. В точности как образ из его сна. От тоннелей отходили несколько ответвлений, а жизнь, которую он почуял, находилась прямо впереди. Гимн не пошел туда, а повернул налево, к тоннелю, шедшему круто под уклон. Несколько минут он пробирался по нему, чтобы определить его направление.

– Ты уже понял, что это? – спросил Гимн, оборачиваясь к Лларимару, который взял один из фонарей, потому что тоннель не был освещен.

– Казармы безжизненных, – ответил жрец. – Если тоннель продолжается в этом направлении, он приведет нас прямо под них.

Гимн кивнул.

– Зачем понадобился тайный тоннель к казармам? Любой бог может пойти туда, когда пожелает.

Лларимар покачал головой, и они продолжили спуск. Разумеется, вскоре они добрались до люка в потолке, а открыв его, обнаружили, что он ведет в темный склад безжизненных. Гимн поежился, обозревая бесконечные ряды ног, слабо освещенные его фонарем. Он залез обратно, закрыл люк, и они пошли по тоннелю дальше.

– Тоннель проходит по периметру, – тихо сказал он.

– Спорю, что в тоннеле есть двери в каждую казарму безжизненных, – отозвался Лларимар. Он взял кусочек земли со стены и растер пальцами. – Этот тоннель новее, чем тот, с которого мы начали.

Гимн кивнул.

– Мы должны идти дальше. Те стражники во дворце Звезды Милосердия знают, что мы здесь. Не знаю, кому они донесут, но я бы предпочел закончить расследование до того, как за нами устроят погоню.

Услышав это, жрец заметно содрогнулся. Они пошли обратно вверх по лестнице к главному тоннелю прямо под дворцом. Гимн все еще ощущал жизнь внизу в боковом тоннеле, но выбрал для исследования другое ответвление. Вскоре стало очевидно, что тоннель неоднократно разделяется и изгибается.

– Проходы ведут к некоторым другим дворцам, – предположил он, ощупывая бревно, подпиравшее потолок. – Старые – гораздо старше тех, которые тянутся к казармам.

Лларимар кивнул.

– Тогда ладно, – подвел итог Гимн. – Пора проверить, куда ведет главный тоннель.

Когда Гимн добрался до главного тоннеля, Лларимар пошел за ним. Гимн закрыл глаза, пытаясь определить, насколько близко находится жизнь. Она была слабой, почти на грани его способности ощутить ее. Если бы все остальное в этих катакомбах не было камнями и землей, он бы вообще не заметил жизни. Гимн кивнул жрецу, и они продолжили идти по тоннелю так тихо, как могли.

Похоже, он был способен продвигаться с удивительной незаметностью. Хранилось ли в глубинах его памяти умение красться? У него определенно получалось лучше, чем у Лларимара. Конечно, перекатывающийся валун, возможно, производил бы меньше шума, чем жрец, учитывая его громоздкое одеяние и громкое пыхтение.

Тоннель шел прямо и без ответвлений. Гимн посмотрел вверх, прикидывая, что сейчас над ними. «Дворец короля-бога?» – предположил он. Он не был в этом уверен – под землей трудно судить о направлении и расстоянии.

Он чувствовал возбуждение. Трепет. Он делал то, что не положено богу. Красться в ночи, пробираться через тайные тоннели, выискивая секреты и улики. «Странно, – подумал он. – Нам предоставили все, что, по их мнению, мы можем пожелать, с избытком насыщая наши ощущения. И при этом настоящих чувств – страха, тревоги, воодушевления – нас полностью лишили».

Он улыбнулся. Расслышав вдали голоса, он притушил фонарь и, сделав знак Лларимару держаться позади, пошел дальше с удвоенной осторожностью.

– ...его наверху, – произнес мужской голос. – Как я и говорил, он пришел за сестрой принцессы.

– Тогда ты получил что хотел, – ответил другой голос. – На самом деле ты уделяешь этому слишком много внимания.

– Не стоит недооценивать Вашера, – сказал первый голос. – Он в своей жизни добился большего, чем сотня человек вместе взятые, и сделал людям больше добра, чем ты сможешь оценить.

Молчание.

– Разве ты не планируешь его убить? – спросил второй голос.

– Планирую.

Молчание.

– Ты странный тип, Дент, – продолжал второй голос. – Но все равно наша цель достигнута.

– Твой народ еще не добился этой войны.

– Добьемся.

Гимн Света сидел, скорчившись, за грудой щебня. Он видел впереди свет, но почти ничего не мог разглядеть за движущимися тенями. Ему повезло, что он прибыл

сюда вовремя, чтобы услышать этот разговор. Доказывало ли это, что его сны вещие? Или просто совпадение? Уже глубокая ночь, и любой, кто остается на ногах в этот час, вполне может оказаться вовлеченным в незаконную деятельность.

– У меня есть для тебя работа, – произнес второй голос. – Надо кое-кого допросить.

– Очень жаль, – ответил первый голос, отдаляясь. – Мне еще старого друга пытаться. Я просто немного прервался, чтобы избавиться от его чудовищного меча.

– Дент! Вернись!

– Я к тебе не нанимался, малыш, – сказал первый голос, становясь слабее. – Если хочешь заставить меня что-нибудь сделать, приведи своего начальника. Ты знаешь, где меня найти.

Молчание. Рядом с Гимном что-то зашевелилось. Развернувшись, он с трудом разглядел пробирающегося сюда Лларимара. Гимн махнул ему оставаться на месте и сам подполз к нему.

– Ну что? – прошептал жрец.

– Впереди голоса, – тихо ответил Гимн. Их окружала темнота тоннеля. – Говорят о войне.

– Кто они такие? – спросил Лларимар.

– Не знаю, – прошептал Гимн. – Но собираюсь выяснить. Жди здесь, пока я...

Его прервал громкий крик. Гимн подскочил. Вопли доносились с того места, где разговаривали незнакомцы, и этот голос...

– Пустите меня! – кричала Аврора. – Вы соображаете, что делаете? Я богиня!

Гимн резко выпрямился. Голос что-то сказал Авроре, но Гимн был слишком далеко, чтобы разобрать слова.

– Живо отпустите меня! – закричала Аврора. – Я...

Слова резко оборвались, сменившись криком боли.

Сердце Гимна бешено заколотилось. Он шагнул вперед.

– Ваша милость, – сказал Лларимар, выпрямляясь. – Надо идти за помощью!

– Мы и есть помощь, – ответил Гимн, делая глубокий вдох.

Удивив самого себя, он бросился бежать по тоннелю. Он быстро достиг освещенного места, обогнул угол и вышел в часть тоннеля, выложенную камнем. За пару секунд он пересек ровную каменную поверхность и ворвался в помещение, похожее на подземную темницу.

Связанная Аврора сидела на стуле. Вокруг нее стояли люди в одеждах жрецов короля-бога и несколько солдат в форме. Губы богини кровоточили, и она пыталась кричать сквозь кляп. Не ней была изысканная ночная рубашка, грязная и измятая.

Мужчины удивленно подняли головы, пораженные тем, что сюда кто-то пришел. Гимн воспользовался преимуществом неожиданности и двинул плечом ближайшего солдата. Превосходящие размеры и вес бога позволили ему с легкостью толкнуть противника, и тот врезался в стену. Встав на колени, Гимн быстро вытащил меч из ножен поверженного солдата.

– Ага! – произнес он, направляя клинок на мужчин перед собой. – Кто первый?

Солдаты тупо смотрели на него.

– Я вижу, ты! – воскликнул Гимн, делая выпад в сторону ближайшего стражника.

Он промахнулся на добрых три дюйма, действуя неуклюже и потеряв равновесие. До стражника наконец дошло, что происходит, и он обнажил собственный меч. Жрецы стали спиной к стене. Аврора, моргая сквозь слезы, выглядела потрясенной.

Ближайший к Гимну солдат атаковал, и Гимн неуклюже поднял меч, со страшной неловкостью пытаясь заблокировать удар. Вдруг упавший стражник бросился Гимну под ноги, повалив его на землю. Затем один из стоящих солдат ткнул его мечом в бедро.

Нога обагрилась кровью, такой же красной, как у любого смертного. Гимн узнал, что такое боль. Эта боль в прямом смысле была самым сильным ощущением в его короткой жизни.

Он закричал.

Сквозь слезы он увидел, как Лларимар героически пытается бороться со стражником, но его атака оказалась почти такой же неудачной, как и у Гимна. Солдаты отошли, несколько человек стали охранять тоннель, а один поднес окровавленный клинок к горлу Гимна.

«Забавно, – подумал Гимн, стискивая зубы от боли. – Все вышло не так, как я себе представлял».

Глава 53

Вивенна ждала Вашера. Тот не возвращался.

Она сидела в маленьком однокомнатном убежище – шестом по счету. Они никогда не задерживались в одном месте дольше нескольких дней. Обстановка здесь была чрезвычайно скудной – только постельные принадлежности, мешок Вашера и единственная мерцающая свеча.

Вашер сделает ей выговор за то, что она потратила свечу. Он был невероятно бережлив для человека, обладающего королевским запасом дыхания.

Вивенна продолжала расхаживать. Она знала, что, скорее всего, ей следует просто лечь спать. Вашер сам способен о себе позаботиться. Похоже, что во всем городе единственная, кто на это не способна, – это она сама.

И все же он сказал ей, что собирается разведать по-быстрому. Он хотя и был одиночкой, но, видимо, понимал ее желание быть в курсе дел, поэтому обычно ставил ее в известность о том, куда идет и когда вернется.

Она никогда не проводила бессонных ночей, ожидая Дента из его вылазок, а с Вашером она сотрудничала намного меньше времени, чем провела с наемниками. Почему же сейчас она так волнуется?

Хотя Вивенна считала Дента другом, на самом деле она никогда о нем не беспокоилась. Он был забавным и обаятельным, но далеким. Вашер же... ну, он такой, какой есть. В нем нет вероломства. Он не прячется за фальшивыми масками. Она

встречала еще только одного подобного человека: свою сестру, ту, которая вынашивает ребенка короля-бога.

«Владыка Цвета! – подумала Вивенна, продолжая мерить шагами комнату. – Как все стало таким запутанным?»

***

Вздвогнув, Сири проснулась. Из коридора доносились крики. Вскочив с кровати, она подошла к двери, приложила к ней ухо и услышала звуки борьбы. Если она собирается бежать, то, наверное, сейчас самое время. Она толкнула дверь, почему-то надеясь, что та не заперта. Напрасная надежда.

Она выругалась. До этого она уже слышала звуки борьбы – крики умирающих людей. Теперь снова. «Может, это кто-то пытается меня спасти? – с надеждой подумала она. – Но кто?»

Вдруг дверь рывком отворилась, и Сири отскочила. В дверном проеме стоял Треледис, верховный жрец короля-бога.

– Скорей, дитя, – сказал он, махнув ей рукой. – Ты должна пойти со мной.

Она отчаянно искала способ сбежать. Когда она отшатнулась от жреца, тот, выругавшись, жестом велел двум солдатам в форме городских стражников войти и схватить ее. Сири громко позвала на помощь.

– Тихо, дура! – рявкнул Треледис. – Мы пытаемся тебе помочь.

Его слова прозвучали фальшиво, и она стала отбиваться от солдат, когда те потащили ее из комнаты. Коридор был усеян телами, одни в форме стражников, другие в доспехах без опознавательных знаков, некоторые с серой кожей.

Услышав шум сражения дальше по коридору, она закричала, но солдаты грубо потянули ее в противоположном направлении.

***

Старик Чапс – так его звали, если вообще к нему обращались.

В маленькой лодке он медленно плыл по темной воде залива. Ночная рыбалка. Чтобы рыбачить в водах Т'Телира днем, нужно заплатить. Собственно, предполагалось, что ночью тоже надо платить.

Но зато ночью тебя никто не мог увидеть. Старик Чапс захихикал, опуская сеть с борта лодки. Ударяясь о борт, волны издавали характерное «плюх, плюх, плюх». Темно. Он любит темноту. Плюх... плюх... плюх...

Время от времени ему давали работу получше. Забрать у одного из трущобных лордов трупы, привязать к ногам мешок с камнями и бросить в залив. Наверное, их здесь уже сотни, течение колышет их, а груз на ногах тянет ко дну. Вечеринка пляшущих скелетов. А они все пляшут и пляшут.

А сегодня трупов нет. Очень плохо. Придется рыбачить. Рыбалка, за которую можно не платить. Бесплатная рыбалка – хорошая рыбалка.

«Нет, – сказал ему голос. – Чуть правее».

Иногда море с ним разговаривало. Убеждало плыть туда или сюда. Старик радостно направился куда ему указали. Он выходил в плавание почти каждую ночь. Они должны уже хорошенько его узнать.

«Хорошо. Опускай сеть».

Он так и сделал. В этой части залива было не очень глубоко. Он мог бросить сеть с лодки и протащить ее утяжеленный край по дну, вылавливая мелкую рыбешку, приплывшую кормиться на мелководье. Не самый лучший улов, но небо выглядит слишком опасным, чтобы удаляться от побережья. Надвигается шторм?

В его сеть что-то попало. Старик с ворчанием дернул ее. Иногда она цеплялась за обломки кораллов. Сеть оказалась тяжелой. Слишком тяжелой. Он перетащил ее через борт и открыл щиток на фонаре, рискнув осветить на добычу.

На дне лодки лежал запутавшийся в сети меч. Серебристый, с черной рукоятью.

Плюх, плюх, плюх.

«Ах, замечательно, – проговорил голос, на этот раз гораздо отчетливее. – Терпеть не могу воду. Там внизу так мокро и противно».

Застывший на месте старик Чаппс протянул руку и взял оружие. Оно оказалось таким тяжелым.

«Не думаю, что ты захочешь уничтожать зло, да? – спросил голос. – Если честно, я не знаю точно, что это означает. Просто доверю решать тебе».

Старик Чаппс ухмыльнулся.

«О, отлично, – сказал меч. – Можешь еще немного повосхищаться мной, если нужно. Но после этого нам нужно вернуться на берег».

***

Вашер с трудом пришел в себя.

Он был подвешен за запястья к крюку, вбитому в потолок каменного помещения. Вашер заметил, что его связали той же веревкой, которой он сам опутал служанку. У веревки полностью отсутствовал цвет.

Вообще все вокруг него оказалось одинаково серым. Он был раздет, за исключением коротких белых подштанников. Вашер застонал, его руки занемели от того, что запястья вывернуты под неудобным углом.

Рот ему не заткнули, но дыхания у него не осталось – в схватке пришлось потратить последнее, чтобы пробудить плащ упавшего громалы. Он опять застонал.

В углу горел фонарь, рядом с которым кто-то стоял.

– Итак, мы оба вернулись, – тихо произнес Дент.

Вашер не ответил.

– Я также все еще должен тебе за смерть Арстила, – продолжал Дент. – Я хочу знать, как ты его убил.

– В поединке, – прохрипел Вашер.

– Ты не побил его в поединке, Вашер. – Дент шагнул вперед. – Я это знаю.

– Тогда, быть может, подкрался и ударил его сзади, – сказал Вашер. – Он это заслужил.

Дент ударил его по лицу тыльной стороной руки, заставив качаться на крюке.

– Арстил был хорошим человеком!

– Когда-то. – Вашер ощутил вкус крови. – Когда-то мы все были хорошими, Дент. Когда-то.

Дент помолчал.

– Ты думаешь, твое маленькое геройское приключение исправит то, что ты натворил?

– Это лучше, чем становиться наемником, – ответил Вашер. – Работать на любого, кто заплатит.

– Я такой, каким меня сделал ты, – тихо произнес Дент.

– Та девушка тебе доверяла. Вивенна.

Дент повернулся. Свет фонаря не полностью освещал его лицо, и глаза оставались в тени.

– Так и было задумано.

– Ты ей нравился. А потом убил ее друга.

– Все немного вышло из-под контроля.

– У тебя всегда так, – заметил Вашер.

Дент поднял бровь, и на его лице в тусклом свете появилось выражение веселья.

– У меня всегда так, Вашер? У меня? Когда последний раз я разжигал войну? Убивал десятки тысяч людей? Это ты предал самого близкого друга и убил женщину, которая тебя любила.

Вашер не ответил. Какие доводы он мог привести? Что Шашара должна была умереть? Плохо было уже то, что она обнаружила приказ, создающий безжизненных из единственного дыхания. Что, если бы способ пробуждать стальные предметы, подобные Крови Ночи, начал применяться на Всеобщей войне? Чудовищные ожившие мертвецы с жаждущими крови пробужденными мечами устроили бы бойню?

Ничего из этого не имело значения для человека, видевшего, как его сестра погибла от руки Вашера. Кроме того, Вашер знал, что и сам не заслуживал доверия. Он создавал собственных монстров, чтобы сражаться в той войне. Не из пробужденной стали, как Кровь Ночи, но по-своему довольно смертоносных.

– Я собирался отдать тебя Тонку, – сказал Дент, снова отворачиваясь. – Ему нравится причинять боль. Это его слабость. У нас у всех есть слабости. Я заставил его ограничиваться животными.

Дент повернулся к нему с ножом.

– Мне всегда было интересно, что такого приятного он находит в том, чтобы причинять боль.

***

Близился рассвет. Неспособная уснуть, Вивенна отбросила одеяло и начала одеваться. Она была расстроена, но не понимала, почему. Возможно, Вашер в полном порядке. Наверняка где-нибудь кутит.

«Ну конечно, – с мрачной иронией подумала она. – Кутит. Очень на него похоже».

Раньше он никогда не задерживался на всю ночь. Что-то пошло не так. Затягивая пояс, она помедлила, глянув на мешок Вашера со сменой одежды. «С тех пор как я покинула Идрис, каждое мое дело с треском проваливается, – подумала она, продолжая

одеваться. – Я провалилась как революционерка, провалилась как нищенка и провалилась как сестра. Что мне делать? Искать его? Я даже не знаю, откуда начинать».

Она отвернулась от мешка. Неудача. Совсем не то, к чему она привыкла в Идрисе. У нее отлично получалось все, что она там делала.

«Может, именно в этом причина, – подумала она, садясь. – Моей ненависти к Халландрену. Моей настойчивости в спасении Сири, стремления занять ее место». Когда отец предпочел ей Сири, она впервые в жизни почувствовала, что недостаточно хороша. Поэтому она пришла в Т'Телир, полная решимости доказать, что проблема не в ней. А в ком-то еще. Все равно в ком. Главное, что не в ней.

Но Халландрен снова и снова доказывал, что проблема именно в ней. И теперь, после того, как она столько раз терпела неудачи, ей было трудно действовать. Если она решит действовать, то может провалиться – и это так обескураживало, что казалось предпочтительным ничего не предпринимать.

Это был верх высокомерия. Она склонила голову. Последний штрих лицемерия, украшающий ее королевские локоны.

«Ты хочешь быть умелой? – подумала она. – Хочешь научиться контролировать происходящее вокруг тебя вместо того, чтобы тобой помыкали? Тогда ты должна научиться справляться с неудачами».

Это пугало, но она понимала, что это правда. Вивенна встала, подошла к мешку Вашера и вытащила из него помятую рубашку и пару леггинсов. С манжет и отворотов обеих вещей свешивались лохмотья.

Вивенна надела то и другое, а затем еще и запасной плащ Вашера. От ткани пахло хозяином, и, как и первый плащ, он был выкроен приблизительно по очертаниям человека. Вивенна поняла по крайней мере одну причину, почему его вещи напоминают лохмотья.

Она достала пару пестрых платков.

– Защищай меня, – приказала она плащу, представляя, как он хватается людей, попытавшихся напасть на нее.

Засунула руку в рукав рубашки, она произнесла:

– Когда скажу, станьте моими пальцами и держите то, что должна держать я.

Вивенна только пару раз слышала, как Вашер отдает приказ, но еще не знала толком, как визуализировать то, что она хочет от рубашки. Она вообразила прильнувшие к ее рукам лохмотья, как видела это у Вашера.

Пробудив леггинсы, она приказала им усиливать ее ноги. Лохмотья на леггинсах начали закручиваться, и Вивенна приподняла одну за другой ступни, чтобы лохмотья обвилились вокруг подошв. Они укрепили ноги, леггинсы плотно прижались к коже.

Наконец она прикрепила меч, который дал ей Вашер. Она все еще не умела им пользоваться, хотя и научилась держать. Взять его казалось правильным.

Затем Вивенна покинула убежище.

***

Гимн редко видел, как плачут богини.

– Такого не должно было случиться, – проговорила Аврора, не замечая текущих по щекам слез. – Я держала все под контролем.

Темница под дворцом короля-бога была тесной. Вдоль двух стен стояли клетки, похожие на те, в которых держат животных. Достаточно большие, чтобы в них поместился бог. Гимн не мог понять, совпадение ли это.

Аврора всхлипнула.

– Я думала, что жрецы короля-бога на моей стороне. Мы работали вместе.

«Здесь что-то не так», – подумал Гимн, посмотрев на группу жрецов, встревоженно переговаривающихся на другом конце помещения. Лларимар понурился, сидя в соседней клетке.

Гимн перевел взгляд на Аврору.

– Как долго? – спросил он. – Как долго ты с ними работала?

– С самого начала, – ответила она. – Предполагалось, что я получу командные фразы. Мы вместе разработали план!

– Почему они напали на тебя?

Она покачала головой, опустив глаза.

– Они заявили, что я не выполнила свою часть. Что я о чем-то умолчала.

– А ты умалчивала?

Аврора отвела заплаканные глаза. Она выглядела очень неуместно в своей камере. Прекрасная женщина с божественной фигурой, в изысканном шелковом наряде, сидящая на земле за решетками. Плачущая.

«Мы должны отсюда выбраться», – подумал Гимн. Он подполз к решеткам, отделяющим его клетку от клетки Лларимара, стараясь не замечать боль в бедре, и шепотом позвал:

– Тушкан. Тушкан!

Жрец поднял голову. У него был измученный вид.

– Как взломать замок? – спросил Гимн.

Лларимар моргнул:

– Что?

– Взломать замок, – пояснил Гимн, показывая на клетку. – Может, окажется, что я умею это делать, если правильно приложу руки. Я до сих пор не понял, почему так плохо владею мечом. Но это я наверняка умею. Мне бы только вспомнить, как это.

Лларимар изумленно уставился на него.

– Может, я... – начал Гимн.

– Да что с тобой? – прошептал жрец.

Гимн помедлил.

– Чтоб тебя! – проревел Лларимар, вставая. – Ты был писцом, Гимн. Цветом проклятым писцом. Не солдатом. Не сыщиком. Не вором. Ты был счетоводом у местного ростовщика!

«Что?» – пронеслось в голове у Гимна.

– Ты был таким же идиотом, как и сейчас! – закричал Лларимар. – Ты даже не отдавал себе отчета о том, что делаешь, прежде чем просто взять и сделать! Почему ты

не можешь хотя бы изредка остановиться и спросить себя, конченный ты дурак или нет? Я тебе намекну! Обычно ответ – да!

Потрясенный Гимн отшатнулся от решетки. Лларимар! Лларимар орал!

– И каждый раз, – продолжал жрец, отвернувшись, – я попадал вместе с тобой в неприятности. Ничего не изменилось. Ты стал богом, а я, как и раньше, оказываюсь в тюрьме!

Грузный жрец плюхнулся на пол, тяжело дыша и качая головой от досады. Аврора во все глаза смотрела на них. Так же, как и жрецы.

«Что в них мне кажется странным?» – подумал Гимн, пытаясь разобраться в мыслях и эмоциях, когда жрецы подошли.

– Гимн Света, – сказал один из них, останавливаясь рядом с клеткой. – Нам нужны ваши командные фразы.

Он фыркнул:

– Сожалею, но я их забыл. Возможно, вам известна моя репутация слабоумного. Я хочу сказать, какой дурак прибежал бы сюда и так легко позволил себя захватить?

Он ухмыльнулся.

Жрец рядом с клеткой вздохнул и махнул рукой остальным. Они отперли клетку Авроры и вытащили ее. Она кричала и сопротивлялась, и Гимн улыбнулся тому, какие она доставила им проблемы. Но жрецов было шестеро, и они наконец справились с нею.

Затем один из них достал нож и перерезал ей горло.

Гимн был потрясен так, будто его на самом деле ударили. Он застыл с расширившимися глазами, в ужасе глядя на то, как из горла Авроры полилась алая кровь, пачкая красивую ночную рубашку.

Но гораздо более шокирующим был панический ужас в ее глазах. Таких прекрасных глазах.

– Нет! – закричал Гимн, бросаясь на решетку и тщетно пытаясь дотянуться до богини. Он напряг свои божественные мускулы, напирая на сталь и чувствуя, как его тело начинает дрожать. Бесполезно. Даже идеальное тело не может пробиться через сталь.

– Ублюдки! – завопил он. – Цветом проклятые ублюдки!

Он изо всех сил бил рукой по прутьям, в то время как глаза Авроры начали тускнеть.

Ее биохрома поблекла. Подобно тому, как пылающий костер угасает до огонька свечи, когда его задувают.

– Нет... – проговорил Гимн, в оцепенении оседая на колени.

Жрец пристально посмотрел на него.

– Значит, она была вам небезразлична. Сожалею, что пришлось это сделать. – Он торжественно стал на колени. – Тем не менее, Гимн Света, мы приняли решение убить ее, чтобы вы поняли, насколько все серьезно. Мне известна ваша репутация, и я знаю, что обычно вы ко всему относитесь легкомысленно. Это хорошо подходит ко многим ситуациям. А сейчас вы должны осознать, насколько все опасно. Нам пришлось

продемонстрировать вам, что мы будем убивать. Если вы не будете делать то, что мы попросим, умрут и другие.

– Сволочь... – прошептал Гимн.

– Мне нужны ваши командные фразы, – сказал жрец. – Это важно. Важнее, чем вы можете представить.

– Ты можешь их у меня выбить, – прорычал Гимн, чувствуя, как понемногу шок сменяется яростью.

– Нет, – ответил жрец, качая головой. – Мы на самом деле новички во всем этом. Мы не знаем, как правильно пытать, и нам потребуется слишком много времени, чтобы все-таки заставить вас говорить. А те, кто искушен в пытках, не стремятся сейчас с нами сотрудничать. Наемнику нельзя платить за работу вперед.

Жрец махнул рукой, и его соратники, оставив труп Авроры на земле, подошли к клетке Лларимара.

– Нет! – закричал Гимн.

– Мы серьезно, Гимн, – промолвил мужчина. – Очень, очень серьезно. Мы знаем, насколько вы дорожите своим верховным жрецом. Так знайте, что мы убьем его, если вы не сделаете то, что мы скажем.

– Почему? – спросил Гимн. – О чем вы вообще? Король-бог, которому вы служите, может приказать нам отправить армии, если ему так хочется! Его мы бы послушали. Почему вас так волнуют эти командные фразы?

Жрецы вытащили Лларимара из клетки и бросили на колени, а один из них поднес нож к его горлу.

– Красная пантера! – закричал Гимн с рыданием. – Это командная фраза. Пожалуйста, оставьте его.

Главный жрец кивнул остальным, и те вернули Лларимара в клетку, а тело Авроры оставили лежать лицом в луже крови.

– Надеюсь, вы нам не солгали, Гимн Света, – сказал главный жрец. – Мы не в игры играем. И будет прискорбно, если окажется, что вы все еще играете.

Он покачал головой.

– Мы не жестокие люди. Но мы работаем над тем, что очень важно. Не надо нас испытывать.

С этими словами он ушел. Гимн едва заметил это. Он все еще смотрел на Аврору, пытаясь убедить себя в том, что у него галлюцинация, или что богиня не настоящая, или сейчас что-то изменится, и он поймет, что все это был просто тщательно продуманный обман.

– Пожалуйста, – прошептал он. – Пожалуйста, нет...

Глава 54

– Колтун, какие слухи на улицах? – спросила Вивенна, подходя к нищему.

Тот фыркнул, подставляя кружку немногочисленным в этот предрассветный час прохожим. Колтун всегда выходил на улицу одним из первых.

– Что мне с этого будет? – спросил он.

– Да ладно, – ответила Вивенна. – Ты три раза прогонял меня с этого пяточка. Полагаю, ты мне кое-что должен.

– Я никому ничего не должен, – возразил он, косясь на прохожих единственным глазом. На месте второго глаза зияла дыра. Повязки он не носил. – А тебе тем более. Ты была подсадной уткой, а не настоящей нищенкой.

– Я... – Вивенна помедлила. – Я не была подсадной уткой, Колтун. Просто я решила, что должна узнать, на что это похоже.

– Чё?

– Жить среди вас, – пояснила она. – Я представляла, что ваша жизнь может быть нелегкой. Но не могла этого знать, на самом деле не могла, до тех пор, пока не испытаю это на себе. Поэтому я вышла на улицы с намерением пожить здесь некоторое время.

– Дурацкий поступок.

– Нет, – сказала она. – Дураки те, кто проходят мимо, даже не думая о том, каково жить таким как ты. Возможно, если бы они узнали, то дали бы тебе что-нибудь.

Вытащив из кармана один из ярких платков, она положила его в кружку.

– Денег у меня нет, но я знаю, что ты сможешь это продать.

Он хмыкнул, глядя на платок:

– Что ты имела в виду, говоря о слухах на улице?

– Беспорядки, – ответила она. – Те, что выходят за пределы обычных. Возможно, с участием пробуждающих.

– Иди в трущобы Третьего дока, – сказал Колтун. – Покрутись среди построек близ верфи. Может, там ты найдешь, что ищешь.

***

В окно пробивался свет.

«Уже утро?» – подумал Вашер. Он все еще висел на запястьях, опустив голову.

Он знал, чего ожидать от пыток. Это было для него не ново. Знал, как кричать, чтобы мучитель получил то, что хочет. Знал, как не расходовать слишком много сил на сопротивление.

Он также знал, что скорее всего ничего хорошего из этого не выйдет. Каким он будет после недели пыток? Кровь капала с его груди, пачкая подштанники. Его кожу усеивали десятки мелких порезов, смоченных лимонным соком.

Дент стоял спиной к Вашеру, а на полу вокруг него валялись окровавленные ножи.

Вашер поднял голову, заставляя себя улыбнуться.

– Что, Дент, это не так забавно, как ты думал?

Дент не повернулся.

«В нем все еще есть что-то хорошее, – подумал Вашер. – Даже после всех этих лет. Просто он подавлен. Запятнан кровью. Сломлен еще больше, чем я».

– Пытая меня, ты не вернешь ее, – сказал Вашер.

Дент повернулся, его глаза потемнели.

– Да, не верну. – Он взял другой нож.

Жрецы тащили Сири по переходам дворца. Время от времени в черных коридорах попадались трупы, и она все еще слышала в отдалении шум сражения.

Что происходит? Кто-то напал на дворец? Но кто? В какой-то момент она понадеялась, что это идрисцы – солдаты ее отца, пришедшие спасти ее, но тут же отвергла такое предположение. Противники жрецов использовали безжизненных солдат, что исключало идрисцев.

Это кто-то другой. Третья сила. И они хотят освободить ее из рук жрецов. Она надеялась, что ее призывы на помощь не остались незамеченными. Треледис и его люди быстро вели ее куда-то по дворцу через пестрые внутренние покои.

Когда они вошли в последнюю комнату, белые манжеты на платье Сири вдруг засияли разными цветами. Она с надеждой подняла голову и увидела короля-бога в окружении жрецов и слуг.

– Сезеброн! – воскликнула она, пытаясь вырваться.

Он шагнул к ней, но стражники схватили его под руки и потянули назад. «Они прикасаются к нему, – подумала Сири. – Видимость почтительности пропала. Притворяться больше не нужно».

Король-бог нахмурившись опустил взгляд на удерживающие его руки. Он попробовал вырваться, но на помощь подошел еще один солдат. Сезеброн смущенно посмотрел на стражников, потом на Сири.

– Я тоже ничего не понимаю, – сказала она.

В комнату вошел Треледис.

– Благословение Цвета, вы явились. Быстро, нам надо идти. Во дворце не безопасно.

– Треледис. – Повернувшись к жрецу, Сири пристально посмотрела на него. – Что происходит?

Он проигнорировал ее вопрос.

– Я ваша королева, – напомнила Сири. – Отвечайте!

Он и правда остановился, удивив ее, и повернулся с раздраженным видом.

– На дворец напала шайка безжизненных, Сосуд. Они пытаются добраться до короля-бога.

– Это я уже поняла, жрец, – резко бросила Сири. – Кто они?

– Мы не знаем, – ответил Треледис, отворачиваясь от нее.

В этот момент откуда-то послышались далекие крики, сопровождающиеся звуками сражения.

Треледис посмотрел в том направлении.

– Нам надо идти, – сказал он другому жрецу. Их в комнате было около десятка, вместе с шестью солдатами. – Во дворце слишком много дверей и коридоров, поэтому нас легко окружить.

– А черный ход? – спросил младший жрец.

– Если мы сможем туда добраться, – ответил Треледис. – Где отряд подкрепления, который я затребовал?

– Они не пришли, ваша милость, – произнес новый голос.

Обернувшись, Сири увидела Синепалого, входящего в дальнюю дверь с двумя ранеными солдатами. Вид у него был измученный.

– Враг захватил восточное крыло и продвигается сюда.

Треледис выругался.

– Мы должны отвести его величество в безопасное место! – сказал Синепалый.

– Без тебя знаю, – огрызнулся жрец.

– Если восточное крыло пало, – заметил другой жрец, – мы не сможем выбраться тем путем.

Сири беспомощно наблюдала за происходящим, пытаясь привлечь внимание Синепалого. Встретившись с ней взглядом, он украдкой кивнул и, улыбаясь, сказал:

– Ваша милость, мы можем бежать через тоннели.

Шум сражения приближался. Сири казалось, что бой кипит вокруг них со всех сторон.

– Возможно, – согласился Треледис, и младший жрец побежал к двери проверить.

Пришедшие с Синепалым окровавленные солдаты сидели, прислонившись к стене. Похоже, один из них не дышал.

– Нужно поторопиться, – настойчиво сказал Синепалый.

Треледис молчал. Подойдя к одному из убитых солдат, он подобрал его меч.

– Хорошо. Гендрен, возьми половину солдат и иди с Синепалым. Отведите его величество в безопасное место. – Он посмотрел на управляющего. – Если сможете, доберитесь до пристани.

– Да, ваша милость, – с облегчением ответил Синепалый.

Жрецы отпустили короля-бога, он бросился к Сири и обнял ее. Она прижалась к нему, пытаясь разобраться в своих чувствах.

Синепалый. Она поняла, что нужно идти с ним – он показал взглядом, что у него есть план, как спасти ее и короля-бога и увести их от жрецов. Тем не менее... что-то казалось ей неправильным.

Один из жрецов подозвал трех солдат и направился с ними в другой конец комнаты, чтобы выглянуть в коридор. Они жестами подозвали Сири и Сезеброна. Остальные жрецы присоединились к Треледису и с мрачными лицами подобрали оружие погибших стражников.

Потянув Сири за руку, Синепалый прошептал:

– Идемте, моя королева. Когда-то я дал вам обещание. Давайте выбираться из этой неразберихи.

– А как же жрецы? – спросила она.

Треледис взглянул на нее.

– Глупая девчонка. Иди! Нападающие движутся сюда. Если мы попадемся им на глаза, то уведем их в другом направлении. Они сочтут, что мы знаем, где король-бог.

В глазах окружающих его жрецов не было никакой надежды. Если их поймают, то перебьют.

– Идемте! – прошипел Синепалый.

Испуганный Сезеброн смотрел на нее. Она уступила Синепалому, и тот потащил ее с королем в сторону, туда, где жрец с тремя солдатами присоединились к группе слуг в коричневом. Что-то шептало в ее голове. Что-то... Гимн Света говорил ей...

«Не поднимайте много шума, пока не подготовите удар, – говорил он. – Вам надо действовать внезапно, но не казаться чересчур безобидной – невинность всегда вызывает подозрения. Хитрость в том, чтобы казаться посредственной».

Посредственной.

Это был хороший совет. Совет, который, похоже, знали другие. И понимали. Она посмотрела на Синепалого, поторапливающего ее и как всегда нервного.

«Сражение, – подумала она. – Несколько отрядов соперничали, перехватывая контроль над моей комнатой. Одна принадлежала жрецам. Вторая сила, у которой были безжизненные, – кому-то еще. И загадочная третья команда».

Кто-то в Т'Телире подталкивает королевство к войне. Но кто может получить выгоду от такого бедствия? Халландрен, который затратит огромные средства на подавление мятежей, сражаясь в битве, которую они выиграют, но, похоже, дорогой ценой? Это не имело смысла.

Кто же больше всего выиграет, если Халландрен и Идрис затеют войну?

– Подождите! – воскликнула Сири, останавливаясь. Все вдруг встало на свои места.

– Сосуд? – спросил Синепалый.

Сезеброн положил руку ей на плечо, в замешательстве глядя на нее. «Почему жрецы жертвуют собой, если они собирались убить короля? Почему бы им просто не отпустить нас, не позволить нам бежать, если безопасность короля-бога не была их первостепенной заботой?»

Посмотрев в глаза Синепалого, она обнаружила, что тот занервничал еще больше. Он побледнел, и до нее дошло.

– Каково это, Синепалый? – спросила она. – Ты из Пан-Каля, но все считают твой народ халландренцами. Народ Пан-Каля первым пришел сюда, на эти земли, но их у вас отобрали. Сейчас вы просто провинция, часть королевства завоевателей. Вы хотите быть свободными, но у вас нет собственной военной силы. И поэтому вы находитесь в таком положении. Вы не способны сражаться. Не способны освободиться. Вас тут считают людьми второго сорта. А если ваши угнетатели ввяжутся в войну, у вас может появиться выход. Шанс переломить ситуацию...

Он встретился с ней глазами и бросился бежать из комнаты.

– Что происходит, во имя Цвета? – задал вопрос Треледис.

Сири проигнорировала его, глядя в лицо короля-бога:

– Ты все время был прав, – сказала она. – Мы должны были доверять твоим жрецам.

– Сосуд? – спросил Треледис, подходя к ним.

– Мы не можем туда идти, – проговорила Сири. – Синепалый заведет нас в ловушку.

Верховный жрец открыл рот, чтобы возразить, но она строго посмотрела на него, сделав волосы темно-красными от гнева. Синепалый предал ее. Тот человек, которому она доверилась, обратившись за помощью.

– Тогда идем через передние ворота, – сказал Треледис, оглядывая пестрое собрание жрецов и раненых солдат. – И попытаемся пробиться с боем.

***

Вивенне не составило труда отыскать упомянутое нищим место. Здание – многоквартирный трущобный дом – несмотря на ранний час окружали зеваки. Люди перешептывались, толкуя о духах, смерти и призраках из моря. Вивенна остановилась поодаль, пытаясь разглядеть то, что привлекло их внимание.

Изъеденные морской солью доки находились слева от нее. Портовые трущобы, где жили и напивались портовые рабочие, были маленькой группкой строений, сгрудившихся между складами и верфями. Зачем Вашер пошел сюда? Он собирался во Двор Богов. Она решила, что, судя по всему, в здании, вокруг которого собралась толпа, произошло убийство. Люди перешептывались о призраках и Фантамах Калада, но Вивенна только покачала головой. Это было не то, что она искала. Ей придется...

«Вивенна?»

Голос был слабым, она с трудом его расслышала. И узнала.

– Кровь Ночи? – прошептала она.

«Вивенна. Забери меня».

Ее передернуло. Ей захотелось развернуться и бежать – даже от одной мысли о мече ее тошнило. Но Вашер, уходя, взял Кровь Ночи. Значит, она на правильном пути.

Зеваки говорили об убийстве. Неужели Вашер убит?

Обеспокоенная, она начала протискиваться через толпу, не обращая внимания на протестующие вопли. Поднявшись по лестнице, она проходила одну дверь за другой, в спешке чуть не пропустив ту, из-под которой змеился черный дым.

Она застыла. Затем, сделав глубокий вдох, распахнула дверь и вошла внутрь.

Комната была скудно обставлена ветхой и потертой мебелью, на полу валялся мусор и четыре трупа. Кровь Ночи торчал из груди старика с морщинистым лицом, лежавшего на боку с широко раскрытыми глазами.

«Вивенна! – радостно сказал Кровь Ночи. – Ты нашла меня! Я так рад! Я попытался уговорить их отнести меня во Двор Богов, но получилось не очень хорошо. Старикан чуть-чуть вытащил меня из ножен. Это хорошо, правда?»

Она упала на колени, чувствуя дурноту.

«Вивенна? – спросил Кровь Ночи. – Я поступил хорошо, да? Вара-Треледис швырнул меня в море, но я оттуда вернулся. Я вполне удовлетворен. Ты должна сказать мне, что я поступил хорошо».

Она не ответила.

«Ох, – произнес меч. – И Вашер пострадал, я думаю. Мы должны его найти».

Она подняла голову.

– Где? – спросила она, не уверенная в том, что меч способен хотя бы услышать ее.

«Во дворце короля-бога, – ответил Кровь Ночи. – Он пошел вызволять твою сестру. Думаю, ты ему нравишься, хотя он говорит, что нет. Он говорит, что ты раздражаешь».

Вивенна моргнула.

– Сири? Вы пошли за Сири?

«Да, но Вара-Треледис остановил нас».

– Это кто такой? – нахмурилась она.

«Ты звала его Дентом. Он брат Шашары. Интересно, она тоже здесь? Я не знаю, почему он бросил меня в воду. Я думал, что нравлюсь ему».

– Вашер... – проговорила Вивенна, поднимаясь на ноги и чувствуя головокружение от влияния меча.

Вашер в руках у Дента. Она содрогнулась, вспомнив злость в голосе наемника, когда он говорил о Вашере. Стиснув зубы, она схватила с неряшливой кровати одеяло и завернула в него Кровь Ночи так, чтобы не прикасаться к нему.

«А, – сказал меч. – Вообще-то это не обязательно. Я заставил старика почистить меня после того, как он вытащил меня из воды».

Она оставила его слова без внимания, подняла сверток, испытывая небольшую тошноту, и вышла из дома, держа путь во Двор Богов.

***

Гимн Света сидел, глядя на камни перед собой. Струйка крови Авроры затекала в трещину в камне.

– Ваша милость? – тихо позвал Лларимар.

Он стоял, прислонившись к прутьям, разделяющим их клетки.

Гимн не ответил.

– Ваша милость, я прошу прощения. Мне не следовало на вас кричать.

– Что хорошего в божественности? – прошептал Гимн.

Молчание. На противоположной стене маленькой камеры мерцали фонари. Тело Авроры не унесли, но оставили пару жрецов и безжизненных присматривать за Гимном. Плененный бог все еще был им нужен на случай, если солгал с командными фразами.

Но он не солгал.

– Что? – наконец переспросил Лларимар.

– Что в этом хорошего? – повторил Гимн. – Мы не боги. Боги так не умирают. Всего лишь небольшой надрез. Не шире моей ладони.

– Я сожалею, – сказал Лларимар. – Она была хорошей женщиной, даже среди богов.

– Она не была богиней, – возразил Гимн. – И никто из нас. Те сны лгали, если завели меня сюда. Я всегда знал правду, но никто не обращал внимания на то, что я говорю. Разве они не должны слушать того, кому поклоняются? Особенно если он просит их не поклоняться ему?

– Я... – Лларимар не находил слов.

– Они должны были видеть, – прошипел Гимн. – Должны были видеть правду обо мне! Идиот. Не бог, а писец. Глупый маленький писец, которому позволили несколько лет поиграть в бога! Трус.

– Вы не трус, – сказал Лларимар.

– Я не смог ее спасти, – продолжал Гимн. – Я ничего не смог сделать. Я просто сидел здесь и кричал. Может, если бы я был смелее, я бы присоединился к ней и взял под контроль армию. Но я колебался. И теперь она мертва.

Молчание.

– Ты был писцом, – тихо сказал Лларимар в сырой воздух. – И ты самый лучший человек, которого я знал. Ты был моим братом.

Гимн поднял голову.

Лларимар устремил взгляд сквозь прутья решетки на один из мерцающих фонарей на голой каменной стене.

– Я был жрецом, даже тогда. Я работал во дворце Ветра Добра Правдивого. Я видел, как он лгал, играя в политические игры. Чем дольше я оставался в его дворце, тем слабее становилась моя вера.

Он ненадолго замолчал, затем поднял голову.

– А потом ты умер. Погиб, спасая мою дочь. Это девушка из твоих видений, Гимн. Та самая, прекрасная девушка. Она была твоей любимой племянницей. По-прежнему была бы, я полагаю. Если бы ты не... – Он покачал головой. – Когда мы нашли тебя мертвым, я потерял надежду. Я собирался отречься от сана. Плача, я стоял на коленях возле твоего тела. И тогда Цвета засияли. Ты поднял голову, твое тело изменилось, став больше, мускулы окрепли. В тот момент я понял. Понял, что если для возвращения избран человек, подобный тебе, – человек, который умер, спасая другого, – то Радужные Тона реальны. Видения реальны. И боги настоящие. Ты вернул мне веру, Стеннимар.

Он встретился взглядом с Гимном:

– Ты бог. По крайней мере, для меня. Неважно, насколько легко тебя убить, как много у тебя дыхания или как ты выглядишь. Важно, кто ты и что ты значишь.

Глава 55

– Бой идет у главных ворот, ваше святейшество, – сказал окровавленный солдат. – Мятежники сражаются там друг против друга. Мы... у нас может получиться выбраться.

Сири почувствовала облегчение. Наконец что-то пошло как надо.

Треледис повернулся к ней.

– Если нам удастся выбраться в город, народ соберется вокруг своего короля-бога. Там мы будем в безопасности.

– Откуда они взяли столько безжизненных? – спросила Сири.

Треледис покачал головой. Они задержались в комнате перед парадным входом дворца в отчаянии и неуверенности. Прорваться через заслоны пан-кальцев было трудно.

Она посмотрела на Сезеброна. Жрецы обращались с ним как с ребенком – оказывали ему уважение, но даже не подумали спросить его мнение. Он стоял, положив руку на плечо Сири. Она видела в его глазах работу мысли, но под рукой не было ничего, на чем можно писать, чтобы их выразить.

– Сосуд, – произнес Треледис, привлекая ее внимание. – Вам нужно кое-что знать.

Она перевела взгляд на него.

– Не знаю, говорить ли об этом, – начал он, – поскольку вы не жрица. Но... если вы останетесь в живых, а мы нет...

– Говорите, – приказала она.

– Вы не сможете родить ребенка королю-богу, – сказал он. – Как возвращенный он неспособен зачинать детей. Мы так и не узнали, каким образом Первый возвращенный много лет назад смог произвести ребенка. На самом деле...

– Вы даже не думали, что ему это удалось, – ответила она. – Вы решили, что королевский род – фальсификация.

«Конечно, жрецы обсуждали записи о том, что королевский род происходит от Первого возвращенного, – подумала она. – Им бы не хотелось признать убедительность идрисских претензий на трон».

Он покраснел.

– Имеет значение то, во что верят люди. В любом случае, у нас... есть ребенок...

– Да, – согласилась Сири. – Возвращенный ребенок, которого вы хотите сделать следующим королем-богом.

Он потрясенно посмотрел на нее:

– Вы знаете?

– Вы собирались убить его, так? – прошипела она. – Забрать дыхание Сезеброна, тем самым убив его!

– Цвета, нет! – в ужасе возразил Треледис. – Как вы могли такое подумать? Нет, мы никогда не делали ничего подобного! Сосуд, король-бог просто должен отдать сокровище дыхания, которое он хранит, передать преемнику, после чего он проживет остаток жизни в мире – так долго, как пожелает. Мы заменяем короля-бога всякий раз, когда возвращается младенец. Для нас это знак того, что прежний король-бог выполнил свои обязанности и должен провести оставшуюся жизнь без этого ужасного бремени.

Она скептически посмотрела на него.

– Это глупо, Треледис. Если король-бог отдаст дыхание, он умрет.

– Нет, есть способ, – возразил жрец.

– Считается, что это невозможно.

– Не совсем. Подумайте об этом. У короля-бога два источника дыхания. Первый – присущее ему, божественное дыхание, которое сделало его возвращенным. Второй –

дыхания, данные ему из Сокровища Дарителя Мира, пятьдесят тысяч сильных дыханий. Которые он может использовать как любой пробуждающий, если точно произносит приказы. Он довольно легко может прожить без них как возвращенный. Любой из богов способен на это, если получал дыхания помимо одного в неделю для поддержания своего существования. Конечно, им придется употреблять их по одному в неделю, но они могут запастись их и использовать лишние в любое время.

– Но вы утаиваете это от богов, – заметила Сири.

– Не специально, – ответил жрец, отворачиваясь. – Просто такой необходимости не возникает. Зачем возвращенным заниматься пробуждением? У них и так есть все, что им нужно.

– За исключением знаний, – отметила Сири. – Вы держите их в неведении. Удивляюсь, что вы не отрезали языки им всем, чтобы скрыть ваши бесценные тайны.

Треледис строго посмотрел на нее.

– Вы все еще осуждаете нас. Мы делаем то, что делаем, потому что так надо, Сосуд. Содержащаяся в этом Сокровище мощь – пятьдесят тысяч дыханий – может разрушать королевства. Это слишком сильное оружие. Мы обременяем наши души божественной миссией содержать его в безопасности и не позволять использовать. Если армии Калада вернутся оттуда, куда их изгнали, мы...

Из соседнего помещения донесся какой-то звук. Треледис озабоченно посмотрел туда, а Сезеброн крепче сжал плечо Сири.

Она обеспокоенно подняла голову.

– Треледис, мне нужно знать. Как? Как Сезеброн может отдать дыхание? Он не может произносить приказы!

– Я...

Треледиса прервала группа безжизненных, ворвавшихся в помещение из двери слева. Жрец крикнул Сири бежать, но вторая группа созданий появилась с другой стороны. Выругавшись, Сири схватила Сезеброна за руку, потащила к третьей двери и распахнула ее.

Там оказался Синепалый. С мрачным видом он посмотрел ей в глаза. Рядом с ним стояли безжизненные.

Охваченная паникой, Сири отступила назад. Позади нее раздавались звуки сражения, но она полностью сосредоточилась на Синепалом в окружении безжизненных, подступающих к ней и Сезеброну. Король-бог закричал, но у лишенного языка вышел лишь бессловесный стон гнева.

Тут же подбежали жрецы. Встав между королем-богом и безжизненными, они попытались их оттеснить в отчаянном стремлении защитить его. Сири вцепилась в мужа обеими руками, глядя на то, как посреди окрасившейся кровью комнаты бесчувственные воины с серыми лицами убивают жрецов. Жрецы выскакивали один за другим, некоторые с оружием, другие просто размахивали руками в безнадежной атаке.

Она увидела, как Треледис, стиснув зубы, с глазами, полными ужаса, выскочил вперед, пытаясь атаковать безжизненного. Он умер, как и другие. И его секреты вместе с ним.

Безжизненный перешагнул через труп. Дрожащими руками Сезеброн толкнул Сири к себе за спину и вместе с ней попятился к стене, держась лицом к окровавленным монстрам. Наконец безжизненные остановились, и Синепалый обошел их, глядя мимо Сезеброна на Сири.

– А теперь, Сосуд, мы кое-куда пойдём.

***

– Сожалеею, госпожа, – сказал стражник, поднимая руку. – Доступ во Двор Богов полностью запрещен.

Вивенна заскрежетала зубами.

– Так не годится! Я немедленно должна доставить доклад богине Всематери! Или ты не видишь, сколько у меня дыхания? Я не из тех, кого ты можешь так просто прогнать!

Стражники оставались непреклонны. У ворот их было около десятка, и они останавливали каждого, кто пытался войти. Вивенна развернулась. Что бы Вашер ни сделал там прошлой ночью, похоже, это вызвало переполох. Люди толпились у ворот во Двор, требуя ответа и спрашивая, не случилось ли чего. Вивенна пробралась через толпу обратно, оставив ворота за спиной.

«Обойди их, – сказал Кровь Ночи. – Вашер никогда не спрашивал разрешения войти. Он просто заходил».

Вивенна посмотрела на плато. Узкий каменный выступ огибал внешнюю сторону стены. Стражники так отвлечены людьми, желающими войти...

Она юркнула в сторону. Было раннее утро, солнце еще не поднялось над восточными горами. На стене стояли стражники – об этом говорило ощущение жизни, но она сама находилась за пределами их обзора, когда они осматривали окрестности. Вивенна могла проскользнуть мимо них.

Она подождала, пока прошел патруль, и пробудила один из гобеленов.

– Подними меня, – сказала она, роняя обесцвеченный платок.

Извиваясь в воздухе, гобелен обернулся вокруг ее талии, а его верхний конец по-прежнему держался на стене. Подобно мускулистой руке, он поднял ее, изогнулся и доставил на верх стены. Оглядевшись, Вивенна вернула дыхание. В стороне, на некотором расстоянии, группа стражников указывала на нее.

«У тебя получается не лучше, чем у Вашера, – заметил Кровь Ночи. – Вы вообще не умеете подкрадываться! Йестил в вас бы сильно разочаровался».

Выругавшись, она снова пробудила гобелен и заставила его опустить ее во двор. Вернув дыхание, она побежала по лужайке. Людей здесь было немного, но из-за этого ее только легче было заметить.

«Дворец, – сказал Кровь Ночи. – Иди туда».

Как раз туда она и направлялась. Однако чем дольше она держала меч, тем больше понимала, что он говорит все, что взбрет в его стальной разум, не заботясь о том, чтобы его комментарии были уместными. Он походил на ребенка, без умолку болтающего и задающего вопросы.

Фасад дворца очень хорошо охранялся группой мужчин не в униформе.

«Он там, – сказал Кровь Ночи. – Я чувствую его. Третий этаж. Мы с ним там уже были».

В голову Вивенны проник образ помещения. Она нахмурилась и подумала: «А он полезен, это злое оружие уничтожения».

«Я не злой, – сказал Кровь Ночи, не оправдываясь, а просто оповещаю. Как будто напоминал ей о чем-то, что она позабыла. – Я уничтожаю зло. Думаю, мы можем уничтожить тех мужчин впереди. Они выглядят злыми. Ты должна вытащить меня».

Она почему-то сомневалась, что это хорошая идея.

«Ну давай», – сказал Кровь Ночи.

Солдаты ее заметили. Оглянувшись, она увидела, как несколько из них бегут по лужайке. «Острее, прости меня», – подумала она. Затем, стиснув зубы, швырнула Кровь Ночи прямо в одеяле стражникам перед дворцом.

Они остановились в нерешительности. Все как один смотрели на меч, выкатывающийся из одеяла, серебряные ножны заблестели на траве.

«Что ж, полагаю, это тоже сработает», – отметил Кровь Ночи, и его голос сейчас казался далеким.

Один из солдат подобрал меч. Вивенна пробежала мимо, и на нее не обратили никакого внимания. Солдаты начали сражаться.

«Туда нельзя», – подумала она, глядя на парадный вход и не желая рисковать, прорываясь через толпу сражающихся мужчин. Вместо этого она побежала к другой стороне огромного дворца. Нижние этажи были сделаны в форме ступеней из черных блоков, придававших зданию сходство с пирамидой. Выше дворец больше походил на традиционные крепости, с ровными стенами. Там есть окна, если она сможет до них добраться...

Она пошевелила пальцами рук, заставляя лохмотья на рукавах сжаться и разжаться. Затем подпрыгнула, и пробужденные леггинсы подбросили ее на несколько дополнительных футов. Потянувшись, она заставила лохмотья ухватиться за край большого черного блока. Лохмотья держали с трудом, вцепившись в камень подобно пальцам в фут длиной. Вивенна с усилием подтянулась на блок.

Солдаты внизу вопили и кричали, и Вивенна удостоила их взглядом. Схвативший Кровь Ночи стражник сражался с другими, а вокруг него извивалась маленькая струйка черного дыма. Она заметила, как мужчина отступает во дворец, а остальные последовали за ним.

«Так много зла», – посетовал Кровь Ночи, как цокающая языком хозяйка, сбивающая с потолка паутину.

Вивенна отвернулась, чувствуя легкий укол вины за то, что дала мужчинам меч. Подпрыгнув, она подтянулась на следующий блок, в то время как подошли солдаты, которые засекли ее появление на стене. Они были в цветах городской стражи, двое из них ввязались в сражение Крови Ночи, но большинство это проигнорировало.

Вивенна продолжила подниматься.

«Справа, – произнес вдали Кровь Ночи. – То окно на третьем этаже. Третье окно от тебя. Он там...»

Когда голос затих, Вивенна посмотрела вверх на указанное окно. Ей надо подняться еще на несколько блоков, затем как-то добраться до окна – целый этаж по отвесной стене. Похоже, там есть декоративные выступы, за которые можно уцепиться, но у нее начинала кружиться голова от одной мысли о подъеме по ним.

Рядом с ней в камень ударила стрела, заставив ее вздрогнуть. У нескольких стражников внизу были луки.

«Цвета!» – подумала она, подтягиваясь на следующий блок. За спиной что-то просвистело, и она вздрогнула, почувствовав, будто ее задело, но ничего не произошло. Она взобралась на очередной блок, развернулась и краем глаза увидела стрелу, застрявшую в плаще. Вздрогнув, она возблагодарила себя за решение пробудить его. Плащ выронил стрелу и стал нормальным.

«Практично», – подумала она, поднимаясь на последний блок. К тому времени как она добралась до верха, у нее заболели руки. К счастью, пробужденные «пальцы» хватались по-прежнему хорошо. Сделав глубокий вдох, она начала подниматься прямо по стене черной крепости, пользуясь выступами как ступенями.

И благоразумно решив не смотреть вниз.

***

Гимн Света уставился в пространство перед собой. Слишком много информации. Одно за другим – убийство Авроры, откровения Лларимара, предательство жрецов короля-бога.

Он сидел в темнице, обхватив себя руками, его красная с золотом мантия перепачкалась грязью, когда он полз по тоннелю, а потом и в клетке. Раненое бедро болело, но не слишком сильно и уже почти не кровоточило. Он не обращал внимания на боль. Она была ничтожной по сравнению с болью в душе.

В дальней стороне помещения тихо переговаривались жрецы. Когда он бросил на них взгляд, что-то в них показалось ему странным. Он сосредоточился на ускользящем моменте, и наконец до него дошло, что именно в них озадачивало. Он должен был увидеть это раньше. Странность касалась цвета – но не цвета их одежды, а лиц. Едва уловимая. Отличие, которое в одном человеке можно легко проигнорировать, во всех них разом приобретало закономерность.

Обычный человек ничего бы не заметил. Но для имеющего возвышения это было очевидно, если знать, на что смотреть.

Эти люди были не из Халландрена.

«Кто угодно может надеть мантию, – понял он. – Но это еще не значит, что он жрец». И действительно, по их лицам Гимн догадался, что эти люди из Пан-Каля.

Для него все сразу обрело смысл. Их всех держали за дураков.

***

– Синепалый, – требовательно спросила Сири. – Отвечай, что ты собираешься с нами сделать?

Лабиринты дворца короля-бога были запутанными, и Сири даже сейчас порой с трудом находила в них дорогу. Они спустились по лестнице, но тут же поднялись по другой.

Синепалый не ответил. Он шагал со своей обычной нервозностью, заламывая руки. Было похоже, что сражение в коридорах идет на убыль. Вообще, после того как они поднялись по лестнице, в коридорах, которыми они шли, воцарилась мертвая тишина.

Встревоженный Сезеброн держал Сири за талию. Она не знала, о чем он думает, – они не могли останавливаться, чтобы он успел что-нибудь написать. Он ободряюще улыбнулся, но она знала, что происходящее ужасает его так же, как и ее. Возможно, даже больше.

– Синепалый, ты не можешь так поступить, – резко сказала Сири лысому коротышке.

– Для нас это единственный способ добиться свободы, – произнес он, не оборачиваясь, но наконец он хотя бы ответил ей.

– Но вы не можете! – воскликнула Сири. – Идрисцы ни в чем не виноваты!

Синепалый покачал головой:

– Скольких людей моего народа вы принесли бы в жертву, если бы это означало свободу для вашего?

– Ни одного! – ответила она.

– Посмотрел бы я, что бы вы сказали, если бы мы поменялись местами, – сказал он, по-прежнему избегая смотреть ей в глаза. – Я... приношу сожаления за вашу боль. Но ваш народ не невинен. Вы такие же, как халландренцы. В ходе Всеобщей войны вы сокрушили нас, сделали обслугой и рабами. Только в самом конце, когда королевская семья сбежала, Идрис и Халландрен разделились.

– Пожалуйста, – промолвила Сири.

Вдруг Сезеброн ударил безжизненного.

Король-бог зарычал, вырываясь и пиная ногой другого солдата. Их было несколько десятков. Он посмотрел на Сири, жестом велел ей убегать. Но она не собиралась его бросать. Вместо этого она попыталась схватить Синепалого, но безжизненный оказался быстрее. Существо взяло ее за руку и крепко удерживало, даже когда она начала с ним бороться. Впереди с лестницы сошли двое мужчин в мантиях жрецов Сезеброна с фонарями в руках. Присмотревшись к ним, Сири сразу поняла, что это пан-кальцы. Они были низкорослыми и слегка отличались от халландренцев цветом кожи.

«Какой же дурой я была», – подумала она.

Синепалый слишком хорошо вел свою игру. Он с самого начала вбил клин между королевой и жрецами. Большинство страхов и волнений Сири спровоцировал он, а высокомерие жрецов их только усилило. Все это было частью плана писца – использовать ее, чтобы когда-нибудь добиться свободы для своего народа.

– У нас есть командная фраза Гимна Света, – сказал Синепалому один из подошедших мужчин. – Мы проверили, она работает, и изменили на новую. Оставшиеся безжизненные наши.

Сири бросила взгляд в сторону. Безжизненный повалил Сезеброна на пол. Тот закричал, хотя у него выходил всего лишь стон. Сири дернулась, пытаясь вырваться от безжизненного и помочь мужу. Она заплакала.

У Синепалого был усталый вид. Он кивнул своим сообщникам:

– Очень хорошо. Отдайте приказ. Пусть безжизненные выступают на Идрис.

– Будет сделано, – ответил мужчина, кладя руку на плечо писцу.

Синепалый кивнул им вслед с мрачным видом.

– О чем теперь твоя печаль? – со злостью спросила Сири.

Синепалый повернулся к ней.

– Мои друзья теперь единственные, кто знает командные фразы для халландренской армии безжизненных. Когда безжизненные уйдут в Идрис с повелением уничтожать все, что они там найдут, мои друзья покончат с собой с помощью яда. И не останется никого, кто мог бы остановить этих монстров.

«Остре... – подумала Сири, оцепенев. – Владыка Цвета...»

– Отведите короля-бога вниз, – сказал Синепалый, махнув рукой нескольким безжизненным. – Держите его пока там.

Когда Сезеброна потащили к лестнице, Синепалый вместе с Сири присоединился к пан-кальским писцам в фальшивых мантиях жрецов. Сири рванулась к королю-богу. Он продолжал сопротивляться, но безжизненные были слишком сильны. Сири слышала его нечленораздельные вопли, эхом разносящиеся над лестницей.

– Что вы с ним сделаете? – спросила Сири, чувствуя на щеках холод слез.

Синепалый покосился на нее, опять избегая смотреть ей в глаза.

– В правительстве Халландрена найдется много таких, кто увидит в нападении безжизненных политическую ошибку, и они будут искать пути остановить войну. Если Халландрен сам не ввяжется в битву, наша жертва окажется бесполезной.

– Я не понимаю.

– Мы возьмем тела Гимна Света и Авроры Соблазна – двух богов, владевших командными фразами, и бросим их в казармы безжизненных среди подобранных в городе мертвых идрисцев. Затем мы оставим труп короля-бога в темнице, чтобы его там обнаружили. Те, кто будет вести расследование, решат, что на него напали и убили идрисские наемные убийцы – мы набрали достаточно наемников из идрисских трущоб, чтобы в это было нетрудно поверить. Те из моих писцов, которые выживут этой ночью, все подтвердят.

Сири сморгнула слезы. Все будут считать, что Аврора Соблазна и Гимн Света послали армии, чтобы отомстить за смерть короля-бога.

И люди разъярятся, узнав, что король мертв.

– Мне бы хотелось не впутывать вас во все это, – сказал Синепалый, жестом показывая держащему ее безжизненному тащить ее дальше. – Мне было бы легче, если бы вы смогли не допустить беременности.

– Я не беременна! – возразила она.

– А люди думают иначе, – со вздохом ответил он, направляясь к лестнице. – И этого достаточно. Мы должны развалить это правительство и сделать так, чтобы

идрисцы разозлились и захотели уничтожить Халландрен. Думаю, ваш народ проявит себя в войне лучше, чем все говорят, особенно если безжизненные пойдут без руководства. Ваш народ устроит им засаду и даст понять, что война не будет легкой для обеих сторон.

Он посмотрел на нее.

– Если война пойдет как надо, идрисцы захотят сражаться. В противном случае они сбегут и скроются в горах. Нет, обе стороны должны ненавидеть друг друга, втягивая в битву столько союзников, сколько можно, чтобы все отвлеклись...

«И есть ли лучший способ заставить идрисцев желать войны, – подумала она с ужасом, – чем убить меня? Обе стороны воспримут смерть моего предполагаемого ребенка как объявление войны. Это будет не просто борьба за господство. Это будет изнуряющая война ненависти. Она может затянуться на десятилетия.

И никому даже в голову не придет, что наш настоящий враг – тот, кто развязал все это, – мирная, тихая провинция на юге Халландрена.

Глава 56

Вивенна повисла снаружи окна, тяжело дыша и сильно вспотев. Она заглянула внутрь. Там находились Дент и Тонк Фа. Вашер висел на вбитом в потолок крюке. Он был весь в крови и лишен биохромы, но казался живым.

«Смогу ли я остановить и Дента, и Тонк Фа?» – подумала Вивенна. Руки устали. В кармане у нее было два куска веревки, которую можно пробудить. А если она метнет веревку и промахнется? Она видела, как сражается Дент и даже не представляла, что такая быстрота возможна. Ей нужно застать его врасплох. А если она промахнется, то умрет.

«Что я делаю? – пронеслось у нее в голове. – Вишу на стене и собираюсь бросить вызов двум профессиональным бойцам?»

Ее недавнее прошлое дало ей силу отогнать страх. Они могут ее убить, но это будет быстрый конец. Она пережила предательства, смерть дорогого друга и время, когда бродила, безумная от болезни, голодная, среди ужасов жизни на улице. Она была подавлена осознанием того, что предала свой народ. Ничего большего они с ней сделать не смогут.

Почему-то эти мысли придали ей сил. Удивляясь собственной решимости, она осторожно забрала дыхание из плаща и леггинсов. Пробудив пару кусков веревки, она сказала им хватать, когда швырнет. После негромкой молитвы Остре она перемахнула через подоконник в комнату.

Вашер стонал. Тонк Фа подремывал в углу. Как только она запрыгнула, Дент с окровавленным ножом в руках мгновенно поднял голову. Выражение полнейшего потрясения на его лице почти вознаградило ее за все, через что она прошла. Она швырнула в него одну веревку, в Тонк Фа другую, а затем бросилась бежать через комнату.

Реакция Дента была мгновенной – он кинжалом разрезал веревку в воздухе. Ее обрывки извивались и дергались, но их длины не хватало, чтобы схватить что-либо. Но тот обрывок, который Вивенна бросила в Тонк Фа, сработал. Тот проснулся и закричал, когда путы стянулись вокруг его лица и шеи.

Вивенна остановилась рядом с раскачивающимся телом Вашера. Дент обнажил меч – у него это получилось быстрее, чем она смогла проследить. Ахнув, она вытащила собственный и выставила его перед собой, как учил Вашер. Дент на мгновение помедлил в удивлении.

Этого оказалось достаточно. Она замахнулась – не на Дента, а чтобы обрезать веревку, на которой висел Вашер. Он со стоном свалился, и наемник сделал выпад, пронзив дуэльным клинком ее плечо.

Она упала, задыхаясь от боли.

Дент отскочил.

– Ну надо же, принцесса, – произнес он, не теряя бдительности. – Не ожидал вас здесь увидеть.

Тонк Фа издавал сдавленные звуки, безуспешно пытаясь освободиться, ибо обвившаяся вокруг шеи веревка душила его.

Когда-то такая боль в плече обессилила бы Вивенну. Но после побоев, которые она вытерпела на улице, эта боль казалась какой-то знакомой. Она подняла голову и встретила взглядом с Дентом.

– Предполагалось, что это будет спасение? – поинтересовался Дент. – Потому что, честно говоря, я не слишком впечатлен.

Дергаясь, Тонк Фа опрокинул табурет. Дент перевел взгляд на него, потом опять на Вивенну. На мгновение повисла тишина, за исключением возни Тонк Фа. Наконец Дент, выругавшись, прыгнул к приятелю, чтобы обрезать веревку на его шее.

– Ты в порядке? – спросил Вашер.

Ее поразило то, насколько твердым был его голос, несмотря на кровоточащие раны.

Она кивнула.

– Они собираются отправить безжизненных на твою родину, – сказал он. – Мы ошибались на этот счет. Не знаю, кто за этим стоит, но думаю, что в сражении за дворец они одерживают верх.

Денту наконец удалось обрезать веревку.

– Ты должна бежать, – проговорил Вашер, выкручивая руки из пут. – Возвращайся к своему народу, скажи им, чтобы не ввязывались в битву с безжизненными. Пусть бегут через северные перевалы, прячутся в горах. Не сражайтесь и не втягивайте в войну другие королевства.

Вивенна оглянулась на Дента, который пощечинами приводил Тонк Фа в чувство. Она закрыла глаза.

– Дыхание твое – ко мне, – произнесла она, извлекая дыхание из лохмотьев на рукавах и добавляя его к своему большому запасу. Протянув руку, она коснулась плеча Вашера.

– Вивенна... – пробормотал он.

– Жизнь моя – тебе, – продолжала она. – Дыхание мое – тебе.

Мир для нее потускнел. Рядом с ней Вашер стал хватать ртом воздух, конвульсивно дергаясь от полученного дыхания. Дент вскочил и резко развернулся.

– Сделай это, Вашер, – прошептала Вивенна. – У тебя получится гораздо лучше, чем у меня.

– Упертая женщина, – сказал Вашер, подавляя конвульсии.

Он протянул руку, как будто собираясь вернуть ей дыхание, но заметил Дента.

Дент с ухмылкой поднял клинок. Вивенна зажала рукой рану на плече, чтобы остановить кровь, и стала отходить спиной вперед к окну, хотя и не представляла, что ей там делать без дыхания.

Вашер поднялся на ноги и взял меч Вивенны. На нем были только окровавленные подштанники до колен, но его стойка оказалась твердой. Он начал медленно разматывать с себя веревку, служившую ему своеобразным поясом.

«Как он это делает? – подумала Вивенна. – Откуда берет силы?»

– Мне следовало нанести тебе больше повреждений, – сказал Дент. – Потратил время, растягивая удовольствие.

Вашер фыркнул, развязывая пояс. Казалось, что Дент чего-то ждет.

– Я всегда находил забавным то, что мы истекаем кровью, как обычные люди, – заметил Дент. – Мы можем быть сильнее, можем жить дольше, но умираем точно так же.

– Не так же, – возразил Вашер, поднимая вверх клинок Вивенны. – Другие умирают с большей честью, чем мы, Дент.

Дент осклабился. Вивенна уловила в его глазах воодушевление. «Он всегда утверждал, что Вашер не мог победить своего друга Арстила в поединке, – подумала она. – Он хочет сразиться с Вашером. Хочет доказать, что Вашер не настолько хорош в бою, как он сам».

Клинки столкнулись. После стремительного обмена ударами Вивенна поняла, что это не состязание. Дент определенно был лучше. Возможно, из-за ран Вашера. Возможно, нарастающая в глазах Вашера ярость мешала ему сохранять спокойствие и сосредоточенность в схватке. Возможно, он просто был не настолько хорош, как Дент. Как бы то ни было, наблюдая за ними, Вивенна осознала, что Вашер проигрывает.

«Я проделала все это не для того, чтобы ты погиб!» – подумала она, поднимаясь, чтобы помочь.

На ее плечо легла рука, придавливая назад.

– Я так не думаю, – произнес Тонк Фа, нависая над ней. – Кстати, неплохой трюк с веревкой. Очень хитро. Я тоже знаю несколько трюков с веревками. Например, вы знаете, что веревкой можно сдирать с человека плоть?

Он наклонился, расплывшись в ухмылке.

– Юмор наемников, знаете ли.

Плащ соскользнул с его плеча, коснувшись щеки Вивенны.

«Не может быть, – подумала она. – Я сбежала от него. Я пыталась пробудить его плащ, но применила неверный приказ. Неужели он настолько глуп, что все еще его носит?»

С улыбкой она оглянулась через плечо. Вашер отступил к противоположной стене, к окну, он сильно вспотел, на пол падали капли крови. Дент опять заставил его пятиться, и Вашер залез на стол у дальней стены, пытаясь занять выгодную позицию.

Вивенна перевела взгляд на Тонк Фа, плащ которого все еще касался ее щеки.

– Дыхание твое – ко мне, – произнесла она.

И почувствовала внезапный, радостный всплеск дыхания.

– Чё? – спросил Тонк Фа.

– Ничё! – ответила она. – Просто... Нападай и хватай Дента!

Приказ отдан, визуализация сделана, плащ затрепетал. Рубашка Тонк Фа лишилась цвета, а его глаза изумленно расширились. Вдруг плащ взмыл в воздух, дернув наемника в сторону и заставив его отшатнуться от Вивенны.

«Вот почему я принцесса, а ты просто наемник», – перекатываясь, с удовлетворением подумала она.

Тонк Фа закричал. Дент развернулся на звук и завопил, когда на него обрушился огромный и очень неуклюжий пан-калец в развевающемся плаще.

Дент шарахнулся назад и налетел на Вашера, застав того врасплох. Тонк Фа закричал. Дент выругался.

А Вашер вывалился из окна.

Вивенна удивленно моргала. Это было не то, чего она хотела. Дент разрезал плащ и оттолкнул Тонк Фа.

На мгновение в комнате повисло молчание.

– Иди за нашим отрядом безжизненных! – сказал Дент. – Живо!

– Думаешь, он выжил? – спросил Тонк Фа.

– Нет, он просто выпал из окна третьего этажа, вылетел навстречу неминуемой гибели, – огрызнулся Дент. – Разумеется, он выживет! Пошли отряд к парадному входу, чтобы его задержать!

Дент взглянул на Вивенну.

– От вас, принцесса, проблем больше, чем вы того стоите.

– Как же всем нравится мне об этом твердить, – со вздохом промолвила она, снова прижимая окровавленную руку к плечу, слишком измученная, чтобы как следует испугаться.

***

Вашер летел вниз, на твердые каменные блоки, наблюдая за тем, как удаляется окно. «Чуть-чуть, – разочарованно подумал он. – Я чуть его не достал!»

Ветер свистел в ушах. Закричав от досады, Вашер сдернул с пояса веревку, Дыхание Вивенны придало ему сил.

– Хватай! – приказал он, выдергивая веревку и вытягивая цвет из окровавленных подштанников. Они посерели, и веревка обвилась вокруг голого камня стены дворца.

Она туго натянулась, и Вашер проскользил по черному как смоль блоку, замедляя падение.

– Дыхание твое – ко мне! – завопил он, когда его движение замедлилось.

Веревка упала, и он приземлился на первый блок.

– Стань моей ногой и дай мне силу! – приказал он, вытягивая цвет из крови на груди.

Веревка загнулась и, когда он прыгнул, обвилась вокруг его ноги и ступни. Он приземлился на следующий блок, футом ниже, и смотанная веревка с ее странными нечеловеческими мускулами приняла на себя тяжесть удара.

Четыре скачка – и он достиг земли. В главных воротах в окружении трупов со сконфуженным видом стояла группа солдат. Вашер понесся к ним, по пути извлекая из веревки дыхание, а с его кожи падали капли обесцвеченной полупрозрачной крови.

Он подобрал меч у павшего солдата. Мужчины перед воротами развернулись, держа оружие наготове. На любезности у Вашера не было ни времени, ни терпения. Он атаковал, поражая солдат быстрыми точными ударами. Получалось не так хорошо, как у Дента, но он не практиковался уже очень, очень давно.

К несчастью, людей было много. Может быть, даже слишком много для схватки. Вырутавшись, Вашер крутанулся, уложив еще одного. Нагнувшись, он шлепнул рукой по поясу упавшего солдата, прикасаясь одновременно к рубашке и штанам и залезая пальцем под одежду к цветному нижнему белью.

– Сражайтесь за меня, как если бы вы были мной, – приказал он, вытягивая цвет из нательной рубашки мужчины.

Развернувшись, он парировал удар меча. Сбоку обрушился другой удар, потом еще. Он не мог отражать их все.

В воздухе сверкнул меч, отражая удар, который должен был поразить Вашера. Рубашка и штаны мертвого мужчины, сами с него снявшись, стояли, держа меч. Они атаковали, как будто контролировались кем-то находящимся внутри, мастерски атакуя и блокируя удары. Вашер стал спиной к пробужденной конструкции и воспользовался возможностью сделать еще одного воина, истратив остатки дыхания.

Теперь они сражались втроем – Вашер и два комплекта пробужденной одежды. В этот момент из-за угла выскочил отряд примерно из пятидесяти безжизненных и поспешил к нему.

«Цвета!» – подумал Вашер. Зарычав от ярости, он бросился на очередного солдата и сразил его.

«Цвета, Цвета, Цвета!»

«Не богохульствуй, – произнес голос в его голове. – Шашара говорила мне, что это зло».

Вашер повернулся на звук. Тонкая струйка черного дыма вырывалась из-под закрытых парадных дверей дворца.

«Ты не хочешь сказать мне спасибо? – спросил Кровь Ночи. – Я пришел спасти тебя».

Один из комплектов одежды пал, когда солдат ловким ударом подрубил ему ногу. Вашер потянулся назад, извлекая дыхание из второго импровизированного воина, и наступил пальцем босой ноги на упавший комплект, забирая дыхание и из него. Солдаты настороженно отошли назад, более чем счастливые уступить его безжизненным.

Воспользовавшись передышкой, Вашер бросился к дверям дворца. Врезавшись плечом, он распахнул их и проскользнул внутрь.

На полу лежала большая группа убитых. Как обычно, Кровь Ночи с направленным вверх эфесом торчал в груди одного из них. Вашер промедлил лишь мгновение. Он слышал, как сзади спешат безжизненные.

Бросившись к трупу, он схватил рукоятку Крови Ночи и выдернул меч, оставив ножны в теле.

Когда он размахнулся мечом, от того брызнула волна черной жидкости, которая, подобно воде на печи, обращалась в дым прежде, чем прикоснуться к стенам или полу. Дым клубился, частично поднимаясь от клинка, а частично стекая струей на пол, подобно черной крови.

«Уничтожай! – рокотал в его голове голос Крови Ночи. – Зло должно быть уничтожено!» Руку Вашера пронзила боль, и он почувствовал, как его дыхание вытягивается, вливаясь в клинок и насыщая его голод. За то, чтобы обнажить это оружие, приходилось платить ужасную цену. Но сейчас его это вообще не волновало. Он развернулся к нападающим безжизненным и атаковал с неистовой яростью.

Каждое создание, которое он поражал клинком, немедленно вспыхивало и превращалось в дым. Один росчерк – и тела рассыпались, как пергамент, поглощаемый невидимым огнем, оставляя только большое пятно черноты в воздухе. Вашер вращался среди них, бешено разя и убивая одного безжизненного за другим. Вокруг него вихрился черный дым, а его руки скрутило болью, когда похожие на вены щупальца поднялись по рукоятке и дальше по его предплечью – как черные кровеносные сосуды, присосавшиеся к его коже, кормящиеся его дыханием.

В считанные минуты дыхание, которое дала ему Вивенна, сократилось наполовину. За это время он уничтожил все полсотни безжизненных. Солдаты снаружи застыли, наблюдая за зрелищем. Вашер стоял в густых клубах смоляного дыма. Дым медленно поднимался вверх – это было все, что осталось от уничтоженных им пятидесяти монстров.

Солдаты кинулись прочь.

Вашер с воплем бросился в глубину помещения и ударил Кровью Ночи по стене. Камень испарился так же легко, как и плоть, исчезая перед ним. Вашер прорвался через рассеивающийся черный дым в следующую комнату. Лестница его не интересовала. Он просто запрыгнул на стол и вогнал Кровь Ночи в потолок.

Круг диаметром десять футов испарился. Темный, похожий на туман дым упал вокруг Вашера как потеки краски. Он снова пробудил веревку и швырнул ее вверх, чтобы с ее помощью подтянуться на следующий этаж. Мгновением позже он повторил это действие, поднимаясь на третий этаж.

Кувыркнувшись, он прорубил стену и с ревом помчался на встречу с Дентом. Боль в руке была невообразимой, а дыхание истощилось до тревожного уровня. Когда оно закончится, Кровь Ночи его убьет.

Все окружающее становилось расплывчатым. Вашер пробился через последнюю стену и нашел комнату, в которой его пытали.

Она была пуста.

Он закричал, его рука затряслась. «Уничтожай... зло», – произнес Кровь Ночи в его голове, из его тона ушла вся беспечность, все дружелюбие. Его голос рокотал как приказ. Ужасное, нечеловеческое творение. Чем дольше Вашер держал клинок, тем быстрее уходило его дыхание.

Задыхаясь, он отшвырнул меч и упал на колени. Меч проскользил по полу, рассекая его и превращая в дым, но врезавшись в стену остановился. От клинка поднимался дым.

Вашер стоял на коленях, его рука судорожно дергалась. Черные вены на коже постепенно исчезали. Оставшегося дыхания едва хватало для первого возвышения. Еще несколько секунд – и Кровь Ночи высосал бы остальное. Вашер потряс головой, пытаясь прояснить зрение.

Что-то упало на плитки пола перед ним. Дуэльный клинок. Вашер поднял голову. – Вставай, – сказал Дент, сурово глядя на него. – Закончим начатое.

Глава 57

Синепалый привел окруженную несколькими безжизненными Сири на четвертый этаж дворца. Верхний этаж. Они вошли в помещение, роскошно декорированное насыщенными, даже для Халландрена, цветами и оттенками. Безжизненные стражники пропустили их, склоняя головы перед Синепалым.

«Все безжизненные в городе контролируются Синепалым и его писцами, – подумала она. – Но и без этого писцы обладают большой властью над чиновниками и рабочими королевства. Сознают ли халландренцы, на что они себя обрекли, низведя народ Пан-Каля на такие приниженные, но значимые позиции?»

– Мой народ на это не купится, – вырвалось у Сири, когда ее втоптали в комнату. – Они не будут сражаться с Халландреном. Они уйдут через перевалы. Найдут пристанище в горах или в одном из внешних королевств.

В передней части комнаты находился черный каменный блок в форме алтаря. Сири нахмурилась. Следом вошла группа безжизненных, несущих тела нескольких жрецов. Среди них был и труп Треледиса.

«Зачем это?» – подумала Сири.

Синепалый повернулся к ней.

– Мы сделаем то, что разгневает их наверняка. Поверьте мне. После этого, принцесса, Идрис начнет сражаться до тех пор, пока не будет уничтожен либо он, либо Халландрен.

***

В соседнюю с Гимном клетку швырнули еще кого-то. Он посмотрел туда усталым равнодушным взглядом. Это был другой возвращенный. Кого из богов они захватили на этот раз?

«Король-бог, – подумал он. – Интересно».

Гимн снова опустил взгляд. Какая разница? Он потерял Аврору. Он потерял все. Возможно, армии безжизненных уже маршируют на Идрис. Халландрен и Идрис будут сражаться, а Пан-Каль дождется возмездия. Спустя три сотни лет.

***

Вашер с трудом поднялся на ноги. В ослабевшей руке он сжимал дуэльный меч, все еще дрожа после использования Крови Ночи. Он посмотрел на Дента. Вокруг них простирался пустынный черный коридор. Вашер разрушил несколько стен. Удивительно, как еще крыша не обвалилась.

Пол устлала трупы, оставшиеся после сражения, в ходе которого люди Дента захватывали дворец.

– Я позволю тебе умереть легко, – сказал Дент, поднимая клинок. – Только скажи мне правду. Ты же никогда не побеждал Арстила в поединке, не так ли?

Вашер тоже поднял клинок. Порезы, боль в руке, измотанность после бессонной ночи... все это ослабляло его. Он продержался так долго только на адреналине, но даже для его тела это было слишком. Он не ответил.

– Будь по-твоему, – проговорил Дент, атакуя.

Вынужденный обороняться, Вашер отступил. На мечах Дент всегда был лучше. Вашеру проще давались исследования, но что вышло в итоге? Открытия, повлекшие за собой Всеобщую войну и армии монстров, убившие так много людей.

Он сражался. Сражался хорошо, он это знал, учитывая то, насколько устал. Но это не помогало. Дент пронзил клинком левое плечо Вашера – любимое место Дента для первого удара. Это позволяло его противнику, несмотря на рану, бороться дальше и затягивало схватку к удовольствию Дента.

– Ты никогда не побеждал Арстила, – прошептал Дент.

***

– Ты собираешься убить меня на алтаре, – сказала Сири.

Она стояла посреди странной комнаты, и ее крепко держал безжизненный. Другие безжизненные раскладывали на полу вокруг нее тела жрецов.

– Это бессмысленно, Синепалый. Ты не придерживаешься их религии. Зачем это делать?

Синепалый стоял поодаль с ножом в руках. Сири видела стыд в его глазах.

– Синепалый. – Она старалась говорить ровным тоном, а волосы удерживать черными. – Синепалый, ты не должен так поступать.

Наконец писец посмотрел на нее.

– Думаете, после того, что я уже сделал, еще одна смерть имеет для меня значение?

– После того, что ты сделал, – повторила она, – ты правда думаешь, что еще одна смерть будет иметь значение для вашего дела?

Он посмотрел на алтарь и ответил:

– Да. Вы знаете, какие среди идрисцев ходят слухи о том, что происходит во Дворе Богов. Ваш народ ненавидит халландренских жрецов и не доверяет им, вы толкуете об убийствах на алтарях в закоулках дворцов. Вот мы и предоставим возможность кучке идрисских наемников увидеть это, когда вы умрете. Мы продемонстрируем им, что они опоздали вас спасти, что извращенцы-жрецы уже убили вас на одном из своих нечестивых алтарей. Мы покажем им мертвых жрецов, которых мы убили, пытаясь вас спасти. Идрисцы поднимут бунт в городе. Они в любом случае готовы к отпору – мы должны благодарить за это вас. Когда халландренцы ради восстановления порядка начнут убивать идрисцев, в городе воцарится хаос и кровопролитие, равного которому не видели со времен Всеобщей войны. Ваши выжившие соотечественники вернутся на родину, чтобы обо всем рассказать. Благодаря им все узнают, что принцесса королевской крови нужна была Халландрену только для того, чтобы принести ее в жертву королю-богу. Конечно, преувеличение и глупость думать, что Халландрен способен на такие вещи, но иногда лучше всего верится в самые дикие рассказы, и идрисцы примут их за чистую монету. Вы знаете, что примут.

Она знала. В детстве она слышала подобные истории. Халландрен был непостижим для ее народа – пугающий, причудливый. Охваченная еще большим волнением, Сири начала вырываться.

Синепалый бросил на нее взгляд.

– Мне в самом деле жаль.

***

«Я ничтожество, – подумал Гимн. – Почему я не смог ее спасти? Почему не смог ее защитить?»

Он снова заплакал. Как ни странно, рядом плакал кто-то еще. Мужчина в соседней клетке. Король-бог. Сезеброн стонал от досады, ударяясь в прутья клетки. Однако он не говорил и не поносил своих пленителей.

«Интересно, почему», – подумал Гимн.

К клетке короля-бога подошли несколько человек. Вооруженные пан-кальцы с мрачными лицами.

Гимн Света понял, что ему уже все равно.

«Вы бог». Слова Лларимара все еще звучали вызовом для него. Верховный жрец лежал в своей клетке справа от своего бога, закрыв глаза от творящихся вокруг ужасов.

«Вы бог. По крайней мере для меня».

Гимн покачал головой. «Нет. Я ничтожество! Не бог. Даже не хороший человек».

«Вы... для меня...»

На него плеснуло водой. Пораженный Гимн потряс головой. Вдали, в его голове, раздался гром. Похоже, что больше никто этого не заметил.

Вокруг сгущалась темнота.

«Что?»

Он был на корабле, который качался на темной глади моря. Гимн стоял на палубе, пытаясь держаться ровно на скользких досках. В глубине души он знал, что это просто галлюцинация и он по-прежнему находится в темнице, но ощущение было реальным. Очень реальным.

Волны пенились, небо впереди пронзали молнии, и качка швырнула его лицом об стену каюты. На мачте неровно мерцал огонь фонаря, который казался слабым по сравнению с молниями, становившимися все яростнее и злее.

Гимн Света моргнул. Его лицо было прижато к какому-то рисунку на дощатой стене. Красная пантера, блестящая от дождя в свете фонаря.

«Название корабля, – вспомнил он, – «Красная пантера».

Он не был Гимном Света. Вернее, это был он, только более низкорослая и упитанная версия самого себя. Человек, привыкший быть писцом, – часами считать монеты, проверять бухгалтерские книги.

Выискивать пропавшие деньги. Вот чем он занимался. Его нанимали, чтобы проверить честность сделок и точность оплат по контрактам. Его работой было просматривать счетные книги, выискивая намеренные неточности и случайные ошибки в подсчетах. Сыщик. Только не такого рода, каким он себя представлял.

Волны плескались о борт. На носу корабля звал на помощь Лларимар, выглядевший несколькими годами моложе. Матросы бросились на призыв. Корабль не принадлежал ни Лларимару, ни Гимну Света. Они наняли его для увеселительной прогулки. Плавание под парусами было любимым делом Лларимара.

Шторм налетел неожиданно. Гимн встал и, с трудом удерживаясь на ногах, побрел, хватаясь за ограждение. По палубе прокатывались волны, и моряки старались сделать все, чтобы судно не перевернулось. Паруса унесло, остались только оборванные клочья. Вокруг Гимна трещали доски, а с правого борта в океане бурлила темная, черная вода.

Лларимар закричал брату, чтобы тот принайтовал бочонки. Гимн кивнул, схватил веревку и привязал ее конец к шлюпбалке. От удара волны он поскользнулся и чуть не свалился за ограждение.

Он застыл, вцепившись в веревку и глядя в безумную, ужасающую морскую пучину. Встряхнувшись, он привязал веревку скользким узлом. Это получилось у него само собой. Лларимар теперь довольно часто брал его с собой на морские прогулки.

Лларимар снова позвал на помощь. И неожиданно из каюты выскочила девушка, перебежала через палубу и схватила веревку с намерением помочь.

– Татара! – позвала из каюты женщина, в ее голосе прозвучал ужас.

Гимн Света поднял голову. Он узнал девушку. Он потянулся, держа веревочную петлю, и закричал, чтобы она возвращалась вниз, но его голос заглушил гром.

Девушка повернулась к нему.

Следующая волна смыла ее в океан.

Лларимар в отчаянии закричал. Гимн потрясенно наблюдал за происходящим. Его племянницу унесла черная бездна. Засосала, проглотила ее.

Такой ужасный всеобщий хаос. Ночное штормовое море. Глядя на то, как девушку увлекает бурный поток, Гимн ощутил свою бесполезность, а его сердце бешено заколотилось от ужаса. Он заметил проблески золотистых волос над водой. Слабая вспышка цвета, пронесшаяся мимо борта корабля. Через мгновение девушку поглотит пучина.

Мужчины сыпали проклятиями. Лларимар кричал. Женщина рыдала. Гимн Света просто смотрел в бурлящую бездну, в которой перемежались пена и чернота. Ужасная, ужасная чернота.

Он все еще держал в руках веревку.

Не раздумывая, он перепрыгнул через ограждение и бросился в черноту. Ледяная вода сковала его, но он начал бороться, барахтаясь посреди бури. Он почти не умел плавать. Рядом что-то проплыло.

Он ухватился за это. Ее нога. Затянув петлю вокруг лодыжки, он умудрился каким-то образом сделать тугой узел, несмотря на воду и волны. Как только у него получилось, его накрыло и унесло огромной волной. Затянуло в глубину. Он рвался вверх, к свету на поверхности. Свет становился все дальше, пока он тонул.

Вниз. В черную бездну.

Затянутый пустотой.

Он моргнул, волны становились меньше, гром – тише. Он сидел на холодных камнях в своей темнице. Его забрала пустота, но что-то отправило обратно. Он был возвращен.

Потому что увидел войну и разрушение.

Король-бог вопил от страха. Гимн видел, как фальшивые жрецы тащили Сезеброн, и смог разглядеть его рот. «У него нет языка, – понял Гимн. – Ну конечно. Чтобы не дать ему пользоваться биохромой. Это разумно».

Он посмотрел туда, где лежало красное окровавленное тело Авроры. Это было в его видении. В оставшихся утром смутных воспоминаниях ему казалось, что ее лицо раздумянилось, но теперь они прояснились. Он перевел взгляд на Лларимара, который лежал с закрытыми глазами, будто спал, – и этот образ Гимн тоже видел во сне. Он понял, что жрец зажмурился, потому что плачет.

Король-бог в тюрьме. Гимн видел и это тоже. Но, что важнее всего, он вспомнил, как стоял за блестящей, разноцветной волной света и смотрел на мир с другой стороны. И он видел, как все, что он любил, исчезает в разрушениях войны. Величайшей войны, какую знал мир, войны даже более смертоносной, чем Всеобщая.

Он вспомнил другую сторону. И вспомнил голос, спокойный и умиротворяющий, предлагающий ему возможность.

Возвратиться.

«Во имя Цвета... – подумал Гимн, поднимаясь, когда жрецы заставили короля-бога стать на колени. – Я бог».

Гимн шагнул вперед, к прутьям своей клетки. Он увидел боль и слезы на лице короля-бога и каким-то образом их понял. Сезеброн любит Сири. Гимн видел то же

самое в глазах королевы. В ней как-то вспыхнула любовь к человеку, который ее пленил.

– Вы мой король, – прошептал Гимн. – И повелитель богов.

Пан-кальцы бросили короля-бога лицом на камни. Один из жрецов занес меч. Рука Сезеброн потянулась к Гимну.

«Я видел пустоту, – подумал он. – И я вернулся».

И тогда Гимн просунул руку сквозь прутья и коснулся кисти короля-бога. Фальшивый жрец посмотрел с тревогой.

Гимн встретился с ним взглядом, широко улыбнулся, глянул на короля-бога и проговорил:

– Жизнь моя – тебе. Дыхание мое – тебе.

***

Дент рубанул, ранив Вашера в ногу.

Вашер споткнулся и упал на одно колено. Дент нанес удар, и Вашер с трудом его отразил.

Дент отступил, тряся головой.

– Вашер, ты жалок. На коленях и на пороге смерти. И все еще считаешь, что ты лучше, чем остальные из нас. Ты осуждаешь меня за то, что я стал наемником? А что еще мне было делать? Захватить королевство? Править им и затевать войны, как сделал ты?

Вашер склонил голову. Зарывав, Дент бросился вперед, заноса меч. Вашер попытался защититься, но он был слишком слаб. Дент выбил оружие из рук противника и пнул его в живот, швыряя спиной об стену.

Вашер упал. Он потерял меч, поэтому потянулся к ножу на поясе павшего солдата, но Дент шагнул к нему и придавил его руку ногой.

– Думаешь, я должен был стать тем, кем был раньше? – выплюнул Дент. – Веселым, дружелюбным парнем, которого все любят?

– Ты был хорошим человеком, – прошептал Вашер.

– Тот человек видел и творил ужасные дела, – сказал Дент. – Я пытался, Вашер. Я пытался все вернуть. Но тьма... она внутри. Я не мог от нее сбежать. Тьма даже в моем смехе. Я не смог забыть.

– Я могу тебе помочь, – произнес Вашер. – Я знаю приказы.

Дент застыл.

– Обещаю, – продолжал Вашер. – Я заберу у тебя все это, если хочешь.

Несколько мгновений Дент стоял с опущенным мечом, придавив ногой руку Вашера, и наконец покачал головой.

– Нет, я этого не заслужил. И никто из нас. Прощай, Вашер.

Он занес клинок для удара. Вашер поднял руку, прикоснувшись к ноге противника.

– Жизнь моя – тебе, дыхание мое – тебе.

Дент замер, затем пошатнулся. Пятьдесят дыханий вырвались из груди Вашера и волной хлынули в тело Дента. Они были непрошеными, но он не мог их не принять. Пятьдесят дыханий. Не много.

Но достаточно. Достаточно, чтобы заставить Дента задрожать от удовольствия. Достаточно, чтобы он упал на колени, всего на секунду потеряв контроль. И в эту секунду Вашер поднялся, выдернул кинжал из ближайшего трупа и перерезал Денту горло.

Наемник завалился на спину, его глаза широко раскрылись, а из горла хлынула кровь. Даже когда жизнь покидала его, его сотрясало наслаждение от полученного дыхания.

– Такого никто не ожидает, – прошептал Вашер, делая шаг вперед. – Дыхание стоит целого состояния. Дать его кому-то, а затем убить – значит растратить богатство, которое большинство людей даже вообразить не могут. Никто такого не ожидает.

Истекая кровью, Дент затрясся и утратил контроль. Его волосы вдруг почернели, затем стали белокурыми, затем гневно покраснели.

Наконец волосы побелели от ужаса и такими и остались. Он перестал шевелиться, жизнь улетела прочь, а с нею исчезли и старое дыхание, и новые.

– Ты хотел узнать, как я убил Арстила, – проговорил Вашер, сплевывая кровь. – Что ж, теперь знаешь.

***

Синепалый взял нож.

– Самое меньшее, что я могу, – решил он, – это убить вас сам, а не позволить сделать это безжизненным. Обещаю, что это будет быстро. Потом мы обставим все как языческий ритуал, ваша смерть должна казаться мучительной.

Он повернулся к безжизненным.

– Привяжите ее к алтарю.

Сири пыталась вырваться из рук державших ее за плечи безжизненных, но сопротивление оказалось бесполезным. Они были ужасающе сильны, а ее руки связаны.

– Синепалый, – рявкнула она, ловя его взгляд. – Я не умру привязанная к камню, будто беспомощная девица из сказок. Раз тебе нужна моя смерть, тогда позволь мне умереть стоя.

Синепалый колебался, но властность в ее голосе заставила его подчиниться. Он поднял руку, останавливая тащивших ее к алтарю безжизненных.

– Отлично, – сказал он. – Держите ее крепче.

– Ты не понимаешь, какие великолепные возможности теряешь, убивая меня, – произнесла она, когда он приблизился. – Жена короля-бога может стать замечательной заложницей. Убивать меня глупо и...

На этот раз он проигнорировал ее слова и поднес нож к ее груди, выбирая место для удара. Сири оцепенела. Она умрет. Она действительно умрет.

И после этого разразится война.

– Прошу, – прошептала она.

Он посмотрел на нее в замешательстве, затем помрачнел и отдернул кинжал. Здание затряслось.

Синепалый встревоженно перевел взгляд на своих писцов. Они растерянно качали головами.

– Землетрясение? – спросил один.

Пол начал белеть. Цвета двигались как волна солнечного света, пересекающая равнину, когда над горами восходит светило. Черный камень стен, потолка и пола обесцветился. Перепуганные жрецы отступали от этой волны, один даже перепрыгнул на ковер, чтобы не прикасаться к странным белым камням.

Синепалый озадачено посмотрел на королеву. Земля продолжала трястись, но он все равно поднял клинок, сжав его в вечно перепачканных чернилами пальцах. Сири увидела странное явление – белки его глаз преломляли свет, испуская разноцветную радугу.

Вся комната ослепительно вспыхнула красками, белые камни лучились, преломляя свет, будто призма. Дверь взорвалась, и из нее вылетела клубящаяся масса пестрых лоскутов, подобных бесчисленным щупальцам взбесившегося морского чудовища. Они крутились и вихрились, а Сири узнала в них гобелены, ковры и длинные шелковые ленты дворцового убранства.

Пробужденная ткань расшвыряла безжизненных, оборачиваясь вокруг них и поднимая монстров в воздух. Жрецы закричали, когда их схватили, а длинная фиолетовая лента рванулась вперед и обернулась вокруг руки Синепалого.

Вихрящаяся масса вздымалась, вертелась, но наконец Сири разглядела вышагивающую среди тканей фигуру. Мужчина героического телосложения, черноволосый, с бледным лицом, очень юный на вид, но на самом деле немолодой. Синепалый попытался вонзить нож в грудь Сири, но король-бог вскинул руку.

– Остановись! – отчетливо произнес он.

Синепалый застыл, изумленно уставившись на короля-бога. Кинжал выскользнул из его онемевших пальцев, когда пробужденный ковер обвился вокруг него, отгаскивая от королевы.

Остолбеневшая Сири не двигалась с места. Пробужденная Сезеброном ткань подняла его и поставила рядом с Сири, а пара маленьких шелковых платочков бросилась к стягивающим руки Сири веревкам, с легкостью развязывая их.

Освободившись, она с рыданиями обняла мужа, позволяя ему взять ее на руки.

Глава 58

Дверь чулана открылась, впуская свет факела. Связанная, с заткнутым ртом, Вивенна подняла голову и увидела в дверном проеме силуэт Вашера. Он тащил за собой Кровь Ночи, как всегда убранный в серебристые ножны.

Вашер выглядел очень усталым. Опустившись на колени, он вытащил у нее кляп.

– Ну наконец-то, – заметила она.

Слабо улыбнувшись, он сказал:

– У меня не осталось дыхания, поэтому найти тебя было трудно.

– Куда ты его все подевал? – поинтересовалась она, пока он распутывал веревки на ее руках.

– Большую их часть поглотил Кровь Ночи.

«Я не верю ему, – радостно возразил меч. – Я... правда не могу вспомнить, что произошло. Но мы убили много зла!»

– Ты его обнажил? – спросила Вивенна, когда он развязывал ей ноги.

Вашер кивнул. Вивенна потирала затекшие руки.

– А Дент?

– Мерत्व, – ответил Вашер. – Не знаю, куда подевались Тонк Фа и та женщина, Золотце. Думаю, они забрали деньги и сбежали.

– Значит, все закончилось.

Вашер кивнул и уселся, прислонившись затылком к стене.

– А мы проиграли.

Вивенна нахмурилась, морщась от боли в раненом плече.

– Ты о чем?

– Дента наняли пан-кальские писцы из дворца, – пояснил Вашер. – Они хотели развязать войну между Идрисом и Халландреном, надеясь, что это ослабит оба королевства и Пан-Каль обретет независимость.

– И что? Дент мертв.

– Как и писцы, владевшие командными фразами для армий безжизненных, – сказал Вашер. – И они уже отправили войска. Несколько часов назад безжизненные покинули город и маршируют на Идрис.

Вивенна замолчала.

– И все это сражение, все возня с Дентом были второстепенными, – продолжал Вашер, ударяясь затылком о стену. – Это отвлекло нас. Я не смог вовремя добраться до безжизненных. Война началась, и нет способа ее остановить.

***

Сезеброн вел Сири в глубину дворца, нежно заключив ее в кольцо своих рук. Вокруг них вертелись сотни извивающихся лент.

Даже при таком множестве пробужденных вещей у Сезеброна оставалось достаточно дыхания, чтобы цвета всего, к чему он приближался, становились ярче. Разумеется, это не касалось каменных стен и пола. Хотя значительная часть дворца оставалась черной, по крайней мере половина камней стали белыми.

Не серыми, как при обычном пробуждении, а именно белыми, как кость. И, побелев, теперь они реагировали на его невероятную биохрому, расщепляющую цвета. «Будто какой-то круг, – подумала Сири. – Цветное, затем белое, потом обратно цветное».

Он привел ее в камеру, и она увидела там то, о чем он предупредил заранее. Писцы, задавленные коврами, которые он пробудил, выломанные решетки, разрушенные стены. Ленты бросились от Сезеброна к трупам, накрывая их так, чтобы Сири не видела ран. Она не обратила на них особого внимания. Среди разгрома были

два тела. Лицом вниз лежала окровавленная Аврора Соблазна. И Гимн Света. Все его тело обесцветилось, будто он был безжизненным.

Его глаза были закрыты, и казалось, что он мирно спит. Рядом с ним сидел мужчина – верховный жрец Гимна, уложив на колени голову своего бога.

Жрец посмотрел на них. Он улыбнулся, хотя Сири заметила в его глазах слезы.

– Я не понимаю, – проговорила она, взглянув на Сезеброна.

– Гимн Света отдал жизнь, чтобы меня исцелить, – ответил король-бог. – Он как-то узнал, что у меня нет языка.

– Возвращенные могут исцелить только одного человека, – сказал жрец, переводя взгляд на своего бога. – Их долг решить, кого и когда. Некоторые говорят, что это цель их возвращения. Отдать жизнь за человека, который в этом нуждается.

– Я не знал его, – произнес Сезеброн.

– Он был очень хорошим человеком, – заметила Сири.

– Я это понял. Хотя я никогда с ним не говорил, он оказался достаточно благороден, чтобы отдать за меня жизнь.

Жрец улыбнулся и сказал:

– Самое удивительное, что он сделал это дважды.

«Он говорил мне, что я не могу положиться на него, – подумала Сири, слегка улыбаясь и в то же время испытывая печаль. – Он лгал в этом. Как на него похоже».

– Идем, – сказал Сезеброн. – Надо собрать моих уцелевших жрецов. Нужно найти способ не дать нашим армиям уничтожить твой народ.

***

– Вашер, должен быть способ, – сказала Вивенна. Она стояла на коленях рядом с ним.

Он попытался справиться со своей яростью, гневом на самого себя. Он пришел в город остановить войну. И опять, как когда-то, оказалось слишком поздно.

– Сорок тысяч безжизненных, – произнес он, ударяя кулаком в пол. – Я не могу остановить так много. Даже с Кровью Ночи и дыханием всех жителей города. Даже если как-то смогу их догнать, один из них нанесет удачный удар и убьет меня.

– Должен быть способ, – повторила Вивенна.

Должен быть способ.

– Раньше я тоже так думал. – Он уронил голову на руки. – Я хотел остановить их. Но к тому времени, как я понял, что произошло, было слишком поздно. Все вышло из-под контроля.

– О чем ты говоришь?

– О Всеобщей войне, – прошептал Вашер.

Молчание.

– Кто ты?

Он не открывал глаз.

«Его звали Талаксин», – сказал Кровь Ночи.

– Талаксин, – удивленно повторила Вивенна. – Кровь Ночи, но ведь это один из Пяти Ученых. Он...

Она осеклась.

– ...жил свыше трехсот лет назад, – наконец договорила она.

– Биохрома способна очень долго поддерживать человеческую жизнь, – заметил Вашер, вздыхая и открывая глаза.

Она не стала спорить.

«Они также привыкли называть его по-другому», – добавил меч.

– Если ты в само деле один из них, – сказала Вивенна, – то ты поймешь, как остановить безжизненных.

– Конечно, – вяло ответил Вашер. – С помощью других безжизненных.

– Как?

– Проще простого. Чтобы помешать этому, надо их догнать и брать по одному, а затем отменять командные фразы и давать новые. Но даже если у тебя восьмое возвышение, которое позволяет интуитивно аннулировать приказы, их смена займет много недель.

Он покачал головой.

– Мы могли бы отправить армию, чтобы с ними сразиться, но они и есть наша армия. Силы Халландрена не достаточно велики, чтобы самостоятельно сразиться с безжизненными, и они не смогут быстро добраться до Идриса. Безжизненные разобьют их за считанные дни. Безжизненные не спят, не едят и маршируют без усталости.

– Ихорный спирт, – напомнила Вивенна. – Они его израсходуют.

– Это не пища, Вивенна. Он больше похож на кровь. Им нужна новая порция, только если он вытек из пореза или испортился. Вероятно, некоторые безжизненные без ремонта выйдут из строя, но только небольшое их число.

Она помолчала.

– Ну, тогда мы пробудим собственную армию, чтобы сразиться с ними.

Он слабо улыбнулся. У него кружилась голова. Он перевязал раны – они были серьезными, но все равно в ближайшее время ему не придется сражаться. Вивенна с окровавленным плечом выглядела не намного лучше.

– Пробудить собственную армию? – переспросил он. – Во-первых, где мы возьмем дыхание? Все твое я потратил. Даже если мы найдем мою одежду, в которой запасено немного, лишь на пару сотен дыханий. По одному на одного безжизненного. Расклад сил будет далеко не в нашу пользу.

– Король-бог, – заметила она.

– Он не может использовать дыхание, – ответил Вашер. – Ему отрезали язык, когда он был ребенком.

– А нельзя каким-то образом получить у него дыхание?

Вашер пожал плечами.

– Десятое возвышение позволяет приказывать мысленно, не произнося вслух, но потребуются месяцы тренировок, чтобы научиться это делать, даже если у тебя есть учитель. Думаю, его жрецы должны знать, как это сделать, так как они могут переносить сокровище дыхания от одного короля другому, но я сомневаюсь, что они его

научили. Одна из их первостепенных обязанностей – удерживать его от использования дыхания.

– Но он по-прежнему наша главная надежда, – сказала Вивенна.

– Да? И как же ты используешь его силу? Создашь безжизненных? Ты забыла, что для этого нам нужно раздобыть сорок тысяч трупов?

Она со вздохом прислонилась спиной к стене.

«Вашер? – позвал в его голове Кровь Ночи. – Разве в прошлый раз ты не оставил здесь армию?»

Он не ответил, зато Вивенна широко раскрыла глаза. Похоже, Кровь Ночи решил отныне делиться и с нею всеми своими мыслями.

– Что это значит? – спросила она.

– Ничего, – отмахнулся Вашер.

«Нет, это не ничего, – возразил Кровь Ночи. – Я помню. Ты говорил тому жрецу, говорил позаботиться о твоём дыхании для тебя, если оно тебе снова понадобится. И ты отдал им свою армию. Она стала неподвижной. Ты назвал это даром для города. Не помнишь? Это же было только вчера».

– Вчера? – переспросила Вивенна.

«Когда прекратилась Всеобщая война, – пояснил меч. – Когда это было?»

– Он не ориентируется во времени, – бросил Вашер. – Не слушай его.

– Нет. – Вивенна изучающе посмотрела на него. – Он что-то знает.

Она на мгновение задумалась, и глаза ее широко распахнулись.

– Армия Калада, – сказала она, указывая на него. – Его фантомы. Ты знаешь, где они!

Он помедлил, но все же неохотно кивнул.

– Где?

– Здесь, в городе.

– Мы должны ими воспользоваться!

Он посмотрел на нее.

– Ты просишь меня дать Халландрену оружие, Вивенна. Ужасное оружие. Кое-что похуже того, что у них сейчас есть.

– А если их армия перебьет мой народ? – поинтересовалась она. – То, о чем ты говоришь, может сделать их еще могущественнее?

– Да.

Она замолчала.

– Все равно сделай это, – сказала она.

Он взглянул на нее.

– Прошу тебя, Вашер.

Он снова закрыл глаза, вспоминая вызванные им разрушения. Войны, которые он развязал. Все из-за тех предметов, которые он научился создавать.

– Ты дашь своим врагам такую мощь?

– Они мне не враги, – ответила она. – Даже если я их ненавижу.

Мгновение он пристально смотрел на нее и наконец встал.

– Пойдем найдем короля-бога. Конечно, если он еще жив. Тогда и посмотрим.

***

– Господин, госпожа, – произнес жрец, склонившись перед ними. – До нас доходили слухи о заговоре, целью которого станет захват дворца. Вот почему мы вас заперли. Мы хотели вас защитить!

Сири посмотрела на него и перевела взгляд на Сезеброна. Король-бог задумчиво потирал подбородок. Они признали в этом человеке настоящего жреца, а не самозванца, хотя хорошо знали в лицо только нескольких из них.

Остальных посадили под замок и послали за городской стражей, чтобы те начали разбирать завалы во дворце. Они стояли на верху дворца, и бриз раздувал волосы Сири – красные, чтобы показать ее недовольство.

– Сюда, господин, – указал стражник.

Сезеброн развернулся и подошел к краю крыши. Большая часть сопровождающих его извивающихся тканей больше не струились вокруг него, а ждали его повелений, сваленные в кучу на крыше. Сири присоединилась к мужу и различила вдали темное пятно и что-то похожее на дым.

– Армия безжизненных, – сказал стражник. – Наши разведчики подтвердили, что они маршируют на Идрис. Весь город видел, как они прошли через ворота.

– А дым? – спросила Сири.

– Пыль от их передвижения, госпожа, – ответил стражник. – Там очень много солдат.

Она посмотрела на Сезеброна. Он нахмурился.

– Я могу их остановить.

Его голос был сильнее, чем она ожидала. Глубже.

– Господин? – спросил стражник.

– С моим дыханием, – сказал Сезеброн, – я могу их догнать и использовать их одежду, чтобы связать.

– Господин, – с замешательством проговорил стражник, – их сорок тысяч. Они обрежут одежду и одержат над вами верх.

Сезеброн был настроен решительно:

– Я должен попытаться.

– Нет, – остановила Сири, кладя руку ему на грудь.

– Твой народ...

– Мы отправим гонцов, – сказала она, – они принесут наши сожаления. Мой народ сможет сбежать, укрыться от безжизненных. Мы можем послать войска на помощь.

– У нас их не много, – заметил он. – И они не доберутся туда так быстро. Твой народ в самом деле сможет сбежать?

«Нет, – подумала она, и ее сердце сжалось. – Но ты этого не знаешь, и ты достаточно неискусен, чтобы поверить, будто они смогут сбежать».

В целом ее народ может выжить, но многие погибнут. Если Сезеброн начнет сражаться с этими созданиями, его убьют, и из этого будет мало пользы. Он наделен

изумительным могуществом, но битва с таким количеством безжизненных выходит за пределы его возможностей.

Он увидел выражение ее лица и, как ни странно, правильно его истолковал.

– Ты не веришь, что им удастся уйти, – сказал он. – Ты просто стараешься меня уберечь.

«Удивительно, насколько хорошо он уже меня понимает».

– Господин, – произнес голос сзади.

Сезеброн повернулся, глядя на противоположную сторону крыши. Они пришли сюда специально затем, чтобы посмотреть на безжизненных, но еще и потому, что оба – и Сири, и Сезеброн – устали сидеть взаперти в тесных помещениях. Они захотели выбраться на открытое пространство, где к ним трудно было бы подобраться.

По лестнице поднялся стражник и подошел к ним, держа руку на мече. Он поклонился.

– Господин, там кто-то хочет вас видеть.

– Я не хочу никого видеть, – ответил Сезеброн. – Кто там?

«Удивительно, как хорошо он говорит, – подумала Сири. – У него никогда не было языка. Что такое сотворило дыхание Гимна Света? Оно сделало больше, чем исцелило тело. Оно дало ему способность пользоваться отросшим языком».

– Милорд, – сказал стражник. – Посетительница – у нее Королевские Локоны!

– Что? – изумленно переспросила Сири.

Стражник посторонился, и – поразительно! – на крышу вышла Вивенна. Или Сири решила, что это Вивенна. На ней были штаны и туника, меч на поясе, и похоже, что на плече кровоточила свежая рана. Она увидела Сири, улыбнулась, и ее волосы стали медового цвета от радости.

«Волосы Вивенны меняются? – подумала Сири. – Это не может быть она».

Но это была она. Девушка радостно рассмеялась и бросилась бежать через крышу. Несколько стражников остановили ее, но Сири жестом велела отпустить посетительницу. Вивенна подбежала и заключила сестру в объятия.

– Вивенна?

Девушка печально улыбнулась.

– Да, в основном. – Она посмотрела на Сезеброна и тихо сказала: – Я сожалею. Я пришла в город, чтобы попытаться спасти тебя.

– Очень на тебя похоже, – ответила Сири. – Но меня не нужно спасать.

Вивенна нахмурилась еще больше.

– И кто же это, Сири? – спросил Сезеброн.

– Моя старшая сестра.

– А, – сказал Сезеброн с легким сердечным поклоном. – Сири мне много о тебе рассказывала, принцесса Вивенна. Хотелось бы встретиться с тобой в лучшей обстановке.

Вивенна потрясенно уставилась на него.

– Он и правда не такой плохой, как говорили, – улыбнулась Сири. – По большей части.

– Это сарказм, – произнес Сезеброн. – Сири его любит.

Вивенна отвернулась от короля-бога.

– На нашу родину нападают.

– Знаю, – ответила Сири. – Мы над этим думаем. Я подготовлю гонцов, чтобы послать их к отцу.

– Я могу предложить кое-что получше, – сказала Вивенна. – Но вы должны мне доверять.

– Разумеется, – согласилась Сири.

– У меня есть друг, которому нужно поговорить с королем-богом, – продолжила Вивенна. – Там, где его не услышат стражники.

Сири колебалась. «Глупо, – подумала она. – Это же Вивенна. Я могу ей доверять».

Но тут же подумала, что Синепалому она тоже доверяла. Вивенна с любопытством рассматривала сестру.

– Если это поможет спасти Идрис, – произнес Сезеброн, – я его выслушаю. Кто этот человек?

***

Спустя несколько мгновений Вивенна застыла на крыше дворца рядом с королем-богом Халландрена. Сири стояла чуть поодаль, глядя вдаль на поднимаемую безжизненными пылью. Все ждали, пока солдаты обыщут Вашера и убедятся, что у него нет оружия. Он стоял на другом краю крыши с поднятыми руками, окруженный не скрывающими подозрительности стражниками. Он поступил разумно, оставив Кровь Ночи внизу и не взяв с собой другого оружия. У него даже не было дыхания.

– Твоя сестра потрясающая женщина, – сказал король-бог.

Вивенна посмотрела на него. За этого мужчину она должна была выйти замуж. Ужасное создание, которому ее предназначали. Она не ожидала, что все обернется такой милой беседой с ним.

Также она не ожидала, что он ей понравится.

Это было поспешное суждение. Она уже корила себя за них, но хотя бы научилась оставлять их открытыми для пересмотра. Она увидела доброту в его нежности к Сири. Как могли такого человека счесть ужасным королем-богом Халландрена?

– Да, – согласилась Вивенна. – Она такая.

– Я люблю ее, – сказал Сезеброн. – Ты должна это знать.

Вивенна неторопливо кивнула, глянув на Сири. «Как она изменилась, – подумала Вивенна. – Когда она стала такой царственной, научилась держаться так властно и обрела способность поддерживать волосы черными?» Ее маленькая сестренка, больше уже не маленькая, научилась носить дорогое платье. И оно ей подходит. Странно.

На другом краю крыши стражники завели Вашера за ширму, чтобы переодеть. Очевидно, они хотели убедиться в том, что на нем не будет пробужденной одежды. Спустя пару минут он вышел в одной набедренной повязке. Его грудь покрывали порезы и синяки, и Вивенна сочла постыдным, что ему пришлось подвергнуться такому унижению.

Он вытерпел это, шагая по крыше в сопровождении солдат. Сири вернулась и внимательно изучала его взглядом. Вивенне удалось лишь коротко переговорить с сестрой, но она уже могла сказать, что Сири больше не гордится тем, что она незначительная. Она в самом деле изменилась.

Вашер подошел, и Сезеброн отпустил стражников. За его спиной на север до самого Идриса простиралась джунгли. Вашер бросил взгляд на Вивенну, и она подумала, что он попросит ее уйти. Но он просто отвернулся от нее, смирившись с ее присутствием.

– Кто ты? – спросил Сезеброн.

– Тот, кто в ответе за то, что тебе отрезали язык, – сказал Вашер.

Король-бог поднял бровь.

Вашер закрыл глаза. Он ничего не говорил, не использовал дыхание и не приказывал, но неожиданно он начал светиться. Не как фонарь и не как солнце, а испуская ауру, которая делала цвета ярче. Вивенна вздрогнула, когда он стал больше. Он открыл глаза и поправил набедренную повязку, подгоняя под увеличившийся рост. Его грудь расширилась, мускулы окрепли, а неряшливая борода исчезла, оставив лицо гладко выбритым.

Его волосы стали золотистыми. Порезы на теле остались, но казались несущественными. Он выглядел... божественно. Король-бог наблюдал с интересом. Он стоял лицом к лицу перед своим собратом, богом такого же роста и телосложения.

– Меня не волнует, поверишь ты мне или нет, – произнес Вашер, и его голос звучал более благородно. – Но ты должен знать, что когда-то давно я тут кое-что оставил. Сокровище могущества, которое я обещал однажды возродить. Я отдал инструкции, как о нем позаботиться, и предостерег, чтобы им не пользовались. Похоже, что жрецы приняли это близко к сердцу.

Сезеброн удивил сестер, упав на одно колено.

– Господин, где вы были?

– Расплачивался за содеянное мною, – ответил Вашер. – Или пытался расплатиться. Это важно. Встань.

«Что происходит?» – подумала Вивенна. Сестры переглянулись. Сири, казалось, была поражена не меньше сестры.

Сезеброн встал, но его поза была полна почтения.

– У тебя безжизненные вышли из подчинения, – сказал Вашер.

– Я прошу прощения, господин, – промолвил король-бог.

Вашер смерил его взглядом и посмотрел на Вивенну. Она кивнула.

– Я ему доверяю.

– Я не о доверии, – возразил Вашер, поворачиваясь обратно к Сезеброну. – В любом случае я собираюсь тебе кое-что дать.

– Что?

– Мою армию, – ответил Вашер.

Сезеброн нахмурился.

– Но, господин, наши безжизненные ушли на Идрис.

– Нет, – сказал Вашер. – Не эта армия. Я дам тебе ту, которую оставил триста лет назад. Люди называют ее Фантомами Калада. Это сила, с помощью которой я заставил Халландрен остановить войну.

– Остановить Всеобщую войну, господин? – переспросил Сезеброн. – Вы же сделали это путем переговоров.

Вашер фыркнул:

– Ты не слишком много знаешь о войне, да?

Король-бог помедлил, затем покачал головой:

– Да.

– Так учись, – сказал Вашер, – Потому что я отдам свою армию под твое командование. Используй ее для защиты, а не для нападения. И только в случае крайней необходимости.

Король-бог молча кивнул.

Вашер посмотрел на него и вздохнул.

– Мой грех сокрыт.

– Что? – спросил Сезеброн.

– Это командная фраза, – пояснил Вашер. – Ты можешь ее использовать, чтобы отдавать приказы статуям Д'Денир, которые я оставил в городе.

– Но, господин, – возразил Сезеброн, – камень пробудить невозможно!

– А камень и не пробуждали, – ответил Вашер. – В тех статуях человеческие кости. Они безжизненные.

Человеческие кости. Вивенна почувствовала озноб. Он говорил ей, что обычно кости – не самый лучший выбор для пробуждения, потому что во время пробуждения их трудно удерживать в форме человеческого тела. А если кости заключены в камень? Камень удерживает их форму, камень защитит их от повреждений так, что их будет почти невозможно разломать? Пробужденные объекты будут гораздо сильнее, чем мускулы человека. Если безжизненных можно создать из костей, сделать достаточно сильными, чтобы передвигать валуны... Тогда вы получите солдат, которые превзойдут все ожидания.

«Цвета!» – подумала она.

– В городе несколько тысяч подлинных Д'Денир, – сказал Вашер, – и большинство из них должны все еще функционировать. Я создал их последними.

– Но в них нет ихорного спирта, – заметила Вивенна. – У них даже нет вен!

Вашер посмотрел на нее. Это был он. То же лицо, с тем же выражением. Он не изменил свои черты, чтобы быть похожим на кого-то другого. Он просто выглядел как возвращенная версия самого себя. Но что происходит?

– У нас не всегда был ихорный спирт, – сказал Вашер. – Он делает пробуждение проще и дешевле, но это не единственный способ. И многие считают, что он стал подспорьем.

Он снова посмотрел на короля-бога.

– Ты должен быстро запечатать в них новую управляющую фразу, а затем приказать им остановить другую армию. Думаю, ты найдешь этих моих фантомов... очень действенными. Оружие и правда бессильно против камня.

Сезеброн снова кивнул.

– Теперь они под твоей ответственностью, – сказал Вашер, отворачиваясь. – Управляй ими лучше, чем я.

Эпилог

На следующий день армия из тысяч каменных солдат промаршировала через городские ворота и устремилась по дороге следом за безжизненными, которые ушли днем раньше.

Вивенна стояла снаружи, подпирая городскую стену, и наблюдала за ними.

«Как часто я стояла под взорами Д'Денир, – подумала она, – не зная, что они были живыми и только ждали приказа? Все говорили, что Даритель Мира оставил статуи как дар народу, символ, чтобы напомнить о недопустимости войны». Она всегда находила это странным. Множество статуй солдат, дар, чтобы напомнить людям, как ужасна война?

И все же они были даром. Даром, который завершил Всеобщую войну.

Она повернулась к Вашеру. Держа Кровь Ночи, тот тоже подпирал городскую стену. Его тело вернулось к размерам простого смертного со всклокоченными волосами и прочими его приметам.

– Чему первому ты научил меня в пробуждении? – спросила она.

– Что мы много не знаем? – ответил он. – Что есть сотни, возможно, даже тысячи приказов, которые мы еще не открыли?

– Да, и это тоже, – сказала она и повернулась, чтобы посмотреть на марширующие вдали пробужденные статуи. – Думаю, ты был прав.

– Ты так думаешь?

Она улыбнулась:

– Они и правда способны остановить другую армию?

– Возможно. – Вашер пожал плечами. – Они достаточно быстры, чтобы догнать их – плоть безжизненных шагает не так быстро, как каменные ноги. Я когда-то видел этих существ в бою. Их трудно одолеть.

Она кивнула:

– Значит, мой народ будет спасен.

– Если только король-бог не решит использовать безжизненные статуи, чтобы завоевать Идрис.

Она фыркнула:

– Вашер, кто-нибудь говорил тебе, что ты брюзга?

«Ну наконец-то! – отозвался Кровь Ночи. – Хоть кто-то со мной согласен!»

Вашер насупился:

– Я не брюзга. Просто из меня плохой собеседник.

Она улыбнулась.

– Что ж, тогда. – Он подобрал свой мешок. – Увидимся.

С этими словами он пошел прочь от города.

Вивенна догнала его.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Иду с тобой, – ответила она.

– Ты принцесса. Оставайся с девушкой, которая управляет Халландреном, или возвращайся в Идрис, и там тебя провозгласят героиней и спасительницей. Любой из этих путей обеспечит тебе счастливую жизнь.

– Нет, – возразила она. – Я так не думаю. Даже если мой отец заберет меня, сомневаюсь, что я смогу жить счастливо в роскошном дворце или тихом городке.

– Ты передумал, проведя немного времени на дорогах. Это трудная жизнь.

– Знаю, – сказала она. – Но... Ну, все, кем я была, все, чему меня учили, было ложью, завернутой в ненависть. Я не хочу к этому возвращаться. Я не такая. Не хочу быть такой.

– Тогда какая же ты?

– Не знаю. – Она кивнула на горизонт. – Но думаю, что там я найду ответ.

Они прошли еще немного.

– Твоя семья будет о тебе беспокоиться, – наконец сказал Вашер.

– Они переживут, – ответила она.

Он просто пожал плечами:

– Ладно. На самом деле меня это не волнует.

Улыбнувшись, она подумала: «Это правда. Я не хочу возвращаться. Принцесса Вивенна мертва. Она умерла на улицах Т'Телира. У Вивенны Пробуждающей нет желания ее возвращать».

– Только, – произнесла она, когда они шли по тропе через джунгли, – я не могу понять. Который из них ты? Калад, который развязал войну, или Даритель Мира, который ее завершил?

Он ответил не сразу, но все же сказал:

– Странно, что делает с человеком история. Полагаю, люди не смогли постичь, почему я вдруг изменился. Почему я остановил сражения и почему отправил Фантомов обратно, чтобы захватить контроль над собственным королевством. Поэтому они решили, что это должны быть разные люди. Когда происходит что-то подобное, человек может запутаться в том, кто он есть на самом деле.

Она хмыкнула, соглашаясь.

– Но ты по-прежнему возвращенный.

– Ну конечно!

– А откуда ты получаешь дыхания? – спросила она. – По одному в неделю, чтобы выжить?

– Я ношу их с собой, поверх того, которое делает меня возвращенным. В большинстве случаев возвращенные представляют собой не вполне то, что о них думают люди. Они не получают автоматически сотни или тысячи дыханий.

– Но...

– Они имеют пятое возвышение, – перебил ее Вашер. – Но благодаря не количеству дыханий, а их качеству. Возвращенные имеют одно могущественное дыхание. Этого достаточно для обретения пятого возвышения. Можешь назвать его божественным дыханием. Но их тела кормятся дыханиями, как...

– Меч.

Вашер кивнул.

– Кровь Ночи нуждается в них только когда обнажен. Возвращенные поглощают одно дыхание в неделю. Поэтому если им его не дать, они, по сути, пожрут самих себя, уничтожив свое единственное дыхание. Убьют себя. Но если им давать дополнительные дыхания, помимо их единственного божественного, они будут каждую неделю кормиться ими.

– Так значит, халландренские боги могут поглощать больше, чем одно, – заключила Вивенна. – У них может быть запас дыханий, резерв, который будет поддерживать их жизнь на случай, если они не получат дыхание.

Вашер кивнул:

– Но этого не делают, чтобы, согласно их религии, заботиться о них.

– Это выглядит цинично.

Он пожал плечами.

– Значит, ты собираешься сжигать по одному дыханию каждую неделю, – заметила она. – Уменьшая наш запас?

Он кивнул:

– У меня были тысячи дыханий. Я съел их все.

– Тысячи? Но тебе бы понадобились годы и годы, чтобы...

Она осеклась. Он жил свыше трехсот лет. Если он поглощал пятьдесят дыханий в год, это складывалось в тысячи дыханий.

– Тебя дорого содержать, – заметила она. – Как тебе удастся не выглядеть как возвращенный? И почему ты не умер, когда отдал дыхания?

– Это мои секреты, – ответил он, не глядя на нее. – Хотя ты должна была понять, что возвращенные могут изменять свой облик.

Она подняла бровь.

– В тебе течет кровь возвращенного, – сказал он. – Королевское наследие. Думаешь, откуда твоя способность изменять волосы?

– Значит ли это, что я могу изменять не только мои волосы?

– Может быть. Чтобы научиться, нужно время. Когда-нибудь прогуляйся по халландренскому Двору Богов. Ты обнаружишь, что боги выглядят так, как, по их мнению, должны выглядеть. Старые выглядят старыми, героические становятся сильными, те, кто считает, что богини должны быть прекрасными, становятся неестественно чувственными. Все зависит от того, как они себя воспринимают.

«А как себя воспринимаешь ты, Вашер? – с любопытством подумала она. – Как неряшливого, грубого и неопрятного мужчину?»

Вслух она ничего не сказала, просто пошла дальше, и ее ощущение жизни позволяло чувствовать джунгли вокруг. Они разыскали плащ, рубашку и штаны Вашера, которые отобрал у него Дент. В них содержалось достаточно дыханий, чтобы поделить их между обоими и каждому достичь второго возвышения. Не так много, как то, к чему она привыкла, но гораздо больше, чем ничего.

– Кстати, куда мы идем?

– Ты слышала о Куте и Хуте? – поинтересовался он.

– Конечно, – ответила она. – Они были твоими основными противниками во Всеобщей войне.

– Кто-то пытается их восстановить, – пояснил он. – Какой-то тиран. Похоже, его завербовал еще один мой старый друг.

– Еще один? – переспросила она.

Он пожал плечами.

– Нас было пятеро. Я, Дент, Шашара, Арстил и Йестил. Похоже, что объявился Йестил.

– Он родственник Арстила? – предположила Вивенна.

– Они братья.

– Как мило.

– Знаю. Он первый научился производить ихорный спирт. Ходят слухи, что он открыл его новый вид. Более мощный.

– Еще лучше.

Некоторое время они шли молча.

«Мне скучно, – заявил Кровь Ночи. – Уделите мне внимание. Почему со мной никто не разговаривает?»

– Потому что ты раздражаешь, – фыркнул Вашер.

Меч обиделся.

– Как твое настоящее имя? – наконец спросила Вивенна.

– Мое настоящее имя? – переспросил Вашер.

– Да. Все называют тебя прозвищами. Даритель Мира. Калад. Вашер. Талаксин.

Последнее и есть твое настоящее имя, имя ученого?

Он покачал головой:

– Нет.

– Ну тогда какое?

– Не знаю, – признался он. – Я не помню, что было до того, как я был возвращен.

– Ой!

– Тем не менее, я получил имя, когда вернулся, – наконец сказал он. – Культ возвращенных – те, кто в итоге основали Халландренские Радужные Тона, нашли меня и поддерживали мою жизнь дыханиями. Они дали мне имя. Оно мне не очень нравится. Мне кажется, оно мне не подходит.

– Ну? – спросила она. – И что за имя?

– Сокрушитель Войн Миротворивый, – наконец признался он.

Она подняла бровь.

– Я не могу понять, – продолжал он, – было ли оно по-настоящему пророческим или я просто пытался ему соответствовать.

– Это имеет значение? – спросила она.

Он какое-то время шел молча, но наконец сказал:

– Нет, полагаю, что нет. Я просто хочу знать, есть ли на самом деле в возвращенных что-то возвышенное или это просто вселенская случайность.

– Наверное, нам не дано это знать.

– Наверное, – согласился он.

Повисла пауза.

– Тебя следовало назвать Любитель Ворчания Безобразный, – наконец выдала Вивенна.

– Очень по-взрослому, – парировал он. – Ты правда думаешь, что принцессе подобают выражения такого рода?

Она расплылась в улыбке.

– Меня это не волнует. И больше никогда не будет волновать!

Ars Arcanum

Таблица возвышений

Возвышение	Приблизительное количество необходимых дыханий	Эффекты возвышения
Первое	50	Распознавание ауры
Второе	200	Идеальный слух
Третье	600	Идеальное цветовое восприятие
Четвертое	1000	Идеальное ощущение жизни
Пятое	2000	Нестарение
Шестое	3500	Инстинктивное пробуждение
Седьмое	5000	Восприятие Вложенного дыхания
Восьмое	10000	Аннулирование приказов
Девятое	20000	Великое пробуждение Голосовые приказы
Десятое	50000	Преломление цвета Совершенное воззвание Неизвестно

Примечание первое. Невероятно редко люди поднимаются выше шестого возвышения, и очень немногие понимают мощь седьмого возвышения и более высоких. Их очень мало исследовали. Единственные представители восьмого и более высоких возвышений – халландренские короли-боги.

Примечание второе. Возвращенные благодаря своему дыханию достигают пятого возвышения. Существует теория, что они получают при возвращении не дополнительные две тысячи дыханий, а единственное мощное дыхание, дающее им силу первых пяти возвышений.

Примечание третье. Цифры, приведенные выше в таблице, приблизительные, так как о высших возвышениях известно очень мало. На самом деле даже на низших уровнях для достижения возвышения требуется то больше, то меньше дыханий в зависимости от обстоятельств или силы дыхания.

Примечание четвертое. Каждое дополнительное дыхание гарантирует дополнительные возможности вне зависимости от того, какого возвышения достиг пробуждающий. Чем больше у него дыханий, тем человек устойчивее к болезням и

старению, тем легче ему различать цвета, тем более естественно он учится пробуждению и сильнее его ощущение жизни.

Способности, которые дают возвышения

Распознавание ауры. Первое возвышение гарантирует человеку способность инстинктивно видеть ауру дыхания других людей. Это позволяет приблизительно оценить количество дыханий человека и их качество. Людям без возвышений гораздо труднее судить непосредственно по ауре, и они должны опираться на то, насколько глубоко изменяются цвета, попадая в ауру человека. Не имея хотя бы первого возвышения, невооруженным глазом невозможно заметить пробуждающих, имеющих меньше тридцати дыханий.

Абсолютный слух. Второе возвышение обеспечивает абсолютный слух.

Идеальное цветовое восприятие. С каждым полученным дыханием человек все лучше воспринимает цвета, пока не достигнет третьего возвышения, на котором сможет моментально и инстинктивно улавливать точные оттенки цветов и цветовые гармонии.

Идеальное ощущение жизни. На четвертом возвышении ощущение жизни у пробуждающих достигает максимальной силы.

Нестарение. На пятом возвышении устойчивость пробуждающих к старению и болезням достигает максимума. У таких людей иммунитет к большинству токсинов, включая эффекты от алкоголя, и к большинству физических заболеваний вроде головной боли, инфекций и заболеваний органов. Эти люди не стареют и становятся функционально бессмертными.

Инстинктивное пробуждение. Достигшие шестого и более высоких возвышений непосредственно понимают и могут использовать основные приказы без обучения и практики. Им легче совладать с более трудными приказами и легче их открывать.

Восприятие дыхания. Те немногие люди, которые достигли седьмого возвышения, приобретают способность узнавать ауру объектов и могут определить, когда что-нибудь с помощью дыхания посредством пробуждения подвергается Вложению.

Аннулирование приказов. Люди восьмого и более высоких возвышений приобретают способность аннулировать приказы других подвергшихся Вложению объектов, включая безжизненных. Это требует концентрации и изнуряет пробуждающего.

Великое пробуждение. Имеются сведения, что достигшие девятого возвышения способны пробуждать камень и сталь, хотя это требует больших Вложений дыхания и специальных приказов. Эта способность не изучена и не подтверждена.

Голосовые приказы. Достигшие девятого возвышения приобретают способность пробуждать предметы, не прикасаясь к ним, а только голосом.

Преломление цвета. На десятом возвышении пробуждающие достигают естественной и инстинктивной способности расщеплять свет вокруг белых предметов, создавая радужные цвета, как будто прошедшие через призму.

Совершенное воззвание. Пробуждающие на десятом возвышении могут извлекать больше цвета из предметов, которые они используют для подпитки своего искусства. После этого предметы становятся белыми, а не серыми.

Другое. Ходят слухи о других способностях, которые обеспечивает десятое возвышение, но достигшие его не понимают их или не знают о них.